

Қазақстан Республикасының білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының
Астана қаласындағы филиалы

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ. ДЕРЕКТЕР МЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Басылым 2012 жылдан бастап шығарылуда

I ТОМ

Астана
2012

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана
в г. Астана

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Издание основано в 2012 г.

I ТОМ

Астана
2012

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Branch of Institute of Archaeology named after A.Kh.Margulan in Astana

MATERIALS AND RESEARCH
ON THE ARCHEOLOGY OF KAZAKHSTAN

The edition is based in 2012

VOLUME I

Astana
2012

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ.
ДЕРЕКТЕР МЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Жалпы редакциясын басқарушы
З. САМАШЕВ

Редакциялық кеңес:

З. САМАШЕВ (төраға), К. М. БАЙПАҚОВ,
Б. А. БАЙТАНАЕВ, В. Ф. ЗАЙБЕРТ, М. ЕЛЕУОВ,
Ә. Т. ТӨЛЕУБАЕВ, А. ОҢҒАР, А. Н. ПОДУШКИН

Астана
2012

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Под общей редакцией
З. САМАШЕВА

Редакционный совет:

З. САМАШЕВ (председатель), К. М. БАЙПАКОВ,
Б. А. БАЙТАНАЕВ, В. Ф. ЗАЙБЕРТ, М. ЕЛЕУОВ,
А. Т. ТОЛЕУБАЕВ, А. ОНГАР, А. Н. ПОДУШКИН

Астана
2012

MATERIALS AND RESEARCH
ON THE ARCHEOLOGY OF KAZAKHSTAN

Under the general edition of
Z. SAMASHEV

Editorial council:

Z. SAMASHEV (chairman), K. BAIPAKOV,
B. BAYTANAYEV, V. ZAIBERT, M. ELEUOV,
A. TOLEUBAYEV, A. ONGAR, A. PODUSHKIN

Astana
2012

Қазақстан Республикасының білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының
Астана қаласындағы филиалы

Виктор Зайберт
Анатолий Плешаков
Әскербек Төлебаев

Атбасар мәдениеті

Астана
2012

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана

Виктор Зайберт
Анатолий Плешаков
Аскербек Тюлебаев

Атбасарская культура

Астана
2012

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Branch of Institute of Archaeology named after A.Kh.Margulan in Astana

Victor Zaibert
Anatoly Pleshakov
Askerbek Tyulebayev

The Atbasar Culture

Astana
2012

Виктор Зайберт

Анатолий Прусаков

Аскарбек Траубаев

Archaeological Library of Kazakhstan

УДК
ББК

Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Төлебаев Ә.Ж. Атбасар мәдениеті. – Астана: Ә.Х. Марғұлан атындағы археология Институты Астана қаласындағы филиалының Баспа тобы, 2012. – 352 б.

Зайберт В.Ф., Плешаков А.А., Тюлебаев А.Ж. Атбасарская культура. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012. – 352 с.

Кітапқа авторлардың 1970–2011 жж. аралығында еліміздің солтүстік өңірінде зерттеген 200-ден аса археологиялық нысандардан алған деректері енгізілді. Еңбекте осыдан 30 жыл уақыт бұрын В.Ф. Зайберт ашқан атбасар мәдениеті жаңадан табылған деректердің негізінде қайтадан толықтырылып сипатталады. Басылымда атбасар мәдениетінің қайнар көзі мен әрі қарай дамуы мәселелерін шешудің негізгі бағыттары белгіленген. Сондай-ақ, Солтүстік Қазақстанды мекендеген халықтардың қоғамындағы өндіргіштік экономиканың қалыптасуы, сондай-ақ, Орал-Ертіс кеңістігіндегі энеолит мәдениетінің орнығуындағы жаңа тас дәуірі ескерткіштерінің алатын орны қарастырылады.

Кітап көпшілік оқырмандарға арналған.

В книгу включены материалы более 200 археологических объектов северных регионов нашей страны, исследованных авторами в 1970–2011 гг. Атбасарская культура эпохи неолита, выделенная 30 лет назад В.Ф. Зайбертом, охарактеризована на основе новейших открытий. Намечены основные направления в решении вопросов происхождения и генезиса культуры. Рассматриваются проблемы становления производящей экономики у населения Северного Казахстана, а также роль неолита в формировании энеолитических культур Урало-Иртышского степного пространства.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Б _____

© Зайберт В.Ф., Плешаков А.А.,
Тюлебаев А.Ж., 2012

© Филиал Института археологии
им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2012

Archaeological Library of Kazakhstan

Қазақстан археологиясы бүгінгі таңда заманауи ғылыми әдістеменің негізінде, пәнаралық зерттеу, сонымен қатар жинақталған нақты деректер қорын қолдану арқылы өз дамуында едәуір ілгерілеп қана қоймай қарқынды түрде даму үстінде.

Осы тұрғыдан алғанда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Астана қаласындағы филиалы жоспарлап отырған, қолдарыңыздағы «Атбасар мәдениеті» кітабымен тұсауы кесілгелі отырған «Қазақстан археологиясы. Деректер мен зерттеулер» топтамалық басылымы әлемдік ғылымға қосылатын ауқымды үлес болмақ.

Бұл басылымның негізгі мақсаты ғылым дамуының әртүрлі кезеңінде жинақталған археологиялық материалдарды ежелгі дәуірлер мен ортағасырлардағы мәдени-тарихи үдерістерді зерттеудегі негізгі дерек көзі ретінде қолдану үшін ғылыми айналымға енгізу болып табылады.

Ұзақ жылдар бойғы зерттеулердің нәтижесінде Қазақстан территориясынан табылған далалық археологиялық деректерді жарыққа шығарудың маңызы, әсіресе жаңа ашылымдарға байланысты жүйелеу және ұғыну тәрізді кезек күттірмейтін мәселелердің туындауымен арта түсіп отыр.

Археология ғылымының тарихында адамзат мәдениетінің пайда болуы мен дамуының өзекті тұстарының шешімін табуда белгілі бір мәселенің төңірегінде өз пікірін дамытып, дәлелдеген пікірлер, ілімдер, ғылыми мектептер мен бағыттардың көп екені белгілі. Алайда, деректер мен ақпараттар көлемінің жинақталуына және ұлғаюына қарай көзқарастар өзгеріп отырады, ал ғылыми және тарихи-мәдени мәселелердің көбі сол қалпында нақты шешімін таппай қала береді.

Қазіргі таңда тарих ғылымының осал тұстарының бірі болып отырған ежелгі тарих мәселелері бойынша байыпты теориялық зерттемелер, толыққанды мәліметтердің негізінде ғана жасалуы тиіс. Дегенмен қазіргі көптеген ғылыми жарияланымдар археологиялық қазбалар нәтижесінің үзінділерін ғана пайдалаудан арыла алмай келеді. Сондықтан, көп жағдайда зерттеушілер еліміздің әртүрлі

аймақтарында әртүрлі дәуірлерде орын алған тарихи-мәдени үдерістерді жаңғырту немесе шынайы бейнесін беру мүмкіндігінен айрылады.

Қазақстан археологиясы бойынша осы топтамалық басылымның теориялық зерттемелердің деңгейін көтеруге ықпалын тигізетіні сөзсіз. Мұндай тәжірибе бұрын да болған («КСРО археологиясы бойынша деректер мен зерттеулер»). Өкінішке орай, аталмыш басылымда Қазақстан археологиясы бойынша деректер жоқтың қасы болды. Оның үстіне, аталмыш жиынтықтың соңғы томы шыққан уақыттан бері Қазақстан археологиясы жаңа мәліметтер және деректермен толықтырылып қалыптасқан көзқарастар мен қорытындыларды ертеде қайта қарауды заманымыздың өзі талап етеді.

Археология бойынша деректер мен зерттеулердің жарық көруіне Қазақстанның ғана емес, Еуразияның өзге де аймақтарындағы археолог мамандар да мүдделі болып отыр. Бұл қазіргі Қазақстан территориясын ежелде және орта ғасырларда мекен еткен тайпалар мен халықтардың осы құрлықта болған барлық тарихи үдерістерде шешуші роль атқарғандығына да байланысты. Әрине, Қазақ даласын мекен еткен ежелгі халықтардың Еуразия тарихында қандай роль атқарғанын түсініп алмай, осы үдерістер мен этномәдени жағдайларды теориялық зерттеу мүмкін емес. Осы тұрғыдан алғанда заманауи деңгейде құжатталған археологиялық материалдарды жариялау, оларды таразылау мен жаңаша түсіндіру, Қазақстанның ежелгі тарихы мен мәдениетін зерттеудің маңызды міндеттері мен өзекті мәселелерін шешудегі маңызды қадам болмақ.

Ғылыми айналымға жаңа және ұмытыла бастаған бұрынғы деректерді енгізу ежелгі Қазақ даласын мекен еткен халықтардың тарихына зерттеуші мамандардың көпшілігіне жол ашатынына кәміл сенеміз.

3. САМАШЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К I ТОМУ СЕРИЙНОГО ИЗДАНИЯ «МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА»

Археология Казахстана настоящее время переживает заметный подъем и динамичное развитие на основе современной методологии науки, применения междисциплинарных методов, особенно в накоплении фактологического материала.

Мощный прорыв в мировую археологию, без сомнения, будет достигнут и за счет планируемого филиалом Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК в г. Астана серийного издания «МИАК» («Материалы и исследования по археологии Казахстана»), которое открывается первым томом – «Атбасарская культура».

Основной целью данного издания является введение в научный оборот материалов по археологии Казахстана, полученных в разные периоды развития науки, для использования в последующем в качестве источника по изучению культурно-исторических процессов древности и средневековья.

Необходимость издания полевых археологических материалов, полученных на территории Казахстана в течение длительного периода времени, обусловлена тем, что к настоящему времени остро встал вопрос их систематизации и осмысления, особенно в свете последних открытий.

В истории археологической науки известно большое количество идей, учений, научных школ и направлений, развивающих и отстаивающих свое мнение по той или иной проблеме при решении актуальных вопросов возникновения и развития человеческой культуры. Однако по мере накопления, увеличения объема материала и информации взгляды меняются, часто «стареют», а научные и историко-культурные проблемы по-прежнему остаются далеки от окончательного решения.

Серьезные теоретические разработки по вопросам древней истории, необходимость в которых остро ощущается в современной науке, можно предпринимать, имея в своем распоряжении полный спектр данных. Однако во многих научных публикациях еще превалирует фрагментарное использование результатов археологических раскопок. Поэтому исследователю не всегда удается реконструировать или

представить объективную картину культурно-исторических процессов, которые происходили в разные эпохи в различных регионах нашей страны.

Серийное издание материалов по археологии Казахстана несомненно будет способствовать повышению уровня теоретических разработок. Подобная практика существовала раньше в СССР («Материалы и исследования по археологии СССР»). К сожалению, в советском издании археологический материал Казахстана был представлен крайне слабо, тем более что с момента издания последнего тома МИА СССР археология Казахстана достигла значительных успехов и пополнилась новыми исследованиями, открытиями, качественной источниковедческой базой, что требует в свою очередь пересмотра сформировавшихся ранее точек зрения, выводов и заключений.

В публикации материалов и результатов исследований по археологии крайне заинтересованы не только казахстанские специалисты-археологи, но и их коллеги из других регионов Евразии. Это связано с тем, что племена и народы, жившие на территории современного Казахстана в древности и в средневековье, сыграли ключевую роль в исторических процессах, протекавших на континенте. Теоретическая реконструкция этих процессов, спектра этнокультурных ситуаций, естественно, невозможна без учета и понимания той роли, которую сыграли древние народы казахских степей.

В этом плане важнейшим шагом к решению насущных задач и актуальных проблем изучения древней истории и культуры Казахстана может стать публикация документированных на современном уровне археологических материалов, их осмысление и интерпретация.

Введение в научный оборот нового и «забытого старого» материала откроет к нему доступ широкому кругу специалистов и всем интересующимся историей народов, живших в казахских степях в глубокой древности.

З. САМАШЕВ

В историографии позднего каменного века Казахстана имеется несколько основополагающих вех, одна из них – выход в свет в 1960 г. фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана», показавшего перспективу археологических исследований в республике. В 1960-е гг. начинается довольно интенсивное и систематическое изучение каменного века, получившее особый размах в 1970–1980-е гг. Активно исследования мезо-неолитических памятников проводятся последние десять лет. В результате исследований в различных районах Казахстана накоплены значительные данные, но в то же время возникло существенное отставание их публикаций от нарастающих темпов раскопок.

Издание настоящей книги, в которой изложены богатейшие материалы мезо-неолитических исследований Северо-Казахстанской и Кокшетауской археологических экспедиций, руководимых авторами данной работы, в какой-то мере гармонизирует существующую проблему.

Неолит Северного Казахстана, по меткому выражению В.М. Массона, «долгое время терялся в общих археологических характеристиках за своего рода глобальным понятием о зоне микролитовидных культур, его территория априорно включалась то в одну, то в другую культурно-историческую общность, через нее проводились смелые стрелы культурных влияний и воздействий» (отзыв В.М. Массона на кандидатскую диссертацию В.Ф. Зайберта). Объяснялось это прежде всего, конечно, слабостью источниковедческой базой северных регионов, малочисленностью кадров и другими причинами. Важным сдвигом в казахстанском неолитоведении были работы С.С. Черникова на северо-востоке Казахстана, в Павлодарском Прииртышье – Л.А. Чалой, В.К. Мерца, В.С. Волошина – в Северном и Центральном Казахстане, В.Н. Логвина – в Костанайском Приоболье, которые не только качественно, с применением современных методик, производили исследования объектов, но и дали конкретную культурно-хронологическую, историческую характеристику изучаемых ими регионов. Все авторы использовали археолого-экологические

методы, позволившие определить уровень и качество социально-культурной адаптации древнего населения в различных регионах степной и лесостепной зоны Казахстана. Конкретные примеры взаимодействия носителей археологических культур с окружающей средой зависели от ряда обстоятельств: количества и качества палеогеографических источников, профессионализма привлеченных кадров, состояния методов относительной и абсолютной хронологии. При анализе персональных материалов на историческом фоне общеевропейского пространства среди исследователей возникали собственные взгляды на ход культурогенеза. Многолетние исследования, обмен мнениями, дискуссии на страницах печати, на конференциях и совещаниях сепарировали общие тенденции в культурно-историческом развитии и локальные особенности культурных проявлений в конкретных регионах.

В середине 1960-х гг. в казахстанскую археологию пришли новые научные кадры. В Петропавловске стали работать выпускники Уральского государственного университета Г.Б. и С.Я. Здановичи, в Костанайе – их однокурсник В.В. Евдокимов. Они были выпускниками Уральской археологической школы, которой активно и плодотворно руководил В.Ф. Генинг. Можно сказать, что в 1960-е гг. археологическая деятельность археологов фанатов-одиночек сменилась комплексными исследованиями археологических коллективов. Возникает УПАСК (Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция), в которой принимали активное участие молодые археологи – студенты исторических факультетов и молодые работники культурных учреждений из различных областей Советского Союза, прилегающих к Урало-Поволжскому региону. Через УПАСК прошли многие известные сегодня археологи России, Казахстана и других стран СНГ. Активное движение молодых археологов, взаимная передача информации, заимствование, желание перенимать полезный опыт других, постоянные контакты молодых и маститых ученых приносили свои профессиональные плоды. Сегодня можно сказать, что УПАСК была археологическим университетом, в основе которого

лежали принципы доступности информации, коллективная и командная исследовательская деятельность, обмен опытом и профессиональный контакт между представителями археологической науки и другими направлениями.

Свою деятельность в 1967 г. Северо-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством Г.Б. Здановича начала с постановки ряда задач: первая – изучение географии и исторической топографии Петропавловского Приишимья; вторая – создание археологической карты акватории Ишима; третья – комплексные исследования памятников широкими площадями в местах концентрации объектов; создание периодизации, хронологии и определение культурной принадлежности. Директор Северо-Казахстанского областного музея К.С. Ушков, радушно встретив молодую чету и приняв их на работу, сказал им: «Ребята, мы строим новую экспозицию, и у нас нет археологических материалов. Найдите хотя бы один андроновский сосуд, чтобы отразить эпоху бронзы».

Уже в первый год работы экспедиции начались кустовые комплексные исследования у сел Явленка, Бишкуль, Покровка, и были получены первые представления об особенностях артефактов каменного, бронзового и железного веков. В начале 1970-х гг. приступил к специальным исследованиям стоянок среднего и позднего каменного веков отряд экспедиции, руководимый В.Ф. Зайбертом. Десятилетние исследования мезо-неолитических памятников в различных районах Приишимья (Явленский, Виноградовский, Тельманский, Акканский, Кургальжинский) позволили собрать обширную информацию в виде планиграфических и топографических наблюдений, хорошо документированных многочисленных комплексов артефактов (десятки тысяч единиц) и приступить к процедуре теоретического осмысления богатого археологического материала в рамках аспирантуры Института археологии Академии наук СССР, через которую прошли многие специалисты Урало-Казахстанской археологической экспедиции. Через демонстрацию и обсуждение полевых материалов на секторе неолита и бронзы перед маститыми учеными

О.Н. Бадером, Н.Я. Мерпертом, А.А. Формозовым, Д.А. Крайновым, М.Ф. Косаревым, С. Ошибкиной, В.Ф. Старковым, Г.Н. Матюшиным, Титовым и другими, а также в индивидуальных консультациях с этими учеными приходило понимание того, что оценка археологического источника, уровень его информационной достоверности требуют высокой профессиональной подготовки и объективной экспертной оценки. Основные практические выводы, следующие из систематизации инвентаря памятников атбасарской культуры, базировались на коллективном мнении выдающихся специалистов в области первобытной археологии в целом и энеолита в частности. К таким выводам относятся, во-первых, вхождение памятников атбасарской культуры в микролитическую культурную зону Евразии в его Урало-Иртышском варианте; второе – правомерность выделения атбасарской культуры в ее трех этапах и двух вариантах в рамках VI–III тыс. до н.э.; формирование в рамках неолита Северного Казахстана истоков производящего хозяйства в виде элементов скотоводства в многоотраслевой экономике.

Параллельные исследования позднекаменного века в регионах Урало-Иртышского междуречья выявляли общие и местные культурные особенности. В этой связи хотелось бы сказать о проблеме владения качественным сравнительным, археологическим и историческим анализами. Сравнительный анализ двух артефактов археологических объектов или культур требует от специалистов знаний контекстов археологического, исторического, экологического, культурологического, мировоззренческого, социального. Чем объемнее информация о контекстах, тем выше уровень верификации того или иного вывода. Большое значение при теоретизации археологического материала имеет и профессиональная подготовка в рамках исторической школы той страны, в которой ведутся исследования. В историографии неолитоведения мы видим более или менее сложившуюся современную ситуацию с исследованиями мезо-неолитических памятников и культур – повышение интереса к изучению позднекаменного века в связи с тем,

что активное изучение энеолитических памятников ботайской и терсекской культур поставило актуальные вопросы происхождения энеолита Казахстана. При всех возможных миграционных импульсах и культурных инновациях сложение энеолита, по всей вероятности, происходило на местной основе. (Под словом «местный» мы понимаем природно-исторический регион, каким являлось Урало-Иртышское междуречье.) В определенной мере фундаментальный материал памятников атбасарской культуры является основой для такого утверждения. Продолжавшиеся в 1980–2000-е гг. в основном разведочные работы по исследованию атбасарской культуры выявили в целом аналогичный материал ранее изученным. Ряд памятников имеет культурные слои и перспективен для раскопок. В какой-то мере оконтуриваются более четкие границы атбасарской культуры.

Естественно, при формировании материалов книги авторы учитывали полезные для них критические замечания коллег, а также современные тенденции в методологии науки. Одним из важных аспектов археологического исследования является реконструкция экономической подосновы культуры, как условие – форма и результат адаптации социума к окружающей среде. Правомерно считать, что становление и распространение производящего хозяйства в разных районах евразийских степей шло различными путями, и пути эти были обусловлены конкретными природными и социально-экономическими условиями, а также направленностью культурных связей. Материалы с территории урало-казахстанских степей, полученные в 1970–1980-х гг., позволили наполнить некоторым реальным содержанием общую картину становления производящего хозяйства применительно к одному из глубинных регионов степной Евразии. В общности путей социально-экономического развития Урало-Казахстанского региона особенно убеждает исследование памятников ботайской, терсекской, сургандинской (кысыкульской) культур. Единым культурным массивом воспринимается Урало-Иртышское степное междуречье и на первых этапах средней бронзы благодаря широко известным памятникам петровско-синташтинского круга.

Истоки производящей экономики восходят к различным этапам неолита. Культурогенез как глобальная система адаптации в зависимости от указанных и других конкретно-исторических условий вырабатывалась в рамках календарного годового хозяйственного цикла. В условиях резко континентального климата умеренного пояса складывание устойчивых календарных циклов было проблематичным. Элементы производящей экономики возникали в многогранной среде присваивающего типа. Долины рек Урало-Иртышского междуречья и в частности территории Приишимья характеризуются наличием многочисленных старичных озер и протоков, весной они заполняются водами магистральных русел, в летне-осеннее время высыхают; они богаты пищевыми ресурсами для древнего человека. Эта ситуация способствовала активному процессу перехода на полуседлый и оседлый образ жизни. Рыбное богатство в речных системах являлось тем гарантированным продуктом, который в совокупности с продукцией охотничьих промыслов укреплял и облегчал создание систем жизнеобеспечения. Новый образ жизни расширял спектр трудовой деятельности, направленный на освоение ресурсов окружающей среды, а затем и их изменения.

Конечно, только значительная оседлость населения являлась условием для приручения, а затем и доместикации животных. Древние люди понимали, что для поднятия эффективности охоты на таких животных, как лошадь, бизон и другие копытные, необходимы средства передвижения, сопоставимые с объектами охоты. Главным объектом для приручения в степной зоне являлась лошадь. Остеологические материалы в ряде неолитических стоянок Тельманского и Виноградовского микрорайонов содержат не только кости мелких копытных, но и лошади. Интересно, что на поселении Ботай в местах концентрации неолитических артефактов найдены также кости лошади и других представителей дикой фауны.

Неолитическое население степей Казахстана было готово к восприятию новых форм деятельности, которым являлось скотоводство. Толчком послужило, видимо, появление инно-

вационных технологий одомашнивания. Этими технологиями являлась не только кастрация жеребцов, но и полный цикл укрощения, ухода и породной направленности коневодства. Археологическими свидетельствами инновационного происхождения новых технологий являются костяные застёжки пут, проколки-скальпели для кастрации и других ветеринарных целей, фиксация на территории ботайского поселения загонов для лошадей, архитектура ботайцев, сложившаяся в неолитической среде, с использованием глины и совершенных глиняных технологий в области домостроительства, керамического производства и искусства.

Реконструкция хозяйственной деятельности и домашних промыслов осуществлялась нами на основе трасологического изучения артефактов и проверки их в процессе экспериментального использования. Большой вклад в изучение функций орудий труда и экспериментальные опыты внесла Г.Ф. Коробкова, много лет проводившая исследования материалов из азиатской части СССР, в том числе из Казахстана. Нами были проведены и сравнительные типолого-функциональные исследования артефактов, результаты которых также излагаются в настоящей работе.

Таким образом, в среде рыболовов, охотников, собирателей достаточно динамично возникают новые формы хозяйства, повлекшие за собой изменения в хозяйственной ориентации, общественных отношениях и мировоззрении. При этом в области материального производства, особенно в производстве орудий труда, не происходили существенные изменения, т.к. обеспечивали еще традиционные системы жизнеобеспечения. Лишь с появлением металла, увеличением доли костяных орудий труда, поступлением большого количества животноводческого сырья для его переработки произошли радикальные изменения в области материального производства, социальной и духовной жизни ранних коневодов.

Таковы основные, на наш взгляд, истоки, формы и направления развития элементов производящей экономики в степной зоне Казахстана в эпоху среднего голоцена. Выход данной работы позволит широкому кругу специалистов и любителей истории ознакомиться с уникальными материалами по древней истории края, получить представления о специфике атбасарской культуры и утвердить свое мнение по ряду проблемных и спорных вопросов древней истории Казахстана.

I

Природная среда
и палеогеографические данные
Приишимья в эпоху голоцена

Северный Казахстан расположен в основном в степной части Западно-Сибирской равнины. В пределах Северо-Казахстанской области проходит граница лесостепи и степи, а на юге Целиноградской области (ныне Акмолинской) степь граничит с полупустынной частью Центрально-Казахстанского мелкосопочника (Сары-Арка). На очерченной территории выделяется ряд провинций и подзон (Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан, 1969, с. 321). Подавляющая часть территории характеризуется равнинным или холмистым рельефом, представляя собой денудационные равнины и плато с очень маломощным и непостоянным покровом новейших континентальных образований, распространение и условия залегания которых обнаруживают теснейшую зависимость от форм рельефа (Шанцер, Микулина, Малиновский, 1967, с. 7).

На севере рассматриваемого региона расположена Ишимская (северо-казахстанская) равнинная лесостепь. Это озерно-равнинная территория, сложенная олигоценowymi глинами. Их перекрывают литологически неоднородные речные отложения. Последние погребены под четвертичными лессовидными суглинками и озерно-аллювиальными отложениями мощностью от нескольких метров до 50–70 м (Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан, 1969, с. 322). Равни-

на имеет небольшой уклон к северо-востоку, что соответствует наклону подстилающих третичных пород, в прошлом являвшихся берегом третичного пресноводного бассейна. Абсолютные отметки провинции равны 120–150 м.

Южнее Петропавловского Приишимья располагается Кокчетавская возвышенность, занимающая почти все пространство внутри угла, образованного широтным и меридиональным отрезком течения р. Ишим. Местность имеет равнинный характер, представляет собой пологохолмистое плато с относительными превышениями порядка 30–60 м и очень пологими уклонами. Для района характерно крайне слабое развитие эрозионной сети. Лишь на ограниченных участках северной, западной и юго-западной части района рельеф приобретает гористый облик (горы Кокшетау с отдельными вершинами до 600–700 м, Акканская сопка – 730 м, Жиланды – 654 м, Имантау – 622 м, Балкашинская гряда сопок – 150–200 м). Если южный склон Кокчетавской возвышенности относительно абсолютных отметок равен 300–340 м, то северный отличается сравнительно быстрым снижением абсолютных отметок водораздельных пространств – от 340 м у озера Челкар до 240 м на окраине возвышенности. На северо-западе наблюдается медленное снижение высотных отметок с 300 до 200 м на протяжении 80 км (Шанцер, Микулина, Малиновский, 1967, с. 11).

Основной водной артерией Северного Казахстана является р. Ишим, берущая начало в отрогах Центрально-Казахстанского мелкосопочника и протекающая с юга на север через территорию двух областей. Впадает она в Иртыш уже за пределами республики. Длина р. Ишим около 1900 км. По ходу течения она принимает ряд притоков: Иман-Бурлук, Аккан-Бурлук, Жабай, Колутон, Терсаккан и др. На рассматриваемой территории имеется ряд крупных озер: Селеты-Тенгиз, Шаглы-Тенгиз, Боровое, Чебачье, Шучинское, Челкар и др. Основная масса мелких и средних озер сосредоточена в Северо-Казахстанской области, где насчитывается их более 2000 (Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель, 1960, с. 24).

Монотонная равнина Ишим-Иртышского междуречья прорезана в восточно-северо-восточном направлении Камышловским логом. Средняя ширина последнего 15–20 км, при глубине врезания долины – 10–20 м (Волков, 1962, с. 34–48, 294–298). Река Камышловка прекратила свое существование в XVIII в., превратившись в цепь длинных озер, в весеннее время соединяющихся между собой протоками. Сплошное течение по Камышловскому логому обозначено в «Атласе Государственной империи» (издание 1745 г.). В 1768 г. академик П.С. Паллас в труде «Путешествие по разным местам Российского государства» пишет: «Камышловка сколь ни мала собою, бежит здесь (у пос. Мельничного) весьма быстро». Начинается она с небольшой речки Камысакты, стекающей с Кокчетавской возвышенности и впадающей в озеро Тарангул, от которого в настоящее время Камышловский лог прослеживается цепью озер: Балыкты, Жиланды, Аксуат, Питное, Половинное и др. – вплоть до р. Иртыш. Для Северного Казахстана характерны многочисленные балки и овраги, прорезающие склоны долин рек и крупных ручьев на глубину до 30–40 м. Многие из них имеют собственные наименования: Чудасай (14 км), Боганата (15 км), Александровский (6,6 км), Мальцевский (5,9 км) и др. В логах Мальцевский и Александровский, где имеются выходы грунтовых вод, сток осуществляется более продолжительное время.

Такие реки Северного Казахстана, как Нура и Чаглинка, имеют внутренний сток. Первая берет начало в Казахском мелкосопочнике Сары-Арка и, протекая по Центральному Казахстану, впадает в озеро Кургальджино. У второй истоки – в Кокчетавской возвышенности. Протекая в северо-восточном направлении в пределах Кокчетавского административного региона, она впадает в озеро Шаглы-Тенгиз. В среднем течении Чаглинка образует ряд стариц и временных водостоков, функционирующих в весеннее время (Гидрогеологические очерки целинных земель. Геблер, 1958, с. 56).

Для всей территории севера республики характерен резко континентальный климат. Его формирование обусловлено господством умеренных (полярных) воздушных масс. Кон-

тинентальность зависит от сравнительно большого колебания минимальных (январь) и максимальных (июль) температур. Для климата региона свойственны также довольно резкие отличия температурного режима от года к году. Среднегодовое количество осадков примерно 300 мм в год, и распределены они по территории более или менее равномерно. Распределение же осадков по месяцам и временам года неодинаково: в теплую половину года (апрель–октябрь) выпадает до 86 % их общего количества, с максимумом в июле (50–70 мм). На холодное время (ноябрь–март) приходится всего 14–19 % годового количества осадков, с минимумом в феврале–марте (10 мм). Среднегодовые суммы осадков испытывают резкие колебания. Засушливые годы чередуются с влажными. В засушливые годы суммы осадков могут составлять 65–70 % от среднемноголетних, а во влажные периоды более чем в полтора раза превышать их. Тепловой режим территории зависит не только от количества поступающей солнечной радиации, но и от циркуляционных процессов, которые также определяют количество и характер атмосферных осадков. В целом циркуляционный режим характеризуется преобладанием ветров с западной составляющей – юго-западных, западных, северо-западных (Галахов, 1959, с. 79).

В Северном Казахстане, где водораздельные пространства отличаются слабым стоком,

почвы характеризуются большой засоленностью, а вследствие низких температур и мало-снежья образуется трещиноватость. Происходит глубокое проникновение гумуса и корней растительности по трещинам в почву, что является дополнительным источником образования гумуса. Это определяет высокое валовое содержание гумуса при укороченном (сравнительно с черноземами европейской части России) гумусовом профиле (Дурасов, 1958, с. 31).

В центральной же части Казахстана почвы отличаются солонцеватостью, что связано с засоленностью почвообразующих пород и сухостью климата. В мелкосопочных районах преобладают щебеночные, малоразвитые и маломощные почвы на плотных породах (Стороженко, 1952, с. 46). Вдоль Ишима залегают типичные пойменные почвы, занимающие в различных районах сравнительно узкую полосу – от 1–2 до 10–15 км. Если степные черноземы отличаются трещиноватостью, то в долине, на более песчаных почвах, это явление не наблюдается (Глазовская, 1952, с. 56–64).

По характеру растительного покрова регион может быть разделен примерно на две части: южную степную и северную лесостепную. Для первой характерна незначительная облесенность, а для второй – непрерывное чередование облесенных и открытых степных пространств. Участки покрыты лесом и кустарником и занимают до 23 % площади. В степной же части они не охватывают 10%. Таким обра-

зом, рассматриваемая территория представляет собой переходную полосу от степной зоны на юге к лесостепной на севере. Древесная растительность занимает отдельные рощи, называемые колками и состоящие в основном из березы с примесью осины и тала (Демидовская, 1961, с. 12). Травянистая растительность еще в недалеком прошлом была представлена преимущественно злаковыми травами – ковылем, типчаком и другими растениями, образующими сплошную дернину. Заливные луга расположены в долинах рек (фото 21). На пойменных наносных гривах разнотравные луга – степного характера (Растительность степей Северного Казахстана. Геоботаника, 1961, с. 133).

Флора Северного Казахстана в связи с многочисленностью лесных колков, тростниковых займищ (а также осоковых болот и озер) имеет пестрый мозаичный рисунок. Степные участки заселены многочисленными насекомыми и мелкими грызунами: сибирской кобылкой, малой крестовичкой, потребляющей особенно много растительной зеленой массы. Среди мелких грызунов следует отметить большого тушканчика, суслика, на которых, в свою очередь, охотятся такие хищники, как степной хорь и лисица, а из пернатых хищников – коршун, обыкновенный канюк и др. Остальные виды пернатых составляют полевые жаворонки, полевые коньки и садовая овсянка, кречет, дрофа, стрепет, большой кроншнеп – серый кулик, перепел, серая куропатка, скворец, воробей и многие другие. Из рептилий следует назвать лишь прыткую ящерицу.

В колючей части из мелких млекопитающих распространены красная полевка, лесная мышь, обыкновенный еж и др. Промысловые млекопитающие представлены зайцами-беяками, лисицей, барсуком и волком. Из копытных местами встречаются сибирская косуля, марал и лось. С лесной растительностью речных долин был связан также бобр, исчезнувший в Северном Казахстане в начале XIX в. (Костенко, Башанов, 1960, с.76). Из птиц-дендрофилов в колках обитают большой пестрый дятел, вертишейка, иволга, синица. В рощах водятся кукушки, грачи, сороки, вороны. Из хищников следует отметить мелких

соколов, кобчика, пустельгу, дербника. Встречаются и тетерев-косач, белая куропатка и др. (Формозов, 1969, с. 258).

Своеобразна фауна озер и болот региона. От величины озер, наличия запасов кормов, рыбы и беспозвоночных животных зависит качественный и количественный состав птиц и зверей, населяющих водоемы. На них гнездятся сотни серых гусей и уток многих видов, лысухи, поганки, чайки, кулики, болотные чайки и т.д. На сплавных озерах гнездятся довольно редкие представители пернатых: лебедь-шипун, серый гусь и др. Из мелких млекопитающих характерны водяная крыса, горностаи и реже колонок. Из амфибий широко встречаются остромордая лягушка, чесночница и зеленая жаба (Формозов, 1969, с. 263–264).

Отмеченные природные условия Северного Казахстана с его ландшафтами, климатом, фауной и флорой обеспечили активное заселение края уже на рубеже плейстоцена и голоцена. Этому способствовало не только наличие разветвленной гидросети, но и меридиональное направление стока основных рек – Ишима, Тобола, Иртыша. В частности, Ишим, пересекая в меридиональном направлении две области Северного Казахстана, как бы связывает воедино различные орографические районы лесостепи и степи, создавая при этом своеобразный экологический гибрид. Древнейшее население активно использовало благоприятную для существования широкую долину Ишима. Об этом наглядно свидетельствует составленная археологическая карта памятников каменного века Приишимья (свыше 200 пунктов). Стоянки, поселения, мастерские концентрируются, как правило, по определенным микрорайонам, наиболее удобным для обитания древнего человека, для его производственной и хозяйственной деятельности.

Современные ландшафтные внеледниковые зоны с их флорой и фауной, по данным специалистов – геологов, географов, сформировались еще в плейстоцене (Природное районирование Северного Казахстана, 1960, с. 232; Костенко, 1963, с. 44). Общеизвестно также, что климат на протяжении эпохи голоцена не был стабильным. Это, в свою очередь, отраз-

илось и на физико-географической обстановке послеледникового времени (Кассин, 1947, с. 198; Волков, 1971, с. 73). Определенное влияние на изменение среды оказал также антропогенный фактор (Будыко, 1971, с. 352; Николаев, 1977, с. 21–22). Между природой и человеком в конце каменного века устанавливаются сложные взаимоотношения, основанные на все более активном развитии производительных сил общества. Данное время характеризуется не только традиционными процессами адаптации человека к окружающей среде, но и завоеванием им определенной независимости, которая проявлялась в значительной вариабельности образа жизни первобытных коллективов, их хозяйственной и производственной деятельности. При этом реконструкция палеоландшафтной и палеоклиматической ситуации в эпоху голоцена для разрешения многих вопросов археологии мезолита-неолита приобретает важное значение (Герасимов, Величко, 1947, с. 231–234; Бадер, 1957, с. 140–150).

Уже в конце XIX в. Блиттом, а затем Сернандером была разработана палеоклиматическая шкала для голоценового времени. Хотя против этой схемы выступили некоторые зарубежные и советские ученые, ее можно считать общепризнанной (Нейштадт, 1969, с. 5–12; Хотинский, 1977, с. 105). Для территории нашей страны предложен ряд палеоклиматических разработок. Наибольшее признание в археологической литературе получили работы М.И.

Нейштадта (Нейштадт, Гуделис, 1961, с. 5–44), И.П. Герасимова (Герасимов, 1961, с. 224–231), А.В. Шнитникова (Шнитников, 1949, с. 65–78; Шнитников, 1957, с. 221), Н.А. Хотинского (Хотинский, 1968, 112 с.). Все авторы подчеркивают особое влияние климата на изменение других природных факторов. Определенное воздействие климат оказывал также на топографию памятников, хозяйственную деятельность древнейшего населения. На связь между топографией памятников и палеогеографической обстановкой указывали О.Н. Бадер и другие ученые (Бадер, 1950, с. 140–150).

Начиная с 1970-х гг. археологи широко применяют данные палеогеографии и свои полевые наблюдения для реконструкции окружающей среды и выяснения времени существования определенных археологических культур: О.Н. Бадер (Бадер, 1974, с. 225–230), Д.А. Крайнов (Крайнов, Хотинский, 1974, с. 42–68), П.М. Долуханов (Долуханов, 1979, с. 54), А.Х. Халиков (Халиков, 1969, с. 232) и др. – для европейской части РСФСР; В.М. Раушенбах (Раушенбах, 1966, с. 16–28), Л.Я. Крижевская (Крижевская, 1968, с. 10; Крижевская, 1973) – для Урала; В.Ф. Старков (Старков, 1970, с. 3–11; Старков, 1980, с. 90–92) – для Зауралья; М.Ф. Косарев (Косарев, 1971, с. 39–51; Косарев, 1973, с. 63–65) – для Западной Сибири; А.В. Виноградов (Виноградов, Мамедов, 1975,

с. 123) – для Средней Азии Зданович Г.Б., В.Ф. Зайберт, М.К. Хабдулина, В.Н. Логвин, В.К. Мерц, З. Самашев для Казахстана и Зауралья (Зданович, Иванов, Хабдулина, 1984, с. 35–48; Зайберт, 1987, с. 63–64; Логвин, Калиева, 1986, с. 57–80; Мерц, 2006, с. 147–153; Самашев, Ермолаева, Тепловодская, 1999, с. 178–185).

При сопоставлении данных палеогеографии различных регионов указанной обширной территории Евразии выявляются определенные различия, связанные, видимо, с локальными климатическими и ландшафтными особенностями. Кроме того, наблюдаются определенные общие тенденции в изменении климата. В частности, это касается факта общепланетарного потепления в конце плейстоцена, что привело в бореальный период к значительной аридизации средних широт страны. Повсеместно в начале атлантического периода наблюдается увлажнение, а в суббореальную эпоху – снова сухость. Некоторое увлажнение отмечается в субатлантический период, наступивший примерно в начале I тыс. до н.э.

При общей тенденции к изменениям климата, возможно, и ландшафтов, следует учитывать микроситуации, которые могли, например, нивелировать увлажнение или, наоборот, усиливать его действие. Для археологического обоснования изменения палеоклиматической и палеогеографической обстановки требуется серийный материал и в то же время тщательный отбор информации. Но даже в этом случае больше приходится говорить лишь о тенденции. Для примера можно привести факт использования особенностей микроландшафтов и соответственно микроклимата в современном сельском хозяйстве. При определении сроков посевов, сбора урожая, количества вносимых удобрений учитывается особенность той или иной местности, которая складывается из нескольких компонентов: характера рельефа (водораздел или долина), наличия леса, близости гидросети и пр. (Агроклиматический справочник по Северо-Казахстанской области, 1947, с. 17–20).

В настоящее время для уточнения общей концепции эволюции и выявления основных закономерностей климатических пульсаций

все большее значение приобретает изучение регионального характера (юг Западной Сибири и Северный Казахстан) (Фиалков, 1961, с. 14–100; Филкин, 1961, с. 114–118; Николаев, 1978, с. 8–40; Белецкая, 1983, с. 59–63; Мартынов, 1966, 278 с.). Результаты в принципе согласуются с палеоклиматической шкалой Н.А. Хотинского. По ней постепенное накопление тепла послеледниковья достигает оптимума в позднеатлантическую фазу, после чего происходит резкая смена температурных режимов и увлажненности. Как отмечает Н.А. Хотинский, за последние десять тысяч лет можно выделить три основных термических оптимума: бореальный (8300–6900 лет назад), атлантический (5000–6000 лет назад) и суббореальный (3400–4200 лет назад) (Хотинский, 1977, с. 13–16). Следовательно, климат голоцена развивается пульсирующе и изменения его скачкообразны. Более или менее длительные этапы сухого и теплого времени сменяются понижением температур и увеличением осадков.

Для понимания изменения природных явлений в голоцене и его ритмики имеет большое значение ряд работ О. Петерсона, А.В. Шнитникова. Их теория о динамике короткопериодических колебаний климата находит подтверждение в ходе исследований Петропавловского Приишимья и Северного Казахстана в целом. По А.В. Шнитникову, в последние 6000 лет наблюдалось четыре этапа увлажненности: на грани V–IV тыс. до н.э. (середина атлантического периода); в конце III – начале II тыс. до н.э. (начало суббореала); в середине и конце I тыс. до н.э. (рубеж суббореального и субатлантического периодов); в середине и второй половине текущего тысячелетия (субатлантический период) (Шнитников, 1957, Шнитников, 1949, с. 24–29).

Если короткопериодические колебания голоцена не вызывают сомнений, то остается спорным вопрос о степени воздействия их на ландшафтную оболочку. Как известно, проявления климата в рамках определенных геосистем не всегда однозначны. Данные пыльцевого анализа свидетельствуют о том, что наибольшая чуткость на изменение атмосферных условий присуща полосе леса. Одновре-

менно с мнением о мобильности лесной зоны существует точка зрения о палеогеографической инертности, устойчивости ландшафтов степных и лесостепных районов. Конечно, глубокое внутриматериковое положение и удаленность от океанических атмосферных циркуляций приводят к ослабленному проявлению климатических ритмов. Но при всей неизменности основного типа ландшафтов с эпохи позднего плейстоцена нельзя отрицать трансформаций его облика в процессе климатической эволюции.

Приведем ряд примеров реконструкции палеоландшафтов и климата. Хотинским Н.А. получены результаты пыльцевого анализа отложений в районе стоянки Виноградовка II (раскоп I, участок В-7) Красноармейского района Кокчетавской области. Спорово-пыльцевой анализ отложений, вскрытых в раскопе I, участок В-7, позволяет сделать следующие выводы.

В слое желтоватых суглинков, подстилающих мезолитический культурный слой (глубина 1,20 м), на фоне преобладания травянистой пыльцы выявлено сравнительно высокое содержание (до 25 %) пыльцы древесной растительности, представленной елью (5 %), сосной (17 %), березой (2 %) и ольхой (1 %). Особенно показательно присутствие пыльцы влаголюбивой ели, нигде выше по разрезу не отмеченной. Среди пыльцы травянистой растительности преобладает пыльца семейства сложноцветных (65 %), в том числе пыльца маревых, в незначительном количестве присутствуют споры папоротников (2 %).

Для данного этапа, относящегося, вероятно, к началу голоцена, могут быть реконструированы лесостепные условия и наибольшая облесенность исследованного района за весь голоцен. Присутствие ели в составе лесных формаций соответствующего времени указывает на ослабление континентальности климата района и увеличение увлажненности по сравнению с настоящим временем.

Пыльцевые спектры, выделенные из мезолитического культурного слоя (глубина 0,95 м), обнаруживают преобладание травянистой пыльцы (70%), среди которой доминирует

пыльца полыни (46 %). Возрастает содержание пыльцы злаков (10 %) и маревых (7 %). Среди пыльцы древесной растительности отмечается только пыльца сосны (27 %) и березы (3%), тогда как пыльца ели полностью исчезает. Данный пыльцевой спектр позволяет реконструировать ландшафты более ксерофитного типа, чем в предшествующий этап и в настоящее время. Полученные данные свидетельствуют о том, что в окрестностях мезолитической стоянки существовали полынно-злаковые степи, северная граница которых теперь проходит в 150 км к югу от исследуемого пункта. Древесная растительность, вероятно, полностью исчезла в это время, и, возможно, пыльца сосны имеет заносное происхождение.

В целом вверх по разрезу отмечается увеличение содержания пыльцы древесных пород – сосны, а также березы, что указывает на увеличение облесенности района по мере приближения к нашему времени. Так, в образце с глубины 0,5 м количество пыльцы древесных пород, представленных сосной и березой (63%), значительно превышает содержание пыльцы трав и кустарников (27 %). Это указывает на появление в исследуемом районе сосняков и березовых колок (Зайберт, 1981, с. 127–128).

Одним из динамичных компонентов экосистем являются почвы. Как самостоятельные тела они содержат специфическую и независимую от других показателей информацию о природных условиях прошлого. Особенность почвенных данных – их локальность, привязанность к месту и усредненность во времени (время почвообразования) – позволяет методом хронологических рядов создать местную шкалу эволюции природно-климатических условий и установить динамику почвенных зон.

Совместными почвенно-археологическими исследованиями Северо-Казахстанской археологической экспедиции, Урало-Казахстанской археологической экспедиции и Института почвоведения и фотосинтеза АН СССР получен материал, уточняющий представление о ландшафтах голоцена Северного Казахстана. Полеопочвы изучались в подзоне современных обыкновенных черноземов Ишимской равни-

ны (8 объектов) и в подзоне темно-каштановых почв на Тенгизской впадине (4 объекта). Сравнение строения и свойств современной и погребенной почв показывает существенные различия между ними.

Археолого-почвенные исследования проводились на мезолитической стоянке Виноградовка II, неолитическом поселении Тельмана X, поселении Ботай, на могильниках и поселениях эпохи бронзы Берлик, Графские развалины, Петровка II, городище раннего железного века Актау. Изучены погребенные почвы под курганами эпохи железа Новоникольское, Обалы, Кара-Оба. Таким образом, различными хронологическими срезами были охвачены Приишимская (лесостепная) и Северо-Казахстанская мелкосопочная (степная) провинции.

На основании изучения стратиграфической колонки на поселении Тельмана X (неолит, VI–IV тыс. до н.э.) И.В. Ивановым были сделаны следующие выводы.

I фаза (финальный палеолит – ранний мезолит) характеризуется однородной серой тяжелосуглинистой почвой, насыщенной карбонатами. По мнению некоторых почвоведов, формированию данного горизонта способствовал довольно стабильный водный режим разливов, обусловленный сухим бореальным климатом.

Предбореальный период (10000–9000 лет назад) характеризуется появлением древесной растительности, расселением ели. Целый ряд факторов свидетельствует о потеплении и увлажнении климата по сравнению с климатом позднего дриаса. Во вторую половину предбореального времени наступило кратковременное похолодание. Южнее 66° и до границ Северного Казахстана были распространены лесотундровые ландшафты. Климат был суше и холоднее современного.

В бореальный период (9000–8000 лет назад) происходит широкое расселение древесных формаций. Разреженные леса из березы и ели занимают весь Северный Казахстан. Климат теплее предшествующего и холоднее современного. Лесостепная и степная зоны в бореальное время располагались за пределами Западной Сибири.

II фаза (неолит) свидетельствует о различной величине паводков, о значительном атмосферном увлажнении. Пойма часто заливалась, откладывались различные наносы – от тяжелого до среднего и легкого суглинков.

В атлантическом периоде (8000–5000 лет назад) произошло расширение площади лесов и дальнейшая дифференциация их состава. Юго-западная часть равнины южнее 66° северной широты была занята березой, сосновыми лесами с примесью темнохвойных (пихта) и широколиственных (вяз) пород. Формируются ландшафтные зоны, получают большое распространение лесостепь и степь. Состав флоры и фауны, характер размещения растительности свидетельствуют о климате более теплом, чем современный.

III фаза (энеолит). Современные почвы района поселения Ботай представлены черноземами, слабо сформированными подзонами обыкновенных черноземов. Профиль почв сформировался из суглинистого культурного слоя мощностью 20 см (выбросы из землянок), на бескарбонатной коре выветривания непрочных алевритов. Современная почва с таким строением закипает с поверхности от 10%-го раствора HCL.

Верхний горизонт почвы эпохи энеолита, погребенный под культурным слоем, служит для современной почвы аккумулятивно-карбонатным горизонтом. В нижней части погребенной почвы и глубже выделений углекислых солей, как и вскипаний HCL, не обнаруживается. Из этого следует, что чернозем слабосформированный и не имел в эпоху энеолита аккумулятивного карбонатного горизонта. Причиной этого, по мнению И.В. Иванова, было более высокое, по сравнению с современной эпохой, атмосферное увлажнение в эпоху энеолита (III тыс. до н.э.). В пользу данной точки зрения свидетельствует и существование высокой поймы (высота 2 м), сформировавшейся в то же время. Для образования такой поймы были необходимы более широкие разливы. При раскопках жилищ-полуземлянок обнаружены кости бобра. Для обитания бобров в долине р. Иман-Бурлук (сейчас их нет) также была необходима большая атмосферная ув-

лаженность и облесенность. Ввиду того, что в Северном Казахстане, как это показано выше, суббореальная эпоха была суше современной, можно предполагать, что атлантическая эпоха влажнее суббореальной, а контрастность смены условий была значительней.

Таким образом, подчеркивает И.В. Иванов, имеющиеся данные свидетельствуют, что на территории черноземной зоны юга Западно-Сибирской низменности в суббореальную эпоху наблюдалось смещение ландшафтных зон к северу. Так, на месте современных черноземов располагались каштановые почвы. В связи с этим суббореал и вторую половину атлантической эпохи на территории юга Западной Сибири можно считать ксеротермической эпохой (II тыс. до н.э.).

Изменения атмосферной увлажненности, происходившие в голоцене, по-разному сказывались на развитии почв дренированных и не дренированных бессточных территорий. У почв дренированных территорий при уменьшении атмосферного увлажнения и промачивания снижались мощность гумусового горизонта, глубина залегания солевых горизонтов, изменялись другие признаки.

Первая половина суббореального периода (5000–3000 лет назад) по составу флоры и характеру растительности незначительно отличается от конца атлантики. Впоследствии климатические условия ухудшаются на севере, а затем и на юге Западно-Сибирской равнины. Уменьшается роль широколиственных пород.

Почвы суббореала (Берлик, Графские развалины, Петровка) отличаются от современных меньшей мощностью гумусового горизонта, более высоким вскипанием от HCL, более четкой сегрегацией карбонатов (в прошлом интенсивная «белоглазка», сейчас два пятна). Современные черноземы и каштановые почвы содержат в верхнем горизонте несколько меньше глины и ила, чем погребенные. Таким образом, можно утверждать, что почвы суббореальной эпохи относятся к более южным типам и подтипам, то есть природные зоны в эпоху бронзы были смещены на одну-две подзоны. Климат отличался значительной сухостью.

Субатлантический период (3000–1000 лет назад) также был неоднородным. Первый

его этап отмечен похолоданием. Из состава растительности южных районов почти полностью исчезли широколиственные породы. Затем последовало незначительное потепление, но в периоде между 15000 и 1000 лет назад началось похолодание климата. Расположение растительных зон становится близким к современному, но по структуре флоры формации имели определенные отличия.

Важные материалы получены из курганов раннего железного века Обалы и Кара-Оба (Зданович, 1984, с. 35–48). Двухэтапные насыпи курганов надежно прикрыли почвы, погребенные 2200 и 2800 лет назад. Современную почву составляет чернозем обыкновенный тяжелосуглинистый на озерно-аллювиальной плейстоценовой глине. Почвы, перекрытые 2800 лет назад, характеризуются вдвое меньшей мощностью гумусового горизонта (до 20 см). Углекислые соли располагались ближе к поверхности и представлены обильной «белоглазкой». Особенно отличаются выделения гипса, содержание которого в 10 раз больше, чем в современных почвах. В горизонтах А/В фиксируется морфологически и химически выраженная солонцеватость, она в современных почвах отмечается в горизонте С. Количество атмосферных осадков было на 50–70 см меньше по сравнению с современным среднегодовым количеством (325 мм). Характер языковатости и полигональности почв свидетельствует о значительном промерзании почв. Следовательно, климат в Петропавловском Приишимье на рубеже II–I тыс. до н.э. – начале I тыс. до н.э. может быть реконструирован как сухой и более континентальный. Границы природных зон были смещены к северу примерно на 250 км, то есть на одну зону. До VIII в. до н.э. засушливость и континентальность климата были еще большими, а их выраженность в почвенном профиле – более резкой.

Почвы, погребенные 2200 лет назад, отличаются меньшей контрастностью и по своим признакам являются переходными от древних, охарактеризованных выше, к современным. Несомненно, что в период между VIII и II вв. до н.э. произошла крупная перестройка природных условий. Она выразилась в увеличении

количества атмосферных осадков и ослаблении континентальности климата.

В правильной оценке изменений свойств почв, обусловленных временными различиями, необходим анализ пространственной variability свойств почв. Только в этом случае можно быть уверенным, что за хронологическую изменчивость не принята ошибочно пространственная изменчивость. В связи с этим в каждой возрастной группе почв изучалось по 2–5 почвенных разрезов. Все исследованные почвы располагались в аналогичных условиях микро- и мезорельефа на одинаковых породах. Изучение погребенных почв кургана Обалы дало сходные результаты.

Современные и погребенные почвы неодинаковы. Их различия объясняются разностью климатических условий, в которых они формировались. Современные почвы – чернозем обыкновенный тяжелосуглинистый на озерно-аллювиальных плейстоценовых глинах. Гумусовый горизонт (А/В) в целинном состоянии имел мощность 44 см и содержал 7% гумуса. Цвет горизонта серо-черный или темно-черный, структура зернистая. В нижней части (А/В) имеет языковато-затечный характер – следствие затекания материала по широким морозобойным трещинам и трещинам иссушения. Ширина затеков в верхней части профиля составляет 8–10 см. Нижележащий горизонт (44–74 см) характеризуется наличием более узких (1–2 см) гумусовых затеков, серо-желто-коричневой окраской, карбонатностью и призматической структурой. Горизонт ВС (74–112 см) также карбонатен, имеет глыбистую структуру, в него почти не проникают гумусовые затеки. Обнаруживаются только бледные гумусовые пятна. Горизонт С (112–210 см) – порода, слабо измененная почвообразованием. Он практически не содержит гумуса, менее карбонатен, имеет глыбисто-ореховую структуру с гляncем по граням, четкие признаки солонцеватости. Солонцеватость горизонта С подтверждается наличием обменного натрия (7 %) от емкости поглощения.

Гранулометрический состав почв по профилю относительно однороден. Однако верхний горизонт обеднен илом и глиной по

сравнению с горизонтом В на 11–13 %, а в горизонте С намечается небольшое увеличение содержания этих фракций на 2–3 % по сравнению с горизонтами ВС и С.

Глубина вскипания от 10%-ной HCL – 40–45 см, выделения углекислых солей отмечены в виде прожилок и пятен. Содержание карбонатов (CO₂ карб.) составляет 3–5 %. Содержание гипса в горизонте С не превышает 0,2 %, а легкорастворимых солей – 0,1 %.

Отличие погребенных почв от современных заключается в следующем: погребенные почвы обладают вдвое меньшей мощностью гумусового горизонта (22–28 см), меньшей глубиной вскипания (15–22 см). В самых древних почвах новообразования углекислых солей представлены «белоглазкой» и пятнами, в современных почвах – пятнами и мицелием. В древних почвах на глубине 90–150 см обильно встречаются крупные гнезда кристаллов гипса, содержание гипса 1,1 %. В переходных почвах на тех же глубинах отмечается уменьшение процесса новообразования прожилок гипса, содержание гипса 0,1%, в современных черноземах гипс практически отсутствует. Единичные его прожилки встречаются редко (не в каждом разрезе), на глубине 200–250 см, содержание гипса – 0,2 %.

В древних почвах обнаружена хорошо выраженная солонцеватость горизонтов В и ВС (содержание обменного натрия до 10%). Аккумулятивный солевой горизонт древней почвы содержит 0,34% водорастворимых солей, переходной – 0,20%, содержание водорастворимых солей в нижней части профиля современной почвы – не менее 0,10%. Отсутствие перераспределения ила и глины в профиле погребенных почв показывает, что солонцовый этап в развитии этих почв был кратковременным.

На темно-серой поверхности погребенной почвы, фиксированной желто-коричневой насыпью большого кургана, четко видна волнистая линия дефляции, а дефляционные впадинки заполнены осветленным пылеватым материалом древнего гумусового горизонта.

По совокупности признаков древняя погребенная почва может быть названа темно-каштановой солонцеватой слабосолончаковой,

переходная – южным солонцеватым черноземом. Развитие почв на протяжении последних трех тысяч лет проявлялось в увеличении почвенного профиля, рассолонцевании, в некотором выносе илистых и глинистых частиц из верхних в среднюю и нижнюю части профиля, в переформировании карбонатного профиля без существенного выноса углекислых солей из почвенной толщи (Иванов, 1984, 28 с.).

Все колебания климата голоцена отразились в свойствах почв в виде изменения характера почвенного покрова в рангах подтипа и даже типа. В засушливую суббореальную эпоху в черноземной полосе юга Западной Сибири и Северного Казахстана наблюдалось резкое смещение природных зон к северу. На месте современного типа черноземов располагались сухие степи с каштановыми почвами. Южнее, в зоне современных каштановых почв (Целиноградская область), ксеротермические условия не были выражены столь резко. Здесь трансформация почв ограничивалась рамками подтипов, т.е. границы экосистем могли быть сдвинуты на одну-две подзоны. Постепенное отступление сухих степей на юг и замена их черноземами происходили в начале раннего железного века, между VIII и II вв. до н.э. Данные, полученные нами, хорошо согласуются с материалами исследователей Западной Сибири, которые пришли к выводу о существовании в суббореальную эпоху на месте современной южной тайги лесостепного или степного ландшафта.

Таким образом, палеогеографические исследования, проведенные на различных объектах и в различных районах, дают сходные данные, позволяющие наметить сквозную линию эволюции глубинных лесостепных и степных экосистем. Палеоботанические материалы свидетельствуют о неоднократном перемещении границ ландшафтных зон в пределах Северного Казахстана и юга Западной Сибири, что нашло свое отражение в топографии поселений и стоянок, а также в хронологической шкале.

Для финального палеолита – раннего мезолита на территории региона характерна полынно-злаковая степь, что обусловлено сухим климатом. Почвенный горизонт этого времени

характеризуется однородными серыми тяжелыми суглинками. Их формированию способствовал стабильный температурный и водный режим. Для водного режима характерен низкий уровень, поэтому иные площадки древних людей расположены у подножия первых террас и находятся в ископаемом состоянии. Хозяйственный тип древнего населения складывается из рыболовства и охоты на одиночных животных. Определенную роль играло и собирательство.

На рубеже позднего мезолита (VII тыс. до н.э.) происходит резкое атмосферное увлажнение и потепление климата. На изучаемой территории в это время формируется лесостепная зона. На цокольных горных выходах и на гранитах холмогорий формируются сосновые и другие хвойные, на междуречных равнинах – смешанные леса. Стабильный водный режим нарушается. Это прослеживается по распространению жилых площадок по берегам реки. Они перемещаются выше – на край первых террас.

Процесс аридизации длится на протяжении бореального и атлантического периодов. Однако он был неоднороден и фиксировался в изменениях водного режима. На последнее указывает топография жилых площадок. Так, в развитом неолите жилые площадки опять располагаются в пойме рек. Население осваивает останцы и возвышенности поближе к воде. В дальнейшем эти площадки неоднократно перекрывались речными наносами, и даже в настоящее время они лежат ниже современных паводков.

Памятники позднего неолита занимают вторые террасы, коренные берега, что свидетельствует о повышении водного режима. Почвы этого периода характерны различными отложениями – от легкого до тяжелого суглинка. В это же время происходит расширение площадей лесов и дифференциация их состава. Формируются ландшафтные зоны. Лесостепь смещается на юг и охватывает значительную часть территории Северного Казахстана. Идет процесс формирования широколиственных лесов. Однако конец неолита и начало энеолита, что соответствует рубежу атлантического

и суббореального периодов, отмечен похолоданием. Следствием этого было изменение состава леса в пользу хвойных пород. Увлажнение климата и обводнение долин создали условия для освоения человеком водораздельных пространств.

Энеолитические поселения располагались на коренных берегах и вторых террасах. Это говорит о значительном атмосферном увлажнении и повышении уровня воды, а преобладание хвойного леса – о холодном климате. Изменение климатических условий (похолодание) потребовало от человека формирования новых адаптационных навыков, что отразилось в изменении хозяйственного типа. Эти условия стимулировали человека к освоению производящих форм хозяйства и прежде всего скотоводства в его экстенсивных формах. Остеологический материал с энеолитических поселений Кокшетауского региона показывает, что здесь имелись прекрасные условия для стадного выпаса домашнего скота и стабильного существования диких табунов лошадей. Но уже в неолите начинается процесс приручения животных.

Последующие изменения климатических условий в суббореале характеризуются дальнейшим похолоданием, резкой сменой атмосферного режима и установлением сухого прохладного климата. Исчезают почти все древесные породы, кроме березы. Идет активное формирование растительности ксерофитного типа.

Поселения людей располагались на мысах первых террас, а иногда занимали участки в поймах рек. Здесь же, рядом, но на возвышенных местах располагались погребальные комплексы. Позже, в VIII–VII вв. до н.э., локализация памятников смещается на водоразделы.

Во время четырехлетних работ в Тельманском микрорайоне мы были свидетелями изменений облика долины р. Ишим. В 1975–1977 гг. в долине шириной до 10 км с разветвленной сетью стариц и заливными лугами был очень низкий травостой. Многие старицы и протоки высыхали буквально на глазах в течение двух-трех недель, особенно в июле. На коренных берегах иссякли родники и мелкие

водоемы. В пойме имела свои тропы сайга – типичный представитель жаркой степи. Благодаря слабой травяной растительности береговые линии были хорошо выражены, что облегчило поиски и фиксацию археологических памятников.

Коренным образом ситуация изменилась весной и летом 1978 г. Буквально вся долина пропиталась влагой. Пересохшие некогда старицы наполнились водой и образовали вычурный меандр голубых лент. Травостой, особенно вдоль стариц, достигал высоты человеческого роста. С большим трудом мы отыскивали заросшие площадки памятников, на которых работали два-три сезона. Интересно, что сайга, по свидетельству егерей, откочевала в глубь степей на 150–200 км. В то же время никаких особых перемен в климате мы не ощущали. По-видимому, в результате сочетания определенных факторов произошли изменения в степени увлажненности небольшого, по сравнению с окружающей степью, микрорайона. Могла ли подобная экологическая ситуация в неолите повлиять на характер топографии памятников, а также отразиться на хозяйственной деятельности древнего человека? Думается, что да. Этот факт заставляет нас рассматривать различные гипсометрические уровни стоянок на террасах не только через призму общего изменения климата в сторону увлажнения или

аридизации, но и представлять другие возможные причины местного экологического значения, а также иметь в виду факторы производственного, функционального характера памятников.

Своеобразно подошли к решению вопросов палеогеографии почвоведы. Так, И.В. Ивановым и его группой из Института почвоведения АН СССР совместно с археологами Северного Казахстана и Урала (Г.Б. Зданович) проведено изучение погребенных почв под курганами эпохи бронзы и железа, расположенных на открытых водораздельных пространствах. Метод основан на сравнении современных почв и почв, как бы законсервированных под насыпью искусственных сооружений. Самое важное для почвоведов – это выяснение времени погребенной почвы, которое и определяют археологи по погребальным комплексам. Происхождение же и биохимические изменения почвы зависят в первую очередь от климата

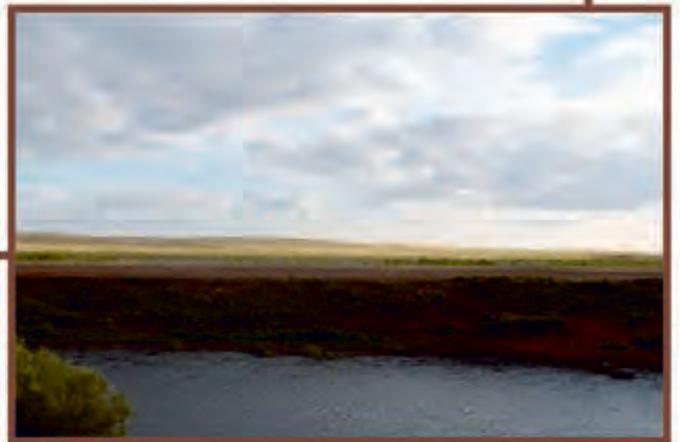
Определенные сведения о климате в голоцене мы находим у гидрологов, изучающих многочисленные озера Северного Казахстана и сопредельных районов. Выявляется цикличность подъема и спада уровней водоемов, а также степень их заселенности. Многие ученые выделяют циклы внутривековой изменчивости климата, влияющего на указанные процессы (Косарев, 1973, с. 63–65).

Archaeological Library © Kazakhstan

II

Методология и методы исследования источников

Приступив к массовым систематическим исследованиям памятников каменного века Северного Казахстана, мы применили определенную методику полевых работ с учетом ландшафтных особенностей региона. Эти особенности заключаются в том, что для большей части степи и полупустыни Казахстана характерны эрозия, денудация и дефляция почвы. Аккумулятивные же процессы очень замедлены (Герасимов, 1946). В силу этого археологические памятники, расположенные часто на высоких долинах, а также на берегах степных рек, родников, носят так называемый «открытый характер», когда культурный слой на памятнике отсутствует или маломощен (Медоев, 1965).

До последнего времени широко практиковались сборы материала с поверхности без учета планиграфии. Собранные иногда на огромной площади коллекции каменного века рассматривались исследователями как однородные (Чалая, 1970, с. 79–86; Логвин, 1977, с. 270–275). В итоге нередко оказывалось, что в этих сборах представлены материалы различных хронологических эпох.

В силу абсолютной неизученности каменного века Казахстанского Приишимья с первых же лет существования СКАЭ (рук. Г.Б. Зданович) была поставлена задача проведения массовых разведочных обследований. Разведочными отрядами пройдены берега практически всех перечисленных в географическом очерке рек. Особое внимание уделялось кустовой разведке в районах скопления археологических объектов.

Вначале обнаруженные объекты фиксировались на карте с целью определения территории распространения и степени концентрации памятников. Затем снимался подробный глазомерный план или инструментальный топографический план микрорайонов местности. На план наносилась в масштабе примерная площадь памятников. Перспективные для раскопок площадки памятников разбивались на квадраты 2x2 м, и только после этого производились сборы с поверхности, а затем раскопки. Фиксация находок на плане производилась при массовых скоплениях поквратно (1x1 м) или

с абсолютной точностью в случае находок единичных изделий либо характерных скоплений орудий.

Сплошное обследование большого региона и вскрытие значительных площадей культурного слоя дало возможность получить представление о степени концентрации археологических объектов и их функциональной направленности. Исчерпывающее исследование ряда памятников внутри микрорайонов позволило нам использовать при характеристике объектов не только традиционный термин «стоянка», но и достаточно обоснованно оперировать понятиями «поселение», «мастерская», «местонахождение».

Поселением мы называем памятники, имеющие достаточно мощный культурный слой площадью 500 кв. м. На нем фиксируются две и более жилых построек. Вещевой материал культурного слоя представлен массовыми находками.

Под мастерской мы понимаем археологические объекты, культурный слой которых состоит из массы отходов, заготовок, кусков породы, концентрирующихся вокруг рабочих площадок. Сериями представлены такие орудия, как молоты, ретушеры, отбойники, абразивные плитки. Мастерские, по нашим данным, делятся на два типа: мастерская по первичному раскалыванию сырья, заготовке нуклеусов и макроформ; мастерская по изготовлению орудий массового назначения.

Стоянки – это кратковременные поселения, не превышающие по площади 500 кв. м. Следы жилых построек отсутствуют или невыразительны. Количество предметов не превышает 2000.

Местонахождение – памятник, который не содержит культурного слоя, его материал немногочислен и представлен исключительно подъемными сборами.

Поселения приурочены к долинам рек, к первой или второй надпойменной террасе; мастерские – к водораздельным сопкам, а также к долинам; стоянки – к долинам, водораздельным озерам, родникам; местонахождения – ко всем перечисленным гипсометрическим уровням.

Таким образом, долговременные поселения расположены в наиболее благодатных долинах и были своеобразными производственными и жилыми центрами. Остальные типы памятников следует рассматривать как сезонные, временные пункты, оставленные в процессе хозяйственной и производственной деятельности. Большой объем полевых работ, выполненных с учетом современных методических требований, дал возможность стратиграфически выделить однослойные и многослойные памятники. Особенно важно было выявление однослойных объектов (Тельмана I, X, XII, XIII, VII). Здесь получены своеобразные технико-типологические эталоны для определенного периода неолита, что помогло заново интерпретировать многие смешанные коллекции, хранящиеся в музеях и лабораториях Казахстана.

Большое внимание уделено нами первичной обработке археологического материала и в первую очередь кремневого инвентаря, наиболее массового в коллекциях каменного века (мезолит-неолит). Располагая большими комплексами кремневого инвентаря, основу которых составляют пластинчатые изделия, невозможно ограничиваться при характеристике материала лишь словесным описанием, которое, как известно, имеет ярко выраженный индивидуальный и эмоциональный характер. При этом описание не всегда соответствует объективному состоянию источника. Процесс выявления информации из источника есть определенный опыт, который должен быть проверяемым и доступным для широкого круга специалистов (Каменецкий, Маршак, Шер. 1975, с. 130; Клейн, 1977, с. 15–24).

Впервые в советской археологии каменного века типолого-статистический метод был разработан и применен В.А. Городцовым и Г.А. Бонч-Осмоловским (Городцов, 1927, с. 6; Городцов, 1930, с. 16; Бонч-Осмоловский, 1940, с. 186; ; Викторова, 1977, с. 5–14). Детальная разработка типолого-статистического метода принадлежит французскому исследователю Ф. Борду. Его типологический метод получил широкое признание у специалистов палеолита как за рубежом, так и в Советском Союзе, в частности в

КазССР. Однако данный метод не лишен недостатков, поскольку это «закрытый» классификационный метод, что неоднократно подчеркивалось многими исследователями (Гвоздовер, 1974, с. 9; Любин, 1965, с. 23).

С 1970-х гг. активно разрабатывается и другой метод типологической классификации – «открытая система» (Медведев, 1975, с. 25; Матюшин, 1975, с. 12). «Основным преимуществом открытых систем является возможность сравнивать между собой любые, самые разные наборы орудий, описанные согласно этим системам, на количественной основе устанавливать степень их близости между собой. Выделение типов при этом может быть поставлено на твердую и контролируемую основу учета, частоты совпадения отдельных признаков...» (Гвоздовер, 1974, с. 36).

Появились в литературе и конкретные схемы-таблицы для первичной обработки археологического материала (Матюшин, 1976, с. 244). Взяв за основу таблицы, которые опубликованы в книге Г.Н. Матюшина «Мезолит Южного Урала», мы экспериментальным путем на примере материалов Северного Казахстана проверили перспективность открытой системы. Нам показалось очень важным взглянуть на археологический материал двух соседних регионов, пользуясь одинаковыми типологическими критериями.

Рассмотрим некоторые положения классификации Г.Н. Матюшина, с которыми не согласны авторы настоящей работы. Например, класс «пластины с ретушью» определены в данной классификации как вкладыши. Однако не все пластины с ретушью являются таковыми. С другой стороны, геометрические микролиты есть классические вкладыши, но в таблице они так не называются. Понятие «вкладыш» скорее технологическое, чем типологическое, и его логичнее не использовать. Целесообразно, на наш взгляд, не обобщать словесно классы 1–6 и т.д., а просто обозначить как «пластины с ретушью по краю», «геометрические микролиты», «скребки на пластинах», «острия» и пр. В таблице «Классификация концевых скребков» (с. 49) по вертикали дан признак «рабочий угол орудия и его параметры», который нами при-

менен без изменений. По горизонтали же, по нашему мнению, указаны различные признаки, которые иерархически должны располагаться на разных классификационных уровнях. Если контуры 1–4 отражают угол конвергенции ретуши, то контуры 5–8 – форму лезвий, что, естественно, не адекватно. При учете скребков показатели 1–4 «не сработали». Некоторые названия показателей 5–8 мы изменили. В частности, «нерегулярные» называем «фигурными», поскольку считаем, что термины «регулярный» и «нерегулярный» широко используются при характеристике ретушированных по продольному краю пластин. Термин «фигурные» предполагает многообразие вариаций контура лезвий. Вместо «остроугольные» пишем «приостренные», так как не найдено ни одного экземпляра с правильно геометрическим острым углом.

В итоге таблицы для первичной обработки инвентаря, по которым был классифицирован материал, приобрели следующий вид.

Таблица «Суммарная характеристика материала»

Она отвечает уровням категории, группы и класса. Выделены графы: нуклеусы и их производные (сколы оживления, ребристые пластины, обломки нуклеусов, пластины). Они делятся на экземпляры со вторичной обработкой и без нее. Первые делятся на классы: скребки, пластины с ретушью, резцы и пр., отщепы. Принцип иерархии тот же – выделение отщепов со вторичной обработкой и без нее.

Таблица «Прочее»

Здесь помещены изделия из некремневых пород камня, кости, глины. Данная таблица необходима при дальнейшей обработке материалов для более дробной классификации и постоянного контроля (таблицы 1, 2).

Таблица «Пластины»

В основе ее лежит градация пластин на определенные части или сегменты – целые, проксимальные, медиальные, дистальные (Зайберт, 1992, с. 21–240). Каждая графа делится на экземпляры со вторичной обработкой (орудия) и без обработки. В свою очередь, графа «без обработки» учитывает экземпляры со следами сработанности (при трасологическом анализе)

и без них. Пластины со следами сработанности относятся к категории орудий, но уже на основании функционального анализа. Пластины без следов сработанности будут относиться к категории заготовок или отходов. Поскольку трасологический анализ нами пока не произведен, все пластины без вторичной обработки учитываются в графе «итого». Эта таблица дает нам относительно полную информацию о пластинах как заготовках, а также о степени орудийности и каждой исходной заготовки (таблица 3).

Таблица «Размеры пластин»

При определении размеров пластин (ширина и длина) мы использовали параметры, наиболее широко встречающиеся в литературе по каменному веку Урала, Казахстана, Сибири: до 0,5 см; 0,6–1 см; 1,1–1,5 см; 1,6–2 см; 2,1–2,5 см; 2,6–3 см; 3,1–5 см; 5,1–7 см; 7,1–9 см; более 9 см. В таблице они одинаковы для ширины и длины пластин. Расположены параметры размеров пластины по горизонтали, а исходная форма заготовок и орудийность учитываются по вертикали.

Таблица «Скребки на пластинах»

По горизонтали за основу взяли признаки оформления рабочего угла (перпендикулярный, крутой, средний, пологий, очень пологий). Каждый из этих признаков учитывает на следующей иерархической ступени характер ретуши – конвергентная, дивергентная, краевая. По вертикали в основе лежит форма лезвий и исходные заготовки (Зайберт, 1992, с. 21–24).

Таблица «Резцы»

В ней указаны основные признаки орудий двух типов – угловых и боковых (срединные не включены лишь потому, что они отсутствуют в коллекциях или имеются в ограниченном количестве). По горизонтали размещены типы резцов, в том числе экземпляры с одним рабочим лезвием (однолезвийные) и несколькими (многолезвийные). Кроме того, принимаются во внимание вариации дополнительной обработки орудий по продольным краям. По вертикали размещены исходные формы заготовок. В боковых резцах по горизонтали учитывается форма ретушированного конца – вогнутый, прямой, скошенный, округлый (таблица 3).

Таблица «Трапеции».

За исходные признаки по горизонтали взяты формы трапеций – с боковой выемкой, без боковой выемки. Они, в свою очередь, делятся на высокие, низкие, неопределимые (обломки). Ниже помещена степень дополнительной обработки оснований – нижнего, верхнего, обоих. На следующей ступени имеет значение место нанесения – со спинки или брюшка. По вертикали даны следующие признаки: симметричные, асимметричные, неопределимые (обломки). При необходимости в таблицу можно включить и другие, более дробные показатели (таблица 3).

Вся проделанная работа по первичной классификации материала позволила учесть многочисленные признаки в рамках компактных таблиц, которые можно дополнять, не нарушая общей структуры иерархии в зависимости от характера предметов. Большое внимание уделено нами определению исходных форм заготовок, которые включались во все таблицы (Зайберт, 1992, с. 21–24).

Следующим этапом обработки явилось сопоставление и корреляция признаков на основе количественных показателей вышеописанных таблиц. Имеется реальная возможность рассмотреть и сравнить самые различные показатели, выявить ту или иную зависимость между ними. Особенно важны данные типологической классификации при выделении хронологических, а также культурных объектов для выявления своеобразия технологии и типологии определенных комплексов.

В целом при определении культурной принадлежности памятников, их периодизации и хронологии, при решении вопросов о функциональной особенности археологических объектов мы использовали сочетание суммы признаков: топография памятников, характер планиграфии – географической и производственной; технология изготовления кремневых орудий и керамики; типология кремневых и каменных орудий; морфологические особенности выделения типов инвентаря; форма и орнаментация керамики (Зайберт, 1992, с. 21–24).

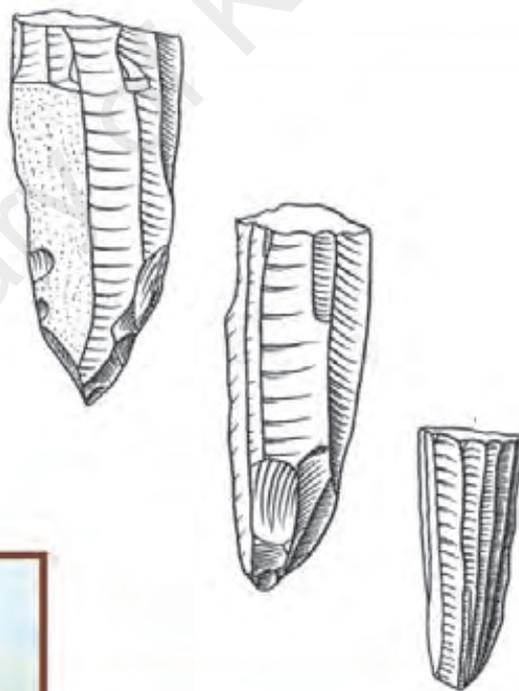

Archaeological Library of Kazakhstan

III

Памятники атбасарской культуры

3.1. Памятники Явленского микрорайона

Памятники Явленского микрорайона занимают территорию Петропавловского Приишимья (рис. 1). Основная их масса сосредоточена в широкой (до 10–15 км) долине. Как правило, объекты группируются на второй надпойменной террасе, реже на первой, или на берегах водораздельных озер. Наиболее показательна топография у с. Явленка, где производились стационарные исследования (рис. 2–15). Памятники приурочены к останцам второй надпойменной террасы правого берега реки, высота их 12–16 м. Рядом находится старинное озеро Ленкино. Один памятник обнаружен на коренном берегу юго-восточнее села.

Перспективы для раскопок памятников имеются у сел Карлуга, Бишкуль, Боголюбово, а также выше по течению Ишима от с. Николаевка (в 120 км к юго-западу от г. Петропавловска) до г. Сергеевки (рис. 16–29). Отсюда долина резко сужается, поэтому неолитические памятники практически неизвестны, кроме одного – у с. Куприяновка. Таким образом, на территории Явленского микрорайона известно около 40 пунктов каменного века, относящихся к мезолиту-энеолиту. Поскольку тема данной работы ограничена неолитической проблематикой, мезолитические материалы подробно не рассматриваются, но используются в работе при решении общих вопросов хронологии, периодизации и генезиса атбасарской культуры.

Стоянки у с. Явленка расположены в непосредственной близости от южной окраины села (рис. 30). Четыре стоянки (Явленка IV, V, VI, VII) приурочены к останцам второй надпойменной террасы правого берега Ишима (рис. 31).

Особняком расположено местонахождение Явленка III. Она зафиксирована в 200 м восточнее села и связывается с существованием некогда на водоразделе небольшого озера.

Явленка III

Культурный слой разрушен современными ямами. На поверхности и при зачистке получено 200 предметов (таблица 1). Матери-

ал происходит из небольшой прослойки между слабогумусированным покровом почвы (30 см) и глинистым материком (рис. 32).

Сырьем для производства орудий служила яшмовидная порода светло-коричневого цвета. Нуклеусов, за исключением одного обломка, нет. Он призматической формы, уплощенный. С нуклеуса снимались относительно широкие, до 1,5 см, пластины (рис. 33 – 1–5).

Пластины (41). В основном некачественные, неправильной огранки. Преобладающая ширина 9,2 см. На проксимальных сегментах изготовлены два орудия – скребок и нож. Медиальные сегменты не характерны для этой коллекции (таблица 3). Из 17 экземпляров лишь одна пластина имеет ретушированную боковую грань, а на второй сделан угловой резец (рис. 33 – 2, 3). Дистальные сегменты представлены двумя экземплярами без обработки.

Отщепы. В коллекции они составляют 79% (таблица 1). Причем много крупных экземпляров размером 2–4 см (60% от количества отщепов). Орудия представлены скребком, выполненным на пластинчатом отщепе, четырьмя скребками, сделанными на аморфных отщепах, пятью отщепами с нерегулярной ретушью. Заслуживает внимания наконечник дротика листовидной формы, обработанный с обеих сторон оббивкой. Длина его 4,3 см, ширина 2,4 см (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 239–240).

Явленка IV

Памятник разрушен оползнями. Культурный слой уничтожен почти полностью и сохранился лишь на площади около 20 кв. м. Стратиграфия следующая: гумус – 10–15 см, затем идет светло-серый подзолистый слой (15–20 см), его подстилает материковая глина (рис. 32 – 2). В коллекции содержится 287 предметов из яшмовидной породы светло-коричневого или серого цвета (таблица 1).

Нуклеусы (2). Один конической формы, высотой 2,8 см, другой в обломках двуплощадочной подпризматической формы, высотой 4,3 см (рис. 34 – 17). Заготовка нуклеуса высотой 8,5 см тщательно отесана, основание приострено.

Пластины (таблица 3). Размеры колеблются незначительно. На целой пластине шириной 2 см, длиной 8,2 см сделан нож. Обе грани ретушированы со стороны спинки. Резцовым сколом длиной 3 см оформлена рукоять орудия. Дополнительно эта часть ножа подправлена с брюшка ретушью (рис. 34 – 16). Из 31 проксимального сегмента 18 – со вторичной обработкой. Это ретушированные экземпляры с одного, реже с двух краев (рис. 34 – 8–14). Для заготовок характерны значительные размеры – от 8 см длиной и шириной до 2 см. Концевые скребки невыразительны (2). Один имеет дополнительную подправку с обеих боковых сторон, второй – легкую подправку с противоположного лезвию торца (рис. 34 – 5, 6).

Медиальные сегменты (38) не вызывают впечатления преднамеренного расщепления пластин. Скорее это обломки, получившиеся в результате работы. Из них два скребка небольших размеров, два угловых резца и 11 сечений с боковой ретушью. Остальные заготовки без вторичной обработки (рис. 34 – 1–4, 7, 8). Среди дистальных сегментов (9) заслуживают внимания проколка и две пластины с ретушью.

В этой коллекции мы наблюдаем относительно ровное распределение отщепов по размерам: 1–2 см – 46%, 2–4 см – 38%. Чешуек здесь только 15%, но зато сколов диаметром свыше 5 см – 4%. Изделия представлены наконечником (рис. 34 – 20), скребками и отщепами с ретушью, выполняющими различные функции – ножей, скреблей и пр. (рис. 34 – 18, 19, 21, 22). Следует отметить, что процент орудий на отщепках здесь увеличивается по сравнению с вышеописанными коллекциями (таблица 1) (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 240).

Явленка V

Памятник расположен близ стоянки Явленка IV (рис. 30). Стратиграфия: 0,15 м – гумус, ниже – гумусированный средний суглинок, переходящий в материковый тяжелый суглинок (рис. 32 – 3). Компактное залегание инвентаря (627) позволяет рассматривать его как самостоятельный памятник. Нуклеусов в коллекции нет (таблица 1).

Пластины (39). На проксимальных сегментах (11) (таблица 3) сделаны угловой резец, скребок (рис. 35 – 29) и две проколки (рис. 35 – 30); на медиальных (22) – четыре скребка (рис. 35 – 21, 25, 27, 28). В единственном числе представлен угловой резец (рис. 35 – 23). Пять сегментов обработаны нерегулярной ретушью (рис. 35 – 22, 26). Дистальные части насчитывают всего четыре экземпляра. Они маловыразительны и без всяких следов вторичной обработки.

Отщепы (70%) имеют размеры до 2 см, это практически отходы.

По характеру и соотношению типов заготовок стоянка близка к памятнику Явленка IV (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 240).

Явленка VI

Памятник расположен западнее мезолитической стоянки Явленка II (рис. 30). Основная часть культурного слоя разрушена оврагом. Стратиграфия проста: под легкой прослойкой гумуса идет темно-серый почвенный слой мощностью 20–30 см, ниже – материковая глина (рис. 36). Раскопом площадью 72 кв. м вскрыты остатки жилой постройки, зафиксированной на глубине 30 см в виде легкой впадины и столбовых ямок. Жилище было наземным, округлой формы, площадью 16–18 кв. м (рис. 36). В раскопе на участке А 1/3 в небольшом углублении площадью около 2 кв. м обнаружены крупные орудия на отщепках, расколотый нуклеус и плитка песчаника, отдаленно напоминающая зооморфную фигурку (водоплавающая птица?) со следами красной минеральной краски. Остальные находки приурочены к нижнему слою гумуса и верхнему горизонту материкового суглинка. Всего в слое найдено 1074 предмета из яшмовидной породы (приложение 1).

Нуклеусы и их обломки (17). Из них лишь один целый. Он конической формы, высотой 5,4 см (рис. 30). Площадка частично фасетирована (рис. 37 – 1). О систематической подправке нуклеусов свидетельствуют тринадцать поперечных сколов.

Пластины (108) (таблица 3). Размеры в тексте не приводятся. В коллекции десять целых пластин, три из них с ретушью (рис. 31). Проксимальные сегменты (43) большей частью без ретуши. Орудия – четыре скребка с округлым и прямоугольным лезвием (рис. 32), два ножа (рис. 37 – 10, 11) и пластинка с частичной ретушью (рис. 37 – 9).

Медиальные сегменты (42). На них сделаны пять скребков с овальным прямоугольным лезвием (рис. 37 – 15, 17, 18), три угловых резца (рис. 37 – 12). Девять сечений имеют ретушь по боковым граням (рис. 37 – 4–8, 13). На сечениях выполнены две симметричные трапеции длиной 2,6 см. У одной боковые грани ретушированы со спинки и частично подработано основание (рис. 37 – 36), у другой – ретушь на боковых гранях и нижнем основании нанесена с брюшка (рис. 37 – 3).

Дистальные сегменты (13). Из них лишь четыре экземпляра имеют следы ретуши со спинки.

Отщепы. Наличие крупных отщепов в данном памятнике сказывается на общей характеристике их размеров. В стоянке только 8% чешуек (до 1 см), 1–2 см – 48%, размерами 2–4 см – 38%. Зато до 6 см – 3% и свыше 6 см – 2%. Следовательно, в этой коллекции органически сочетаются мелкие отщепы и крупные заготовки.

Орудия на отщепах представлены ножами, скребками, заготовками с ретушью. Ножи выполнены на массивных отщепах, длина от 5 до 11,4 см (рис. 34). Два из них однотипны (рис. 37 – 14, 20). Оба орудия обработаны со спинки мелкой оббивкой, причем только непосредственно рабочие края. На одном ноже с брюшка снят скол. Третий экземпляр (пластинчатый отщеп) по одной грани со спинки и брюшка имеет тонкую краевую ретушь. Один нож сделан на широком отщепе (7,6 см), подработанный лишь частично со стороны спинки краевой мелкой ретушью. Не исключено, что подобная мелкая ретушь могла образоваться в процессе использования орудия. Последний экземпляр несколько меньших размеров, но также обработан по двум граням мелкой ретушью. Имеющиеся скребки массивные, толщиной до 2,4 см.

Рабочее лезвие скребков оформлено техникой оббивки и отжимной ретушью. В двух случаях боковые стороны выполняли также скребковые функции (рис. 37 – 19).

Отщепы с ретушью выделены в особую группу, поскольку типологически их трудно определить. Но судя по размерам и массивности, они выполняли функции ножей, скребелей и т.д. (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 241).

Явленка VII

Явленка VII расположена в 75 м к юго-западу от стоянки Явленка VI (рис. 30). Культурный слой сохранился на площади 15 кв. м и полностью раскопан. Стратиграфия следующая: под темным гумусированным слоем 15–16 см залегает легкая линза светлой супеси, содержащая культурные остатки, которые имелись и в нижнем слое материковой глины на протяжении 6–8 см (рис. 32). В раскопе обнаружено 229 предметов из яшмовидной породы (таблица 1).

Нуклеусов нет. Однако в слое найдено три поперечных скола.

Пластины (102). Целые экземпляры отсутствуют (таблица 3). Проксимальные сегменты (44). Два резца сделаны на углу пластинок (рис. 39 – 29, 30). Имеется четыре скребка: два сделаны на широких (более 2 см) коротких пластинах, лезвия у них высокой и округлой формы (рис. 39 – 23, 27), два других имеют меньшие размеры: длина одного 2,2 см, ширина 1,3 см, длина другого 1,8 см, ширина 1,3 см. У первого лезвие прямое и подправлено с трех сторон краевой ретушью. У второго лезвие приострено, противоположная торцевая часть слегка подправлена со спинки. Несколько экземпляров ретушированы мелкой краевой ретушью по продольным краям (рис. 39 – 13–15, 17, 18, 22, 24).

Медиальные сегменты (38). Интересен обломок наконечника стрелы ромбовидной формы с усеченным прямым основанием; длина его 2,4 см, ширина основания 1,5 см. Ретушь нанесена по всему периметру изделий, со стороны брюшка она захватывает лишь край на-

конечника (рис. 39 – 26). Насчитывается 15 экземпляров сечений с краевой ретушью (рис. 39 – 1, 3, 12, 16, 19, 20, 25, 28, 33). Дистальные сегменты (2), за исключением одной пластины, не ретушированы (рис. 39 – 21).

Отщепы. Интересно, что здесь процент крупных отщепов равен трем, но резко, по сравнению с Явленкой VI, падает их количество размером до 4 см и увеличивается процент чешуек (23%). Это резкое различие в размерах не только подчеркивает сочетание микро- и макроформ, но и свидетельствует о некоторых особенностях в технике обработки. Если в Явленке VI чешуек только 8%, то в Явленке VII – 23%. Последнее связано с широко развитой техникой оббивки. Орудия на отщепах представлены массивным скребком длиной 7,4 см (рис. 39 – 31), наконечником копья листовидной формы (рис. 39 – 34), несколькими сколами с нерегулярной ретушью. Интересен в коллекции топор, обработанный оббивкой и частично пришлифованный (рис. 39 – 32), обработанный оббивкой и частично пришлифованный (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 241–242).

При сопоставлении всех данных топографии, планиграфии, стратиграфии и типологии, полученных в процессе раскопок или обследований объектов Явленского микрорайона, выделяется несколько групп памятников.

I группа: Явленка II, Мичуринская I, Боголюбово II. Индустрия отличается совершенной микролитической техникой. В качестве сырья использовались кремний, яшма, кварцит, породы камня. Широко развита резцовая техника (угловые резцы, боковые и срединные), сверла, проколки, резчики, пластины с притупленным краем. Незначительным количеством представлены скребки на отщепах и пластинах.

II группа: Явленка VI, VII, Карлуга III, Боголюбово III. Технология характеризуется постепенным укрупнением составных частей вкладышевых орудий и самих пластин. Появляются макроформы – двусторонне обработанные наконечники копий, крупные ножи и скребла на отщепах, скобели на крупных пластинах и отщепах, единичные крупные симметричные

трапеции. Сырье отличается однородностью – светло-коричневая и серая яшмовидная порода. Керамика фрагментарная, тонкостенная, с примесью песка, дресвы, украшенная гребенчатыми оттисками.

III группа: Явленка IV, V, Карлуга IV, Боголюбово II, Булаево I и др. В технологии постепенно исчезает вкладышевая традиция (рис. 35 – 29, 30). В качестве заготовок для орудий чаще используются целые или проксимальные части пластин длиной 5,7 см и шириной до 2,5–3 см. Среди орудий преобладают пластины с ретушью, скребки на пластинах и отщепах. Резцовых форм, сравнительно со II группой, немного (таблица 1). Широко распространяются наконечники стрел листовидной и иволистной формы с двусторонней обработкой. Керамика также фрагментарна, с оттисками гребенчатого штампа в виде «шагающего» элемента или горизонтальных линий.

IV группа: Явленка III, Мичуринское I (поздний комплекс), Новоникольское V, Боголюбово I и др. Характерный облик коллекций составляют орудия на отщепах (скребки, скобели, наконечники стрел). Изделия на пластинах представлены экземплярами с ретушью, единичными скобелями, проколками. Типы наконечников: черешковые, с выемкой в основании, с прямым или округлым насадом.

Поскольку памятники выделенных групп расположены на относительно небольшой территории, то их отличия между собой имеют, скорее всего, хронологический характер. Подтверждают это и некоторые полевые материалы, полученные при исследовании стоянок и местонахождений у с. Явленка.

Так, стоянки первой и второй группы располагались на останцах второй террасы. Если на стоянке Явленка II (I группа) верхняя часть культурного слоя не сохранилась, а находки сосредоточились в верхнем слое верхнего суглинка, то при раскопках стоянок Явленка VI и VII (II группа) культурные остатки приурочены к пограничному горизонту между материковым суглинком и перекрывающим его гумусированным легким суглинком.

Материалы стоянок IV и V (III группа) происходят из прослойки тонкой гумусирован-

ной супеси. И, наконец, инвентарь Явленки III (II группа) содержался в верхнем гумусированном слое.

Раскопанные памятники и ряд обследованных пунктов функционально определены нами как стоянки и местонахождения. Мастерские и поселения пока здесь не выявлены. Однако сравнительно мощный (до 80 см) культурный слой у ряда пунктов возле сел Боголюбово, Карлуга обещает появление памятников такого рода, ибо экологическая обстановка в голоцене в широкой долине Ишима благоприятствовала обитанию здесь первобытных коллективов, на что лишний раз указывает концентрация археологических объектов.

3.2. Археологические объекты Виноградовского микрорайона

Рассматриваемые объекты расположены на р. Чаглинке в Северо-Казахстанской области (рис. 1). Большая часть памятников приурочена к нижнему течению Чаглинки, севернее г. Кокшетау. Южнее Кокшетау известно пока лишь восемь пунктов.

Уникально скопление стоянок, поселений, местонахождений на небольшом отрезке старицы Чаглинки – Балга-Карасу, между селами Виноградовка и Берлиновка Красноармейского района. Они приурочены к мыскам высотой до 2,5 м, сильно извилистому, высохшему в настоящее время руслу (рис. 40–49). В 1978 г. снят подробный план стариц и нанесены основные скопления памятников, фиксируемых по подъемным сборам. Судя по концентрации материала, при тщательном обследовании района будет зафиксировано не менее 100 памятников. Ряд стоянок обследован на самой Чаглинке у сел Алексеевское, Линеевское, Васильковка. В верхнем течении Чаглинки стоянки найдены близ с. Кенеткуль, в 30–40 км на юг от г. Кокшетау. Они приурочены к высокой пойме или слабо выраженной первой надпойменной террасе, поскольку долина у р. Чаглинки практически отсутствует. Наиболее интересны исследованные поселения Кенеткуль VIII, Ботай и другие, относящиеся к энеолиту (Зайберт и др., 1978; Зайберт и др., 1981). Остальные памятники сильно разрушены. Характеристика

материалов, полученных только в ходе обследований объектов, дана в таблицах.

Итак, раскопанные памятники Виноградовка II и X, XII различны по функциональному, а также хронологическому признаку. Поселение Виноградовка X отличается большой площадью (более 2 тыс. кв. м), наличием нескольких остатков наземных построек и большим количеством инвентаря. Стоянки Виноградовка XII и Виноградовка II типичны для данного класса памятников («стоянки») по всем показателям.

Исходя из стратиграфии и типологии в Виноградовском микрорайоне, можно выделить несколько хронологических групп памятников.

I группа: Виноградовка II, нижний слой, Виноградовка XII. Культурный слой приурочен к серо-коричневому суглинку и перекрыт поздними отложениями (Виноградовка II) или к среднему суглинку, залегающему под легкой гумусовой прослойкой (Виноградовка XII). В техническом и типологическом отношении материалы этих стоянок датируются мезолитическим временем.

II группа: Виноградовка II, верхний слой, Виноградовка XI. В технологии сохраняются мезолитические традиции – изготовление вкладышей для составных орудий. Заготовки служили в основном медиальные сегменты шириной до 1–1,5 см, длиной до 2, реже 3–5 см. Наборы представлены пластинами с ретушью, с притупленным концом, угловыми резцами, скошенными остриями, единичными экземплярами с притупленной спинкой, концевыми и круговыми скребками, скобелями, пластинами с торцевой выемкой и др.

III группа: Виноградовка X, XII и др. Инвентарь характеризуется разнообразным набором микро- и макроформ. Пластины используются как вкладыши и как самостоятельные орудия: скребки, ножи, скобели, скребла и др. Изделия на отщепках довольно массивны: скребла, ножи, скобели. Много ударных инструментов, это молоты, топоровидные орудия.

IV группа: Кенеткуль VIII, Виноградовка VIII и др.

Пластинчатая индустрия изживает себя, много скребков, скобелей на отщепах. Пластины без ретуши или с нерегулярной краевой подработкой. Широко распространены наконечники стрел дротиков с двусторонней обработкой. Это черешковые, со «свисающими усами», листовидной формы, с выделенным черешком или выемкой в основании. Керамика украшена с помощью гребенчатой, ямочной и накольчатой техники. В коллекции содержатся единичные медные изделия.

Памятники Аккан-Бурлукского микро-района сосредоточены по р. Аккан-Бурлук и на Ишиме в пределах Северо-Казахстанской области. Одна стоянка (Новомихайловская) относится к палеолиту, остальные – к неолиту.

Три стоянки расположены на правом берегу Ишима, остальные (12 пунктов) – на обоих берегах Аккан-Бурлука.

Стационарные исследования здесь пока не производились. Однако выявлен ряд перспективных памятников, давших стратиграфию и хороший комплекс из подъемных сборов. Это стоянки Тендык I, II, Аккан-Бурлук I–IV и др. (рис. 50–52).

Интересно, что памятники группируются в низовьях Аккан-Бурлука и близлежащих районах р. Ишим, имеющих узкую, но расчлененную долину.

Стоянка Виноградовка II

Памятник расположен на левом берегу старицы р. Чаглинки, в 3,3 км к северу от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Высота относительно крутой террасы в данном месте составляет 2 м. Верхняя часть площадки задернована. Подъемные сборы производились в нижней части берега, частично разрушенного ветровой эрозией и потоками талых вод (рис. 53).

Раскопом вскрыто 272 кв. м (рис. 54).

Стратиграфия памятника следующая: гумус – 0–5 см; светло-серый суглинистый слой – 5–10 см; черный тяжелосуглинистый пойменный слой – 10–15 см; серо-коричневый средний суглинок – 20–25 см; гумусированный средний суглинок – 15–20 см; серо-коричневый средний суглинок – 20 см; гумусированный средний суглинок – 10–15 см; тяжелый желтоватый суглинок – 5 см.

Стратиграфически вычленено два культурных слоя (рис. 55–59). Более поздний приурочен к гумусированному серо-коричневому горизонту среднего суглинка. Его перекрывает черный зернистый тяжелосуглинистый слой. На различных глубинах зафиксированы хозяйственные и столбовые ямки (рис. 57, 61). Вероятно, их функционирование относится к верхнему культурному горизонту.

Яма 1 была зафиксирована на глубине 15 см. Форма очертаний подквадратная, диаметр около 1 м. На глубине 30 см размеры пятна уменьшились, очертания его приобрели округлую форму.

Яма 2. На глубине 10 см пятно имело правильную округлую форму диаметром около 2 м. На глубине 35 и 40 см очертания ямы уменьшились и сместились ниже по склону террасы.

Яма 3. Правильных очертаний. Имеет диаметр 1,5 м. Фиксировалась на глубине 40 см.

Яма 4. Фиксировалась на глубине 25 см. Имеет вытянутую округлую форму диаметром до 1 м.

Ямы 5, 6, 7 фиксировались на глубине 50–60 см. Полностью конфигурации этих ям проследить трудно, т.к. очертания их уходят за пределы раскопа.

Яма 8. Фиксировалась на глубине 50 см. У пятна подпрямоугольные очертания, диаметр около 2 м.

Яма 9. Пятно имеет вытянутую форму диаметром 50 см, фиксировалось на глубине 95 см.

Столбовые ямки. Их всего три. Все они расположены в верхней части террасы, в квадратах А-2, Б-7, А-8. Диаметр их небольшой – от 10 до 25 см.

Никакой системы в расположении ямок проследить не удалось.

Ранний культурный слой залегал на глубине 80–90 см. Это серо-коричневая с желтым оттенком почва, пропитанная карбонатами, глыбисто-пылеватой структуры. Два культурных горизонта разделялись стерильным суглинком пороховидно-пылеватой структуры. Находки концентрировались в основном в юго-восточной части раскопа.

Ранний комплекс представлен немногочисленным (58), но выразительным материалом: резцами на крупных отщепах, выполненных из кремнистой породы коричневатого цвета, скребками, пластинками с притупленной спинкой. Ближайшие аналогии этот комплекс находит в раннемезолитической или финально-палеолитической стоянке Куропаткино I, расположенной на р. Чаглинке, в 40 км к северо-востоку от г. Кокшетау (Зайберт, Татаринцева, Заитов, 1979, с. 13–16).

К позднему неолитическому комплексу относятся 1211 кремневых и керамических предметов (таблица 1). Сырьем служила серая или светло-коричневая яшмовидная порода. Основные группы и классы предметов коллекции следующие.

Нуклеусы (8) представлены исключительно в обломках (рис. 60). По ним можно лишь констатировать, что ядрища имели коническую и призматическую форму. Техника снятия пластин предполагала регулярную подправку нуклеусов, что подтверждается находками сколов оживления (5). Об изготовлении нуклеусов на месте свидетельствуют двенадцать ребристых пластин от невысоких (до 5 см) ядрищ.

Пластины (575) в основном без вторичной обработки (493) (рис. 62, 63). Все пластины рассечены на части (таблица 3). Преобладают среди последних медиальные сегменты (175). Совершенно отсутствуют цельные пластины, размеры заготовок и отходов достаточно микролитовидные. Ширина пластин не превышает 2 см, а длина – 6 см. Наиболее распространены следующие параметры: ширина 1–1,5 см, длина 1,2 см. В целом индустрия носит вкладышевый характер. На пластинах выделены следующие типы.

Пластины с ретушью (63). Ретушь краевая, крутая, регулярная и нерегулярная. Наносилась чаще всего с брюшка, реже – со спинки (рис. 64–66).

Скребки (2) маловыразительны. Оформленные под углом рабочие лезвия в плане имеют округлые формы. Боковые стороны частично ретушированы мелкой ретушью (рис. 64 – 47; 67).

Угловые резцы (13). Орудия однолезвийные, резцовые сколы занимают $\frac{1}{3}$ длины заготовки (рис. 64 – 31–42; 68).

Пластины с торцовой ретушью (7). Все они выполнены на медиальных частях. Один из торцовых концов ретушировался прямо, выпукло или вогнуто (рис. 64 – 43–52; 69). Единичны в коллекции такие типы, как развертки, резчики, пластины с притупленной спинкой, параллелограммы, пластины с торцовой выемкой, со скошенным краем (рис. 64 – 53–56).

Пластины (8). Следов вторичной обработки не имеют. Выполнены на светло-серой яшме.

Отщепы (616) в основном мелкие (1–3 см). Сколов же с диаметром до 5 см насчитывается двадцать один экземпляр (рис. 65 – 44 – 46; 70). Орудий на отщепах семь, это пять аморфных сколов с ретушью и два скребка (рис. 64 – 58–64). Последние округлой формы диаметром до 5 см. Рабочая часть оформлена крутой скребковой ретушью.

Скребки на отщепах (5). Выполнены они на светло-серой, темно-коричневой и красноватой яшме. Форма заготовок аморфная, за исключением одного экземпляра, который по форме напоминает концевой скребок на пластине с округлым лезвием.

Керамический материал ограничен восемью фрагментами стенок и шеек сосудов. Они тонкостенные, с примесью песка, часто крупного, или дресвы и, возможно, растительных остатков. Орнамент невыразителен. Прослеживаются лишь мелкие ямочные вдавления.

Среди археологических остатков имеются мелкие раздробленные кости животных.

Раскопом II вскрыто 52 кв. м. Стратиграфия аналогична прослеженной в раскопе I. Никаких конструкций и материальных остатков (за исключением нескольких мелких косточек животных) не обнаружено. Это свидетельствует о том, что раскоп был заложен на периферии древней жилой площадки.

В полевом сезоне 1979 г. СКАЭ были продолжены работы на стоянке Виноградовка II, раскоп № 1. Раскопки 1978 г. и последующая обработка полученных материалов позволили выявить интересную стратиграфию и рассматривать памятник как двухслойный.

К раскопу 1978 г. были прирезаны новые участки общей площадью 156 кв. м. Работы велись по квадратам (2x2 м), с полным выносом грунта за пределы раскопа. Материал фиксировался по слоям в 10 см. Точная фиксация слоев позволила выявить следующую стратиграфию (периметром могут служить квадраты IV-III по линии Д): гумус – 5 см; светло-серый легкосуглинистый слой – 5–7 см; черный тяжелосуглинистый слой – 10 см; серо-коричневый средний суглинок – 10–12 см; гумусированный средний суглинок – 20–25 см; серо-коричневый средний суглинок – 20 см; гумусированный средний суглинок – 10 см; тяжелый желтоватый суглинок – 5 см.

Материал фиксировался в среднем гумусированном суглинке, который залегал двумя слоями (5 и 7) и разделялся стерильной прослойкой мощностью от 20 до 40 см (рис. 65 – 1).

В некоторых квадратах данное чередование слоев несколько изменено. Местами слои прерываются и пропадают или имеют значительные вертикальные перепады.

Несмотря на довольно значительную площадь раскопа, количество находок невелико и насчитывает 110 предметов, из них 29 кремневых предметов и 80 фрагментов керамики. Кроме того, в коллекции имеется значительный остеологический материал.

Кремневый инвентарь очень разнообразен и по сырью, и по цвету. Орудия представлены только одной серией – это скребки на отщепе в количестве пяти экземпляров (рис. 65 – 2, 9–13). Выполнены они на светло-серой, темно-коричневой и красноватой яшме. Форма заготовок аморфная, за исключением одного экземпляра, который по форме напоминает концевой скребок на пластине с округлым лезвием (рис. 65 – 2, 11).

Пластины (8). Следов вторичной обработки не имеют. Выполнены на светло-серой яшме (рис. 71).

Остальная часть кремневого инвентаря – отщепы без вторичной обработки.

Керамика в основном однородная. Она хорошего обжига, с примесью шамота и мелкого песка. Толщина стенок не превышает 7–8 мм. Посуда горшечно-баночной формы, с от-

крытой горловиной и оттянутым наружу венчиком. Сам венчик округлый и слегка уплощен. При переходе от шейки к тулову в результате нанесения вдавлений образован своеобразный валик. Орнаментирован только венчик глубокими вдавлениями углом штампа, образующими линию свисающих треугольников.

Исключение составляют два фрагмента тонкостенной керамики с примесью талька. Судя по форме и орнаментации, керамика более позднего происхождения и с кремневым комплексом не связана.

Кремневый материал так же невыразителен. Но имеющиеся формы в принципе не противоречат выводам, сделанным нами на примере раскопок этого памятника в 1978 г. (Зайберт, Зайтов, 1980, с. 17–19).

Поселение Виноградовка X

Памятник расположен в 2,5 км к югу от с. Берлиновка, в 3,5 км к северо-западу от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Площадка памятника занимает мысок на берегу старицы Чаглинки – Балга-Карасу (рис. 72). Культурный слой памятника частично разрушен.

Памятник занимает слегка пологую площадку мыса площадью более 2 тыс. кв. м. На поселении вскрыто 734 кв. м культурного слоя (рис. 73). Нижняя часть террасы слегка разрушена, поэтому толщина культурного слоя здесь равна 10–15 см. На остальной территории раскопа мощность слоя достигает 40–45 см (Зданович, Зайберт, 1972, с. 18–21; Зайберт, Татаринцева, Зайтов, 1979, с. 7–12; Зайберт, Даниленко, 1980, с. 20–24).

Стратиграфия следующая: под гумусом (5–10 см) идет гумусированный средний суглинок (20–30 см), переходящий в осветленную прослойку легкого суглинка или супеси (5–10 см). Подстикает культурный слой материковый суглинок с кальцинированными вкраплениями (рис. 74, 75).

При зачистке зафиксированы очертания, возможно, наземных сооружений, а также ямки от столбов. Семь легких углублений имели площадь от 4 до 20 кв. м. В них содержались скопления находок – кремневые предметы, кера-

мика, ракушки, кости животных. Своеобразны обнаруженные в восточной части террасы две параллельные удлиненные ямы глубиной до 1 м, шириной до 0,9 м. Расстояние между ними – 3 м. При зачистке в северной части раскопа были зафиксированы шесть впадин глубиной 10–15 см, площадью 1,5–3,5 кв. м и столбовые ямки, большинство которых расположено близ впадин (рис. 76, 77).

В нижней части террасы выявлены остатки жилища в виде округлого углубления диаметром 6 м, глубиной 30 см. Судя по очертаниям, выход находился в западной стенке жилища, открытой к воде. Полевые наблюдения, расположение впадин и ям дают основание предположить наличие на поселении жилых конструкций, приблизительная площадь которых 40 кв. м.

В 2 м южнее зафиксировано канавообразное углубление шириной 1,5 м, глубиной 15–20 см, длиной 4 м, ориентированное по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. В западной части углубление несколько расширяется. Здесь находилась ямка диаметром 65 см, глубиной 10 см.

Сопоставление полученного материала по глубинам и участкам показало однородность коллекции – кремневого, костяного инвентаря и керамики. Всего в коллекции насчитывается 2326 предметов (таблица 1).

В качестве сырья для производства каменных орудий использовались яшмовидные породы различных оттенков – от серого до светло-коричневого, реже – крупнозернистые кварциты, песчаники и сланцы.

Нуклеусы (17). Ядрища конической, призматической и клиновидной формы.

Конические (5). Высота нуклеусов колеблется в пределах 3,4–6,4 см, их диаметр – 2,4–3,6 см. Ударные площадки ровные, слегка вогнутые или выпуклые и, как правило, фасетированы. Снятие пластин производилось не менее чем по $\frac{2}{3}$ периметра ядрищ. Ширина негативов до 1,2 см. Основания нуклеусов имеют следы забитости, образовавшиеся в процессе снятия пластин при упоре ядрища на наковальню (рис. 78 – 1, 2, 5, 7).

Призматические (6). Из них пять одноплощадочных и один двухплощадочный (рис.

78 – 8; 79 – 4–7). Первые – уплощенные, высотой от 4,2 до 6 см. Один шириной 2,3 см, толщиной 1 см. Ударная площадка фасетирована, слегка вогнута. Снятие пластин производилось по $\frac{2}{3}$ части периметра. Второй нуклеус предельно сработан. По форме близок к вышеописанному. Ширина его 2,2 см, толщина 1,3 см. Снятие пластин производилось с трех сторон. Контрфас не обрабатывался. Основание приглушено, ударная площадка подработана вторично в виде скребкового лезвия. Третий экземпляр является заготовкой, высота его 6 см, ширина 6,2 см, толщина 3,8 см. Двухплощадочный, высотой 2 см, диаметром 3,6 см. Одна ударная площадка горизонтальна, частично фасетирована по краю. Противоположная образовалась в процессе изготовления из нуклеуса долота.

Обломки нуклеусов (19) фрагментарны и не меняют представления о нуклеусах данной коллекции (рис. 78 – 3, 6; 79 – 2, 3). Определенным источником для характеристики техники расщепления нуклеусов являются 10 сколов оживления и 39 ребристых пластин (таблица 1). Три ребристые пластины использованы в качестве орудий – скребка и скобелей (рис. 80 – 32; 81 – 5, 8).

Нуклевидные изделия (15). По ним невозможно реконструировать размеры и форму изделий. Частично неопределенных форм и пропорций, но формы и пропорции напоминают бифасоидные заготовки (таблица 1). В двух случаях они по форме близки к долотам. Размеры одного: длина 5,6 см, ширина 3,5 см, толщина 2,4 см, рабочая часть хорошо обработана и пришлифована, вероятно, в процессе работы. Второй также имеет следы подтески, но менее выразителен.

Кроме нуклеусов и их обломков на поселении найдены один скол оживления и семь ребристых пластин без следов вторичной обработки (рис. 82 – 1).

Основу коллекции составляют пластины и орудия на пластинах (939). Учет исходных форм заготовок выявил преобладание медиальных сегментов (55,7%) (таблица 1). Проксимальных несколько меньше – 34,4%, дистальных – 8,52%, целых всего 1,38% (таблица 3).

Пропорции пластин заготовок и орудий следующие: ширина пластин со вторичной обработкой в основном 1,1–1,5 см (14,38%), примерно одинаковое количество экземпляров шириной 0,6–1; 1,6–2 см (в пределах 7–8%). Орудий до 0,5 см и, наоборот, от 3–5 см – единицы. Длина орудий в основном от 1,5 до 5 см.

Распределение процентов в этих интервалах довольно равномерное – от 4 до 6%. Ширина пластин без ретуши колеблется в пределах 1,1–1,5 см (31,31%), 0,6–1 см (22,58%) и 1,6–2 см (9,27%). Длина 1,1 см – до 20,2%, остальные пластины – длиной от 1 до 7 см. Интересно, что заготовки без ретуши по пропорциям тяготеют к квадрату, а орудия – к прямоугольнику.

Большинство пластин в коллекции без обработки (772). Однако при просмотре под биноклем хорошо заметны зазубренность, залощенность, линейные следы.

Пластины с ретушью (190). Заготовками служили в основном медиальные сегменты (11,6%) (таблица 3). Ретушь краевая, крутая или пологая. По характеру нанесения она различная – регулярная и нерегулярная, нанесена как со спинки, так и с брюшка. Есть и противоположающаяся ретушь (рис. 80 – 1-28, 30, 31; 81 – 7; рис. 83 – 1-16).

Скрепки концевые (60). Значительная часть их выполнена на медиальных сегментах (4,05%). Они небольших пропорций, преимущественно с округлым лезвием, оформленные под углом до 70°–85°. Как правило, скрепки имеют дополнительную обработку ретушью боковых граней со спинки, реже с брюшка (рис. 84 – 1-23).

Резцы угловые (26). Выполнены прежде всего на медиальных частях (1,81%). Шесть орудий (0,64%) изготовлены на проксимальных сегментах. Характерно, что использованы для резцов относительно широкие заготовки – до 1,6 см. Все экземпляры однолезвийные, однофасеточные, очень невыразительные (рис. 85 – 6, 7, 9 – 15). Найден лишь один двухфасеточный резец (рис. 13 – 8). У боковых резцов (2) фиксируется легкая подработка торцов заготовок, с той лишь разницей, что вместо углового резцового скола идет ретушь. Она крутая, занимает до 1/3 длины заготовки (рис. 85 – 17, 19).

Пластины со скошенным краем (10). Заготовками явились проксимальные, медиальные и дистальные сегменты (рис. 84 – 27–30). Наиболее выразителен один экземпляр, у которого угол скоса равен 45°. Крутая ретушь нанесена со спинки (рис. 84 – 30).

Развертки (2) выполнены на медиальных сегментах шириной до 1 см, длиной до 4 см. Характерной морфологической особенностью является крутая, довольно крупная ретушь, приостряющая один конец заготовки со спинки (рис. 84 – 24).

Скобели (22). Медиальные заготовки шириной до 1,5 см и длиной до 3 см имеют на одной из боковых граней ретушированную с брюшка широкую выемку (рис. 80 – 29; 85 – 16-18).

Пластины с торцевой обработкой (14). Тонкой ретушью оформлены концы пластинок. В нескольких случаях фиксируется легкая выемка (рис. 85 – 5).

Пластина с торцевой выемкой (1). Заготовкой служил медиальный сегмент. Выемка оформлена мелкой ретушью (рис. 85 – 4).

Представляют интерес пластины, ретушированные тонкой пологой приостряющей ретушью, нанесенной по всему длинному краю пластины с брюшка (рис. 86 – 27, 28, 29; 87 – 8, 12).

Пластины с торцевой ретушью (3) (рис. 87 – 29; 88 – 27; 89 – 27). Ретушь нанесена по всему торцу. Торцы прямые, без выемок. На двух пластинах ретушь притупляющая, на одной – приостряющая.

Пластина (рис. 87 – 29) ретуширована по краям со спинки, с брюшка же нанесена глубокая подтека.

Пластина со скошенным краем (1) (рис. 89 – 6), представлена обломком, изготовлена на медиальном сечении, обработана крутой конвергентной ретушью.

Проколки, провертки (3) (рис. 89 – 36; 90 – 2). Этот тип орудий в коллекции выделяется условно, т.к. целых изделий нет. Сделаны орудия на медиальных сечениях, по двум краям обработаны перпендикулярной либо крутой ретушью.

Концевые скрепки на пластинах (7) (рис. 87 – 33; 43; 88 – 28; 89 – 30, 34; 90 – 12). Ис-

ходные формы заготовок – проксимальные и медиальные сечения. Орудия небольших размеров: длина 1,1–2,4 см, ширина 1,3–2,0 см. Формы лезвий – округлые, асимметричные со скосом вправо, влево, рабочий угол у скребков различный: есть экземпляры с высоким и крутым лезвием, есть с пологим, а есть изделия с тонким и плоским лезвием.

Трапеции (3). Одна – шириной 1 см, длиной 3,4 см, боковые края ретушированы со спинки (рис. 85 – 22). Две другие меньше размерами, симметричные (рис. 85 – 21, 23).

Наконечник (1). Перо орудия отретушировано краевой ретушью с брюшка и спинки. Насад наконечника оформлен в виде ретушированной легкой выемки (рис. 85 – 20).

Отщепы (1390). Из них со вторичной обработкой – 108 экземпляров (таблица 1). Самая большая доля приходится на мелкие (1–3 см) отщепы (835). Чешуйки (до 1 см) и средние (3–5 см) имеют одинаковое количество – 163 экземпляра. Со вторичной обработкой – 115 отщепов. Исходной заготовкой служили сколы длиной от 2 до 5 см (таблица 3).

Скребки (29) не составляют определенных серий. Они различной формы – подпрямоугольные, подтреугольные, округлые. Лезвие занимает, как правило, не более $\frac{2}{3}$ периметра заготовок. Оно крутое или пологое (рис. 81 – 1, 7, 10).

Отщепы с ретушью (64). Это типологически неопределимые сколы с нерегулярной (возможно, случайного происхождения) ретушью или следами оббивки (рис. 81 – 1, 2, 4).

Скребла (12). Одно выполнено на подтреугольном отщепе толщиной 1,5 см и длиной 7 см. Орудие с двумя смежными рабочими краями, образованными оббивкой с брюшка (рис. 91 – 1). По краю лезвия идет крутая ретушь – результат сработанности орудия. Два других изделия – длиной 10–12 см. Обработаны оббивкой почти по всему периметру со спинки и в меньшей степени с брюшка. Остальные средних размеров (до 6 см), в основном подпрямоугольной формы, с высокой спинкой и крутой ретушью.

Скребки на пластинчатых отщепах (2) (рис. 82 – 9, 11). Форма лезвий – округлая и

асимметричная со скосом влево. Лезвия высокие, крутые.

Скребки на отщепах (7). (рис. 82 – 13; 87 – 31; 90 – 84; 88 – 29; 89 – 31). Орудия не имеют какой-либо определенной формы и полностью подчинены формам и размерам отщепов. Рабочие части высокие и крутые, занимают у большинства изделий $\frac{1}{4}$ периметра.

Скребла (3) (рис. 82 – 16). Это массивные, от 4,1 до 10,2 см, орудия подтреугольной формы. Лезвие оформлено крутой крупной ретушью. Кроме того, у двух изделий одна сторона ретуширована, на другой – легкая ретушированная выемка.

Ножи (2). Типологически это отщепы с двусторонней ретушью, приостряющие рабочие лезвия (рис. 91 – 3).

Скобели (17). Заготовками служили сколы длиной от 3 до 9 см. Все экземпляры имеют характерно сделанные выемки, оформленные ретушью с брюшка или спинки (рис. 81 – 3, 5; 91 – 2; 92 – 2). Интересны два скобеля, сделанные на массивных удлиненных отщепах, имеющих по несколько выемок шириной до 2 см, глубиной 0,3 см. Скобель ретуширован и по противоположной выемке стороне.

Скобели на отщепах (2). Выполнены на уплощенном и высоком крутом отщепе. Рабочая часть скобелей имеет неглубокие выемки, оформленные ретушью.

Единичны в коллекции резцы (2) и проколки (1). Первые выполнены на отщепах диаметром до 5 см. Резцовые сколы направлены под углом друг к другу, образуя своеобразные резцы срединного типа. Резец на отщепе – один экземпляр. Изготовлен на удлиненном отщепе. Рабочее лезвие оформлено двумя широкими сколами по длинной стороне орудия и по торцу. Торец легко ретуширован по краю со стороны спинки. Рабочая часть проколки приострена крутой ретушью со спинки.

Имеются в коллекции изделия из песчаника, сланца, грубого кварцита: топор, шесть ретушеров-отбойников (рис. 92 – 1; 93, 94). Одно изделие из песчаника напоминает выпрямитель для древков с характерным для последних желобком. Более десятка предметов представлены плитками из кварцита и песчаника со следами сработанности.

Керамика (99) составляет в коллекции немногим более 2%. Она очень фрагментарна, тонкостенная (5–6 мм), слабого обжига, поверхность зачастую черепков разрушена. Посуда украшена оттисками «шагающего» гребенчатого штампа, различными линиями и легкими ямочными вдавлениями. В качестве примеси широко использовался крупный песок, реже – дресва, растительные примеси. Из 36 фрагментов орнаментированы только два – венчик и часть стенки. Венчик от сосуда открытой баночной формы, с острым краем и воротником. Орнаментирован с внутренней и наружной стороны наклонными рядами гребенчатого штампа. Фрагмент стенки украшен ямочными вдавлениями.

Одной из особенностей памятника является наличие среди археологического материала многочисленных костей животных и нескольких изготовленных из них орудий и прочих поделок. Среди изделий выделяется нож, сделанный из трубчатой кости. Хорошо выделены рукоять и лезвие. Рабочий край заполирован. Длина орудия 10 см, ширина лезвия 2,3 см (рис. 95 – 1). Три поделки являются обломками изделий, назначение которых определить трудно (рис. 95 – 3, 6–8). Одна костяная пластинка толщиной 0,9 см являлась подвеской (рис. 95 – 2). Другая, с зубчиками, служила, вероятно, штампом для орнаментации керамики (рис. 95 – 5). Единственным в коллекции является украшение из ракушки с просверленным отверстием (рис. 95 – 4) (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 352).

Стоянка Виноградовка XII

Расположена на правом берегу р. Балга-Карасу (рис. 96), между селами Виноградовка и Бирлик Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Культурный слой памятника почти весь разрушен. Раскопом вскрыто 44 кв. м культурного слоя, не превышающего мощностью 5–7 см. Материал, собранный на поверхности, идентичен кремневному инвентарю из раскопа.

Исключением является большое количество (40) фрагментов керамики, представлен-

ной неорнаментированными стенками. По технологии (черепок плотный, хорошего обжига) она близка к керамике эпохи бронзы.

В коллекции насчитывается 924 кремневых предмета.

Нуклеусы (12). Как правило, небольшого размера, их высота от 2,4 до 5,3 см. Большинство артефактов этой категории призматической формы, одноплощадочные, с них скалывали пластинки шириной до 2 мм. Лишь два нуклеуса имеют клиновидную форму и один – карандашевидную. Последний свидетельствует о большей степени микролитизации пластинчатой индустрии. В коллекции есть ребристые пластины, поперечные сколы оживления, многочисленные чешуйки и мелкие отщепы. На их долю приходится более 50% всего кремневого инвентаря.

Восемнадцать орудий выполнены на отщепках. Орудиями в данном случае названы все отщепы, имеющие следы вторичной обработки.

Скребла (2). Одно из них длиной 7,5 см, шириной у лезвия 5,5 см. Второе представлено обломком рабочей части орудия.

Интересен нож листовидной формы с высокой спинкой и остро оформленным лезвием.

Имеющиеся скребки (5) выполнены на пластинчатых отщепках небольшого размера. Остальные орудия – единичные проколки, резцы, скобели и отщепы с ретушью.

Для данной коллекции характерным является наличие большого количества ножевидных пластинок и изделий из них (более 250 экз.). Размеры основной массы пластинок не превышают по ширине 0,8–1 см и имеют длину 1–2 см. Более 50% пластин принадлежит сечениям, часто со следами вторичной обработки. Ретушь наносилась по боковым лезвиям в различных вариациях: со спинки, с брюшка или с противоположных сторон. Ряд вкладышей имеет торцевую ретушь. Кроме того, на пластинках выполнены концевые скребки, резцы и резчики. Встречаются пластинки со скошенным краем.

Описанный комплекс кремневых орудий имеет ярко выраженный микролитовидный ха-

рактически. Наличие многочисленных вкладышей с ретушью, резцов, пластинок со скошенным краем, а также архаичный облик макролитических орудий (они обработаны односторонней техникой) позволяют предварительно отнести стоянку Виноградовка XII к раннему неолитическому времени (Отчет. Полевые исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1971 г. Т. 1. Петропавловск, 1972. Г.Б. Зданович, В.Ф. Зайберт. Раскопки стоянок каменного века на р. Чаглинка).

Стоянка Виноградовка XIII

Стоянка находится в 2,5 км к югу от с. Берлиновка и в 3,5 км к северу от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Памятник занимает небольшой мысок на берегу старицы р. Балга-Карасу. На северо-востоке от стоянки находится поселение Виноградовка X, к северу от стоянки расположено поселение Виноградовка XIII (рис. 97). Территория распространения находок – около 1500 кв. м. Раскопом вскрыто 508 кв. м культурного слоя.

Верхняя часть террасы практически разрушена. На этой территории толщина культурного слоя не превышает 5–10 см. Лучшая сохранность слоя – на северо-западном и юго-восточном участках раскопа (рис. 98, 99). Здесь толщина слоя достигает 40 см (рис. 100, 101).

Стратиграфия следующая: в центральной части раскопа 0–5 см – гумус, 5–10 см – темный гумусированный суглинок. В западной части раскопа слой гумусированного суглинка достигает толщины 15–20 см. В юго-восточной, южной и северо-западной частях раскопа, по склону древнего берега, 0–5 см – гумус, 5–30 см – черноземный слой, в восточной части 0–5 см – гумус, 5–40 см – солонцевато-солончаковая почва (рис. 100, 101). В юго-западном углу раскопа (кв. О-17) и на северо-восточном участке (кв. ОП/13) сохранились остатки древней (погребенной) почвы (рис. 100).

При зачистке в западной части раскопа (кв. ОУ-13–19) на глубине 15–20 см были обнаружены очертания неглубоких впадин глубиной 5–10 см (рис. 102, 103, 104). На этой же территории, в квадрате П-13, Т-13, П-16,

зафиксированы скопления находок (рис. 102, рис. 103, рис. 104). В юго-восточной части раскопа, по склону террасы, очертания углублений были обнаружены на глубине 20–30 см (рис. 102, 103).

Заполнения углублений состоят из темной черноземной почвы. В квадрате А-3, на глубине 15 см было зафиксировано пятно прокала диаметром 35 см, глубиной 15 см (рис. 103, 105). На стоянке найдено 29 ямок глубиной 10–15 см, диаметром 15–20 см (рис. 106). Они сосредоточены в восточной и северо-западных частях раскопа, т.е. в районе расположения впадин (рис. 100–105). Возможно, что впадины и ямки – это остатки наземных жилых конструкций. Предполагаемая площадь жилищ около 30 кв. м. На стоянке также прослежены очертания 11 ям (рис. 102–106).

Яма 1 расположена в квадрате ВГ-6, имеет вытянутую форму, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад, ширина ямы 0–5 м, глубина 0,2 м от материка, длина более 4 м. Ямы 2–6, 10 имеют подокруглую форму, их диаметры от 0,5 до 1 м, глубина – от 0,1 до 0,2 м. Яма 7 находится в квадратах ОП-12, 13, имеет подковообразную форму, она углублена в материк на 5–10 см. Яма 9 имеет бесформенные очертания, глубина ее до 10 см. Яма 11 имеет вытянутую по линии север-юг форму, глубина до 10 см от линии материка (рис. 100–106).

Судя по стратиграфии, стоянка однослойная. Основная масса находок залегает в слое темного суглинка на глубине 0–10 см. Единичные находки идут в черноземном слое и в слое солонцевато-солончаковой почвы.

На памятнике было найдено 833 предмета: каменные изделия, кости, керамика. Кости большей частью фрагментарны; определение показало, что среди них есть кости лошади (предварительное определение сделано сотрудником Института археологии КазССР Л.А. Макаровой).

Основная масса находок – изделия из кремня (742). В качестве сырья использовалась казахстанская яшмовидная порода красного цвета, кремль, кварцит, песчаник. Сырье отличается грубостью.

Типологически выделены следующие группы изделий.

Нуклеусы (2). Один – подпризматический, одноплощадочный, высотой 3,5 см, ударная площадка обработана. Снятие пластин производилось с $\frac{2}{3}$ боковой поверхности нуклеуса. Второй экземпляр – заготовка нуклеуса высотой 6 см и шириной 5 см.

Пластины и изделия из них представлены 92 экземплярами. По формам заготовок здесь преобладают медиальные сегменты. Преобладающие размеры: ширина до 1,5 см, длина до 20 см.

Пластин без обработки 67 единиц (рис. 107 – 8–19, 21, 22; 108 – 1, 3, 4, 10–16, 18–25). Видимые невооруженным глазом заломы и царапины свидетельствуют об их использовании в работе.

Пластины с обработкой (25).

Сегмент (1). Выполнен на медиальном сечении. Ретуширован со стороны спинки по верхнему основанию и боковым граням (рис. 107 – 1).

Угловые резцы (3). Однолезвийные, два – однофасеточные, грани пластин по спинке обработаны ретушью (рис. 107 – 5). Один – трехфасеточный (рис. 108 – 8).

Боковой резец (1). Торцы слегка скошены и ретушированы с бруска, боковые грани ретушированы со спинки (рис. 108 – 9).

Концевые скребки (2). Один выполнен на ребристой пластине, скребковое лезвие подокруглое, с бруска по одной грани идет нерегулярная ретушь (рис. 108 – 7). Второй – с округлым лезвием, на боковых гранях заломы (рис. 107 – 7).

Пластины с ретушью (18). Обработаны ретушью со спинки и с бруска по одной и двум граням. Ретушь регулярная и нерегулярная (рис. 107 – 2–6, 20; 108 – 3, 4).

Основная часть кремневых предметов представлена отщепами и изделиями из них (647), что составляет 98% коллекции. Преобладающие размеры – от 3 до 5 см, но встречаются и побольше – 7 см. Отщепов с обработкой насчитывается 25 единиц.

Скребки (9) имеют подтреугольную или подокруглую форму лезвия, лезвие занимает $\frac{2}{3}$ периметра (рис. 107 – 27–29) или $\frac{1}{4}$ периметра (рис. 108 – 27).

Выделяется крупный скребок на массивном отщепе с маленьким прямым лезвием (рис. 108 – 30). В коллекции есть обломок скребка с высоким лезвием (рис. 107 – 33).

Скобели (3). Имеют небольшие, до 1,3 см, ретушированные крупной ретушью выемки (рис. 107 – 30; 108 – 18, 23).

Отщепы с ретушью (13). Это неопределимые типологически предметы с ретушью, не исключено, что в ряде случаев это случайные сколы (рис. 107 – 26, 31, 32; 108 – 29).

Керамика – пять фрагментов стенок сосудов. Черепки плохой сохранности, пропитаны солями, орнамент не фиксируется, толщина стенок 0,6–0,8 см.

Таким образом, основываясь на планиграфических и стратиграфических наблюдениях, анализе вещевого комплекса стоянки, можно сделать вывод, что памятник – однослойный.

Кремневая индустрия носит ярко выраженный отщеповый характер. Пластинчатая техника деградирует. Исходя из этого, а также из облика археологического инвентаря стоянки, памятник можно датировать в пределах эпохи неолита, его поздним этапом (Татаринцева, Зайберт, 1980, с. 12–16).

Раскопки стоянки Виноградовка XIV

Памятник расположен на берегу одного из рукавов старого русла р. Чаглинки, в 2,5 км от с. Берлиновка и в 3,3 км от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области (рис. 97).

В этом месте русло делает изгиб, образуя своеобразный мыс высотой около двух метров. Площадка памятника хорошо задернована. Она поднимается в восточном направлении и переходит в русло. Перепад высот между западной и восточной частями раскопа 80 см (рис. 109).

Площадь раскопа 672 кв. м (рис. 110, 111). Вскрытая площадь условно разделена на западную и восточную части по линии 5.

На восточных участках под гумусом залегает слой комковой солонцевато-солончковой почвы, под ним идет материковый слой коричневого суглинка (рис. 112).

В западной части раскопа стратиграфия более сложная (рис. 113): гумус – 0–5 см; чер-

ноземный слой комковатой структуры – 5–20 см; легкий гумусированный слой комковатой структуры – 20–40 см; гумусированное заполнение жилищных впадин – 40–55 см; серая суглинистая прослойка – 5–7 см, которую подстилает желтый материк.

Общая мощность культурного слоя доходит до 80 см (рис. 114).

В восточной части участка 4-Д и 4-Е на глубине 20–30 см обнаружено два очага овальной формы, размерами 70х40 см, вытянутых по линии запад-восток и запад-юго-запад – восток-северо-восток (рис. 115, 116). Описанные очаги, как видно по стратиграфии, никакого отношения к поселению каменного века не имеют и датируются поздним временем.

Таким образом, культурный слой восточной части раскопа образовался сравнительно недавно в результате аккумуляции русла реки.

При раскопках западной части зафиксированы жилищные впадины площадью от 40 до 100 кв. м (рис. 117, 118). Пол в жилищах неровный, и очень часто его прорезают мерзлотные трещины и норы грызунов. Из-за незначительности глубины жилищных впадин и близости грунта по цвету они не всегда фиксировались в профиле, хотя в плане на фоне желтого материка выделялись довольно четко. Жилища, судя по полевым наблюдениям, вытянуты по линии северо-восток – юго-запад.

Материал в основном залегает в легком гумусированном суглинке (20 см и ниже), в темном гумусированном слое заполнения жилищ и серой суглинистой прослойке. Причем в легком гумусированном суглинке отщепы и орудия на них встречаются чаще, чем орудия на пластинах и пластины.

Наибольшее количество материала обнаружено и в заполнении жилищ и серой суглинистой прослойке.

В юго-западной части раскопа (Л-9, Л-10) на глубине 85 см обнаружена круглая яма (рис. 119) диаметром 160 см. Дно ямы состоит из угля и золы мощностью 5–7 см (рис. 120, 121). Судя по профилю ямы, первоначально сооружение имело шатровую форму, а в процессе горения конструкция была засыпана суглинком.

Аналогичная конструкция ямы была обнаружена на стоянке Тельмана XIV (Зайберт, Плешаков, 1977, с. 20–24).

Таким образом, в западной части раскопа стратиграфически прослеживаются два разновременных культурных слоя (ранний залегает в предматериковом гумусированном суглинке, в том числе в жилищных впадинах). Материал представлен микролитическими орудиями на пластинах, нуклеусами. Поздний (верхний) слой насыщен (прежде всего) отщепами и изделиями из них.

В нижнем и верхнем слое сырье отличается существенно. В первом случае зафиксирована кремнистая и яшмовидная порода, во втором – некачественный яшмовидный кварцит. В качестве сырья использовались кремнистая и яшмовидная порода (цвет – от светло-коричневого до темно-зеленого) и различные кварциты. В основном это различные казахстанские яшмокварциты.

В коллекции насчитывается 1163 предмета. Материал памятника неоднороден, стоянка представлена в целом пластинчатой индустрией, микролитическими орудиями на пластинах и нуклеусами.

Нуклеусы и их обломки (72) (рис. 122–125) клиновидных, конусовидных и карандашевидных форм, как правило, одноплощадочные, высотой от 2 до 4 см. Ударная площадка тщательно подработана, хорошо прослеживаются негативы сколов по всей длине нуклеуса (рис. 126, 127).

Призматический нуклеус низких пропорций (высота 16 мм), ширина ударной площадки 27 мм, она не подработана, ширина негативов 3–7 мм.

Обломок подпризматического нуклеуса. Ширина негативов 4–8 мм.

В коллекции имеется обломок двухплощадочного нуклеуса высотой 4,5 см, ширина негативов 3–14 мм, и два скола оживления, вероятно, подпризматических нуклеусов. К серии «нуклеусы и их обломки» отнесены ребристые пластины (4), на одной из них по краю нанесена мелкая ретушь.

Пластины с ретушью (279) выполнены в основном на проксимальных, медиальных и

дистальных частях (рис. 128–130). Ретушь краевая, регулярная и нерегулярная. Наносилась как со стороны спинки, так и с брюшка. Формы пластин в сечении треугольные и трапециевидные.

Пластины с торцевой обработкой (4) (рис. 131). Эти орудия изготавливались путем обработки ретушью торцевой части пластин. Рабочие лезвия орудий по форме округлые, слегка скошенные и фигурные.

Скобель на пластине (1). На проксимальной части, со стороны брюшка, ретушью образованы выемки.

Концевые скребки (40) (рис. 132–135). Лезвие чаще всего крутое, округлых и подтреугольных форм. Скребки выполнены на треугольных и трапециевидных в сечении проксимальных и медиальных частях пластин. Имеются экземпляры с пологим лезвием, изготовленные на дистальных частях. Часть лезвий обработана конвергентной и дивергентной ретушью, в некоторых случаях ретушированы боковые грани со стороны спинки конвергентной и дивергентной ретушью (рис. 136–139).

Резцы (70) (рис. 133, 140–142). Резцовый скол обычно наносился на углу ножевидной пластины, имеются экземпляры с двумя и более резцовыми сколами, иногда сколы нанесены по всей длине пластины и расположены на противоположащих углах. Среди резцов встречаются боковые с подправкой торцевой части. Интересны многофасеточные резцы и полифункциональные орудия в тех случаях, когда грани пластин обработаны ретушью и орудия могли применяться по другому назначению. Иногда резцовый скол наносился на использованное орудие, и в этом случае назначение орудия менялось, т.е. употреблялось вторично (рис. 143).

Резцовые сколы иногда наносились на концевых скребках, образуя таким образом комбинированное орудие. Иногда с целью получения новых функций по несколько резцовых сколов наносилось на всех четырех углах уже использовавшихся пластин с боковой ретушью. Внимание привлекает многофасеточный угловой резец, изготовленный на массивной пластине.

Трапеция (1) (рис. 135 – 29) симметричной формы, ретушь нанесена на боковых гранях со стороны спинки (рис. 144).

В коллекции имеется один наконечник стрелы (рис. 141 – 1), выполненный на медиальном сечении пластины. Перо подправлено пологой краевой ретушью со стороны спинки и по одному краю, с брюшка. Основание вогнутой формы, подправлено ретушью (рис. 145).

Пластины без ретуши (301) (рис. 133, 135, 136). Пластины различны в сечении, длиной от 1 до 6 см, шириной 1–3 см (рис. 146, 147).

Среди материала встречаются пластины с притупленной спинкой, скошенные острия и пластины с торцевой обработкой (рис. 142).

Отщепы без ретуши (291) размерами от 1 до 8 см. Преобладают отщепы 1–3 см (рис. 148).

Орудия на отщепках (206).

Отщепы с ретушью (108) (рис. 140). В эту группу выделены аморфные сколы с бессистемной ретушью. Единичны экземпляры проколов, скобелей, резцов, наконечников.

Скобели (72). Скобели встречаются и на пластинах, и на отщепках. На пластинах скобели изготавливались на боковых гранях, образуя своеобразные выемки. Ретушь наносилась как со стороны спинки, так и с брюшка (рис. 149).

Скребки на отщепках (98) (рис. 122–124, 132). Чаще всего форма орудий подчинена форме заготовки. Ретушировалась наиболее удобная часть отщепа. Встречаются скребки с прямым, округлым и фигурным лезвием. Рабочий край у многих орудий сильно заполирован (рис. 150, 151).

Макроформы (11), орудия из сланца, песчаника, гранита, гальки. Среди них – ретушеры-отбойники со следами забитости на рабочей части, удлиненных форм. Изделие из песчаника (абразивная плитка) уплощенной формы, со следами шлифовки.

Керамика (65) (рис. 152). Керамический комплекс довольно плохого обжига, в изломе темного цвета, с примесью песка (рис. 153).

Орнамент выполнен «шагающей» гребенкой, накольчатой техникой и оттисками гребенчатого штампа. Венчик (1) орнаментирован

угловыми вдавлениями, слегка отогнут наружу, с внутренней стороны – ребро. Стенки сосудов (6). Один фрагмент без орнамента, на остальных имеется орнамент в виде рядов полулунных вдавлений, ложного шнура. Придонная часть (1) без орнамента. Остальные фрагменты не орнаментированы.

Орудия на сланцах и песчаниках (68) представлены отбойниками, ретушерами и топорами.

Материал памятника весьма неоднороден. Он отличается и по сырью, и по технике обработки. В настоящее время можно выделить две индустрии, которые находятся в разных горизонтах и имеют вышеуказанные различия. Предварительно их можно соответственно датировать поздним мезолитом и развитым неолитом (Плешаков, Кисленко, 1980, с. 6–11; Плешаков, 1981, с. 115–122).

Стоянка Виноградовка XV (1980 г.)

Стоянка расположена на мысу, образованном одним из рукавов старого русла р. Чаглинки, в 1,5 км к югу от с. Берлиновка и в 1,5 км к северу от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области (рис. 154).

Площадка памятника хорошо задернована, понижается в восточном направлении. Высота над уровнем воды около двух метров, перепад высот западной и восточной части – 80 см (рис. 154). Раскопки производились участками 2х2 м, условными горизонтами по 10 см, с выносом грунта за пределы памятника.

Площадь раскопа – 88 кв. м.

Стратиграфия памятника следующая: гумус – 5–7 см; черноземный слой комковатой структуры – 7–15 см; легкий гумусированный слой комковатой структуры; темный суглинистый слой 55–70 см, который подстилается материковой глиной.

В западной части раскопа зафиксированы две столбовые ямки диаметром 10–15 см. Центральная часть раскопа имеет легкое понижение, внутри которого находится небольшая впадина глубиной 5–10 см, площадью 12 кв. м. Возможно, это остатки жилищных конструкций, так же, как и ямка 3, с вкраплениями угля,

размерами 30х20 см и глубиной 10 см (рис. 155).

Основное количество находок концентрировалось в центральной части раскопа, где мощность культурного слоя достигает 70 см.

В коллекции памятника насчитывается 58 предметов из яшмовидной и кремнисто-сланцевой породы и три фрагмента керамики.

Нуклеусы и их обломки (4) представлены:

призматическим нуклеусом высотой 0,8 см, с подработанной ударной площадкой, ширина негативов от 0,2 до 1 см. Изготовлен из кремнистой породы с белой патинированной поверхностью (рис. 156 –18, 19);

клиновидным нуклеусом «сибирского типа», изготовленным из кремнистой породы с патинированной поверхностью. Пластины (шириной 0,3–1,3 см) снимались не по всей окружности, площадка сбита (рис. 156 –18);

плиточным нуклеусом (высота 3,3 см) зеленовато-коричневого цвета, с подработанной ударной площадкой;

обломком нуклеуса (нижняя часть) из кремнистой породы желтого цвета (рис. 156 –5).

Ребристые пластины (3) представлены целой пластиной, проксимальной и дистальной частями без ретуши. Изготовлены из кремнистой породы, покрытой белой патиной, и из коричневой яшмовидной породы (рис. 156 –20).

Пластины с ретушью (3). Размеры пластин: 0,8; 1; 1,4 см. Пластины представлены медиальными сечениями, трапециевидными в профиле. Ретушь наносилась как со стороны спинки, так и с брюшка, по одному или двум краям (рис. 156 –3).

Скребок концевой (1). Изготовлен на проксимальной части ножевидной пластины, лезвие скошено, прилегающие края обработаны ретушью. Использована яшмовидная порода светло-коричневого цвета с белыми прожилками (рис. 156 –1).

Пластины без ретуши (14). Длина пластин – от 0,7 до 3 см. Проксимальных семь, медиальных четыре и дистальных – три экземпляра. Изготовлены из яшмовидных пород розового и коричневого цвета и кремнистой

породы, покрытой белой патиной (рис. 156–2).

Скребок (1) на отщепе из зеленоватой яшмовидной породы. Форма скребка подчинена форме отщепа. Один край покрыт отложениями солей, лезвие сильно заполировано (рис. 156–23).

Отщепы без ретуши (21) размерами от 0,8 до 3,5 см, из яшмовидной породы краснокоричневого и желтого цвета, кремнистой породы черного цвета и зеленой сланцевой породы.

Топор (1) изготовлен из зеленоватого сланца техникой оббивки. Форма удлиненная, с сильной забитостью рабочего края. На одной стороне сохранилась желвачная корка.

Керамика (3). Сильно замыта, плохого обжига, с примесью песка. Два фрагмента коричневого цвета, с узкими каннелюрами. Один фрагмент черного цвета, с оттисками крупногребенчатого штампа (рис. 77–21).

Памятник представлен пластинчатой и отщеповой индустрией. Судя по набору инвентаря, он относится к неолитическому времени (Плешаков, 1981, с. 115–122).

Куропаткино (1974 г.)

Памятник обнаружен в 1972 г. Г.Б. Здановичем на правом берегу р. Чаглинки, в 700 м южнее моста. В обрыве разрушающегося берега собраны несколько десятков отщепов.

Вдоль обрыва был заложен раскоп площадью 92 кв. м. Практически все находки концентрировались в разрушенном слое на глубине 80–100 см. На остальных участках кремневые изделия эпизодически встречались небольшими скоплениями на различной глубине – от 20 до 60 см. Раскопом полностью исследована оставшаяся часть стоянки, которая очень активно разрушалась тальми водами.

Стратиграфия памятника проста: под черноземным слоем толщиной 20–30 см фиксируется осолодевшая почва, напоминающая по цвету светло-серый зольник (15–30 см), под ней материковая глина.

Обнаруженный кремневый материал представлен в основном отходами производства: отщепами, крупными и мелкими, разбитыми кусками. Из 2700 находок только 19

предметов являются нуклеусами или их заготовками, 13 экземпляров – отщепами с ретушью или слабовыраженными скребками и 67 – ножевидными пластинками. В раскопе обнаружено несколько костей животных. Раскопом никаких очертаний не зафиксировано. Вероятно, это периферийная часть стоянки, где производилась первичная обработка кремня.

В коллекции содержится 2700 предметов. Основная масса представлена отщепами разной величины. Мелкие, как правило, являлись отходами, крупные (8–12 см) могли служить заготовками для орудий.

Выделенная в коллекции группа нуклеусов имеет следы скалывания грубых широких пластин или пластинчатых отщепов. Только два экземпляра являются типичными правильными нуклеусами небольшой высоты (3,8 см), клиновидной формы. Ударные площадки подработаны легкой оббивкой и слегка скошены. Не исключено, что имеющиеся ножевидные пластины сняты именно с этих нуклеусов. Пластины (58) имеют максимальную длину – 3,8 см, ширину – 0,4–1,5 см. Все пластинки, за исключением одной, не имеют ретуши. Последняя отличается по материалу. Она сделана на красной яшме, в то время как основная масса – из кремнистой породы. Краевой ретушью обработаны обе грани со стороны спинки, одна – притупляющей, другая – приостряющей. Кроме мелких пластинок в коллекции есть и довольно крупные экземпляры (9). Они не имеют следов вторичной обработки, но иногда прослеживаются заломы, что свидетельствует об их использовании в работе.

Найденные скребки сделаны исключительно на отщепках. Характерным для этой группы орудий является высокое скребковое лезвие, обработанное ретушью почти под углом 90°. Несколько крупных отщепов имеют следы вторичной обработки и служили, вероятно, в качестве ножей.

Интересен наконечник стрелы: при его изготовлении использована треугольная форма отщепа. Ретушью подработано лишь основание наконечника.

Такие признаки, как использование в качестве сырья кремнистой породы, наличие ко-

стей животных, большого количества отщепов и аморфных кусков, сближают стоянку с поселением Кенеткель VIII, которое расположено в 70 км выше по течению р. Чаглинки.

Описанный комплекс кремневых орудий имеет ярко выраженный микролитовидный характер. Наличие многочисленных вкладышей с ретушью, резцов, пластинок со скошенным краем, а также архаичный облик макролитических орудий (они обработаны односторонней техникой) позволяют предварительно отнести стоянку Виноградовка XII к раннему неолитическому времени (Зданович, Зайберт, 1975, с. 24–27).

Стоянка Булаево

Находилась в 1,5 км к северо-западу от с. Медвежка. Располагалась на проселочной площадке левого берега Камышловского лога.

Общая площадь памятника около 600 кв. м. Он обследован в 1976 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторичное обследование проведено в 1992 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Н.С. Татаринцевой, А.М. Кисленко.

Мощность культурного слоя 0,3 м. В коллекции имеется восемь кремневых предметов: три призматических нуклеуса в обломках, резчик на крупной пластине, две пластины без обработки и два отщепа. Судя по характеру обработки орудий, стоянка функционировала в середине неолита в V тыс. до н.э. и принадлежит к атбасарской культуре.

При обследовании в 1992 г. памятник не обнаружен.

Характеризует эпоху неолита. Материалы и отчет хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 275).

Стоянка Медвежка

Находилась в 0,5 км к югу от с. Медвежка. Располагалась на мысу южного берега озера Малое Соленое, на левом берегу Камышловского лога. Общая площадь памятника – около 400 кв. м.

Стоянка обследована в 1976 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторичное обследование проведено в 1992 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Н.С. Татаринцевой, А.М. Кисленко.

Мощность культурного слоя – 0,3 м. Найдено 13 кремневых предметов: остроконечник трехгранной формы, ретушированный по одной грани, два скребка на отщепах почти круговой формы, две необработанные пластинки и пять отщепов.

Характер исследования – сборы, яшмовидная порода – 10, пластины – три, отщепы – семь, всего – 10.

Пластины: общее количество – три, пластина с ретушью – одна, пластин без обработки – две.

Пластины (ширина в см): 1,1–1,5 – 1 экз., 1,6–2 – 2 экз., всего – 3.

Пластины (длина в см): 2,1–4 – 2 экз., 4,1–6 – 2 экз., всего – 4.

Отщепы (в см): до 1 – 1 экз., 1,1–2 – 5 экз., 2,1–4 – 1 экз., всего – 7.

В настоящее время площадка памятника поглощена постройками села.

Характеризует эпоху неолита. Материалы и отчет хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 278).

Местонахождение Кумай I

Местонахождение расположено на левом берегу р. Кумай, в 8 км к юго-юго-западу от с. Кировский. Площадка ровная, поверхность хорошо задернована.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

На поверхности обнаружены: отщеп без ретуши (1). Материалом служила кремневая порода. Размер 2 см; скобель на отщепе (1), изготовлен из кремневой породы, размер 2,3 см. Скоблевид-

ная выемка оформлена мелкой краевой ретушью, ширина выемки 0,2 см;

бронзовое кольцо (1) диаметром 2,5 см, шириной 1,1 см. Орнаментировано косыми насечками.

Растительность в данном месте представлена ковыльно-типчаковыми злаками.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита.

Стоянка Берлиновка VIII

Памятник расположен в 1,7 км к югу от с. Берлиновка и в 5,5 км к северу от с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Находится на берегу р. Балга-Карасу. Район распространения находок – более 400 кв. м.

Стоянка обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Для определения стратиграфии памятника был заложен шурф 1x1 м. Черноземный слой шел до уровня -20 см, ниже – материковая глина.

Коллекция памятника насчитывает 11 каменных предметов и 14 фрагментов керамики. Интересен концевой скребок темно-коричневого цвета. Обломки ножевидных пластин (2) длиной от 1,2 до 2,1 см выполнены на породе серого цвета, видимо, кварцит. Восемь отщепов без обработки; 14 экземпляров керамики темного цвета, хорошего обжига, толщиной до 0,9 см, с примесью песка и шамота. Несколько фрагментов орнаментированы резной и гребенчатой техникой.

Стоянка многослойная, заселялась как в неолите, так и в бронзовом веке.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита и бронзы. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного

историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 348).

Стоянка Кумай I

Памятник находится в 10 км к юго-юго-западу от с. Кировский. Расположен на левом коренном берегу р. Кумай; в 300 м западнее, на правом берегу находится ЛЭП.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

На стоянке заложен шурф размерами 1x1 м. Материал в шурфе не обнаружен.

Подъемный материал собран на площади 100x50 м. В состав материала входят:

скребок (1), изготовлен из кремневой породы темно-серого цвета. Скребок представлен обломком, вероятнее всего, он был $\frac{3}{4}$, один рабочий край обработан дивергентной ретушью. Спинка невысокая. Размер 2,3 см;

отщеп с ретушью (1), изготовлен из кремневой породы сероватого цвета. Мелкая краевая ретушь нанесена по одному из краев отщепа. Размер 1,7 см;

наконечник стрелы (1), изготовлен из яшмокварцитной породы. Форма наконечника листовидная. Длина 2,2 см, ширина 1 см. Обработан по всему периметру с двух сторон мелкой дивергентной ретушью;

шлифовальная плитка (1), материалом служил песчаник. Длина 4 см, ширина 2,9 см, толщина 0,6 см. На поверхности фиксируются следы сработанности в виде зашлифованности;

керамика (4) представлена фрагментами стенок (2), венчика (1) и придонной части (1). Размеры колеблются от 1,7 до 3,7 см. Тесто слабого обжига и состоит из глины и мелкого песка. Венчик слегка округлой формы, вытянут наружу. Орнаментирован веревочным штампом в виде горизонтальных линий.

Площадь стоянки хорошо задернована. Растительность представлена ковыльно-типчаковыми злаками. Берег реки в данном месте зарос кустарником.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита.

Стоянка Кумай II

Памятник находится в 6,3 км к юго-западу от с. Кировский. Расположен на левом берегу р. Кумай, поверхность хорошо задернована. Стоянку разрезает с восточной стороны овраг. Подъемный материал фиксируется на площади 100х50 м.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

В состав материала входят:

пластины с ретушью (2), представлены медиальной частью. Материалом служил кремль серовато-красного цвета. Пластины обработаны по двум краям со стороны мелкой краевой ретушью. Длина колеблется от 1,1 до 3,9 см, ширина – от 1,1 до 1,5 см;

пластина без ретуши (1), представлена дистальной частью. Материалом служил кремль серого цвета. Длина 3 см, ширина 1,3 см. Растительность в данном месте представлена ковыльно-типчачковыми злаками;

нож (2). Материалом служили песчаник и сланец. Длина – от 7,6 до 9,4 см, ширина – от 4,1 до 5,2 см. Лезвия прямые. Обработаны грубой дивергентной ретушью;

пластина с ретушью (1), представлена проксимальным сегментом. Длина 1,7 см, ширина 1,1 см. Материалом служила кремневая порода. Ретушь мелко-краевая, обработанная со стороны спинки по одному краю;

отщепы без обработки (3). Материалом служила кремневая порода. Размеры от 1 до 1,9 см.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху мезолита-неолита.

Поселение Ащикарасу I

Памятник расположен в 15,8 км к северо-востоку от с. Новоберезовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, на мысу, образованном правым берегом ручья Ащикарасу, на террасе высотой около 3 м. Вдоль берега проходит грунтовая дорога, отделяющая пашню. В 750 м восточнее поселения вниз по течению ручья находится железобе-

тонная плотина с водозабором для поливных угодий. В 5,3 км западнее поселения на левом берегу ручья – остатки бывшей фермы Карасу.

При последнем исследовании обнаружено, что данный памятник разрушен природными и антропогенными факторами (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 345).

Поселение Виноградовка VI

Разведочный отряд Кокшетауской археологической экспедиции проводил обследование обнаруженного ранее (СКАЭ, 1970 г.) поселения Виноградовка VI.

Памятник расположен в 2,5 км к востоку от с. Виноградовка, в 3 км к западу от с. Берлиновка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области.

На современном этапе поселение не обнаружено.

Стоянка Берлиновка II

Памятник расположен на правом берегу р. Балга-Карасу. Находится в 1,5 км к северу от с. Берлиновка.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Район распространения находок – 300 кв. м. В коллекции насчитывается 97 предметов: концевые скребки (6), выполненные на яшмовидной породе, на сечениях (5) и обломках ножевидных пластин (3), прослеживаются следы сработанности. В коллекции имеется конический одноплощадочный нуклеус высотой 3,6 см. Нуклеус был испорчен в результате неудачной подправки ударной площадки. Остальные предметы представлены отщепами и чешуйками. Имеющиеся в коллекции четыре фрагмента керамики определению не поддаются.

Современное состояние памятника стабильное, поверхность хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 346).

Стоянка Берлиновка III

Памятник расположен на правом берегу старицы р. Чаглинки. Находится в 1 км к северу от с. Берлиновка.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Находки распространены на большой территории и встречаются редко. Культурный слой отсутствует.

В коллекции содержится 42 предмета. Интересна находка обломка каменного наконечника стрелы. Длина сохранившейся части – 1,8 см. Наконечник выполнен на яшме темно-коричневого цвета. Скребки (3) выполнены на отщепках. Лезвие занимает около половины периметра. Сечения обломков ножевидных пластин (4) довольно мелкие, до 0,7 см, следов сработанности не прослеживаются. Остальные каменные предметы – это отщепы и чешуйки. В коллекции имеется пять фрагментов керамики. Один черепок орнаментирован резной линией. Керамика довольно плотная, хорошего обжига, с примесью шамота. Толщина стенок не превышает 0,8 см. По всей вероятности, керамика относится к эпохе бронзы.

На современном этапе памятник разрушается тальми водами.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху позднего неолита и бронзы. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод

памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 346–347).

Стоянка Берлиновка IV

Памятник расположен на правом берегу р. Балга-Карасу, недалеко от моста через реку. Район распространения находок – более 100 кв. м. Находится в 0,5 км к югу от с. Берлиновка.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Коллекция насчитывает 17 предметов. Из них три орудия, шесть сечений и обломков ножевидных пластин, остальные – отщепы. Скребки (2). Один выполнен на пластине длиной 2 см. Концевой скребок небольшого размера. Каменный нож, выполненный на отщепе. На закругленном лезвии прослеживаются следы сработанности. Скол с нуклеуса из яшмы длиной 3,5 см. Сечения (4).

Современное состояние памятника стабильное, поверхность хорошо задернована, следов разрушения не обнаружено.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 347).

Стоянка Берлиновка V

Памятник расположен на правом берегу р. Балга-Карасу, в 0,4 км на юг от стоянки Берлиновка IV.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казах-

станской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

В коллекции памятника насчитывается 17 предметов. Шестнадцать из них – это отщепы и чешуйки. Три экземпляра изготовлены из кремнистого сланца темно-зеленого цвета, остальные – из яшмовидной породы.

Современное состояние памятника стабильное, поверхность хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 347).

Стоянка Виноградовка III

Памятник располагался на интенсивно размываемом берегу старицы р. Чаглинки – Балга-Карасу, в 3,5 км к северо-востоку от с. Виноградовка.

Стоянка обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

В коллекции содержится 134 предмета. Из них 17 орудий и их обломки и 10 сечений ножевидных пластин с краевой ретушью. Среди обломков орудий имеется два ножа. Остальные артефакты представлены отщепами и чешуйками (105).

На современном этапе памятник не обнаружен.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 350).

Стоянка Виноградовка IV

Памятник располагался на интенсивно разрушающемся берегу старицы реки Чаглинка – Балга-Карасу, в 4 км к северо-востоку от с. Виноградовка.

Стоянка обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

В коллекции содержится 62 предмета. Это сечения ножевидных пластин, скребки, мелкие отщепы и фрагменты керамики плохой сохранности.

Впоследствии памятник не обнаружен.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 350).

Стоянка Виноградовка V

Памятник располагался на берегу старого русла р. Чаглинки – Балга-Карасу, в 1,8 км к северо-востоку от с. Виноградовка.

Стоянка обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

На площадке памятника полностью отсутствовал верхний почвенный слой. Район распространения находок залегал на уровне материковой глины. В коллекции 27 кремневых предметов и 23 фрагмента керамики. Кремень относится к эпохе неолита, керамика – к эпохе бронзы.

На современном этапе памятник не обнаружен.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита и бронзы. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 350–351).

Стоянка Аккудук II

Находится в 6 км к юго-востоку от с. Аккудук. Стоянка расположена на левом берегу р. Жанысу. Площадка памятника частично задернована, примыкает к берегу, а с запада ограничена грунтовой дорогой.

Обнаружена и обследована в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г. Культурный слой не обнаружен. Современное состояние памятника стабильное.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 343).

Стоянка Ащикарасу II

Памятник располагался на правом берегу ручья Ащикарасу, в 16,5 км к северо-востоку от с. Новоберезовка и в 0,1 км к западу от железобетонной плотины.

Стоянка обнаружена и обследована в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Культурный слой сильно потревожен при строительстве плотины. На поверхности обнаружено пять отщепов из яшмовидной породы и неорнаментированный фрагмент керамики.

В 2005 г. стоянка не обнаружена.

Памятник характеризует погребальный обряд и степень расселения племен Север-

ного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 345).

Стоянка Берлиновка I

Находилась в 1,5 км к северу от с. Берлиновка и в 3,3 км к юго-юго-востоку от с. Бирлик, на правом берегу р. Балга-Карасу. Высота террасы 2 м.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Сохранность памятника плохая. Верхний почвенный слой разрушен. Район распространений находок – более 800 кв. м.

В коллекции содержится 149 предметов, из них 16 орудий и их обломки, восемь сечений ножевидных пластин, остальные – отходы производства. Интересна находка каменного листовидного наконечника стрелы, выполненного из темного кремня. Длина его 2,5 см, ширина 0,9 см. Наконечник обработан двусторонней ретушью. Скрепки (6) выполнены на концевых ножевидных пластинах, длина – от 1,9 до 2 см. Остальные выполнены на отщепах небольших размеров. Сечения длиной от 0,3 до 1,5 см и шириной от 0,5 до 1,3 см изготовлены из светлой яшмовидной породы. На обломках ножевидных пластин и сколов с нуклеусов хорошо заметны следы сработанности. Основную массу предметов составляют отщепы и чешуйки (103) довольно мелких размеров.

Сохранность памятника плохая. Верхний почвенный слой разрушен.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников исто-

рии и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 345–346).

Стоянка Берлиновка VI

Памятник расположен на невысоком левом берегу р. Балга-Карасу, в 1 км к югу от с. Берлиновка.

Стоянка обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Район распространения находок – около 400 кв. м. В коллекции памятника содержится 10 каменных предметов и два фрагмента керамики. Скребки (4); крупная ножевидная пластина, одна из сторон усечена и покрыта высокой притупляющей ретушью; обломок скребка, выполненный на отщепе, по лезвию прослеживаются заломы; отщепы (6) довольно мелкие, на одном из них видны следы сработанности. Керамика довольно фрагментарна, хорошего обжига, с примесью мелкого песка.

Современное состояние памятника стабильное, поверхность хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 347–348).

Стоянка Берлиновка VII

Памятник расположен на правом берегу р. Балга-Карасу, в 1,2 км к югу от с. Берлиновка.

Обнаружена и обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведоч-

ным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Материал памятника представлен 25 отщепами. На одном из них имеется дополнительная обработка (невысокая ретушь). На четырех отщепах прослеживаются следы сработанности.

Современное состояние памятника стабильное, поверхность хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 349).

Стоянка Бирлик

Памятник расположен в 0,5 км к северо-востоку от с. Бирлик, вдоль надпойменной террасы правого берега р. Чаглинки.

Обнаружена и обследована в 1980 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.И. Заитова, В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Культурный слой был частично разрушен. В коллекции насчитывается 12 отщепов без обработки, ножевидная пластина, концевой скребок, скребок на отщепе, резец на пластине, нуклеидный скол, фрагмент неорнаментированной керамики.

Состояние памятника на данное время стабильное.

Памятник характеризует погребальный обряд и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 348).

Стоянка Виноградовка I

Памятник расположен на правом берегу старого русла р. Чаглинки – Балга-Карасу, в 2 км к северо-востоку от с. Виноградовка и в 7 км к юго-востоку от г. Тайынша.

Обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Культурный слой отсутствует. Находки лежали непосредственно на материковом грунте. Материал датируется неолитическим временем.

На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 349).

Стоянка Виноградовка IX

Памятник находится близ с. Виноградовка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области.

Стоянка расположена в 4,3 км к северо-востоку от с. Виноградовка и в 1,8 км к югу от с. Берлиновка.

Разведочный отряд Кокшетауской археологической экспедиции проводил обследование обнаруженной ранее (СКАЭ, 1969 г.) стоянки Виноградовка IX.

На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 352).

Стоянка Виноградовка VIII

Памятник расположен на правом берегу р. Балга-Карасу, в 3,5 км к северо-востоку от с. Виноградовка.

Обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Площадка стоянки не имеет культурного слоя. Подъемные сборы (69) обнаружены на материке.

На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 351–352).

Стоянка Виноградовка XI

Находится в 2,5 км к югу от с. Берлиновка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области. Расположена на пологой террасе правого берега р. Балга-Карасу.

Обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

На участке площадью около 800 кв. м с развеванным культурным слоем был собран немногочисленный материал эпохи неолита (отщепы, несколько пластин и скребков).

На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 352).

Стоянка Тендык

Памятник расположен на правом берегу р. Чаглинки, восточной окраине с. Тендык.

Обнаружена и обследована в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

В 1972 г. на огородах сельчан было найдено шесть ретушированных кремневых отщепов.

В настоящее время территория стоянки застроена.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 370).

Стоянка Виноградовка VII

Находится в 3,7 км к северо-востоку от с. Виноградовка, на правом берегу р. Балга-Карасу.

Обследована в 1969 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Вторично обследована в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

Культурный слой на площадке стоянки практически уничтожен. Находки залегали на уровне материка. В коллекции содержится 40 кремневых предметов, датированных неолитическим временем.

На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах

Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 351).

Поселение Рошинское I

Памятник расположен на юго-западном берегу озера Сарыбай, в 1,5 км к югу от с. Рошинское. Площадь поселения – 150 тыс. кв. м.

Обнаружена и обследована в 1983 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. Проведена ревизия разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции в 2005 г.

В 1983 г. на территории стоянки был заложен раскоп площадью 304 кв. м, в северо-западной части памятника, на пологом склоне берега озера. Кремневый инвентарь по сырью и типологически был разделен на два хронологических комплекса. Ранний комплекс (3618). В качестве сырья использовались серые, желтоватые, красно-коричневые, зеленоватые, голубоватые и дымчатые яшмовидные породы. Основная часть данного комплекса представлена пластинами и изделиями на них (отщепы без вторичной обработки, скребки, скребла, наконечники, проколки и сверла; нуклеусы и их обломки, сколы оживления и ребристые пластины). Поздний комплекс характерен тем, что в качестве сырья использовались кварцитовые породы. Значительное количество массивных отщепов и осколков без вторичной обработки имеет участки с желвачной коркой (ножи, скребки, пластины, наконечники, абразивные плитки, орудия ударного типа, два обломка дисковидных орудий). Кроме того, обнаружены бронзовые изделия: ножи, заготовка ножа, наконечник стрелы, проковка, застежка. Костяные изделия представлены рукоятью из трубчатой кости.

По типу и сырью кремневого инвентаря на памятнике можно выделить горизонты раннего неолита и позднего неолита, энеолита. Первый характеризуется пластинчатой индустрией, второй – отходами и предметами первичной обработки каменного сырья. Бронзовые изделия относятся к началу раннего железного

века. Керамический комплекс представляет самую разновременную керамику – от неолита до раннего железного века. Среди нее выделяются неолитическая шиподонная, ботайская с насечками по венчику, вишневыский, бишкульский и саргаринский типы. Подобная многослойность характерна для озерных памятников.

В 1984 г. стационарные исследования на поселении были продолжены. Материал, найденный во время раскопок, идентичен материалу раскопа № 1 (1983 г.).

Памятник на современном этапе хорошо задернован. Проведены работы по определению границ и нанесению объекта на карту землепользования.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита, энеолита, раннего железного века. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 364–365).

Поселение Карасу I

Памятник расположен в 11,8 км к юго-западу от с. Амандык Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, на мысу, образованном ручьем Карасу, впадающем в озеро Сексембайсор (рис. 1). Высота террасы – около 2,5 м.

Поселение было открыто отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедицией в 1990 г.

В северной части поселения находится бывшая плотина, в южной части располагается летний лагерь для скота. Южная окраина поселения ограничена полевой дорогой, идущей вдоль ручья к броду. Площадка памятника хорошо задернована, на поверхности видны впадины (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 358–359).

Поселение Московка

Расположено в 1 км от с. Московка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, на правом обрывистом берегу р. Ча-

глинки. Причем западный край поселения размывается рекой.

Впервые было обследовано в 1928 г. М.Л. Лентовским. Но по его данным находки фиксировались в обрыве на глубине 3,5 м. В 1972 г. поселение было подвергнуто вторичному обследованию. При обследовании в 1987 г. по обрыву на глубине 25–30 см фиксируется гумусированный с зольником культурный слой. Мощность его 20–25 см. Здесь же зафиксирована хозяйственная яма глубиной от современной поверхности 180 см. У края обрыва зафиксированы две впадины глубиной 15–20 см и размерами 5x10 и 8x15 см. В обрыве собраны керамика, кости животных, фрагмент бронзового изделия.

На современном этапе береговая сторона поселения разрушается весенними тальми водами (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 363).

Поселение Чаглинка I

Памятник расположен в 3 км к северо-западу от с. Линеевка Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, на левом берегу р. Чаглинки.

Поселение было открыто отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедицией в 1992 г.

Поселение площадью 3 га плотно задерновано, однако береговая часть поселения разрушается весенними тальми водами. Мощность культурного слоя достигает свыше трех метров (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 372).

3.3. Археологические объекты Тельманского микрорайона

Мастерская Тельмана I

Памятник расположен у небольшого притока левого берега р. Ишим, в 2,5 км к юго-востоку от с. Тельмана Атбасарского района Акмолинской области.

Раскопом площадью 776 кв. м, заложенным на пологом склоне высокой поймы (вы-

сотой 3 м), памятник исследован полностью (рис. 157). Стратиграфия его однородна по всей территории раскопа. Под гумусом (5–10 см) фиксируется легкая (от 8 см) прослойка супеси, ниже (до 30–40 см) – черноземный слой с интенсивной примесью супеси. Подстиляет культурный слой материковый суглинок без культурных остатков. При вскрытии культурного слоя никаких остатков жилых или хозяйственных построек неолитического времени, кроме 18 мелких ямок небольшого диаметра и глубины, не зафиксировано.

На участках Б-3, Б-4, Е-8, Е-7, Д-6 обнаружены пять подпрямоугольных ямок длиной до 1 м, шириной до 40 см. Золистое заполнение последних фиксировалось непосредственно под гумусом, что свидетельствует об очень молодом возрасте этих ямок. Но, пожалуй, самым убедительным аргументом являются найденные в ямке четыре железных стержня.

Столбовые же ямки фиксировались на уровне древней погребенной поверхности (15–25 см). В заполнении ямок 9, 12 обнаружены кремневые отщепы и чешуйки. Все это свидетельствует о принадлежности этих ямок к остаткам легкой наземной конструкции, относящейся к исследуемому памятнику. Кроме того, на участке Д-5 обнаружено углистое с прокалом пятно диаметром 50 см, являющееся остатком древнего наземного очага или костра. Выявленные скромные остатки конструкции доказывают отсутствие капитальных жилых или хозяйственных сооружений на данном памятнике, и это вполне соответствует его функциональному назначению (мастерская).

На исследованной площади зафиксировано пять рабочих площадок. Скопления состоят, как правило, из нескольких ударных инструментов (отбойники, ретушеры, молоты), абразивных плиток, наковальни и массы отщепов. Наибольшая концентрация находок прослеживается на рабочей площадке 2, где на 4 кв. м приходится свыше двух тысяч единиц. Вокруг очага степень концентрации ниже – до пятисот единиц. Орудия (скребки, ножи, резцы) и керамика распространены по территории примерно одинаково. Анализ кремневого и керамического материала по условным горизон-

там и участкам в пределах раскопа показал его однородность. Поэтому характеристика инвентаря дается нами суммарно по определенным классам или типам. Всего в коллекции 47146 предметов. Распределение материала по основным категориям показано в таблице 2. Орудия и отходы из кремневых пород составляют 46798 экземпляров, каменные изделия из некремневых пород (сланцы, песчаники, галечник и пр.) насчитывают 119 экземпляров. И, наконец, керамика – 228 фрагментов.

Сырьем для изготовления нуклеусов, заготовок и орудий служила яшмовидная серого или светло-коричневого цвета порода, иногда со значительными вкраплениями кварца. Она широко распространена в пределах Казахского мелкосопочника. Конкретно можно назвать «Тимошевское место» добычи сырья, расположенное в Тельманском микрорайоне. На памятнике обнаружены целые куски породы с сохранившейся коркой выветривания. Этот факт (наличие значительного количества кремневых изделий с желвачной коркой) вообще характерен для данного памятника и является одним из признаков принадлежности данного памятника к мастерской. При статистической обработке кремневых предметов (орудия заготовки и отходы) экземпляры с желвачной коркой учитывались в особой таблице. При количественной характеристике кремневого инвентаря по группам за 100% принималось нами общее количество кремневых предметов (46798).

Нуклеусы и их обломки (98). Значительное количество нуклеусов представлено в обломках (66). Целые подразделяются на клиновидные, конические, призматические. Клиновидные (6), как правило, монофронтальные, одноплощадочные. Контрфас имеет форму клина, образованного в результате двусторонней боковой подтески (рис. 158 – 3). Ударные площадки фасетированы или имеют следы поперечного снятия сколов оживления. Основания нуклеусов также слегка подработаны ретушью. Размеры нуклеусов различны: высота их от 5 до 12 см. Крупные ядрища являются своеобразными заготовками, с них снято лишь по несколько пластин.

Призматические (12) нуклеусы не всегда соответствуют форме классической призмы,

являясь скорее подпризматическими. Из 12 экземпляров данной формы лишь два – двуплощадочные, остальные – одноплощадочные. Ударные площадки слегка вогнуты или скошены (рис. 158 – 1, 3, 4). Из последних – четыре ядрища предельно сработаны. Высотой они от 2,9 до 4,4 см. Более крупные экземпляры (высотой от 5 до 9 см) почти все сломаны в древности.

Конические (12). Наиболее выразительны несколько нуклеусов. Один имеет округлую в плане форму площадки, она слегка выпуклая; высота изделия 5,5 см (рис. 159 – 13). Два нуклеуса – высотой 7,2 и 8 см – имеют округлую в плане ударную площадку. Скалывание производилось практически по всей поверхности заготовки. Характерным является выступающее ребро, разделяющее поверхность скалывания. Один экземпляр имеет округлую в плане фасетированную ударную площадку диаметром 3,1 см, высотой 5,6 см. Основание же оформлено не на конус, а клином. Остальные нуклеусы сильно сработаны или же сломаны в древности и в принципе повторяют описанные формы. Следует остановиться на одном изделии, которое было использовано вторично, как топорик. Обушком служило в данном случае основание нуклеуса, лезвие оформлено на месте ударной площадки по принципу «чоппинга». Обломки нуклеусов хотя и многочисленны, однако оригинальных форм не представляют.

Имеется в коллекции 23 скола оживления и 250 ребристых пластин. На последних следует остановиться несколько подробнее. Поскольку ребристые пластины являются одним из показателей технического порядка, связанного с характеристикой расщепления нуклеусов, то для них составлена специальная таблица – матрица по принципу обработки пластин. В результате выявилась следующая картина.

Из ребристых пластин 29 – с желвачной коркой. Основная часть ребристых пластин оказалась рассеченной на части. Целых – 28 экземпляров, из них девять орудий: семь пластин с ретушью и два боковых резца.

Проксимальных сегментов – 52 экземпляра, из них орудий – 15, в том числе 12 пла-

стин с ретушью, два угловых резца и один концевой скребок.

Медиальных сегментов – 113 экземпляров, из них орудий – 12 пластин с ретушью и три угловых резца.

Дистальных сегментов – 57 экземпляров, из них 17 орудий: 10 пластин с ретушью, четыре скребка, два угловых резца, одна провертка.

Как видно из перечня, ребристые пластины использовались в качестве заготовок для определенных орудий – резцов и скребков. Видимо, эти классы изделий имели широкий функциональный диапазон и для их изготовления древние мастера применяли бросовой, с нашей точки зрения, материал (рис. 160 – 7, 11, 13; 161 – 19, 20). Особенно характерна форма скребков, которая целиком определена исходной формой самой заготовки – изогнутый профиль. Вторичная обработка практически ограничивалась лишь нанесением скребковой ретуши, но не изменяла самой формы (рис. 162 – 27).

Пластины и изделия на пластинах насчитывают 6279 экземпляров (таблица 2). Значительная их доля – без вторичной обработки (5048). Однако это не отходы. Основная масса пластин рассечена на определенные части – сегменты, которые и являлись заготовками для вкладышевых орудий труда и оружия (таблица 3). Размеры пластин (с коркой и без корки) учитывались в таблице «Ширина и длина». Ширина пластин со вторичной обработкой колеблется от 0,5 до 5 см. Однако больше всего изделий с шириной до 1,5; 2; 2,5 см. Пластины без ретуши по ширине имеют несколько иное соотношение. Увеличивается процент до 5 см и выше 5 см, что вполне закономерно. Длина пластин с обработкой также тяготеет к 1,5–2 см, 2,5 см, 5 см. Экземпляры без обработки имеют обратную тенденцию. Анализ по исходным формам заготовок показал, что всюду преобладают медиальные сегменты (орудия и заготовки) (таблица 3). Примерно равен процент целых пластин внутри сравниваемых категорий. Существенно больше орудий (16,87%) выполнено на дистальных частях против 8,68% без вторичной обработки. Формально среди пластин выделены следующие типы (таблица 3).

Пластины с ретушью (515). Из них целых – 15, проксимальных – 131, медиальных – 300 и дистальных – 69 сегментов. Как следует из данных таблиц, основу заготовок составляют медиальные части пластин, служившие вкладышами. Использовались по назначению и другие части пластин. Изделия обработаны в основном мелкой краевой, нерегулярной ретушью, которая наносилась преимущественно по одному краю спинки или брюшка (рис. 163 – 9).

Ножи (7). На первый взгляд, они близки вышеописанным комплексам – это те же пластины с ретушью по краям. Однако у них есть существенный признак, который в данном случае (при формально-типологическом подходе) является диагностическим – наличие выделенной ретушью или резцовым сколом рукоятки или места для крепления в рукояти. Показательно, что в качестве заготовок служили довольно массивные (ширина до 2,5 см и длина до 8 см), целые проксимальные и дистальные части. Хотя последняя категория заготовок является скорее случайной, т.е. производной от первых двух (рис. 163 – 20).

Скребки концевые (377). Орудий на целых пластинах три, на проксимальных частях – 90, медиальных – 195, дистальных – 89 экземпляров. Вновь наблюдается преобладание медиальных сегментов как заготовок. Проксимальные и медиальные части при изготовлении скребков использовались равнозначно. Классификация скребков показала, что по форме лезвия выделяются устойчивые серии – округлые, прямые, фигурные, скошенные. В то же время остальные показатели (угол оформления рабочей части, степень конвергентности лезвия, дополнительная обработка боковых сторон) усреднены (рис. 159 – 7–12, 14, 15; 162 – 18–28).

Резцы угловые (124). На целых пластинах сделано два резца, на проксимальных – 27, медиальных – 70, дистальных – 25 орудий. Резцы преимущественно однолезвийные. Резцовый скол занимает иногда половину длины заготовок (рис. 160, 161 – 1–19). Двулезвийные формы единичны (рис. 160 – 11, 12). Характерной морфологической особенностью угловых резцов является неоднократная (два раза

и более) подправка рабочего лезвия орудия. Дополнительная обработка ретушью почти не применялась или использовалась в единичных случаях.

Резцы боковые (16). Они отличаются от угловых наличием ретуши на торце пластин в виде выемки. Резцовый угол хорошо выражен, занимает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{3}{4}$ длины заготовки (рис. 160 – 5–7, 9–10, 15). Орудия в основном однолезвийные, но встречаются и многолезвийные. Своеобразен один экземпляр – резец сочетается со скребком (рис. 160 – 9). В отличие от угловых резцов боковые чаще оформлялись ретушью по продольным краям. Показательно, что 14 орудий сделаны на медиальных и два на дистальных частях пластин.

Резцы срединные (2). Сделаны на медиальных частях пластин. Заготовки довольно массивны (ширина до 2,5 см, толщина до 0,6 см). Одно орудие с одним лезвием оформлено двумя резцовыми сколами, направленными от центра к боковым краям (рис. 161 – 15). Другой резец – двулезвийный. Один рабочий конец с брюшка подправлен тремя микросколами – дополнительное свидетельство активного использования орудия в работе (рис. 161 – 16).

Трапеции (39). В качестве заготовок использованы исключительно медиальные части (таблицы 1–3). Трапеции все правильные, высокие, симметричные. Характерной особенностью комплекса можно считать своеобразную подработку одного из оснований (как правило, верхнего) в виде ретушированной выемки. В литературе они получили название «рогатые», или трапеции дарьясайского типа (Виноградов, 1972). Выемки оформлены преимущественно с брюшка (36) и только три экземпляра – со спинки. Ретушь, оформляющая боковые грани трапеций, в основе крутая и наносилась преимущественно со спинки, хотя есть и другие варианты (рис. 164 – 1–18). Поверхности двух трапеций дополнительно подработаны плоской ретушью: в одном случае со стороны спинки, в другом – брюшка (рис. 164 – 24, 32).

Наконечники (42). Заготовками служили исключительно медиальные сегменты (таблица 3). Длина наконечников не превышает 3,4 см, а

минимальная длина – 1,5 см. Ширина наконечников – от 0,8 до 2 см. Концы симметричные, оформленные двусторонней ретушью. Основания прямые или со слегка ретушированными выемками (рис. 165 – 1–27). Ретушь преимущественно краевая. Лишь в двух случаях она занимает всю поверхность спинок наконечников (рис. 165 – 28). Совершенно оригинальна форма одного небольшого «наконечника-трапеции». Это своеобразный гибрид форм – поперечно-лезвийный наконечник с приостренным пером и прямым основанием трапеции (рис. 165 – 16).

Скобели (36). Представлены пластинами с ретушированными выемками на боковых гранях пластин. Заготовками служили как целые, так и различные части пластин, что хорошо видно в таблице 3. Тем не менее приоритет остается за медиальными сегментами. Все скобели сравнительно массивны. Длина орудий достигает 3,4 см, ширина – 1,2 см. Выемки шириной до 1,3 см, глубиной 0,3 см. Ретушь крутая, она оформляет выемки со стороны спинки, реже с брюшка. Интересно, что на каждом орудии по одной грани, как правило, имеется лишь одна выемка.

Развертки (14). Выделены нами формально. Типологически это пластины с односторонней крутой краевой ретушью по боковым граням. Причем один конец всегда слегка приострен (рис. 165 – 28–31, 34–37). Заготовками служили в равной степени медиальные (7) и дистальные (6) части. На целой пластине изготовлено лишь одно орудие. Совсем не использовались для данных типов проксимальные сегменты (таблица 3).

Проколки (2). Характеризуются как пластинки с выделенным на конце ретушированным жальцем. Иногда у пластин ретушью дополнительно подработан краевой край. Исходной заготовкой служили проксимальные и дистальные части пластин (таблица 3).

Сверла (4) – это пластинки с приостренными противолежащей ретушью концами (рис. 159 – 1–5). Ретушь крутая, краевая. Орудия небольших размеров (длина до 3,5 см). Заготовками служили проксимальные (2), медиальные (1) и дистальные (1) части пластин (таблица 3).

Острия (8). Это пластинки с симметрично приостренными ретушированными концами и резцовыми сколами. Ретушь, как правило, односторонняя, мелкая, краевая. Отличается от наконечников незавершенностью форм и случайным подбором заготовок.

Резчики (14) – пластины с ретушированным углом. Характерно для этих изделий использование в качестве заготовок как целых, так и составных частей пластин (таблица 3). Рабочие лезвия оформлены крутой краевой ретушью, занимают до $\frac{2}{3}$ длины орудий. Ретушь наносилась в основном со стороны спинки (рис. 163 – 5, 8, 19). Иногда встречаются комбинированные орудия (резчик-резец) (рис. 84 – 4).

Пластины со скошенным краем (6) выполнены на медиальных и проксимальных частях пластин. Угол скоса орудий не более 40 и занимает менее $\frac{1}{3}$ всей длины заготовок. Ретушь наносилась со спинки; она крутая, краевая, дивергентная (рис. 163 – 1, 2).

Пластины с торцевой выемкой (11). Приоритет в отношении исходных заготовок принадлежит медиальным сегментам (7). Остальные распределяются между проксимальными и дистальными частями (таблица 3). Выемка ретушировалась со спинки или брюшка. Как правило, выемка неглубокая (до 0,2 см), но достаточно выразительная (рис. 163 – 3, 13, 14, 17, 18). Пластины дополнительно обрабатывались по продольным краям краевой ретушью.

Пластины с торцевой ретушью (14) отличаются от пластин с торцевой выемкой более мелкими размерами, а самое главное – характером обработки торца. В данном случае торец прямой или слегка округлый. Ретуширован крутой тонкой ретушью (рис. 163 – 6, 7, 12). В группе орудий увеличивается доля дистальных частей (таблица 3).

Отщепы (40149). Из них 10806 экземпляров с желвачной коркой, что составляет 26,9% от всех отщепов. Наибольшее количество отщепов размером до 3 см, что составляет 72,5%. Соответственно до 1 см (чешуйки) – 15,13%, до 5 см – 10,45%, 5–7 см – 1,59%, 7–9 см – 0,3%, более 9 см – лишь 0,002% (рис. 166). Всего орудий на отщепках 214 экземпляров, что составляет 0,53% от всех отщепов. Основная масса

орудий (82) выполнена на отщепах размером 3–5 см (таблица 2). Значительная часть отщепов довольно массивна и являлась, видимо, заготовками для скребков и других изделий.

Ассортимент орудий на отщепах невелик. Отщепы с ретушью (95) – это сколы с краевой нерегулярной ретушью. Не исключено во многих случаях ее естественное происхождение. Скребки (55) преимущественно концевые (рис. 159 – 7–12). Рабочие лезвия оформлены под крутым (до 85°) или пологим (до 50°) углом. Несколько изделий имеют круговую скребковую ретушь. Один скребок отличается сильно сработанным лезвием. Скребла (2) выполнены на массивных пластинчатых отщепах, у которых боковая грань оформлена крутой ретушью. В пяти случаях использовались заготовки до 9 см, шириной до 4 см и толщиной 1,6 см.

Скобели (24). Заготовками служили отщепы размерами от 1 до 9 см. Но преобладают средние размеры, т.е. до 5 см. Рабочей частью являлись одна или несколько круто ретушированных выемок шириной до 0,8 см, глубиной до 0,4 см.

Наконечник копья (1). Он сломан в древности. Длина обломка до 3 см, толщина 1,8 см, ширина 3,1 см. Обработан двусторонней мелкой оббивкой.

Ножи (5). В качестве заготовок использовались округлые и овальные отщепы диаметром или длиной до 6,5 см. Большая часть периметра орудий занимает пологая приостряющая ретушь (рис. 159 – 16).

Резцы (17). Рабочие лезвия образованы одним или двумя резцовыми сколами. В качестве заготовок древний мастер использовал самые различные отщепы – от пластинчатых до аморфных. Иногда резцы дополнительно подработаны пологой отжимной ретушью.

Бифасы аморфные (5) следует относить к категории заготовок или неудавшихся двусторонне обработанных орудий. Длина их 3–7 см, толщина – до 2,5 см (таблица 3). Характер оббивки нерегулярный, хаотичный или бессистемный.

Каменные предметы из некремневых пород представлены макроформами. Топоры (2). Один выполнен из окремнелого сланца техни-

кой двусторонней оббивки. Длина его 11,4 см, ширина 5,6 см, толщина 3,8 см. Лезвие топора слегка скошено к одному из боковых краев. На лезвии хорошо прослеживаются следы сработанности в виде зазубрин, а обух орудия слегка сужен по сравнению с лезвием и не носит следов сработанности (рис. 167 – 4). Второй топор сделан из мелкозернистого прочного песчаника. Он менее выразителен и не доведен до необходимой формы.

Ретушеры, отбойники (25). Сырьем служил галечник или песчаник. На одном или обоих торцах орудий фиксируются следы сработанности в виде забитости. Инструменты разных размеров в зависимости от их назначения – от 3–5 до 15–17 см (рис. 167 – 1–3; 168 – 1–3).

Абразивные плитки, бруски (90). Функциональное назначение многочисленных, часто бесформенных плиток неясно. Возможно, массивные экземпляры использовались как наковальни, другие выполняли функции точильных камней или брусков. Тем более материал (крупнозернистый и мелкозернистый песчаник) для этого вполне соответствовал такому исследованию (рис. 169).

Тесло (1) выполнено из зеленоватого сланца. Длина его 7,3, ширина 4,2, толщина 2,8 см. В продольном профиле оно асимметрично. Рабочая часть орудия пришлифована.

Наковальня (1) – это галька подтреугольной формы весом до 5 кг, со следами сильной изношенности.

Керамика (240). По технологии и орнаментации делится на две группы.

1. Керамика яйцевидной формы, с открытой горловиной. Она тонкостенна (до 5–6 мм), слабого обжига, с примесью в тесте дресвы и растительных остатков. Поверхность фрагментов сильно разрушена, зачастую элементы орнамента трудно восстановить. На сохранившихся фрагментах орнамент состоит из оттисков гребенчатого штампа в виде «качалки», волнистых линий, отступающей палочки, ямок, горизонтальных гребенчатых линий, опоясывающих тулово сосуда (рис. 170).

2. Группа керамики представлена плотными черепками хорошего обжига, толщиной

до 1,0 см. С внешней стороны прослеживается своеобразный слой типа ангоба. Керамика не имеет орнамента. Сосуды с сильно отогнутой наружу шейкой (рис. 171).

Первая группа, видимо, относится ко времени существования мастерской, вторая же группа, безусловно, – поздняя и находит аналогии в памятниках поздней бронзы или раннего железного века (Зайберт, Зайтов, 1977, с. 4–9).

Итак, исследованный памятник, судя по его площади и количеству археологического материала, является сезонным, функционирующим на протяжении продолжительного отрезка времени. Это в какой-то степени подтверждается характером распределения в культурном слое кремневого материала. В культурном слое найдено несколько десятков раздробленных костей животных, некоторые определены (лошадь). По сырью, технике и типам изделий кремневый инвентарь идентичен неолитическим памятникам Тельманского микрорайона и, видимо, функционировал одновременно с ним.

Стоянка Тельмана VII

Памятник расположен в 4 км к югу от с. Поповка и в 3 км от с. Тельмана (рис. 200).

Склон берега полого спускается к пойме, высота его около 2,5 м (рис. 173). Часть материала находилась на поверхности и связана с разрушительной деятельностью паводковых вод и ветровой эрозии.

На памятнике заложено два раскопа общей площадью 496 кв. м, на небольшом расстоянии один от другого. Полученный кремневый инвентарь (с двух раскопов) совершенно идентичен и рассматривается как один памятник

В верхнем почвенном слое находились керамика и костный материал. Посуда хорошего обжига, толстостенная, без орнамента. Судя по внешнему облику и технологии ее изготовления, керамика относится к раннему железному веку. Остеологический материал относится ко времени существования на этом месте казахского стойбища, остатки жилищ которого фиксируются неподалеку от стоянки. Культурные остатки каменного века связываются супесчаным слоем толщиной 15–20 см. При зачистке на уровне материкового суглинка

появились очертания 30 столбовых ямок диаметром 15–25 см, глубиной 10–20 см. Некоторые ямки относятся ко времени существования казахских стойбищ. Обнаруженные ямки являются наземными конструкциями жилых помещений. Ограниченность раскопа пока не позволяет выявить точную конфигурацию жилища или нескольких жилищ, а также их площадь (рис. 174).

Описание вещей. Всего в результате исследования памятника получено 2533 предмета из яшмы, кремня и кварцита.

Нуклеусы (4). Целые экземпляры конусовидной и призматической формы высотой 3–5 см (рис. 175, 176 – 6, 7; 177). В процессе снятия пластин ударные площадки фасетировались. Имеющиеся 12 обломков нуклеусов не противоречат имеющимся формам. Большое место в коллекции занимают пластины. Общее количество – 636. Из них 120 экземпляров имеют вторичную обработку и небольшие размеры. Пластины и изделия на пластинах представлены в сечениях и обломках (рис. 178). Целые пластины отсутствуют. Наибольшее количество пластин представлено срединными сечениями, большинство их не имеет вторичной обработки, но имеющиеся у них следы сработанности говорят об использовании их в работе. Пластины с обработкой использовались, вероятно, в качестве вкладышей составных орудий. В основном они подработаны со спинки притупляющей или приостряющей ретушью (реже с обоих краев и с брюшка). Некоторые пластины имеют типичный вкладышевый характер, торцевую подработку; притупляющей ретушью оформлен один из краев. Эти пластины минимальных размеров (до 5 мм).

Из числа орудий на пластинах существенную и более интересную серию представляют резцы. В основном это микрорезцы, оформленные небольшим резцовым сколом. Резцовый скол занимает лишь малую часть края пластины (2–4 мм). В этой же серии имеются единичные экземпляры срединного, двойного и противоположащих резцов. Особый интерес представляет резец с торцевой выемкой.

Определенное место в коллекции занимают пластины со скошенным краем. В основ-

ном они имеют острый угол скоса и оформлены по одному из краев притупляющей ретушью. Близки к этой серии единичные находки резца и проколки. В коллекции имеются лишь два резца на пластинах. Они небольших размеров, с высоким лезвием.

Доминирующую массу материалов стоянки составляют отщепы (1435) (рис. 179). Из всей массы отщепов лишь 35 имеют вторичную обработку. Единственную серию орудий на отщепках представляют скребки, большинство их округлой формы, с высоким рабочим лезвием. Остальная часть обработанных отщепов является или обломками орудий, или заготовками (рис. 180).

Большая часть отщепов – это отходы вторичной обработки. Отщепы небольших размеров и не превышают 4–5 см. В основном это чешуйки до 1 см (48%). Имеются три обломка наконечников стрел. Это фрагменты оснований, обработанных двусторонней отжимной ретушью. К данной стоянке они, вероятно, не относятся, т.к. были найдены в верхнем слое и не могли попасть сюда с неолитических стоянок, расположенных в непосредственной близости от стоянки Тельмана VII.

При сравнении индустрии стоянки Тельмана VII с другими комплексами Северного Казахстана бросается в глаза разница в наборе орудий и технике обработки камня. Немногочисленность типов орудий, преобладание орудий на пластинах, микролитический характер индустрии, характер отходов производства – все это позволяет рассматривать Тельмана VII как своеобразное явление. На стоянке наиболее сильно развиты мезолитические черты и палеолитические традиции: обилие резцов, многочисленные микропластины, наличие сверл, пластин со скошенным краем, пластин с торцевой выемкой. Характер этих орудий позволяет отнести Тельмана VII в разряд особых памятников, выделяющихся на фоне материалов Северного Казахстана своим архаизмом (Жабай-Покровка I, Явленка VI, Явленка II, Виноградовка X и др.).

Названные выше черты индустрии стоянки Тельмана VII находят аналогии в оригинальных памятниках Прикаспия (Оюклы), а

также в башкирских мезолитических комплексах. (Зданович, Зайберт, 1976, с. 26–29).

Стоянка Тельмана VIII

Стоянка Тельмана VIII расположена на склоне первой надпойменной террасы р. Ишим, в 4 км от с. Поповка (рис. 172).

Культурный слой памятника частично разрушен. Раскоп был заложен на площади 1280 кв. м. Стоянка исследована частично (512 кв. м). При зачистке в юго-западной части раскопа зафиксированы две ямы, размеры одной из них: 4х2,5 м, глубина 1,4 м; другой – 1,2х0,75 м, глубина 0,8 м. Заполнение этих ям состоит из светлого золотистого песка и глины, на дне зафиксированы уголь и прокол (до 2 см). Никаких материальных остатков не обнаружено (рис. 181). На исследованной площадке зафиксированы столбовые ямки, относящиеся к остаткам наземных жилищ неолитического времени.

Описание вещей. В коллекции насчитывается 4617 предметов, из них 4252 – кремневых. В качестве сырья использовались яшма, кремень, кварцит. Преобладают серый, коричневый, желтый цвета. Половину кремневого инвентаря составляют чешуйки, отщепы размерами от 1 до 3 см. Нуклеусы (4) призматической и конусовидной формы, высотой 3–5 см. Все нуклеусы одноплощадочные, ударные площадки горизонтальные, тщательно подправленные (рис. 182 – 2–4). Основа коллекции – пластины (1576). Преобладающая длина – 11–15 мм, ширина 6–10 мм. Они в основном правильной призматической формы. Целых пластин очень мало, большинство – сечения, верхние и нижние части пластин, микропластины. Из общего количества пластин 807 ретушированных. Сечения обработаны краевой ретушью со стороны спинки, реже брюшка. Ретушь крутая. Орудия на пластинах достаточно разнообразны.

Концевые скребки (83) изготовлены из сечений и обломков пластин, форма лезвий – прямая и округлая. Среди скребков выделяется один круговой скребок, выполненный на сечении.

Скребки (10). Выполнены они на пластинах призматической формы с вогнутым или

почти прямым рабочим краем, оформленным крутой притупляющей ретушью, нанесенной по спинке.

Трапеции (8). Изделия ретушированы мелкой краевой ретушью со стороны спинки, кроме одного экземпляра, обработанного противолежащей ретушью (рис. 183 – 10–15).

Резцы (9). Изготовлены на сечениях и обломках пластин. Лезвие угловых резцов оформлено одним или несколькими резцовыми сколами. Есть два двусторонних резца. Сделаны они на пластинах, причем одна из пластин неправильной огранки (рис. 183 – 1–9).

В коллекции встречаются пластины с торцевой выемкой, размеры их варьируются: длина – от 10 до 30 мм, ширина – от 5 до 15 мм. Пластины имеют ретушированную торцевую выемку или со спинки, или с брюшка (рис. 183 – 16–19, 30). Кроме пластин с торцевой выемкой в коллекции есть два экземпляра пластин со скошенным краем. Скошенный край пластин подработан торцевой ретушью. Такие орудия в литературе иногда называют микро-резцами (рис. 183 – 22, 29). Единичным экземпляром представлена пластина со скошенным краем. Она изготовлена из сечения небольшой тонкой пластинки, скошенный край тщательно обработан. Незначительное количество предметов составляют орудия на отщепях (955). Выполнены они на сколах различных форм, имеют округлую рабочую часть. Малую группу составляют микроскрепки (4). Они имеют подтреугольную форму с ровным, почти прямым лезвием (рис. 183 – 24).

В коллекции есть несколько двусторонне обработанных орудий – это наконечники стрел. Они выполнены из различных пород камня: три экземпляра из яшмы, один – из кремня, один – из халцедона. Из пяти наконечников только один – целый. Поэтому трудно представить законченную форму всех наконечников. Однако можно выделить один наконечник с намечающимся черешком и два – бесчерешковых. Сохранившийся наконечник имеет листовидную (лавролистовидную) форму, выполнен из черного кремня. По всей поверхности обработан тщательной отжимной ретушью, края тонкие и острые.

Кроме кремневых предметов в раскопе обнаружена керамика. В основном это неорнаментированные фрагменты, не дающие полного представления о формах сосудов. В большинстве своем, судя по составу теста, обжигу, керамика относится к более позднему времени, чем кремневый инвентарь памятника. Только пять фрагментов тонкостенной керамики с гребенчатым орнаментом можно рассматривать как неолитическую (рис. 184). Встречаются в верхнем слое обломки костей животных, относящиеся к современности, это – аморфные куски.

Описанный кремневый и керамический комплекс неоднороден. Отличия прослеживаются по сырью и типам орудий. Смешанность материала говорит о двухслойности памятника. Ранний слой, характеризующийся мезолитическими орудиями (резцами, резчиками, микро-резцами и др.), имеет яркие аналогии со стоянками Тельмана VII, IX, а поздний, с керамикой, близок к материалу стоянок Тельмана X, XV (Зданович, Зайберт, 1976, с. 29–31).

В полевом сезоне 1976 г. продолжались раскопки стоянки. В напольной части памятника заложены линии XVIII–XX. Здесь хорошо сохранился культурный слой мощностью до 30 см. Стратиграфия следующая: гумус – 5–7 см, ниже черноземный слой до 15 см, под ним темно-серая супесь, затем материковый суглинок (рис. 185–187). Остатки жилых и хозяйственных построек зафиксированы в виде четких очертаний столбовых ямок, диаметр их – от 10 до 35 см, глубина ямок от уровня зачистки колеблется от 5 до 25 см.

Всего обнаружена 81 ямка. Концентрировались они в северо-западной и юго-восточной частях раскопа. Некоторые ямки диаметром до 50 см (№ 76, 89) и вполне могли иметь хозяйственное назначение.

В культурном слое найдены кремневые изделия, керамика и кости животных. Большая часть керамики и костей к неолитическому поселению не относится, а связана с более поздним временем. Это подтверждается их залеганием в верхних черноземном и гумусном слоях.

Малочисленность материальных остатков объясняется той закономерностью рас-

пределения находок на территории памятника, которая характерна для многих стоянок и поселений Тельманского микрорайона (Тельмана XI, Тельмана XV). Кремьень сосредоточен в нижней части пологой террасы, практически у самой воды, а жилые и хозяйственные постройки – выше.

В коллекции 244 единицы хранения, в том числе ножевидные пластины и орудия на них – 65, нуклеусы – 3, изделия на отщепках – 15, отщепы без вторичной обработки – 69, обломки, куски породы – 62, фрагменты керамики – 23, обломки костей животных – 7.

Сырьем для производства орудий служила яшмовидная и кремнистая порода серого или светло-коричневого тона, которая добывалась в различных местах Казахского мелкосопочника.

Нуклеусы (3). Один подпризматической формы, высотой 4,1 см. Ударная площадка тщательно фасетирована (рис. 188 – 25–27). Остальные представлены мелкими обломками, на которых фиксируются негативы скалывания пластинок шириной до 0,6 см (рис. 188 – 26).

Пластины. В основном это сечения пластин шириной от 0,5 до 2,4 см. Они использовались в качестве составных вкладышей орудий или шли на изготовление скребков, ножей, свёрл и прочих изделий. Например, скребки (6) почти все сделаны на сечениях. У них округлое или слегка уплощённое рабочее лезвие, оформленное крутой ретушью (рис. 189 – 2, 3). Боковые грани орудий подработаны мелкой краевой ретушью.

Пластины с ретушью (15). Ретушь исключительно краевая, мелкая, оформляет вкладыши со спинки и реже с брюшка.

Резцы (2). Они невыразительны. Резцовый скол нанесен по одному краю пластин (рис. 189 – 1, 5).

Скребки на отщепках (6). Один напоминает по форме концевой скребок, у которого кроме основного лезвия подработана и одна боковая грань. Второй – с круговым лезвием. Третий выполнен на плоском округлом отщепе. Для удобства работы сделано специальное углубление. Остальные представляют отщепы с нерегулярной скребковой ретушью. Не исключе-

но, что они могли использоваться и в качестве ножей, т.к. у них рабочая часть приострѐнная. Имеющиеся семь отщепов с ретушью использовались в качестве ножей, поскольку у всех экземпляров рабочая часть оформлена тонкой приострающей ретушью (рис. 188 – 22). Один использовался как скобель.

Наконечник. Это обломок черешкового наконечника стрелы с двусторонней обработкой. Ширина его 1,7 см, толщина 0,6 см (рис. 188 – 6).

Керамика представлена мелкими фрагментами. Она хорошо выделана, черепок плотный, красноватого или черного цвета. В коллекции только два обломка шеек, остальные принадлежат стенкам. Толщина черепков различна – от 0,5 до 0,8 см, что свидетельствует об их принадлежности к разным сосудам, орнаментация посуды бедна. Одна шейка украшена оттисками крупной гребенки в виде вертикального зигзага. С внутренней стороны венчика – наклонные оттиски гребчатого штампа (рис. 189 – 28). На другой шейке фиксируются лишь слабые отпечатки горизонтальной гребенки (рис. 189 – 8). На одном фрагменте стенки штамп напоминает «качалку». Керамика настолько фрагментарна, что объективно определить ее культурную принадлежность довольно сложно. Предположительно основную массу керамики плотного обжига, с примесью мелкого песка и шамота, украшенную крупной гребенкой, можно отнести к эпохе бронзы. Тонкостенная же керамика с мелкой гребенкой скорее относится к неолитическому времени.

Описанный кремневый инвентарь полностью соотносится с материалом прошлого года. Принадлежность его к неолиту не вызывает сомнений. Для этого комплекса характерна определенная мезолитическая традиция, выраженная в сохранении принципа вкладышевой техники, некоторых форм резцов и своеобразных круговых скребков на отщепках.

Для определения границ поселения в северо-западной части площадки заложены две рекогносцировочные траншеи шириной 1 м, длиной 16 м, идущие перпендикулярно (кроме террасы).

В обеих траншеях на глубине 15–20 см обнаружено несколько изделий из кремня и ку-

ски кварцитовой породы. Анализ показал, что культурный слой практически отсутствовал, а находки приурочены к периферийной части памятника, где обычно встречаются немногочисленные материальные остатки.

Орудия траншеи №1 представлены одним резцом на сечении пластины, одним концевым скребком, скребком на пластинке сланца и несколькими ножевидными пластинками.

Инвентарь траншеи №2 аналогичен. Здесь также найдено два концевых скребка и ножевидные пластинки без ретуши. Кроме этого, есть один фрагмент неорнаментированной стенки сосуда (Зайберт, Даниленко, 1977, с. 10–13).

Стоянка Тельмана IX

Памятник двухслойный (IXa, IXб), это четко прослеживается планиграфически в пределах раскопа (210 кв. м), которым объект исследован полностью. Через стоянку проходит грунтовая дорога, которая частично разрушила слой, и находки фиксировались на поверхности. Мощность культурного слоя не превышала 25–30 см. Под гумусом (3–5 см) залегала супесь с культурными остатками. Со стороны поля стоянку частично перекрывал культурный слой поздних кочевников, развалины жилищ которых находятся вблизи (рис. 172).

Перед нами два четко выраженных разновременных комплекса. С одной стороны ранний, относящийся к северной части раскопа (Тельмана IXa), и поздний – из южной части (Тельмана IXб).

При зачистке обнаружены остатки жилых конструкций – 37 столбовых ямок и небольшие зольные пятна. Глубина ямок 10–5 см, диаметр до 5 см. Жилища были наземные, с многочисленными опорными столбами.

В процессе раскопок получено около 16000 предметов из кремня. В плане удалось проследить закономерность расположения находок, выполненных из различного сырья.

В заполнении ряда ямок обнаружены изделия из яшмовидной породы светло-коричневого цвета. Так, в ямке 12 найден один скребок на пластине и четыре отщепа, в ямке 17 – одна пластина с ретушью, в ямке 16 – пластина без

обработки, в ямке 13 – семь пластин без вторичной обработки и восемь отщепов, в ямке 1 – две пластины без обработки и три отщепа, в ямке 14 – один отщеп без обработки. Этот факт лишний раз доказывает связь кремневого инвентаря стоянки Тельмана IXa с остатками наземных построек.

Стоянка Тельмана IXa – северная часть раскопа, где концентрировался материал из высококачественной яшмы различных оттенков, кремня и белого кварцита, 4145 предметов.

Нуклеусы (3) небольшого размера, конусовидной формы (рис. 190), с них снимались ножевидные пластины шириной 5–8 мм. Но несмотря на отсутствие крупных нуклеусов, в коллекции есть пластины шириной до 1,8 см. Всего насчитывается 819 пластин и их сечений. Орудий насчитывается 186. Однако, как было замечено на других памятниках, пластины без ретуши в данной коллекции широко использовались в работе. Самый распространенный тип изделий со вторичной обработкой – пластины с ретушью (136) (рис. 191). Характер ретуши различен. Это притупляющая, почти под углом в 90°, или краевая, оформляющая лезвие ножа.

Концевые скребки (25). Изделия в основном с округлым лезвием, оформленным под углом в 70°–80° (рис. 192). Многие скребки имеют дополнительную обработку боковых граней (рис. 193). Особое место занимают пластины с торцевой обработкой в виде притупления и выемки. Есть несколько боковых резцов, сделанных на удлиненных сечениях пластин.

Значительную серию (15) составляют угловые резцы (рис. 194) и резчики. Есть несколько микрорезцов и срединных резцов. Имеющиеся скошенные острия использовались, вероятно, в качестве проколов или проверток.

В коллекции 3301 отщеп. Большая часть (3245) является отходами диаметром около 1–3 см. Орудия на отщепах представлены преимущественно скребками (38) небольших размеров (до 4 см). Они случайной формы, многие с круговым лезвием. Остальные орудия – отщепы с ретушью (6), проколки (45), скобели (4), обломки наконечников стрел.

Описанная коллекция имеет ярко выраженный микролитический характер. Типы

орудий характерны для мезолитических памятников Казахстана, Тельмана VII, Виноградка XII, Жабай-Покровка I.

Стоянка Тельмана IXб – южная часть раскопа, где концентрировался материал из крупнозернистого кварцита, некоторые ямки (2, 3, 5, 37), содержащие находки из крупнозернистого кварцита, датируются более поздним временем.

Практически все находки (свыше 11 тыс.) представлены кусками породы, отщепами (отходами и сколами) заготовок. Несколько десятков орудий сделаны на отщепах, и только несколько обломков выполнены из некачественных пластин (рис. 195 – 1–3). Они без вторичной обработки, лишь один имеет противоположащую ретушь (рис. 195 – 1). Основная продукция – наконечники копий, дротиков или их обломки. Целые экземпляры листовидной формы длиной 7 и 6 см, шириной соответственно 3,4 и 4,6 см (рис. 196 – 7). Ряд отщепов имеет резцовые сколы (рис. 195 – 5–9), не исключен в ряде случаев их случайный характер. Скребки немногочисленны, диаметром 2–3 см (рис. 195 – 4; 196 – 1–5). Имеется один нож (рис. 196 – 6).

Данный памятник классифицирован как место по первичному раскалыванию желваков и предварительному изготовлению двусторонних форм. Судя по поздним формам наконечников, памятник датируется поздним неолитом или ранней бронзой. Некачественная порода кварцита напоминает материал энеолитического поселения Кенеткуль VIII и Ботай (Зданович, Зайберт, 1976, с. 31–33).

Поселение Тельмана X

Памятник расположен на пологом склоне невысокого (2 м) берега некогда существовавшего водоема, в 5 км к северо-востоку от с. Тельмана (рис. 172, 197).

Поверхность площадки частично разрушена грунтовой дорогой, распашкой и ветровой эрозией. Раскопом площадью 1524 кв. м исследована большая часть поселения (рис. 198). Стратиграфия: под тонким слоем гумуса (5–8 см) идет прослойка темной супеси мощностью 15–25 см, ниже – светлая супесь (10–20

см). Подстиляет эти горизонты материковый суглинок с интенсивными железистыми вкраплениями.

Несколько отлична стратиграфия в верхней части террасы. Под гумусом залегает почти черная супесь мощностью до 30 см, под ней – материк (рис. 199, 200). Некоторая разница в строении слоя объясняется различным гипсометрическим уровнем площадки памятника. Интересная стратиграфия прослеживается на ограниченном северо-западном участке раскопа. Под слоем гумуса зафиксировано многократное (до 11 раз) чередование слоев черной супеси, чернозема. Толщина каждого слоя от 1 до 3 см, общая мощность напластования 20–25 см. Это связано, видимо, с неоднократным затоплением склона в весеннее время уже после формирования культурного слоя памятника. Заложённый в сторону поймы раскоп показал, что культурный слой поселения частично перекрыт болотистой почвой – результат аккумуляции существовавшего пойменного водоема. На территории памятника зафиксировано 205 столбовых и хозяйственных ямок. Столбовые ямки небольшой глубины – 5–15 см, реже – 20 см и диаметром 15–20 см. Хозяйственные – диаметром 40–70 см, глубиной до 20 см.

Своеобразно заполнение ямок. На участках Д-27 и Д-28 оно представлено чередованием темной и светлой супеси. Дно ямки 158 в квадрате Ю-23 оконтуривает тонкая углистая прослойка, перекрытая сверху светлой супесью. В ямках 175 и 176 обнаружено скопление камней небольшого размера. В овальном углублении (13–15 см) размером 60x35 см, расположенном на участке И-17, зафиксировано 196 обожженных отщепов без обработки. Причем преобладают крупные (свыше 5 см) экземпляры. В округлой ямке 72 (диаметр 70 см, глубина 30 см) найдено девять кремневых предметов, среди которых скребки на отщепе, отщеп с ретушью и обломок двусторонне обработанного наконечника дротика. Из ямки 138 происходит 60 фрагментов керамики. Черепки мелкие, украшенные оттисками гребенчатого штампа.

В западной части зафиксировано около 150 столбовых ямок, которые локализуются

вокруг небольших овальных впадин. Предположительно постройки были подпрямоугольной формы, площадью 30–40 кв. м. Замечено, что в верхней части террасы, где располагались наземные постройки, хозяйственных ямок и археологического материала гораздо меньше, нежели в нижней части склона, у воды, где протекала основная производственная деятельность древних обитателей поселения. Именно здесь сосредоточено около 50 хозяйственных ямок и найдено более 16 тысяч различных предметов.

Культурные остатки распределены по территории памятника неравномерно. Наивысшая концентрация кремневого и керамического материала наблюдалась на участках В-К/22–29. Например, на участке Ж-26 зафиксировано 1293 кремневых предмета, из которых 269 являются орудиями.

В этой же части раскопа найдена и основная часть нуклеусов в виде небольших скоплений на участках Ж-23, Д-23, Е-23–25, Д-Е/17–18, Г-13. Особенно интересна «розетка» из крупного (11,6 см) нуклеуса и заготовок, обнаруженная на участке Б-12. Всего на поселении найден 21761 предмет из камня и глины (таблица 2).

В качестве сырья использовалась серая или светло-коричневая яшмовидная порода, которая добывалась из валунов, залегающих на поверхности неподалеку от с. Тимошевка, в 5–7 км от памятника.

Нуклеусы (32). По форме конические, клиновидные, призматические. Конические нуклеусы (8), за исключением одного экземпляра, предельно сработаны. Высота их колеблется от 2,8 до 5,4 см, диаметр ударных площадок – от 1,5 до 2,7 см (рис. 201 – 8, 9, 11). Один массивный нуклеус высотой 10,6 см сработан частично. Ударная площадка его слегка скошена и фасетирована, контрфас не оббит (рис. 202 – 1). У двух нуклеусов основания подработаны в виде выемок.

Клиновидные нуклеусы (2). Имеют подтреугольные формы, слегка скошенные и фасетированные ударные площадки. Основание ядрищ приострено, высота изделий до 5,6 см, диаметр ударных площадок до 5 см (рис. 203 – 1).

Призматические нуклеусы (22) ядрища не всегда правильной геометрической формы. Высота ядрищ – в пределах 1,8–6 см. Исключением является массивный нуклеус высотой до 11,6 м, с которого снято несколько пластин (рис. 204). Нуклеусы этой группы использовались в одной технической манере: ударные площадки слегка вогнуты и фасетированы. Контрфас почти всех экземпляров сохранил желвачную корку (рис. 201 – 6, 7, 12).

Своеобразны в коллекции нуклевидные предметы (17). Они призматической или непризматической (неправильно-конической) формы. Ударные площадки подработаны мелкой оббивкой или ретушью. Их размеры – от 2,8 до 9,3 см. Большая часть являлась, видимо, заготовкой. Обломки нуклеусов (78) превышают по количеству целые экземпляры. Причем эти обломки чаще всего представляют собой нуклеусы. Иногда по ним можно судить о форме ядрищ, которая повторяет описанные типы (рис. 201 – 10).

Сколы оживления насчитывают 21 экземпляр, ребристые пластины – 60 (таблица 2). На двух выполнены концевые скребки. Небольшое количество ребристых пластин свидетельствует, что изготовление нуклеусов производилось в основном вне данного памятника.

Пластины и изделия на них представлены 4791 экземпляром (таблица 2). В качестве заготовок для орудий использовались чаще всего медиальные части. Целые пластины составляют 1% (таблица 3). Пропорции медиальных частей (длина и ширина) преимущественно 1:1, т.е. приближаются к квадрату. Наиболее распространены вкладыши длиной и шириной до 1–1,5 см. Формы проксимальных частей близки к прямоугольным. Для дистальных частей характерны также удлиненные пропорции. Целых пластин в коллекции всего 48. При описании классов изделий нами использовались общие принципы типологической классификации инвентаря, составлены таблицы-матрицы, где получили отражение основные признаки, характеризующие тот или иной тип орудия.

Пластины с ретушью (540). В основном это медиальные части пластин (таблица 3). Ретушь краевая, иногда крутая, наносилась чаще

всего по одной грани с брюшка или спинки (рис. 205 – 35–40; 206, 207).

Скребки концевые (515). Исходными заготовками являлись преимущественно медиальные части (309). На проксимальных частях – 181, дистальных – всего 25 экземпляров. Целые пластины вообще не использовались для изготовления скребков (таблица 3). По контуру рабочего края выделяются скребки с округлым, прямым, фигурным, приостренным, скошенным лезвием (рис. 208 – 1–24; 209 – 1–17, 20–24). Рабочий угол (угол между ретушированной плоскостью и брюшком пластины) в большинстве случаев между 50° и 75°, относится к категории средних. Рабочий край обработан в основном дивергентной ретушью, реже – конвергентной и краевой (рис. 210, 211). Иногда ретушь оформляет и боковые грани. Единичны экземпляры с двойными скребковыми лезвиями (рис. 208 – 17; 209 – 24). Характерной особенностью класса скребков является серийность определенных типов орудий. Это свидетельствует о существовании устойчивых многообразных производственных функций у населения, оставившего этот памятник.

Пластины со скошенным краем (3). Заготовками служили медиальные (1) и дистальные (2) части (приложение 3). Конец заготовок скошен под углом 35°–40° и обработан крутой краевой ретушью (рис. 212 – 1–3, 6, 8, 9).

Трапеции (98). В качестве заготовок использовались медиальные части и только в одном случае – проксимальная часть (таблица 3). Трапеции преимущественно симметричные, высокие. Высота их в пределах 1,1–1,5 см, длина не более 2,5 см (рис. 205 – 1–15; 213 – 1–17). Несколько экземпляров имеют дополнительную подработку оснований ретушью в виде легкой, иногда глубокой выемки или резцового скола (рис. 213 – 9, 11). Ретушь, оформляющая боковые грани трапеции, нанесена преимущественно со спинки, в единичных случаях – с брюшка.

Сверла (3). Выполнены исключительно на медиальных сегментах (таблица 3). Рабочие концы приострены и обработаны краевой крутой противоположающей ретушью (рис. 205 – 33; 212 – 7, 11, 12).

Развертки (17). Это пластины со слегка симметричными скошенными концами. Крутая ретушь наносилась со спинки по обоим боковым краям (рис. 205 – 30–32; 212 – 10, 13). Исходными заготовками служили прежде всего медиальные, реже проксимальные и дистальные части (таблица 3).

Проколки (5). Оформлены двусторонней обработкой в виде жальца. Длина их от 0,2 до 0,4 см.

Резчики (6). Три экземпляра изготовлены на дистальных, один на медиальной и два на проксимальных частях (таблица 3). Углы пластин в основном со спинки обработаны краевой ретушью (рис. 205 – 34; 212 – 16; 213 – 21).

Наконечники (4). Выполнены на медиальных заготовках длиной до 2,5 см.

Резцы (113). Сделаны на различных частях пластин удлинённых пропорций. Угловые резцы (61) (рис. 214, 215) преимущественно (56) однолезвийные (рис. 205 – 17–19, 21, 23, 27, 39; 212 – 14; 213 – 20). В 11 случаях орудия имеют дополнительную обработку ретушью по одной грани, в четырех случаях – обеих граней. Остальные экземпляры без дополнительной обработки. Пять резцов имеют по два и более режущих углов или лезвий.

Резцы боковые (52). Оформлены резцовым сколом на углу и ретушью по торцу пластин. Из них 32 экземпляра однолезвийные и восемь – многолезвийные. Характерной особенностью орудий является своеобразное оформление торца пластин в виде ретушированной выемки и дополнительной подработки боковых граней (рис. 205 – 16, 20, 24–26, 28; 213 – 18, 19, 22–32).

Скобели (33). Это пластины с выемками на боковых гранях. Выемки шириной от 0,3 до 0,9 см наносились со спинки или с брюшка по одной, реже двум граням (рис. 212 – 20, 21, 23). В качестве заготовок использованы медиальные и проксимальные части пластин (таблица 3). Они довольно массивны. Ширина медиальных заготовок до 2,5 см, проксимальных – до 3 см. Соответственно длина первых – до 6 см, вторых – до 7 см. Почти равное использование медиальных и проксимальных частей в качестве орудий свидетельствует о их равноценности как заготовок.

Пластины с торцевой выемкой (8). В качестве исходной заготовки использовались медиальные части пластин (таблица 3). На конце заготовки ретушью оформлялась выемка со стороны брюшка, реже со спинки.

Пластины с торцевой обработкой (20). Концы ретушированы перпендикулярно или слегка округло (рис. 205 – 22).

Пластины без вторичной обработки (34) широко использовались в работе, о чем свидетельствует высокий процент медиальных частей среди пластин-заготовок (таблица 3), а также сработанность в виде зазубренности, закругленности боковых краев.

Отщепы составляют 75% кремневого инвентаря памятника, из них около 3% – со вторичной обработкой (таблица 2).

Скребки (147). Заготовками служили округлые или подпрямоугольные сколы средней величины. По форме лезвия выделяются округлые, приостренные и круговые. У первых лезвие занимает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ периметра заготовки (рис. 216 – 1–10, 13; 217 – 1, 2, 4; 218, 219).

Отщепы с ретушью (249) выделены в особую группу. Сюда включены сколы с нерегулярной ретушью, которые типологически трудно отнести к какой-либо группе.

Скобели (32). Изготовлены на крупных отщепах размером 5–8 см. Рабочая выемка диаметром 0,4–0,9 см, иногда скобель имеет несколько выемок. Интересно комбинированное орудие – сочетание скребка и скобеля (рис. 216 – 12–14).

Ножи (48). Выполнены на пластинах-отщепах округлой или продолговатой формы, обработаны пологой ретушью (рис. 216 – 1; 217 – 3, 5, 6).

Есть в коллекции восемь отщепов с резцовыми сколами, они использовались, видимо, как резцы.

Скребла (3). Выполнены на массивных удлиненных отщепах, края которых оформлены скребковой ретушью.

Бифасы (37). Из них 34 наконечника и три изделия типологически невыразительных форм. Все наконечники обработаны с двух сторон отжимной ретушью или оббивкой. Четы-

ре наконечника сделаны из темно-коричневой породы. Они не связаны с общим комплексом и датируются более поздним временем. Изделия представлены, к сожалению, в обломках. Форма оснований округлая, приостренная или уплощенная. Наиболее распространены обломки наконечников с уплощенным основанием (60%). Равное количество составляют овальные и приостренные варианты – по 14% (рис. 220 – 1, 6–9).

Отщепы без вторичной обработки составляют 73,4% всех кремневых предметов. Это в основном мелкие сколы (до 3 см) и чешуйки (до 1 см). Отщепы размерами более 5 см в коллекции единичны. Часть из них могла быть потенциальными заготовками, большая же часть является отходами. Среди отщепов единичны экземпляры с желвачной коркой.

Кроме кремневых предметов на памятнике найдены изделия из других пород камня, сланца, песчаника и известняка. Из песчаника сделано топовидное орудие длиной 12,5 см, шириной 7,5 см, толщиной 3,3 см. Восемь предметов представлены абразивными брусками или отбойниками.

Ретушеры и отбойники (4) выполнены из сланца. Один из них уплощенный, округлой формы, остальные – овально-удлиненные. Интересен так называемый молоток, по форме напоминающий усеченный конус с диаметром оснований 3,2 и 1,8 см. В середине сделана выемка для закрепления рукояти (рис. 202 – 2).

В единственном числе представлен обломок каменного грузила или пряслица. Это округлая уплощенная поделка толщиной 1,1 см.

Керамика (220) очень фрагментарна. Она тонкостенная (до 0,7 см), слабого обжига, с примесью дресвы, песка и травы. Несколько обломков шеек и днищ позволяют предположительно реконструировать форму сосудов. Они остродонной или круглодонной формы, с открытой горловиной, диаметр сосудов 14–18 см. Посуда украшена оттисками гребенчатого штампа и легкими ямочными наколами (рис. 221 – 1–12; 222).

Кроме каменного инвентаря и керамики в культурном слое найдены кости лошади.

Стратиграфическое и планиграфическое положение археологического материала

свидетельствует об однослойности поселения. Значительная площадь памятника, наличие остатков нескольких наземных построек, многочисленных хозяйственных ямок, разнообразный кремневый производственный инвентарь, керамика, кости животных – всё это позволяет классифицировать этот памятник как поселение. Обитало древнее население в данном пункте, вероятно, в теплое время года (весна–осень). На это указывают некоторые факты: во-первых, на поселении в пределах зафиксированных наземных построек не обнаружены «стационарные» очаги в полном понимании этого слова. Зато за их пределами найдены зольные пятна, правда, трудно фиксируемые, которые вполне могли остаться на месте разводимых в древности костров. Во-вторых, производственный инвентарь и керамика концентрировались, как уже указывалось, преимущественно за пределами жилищ, у самой воды. Следует подчеркнуть, что кремневый и керамический материал не отложили, он сосредоточен в пределах определенных скоплений, часто находится в ямках.

Исследованное поселение является долговременным. Об этом свидетельствуют остатки конструкций, хозяйственных ямок, большая площадь поселения и многочисленность инвентаря. Датируется памятник неолитическим временем. Материал находит широкие аналогии в стоянках этого времени на огромной территории республики (Караганда XV, Усть-Нарым, Пеньки I и др.). (Зданович, Зайберт, 1976, с. 33–36; Зайберт, Татаринцева, 1977, с. 14–19; Зайберт, Плешаков, Кисленко, Даниленко, 1979, с. 24–27).

Стоянка Тельмана XII

Расположена в 400 м к юго-западу от стоянки Тельмана XIV.

На распаханной поверхности площадки памятника фиксировались скопления кремневых и костяных предметов. Раскоп (464 кв. м) заложен у края террасы, которая в меньшей степени потревожена распашкой. Культурный слой стоянки невелик – всего 30–40 см. В сохранившейся от разрушения нижней части террасы стратиграфия следующая: дерн – 10 см,

под ним гумусированная супесь (10–20 см), переходящая в серовато-желтый материковый суглинок. На исследованной площадке никаких остатков построек не обнаружено. Лишь на участках Д-24, 3-18 зафиксированы две поздние (современные) ямки с золистым заполнением (рис. 223).

Всего на стоянке найдено 4703 предмета. Основная часть каменных находок представлена отщепами и кусками породы, сконцентрированными в юго-западной и северо-восточной частях раскопа. В качестве сырья использовалась крупнозернистая яшмовидная порода серого или светло-коричневого цвета. В целом индустрия носит отщепный характер, хотя в коллекциях изделия на пластинах присутствуют.

Нуклеусы. Целых экземпляров нет. По трем обломкам весьма сложно реконструировать форму и размеры нуклеусов.

Пластины (64) составляют в коллекции 1,36% от количества всех кремневых предметов. Из них с обработкой 21 экземпляр. В технологии наблюдается отход от канонов вкладышевой техники (таблица 2). Целые пластины составляют 7,8%, дистальные – 14,06%, проксимальные – 34,37%, медиальные – 43,75%. Как видно из количественных данных, медиальные заготовки уже не составляют подавляющего большинства (таблица 3). Ширина пластин колеблется от 1 до 2,5 см, длина пластин – от 2 до 5 см. Орудия, как правило, несколько массивнее, нежели пластины без вторичной обработки. Выделяются следующие типы.

Пластины с ретушью (13) оформлены краевой нерегулярной крупной и мелкой ретушью со спинки или брющка (рис. 221 – 1, 3–7, 10–15, 17).

Скребки (6) с округлыми, асимметричными подпрямоугольными лезвиями. По углу оформления рабочей части они относятся в основном к «средним» (рис. 221 – 8). Три скребка обработаны по боковым краям крутой ретушью (рис. 221 – 16). Одно орудие вполне могло быть боковым скребком (рис. 221 – 10). У него боковая грань оформлена высокой скребковой ретушью под углом 60°–80°.

Скобель (1) изготовлен на правильной медиальной заготовке (рис. 221 – 18). Выемки по обоим граням ретушированы со спинки и брюшка.

Наконечник (1) сделан на медиальном сегменте из светло-коричневой яшмовидной породы. Перо обработано со спинки краевой ретушью по обоим краям, с брюшка – по одной. Насад имеет подтеску также со спинки (рис. 221 – 2).

подавляющая часть изделий выполнена на отщепках (приложение 2). Отщепный характер индустрии хорошо иллюстрируется таблицей учета отщепов. Заготовками для орудий служили сколы диаметром 3–11 см.

Скребки (14) не имеют определенной формы, а подчинены исходной форме сколов. Лезвия округлые, прямые и фигурные. Рабочая часть занимает, как правило, не более $\frac{2}{3}$ периметра заготовок (рис. 224 – 1, 2, 5–16). Единичны круговые экземпляры. Все орудия выполнены на мелких и средних отщепках. Лишь один скребок изготовлен на сколе длиной 7 см.

К отщепам с ретушью (19) традиционно отнесены сколы со следами вторичной обработки бессистемного, нерегулярного характера. Обработка их ограничивалась нанесением краевой ретуши, иногда в виде легких выемок.

Скобель (1) выполнен на массивном отщепе (рис. 225 – 12). Несколько широких выемок (около 1 см) оформлены грубой, крутой ретушью.

Ножи (10). Заготовками являлись средние и крупные отщепы. Особенностью вторичной обработки является пологая приостряющая ретушь, оформляющая рабочую часть орудий (рис. 221 – 3–4; 224 – 15; 225 – 1–12). Последняя в двух вариантах: в первом случае она краевая, односторонняя; во втором – двусторонняя и занимает почти всю поверхность спинки или брюшка.

Наконечники (2) сломаны. Обломки листовидной формы, обработаны двусторонней ретушью (рис. 226 - 1, 3).

Бифасы (9). Выделение этого типа на технической основе объясняется аморфностью изделий, неопределенностью формы, а равно

и назначением этих предметов. Единственное, что можно отметить: они в сечении иногда овальной формы, обработаны двусторонней оббивкой или грубой ретушью (рис. 226 – 2; 4–7).

Скребла (2) массивные, изготовлены на удлиненных отщепках диаметром до 10 см. Рабочие части орудий оформлены крутой крупной ретушью или оббивкой (рис. 225 – 11).

Резцы (6) выполнены на мелких и средних отщепках. Резцовыми сколами образованы своеобразные острия, имеющие, вероятно, универсальное назначение.

Из других каменных предметов следует отметить фрагмент изделия из песчаника. Он овальной формы, со следами вторичной обработки. Назначение его определить трудно, поскольку орудие целиком не сохранилось.

Керамический материал беден. Найдено всего пять фрагментов стенок и одна шейка. Черепки довольно плотные, толщиной 0,7–0,8 см, с примесью песка. Лишь на одном фрагменте имеются гребенчатые оттиски штампа (рис. 227 – 5–6).

Остеологический комплекс также скуден – около 30 раздробленных костей животных. На четырех экземплярах видны нарезки, сделанные древним мастером (рис. 227 – 1–4).

Раскопанный памятник находит широкие аналогии среди поздненеолитических памятников Северного, Восточного и Центрального Казахстана (Пельки II, Иман-Бурлук I и др.) (Зайберт, Плешаков, Кисленко, Даниленко, 1979, с. 21–23).

Стоянка Тельмана XIII

Площадка с напольной стороны частично разрушена распашкой. Двумя раскопами вскрыто 288 кв. м культурного слоя, мощность которого 20–60 см (рис. 228).

Стратиграфия следующая: гумус (0–5 см), ниже – темная супесь (10–15 см), под ней гумусированный легкий суглинок (до 15 см), затем осветленный сероватый суглинок (10–15 см) и, наконец, материковый средний суглинок. Раскопами никаких следов построек не обнаружено. Археологический материал (1309) представлен предметами из камня, кера-

микой и костями животных, сосредоточенными в основном в раскопе I (рис. 229).

Коллекция кремневых предметов (1296) в основном однородна. Исключение составляют несколько изделий. Они залегали в нижней части террасы на глубине 30–40 см и типологически датируются нами предположительно мезолитическим временем (рис. 230 – 10–17). Пластины изготовлены из сургучного цвета галечника и зеленоватого прозрачного кремня (рис. 230 – 1–9). Одна пластинка шириной 0,6 см ретуширована со спинки перпендикулярной ретушью. На другой кремнистой пластинке фиксируются резцовые сколы.

В качестве сырья при изготовлении орудий неолитического облика использовалась некачественная крупнозернистая кварцитовая порода и реже – яшмовидный кварцит.

В целом индустрия носит отщеповый характер (таблица 2). Изделия на пластинах немногочисленны и маловыразительны. Среди отщепов типологически выделены следующие классы и типы.

Скребки на отщепах (61) выполнены на мелких, средних и крупных заготовках. Преобладают среди них концевые формы (14) (рис. 231 – 1–15, 17–19). Для них характерна дополнительная подработка боковых сторон. Ретушь, как правило, крутая, дивергентная, 12 из них с круговым лезвием. Один имеет подтеску с брющка, другой – высокий, близкий к скребку-нуклеусу. Рабочее лезвие крутое, с выемками и забитостью по кромке; с брющка скребок дополнительно подтесан. Ширина его 5,6 см, высота 2,5 см.

Скребки боковые (3). В данном случае боковые грани удлиненных отщепов служили рабочей частью. Последняя ретуширована крутой дивергентной ретушью. Кромка лезвия слегка выпуклая (рис. 231 – 16). Интересно одно орудие с круговым лезвием. Две трети периметра обработано крутой скребковой ретушью, а одна треть – приостряющей пологой ретушью. Возможно, данное орудие является комбинированным, сочетая скребок и нож (рис. 232 – 5; 233 – 6).

Ножи (31). Типологически это отщепы с пологой приостряющей ретушью. Размеры их от 3 до 6 см. Лезвие занимает $\frac{1}{3}$ или $\frac{2}{3}$ пери-

метра заготовок (рис. 232 – 3, 4; 234 – 1, 2, 4–8, 11–16; 235 – 1–7; 233 – 5–9; 236 – 1, 2). Своеобразно одно орудие на пластинчатом отщепе длиной 6 см, шириной 3,5 см. Приостряющая ретушь нанесена со спинки. Хорошо выделена рукоять: с одной – грани резцовым сколом, с другой – крутой ретушью. Торцовая часть рукояти сильно изношена. Одно орудие сделано на плоском округлом отщепе диаметром 5,6 см. По всему периметру заготовки нанесена краевая приостряющая ретушь. Другой нож выполнен на удлиненном отщепе (7,3 см) шириной 3,2 см, толщиной 1,7 см. Лезвие образовано двусторонней оббивкой одной грани (рис. 235 – 7).

Скребло (1). Заготовкой явился изогнутый в профиле отщеп удлиненной листовидной формы. Длина его 7,4 см, наибольшая ширина – 3,7 см. Одна боковая грань обработана крутой крупной ретушью. Противоположная грань частично сломана. Оставшаяся часть также ретуширована.

Резцы (4) (рис. 237 – 7–9) выполнены на удлиненных отщепах. У одного орудия рабочая часть оформлена несколькими резцовыми сколами в виде клюва (рис. 237 – 11).

Развертки (2) сделаны на треугольных отщепах. Концы орудий приострены. Одна из боковых граней обработана крутой ретушью.

Наконечники копий (5). Один правильный, листовидной формы, с выделенным основанием. Длина его 9 см, ширина 4,5 см, обработан двусторонней оббивкой (рис. 238). Другой – листовидной формы. Основание овальное, перо обломано. Наконечник, видимо, не закончен, с обеих сторон оставлены неровности и желвачная корка. Длина его 7 см, ширина 4,5 см, толщина 2 см. Своеобразен один экземпляр с выделенным основанием (рис. 239 – 10). Остальные экземпляры в обломках. Фрагменты прямые, с закругленными углами, в сечении – листовидной формы. Толщина обломков – до 1 см, ширина – до 3 см, примерная длина наконечников 7–8 см.

Наконечники дротиков представлены в обломках (3); обработаны двусторонней ретушью. Толщина их 0,4–0,7 см, ширина 1,7–3 см.

Изделия выполнены из яшмовидной породы светло-коричневого цвета (рис. 238 – 7, 8, 11).

Бифасы (9) представлены обломками наконечников или их заготовками (рис. 232 – 1; 233 – 10, 11). Есть довольно массивные экземпляры неопределенных форм. Ширина одного, например, 5,8 см, толщина 1,5 см, основание обломка округлое (рис. 236 – 3).

Наконечники стрел (14): семь целых, остальные в обломках. Целые листовидной формы. Длина одного 3,3 см (рис. 239 – 2), другого – 2,5 см, третьего – 2,1 см. Обломки происходят, вероятно, также от орудий листовидной формы. Все они обработаны тонкой двусторонней отжимной ретушью (рис. 239 – 1, 3, 4–6). Один, самый массивный, расколот не только поперек, но и вдоль орудия.

Скобели (8) выполнены на мелких отщепках. Выемка шириной до 0,7 см, глубиной до 0,3 см (рис. 230 – 6, 7, 10, 14; 237 – 1-6, 10; 239 – 4).

Макроформы (4) – это два ретушера округлой формы, выполненных из песчаника (диаметр до 7 см), и две плитки толщиной до 1,8 см.

Керамика (23) представлена в основном фрагментами стенок и единичными обломками шеек. Формы сосудов полностью не реконструируются. Черепок достаточно плотный, однако обжиг неравномерный. В изломе он двухцветный, черный внутри и красноватый снаружи. В качестве примеси использовались песок, дрова и, видимо, растительные остатки. Толщина стенок 0,7–1 см. Три фрагмента орнаментированы: два – оттисками плотно поставленного гребенчатого штампа (рис. 230 – 20), один – желобками. Венчики у шеек отогнуты наружу. Один черепок украшен оттисками гребенки в виде елочки, другой фрагмент без орнамента (рис. 230 – 21). (Зайберт, Плешаков, Кисленко, Даниленко, 1979, с. 17–20).

Стоянка Тельмана XIV

Расположен исследованный объект в 940 м к юго-юго-востоку от поселения Тельмана X. Терраса в этом месте делает поворот под углом 20° на запад. К мысовой части террасы и приурочен культурный слой памятника (рис. 240).

Высота террасы на этом отрезке около 3 м (рис. 241, 242).

Памятник многослойный. Стратиграфически и планиграфически совершенно четко выделяются три хронологических горизонта: мезолит (XIV а), ранний неолит (XIV), энеолит – бронза (XIV б).

На поверхности в западной части раскопа собран немногочисленный кремневый материал. Поскольку площадка памятника занимает широтный склон террасы, то перепад между крайними – восточной и западной – точками составляет 28 см. В ходе раскопок выявлено, что стратиграфия западной (территория А, линии 1–8) и восточной (территория Б, линии 9–14) частей раскопа различна. Напластования в западной части следующие: верхний гумусный слой – 3–5 см, местами потревожен ветровой эрозией, ниже – супесь мощностью 15–20 см и подстилающий суглинок с карбонатными включениями (рис. 240).

В восточной части (линии 9–14) картина следующая: гумус – 5–7 см, ниже – жирный черноземный слой мощностью 25–30 см, затем темно-серая илистая почва с карбонатными вкраплениями мощностью 25–60 см и материковый суглинок. Таким образом, общая мощность культурного слоя достигает 1 м.

На территории А зафиксировано 27 ямок от столбов. Они округлые по форме, диаметром до 25 см, глубиной 15–20 см. Наземная постройка в древности была, видимо, подпрямоугольной формы, площадью около 70 кв. м. Говорить более определенно в данном случае объективно невозможно. На участке И-3/6 обнаружена круглая в плане яма диаметром 180 см (рис. 243–245). На глубине 55 см она сужается до 150 см. На уровне 105 см на дне по всей площади ямы зафиксирован слой угля мощностью 5–7 см. Его оконтуривает кольцо прокала мощностью 2 см и шириной 1,5–3 см. В разрезе ямы четко вырисовывается ее стратиграфия. Дно с углистым слоем перекрывает суглинок с незначительным включением угольков, прослойка темной гумусированной супеси – 5 см. Ее перекрывает суглинок мощностью 10 см. Выше до поверхности яма заполнена смешанной почвой (чернозем, суглинок, супесь).

Описанная стратиграфия позволяет реконструировать первоначальный вид ямы и этапное ее заполнение: на дне ямы, представляющей совершенно правильной формы круг, был разведен мощный костер. Кругляк, как это можно судить по прокалу, был установлен по периметру ямы, на конус. После сгорания дерева яма засыпана суглинком. Прослойка чернозема (5–7 см), перекрывающая суглинок, – результат естественного почвообразования на протяжении определенного отрезка времени. Прослойка лессового суглинка образовалась, вероятно, в результате затопления террасы во время наводнения. Овальная конфигурация профиля ямы на уровне заплечиков свидетельствует о постепенном заплывании ямы на протяжении значительного отрезка времени. Наконец, перекрывает яму современный почвенный слой мощностью 10–20 см.

На территории Б (восточная часть раскопа) зафиксированы канавки глубиной до 70 см. Они неопределенной формы, но, соединяясь между собой, образуют своеобразные островки (рис. 240). Наблюдается направление стока по обоим (северному и восточному) склонам мыска. Скорее всего, эти канавки имеют естественное происхождение. В канавках обнаружено ограниченное количество кремневого инвентаря.

На участке Д-13 на глубине 30 см найдена овальная ямка длиной 75 см, глубиной 20 см, с золистым заполнением. Причем зола шла сразу под гумусом.

Таким образом, легенда образования культурного слоя памятника, связанного с геоморфологическим изменением террасы, нам представляется следующей. Первоначально на небольшом мысу в верхней части террасы оставлены культурные остатки и сооружена яма. Судя по радиоуглеродной дате (10540 + 200 лет), это время начала голоцена (мезолит). Затем была освоена нижняя часть террасы и, видимо, возведены легкие наземные постройки (ранний неолит). Функционирование стоянки было прекращено поднявшимся уровнем воды старицы. Судя по стратиграфии поселения Тельмана X, а также по палеоклиматическим данным, это произошло в VII–VI тыс. до н.э.

Впоследствии русло заболотилось и аккумуляровалось. Естественно, река выработала себе новое русло, а на месте прежнего осталось легкое понижение. Именно здесь в эпоху энеолита – ранней бронзы образовались канавки стока.

В процессе раскопок на памятнике найдено свыше шести тысяч предметов из камня, глины, кости. В коллекции содержится 6620 предметов, относящихся к каменному веку, и 91 находка – к эпохе бронзы (таблица 2). Коллекция своеобразна тем, что ее можно рассматривать не только типологически, но и выделить разновозрастные комплексные закономерности распространения определенных типов изделий по территории А и Б (таблица 3). В качестве сырья использовалась преимущественно яшмовидная порода серого или светло-коричневого тона. Встречаются кремний, кварцит, но в меньшей степени, что вполне соответствует небольшому проценту мезолитического инвентаря в коллекции.

Нуклеусы (8) клиновидные (4) и призматические одноплощадочные (4). Все экземпляры, несмотря на различную форму, выполнены в одной технической манере (вернее, следует говорить о единых принципах снятия пластин). Высота нуклеусов 3–5 см. Ударные площадки ровные или слегка вогнутые, но всегда фасетированы. Клиновидные нуклеусы, как правило, монофронтальные, призматические – полифронтальные. С них снимались пластины шириной до 0,8 см, реже – 1 см (рис. 246 – 29). Более двух десятков ядрищ (24) не определимы и даются в таблицах как обломки. В процессе расщепления нуклеусов регулярно подправлялись ударные площадки. Об этом свидетельствуют 14 сколов оживления, представляющих собой дисковидные или сегментовидные сколы со следами предыдущего фасетирования. Нуклеусы изготавливались на месте. На это указывают 53 ребристые пластины, 12 из которых использовались в качестве заготовок для орудий. Из них выполнены скребки концевые и скобели (рис. 247 – 3; 248 – 28, 31). Присутствуют в коллекции своеобразные нуклеидные предметы (9), представляющие собой нечто среднее между заготовками нуклеусов, бифасами и аморфными скребками. Длина этих предметов не превышает 5–6 см.

Пластины (2244) составляют основной тип заготовок, определяющий облик коллекции в целом. На территории А они незначительно преобладают в процентном отношении (54,86%) (таблица 3). Размеры пластин (ширина и длина) достаточно вариабельны. Наиболее распространены заготовки (первичные и вторичные) шириной до 1 и 1,5 см (соответственно 28,9 и 41,5%). Показательна длина пластин: наиболее типичны экземпляры длиной 1,5 см (25,34%) и 2 см (24,05%), до 1 см – 13,3%, до 2,5 см – 16,8%, до 3 см – 10,5%, до 5 см – 9,18%, свыше 5 см – лишь 0,73%. Имеется шесть пластин длиной до 0,5 см (0,08%). Пластин со вторичной обработкой со всего памятника 788 экземпляров, что соответствует 35,51% от числа всех пластин. Если сравнить пропорции пластин со вторичной обработкой и без нее в процентном отношении, то в целом они одинаковы.

Но выявляется интересная деталь: процент пластин (с обработкой и без нее) до 0,5 см примерно одинаков, в интервале 0,6–1 см резко преобладает число экземпляров без обработки. В интервале 1,1–1,5 см их соотношение нивелируется, хотя преобладают экземпляры без обработки. В интервале 1,6–2 см, 2,1–2,5 см, 2,6–3 см картина резко меняется – теперь над заготовками и отходами преобладают орудия.

Резюме может быть следующим: пластины с обработкой и без нее в равной степени использовались в работе как вкладыши; древние мастера предпочитали ретушировать пластины шириной 1,5–2 см. Данное соотношение объясняется двояко: во-первых, высокий процент относительно широких пластин (орудий) создает серии концевых пластинчатых скребков основного (неолитического) комплекса; во-вторых, указывает на смешанность комплексов, где мезолитический явно подчинен неолитическому. Планиграфически мелкие пластины в большей степени характерны для территории А (первоначальная площадка обитания мезолитического человека).

Пластины со вторичной обработкой подразделяются на следующие классы и типы изделий.

Пластины с ретушью (401). Заготовками служили в основном медиальные части (6,37% территории А и 4,32% территории Б) (таблица 3). Проксимальные ретушировались реже (2,54% территории А и 2,18% территории Б) (приложение 3). Если разница в процентах по территориям в первом случае составляет 2%, то во втором ее нет. Проксимальные сегменты составляют всего 2,4% (с преобладанием на территории А – 1,42%). Целых пластин с ретушью всего 1 (0,04%). Ретушь, оформляющая боковые края изделий, исключительно краевая, регулярная и нерегулярная, крутая или пологая. Чаще она наносилась со спинки (рис. 248 – 20–21, 23).

Скребки (265) являются одним из самых распространенных типов после пластин с ретушью (таблица 2). На территории А сосредоточено 6,9% орудий, а на площадке Б – 4,9% (таблица 3). Заготовками опять-таки служили прежде всего медиальные сегменты (7,6%) (таблица 3), проксимальные составляли 4,01%, дистальные – 0,13%; орудий на целых пластинах нет (рис. 249–255).

Скребки были классифицированы по таблице «Концевые скребки», которая указывает на наличие всех основных признаков данных типов, и нам нет необходимости давать обширное словесное описание особенностей типов. Подведем лишь краткие итоги.

По контуру рабочего лезвия преобладают округлые типы, они составляют около половины всех скребков (19,06%) (рис. 249–253). Значителен процент орудий с асимметричным (левый, правый скос) контуром лезвия (26,79%). Остальные типы (прямые, фигурные, приостренные), хотя менее характерны для данной коллекции, тем не менее составляют определенные серии, что указывает на их неслучайное происхождение, а следовательно, оправдывает выделение этих типов. Оформлено рабочее лезвие в основном под углом 50°–70°, таким образом, оно относится к средним типам.

Угловые резцы (42) (таблица 2). На медиальных сегментах выполнена большая часть изделий (31). Они преобладают на территории

А (18) (таблица 3). На проксимальных частях изготовлено лишь 10 орудий, что составляет 0,45% от количества всех пластин. На дистальных сделано лишь одно орудие. Все орудия данного типа, как правило, однолезвийные, реже – двулезвийные. Резцовый скол выразительный, занимающий иногда всю длину заготовки (рис. 246 – 2, 15, 16; 256 – 1, 4, 11, 12, 17; 257 – 1, 4–5, 7–8, 10–12).

Боковые резцы (13) отличаются от угловых типов дополнительной ретушью по одному или двум концам. Торцы оформлялись в виде выемки, скошены, изредка слегка выпуклы (рис. 256 – 7, 14–16; 257 – 2, 3, 6). Резцовые сколы выразительны, нанесены иногда с противоположных концов, образуя орудие с дуалированным рабочим лезвием. Девять орудий выполнены на медиальных, а четыре – на дистальных частях пластин (таблица 3). Планиграфически они занимают пограничные площадки территорий А и Б, с некоторым преобладанием на площадке Б, что также подтверждает гипотезу о расположении площадки неолитического времени на пологом склоне мыска.

Пластинки с притупленной спинкой (20) резко отличаются от пластин с ретушью по нескольким признакам. Во-первых, ретушь исключительно перпендикулярная, оформлялась иногда встречной со спинки и брюшка, но преобладает манера нанесения вторичной обработки со спинки (рис. 246 – 9); во-вторых, исходной заготовкой в 18 случаях служили медиальные сегменты (таблица 3), и, в-третьих, отличались по размерам – они редко по ширине превышали 0,6 см.

Таким образом, наиболее выразительный тип вкладышевой мезолитической индустрии – пластинки с притупленной спинкой – тяготеют к площадке А, с которой по стратиграфической легенде был связан 1-й этап заселения данной территории памятника.

Резчики (11) представляют собой части пластин, у которых обработан один угол крутой краевой ретушью. В результате ретушированный край становится уже по сравнению с остальной частью орудия (рис. 246 – 5, 7–8). Изготовлены резчики преимущественно на проксимальных сегментах (7), на медиальных

– лишь три экземпляра и один – на дистальном. Интересно, что почти все они (9) находились на территории А (приложение 3).

Скобели (11) – это пластины с выемками на боковых краях шириной 0,2–0,8 см и глубиной до 0,3 см. Наносились они с брюшка или спинки. Обычное количество выемок – одна-две, а как исключение – три (рис. 246 – 19; 256 – 10). Среди заготовок преобладают медиальные части (8). Два скобеля выполнены на проксимальной части и одно орудие – на целой пластине. Более половины (7) найдены на территории А (таблица 3).

Трапеции (10) правильные, симметричные, в основном высокие, но имеются и низкие экземпляры. Последние по форме ближе, пожалуй, к асимметричным вариантам трапеций. Единичные экземпляры имеют выемку по верхнему основанию. Ретушировались заготовки чаще со спинки, ретушь крутая, краевая. Все трапеции выполнены на медиальных сечениях, и девять из десяти приурочены к пограничной зоне площадок А и Б, с преимуществом территории А (таблица 3). Хотя серия и невелика, можно выделить низкие, слегка асимметричные формы, которые, вероятно, относятся к мезолиту.

Пластинки с торцевой обработкой (6) – это сечения пластин с круто ретушированным концом. Ретушь оформляет край ровно, под небольшим углом, или выпукло (рис. 256 – 5, 13; 258 – 16, 21). Заготовками служили узкие (до 0,6 см) медиальные сегменты, планиграфически они превалировали на территории Б.

Пластины со скошенным краем (3) оформлены крутой краевой ретушью (рис. 258 – 24; 259 – 3, 8). Боковые края также в двух случаях обработаны регулярной ретушью. Такие типы пластинчатых орудий, как сверла, параллелограммы, наконечники, ножи, острия, представлены единичными экземплярами (рис. 246 – 7; 254 – 8; 258 – 22, 23), но не противоречат сериям орудий двух основных хронологических комплексов, а напротив, подчеркивают их выразительность.

Отщепы (4239). Основная масса отщепов относится к отходам (чешуйки и мелкие отщепы). Потенциальными заготовками, судя по раз-

мерам орудий, могли быть средние, крупные и очень крупные отщепы. Большая часть орудий – это скребки (162), что составляет 43,2% от количества орудий на отщепах и лишь 3,82% от всех отщепов. Данное соотношение процентов показывает подчиненный характер индустрии отщепа по отношению к индустрии пластины. Орудия округлой, концевой или круговой формы. В значительной степени конфигурация лезвия зависит от формы заготовки (рис. 255 – 1-7; 260 – 1-13). Изделия данного типа могут быть разделены на два условных варианта – крутые и средние, что определенно свидетельствует о неоднородности коллекции.

Отщепы с ретушью (160) – это невыразительные сколы с нерегулярной ретушью. В целом, хотя их количество внушительно, они не составляют определенных серий и очень аморфны.

Скобели (33), как правило, выполнены на средних и крупных заготовках; выемки (одна или две) шириной до 1 см, глубиной до 0,6 см наносились со спинки отщепа или с брюшка.

Остальные орудия (наконечники стрел, макроформы, скребла) относятся к эпохе бронзы. Сведения о них содержатся в таблице 2 (Зайберт, Плешаков, 1977, с. 20–24).

Стоянка Жабай-Покровка I

Памятник занимает ровную, слегка пологую площадку на берегу старицы р. Жабай.

Раскопом в 420 кв. м проведены исчерпывающие исследования стоянки. Стратиграфия большей части памятника следующая: гумус – 5-8 см, ниже – светлая супесь до 45 см с культурными остатками, под ней – материковый суглинок. В нижней части площадки, у самой кромки берега, увеличивается мощность гумуса, супесь приобретает темную окраску.

На глубине 50 и 100 см четко обозначились глинистые прослойки толщиной до 15 см. Несмотря на тщательную фиксацию, на исследованной площадке следы построек не обнаружены. Лишь в квадрате К-4 зафиксирована овально-подтреугольная в плане очажная ямка; на участке Л-7 выявлена круглая ямка диаметром 30 см, заполненная углем.

Материальные остатки концентрировались в центральной и северо-западной части раскопа. В итоге получена коллекция, состоящая из 955 предметов. Из них 104 фрагмента керамики, остальные – кремневые и каменные изделия.

Стратиграфически большая часть керамики залегает в основном выше кремня. Типологически расчленяется на две группы.

I группа – тонкостенные сосуды (3–6 мм) неравномерного обжига, с примесью мелкого песка и растительных остатков. Наиболее выразительны два фрагмента шеек от сосудов. Один чашеобразной формы, украшенный по венчику и верхней части тулова наклонными оттисками короткогребенчатого штампа (рис. 261). Другой, по-видимому, горшечной формы. Он орнаментирован по венчику с внутренней и наружной стороны наклонными оттисками гребенки, а по шейке – многорядным горизонтальным зигзагом (рис. 261).

II группа представлена толстостенной (до 1 см) керамикой хорошего обжига светло-коричневого цвета. В качестве примеси использовались шамот и песок. Единственный фрагмент шейки позволяет говорить о верхней части сосуда. Этот сосуд с сильно отогнутой наружу горловиной. Орнамент отсутствует. Подобная посуда широко встречается на памятниках эпохи железа и, естественно, не связана со стоянкой каменного века.

Кремневый инвентарь залегал в основном до глубины 30 см. Ниже насыщенность культурного слоя резко понижается. Анализ изделий по метрическим горизонтам выявил полную однородность кремневой коллекции. Она состоит из 850 предметов (таблица 2). В качестве сырья использовался яшмовидный кварцит светло-коричневого или серого тона. Основная масса находок представлена пластинами и изделиями на них (таблица 2). Отщепы составляют 36,85% от общего числа предметов. Нуклеусов немного, вместе с обломками насчитывается 10 экземпляров. По форме они разнообразны – призматические, конические, клиновидные. Высота нуклеусов до 6 см, а ширина негативов скалывания не превышает 1,5 см. Особенностью всех нуклеусов является

ся подработанная ударная площадка, иногда в виде легкого углубления (рис. 262 – 1–6), а два изделия имеют дополнительную подработку боковых сторон, прилегающих к поверхности пластин. Обломки нуклеусов невыразительны. На трех экземплярах фиксируются заломы или нерегулярная ретушь, что свидетельствует об использовании их в работе.

Пластины и изделия на пластинах (467) (таблица 2). Преобладающее количество пластин рассечено на части (98,93%) (таблица 3). О вкладышевом характере большинства орудий свидетельствуют и размеры заготовок. Так, пластины шириной до 1 см составляют 67,02%, а до 2,5 см – лишь 0,21%. Длина сечений до 2 см составляет 68,72%, а до 5 см – 7,28%.

Типологически выделены следующие группы орудий на пластинах.

Пластины с ретушью (121). Сюда включены только экземпляры с краевой ретушью по боковым граням пластин (рис. 262 – 7–11; 263 – 18 а, 29, 31–32). Ретушь, как правило, мелкая, оформляет края пластин под крутым (85°) или острым (30°) углом.

Резцы составляют 6,3% всех изделий на пластинах (26). Выделено три типа орудий: угловые, когда резцовый скол оформляет угол пластины. Часто он занимает более $\frac{2}{3}$ длины пластины. Среди этого типа резцов имеются экземпляры с дублированными рабочими лезвиями (рис. 264 – 3–4). Боковые резцы: рабочая часть изделий оформлена резцовым сколом и торцевой ретушью, часто в виде легкой выемки (рис. 263 – 23–25; 264 – 26, 29). Микрорезцы (2) выполнены на относительно небольших обломках пластин. У них, как правило, один резцовый скол и скошенный торец (рис. 262 – 4).

Резчики (6). Исходной заготовкой служили исключительно медиальные сегменты. Рабочей частью являлся угол пластины, оформленный мелкой краевой ретушью (рис. 263 – 17, 18а, 34–35).

Пластины со скошенным краем (26) сделаны на различных частях заготовок (приложение 3). Скошенный край ровный или слегка вогнутый, оформлен круто (85°) ретушью. Боковая грань часто подвергалась вторичной обработке со спинки (рис. 263 – 1–10, 14, 15).

Пластины с торцевой выемкой (14) ретушировались со спинки или брюшка, боковые грани также оформлены ретушью или резцовым сколом (рис. 263 – 16, 19, 20, 21, 24, 27).

Скобели (5) не составляют в коллекции ведущей серии. К ним отнесены пластинки с ретушированными выемками на боковых гранях (рис. 263 – 30, 33, 36).

Отщепы (352). Основная масса их является отходами и связана со вторичной обработкой орудий и подработкой нуклеусов. Отщепы небольших размеров – до 1 см (чешуйки) и 2 см (таблица 3). Орудия на отщепах представлены скребками (12) округлой и подтреугольной формы с высоким рабочим лезвием, занимающим в большинстве случаев более $\frac{2}{3}$ периметра заготовок (рис. 265 – 1–10, 12–13). Немногочисленны в коллекции отщепы с нерегулярной ретушью. Функционально они могли использоваться в качестве ножей, скобелей и прочих орудий (рис. 265 – 11, 14). Единственными в коллекции являются скобель, выполненный на плитке песчаника (рис. 264 – 6), и ретушер.

В целом для кремневого инвентаря стоянки характерны следующие особенности: преобладание пластин и изделий на пластинах над отщепами-орудиями и отщепами-отходами, широкое использование техники резцового скола при изготовлении орудий на пластинах. Основной способ вторичной обработки изделий на пластинах – краевая ретушь. Ограниченный набор орудий, представленный в основном вкладышами с различным оформлением рабочих концов. Отсутствие геометрических форм, наконечников, скребков на пластинах, двусторонне обработанных и шлифованных орудий.

Коллекция кремневого инвентаря стоянки Жабай-Покровка III состоит из 290 предметов (таблица 2).

Соотношение типов изделий в данном памятнике несколько иное, нежели в вышеописанном. Здесь большой процент отщепов и изделий на отщепах, однако ведущие формы орудий и нуклеусов свидетельствуют в целом о пластинчатом характере индустрии памятника.

Нуклеусы (7) призматической (3) и клиновидной (2) формы. Высота изделий не пре-

вышает 6 см, ударные площадки и боковые грани фасетированы, что показывает определенную техническую традицию изготовления нуклеусов и приемов скалывания с них пластин (рис. 266 – 1, 8, 9, 11, 12).

Пластины (81) правильной огранки, в сечении треугольной или трапециевидной формы; длина пластины колеблется от 11 до 5,7 см, ширина – от 0,5 до 3 см. Замечено, что проксимальные сегменты отличаются большими размерами и использовались, видимо, как самостоятельные орудия (таблица 3).

Пластины со вторичной обработкой разделены на следующие типы. Пластины с ретушью (16) обработаны преимущественно мелкой краевой ретушью. Она приостряет или притупляет боковые грани пластин, в зависимости от назначения орудия (рис. 266 – 6, 7). Особенно интересен один проксимальный сегмент с несколько изогнутым профилем. Длина его 5,7 см, ширина 0,9 см. Обе грани пластины обработаны противоположающей ретушью. Со стороны брюшка ретушь параллельная, отжимная, занимает строго половину лезвия. Противолежащая грань со спинки обработана легкой чешуйчатой ретушью, кроме того, торец изделия также ретуширован. На нескольких пластинах ретушью слегка скошена боковая грань. Типологически эти экземпляры близки к резчикам.

Резцы угловые. Для оформления лезвия использованы резцовый скол и ретушь, нанесенная со спинки. К тому же пластинка имеет ретушированные выемки и зубчики на боковых гранях, что говорит о широком использовании этой пластинки как комбинированного орудия.

Пластины со скошенным краем (2) обработаны со спинки ретушью. Прилегающая к острому углу боковая грань также ретуширована.

Скобель (1) выполнен на кремневой пластинке. На одной грани со стороны брюшка фиксируются две ретушированные выемки.

Концевые скребки (2) изготовлены на медиальных сегментах, длина – до 2 см. Ширина одного орудия 2,4 см, другого – 1,5 см. Слегка овальные рабочие лезвия почти под прямым углом переходят к ретушированным боковым

граням (рис. 266 – 3–4). Характер ретуши различен. На одном орудии она краевая, на другом ретушь занимает значительную часть спинки.

Отщепы (140) по размерам варьируются от 1 до 7 см. Большая часть их не превышает в диаметре 3 см и является, вероятно, отходами. Орудия на отщепах представлены следующими группами: скребки (22), у которых диаметр заготовки 3–4 см. Рабочие лезвия крутые (80°), округлой, прямой или круговой формы (рис. 267 – 1–6). Характер вторичной обработки свидетельствует о стремлении древнего мастера использовать орудие по всему периметру.

Резцы (2) сделаны на аморфных отщепах, диаметр 4–6 см. В качестве заготовок для скобелей (3) служили плоские отщепы, по краю которых нанесены выемки (рис. 267 – 10).

Отщепы с ретушью (15) – это невыразительные экземпляры с нерегулярной краевой ретушью.

Заслуживают внимания ножи на отщепах, листовидной формы, с двусторонней подработкой (рис. 267 – 7–9; 268 – 4).

Наконечники (4) выполнены из различного материала: кремня, яшмы, кварцита и по форме не составляют определенной серии. Самый крупный выполнен на отщепе из красной яшмы, листовидной формы, с усеченным основанием. Длина изделия 5,6 см, ширина 2,7 см, толщина 0,7 см. Обработан двусторонней плоской отжимной ретушью. Насад наконечника подработан мелкой ретушью (рис. 268 – 3). Другой обломок черешкового наконечника изготовлен на отщепе кремнистой породы темно-зеленого цвета, также подработан двусторонней отжимной ретушью. Ширина изделия 2,1 см, толщина 0,9 см. Сломанный торец обработан крутой ретушью, что свидетельствует о его вторичном использовании в качестве скребка (рис. 268 – 2). Третий черешковый наконечник сделан на пластинчатом отщепе из темно-серого кремня, длина 3,9 см, максимальная ширина – 2,1 см. Ретушью обработан лишь край изделия из черешка (рис. 268 – 1). Четвертый экземпляр является скорее заготовкой. Длина его 4,5 см и толщина 0,9 см. Изделие обработано с одной стороны параллельной ретушью.

Ретушеры (2). В одном случае использовалась прямоугольная плоская галька длиной 6

см, шириной 3 см, толщиной 1,2 см. На одном торце фиксируется сильная забитость (рис. 266 – 10), на другом – обломок округлого в сечении кварцитового желвака удлиненной формы (рис. 266 – 5). Торцы инструмента оформлены несколькими грубыми сколами.

Ряд обнаруженных стоянок на р. Жабай и других речках интересны в плане будущих исследований. Здесь есть памятники с хорошо сохранившимся культурным слоем и довольно выразительным инвентарем, отражающим определенный уровень развития в сфере производства орудий на протяжении тысячелетий.

Тельманский микрорайон по сравнению с остальными микрорайонами изучен стационарными раскопками наиболее полно. Памятники, как это видно из характеристики топографии, планиграфии и типологии, различны по своему функциональному назначению и, безусловно, хронологии. На основании типологической и статистической обработки раскопанных объектов выделено также несколько групп памятников.

I группа: Тельмана VII, VIIIa, IXa, XIVб. Из них по занимаемой площади и наличию конструкций Тельмана VIIIa может относиться к классу поселений. Остальные определены как стоянки. Следует отметить, что инвентарь этих стоянок почти тождествен. Особенно это касается характера индустрии – вкладышевая пластинчатая техника с сочетанием изделий из отщепов (скребки высокие). Сырье разнообразное. Форма нуклеусов призматическая, клиновидная, коническая. Высота их редко превышает 6 см. Основными типами изделий являются пластинки с притупленной спинкой, микрорезцы угловые, боковые, срединные резцы, параллелограммы, резчики, пластины со скошенным краем и др.

II группа: Тельмана I, VIII б, X, XIV, Жабай-Покровка I. Для нее характерны следующие черты: использование однородного сырья – яшмовидной породы серого или светло-коричневого цвета. Для технологии характерно сохранение вкладышевого характера, но по сравнению с пластинками из памятников первой группы изменяется пропорция заготовок. Как видно из графиков, вкладыши близки

к квадрату 1,5x1,5 или 1,5x2 см. Вместе с тем имеются крупные проксимальные пластины шириной до 3 см и длиной более 5 см. Набор отличается богатством форм и типов: боковые, угловые резцы, резчики, скобели, трапеции, наконечники на пластинах, пластины с выемками и др. Особенно многочисленны концевые скребки на пластинах и округлые на отщепах.

Керамика фрагментарна, но достаточно выразительна. Она яйцевидной формы, с открытой горловиной, диаметр 16–20 см. Посуда тонкостенная (0,4–0,6 см), черепок слабого неравномерного обжига, с примесью крупного песка, дресвы, растительных остатков.

III группа: Тельмана XV, Жабай-Покровка III, Заимка I, Магдалиновка I и др. В технологии постепенно утрачиваются вкладышевые традиции и распространяется двусторонняя техника обработки пластин и отщепов. Для набора характерны ножи на отщепах, ножи на пластинах с выделенной рукоятью, наконечники на пластинах и отщепах с двусторонней обработкой, наконечники копий, обработанные струйчатой ретушью. Керамика тонкостенная, украшенная гребенчатым «шагающим» штампом, волнистыми линиями, отступающими наколами.

IV группа: Тельмана IX б, XII, XIII и др. Пластинчатая техника практически утрачена. Широко представлены изделия двусторонне обработанных форм и отщепов: наконечники стрел, дротиков, копий, ножи, скребки, скребла. Сырье, из которого сделаны орудия, представлено некачественным крупнозернистым кварцитом, реже – яшмовидной породой. Керамика с плотным черепком, украшена гребенчатыми оттисками и ямочными вдавлениями.

Памятник Тельмана IXб является мастерской, остальные – сезонными стоянками рыбаков и охотников.

V группа: Тельмана XIV б, XVII и др. Кремневые изделия представлены наконечниками листовидной, черешковой формы с выемкой в основании. Обработаны двусторонней отжимной ретушью. Встречаются скребки на отщепах и макроформы: топоры, долотовидные орудия, мотыжки, пряслица, грузила и прочий инвентарь.

Керамика отличается от посуды предшествующих групп более высоким качеством. Черепок плотный, толщиной 0,6–0,9 см, с примесью крупного песка, иногда шамота, дресвы. Орнамент в виде геометрических фигур, горизонтальных поясков гребенчатых линий и ямочных вдавлений. Кроме гребенчатой встречается отступающая и накольчатая техника (Зданович, Зайберт, 1973, с. 11–13).

Стоянка Коскуль VI

Расположен на левом берегу р. Бардаган и в 0,3 км к юго-западу от дамбы через реку, на первой надпойменной террасе (рис. 269), в 12 км к северу от с. Коскуль Астраханского района Акмолинской области.

Площадка памятника не распаивается, задернована слабо. Растительность типчаково-ковыльная. Через площадку с севера на юг проходит полевая дорога. На территории памятника найдены кремневые отщепы, ножевидные пластины с ретушью.

Обнаружен и обследован в 1993 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.В. Худякова. Проревизирован разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 2006 г. под руководством А.А. Плешакова.

Памятник характеризует материальную и духовную культуру племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Зайберт, Худяков, 1994, с. 19–20).

Стоянка Садубек I

Памятник находится в 1,9 км к западу от с. Новоалександровка Атбасарского района Акмолинской области, на северо-восточном берегу старицы Колутон правого берега р. Ишим. Берег реки пологий, через площадку проложена грунтовая дорога. К северу от памятника проходит грейдер сообщением Новоалександровка – Садубек.

Площадка памятника задернована слабо. На поверхности обнаружены изделия из яшмовидной породы белого и светло-коричневого цвета.

Среди орудий – скребки, ножевидные пластины, обломки наконечников стрел и отщепы. Площадка памятника покрыта растительностью полынного типа.

Обнаружен и обследован в 1973 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством Т.А. Бойко, А.А. Плешакова. Вторично обследован в 1992 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Проревизирована в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Памятник характеризует материальную и духовную культуру племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Бойко, Плешаков, 1974, с. 47; Плешаков, 1993, с. 51).

Мастерская Ярославка

Памятник находится в 4,4 км к северо-востоку от с. Ярославка Буландинского района Акмолинской области, на склоне левого берега р. Баксук, на стыке реки и оврага.

Площадь мастерской 150 кв. м, на поверхности рассредоточены отщепы различной формы и размеров из красного, желтого и серого кремня, наковальни (рис. 270). Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Зайберт, Худяков, 1993, с. 96).

Стоянка Ярославка I

Стоянка расположена в 4 км на юго-востоке от с. Ярославка Буландинского района Акмолинской области, на коренном левом берегу р. Баксук, на склоне сопочной возвышенности. Площадь равна 300 кв. м (рис. 271).

Поверхностный подъемный материал собран в виде отщепов.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Плешаков, 1975, с. 34).

Стоянка Ярославка II

Стоянка расположена в 3,8 км к северо-востоку от с. Ярославка Буландинского района

Акмолинской области, на коренном левом берегу р. Баксук.

Площадь приблизительно 250 кв. м, поверхность стоянки плохо задернована (рис. 272). В этом месте берег реки достигает высоты 2 м.

Поверхностный подъемный материал фиксируется на поверхности.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Плешаков, 1975, с. 35).

Стоянка Ярославка III

Памятник расположен в 3,5 км к северо-востоку от с. Ярославка Буландинского района Акмолинской области.

Площадь стоянки 150 кв. м. На поверхности обнаружено несколько отщепов, часть стоянки разрушена остатками строений средневековья, вероятно, кыстау. На поверхности обнаружены остатки (4) землянок двухкомнатного типа (рис. 273), в одной из которой найден обломок каменного жернова.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита – средневековья (Зайберт, Худяков, 1993, с. 96).

Стоянка Ярославка IV

Стоянка расположена в 4,5 км к северо-востоку от с. Ярославка Буландинского района Акмолинской области, на коренном левом берегу р. Баксук (рис. 274).

Стоянка плохо задернована, размывается стоками талых вод, площадь равна примерно 300 кв. м.

Материал фиксируется на поверхности памятника и представлен отщепами, пластинами.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 224).

Стоянка Купчановка I

Памятник расположен в 2,3 км к югу от с. Купчановка Буландинского района Акмолинской области, на левом берегу р. Кайракты, в 300 м на юг от поселения Купчановка I.

Площадь стоянки около 200 кв. м (рис. 275). Подъемный материал обнаружен в обрыве берега реки и представлен отщепами.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 201).

3.4. Археологические объекты Акканского микрорайона.

Стоянка Гаршино

Находится в 0,3 км к юго-западу от с. Гаршино, на левом берегу р. Аккан-Бурлук, на останце террасы.

Обнаружена и обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г. под руководством Т.А. Бойко, С.С. Заева. Вторично обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Проведена ревизия в 2005 г. разведочным отрядом СКАЭ.

На площадке памятника обнаружено восемь овальных впадин искусственного происхождения, неопределенного назначения.

В южной части памятника устроен скотомогильник. Площадка задернована. Подъемные сборы дали несколько отщепов и пластин, позволивших характеризовать памятник. На стоянке был заложен шурф. Стратиграфия следующая: 0,1 м – гумус, 0,4 м – темный суглинок, в котором была найдена трапециевидная пластина из кремневой породы.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 165).

Стоянка Конырсу

Находится в 2,7 км к западу от с. Конырсу и в 4,4 км на юг от с. Разгульное, на обрывистом западном берегу р. Ишим, на высокой

надпойменной террасе при впадении в нее безымянного ручья.

Обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Проведена ревизия разведочным отрядом СКАЭ в 2005 г.

С юга площадка стоянки ограничена крутым берегом ручья, с запада – обрывистым берегом реки, а с востока – естественной ложбиной, по которой проходит дорога, пересекающая ручей. Южный склон площадки размывается. Площадь стоянки хорошо задернована и составляет более 300 кв. м. На территории собрано несколько фрагментов керамики, семь отщепов, два абразива. Культурный слой фиксируется слабо. Флористический состав представлен низкотравьем с явной доминантой полыни, почвы слабо гумусированы.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 174–175).

Стоянка Новомихайловка

Находилась на юго-западной окраине с. Новомихайловка, высоком (более 10 м), обрывистом коренном берегу р. Ишим.

Обнаружена и обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Вторично проведена ревизия в 2005 г. разведочным отрядом СКАЭ.

Берег, пересеченный оврагами и балками, полого спускается к реке, обрываясь прямо к воде. Сложен из конгломерата яшмовидной и мелкозернистой кварцевой гальки плотных окатышей сланца. Окружающий ландшафт степной. В настоящее время степь распаивается, но оставшиеся нетронутые участки позволяют судить о том, что степь была ковыльная.

Подъемные сборы производились на поверхности площадки у самого обрыва, почвенный слой на которой был смыт и выветрен.

При ревизионном обследовании в 2005 г. памятник не обнаружен.

Собранные в 1988 г. орудия изготовлены из яшмовидной, мелкозернистой кварцевой породы и плотного сланца. В коллекции насчитывается 112 предметов. Из них можно выделить два наконечника копий, изготовленных из плотного сланца. Бифас извилистой формы, из плотного сланца, с сохранившейся с обеих сторон желвачной коркой, изготовлен техникой оббивки. Рубящее орудие из плотного сланца трапециевидной формы, изготовленное техникой оббивки. Рубящее орудие клиновидной формы из красноватого мелкозернистого кварцита, изготовленное методом оббивки по всей поверхности. Обломок скребла, изготовленного из сланца. Развертка из темно-красной яшмы, изготовлена методом скалывания. Имеет следы сработанности в виде заломов. Скребло из светло-серого кварцита. Два обломка бифаса с желвачной коркой из яшмы красно-коричневого цвета, обработанных техникой оббивки. Два скребка на отщепе из яшмы красно-коричневого цвета.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху палеолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 178–179).

Стоянка Рузаевка

Находится в 3,3 км к юго-западу от с. Рузаевка, на правом берегу р. Аккан-Бурлук, при впадении в нее р. Шарык, на первой надпойменной террасе.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Вторично обследована в 2005 г. разведочным отрядом СКАЭ.

Площадка стоянки задернована, заканчивается обрывом высотой до 1,5 м. На поверхности памятника и в промоинах встречаются отщепы. Культурный слой не фиксируется.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху

неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 184).

Стоянка Рыбинка I

Находится в 0,2 км к востоку от с. Рыбинка (Тындык), на правом коренном берегу р. Аккан-Бурлук, между линией электропередач и грядой, обрывающейся к реке скальным выходом до 10 м высотой.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Вторично обследована в 2005 г. разведочным отрядом СКАЭ.

Площадка стоянки задернована слабо, подвержена размыву талыми и дождевыми водами. Высота площадки от уреза воды – 2,5 м. Подъемные сборы проведены на площадке, у подножия гряды и на ее склоне.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея. (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 186).

Стоянка Рыбинка II

Находится в 0,3 км к югу от с. Рыбинка (Тындык), на первой надпойменной террасе левого берега р. Аккан-Бурлук.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина. Вторично обследована в 2005 г. разведочным отрядом СКАЭ.

Площадка задернована слабо. Подъемные сборы проводились по всей площади. Материал встречается редко и представлен отщепами и обломками пластин.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея

(Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 186).

Стоянка Симоновка I

Находится в 2,7 км к юго-востоку от с. Симоновка, на коренном берегу р. Аккан-Бурлук, возвышающимся на 2,25 м над уровнем воды.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г. под руководством Т.А. Бойко, С.С. Заева. Вторично обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина, а затем в 2005 г.

Памятник расположен на южном берегу заболоченного пойменного озера Голдыбежское, соединенного сухой протокой с руслом реки. В 1 км севернее, перед скальной грядой, протекает пересыхающий ручей с обрывистыми берегами. Поверхность задернована слабо. Почвенный слой составляет 10–15 см, далее – материк. Культурный слой не выявлен.

В 1972 г. были проведены подъемные сборы. В коллекции содержится 13 кремневых предметов. Среди них несколько орудий и их обломки: скребок на отщепе, три обломка ножевидных пластин, имеющих следы вторичной обработки, отщепы. Территория стоянки хорошо задернована. Флористический состав представлен пойменной растительностью аллювиального типа. На вершине площадки стоянки растительность представлена более скудной полевой доминантой.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 188).

Стоянка Симоновка II

Находится в 2,3 км к юго-востоку от с. Симоновка, на коренном берегу р. Аккан-Бурлук, возвышающимся на 2,25 м над уровнем воды.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г. под руководством Т.А. Бойко, С.С. Заева. Вторично обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина, а затем в 2005 г.

Памятник расположен на северном берегу заболоченного пойменного озера Голдыбежское, с юга соединенного сухой протокой с руслом реки. В 0,1 км севернее, перед скальной грядой, протекает пересыхающий ручей с обрывистыми берегами. Поверхность задернована слабо. Почвенный слой составляет 10–15 см, далее материк. Культурный слой не выявлен.

В коллекции содержится 17 предметов из яшмовидной породы красного цвета: 12 пластин (на одной из них концевой скребок, на другой – резчик), несколько микропластин шириной от 4–5 до 8 мм.

На территории стоянки четко выделяются следы разрушений природного характера аллювиального типа (небольшие, прорезающие ее территорию овраги и трещины). Флористический состав представлен доминантой полыни и злаковых.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 188–189).

Стоянка Симоновка V

Находится в 1,6 км к северу от с. Симоновка, на первой надпойменной террасе левого берега р. Аккан-Бурлук.

Обнаружена разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1972 г. под руководством Т.А. Бойко, С.С. Заева. Вторично обследована разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. под руководством А.Г. Шалагина, затем в 2005 г.

С юга площадку памятника ограничивает глубокая балка, спускающаяся к реке. В 0,2 км восточнее памятника, на восточном берегу реки, возвышается сопка Девичья Грудь.

При шурфовке памятника материал не обнаружен. Подъемные же сборы представлены кремневым инвентарем (54) в виде нескольких ножевидных пластинок, отщепов и чешуек. Преобладают предметы из серой яшмы. Ножевидные пластины обработаны краевой ретушью. Территория стоянки хорошо задернована. Флористический состав представлен типчаково-полынной растительностью с высоким содержанием злаков.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 189–190).

3.5. Археологические объекты Кургальджинского микрорайона

Памятники Кургальджинского микрорайона расположены в низовьях р. Нура в Кургальджинском районе Целиноградской (ныне Акмолинской) области. Стоянки и местонахождения приурочены к берегам Нуры, высота которых достигает 3–5 м, т.е. на уровне первой надпойменной террасы. Ряд стоянок обнаружен на водораздельных плато у родников, функционировавших в древности. Культурный слой на некоторых памятниках не превышает 30–50 см. В основном же они лишены почвенного слоя, и находки концентрировались на поверхности. Местонахождения, как правило, по площади ограничены несколькими десятками квадратных метров. Стоянки на площади около 50 кв. м. Преобладающее количество памятников датируется неолитом-энеолитом. Есть несколько пунктов и более раннего времени (мезолит-палеолит).

Кроме описанных микрорайонов, где наблюдается скопление памятников, в Северном Казахстане зафиксирован ряд одиночных стоянок и местонахождений каменного века. Четыре местонахождения найдены на правом берегу р. Селеты Целиноградской (ныне Акмолинской) области.

Пункты приурочены к высокому обрывистому берегу Селеты, высота которого достигает 40–50 м (Бестюбе I, Таскура I и др.). Одна стоянка по материалу может датироваться палеолитом-мезолитом (Таскура II), остальные – типично неолитические стоянки.

Стоянка Коргалжын I

Находится в 0,8 км к северу от п. Коргалжын, в 0,23 км к северо-востоку от ЛЭП, на левом коренном берегу р. Нура.

В 2006 г. стоянка обследована разведочным отрядом археологической экспедиции Кокшетауского университета под руководством В.В. Варфоломеева.

На площади около 15500 кв. м на поверхности встречаются каменные изделия микролитовидного облика. В обрыве берега отмечены следы раскопок прежних лет.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 453).

Стоянка Коргалжын II

Памятник расположен в 0,5 км к западу от шоссе сообщением Коргалжын – Астана, на левом коренном берегу старицы р. Нура, в 0,15 м к юго-востоку от ее современного русла.

В 2006 г. стоянка обследована разведочным отрядом археологической экспедиции Кокшетауского университета под руководством В.В. Варфоломеева.

Площадь распространения артефактов в виде отщепов и орудий микролитовидного типа составляет около 2600 кв. м.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 453).

3.6. Археологические объекты, открытые в 1980-е и 2000-е годы СКАЭ и КАЭ

Данные памятники расположены по берегам рек Северо-Казахстанской и Акмолинской областей.

Археологические объекты были исследованы в течение 20 лет СКАЭ и КАЭ, материалы которых долгое время хранились в отчетах данных экспедиций.

Стоянка Еркендык II

Памятник находится в 1,5 км к западу от с. Еркендык, на ровной площадке первой террасы левого берега р. Ишим (рис. 276).

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Подъемный материал собран на площади 50x50 м и представлен следующим набором орудий:

пластина без ретуши (1) имеет медиальный сегмент. Материалом служила кремневая порода беловатого цвета. Длина пластины 1,4 см, ширина 1,3 см;

отщеп без обработки (7). Материалом служила кремневая порода различных цветов. Размеры колеблются от 1,1 до 3,4 см;

керамика (1) представлена фрагментом стенки сосуда. Керамика не орнаментирована. Толщина стенки 0,6 см;

отщеп с ретушью (1). Материалом служила яшмокварцитная порода. Ретушь краевая. Отщеп размером 3,7 см;

нуклевидный обломок (1). На поверхности фиксируются хаотичные следы сколов для снятия отщепов. Материалом служил кремнь темно-красного цвета. Размер нуклевидного обломка – 3,1 см.

С южной стороны поселения проходят линия электропередач и грейдер.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху мезолита-неолита.

Стоянка Жаман-Кайракты V

Памятник находится в 1,2 км на юго-восток от с. Старый Перекатный, на изгибе левого берега р. Жаман-Кайракты, поверхность хорошо задернована.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Местность представлена равниной, покрытой ковыльно-типчаковой растительностью. Подъемный материал собран на площади 50x100 м и представлен следующим набором орудий:

отщепы без обработки (6). Материалом служила некачественная кремневая порода различных цветов. Размеры – от 2 до 5,3 см;

пластина (1). Представлена медиальной частью. Материалом служил качественный кремень коричневого цвета. Длина 1,5 см, ширина 0,6 см. Со стороны брюшка по одному из краев обработан мелкой краевой непрерывной ретушью;

концевой скребок на пластине (1). Материалом служил кремень сероватого цвета. Длина 2 см, ширина 1,5 см. Рабочий край скребка обломан, спинка высокая;

терочки (2). Изготовлены из мелкозернистого песчаника. Размеры – от 3,7 до 7,4 см. Рабочие края округленные, со следами затертости.

По площади стоянки проходит полевая дорога. С северной стороны расположен овраг, северо-восточнее – грейдер, соединяющий села Старый Перекатный и Перекатный.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху мезолита-неолита.

Стоянка Жаман-Кайракты I

Памятник находится в 4,4 км к югу от с. Беловодское, на изгибе правого берега р. Жаман-Кайракты.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал собран на площади 100x50 м и представляет собой следующий набор орудий (рис. 277):

отбойник (1), изготовлен из песчаника. Отбойник подпрямоугольной формы, размером 12x8,5 см, ширина обушка 3,6 см, ширина рабочего края 6,3 см. Рабочий край со следами забитости;

отщеп без ретуши (3). Материалом служила яшмокварцитная и кварцитная порода. Размеры колеблются от 1,4 до 18 см;

пластина без ретуши (1) представлена дистальным сегментом. Длина 2,5 см, ширина 2,2 см. Материалом служила кремневая порода сероватого цвета;

керамика (1), представлена фрагментом стенки сосуда. Размер 2,6 см. Тесто слабого обжига, состав: глина, песок. Фрагмент керамики ангобирован, без орнамента.

Поверхность стоянки ровная, хорошо задернованная.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита-бронзы.

Стоянка Жаман-Кайракты VI

Памятник находится в 2,8 км к юго-востоку от с. Тарасовка, на правом пологом берегу р. Жаман-Кайракты, поверхность хорошо задернована.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

С восточной стороны находится овраг, с западной – небольшой лог, образованный за счет талых вод.

На стоянке заложен шурф, материал не обнаружен.

Подъемный материал собран на площади 50x150 м и представлен следующим набором (рис. 278):

отщеп без обработки (1). Материалом служил кремень сероватого цвета. Размер 1,8 см;

скребок $\frac{3}{4}$ (1). Материалом служил кремень красноватого цвета. Ширина скребка 2,8 см, длина 1,6 см. Рабочий край обработан дивергентной ретушью, спинка высокая.

Растительность в данном месте представлена ковыльно-типчаковыми злаками.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита.

Стоянка Казахстан III

Памятник находится в 1,5 км к северо-западу от с. Казахстан, на первой надпойменной террасе левого берега притока р. Ишим.

Обнаружен и обследован в 2007 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Подъемный материал собран на площади 200х50 м и представлен следующим набором орудий:

пластина без обработки (4). Материалом служила качественная кремневая порода серого и красного цвета. Длина колеблется от 1,3 до 2,4 см, ширина – от 0,9 до 1,9 см. Все пластины представлены сегментами: медиальный (2), проксимальный (1), дистальный (1);

отщеп с ретушью (1). Материалом служил кремнь светло-серого цвета. Длина 1,2 см. Обработан мелкой краевой ретушью;

скребок $\frac{3}{4}$ (2). Материалом служил кремнь различного цвета. Длина – от 2,1 до 2,5 см. Рабочие лезвия обработаны конвергентной и дивергентной ретушью. Спинка высокая;

концевой скребок (1). Изготовлен из качественного кремня светло-красного цвета. Длина 2,1 см. Рабочее лезвие обработано конвергентной ретушью, спинка невысокая. Ширина рабочего лезвия 2,6 см;

круговой миндалевидный скребок (1). Изготовлен из кремня. Орудие обработано по всему периметру мелкой дивергентной ретушью. Размер орудия 2,5 см;

отщепы без обработки (2). Материалом служила кремневая порода. Длина колеблется от 1,7 до 2 см. Представлен хаотичной формой;

скобель на отщепе (1). Материалом служил кремнь сероватого цвета. Размер орудия 2,4 см. Рабочая выемка шириной 0,4 см. Фиксируются следы сработанности;

нуклевидный обломок (4). Материалом служила кремневая порода различных цветов. Представлен хаотичной формой со следами снятия отщепов. Размеры – от 2,6 до 3,6 см;

фрагменты керамики (5) представлены обломками стенок сосуда и одним фрагментом дна. Орнамент присутствует на одном фрагменте и представляет собой две горизонтально прочерченные линии. Расстояние между ними 0,8 см. Орнамент нанесен гладким штампом. Размеры – от 1,6 до 3,2 см. Все фрагменты ангобированы, состав теста: глина и песок, каче-

ственного обжига. Предварительно можно отнести к бронзовому веку.

С северной стороны стоянки расположена возвышенность. Поверхность памятника слабо задернована.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита-бронзы.

Стоянка Ленино

Расположена в 0,8 км к западу от с. Ленино, на берегу высохшей старицы.

В коллекции имеется 29 предметов. Находки очень невыразительны.

Керамика (4) фрагментарна, в тесте примеси песка, гальки. Толщина стенок 0,6–0,8 см. Один фрагмент орнаментирован оттисками крупного гребенчатого штампа. Глиняные предметы представлены двумя обломками глиняного шарика диаметром 2 см и керамического пряслица. Каменные предметы (21) представлены экземплярами из серо-розовой, кремнистой и серой кварцевой породы. Среди находок три отщепы с ретушью, одно медиальное сечение пластины и 17 отщепов без обработки.

Археологические находки из этой коллекции разновременные. Кремневые предметы относятся к неолиту, керамика датируется более поздними эпохами (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 453).

Местонахождение Кожажельды-Алга IV

Памятник расположен в 0,7 км к юго-востоку от с. Кожажельды-Алга.

Впервые памятник открыт и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Памятник находится на небольшом возвышении высотой не более 1 м, диаметром около 60 м, отчетливо выделяющимся на равнинном рельефе, в 0,2 км восточнее неасфальтированной дороги, соединяющей трассу г. Степняк – с. Валиханово и с. Алга. С западной стороны в 150 м от памятника проходит ЛЭП (рис. 279). На поверхности обнаружен кремневый материал,

состоящий из отщепов различного размера из полупрозрачного и светло-коричневого кремня (рис. 280). В южной и северной частях возвышенности было заложено по одному шурфу размером 0,5x1 м. Стратиграфия шурфов: 20 см – гумус с щебнем, далее – серовато-желтая глина с мелким щебнем. Орудия не обнаружены, что может свидетельствовать о расположении на этом месте мастерской по первичной обработке камня.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 240).

Мастерская Айсары II

Мастерская расположена в 4,6 км к юго-западу от с. Айсары, в 2 км на север от озера Шолаксор (Акжарский район Северо-Казахстанской области), на высокой сопке высотой около 10 м, диаметром 200–250 м.

Впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

На всей поверхности сопки зафиксировано огромное скопление отщепов, пластин, нуклевидных обломков, валунов кварцита и обломков орудий (рис. 281). На поверхности видны выходы кварцита, который служил материалом для изготовления пластин, отщепов и орудий труда. На некоторых орудиях и отщепах видна патина (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 118).

Мастерская Айсары V

Палеолит, мезолит, неолит (археол.).

Находится в 2,8 км к юго-юго-западу от с. Айсары и в 2,9 км на северо-восток от озера Шолаксор.

Впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

По всей площади стоянки (около 2 га) фиксируются многочисленные скопления от-

щепов, нуклевидных обломков, заготовок нуклеусов, крупных конкреций, единичные орудия. Сырьем для производства орудий являлся молочно-серый кварцит, который залегает в близлежащей сопке в виде крупных плит и обломочного материала.

В 50 м от мастерской, в низине, расположена небольшая березовая роща. Мастерская находится на возвышении высотой около 2 м. В центральной части стоянки был заложен шурф 1x0,3 м, глубиной 0,8 м. В шурфе обнаружено большое количество отщепов и нуклевидных обломков кварцитной породы и четыре валуна той же породы. Мощность культурного слоя доходит до 0,5–0,6 м.

Стратиграфия шурфа следующая: 0–5 см – дерн; 10–15 см – темно-гумусированный суглинок; 15–30 см – легкий светло-коричневый суглинок; 30–40 см – коричневатый суглинок; ниже – желтая материковая супесь.

Мастерская использовалась древними людьми на протяжении всего каменного века, начиная с палеолита.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху палеолита, мезолита, неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 120).

Мастерская Айсары VI

Находится в 4,6 км к юго-западу от с. Айсары.

Впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Мастерская по добыче и первичной обработке заготовок для каменных орудий труда расположена в 2 км на север от озера Шолаксор. В 3 км на северо-восток от мастерской находится большой карьер по добыче песка.

Объект занимает обширную площадку высокой (около 10 м высотой и 200–250 м в диаметре) сопки. Здесь зафиксировано огромное количество отщепов, пластин, нуклевидных обломков, валунов кварцита и обломков орудий. На поверхности видны выходы кварци-

товых пород в виде валунов и плит диаметром до 1 м, которые служили материалом для изготовления орудий. Некоторые крупные орудия сильно патинированы. Это в основном бифасоидные отщепы, остроконечники, макроформы рубящего типа и др.

Мастерскую древние люди использовали на протяжении всего каменного века, начиная с палеолита.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху палеолита, мезолита, неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 120–121).

Стоянка Ащису I

Находится в 10,5 км к северу от поселка Талшик и в 3,8 км к югу от с. Кызылтуское, в 1,3 км на юг от правого берега р. Ащису, в 0,2 км на запад от немощенной дороги, ведущей в с. Кызылтуское. .

Стоянка впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Общая площадь памятника – 2600 кв. м.

В 20 м южнее памятника фиксируется девять впадин от поздних жилищных конструкций. В 50 м южнее стоянки проходит грунтовая дорога. В коллекции подъемных сборов пять невыразительных фрагментов керамики, обломков нуклеуса из яшмовидной породы, скребков и отщепы из кремневой породы.

В 2005 г. на археологическом объекте были заложены два квадрата размерами 2x2 м, ориентированных по линии север-юг. Материал из раскопа представлен 18 пластинами без обработки, двумя скребками, двумя отщепами без ретуши из кремневых пород, одним ретушером из гальки, несколькими обломками тазовых костей лошади и фрагментом верхней челюсти лошади.

Растительность данного района представлена ковыльно-типчачковыми фациями, которые образуют сплошную дернину почвы.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана

в эпоху мезолита-неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 122).

Стоянка Жуантобе I

Находится в 3 км к югу от с. Жуантобе, на правом берегу р. Шокай, в 16,3 км на северо-западу от озера Жаксытуз.

Обнаружена и обследована в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко, а затем в 2005 г. – Кокшетауским разведочным отрядом под руководством В.Ф. Зайберта.

Горизонтальная площадка памятника на 3 м выше уреза воды. Подъемные сборы производились на площади более 1000 кв. м. Побережье ручья отличается наличием россыпей разноцветных обкатанных яшмовидных пород. Среди них обнаружено шесть отщепов с нерегулярной ретушью и один пластинчатый отщеп. Почвенный горизонт представлен бурым суглинком мощностью до 35 см. При его шурфовке культурные остатки не обнаружены.

В 2005 г. подъемный материал составил восемь галечных отщепов, три отщепа из сланца и один абразивный камень.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху раннего неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 384–385).

Стоянка Новый Городок I

Памятник расположен в 3,6 км на юг от с. Владимировка, на одном из рукавов левого берега р. Жабай (рис. 282).

Впервые памятник открыт в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Вторичное обследование произведено в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко, а

затем в 2006 г. – отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

На месте стоянки перпендикулярно реке проходит овраг шириной 4 м, глубиной до 1 м, поверхность хорошо задернована. Единичные находки встречаются в обрыве реки, в культурном слое. Найдены кости лошади, возможно, человека. Культурный слой – темно-гумусированная супесь мощностью до 1 м.

Стоянка занимает площадь примерно 1500 м. В 700 м восточнее стоянки расположена возвышенность.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита и бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 474).

Стоянка Айсары I

Находится в 2,5 км к юго-западу от с. Айсары, в 3,8 км к северо-востоку от озера Шолаксор.

Впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Стоянка площадью 0,7 га находится на невысокой возвышенности. Поверхность стоянки хорошо задернована. В 0,3 км на запад от стоянки растут три березы, южнее, в 0,15 км от стоянки, проходит полевая дорога, юго-восточнее расположен карьер. Подъемный материал представлен 17 отщепами без обработки и одной пластиной без ретуши.

На стоянке заложены два шурфа. Стратиграфия следующая: 0–10 см – дерн; 10–20 см – темно-гумусированный суглинок; 20–30 см – светло-коричневый суглинок; материк.

В шурфе № 1 обнаружены 10 отщепов без обработки диаметром от 2,5 до 6 см, одно скребло диаметром 10 см, один скребок диаметром 5,5 см, один нуклеидный обломок с диаметром в сечении 4 см, четыре валуна кварцитной породы диаметром от 5 до 10 см.

В шурфе № 2 обнаружено более 50 отщепов без обработки диаметром от 1,5 до 7,5 см, две пластины длиной 2 см и 5,5 см, два нуклеидных обломка из кварцитной породы.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 118).

Стоянка Атан II

Памятник расположен в 16,9 км к западу-западу от с. Енбекшильдерское и в 2,6 км к востоку от бывшего с. Тассу Енбекшильдерского района Акмолинской области. Стоянка занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Атан, имеющую небольшой уклон в сторону реки.

Впервые обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

На площади размером 50х70 м обнаружено несколько отщепов без обработки из яшмовидных кварцитов сероватого цвета. В заложённых шурфах материал не обнаружен.

Стратиграфия шурфа следующая: 0–5 см – дерн; 10 см – гумусированный суглинок; далее 20 см – тяжелый темно-коричневый суглинок; ниже – материк.

Площадка памятника слабо задернована, размывается сточной водой.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 249–250).

Стоянка Новодонецк

Памятник расположен в 3 км к востоку от с. Новодонецк, на рукаве р. Баксук (рис. 283).

Впервые памятник открыт и обследован в 2006 г. отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Площадь стоянки 300 кв. м. Подъемный материал представлен несколькими отщепами и пластинами. Поверхность стоянки хорошо задернована.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников исто-

рии и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 212).

Стоянка Садовое

Находится в 800 м к северу от с. Садовое, на второй надпойменной террасе левого берега р. Чаглинки, под крутым коренным берегом (рис. 284). На территории стоянки расположен курган.

Впервые памятник обследован в 1972 г. Вторичное обследование проведено в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Площадь стоянки 900 кв. м. Поверхность хорошо задернована. При обследовании в 1987 г. был заложен шурф глубиной 25 см, который дал четыре кремневых скола. Всего в коллекции было 23 предмета. Все изделия выполнены из яшмы зеленого цвета. При последнем обследовании обнаружен карандашевидный нуклеус из яшмовидной породы темного цвета.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 88).

Стоянка Острогорка I

Памятник расположен в 2,8 км к северо-востоку от с. Острогорка, на краю левого берега р. Коныр, в 4 м от уреза воды и занимает площадь 600 кв. м (рис. 285).

Впервые обнаружен и обследован в 1991 г. разведочной группой СКАЭ под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Площадка расположена на небольшой территории мыса. Подъемный материал представлен бифасами, отщепами, пластинами. Весь материал лежит на всей площади стоянки. Поверхность памятника хорошо задернована.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 483).

Поселение Быстримовка I

Памятник расположен в 3 км к юго-юго-западу от с. Быстримовка, на краю невысокого мыса первой надпойменной террасы левого берега р. Жыланды (рис. 286)

Впервые обнаружен и обследован в 1972 г. разведочной группой Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Вторично обследован в 1991 г. разведочным отрядом Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Восточная часть памятника интенсивно распаивается, западная оконечность хорошо задернована. На поверхности обнаружен один фрагмент ангобированной керамики бронзового века, один медиальный сегмент пластины без обработки красновато-розового цвета, один отщеп с ретушью, один отщеп без обработки сероватого оттенка из яшмовидной породы.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита – бронзового века (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 469).

Стоянка Карашат I

Находится в 1,3 км к юго-востоку от с. Ленинградское Тайыншинского района Северо-Казахстанской области, в 0,2 км на восток от правого берега р. Карашат, на невысоких пригорках правого коренного берега реки.

Впервые обнаружена и обследована в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Окружающая степь имеет равнинно-холмистый характер и покрыта ковыльно-типчаковой растительностью.

На стоянке было заложено три шурфа, культурный слой не фиксируется. Подъемный материал представлен двумя скребками, выполненными на отщепе диаметром 2,3 и 4,2 см, двумя отщепами с мелкой краевой ретушью и 14 отщепами без обработки. Материалом для изготовления орудий служили качественные кремневые породы коричневатого цвета.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 124).

Стоянка Атыжок V

Памятник расположен в 5 км к северу от с. Богородка Сандыктауского района Акмолинской области, на правом берегу р. Атыжок (рис. 287).

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Стоянка занимает площадь около 300 кв. м. Подъемный материал представлен несколькими отщепами. Поверхность площадки хорошо задернована. По территории памятника проходит полевая дорога.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 466).

Стоянка Атыжок VII

Памятник расположен в 2 км к северо-востоку от с. Богородка, на склоне правого берега р. Атыжок (рис. 288) и занимает площадь 200 кв. м.

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник

обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен несколькими отщепами. Поверхность памятника хорошо задернована. Следов разрушения не обнаружено.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 466–467).

Стоянка Атыжок VIII

Памятник расположен в 1 км к северу от с. Богородка, на склоне правого берега р. Атыжок (рис. 289) и занимает площадь 200 кв. м.

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера, а затем в 2006 г. Кокшетауской археологической экспедицией под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен несколькими отщепами. Поверхность памятника хорошо задернована. Следов разрушения не обнаружено.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 467).

Стоянка Кеноткель V

Памятник расположен на северной окраине с. Кеноткель, на размытом мысе первой надпойменной террасы правого берега р. Чаглинки (рис. 290).

Впервые памятник открыт в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее изучение было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокше-

тауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Поверхность памятника не задернована.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 6–7).

Стоянка Кеноткель XXI

Памятник находится в 500 м к северо-западу от с. Кеноткель Зерендинского района Акмолинской области, на левом берегу р. Чаглинки и приурочена к первой надпойменной террасе старицы.

Впервые памятник открыт в 1973 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее изучение было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

С севера стоянка окаймлена пересыхающими болотцами (рис. 291). Восточная, южная, западная и северо-западная части памятника разрушены хозяйственными постройками. По центру памятника проходит полевая дорога. Поверхность памятника хорошо задернована. Следы жилищных впадин на поверхности не зафиксированы. Подъемный материал представлен в основном отщепами из яшмовидной породы красноватого цвета и фрагментами керамики. Керамика, возможно, попала с поселения эпохи бронзы Кеноткель VII, находящегося в 300 м на северо-восток от стоянки Кеноткель XXI. Керамика в отчете разведочных работ 1988 г. не зафиксирована.

В 2005 г. было вскрыто 72,5 кв. м площади памятника: четыре участка 4x4 м (64 кв. м) + 2 шурфа: 1) 0,5x5 м (2,5 кв. м); 2) 0,5x12 м (6 кв. м).

Поверхность памятника сложена темно-гумусированным суглинком мощностью до 15 см, под которым повсеместно встречается светло-серый подзолистый слой (20–30 см), ниже – светло-коричневый суглинок, лежащий на ярко-желтом материковом песке (20–40 см).

Культурный слой вскрывался слоями по 10 см.

Мощность культурного слоя в южной части памятника не превышает 40–60 см, в северной части – 20–30 см. Это объясняется тем, что памятник расположен на склоне террасы.

Кремневый инвентарь представлен незначительным числом скребков, пластин, обломков наконечников стрел и отщепами. Встречается керамика, относящаяся к эпохе неолита-энеолита. Найдены также фрагменты бронзового изделия неопределенного функционального назначения (длина 2 см, толщина 0,2 см, ширина 0,5 см).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита-бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 419–420).

Стоянка Кожгельды-Алга II

Памятник расположен в 740 м к югу от с. Кожгельды-Алга, на небольшом возвышении диаметром 70 м, высотой до 1,5 м.

Впервые памятник открыт и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

По западному склону возвышенности проходит полевая дорога, в 50 м восточнее от немощенной дороги, соединяющей трассу сообщением г. Степняк – с. Валиханово и с. Алга (рис. 292).

На этом месте располагалось кыстау. На поверхности обнаружен кремневый материал, состоящий из отщепов различного размера, из полупрозрачного и светло-коричневого кремня. На юго-западном склоне возвышенности и в центральной части было заложено по одному шурфу размером 0,5x1 м. Стратиграфия шурфов: 40 см – чернозем, далее – материк. В шурфе № 2 обнаружен один отщеп без обработки (рис. 293).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 242).

Местонахождение Сага I

Памятник находится в ложбине древнего стока, впадавшего в р. Сага, в 500 м к северу от левого берега р. Сага и в 4 км севернее горы Намазкул, на склоне второй надпойменной террасы (рис. 294), в 200 м на запад от старого мусульманского кладбища.

Впервые памятник обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен одним обломком наконечника стрелы, несколькими отщепами и двумя пластинами из яшмовидной породы, двумя фрагментами керамики, один из которых – фрагмент горловины, орнаментированный мелкой гребенкой, второй без орнамента. По склону террасы на разных уровнях было заложено три шурфа размером 1x1 м. Материал в шурфах не обнаружен. Стратиграфия следующая: 20 см – гумусированный суглинок, ниже – тяжелая влажная глина сероватого оттенка.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 235–236).

Стоянка Сага I

Стоянка находится на левом берегу р. Сага, в 1 км к западу от озера Коксенгирсор (рис. 295).

Впервые памятник открыт и обследован в 1989 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта и С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Площадка памятника хорошо задернована, по обе стороны ее прослеживаются впадины, которые определяют границы памятника. Коллекция 1989 г. состоит из 10 отщепов без обработки, из кремня стального цвета. В 2006 г. обнаружены три отщеп без обработки и один пластинчатый отщеп с нерегулярной ретушью. Находки невыразительные, полностью отсутствуют орудия труда.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 259).

Стоянка Сага II

Стоянка находится на мысу правого берега р. Сага, образованной изгибом реки, на второй надпойменной террасе, в 2 км на юго-запад от озера Коксенгирсор (рис. 296).

Впервые памятник открыт и обследован в 1989 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта и С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Площадка памятника хорошо задернована. Коллекция 1989 г. представлена четырьмя отщепами без обработки из яшмокарцитов различного цвета и двумя фрагментами керамики невыразительной формы. Подъемный материал в 2006 г. представлен четырьмя кремневыми отщепами без обработки.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 259–260).

Стоянка Сага III

Стоянка находится на левом берегу р. Сага, в 15 км к юго-западу от озера Коксенгирсор (рис. 297). Памятник расположен на первой надпойменной террасе, хорошо задернован.

Впервые памятник открыт и обследован в 1989 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта и С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

В коллекции 1989 г. содержатся отщепы без обработки из кремня серого и темно-красного цвета и три фрагмента керамики невыразительной формы, без орнамента. В 2006 г.

обнаружен карандашевидный нуклеус из сероватого яшмокварцита.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 239).

Стоянка Таттымбет I

Стоянка находится на левом берегу р. Таттымбет, на первой надпойменной террасе, сложенной аллювиально-делювиальными отложениями, в 2,4 км к западу от немощенной дороги сообщением с. Мамай – с. Итемген (рис. 298).

Впервые памятник обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Берег реки пологий, хорошо задернован. В юго-западной части памятника находятся небольшие старичные озера.

На площадке размером 150х300 м фиксируется большое скопление кремневого инвентаря и керамики. Кремневые орудия неолито-энеолитического облика. Керамика датируется эпохой бронзы. На стоянке был заложен шурф 0,5х1 м (рис. 299). В шурфе материал не обнаружен. Стратиграфия шурфа следующая: 5 см – дерн, 5–25 см – светло-гумусированный суглинок, под которым идет материк.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита-энеолита, бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 269).

Стоянка Таттымбет II

Стоянка находится на левом берегу р. Таттымбет, на первой надпойменной террасе, сложенной аллювиально-делювиальными отложениями, в 3,6 км к западу от немощенной дороги сообщением с. Мамай – с. Итемген. Берег реки пологий, хорошо задернован (рис. 300).

Впервые памятник обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Подъемный материал представлен двумя отщепами без обработки из яшмовидной породы. На стоянке был заложен шурф 0,5х1 м. В шурфе материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита.

Стоянка Таттымбет III

Стоянка находится на правом берегу р. Таттымбет, на мысу, образованном изгибом реки, в 1,5 км к западу от немощенной дороги сообщением с. Мамай – с. Итемген (рис. 301).

Впервые памятник обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Подъемный материал представлен двумя отщепами без обработки из яшмовидной породы. На стоянке был заложен шурф 50х70 см (рис. 302). В шурфе материал не обнаружен. Стратиграфия шурфа следующая: 5 см – гумусированный легкий суглинок, под которым идет тяжелый темно-коричневый суглинок, ниже – материк. Культурный слой не зафиксирован. Вероятно, он был смыт талыми водами. Поверхность стоянки слабо задернована и имеет кочковатую структуру.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита.

Стоянка Кожгельды-Алга III

Стоянка находится на небольшом возвышении высотой не более 0,6 м, диаметром около 50 м, в 1 км к северо-востоку от местонахождения Кожгельды-Алга IV. К северо-востоку от стоянки расположено высохшее озеро (рис. 303).

Впервые памятник открыт и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

На поверхности обнаружен кремневый материал, представлен отщепами различного размера из полупрозрачного кремня. В северной и северо-восточной части возвышенности

было заложено по одному шурфу размером 0,5x1 м. Стратиграфия шурфов: 20 см – чернозем, подстилает его сероватый средний суглинок. Материал в шурфах не обнаружен (рис. 304).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 242–243).

Стоянка Сага II

Памятник находится в 10,5 км к северо-западу от с. Казанкап. Расположен в 1,5 км к юго-юго-западу от озера Коксенгисор, в 0,2 км к югу от р. Сага, на правом берегу надпойменной террасы, на территории с равнинным и холмистым рельефом, представляющей собой денудационную равнину с маломощным покровом континентальных образований.

Стоянка обнаружена в 1989 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга и С.О. Миллера. Обследована в 2005 г. Кошетауским разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Мощность культурного слоя 10–15 см. Поверхность памятника хорошо задернована. Подъемный материал состоит из восьми кремневых отщепов.

Растительность представлена преимущественно ковыльно-типчачковыми травами, образующими сплошную дернину.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 259–260).

Стоянка Атан I

Памятник расположен в 9,4 км к западо-юго-западу от с. Енбекшильдерское и в 10 км на восток-северо-восток от бывшего с. Тассу

Енбекшильдерского района Акмолинской области. Стоянка занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Атан, между руслом реки и ее правым рукавом, в 1,5 км южнее от высоковольтной ЛЭП (рис. 305).

Впервые обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедицией под руководством В.Ф. Зайберга.

Площадка памятника хорошо задернована. На площади размером 20x50 м найдено несколько отщепов без обработки, выполненных из яшмовидной породы сероватого цвета. В заложенных шурфах материал не обнаружен (рис. 306).

Археологический объект характеризует погребальный обряд и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 249).

Стоянка Атан III

Памятник расположен в 15 км к западо-юго-западу от с. Енбекшильдерское и в 4,6 км на восток от бывшего с. Тассу Енбекшильдерского района Акмолинской области. Занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Атан, расположен в 500 м на восток-юго-восток от плотины (рис. 307).

Впервые обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедицией под руководством В.Ф. Зайберга.

Западнее стоянки, перед плотиной, находится карьер для добычи песка. Напротив стоянки, на левом берегу реки, располагаются выходы коренных пород. В 50 м к северо-востоку от стоянки стоит загон для скота.

Площадка памятника хорошо задернована. Материал зафиксирован на площади размером 100x200 м. В коллекции содержится как кремневый материал, так и фрагменты керамики (в восточной части стоянки) эпохи бронзы. В заложенных шурфах материал не обнаружен (рис. 308–309).

Стратиграфия шурфов следующая: 0–10 см – дерн, 10–20 см – гумусированный суглинок, 20–40 см – темно-коричневый суглинок.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита – бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 250).

Стоянка Тасмола I

Памятник находится в 10,5 км к северо-востоку от с. Степок, на первой надпойменной террасе правого берега р. Тасмола (рис. 310).

Обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Площадка памятника плохо задернована, часть ее распахана. По поверхности памятника проходит полевая дорога.

Подъемный материал состоит из отщепов кремневой породы коричневатого цвета и кварцитов. Найдены два мелких фрагмента неорнаментированной керамики кирпичного цвета. Стенки тонкие.

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 106).

Стоянка Тасмола II

Памятник находится в 10,7 км к северо-востоку от с. Степок Аккольского района Акмолинской области, на первой надпойменной террасе левого берега р. Тасмола, в 40 м от уреза воды (рис. 311).

Обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Площадка памятника интенсивно распахивается. Подъемный материал представлен изделиями из камня (наконечник стрелы, нуклеус, ножевидное лезвие, пластина с рету-

шью, скребок, отщепы). Найдены неорнаментированный фрагмент керамики.

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 1079).

Стоянка Тасмола IV

Памятник находится в 14 км к юго-западу от с. Искра Аккольского района Акмолинской области, на северо-восточном берегу высохшей старицы р. Талкара, на полого спускающемся северо-западном склоне небольшой сопки, в 400 м к востоку от ЛЭП, протянувшейся с севера на юг (рис. 312).

Обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Территория памятника слабо задернована. Размеры стоянки 30x30 м. Было найдено два скребка и несколько фрагментов керамики.

Скребки. Один боковой, с крутой краевой ретушью из темно-коричневого камня кремнисто-яшмовидной породы. Второй – угловой скребок из того же материала, подпрямоугольной формы. Имеет краевую ретушь.

Фрагменты керамики мелкие, без орнамента. Два фрагмента – обломки венчика (срез венчика округлый), один из них светло-коричневого цвета, другой фрагмент – светло-серого цвета. На изломе темно-серого цвета, хорошего обжига.

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 104).

Стоянка Талкара VIII

Памятник находится в 14 км к юго-западу от с. Искра Аккольского района Акмолинской области, на северо-восточном берегу

высохшей старицы р. Талкара, на полого спускающемся северо-западном склоне небольшой сопки, в 400 м к востоку от ЛЭП, протянувшейся с севера на юг (рис. 312).

Обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Территория памятника слабо задернована. Размеры стоянки 30х30 м. Было найдено два скребка и несколько фрагментов керамики.

Скребки. Один боковой, с крутой краевой ретушью из темно-коричневого камня кремнисто-яшмовидной породы. Второй – угловой скребок из того же материала, подпрямоугольной формы. Имеет краевую ретушь.

Фрагменты керамики мелкие, без орнамента. Два фрагмента – обломки венчика (срез венчика округлый), один из них светло-коричневого цвета, другой фрагмент – светло-серого цвета. На изломе темно-серого цвета, хорошего обжига.

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 104).

Поселение Ерофеевка

Памятник находится в 300 м к востоку от с. Ерофеевка Аккольского района Акмолинской области, на склоне сопки, спускающейся к левому берегу р. Талкара, где река резко меняет свое направление с южного на юго-западное.

Обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова.

Ровная площадка поселения занимает площадь около 300 кв. м (рис. 314). Территория поселения хорошо задернована. Растительность пойменного типа, характеризующаяся разнотравьем. В южной части поселения – заросли кустарника (тальник). Берега реки заросли камышом. На поверхности памятника фиксируется девять впадин округлой формы,

диаметром 4–5 м, а также две – подквадратной формы, оконтуренные небольшим рвом. Длина сторон одной из них 14 м, другой – 4 м. Углы ориентированы по сторонам света.

Подъемный материал состоит из восьми фрагментов керамики и двух кремневых изделий. Фрагменты керамики плотные, коричневого и темно-серого цвета. Два фрагмента орнаментированы: на одном линия, выполненная гребенчатым штампом, на другом орнамент нанесен с помощью «качалки». Кремневые орудия представлены двумя пластинами кремнисто-яшмовидной породы светло-коричневого и розового цвета.

Памятник характеризует материальную и духовную культуру племен Северного Казахстана в эпоху неолита и бронзы. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 101).

Стоянка Коскуль VI

Памятник находится в 12 км к северу от с. Коскуль, на левом берегу р. Бардаган и в 0,3 км юго-западнее дамбы через реку, на первой надпойменной террасе (рис. 315).

Обнаружен и обследован в 1993 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.В. Худякова. Проревизирован разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 2006 г. под руководством А.А. Плешакова.

Площадка памятника не распаивается, задернована слабо. Растительность – типчаково-ковыльная. Через площадку, с севера на юг, проходит полевая дорога. На территории памятника найдены кремневые отщепы, ножевидные пластины с ретушью.

Памятник характеризует материальную и духовную культуру племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 127).

Поселение Еркендык III

Памятник расположен в 3,5 км к северо-востоку от с. Балуан Шолак (бывшее с. Еркендык), на мысе левого берега р. Кайракты (рис. 316).

Впервые памятник открыт и обследован в 1992 г. археологическим отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Памятник занимает площадь 8000 кв. м. Культурный слой в обрыве реки достигает около 1 м. Поверхность поселения хорошо задернована. Подъемный материал обнаружен в обрыве берега реки и представлен несколькими фрагментами керамики и костью дикого животного.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 193).

Стоянка Пушкино I

Памятник расположен в 2 км к северу от с. Пушкино, на изгибе левого берега р. Кайракты (рис. 317).

Впервые памятник открыт и обследован в 1992 г. археологическим отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Занимает площадь 300 кв. м. Площадь стоянки разрушена ямами, откуда брали землю и песок. Культурный слой не фиксируется. Подъемный материал обнаружен на поверхности стоянки, представлен отщепами, пластинами.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 221).

Поселение Кенаши III

Памятник расположен в 2,5 км к востоку-северо-востоку от с. Кенаши, в 400 м севернее левого берега р. Сага (рис. 318).

Впервые памятник открыт и обследован в 1989 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта и С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Площадка памятника частично задернована, территория поселения заболачивается. Коллекция 1989 г. представлена отщепами без обработки и обломком наконечника дротика из кремня сероватого цвета. Коллекция 2006 г. состоит из двух отщепов без обработки из яшмовидной породы сероватого цвета.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 258).

Стоянка Шокай IV

Памятник расположен в 50,3 км к востоку-северо-востоку от с. Сапак и в 20,2 км на юго-восток от развалин бывшего с. Шокай.

Впервые памятник открыт и обследован в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. В 2006 г. памятник обследован разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Стоянка удалена на 150 м от правого берега р. Шокай и практически со всех сторон закрыта невысокими холмами высотой до 2–3 м. По территории стоянки проходит полевая дорога (рис. 319).

Подъемные сборы производились на площади более 3500 кв. м. В коллекции 1990 г. содержится более 200 отщепов из кремнево-кварцевой породы сероватого цвета и несколько микропластин с притупленной спинкой. Отщепы ретушировались лишь в единичных случаях. На некоторых предметах визуально фиксируются следы сработанности в

виде выщербин. Характер пластин указывает на ранний этап эпохи неолита. При обследовании в 2006 г. археологический материал не обнаружен, видимо, он был полностью выбран в предыдущие годы.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 289).

Стоянка Алексеевка I

Памятник находится в 300 м к востоку от с. Алексеевка. Стоянка занимает край лощины между сопками.

Впервые памятник обследован Г.Б. Здановичем в 1970 г. Вторично обследован в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

При обследовании в 1987 г. в размывах склона лощины обнаружены кремневые изделия. Всего было собрано 58 предметов. Основную массу составляют сколы различных размеров из яшмы и сланца. Наиболее выразительными находками являются нуклеус призматический, ножевидная пластина, нож листовидной формы из сланца, небольшой скобель и скребок.

При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен. Стоянка практически полностью уничтожена хозяйственной активностью человека, а также сточными водами и ветровой эрозией (рис. 320).

Памятник характеризовал материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Зданович, Хабдулина, Бойко, 1971, с. 35–36; Шалагин, 1988, с. 28–29).

Поселение Еликты

Находится в 2,5 км к северу от с. Еликты, на южном склоне горы Еликты, по левому берегу р. Чаглинки (рис. 321).

Впервые памятник обследован в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Площадка поселения не задернована и захлавлена хозяйственными отходами.

Среди находок, собранных при обследовании в 1987 г., имеются двусторонне обработанный наконечник стрелы иволистной формы, две ножевидные пластины, шесть отщепов из яшмы с нерегулярной ретушью.

На месте стоянки также обнаружено 24 фрагмента керамики. Семь из них украшены резным орнаментом, три фрагмента – гребенчатым штампом. Фрагмент придонной части говорит о плоскостности сосудов хорошего обжига.

При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен.

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита – бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 384).

Стоянка Бирлестик I

Памятник расположен в 2,3 км к северо-востоку от с. Бирлестик, на восточном берегу небольшого пересыхающего озера (рис. 322).

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Площадка памятника не задернована.

При обследовании в 1988 г. подъемный материал был представлен отщепами из камня и яшмы, двумя ножевидными пластинами и скребками. При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казах-

стана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 385).

Стоянка Бирлестик II

Памятник расположен в 1,4 км к северо-востоку от с. Бирлестик, на восточном берегу небольшого пересыхающего озера (рис. 323).

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

При обследовании в 1988 г. был собран следующий подъемный материал: три ножевидные пластины, три фрагмента керамики невыразительной формы, отщеп, бифас. При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 385).

Стоянка Бирлестик III

Памятник расположен в 1,4 км к востоку-северо-востоку от с. Бирлестик, на восточном берегу пересыхающего озера.

Поверхность памятника хорошо задернована (рис. 324).

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

При обследовании в 1988 г. было обнаружено три отщепы, скребок и фрагмент керамики. Во время последней экспедиции подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Миллер, 1989, с. 10).

Стоянка Бирлестик IV

Памятник расположен в 1,3 км к северо-востоку от с. Бирлестик, на юго-восточном берегу пересыхающего озера, поверхность хорошо задернована.

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

При обследовании в 1988 г. был собран следующий подъемный материал: отщеп, ножевидная пластина, фрагмент керамики. Во время последнего обследования подъемный материал не обнаружен (рис. 325).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Миллер, 1989, с. 10).

Стоянка Бирлестик VI

Памятник расположен в 4 км к юго-востоку от с. Бирлестик, в 200 м на юг от асфальтированной дороги сообщением с. Васильковка – с. Бирлестик. Стоянка находится на пахотном поле, в окружении березовых колок.

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

При обследовании в 1988 г. подъемный материал был представлен отщепом и фрагментом керамики. Во время последнего обследования подъемный материал не обнаружен (рис. 326).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Миллер, 1989, с. 10–11).

Стоянка Васильковка II

Находится в 1 км к востоку от с. Васильковка, на правом берегу р. Чаглинки.

Впервые памятник обследован отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1970 г.

При предыдущих обследованиях подъемный материал был собран вдоль берега реки с высотой террасы 4–6 м, на протяжении 250 м. Всего найдено 11 предметов: два фрагмента керамики и девять изделий из кремня. На одном фрагменте керамики фиксируются следы ямочных вдавлений. Кремневый инвентарь представлен отщепами без обработки и одним скребком, изготовленным на широкой ножевидной пластине из светлой яшмы. При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен (рис. 327).

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 390).

Стоянка Васильковка III

Памятник расположен в 2,2 км к северу от с. Васильковка и в 1,7 км на северо-восток от асфальтированной дороги сообщением с Васильковка – с. Бирлестик. Стоянка находится на левом берегу р. Чаглинки, в 2,6 км на северо-запад от русла, на легком возвышении, в окружении березовых колок (рис. 328).

Площадка памятника хорошо задернована. Подъемный материал представлен двумя отщепами из яшмовидной породы.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1988, с. 27).

Поселение Васильковка V

Находится в 500 м к востоку от с. Васильковка, на первой широкой надпойменной террасе левого берега р. Чаглинки (рис. 329). Эта часть берега когда-то распаивалась, сохранились следы оросительных каналов.

Впервые памятник обследован в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Поверхность памятника хорошо задернована.

При первом обследовании подъемные сборы были сделаны на площади около 30 га и представлены мелкими крошками керамики, кремневыми пластинками и отщепами. При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризовал степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита – бронзы (Шалагин, 1988, с. 28).

Поселение Кеноткель II

Памятник расположен в 0,6 км к западу-юго-западу от с. Кеноткель, на первой надпойменной террасе правого берега р. Чаглинки, с запада окаймлен высохшим болотцем, поросшим кустарником и деревьями (рис. 330).

Впервые памятник открыт и обследован в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен двумя отщепами из яшмокарцитов красного цвета. В заложенном шурфе культурный слой не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 5).

Поселение Кеноткель VII

Памятник расположен в 0,25 км к северу от с. Кеноткель, на второй надпойменной террасе левого берега р. Чаглинки. Вдоль подножия террасы проходит грунтовая дорога (рис. 331).

Впервые памятник открыт и обследован в 1973 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции

под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Подъемный материал представлен двумя отщепами. Памятник почти полностью уничтожен хозяйственной деятельностью человека.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 7).

Поселения Кеноткель VIII, IX

Памятники расположены в 1 км к западу-юго-западу от с. Кеноткель, находятся на противоположных берегах современного русла р. Чаглинки.

Впервые памятники обнаружены и обследованы в 1973 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследованы в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

В 1960-е гг. жителями с. Кеноткель проводились ирригационные работы в районе памятников, в результате которых изменилось русло, и река разделила одно поселение на две части. Основная часть памятника оказалась разрушенной, сохранились лишь периферийные части, принадлежность которых одному поселению удалось установить лишь после стационарных работ на обоих берегах. Условно, для удобства исследования, оставлено старое деление памятников: на правом берегу р. Чаглинки – Кеноткель VIII, на левом берегу – Кеноткель IX (рис. 332).

Кеноткель VIII – площадь раскопа 88 кв. м. Раскопом обследована почти вся периферийная часть поселения, расположенная на правом берегу реки. Средняя мощность культурного слоя – 35–40 см.

Кеноткель IX – площадь раскопа 392 кв. м. Раскоп с целью предотвращения дальнейше-

го разрушения памятника заложен вдоль кромки берега. Средняя мощность культурного слоя Кеноткель IX – 50–70 см.

На материке местами залегает золистый слой небольшим возвышением до 35 см, что позволяет предположить наличие на поселении Кеноткель IX жилища наземного типа.

На стоянке Кеноткель IX обнаружено 3089 кремневых и глиняных предметов. Основная масса находок происходит с глубины 20–30 и 30–40 см.

Керамика представлена мелкими фрагментами шеек и стенок, хорошего обжига, светло-коричневого цвета. Сосуды плоскодонные, с прямой или слегка оттянутой шейкой, с умеренно раздутым туловом. Туловища черепков – 7–10 мм, в качестве примеси использовались песок и шамот. Основная часть сосудов орнаментирована техникой отступающей палочки, реже гребенчатой. Орнамент чаще всего покрывает всю поверхность сосуда без выделения орнаментальных зон. Основные элементы орнамента – прямые и наклонные линии, ямочные вдавления различных форм, «шагающая» гребенка. Керамика стоянки Кеноткель IX очень близка к керамическому комплексу поселения ранней бронзы Вишневка, но выглядит несколько архаичнее.

Кремневый инвентарь стоянки Кеноткель VIII–IX довольно беден и представлен набором наконечников стрел, скребков, выполненных на отщепах, шлифованными орудиями из сланца и песчаника. Наконечники стрел (5) – черешковые, листовидные, размерами от 4 до 7 см, выполнены из некачественных яшмовидных пород. Три наконечника стрел имеют выраженный черешок, размеры от 5 до 15 мм, лопасти пера сходятся под острым углом к черешку. Исключение составляет наконечник, лопасти которого заканчиваются шипами. Все наконечники поселения Кеноткель VIII–IX, кроме одного, имеющего одну необработанную грань, обработаны с обеих сторон техникой отжимной ретуши.

Скребки довольно единообразны, все они выполнены на отщепах. Размеры скребков колеблются от 16 до 37 мм, формы неустойчивые, в основном скребки повторяют форму

отщеп. Ретушь нанесена по трем сторонам скребка. Кроме трехсторонних скребков на поселении встречаются и боковые.

Ножевидные пластины с поселения представлены небольшим количеством, часть из имеет вторичную обработку. Ретушь двусторонняя, наносилась со стороны спинки. Размеры пластин колеблются от 7 до 14 мм в ширину. В сечении пластины в основном треугольные, реже встречаются призматические. Нуклеусы на поселении удлинённые, в подавляющем большинстве одноплощадочные, с заостренным концом. Их высота – от 29 до 49 мм. Ударная площадка предварительно обработана путем нанесения удара перпендикулярно длине ядрища.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 413–415).

Поселение Кеноткель XVI

Памятник расположен в 450 м к северу от с. Кеноткель, на мысу, образованном р. Чаглинкой и ее притоком – р. Кошкарбайкой (рис. 333).

Впервые памятник открыт и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Памятник занимает первую и подъем второй террасы. Площадка памятника постоянно служит местом водопоя животных, поэтому поселение практически полностью разрушено.

При обследовании в 1988 г. был собран подъемный материал, представленный в основном невыразительными фрагментами керамики, по которым можно датировать поселение эпохой раннего бронзового века. При последнем обследовании в 2006 г. была обнаружена лишь одна ножевидная пластина неолитического облика.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казах-

стана в эпоху неолита – ранней бронзы (Шалагин, 1989, с. 12).

Поселение Скиф V

Памятник расположен в 700 м к северо-востоку от с. Кеноткель, на правом берегу р. Кошкарбайки, правого притока р. Чаглинки (рис. 334). Поселение занимает вторую надпойменную террасу.

Впервые памятник обнаружен и обследован в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. Последнее обследование проводилось в 2006 г. отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

При обследовании 1990 г. собран следующий подъемный материал: 11 фрагментов керамики, три из которых украшены гребенчатым штампом в виде треугольников и прямых линий, идущих по окружности сосуда. Семь фрагментов керамики орнаментированы каннелюрами и прочерченными линиями. Один фрагмент является придонной частью плоскодонного сосуда. Керамика хорошего обжига, с примесью кварца и органики. Кроме того, обнаружено два кремневых отщепов и скребков из кварцита с крутой ретушью. При последнем обследовании был собран незначительный подъемный материал, который происходит со склонов второй надпойменной террасы. В частности, обнаружено несколько отщепов из кремнистых пород и один маленький фрагмент керамики со следами ангобирования.

Памятник практически полностью уничтожен, т.к. в свое время большая часть была распахана. Находки свидетельствуют о многослойности поселения.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита и бронзы (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 419).

Стоянка Кеноткель III

Памятник расположен в 400 м от южной окраины с. Кеноткель, на первой надпойменной террасе правого берега р. Чаглинки (рис. 335).

Впервые памятник открыт и обследован в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен мелкими костями. Поверхность памятника разрушается тальми водами и ветровой эрозией. В заложенном шурфе культурный слой не обнаружен (рис. 336).

По исследованию 1972 г. археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 6).

Стоянка Кеноткель IV

Памятник расположен в 300 м к западу от с. Кеноткель, на правом берегу р. Чаглинки (рис. 337).

Впервые памятник открыт и обследован в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен незначительными фрагментами керамики без орнамента, провести датировку по которым невозможно. В заложенном шурфе культурный слой не обнаружен (рис. 338). Площадка памятника хорошо задернована. Возможно, часть стоянки разрушена при изменении русла реки.

По обследованию 1972 г. археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 6).

Стоянка Кеноткель VI

Памятник расположен в 250 м к северу от с. Кеноткель, на левом берегу р. Чаглинки (рис. 339).

Впервые памятник открыт и обследован в 1973 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.А. Плешакова. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Кремневый инвентарь состоит из отщепов различных размеров из яшмы красного цвета.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 7).

Стоянка Скиф II

Памятник расположен в 500 м к востоку от с. Кеноткель, на территории поселения Скиф I, на левом берегу р. Кошкарбайки, правого притока р. Чаглинки (рис. 340).

Впервые памятник обнаружен и обследован в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. Последнее обследование проводилось в 2006 г. отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Высота террасы около 3 м, поверхность хорошо задернована. При обследовании в 1990 г. собран подъемный материал: обломок наконечника, скребок на пластине, скребок на отщепе, скребло, отщепы без обработки. При последнем обследовании обнаружен аналогичный материал: пластины и отщепы без обработки.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 420).

Стоянка Скиф IV

Памятник расположен в 600 м к северо-востоку от с. Кеноткель, на ровной площадке правого берега р. Кошкарбайки, правого притока р. Чаглинки, в центральной части поселения Скиф III (рис. 341).

Впервые памятник обнаружен и обследован в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. Последнее обследование проводилось в 2006 г. отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Поверхность слабо задернована.

При обследовании в 1990 г. собран следующий подъемный материал: ножевидная пластина со вторичной обработкой, скребок, отщепы. При последнем обследовании подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 420–421).

Стоянка Куропаткино V

Памятник находится в 800 м к югу от с. Куропаткино, на первой надпойменной террасе правого обрывистого берега р. Чаглинки (рис. 342).

Впервые обнаружен в 1972 г. Г.Б. Здановичем. Вторично обследован в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

В 1973 г. вдоль обрыва был заложен раскоп площадью 92 кв. м. Раскопом исследована значительная часть стоянки, которая очень активно разрушалась тальными водами. Большая часть находок концентрировалась в разрушенном слое на глубине 80–100 м, часть кремневых изделий эпизодично встречалась небольшими скоплениями на глубине от 20 до 60 м.

Стратиграфия памятника проста: под черноземным слоем толщиной 20–30 м фик-

сируется осолодевшая почва, напоминающая по цвету светло-серый зольник (15–30 см), под ней – материковая глина.

Обнаруженный кремневый материал представлен в основном отходами производства в виде крупных и мелких отщепов. Из 2700 находок только 19 предметов предоставлены нуклеусами или их заготовками, 13 – отщепами с ретушью или слабовыраженными скребками на отщепах и 67 – ножевидными пластинами. В раскопе обнаружено также несколько костей животных. Никаких очертаний не зафиксировано.

Выделенная в коллекции группа нуклеусов имеет следы скалывания грубых широких пластин или пластинчатых отщепов. Только два экземпляра являются типичными правильными нуклеусами. Все пластинки, за исключением одной, не имеют ретуши. Последняя отличается по материалу. Она сделана на красной яшме, в то время как основная масса – из кремнистой породы. Краевой ретушью обработаны обе грани со стороны спинки: одна – притупляющей, другая – приостряющей.

На крупных пластинах иногда прослеживаются заломы, что свидетельствует об их использовании в работе.

Интересен найденный наконечник стрелы, при его изготовлении применена треугольная форма отщепа. Ретушью подработано лишь основание наконечника.

Стоянка полностью раскопана.

Памятник характеризовал погребальный обряд и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 431).

Стоянка Линеевка

Стоянка расположена в 700 м к юго-юго-западу от с. Линеевка, на второй надпойменной террасе правого берега р. Чаглинки, в 300 м восточнее русла (рис. 343).

Впервые памятник обследован Г.Б. Здановичем в 1970 г. Вторично обследован в 1987 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было

проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Площадка памятника хорошо задернована. Размеры стоянки – 50х100 м. Подъемный материал представлен отщепами из яшмов-варцитов коричневого цвета. На поверхности памятника фиксируются пятна ярко-зеленой растительности, а также впадины искусственного происхождения. Диаметр впадин до 4 м, глубина – до 0,5 м. В восточной части стоянки был заложен шурф. Стратиграфия шурфа следующая: дерн – 0–10 см, гумус – 10–15 см, далее идет материковый суглинок (рис. 344).

Памятник характеризует материальную культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 432–433).

Стоянка Троицкое IV

Памятник расположен в 3,6 км к юго-западу от с. Троицкое, на первой надпойменной террасе р. Чаглинки, у подножия невысокой сопки (рис. 345). Через памятник проходит полевая дорога.

Обнаружен и обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Поверхность памятника плохо задернована. В ходе последнего обследования подъемный материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Шалагин, 1989, с. 30–31).

Стоянка Троицкое V

Памятник расположен в 3,3 км к северо-востоку от с. Троицкое и в 200 м к северо-западу от дороги без покрытия сообщением с. Троицкое – с. Айдарлы, на первой надпойменной террасе правого берега р. Чаглинки, в 300 м восточнее русла (рис. 346).

Впервые памятник открыт и обследован в 1972 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством М.К. Хабдулиной. Вторично обследован в 1988 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.Г. Шалагина. Последнее обследование было проведено в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

Размеры стоянки – 30х100 м. Зафиксированы жилищные впадины блюдцевидной формы диаметром до 6 м и глубиной до 0,3–0,4 м. Количество – четыре. Площадка памятника хорошо задернована. Подъемный материал представлен отщепами, скребками и пластинами. Встречаются незадернованные участки, где идет концентрация материала.

Был заложен шурф (рис. 347). Стратиграфия следующая: дерн – 0–0,1 м, гумус – 0,1–0,3 м, далее идет материковый суглинок. В шурфе материал не обнаружен.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 443).

Поселение Граниковка

Памятник расположен в 300 м к северо-северо-западу от с. Граниковка, в 130 м на запад от дороги с улучшенным покрытием сообщением с. Речное – с. Быстримовка, на правом берегу р. Жыланды (рис. 348). Напротив поселения, вдоль левого берега реки, проходит высокая сопочная гряда. По поселению проложена полевая дорога в сторону с. Граниковка.

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберга.

На поверхности обнаружены два отщепы с ретушью и один медиальный сегмент пластины красноватого цвета из яшмовидной породы. Площадка памятника хорошо задернована.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 474).

Стоянка Ключевка II

Памятник расположен в 3 км к юго-западу от с. Ключевка, на склоне правого высокого берега р. Саркырама (рис. 349).

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедицией под руководством В.Ф. Зайберта.

Стоянка занимает площадь примерно в 1200 кв. м. Подъемный материал фиксируется на поверхности стоянки, представлен отщепами и пластиной. Памятник распаивается. На современном этапе поверхность памятника хорошо задернована, рядом проходит полевая дорога.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 477).

Стоянка Красная Поляна II

Памятник расположен в 0,6 км к северо-востоку от с. Красная Поляна, на ровной площадке правого берега р. Саркырама (рис. 350)

Впервые памятник открыт и обследован в 1991 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством С.О. Миллера. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Стоянка занимает площадь примерно в 150 кв. м, которая в береговой части интенсивно разрушается. Культурный слой не обнаружен. Подъемный материал представлен несколькими отщепами. Площадка поселения слабо задернована.

Памятник подлежит списанию

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Кисленко, Миллер, Плешаков, 1992, с. 24).

Стоянка Дамсы

Памятник находится в 9 км к северу от с. Дамсы.

Расположен на первой надпойменной террасе р. Дамсы (рис. 351). Пойма реки в настоящее время искусственно расширена и поросла камышом. Площадь стоянки – 600 кв. м. Поверхность хорошо задернована. Во флористическом составе преобладает полынь. В 400 м на север от стоянки видны естественные выходы каменной породы. Стоянка находится на правом берегу реки. По восточному краю памятника проходит полевая дорога. Район используется для выпаса скота. Над современным уровнем воды, искусственно поднятом, стоянка возвышается более чем на 1 м.

Обнаружен и обследован разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 2006 г. под руководством А.А. Плешакова.

Памятник характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 509–510).

Местонахождение Новокавказка I

Памятник находится в 4,5 км к востоку от с. Новокавказка и в 16 км на запад от с. Петровка, на высоком (высота 9–10 м) берегу р. Колутон (рис. 352).

Обнаружен и обследован разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 2006 г. под руководством А.А. Плешакова.

Растительность – типчаково-ковыльная. В 100 м южнее проходит автодорога сообщением Шортанды – Пригородное. Вдоль трассы тянется линия телефонной связи. На другом берегу, в 400 м от памятника, проходит линия

ЛЭП. В данной местности р. Колутон сильно поросла камышом.

Памятник характеризует материальную культуру племен Северного Казахстана эпохи неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 510).

Поселение Голубой залив I

Памятник расположен в 2,5 км к западу от поселка Бурабай, на озерном побережье Голубого залива озера Боровое (рис. 353)

Впервые обследован и собран подъемный материал в 1987 г. Л. Гучинской. Более детальное обследование проведено в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Культурные остатки были распространены на площади около 4500 кв. м, вдоль береговой линии Голубого залива на ширину от 20 до 70 м и на протяжении 150 м. Площадка высотой над уровнем озера не более 2 м имеет плавный спуск к воде. С запада она ограничена поднимающейся скалой, с севера – каменистыми невысокими холмами и болотной низиной. Большая часть культурного слоя поселения сложена из крупнозернистого берегового песка, переотложенного пляжными намывами. В северной части слой довольно хорошо задернован и порос кустарником, лесом. Западный и южный секторы поселения разрушены бетонной автострадой.

Подъемные сборы в основном производились в пляжной части поселения, остальные находки встречались и на задернованных участках. В составе коллекции около 70 отщепов из красно-коричневой яшмовидной породы, наконечник стрелы, пластины из той же породы.

Судя по отсутствию среди многочисленных находок пластинчатой технологии обработки камня и наличию керамики, берег озера мог быть заселен на заключительном этапе каменного века.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 521-522).

Поселение Голубой залив II

Памятник расположен в 3 км к западу от поселка Бурабай, на западном берегу Голубого залива озера Боровое (рис. 354).

Впервые обнаружен и обследован в 1990 г. разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А.М. Кисленко. В 2006 г. памятник обследован отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Высота площадки – не менее 150 м над уровнем озера. Культурные остатки в виде замытых фрагментов керамики, отщепов и пластин были распространены на площади около 200 кв. м, т.е. на всей территории горизонтальной площадки. Местность представлена скалистыми выходами камня, поросла сосновым лесом.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 522).

Стоянка Казанкап VII

Расположена в 0,4 км к юго-востоку от с. Казанкап, на правом берегу р. Карасу, на территории с равнинным и холмистым рельефом, представляющим собой денудационную равнину с маломощным покровом континентальных образований. Стоянка находится на площадке высотой около 2 м, с хорошо задернованной поверхностью. В 0,1 км к юго-востоку от стоянки проходит грейдерная дорога сообщением Золотая Нива – Казанкап.

Обнаружена и обследована в 2005 г. Кокшетауским разведочным отрядом Северо-Казахстанской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемный материал представлен 22 кремневыми отщепами, одним нуклеидным обломком, двумя фрагментами керамики, од-

ним скобелем, одним обломком ножа, двумя точильными камнями, одним клиновидным орудием.

Подъемный материал встречается на расстоянии около 1 км вдоль р. Карасу.

Приозерная территория данного участка перекрывается озерно-аллювиальными отложениями. Растительность представлена преимущественно ковыльно-типчачковыми травами, образующими сплошную дернину.

Памятник характеризует культуру и степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита. Материалы хранятся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область, 2007, с. 388).

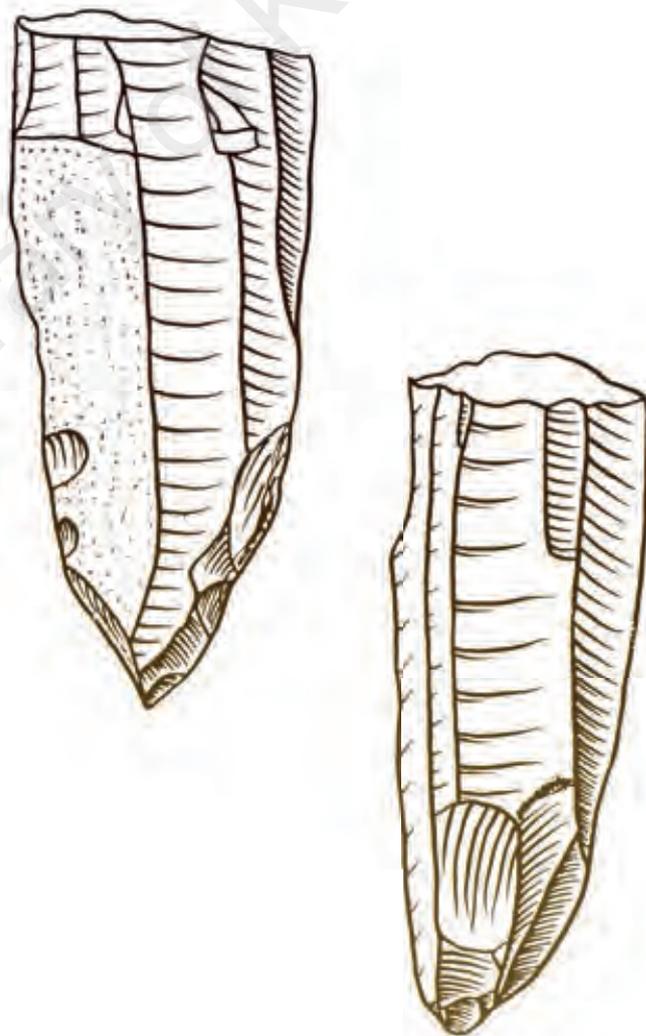
Стоянка Шокай IV

Памятник расположен в 20,2 км к юго-востоку от развалин бывшего с. Койтас Енбекшильдерского района Акмолинской области, удалена на 150 м от правого берега р. Шокай и практически со всех сторон закрыта всхолмлениями высотой до 2–3 м. По территории стоянки проходит полевая дорога.

Впервые обнаружен и обследован в 2006 г. разведочным отрядом Кокшетауской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Зайберта.

Подъемные сборы производились на площади более 3500 кв. м. В коллекции 1990 г. содержится более 200 отщепов из кремнисто-кварцитовой породы сероватого цвета и несколько микропластин с притупленной спинкой. Отщепы ретушировались лишь в единичных случаях. На некоторых предметах визуально фиксируются следы сработанности в виде выщербин. Характер пластин указывает на ранний этап эпохи неолита.

Археологический объект характеризует степень расселения племен Северного Казахстана в эпоху неолита (Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область, 2009, с. 289).

Archaeological Library of Kazakhstan

IV

Хронология, вопросы культурно-исторической принадлежности памятников атбасарской культуры, их место в неолите Казахстана

Решение вопросов периодизации и хронологии является для археологов своеобразным этапом, который завершает эмпирическую стадию обработки источника и в то же время знаменует качественно новый интерпретационный исторический уровень (Захарук 1969, с. 11–20; Захарук, 1977, с. 35; Клейн, 1978, с. 98).

Исследование позднего каменного века в Казахстане имеет свою историю, пусть пока небогатую, но достаточно емкую для отражения перспективности изучения каменного века в республике (Археологическая карта Казахстана, 1960, с. 35; Акишев, 1978, с. 5–6; Алпысбаев, 1970, с. 228). В этом плане имеются сведения у Л.А. Чалой (Чалая, 1970, с. 79–86; Чалая, 1970, с. 241–250; Чалая, 1970, с. 309; Чалая, 1971, с. 15), С.С. Черникова (Черников, 1950, с. 63–70; Черников, 1970, с. 35; Черников, 1972, с. 59–62), А.А. Формозова (Формозов, 1951, с. 115–121), занимавшихся в свое время непосредственно неолитической тематикой Казахстана. Все авторы отмечали неудовлетворительное состояние изучения позднего каменного века по сравнению с эпохами бронзы и железа.

Несмотря на то что к 1960-м гг. на археологическую карту Казахстана было нанесено более 500 стоянок каменного века голоценового времени, их раскопки практически не проводились. Если в литературе упоминалось о неолите Казахстана, то фигурировали одни и те же памятники – Усть-Нарым, Пеньки I, II, Караганда XV, Зеленая Балка, Агиспе, Саксаульская. И это на фоне территории, которая составляет более 4 тыс. кв. км!

Черников С.С. на основе многолетних раскопок поселения Усть-Нарым, а также пос. Мало-Красноярка и подъемных сборов с нескольких пунктов (Черников, 1956, с. 43–60; Черников, 1957, с. 12–21; Черников, 1956, с. 99–106) выделяет один период – поздний неолит и ограничивает хронологически III – началом II тыс. до н.э. Правда, в пределах этого отрезка им выделена чисто предположительно более ранняя (Мало-Красноярская) и поздняя (Усть-Нарымская) фазы (Черников, 1970, с. 41).

Основанием для создания периодизации и хронологии явились стратиграфические наблюдения и синхронизация типов орудий с инвентарем неолитических объектов сопредельных регионов – Урала (Раушенбах, 1956 с. 56; Збруева, 1946, с. 182–190; Бадер, 1950, с. 143; Чернецов, 1947, с. 79; Чернецов, 1953, с. 10; Сальников, 1962, с. 18; Крижевская 1968, с. 132), Сибири (Окладников, 1950, с. 343), Средней Азии (Виноградов, 1968, с. 64–75; Толстов, 1948, с. 240).

Археологический материал Усть-Нарыма типологически неоднороден и находит широкие аналогии в комплексах Казахстана и сопредельной территории от мезолита до энеолита (Чалая, 1971, с. 13).

Примерно в этом же ключе решена проблема периодизации Северо-Восточного и Центрального Казахстана у Л.А. Чалой. Основные положения ее диссертации изложены в ряде публикаций (Чалая, 1973, с. 188–203). Автор на примере коллекций двух раскопанных памятников (остальные сборы) выделила ряд локальных групп, отличающихся в техническом и типологическом отношении. К сожалению, практически все пункты, за исключением ст. Каратургайского местонахождения 5, отнесены Л.А. Чалой к III тыс. и с некоторыми оговорками к IV тыс. до н.э. (Чалая, 1973, с. 188–203).

В начале 1960-х гг. в Карагандинском бассейне М.Н. Клапчук открыто около 60 стоянок каменного века, и две из них частично раскопаны. Это стоянки Караганда XV и Зеленая Балка IV. Результаты раскопок опубликованы в трех статьях, которые широко использовались для археологических построений другими исследователями (Клапчук, 1965, с. 212–216; Клапчук, 1969, с. 108–118; Клапчук, 1970, с. 153–160). Особенно интересна стоянка Караганда XV. Это многослойный памятник, со стратиграфией, на основе которой М.Н. Клапчук предложена периодизация неолитических памятников Центрального Казахстана. Клапчук М.Н. выделяет три этапа неолита, который не выходил за рамки III тыс. до н.э. (Клапчук, 1969, с. 108).

Определенные успехи в изучении голоценовых памятников каменного века были достигнуты в Южном и Западном Казахстане.

В начале 1970-х гг. Х.А. Алпысбаевым в Каратау обследован ряд пещер, содержащих археологические материалы послепалеолитического времени (Алпысбаев, 1977, с. 93).

В Приарале и Прикаспии также известны многочисленные пункты, давшие большие коллекции, но, к сожалению, с поверхности (Мелентьев, 1975, с. 113; Мелентьев, 1977, с. 101; Виноградов, 1968, с. 64–75; Формозов, 1972, с. 17–26; Формозов, 1959, с. 47–59; Формозов, 1950, с. 141–147). А использование только подъемного материала при решении вопроса периодизации и культурной принадлежности усиливает субъективную роль исследователя.

Широко известны в литературе материалы с территории Юго-Западного и Западного Казахстана, изучение которых было начато уже в 1920-е гг. (Синицын, 1951, с. 98).

Большое внимание в свое время уделил этому району А.А. Формозов, опубликовав ряд работ, датировав их поздним неолитом и энеолитом (Формозов, 1959, с. 47–59; Формозов, 1949, с. 49–58; Формозов, 1950, с. 65–75; Формозов, 1950, с. 141–147).

Новые материалы, полученные из раскопанных памятников на этой территории в последние 10–15 лет, вносят определенные коррективы в интерпретацию периодизации и хронологии голоценовых объектов эпохи камня.

Так, В.П. Логвиным открыт и частично исследован в Кустанайской и Тургайской областях ряд стоянок с очень своеобразным кремневым инвентарем и керамикой. Это стоянки на р. Каинды, Евгеньевка, Амангельды, Матросово и др. (Логвин, 1976, с. 491; Логвин, 1977, с. 273).

Заключая обзор состояния интересующего нас вопроса по Казахстану, следует сказать, что, несмотря на ограниченность стационарных исследований неолитических памятников, исследователи на том уровне информации в целом объективно решали типологические и

классификационные вопросы. Новые материалы, полученные в основном в процессе стационарных исследований отдельных микрорайонов Северного Казахстана, позволяют иногда уточнить, а в целом удревнить и выделить отдельные этапы в периодизации неолита северной части Казахстана.

Прежде чем остановиться на периодизации неолита этого района, следует еще раз подчеркнуть, что на примере раскопанных стоянок впервые удалось выделить мезолитический пласт. В работе показано, что в каждом микрорайоне присутствуют мезолитические комплексы. Не останавливаясь подробно на проблемах мезолитической периодизации, отметим, что типологически и технически в мезолите намечаются два этапа – ранний (не позднее X тыс. до н.э.) и поздний (до VII тыс. до н.э.). На этом мезолитическом «фундаменте» и построена периодизация неолита, завершают которую этапы энеолита и ранней бронзы. Таким образом была получена периодизация среднего и позднего каменного века и прослежены переходные этапы от эпохи камня к металлу.

Для позднекаменного века Северного Казахстана выделены три периода – ранний, средний, поздний неолит.

Выделение раннего неолита стало возможным на основании стратиграфии, получения серийных чистых комплексов, типологической сопоставительной характеристики с сопредельными территориями, где имеются абсолютные даты.

К нему относятся следующие группы памятников, выделенные на хронологической основе по микрорайонам: I группа стоянок Явленского микрорайона (Явленка VI, VII, Карлуга III, Боголюбово III); II группа памятников Виноградовского микрорайона (Виноградовка II (верхний слой), Виноградовка XIV и др.); III группа Тельманского микрорайона (Тельмана I, X, XIV, VIII б, Жабай-Покровка I).

Стратиграфически, как уже отмечалось, для этих памятников характерна определенная закономерность, а именно: культурные слои приурочены к подошве легкого гумусированного суглинка или супеси. Перекрывают их

почвы пойменного характера (см. стратиграфию памятников Виноградовского и Тельманского микрорайонов), что соответствует началу атлантического периода.

Наиболее выразительны следующие типы кремневого инвентаря: резцы (боковые, угловые); трапеции симметричные, иногда с выемками по верхнему основанию; пластины с торцевой выемкой; развертки; наконечники стрел на пластинах с ретушированным пером и прямым; скребки на пластинах – со скошенным лезвием, прямым, фигурным, округлым. Своеобразны ножи на округлых удлиненных отщепках. Наконечники дротиков с двусторонней обработкой представлены в обломках, в сечении листовидной формы, толщина наконечников до 1,5 см. Имеются и макроформы (скребла, ножи, молоты и т.д.). Везде в данных коллекциях присутствует керамика. Ее, как правило, немного. Она остродонная, тонкостенная, слабого обжига, с примесью в тесте дресвы, крупного песка или растительных остатков. Украшена «шагающей» гребенкой, легкими ямочными вдавлениями, волнистыми прочерченными и накольчатými линиями.

Ранненеолитические комплексы не только отличаются от позднего мезолита по всем признакам, указанным в разделе методики исследования, но и сохраняют значительную преемственность в технологии и типологии. Если в мезолите сырьем служил набор различных пород кремня, яшмы, кварцита, хрусталя, то в раннем неолите сырье стабилизируется – используется в основном яшмовидный качественный кварцит серого или светло-коричневого цвета.

В неолите происходит дальнейшее развитие индустрии пластины. Индустрия отщепов изменяется мало, и поэтому остановимся на характеристике первой.

В раннем неолите по сравнению с мезолитом набор типов орудий становится гораздо богаче, разнообразнее вторичной обработки. Появляются двусторонние формы, рубящие орудия с частичной шлифовкой, и, наконец, в неолите появляется керамика.

К среднему неолиту относятся: III группа стоянок Явленского (Явленка IV, V, Карлуга IV,

Боголюбове II, Булаево I и др.); II группа Виноградовского (Виноградовка X, XI), III группа Тельманского (Тельмана XV, XVII, Заимка I, Жабай-Покровка III и др.) микрорайонов. Находки на памятниках приурочены к подошве гумусированной супеси и черноземного слоя. На этом этапе в индустрии кремня постепенно утрачиваются мезолитические традиции. Набор инвентаря характеризуется сочетанием орудий на пластинах и отщепках с двусторонне обработанными формами. Среди последних широко распространены наконечники стрел правильной листовидной формы. Своеобразны ножи с выделенной ретушью или резцовым сколом рукоятью или без нее. Спорадически встречаются наконечники на пластинах, мелкие высокие трапеции и другие типы. Практически совсем исчезают боковые резцы, пластинки с притупленной спинкой и торцом, с торцевой выемкой и другие ранние (мезолитические и ранненеолитические) типы. Присутствуют в коллекции и макроформы – скребла, ножи, отбойники, молоты и прочие изделия.

Керамика по-прежнему невыразительна и фрагментарна. Она яйцевидной формы, тонкостенная, черепок среднего обжига, с примесью дресвы, песка, иногда растительных остатков.

Поздний неолит. К нему относятся IV группа Явленского (Явленка III, Бишкуль I, Карлуга, Красногорка, Энбек и др.), Тельманского (Тельмана XI, XII, XIII, 1X б и др.) и ряд стоянок Виноградовского микрорайонов, изученных лишь разведками (Берлиновка I, Кучковка I, Кенеткуль III и др.).

Культурные остатки широко встречаются в верхнем почвенном (гумусированном жирном слое) горизонте, иногда выходят на поверхность. Возраст верхних отложений в долинах и на степных речках определен повсеместно III тыс. до н.э.

Комплексы каменного инвентаря отличаются от материалов предшествующих этапов по всем признакам. Сырье (грубый кварцит) характеризуется грубостью и некачественностью, оно использовалось прежде всего для изготовления орудий на отщепках и двусторонних

форм. Пластинчатая техника не практикуется, хотя в коллекциях присутствуют пластины этого времени, но почти все без вторичной обработки.

В керамике преобладают сосуды тонкостенные, круглодонные и с приостренным дном, украшенные гребенчатым штампом в виде ломаных линий, наколов палочкой, прочерченных волнистыми линиями.

В эпоху энеолита происходят существенные изменения прежде всего в использовании сырья для производства орудий труда. Место камня и кости начинает занимать металл – медь, а затем и бронза. Какую роль это сыграло в древней истории общества, широко известно.

Предложенная периодизация, безусловно, не представляет собой окончательного варианта, но достаточно полно отражает современный уровень источниковедческой базы в Северном Казахстане. Сложнее обстоит дело с абсолютным датированием каждого из выделенных периодов. По археологическим материалам региона в настоящее время достаточно уверенно можно говорить лишь о нижней и верхней датах неолитической эпохи.

В нашем распоряжении имеется дата по С14 (10540 + 200 от наших дней), полученная из угля, извлеченного из ямы на территории мезолитической стоянки Тельмана XIVa. Она отражает, вероятно, начальный этап позднего мезолита, финал которого в Зауралье, Средней Азии по целой серии радиоуглеродных датировок датируется VII–VI тыс. до н.э. (Старков, 1978; Виноградов, 1977). Поскольку технологически и типологически позднемезолитические и раннеэнеолитические комплексы близки, генетически связаны, то временной разрыв между ними не может быть большим. С учетом имеющейся даты финал мезолита датируется VII тыс. до н.э. А следовательно, ранний неолит надо датировать концом VII – VI тыс. до н.э. Хронологические рамки конца каменного века (включая энеолит) определяются достаточно точно – началом II тыс. – XVIII в. до н.э. Например, в поселении Вишневка I на полу жилища у очага найдено несколько «импортных» сосудов петровско-алакульского типа (За-

йберт, 1973, с. 108), что совпадает со временем оформления андроновской культурно-исторической общности.

Исходя из этих рамок, определивших начало и конец позднекаменного века на рассматриваемой территории, хронология среднего, позднего неолита и энеолита укладывается в рамки V – начала II тыс. до н.э. В какой-то степени это близко к хронологическим этапам, выделенным на сопредельных территориях (Коробкова, 1969, с. 178).

Сравним памятники Северного Казахстана с точки зрения периодизации с наиболее ярким поселением Восточного Казахстана – Усть-Нарымом. Тщательный типологический и трасологический анализ произведен Г.Ф. Коробковой и изложен в указанной монографии данного ученого. Позволим себе не согласиться с автором в вопросе об особенностях комплекса Усть-Нарыма, якобы отличающих его от памятников Казахстана и Средней Азии. Коробковой Г.Ф. отмечается своеобразие форм нуклеусов – от клиновидного (кокоревского) типа до конического, широко распространенного в неолите (Коробкова, 1969, с. 125).

При сопоставлении наших материалов со стоянкой Караганда XV, Зеленая Балка IV наблюдается высокая степень сходства в технологии и типологии. Тот же принцип вкладышевости, большое количество трапедий, резцов. Имеются наконечники стрел на пластинах, идентичные экземплярам из Тельмана I, X, Мичуринская I.

Часть коллекции Караганда XV находит аналогии в позднеэнеолитических и энеолитических комплексах Северного Казахстана. Это, например, двусторонние наконечники стрел с выемкой в основании и другие типы (II слой по М.Н. Клапчуку) (Клапчук, 1965, с. 212).

Стоянки Северо-Восточного Казахстана, исследованные Л.А. Чалой, также близки к многим мезолитическим, раннеэнеолитическим и энеолитическим памятникам. Стоянка Петки I аналогична Тельмана I, X (за исключением мезолитических форм) (Чалая, 1971, с. 14). Каратургайские пункты также синхронизируются от мезолита до энеолита.

В Приаралье наиболее близки к ранне-неолитическим памятникам стоянка Агиспе и ряд орудий стоянки Саксаульской I. Их ранний возраст (в пределах неолита) отмечали А.П. Окладников (Окладников, 1956, с. 313), А.В. Виноградов (Виноградов, 1968, с. 156), А.А. Формозов, опубликовавший эти материалы, датировали их III тыс. (Формозов, 1949, с. 49–58; Формозов, 1950, с. 141–147).

При сравнении кустанайских памятников на Тоболе с ишимскими намечается определенная близость. Стоянки, опубликованные К.В. Сальниковым (Сальников, 1962, с. 16), А.А. Формозовым (Формозов, 1951, с. 115–121), В.Н. Логвиным, носят смешанный характер. Наиболее интересны несколько пунктов, хронологически достаточно однородных.

Первый памятник – это стоянка Амангельды I, раскопанная В.Н. Логвиным. Автор раскопок, а затем Л.Я. Крижевская (Крижевская, 1975, с. 161) отнесли ее к рубежу IV–III тыс. до н. э. На наш взгляд, она должна относиться к раннему неолиту, ибо по всем признакам – сырью, технике расщепления, набору – коллекция близка к материалам типа Тельмана X.

Другой памятник, Евгеньевка I, исследован сборами. Коллекция смешанная. Логвин В.Н. синхронизировал стоянку со слоем Va Джебела и датирует ее в пределах IV тыс. до н. э. При просмотре коллекции встречались типично мезолитические формы.

Итак, намеченная периодизация и хронология на материалах Приишимья в общих чертах отражает закономерности в развитии материальной культуры неолитического населения большей части Казахстана. Это, конечно, не исключает определенных хронологических сдвигов, культурного своеобразия отдельных регионов республики на протяжении мезолита – неолита.

Подведем некоторые итоги. Периодизация неолита Казахстана (в том числе Северного) до 1970-х гг. базировалась на ограниченных материалах и зависела от разработанности этого вопроса на сопредельных территориях Средней Азии, Западной Сибири, Урала.

В связи с работами СКАЭ появилась возможность проследить закономерность развития материальной культуры в неолите, начальные этапы которого датируются не позднее VI тыс. до н. э., а в III тыс. появляется первый металл.

Предстоит дальнейшее уточнение периодизации и хронологии на базе новых материалов различных районов Казахстана.

Объективно сложилось так, что вопрос о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана не ставился в литературе вплоть до 1960-х гг., или же затрагивался опосредованно в процессе полемики о связях уральского и среднеазиатского неолита (Черников, 1947, с. 56). Между тем в Казахстане были известны неолитические материалы, правда, из сборов, но достаточно многочисленные для получения общего представления о характере индустрии этого региона.

Несмотря на определенную близость казахстанских материалов уральским, А.П. Окладников в 1941 г. при выделении восточно-уральской культуры ограничил ее восточные границы Нижним Приобьем. В лесостепи Зауралья и Казахстана, по мнению А.П. Окладникова, распространялись в неолите степные культуры (Окладников, 1941, с. 7), что подтвердилось исследованиями автора и ряда других специалистов.

Другие авторы подходили к анализу уральского и казахстанского неолита с иной точки зрения. Вслед за С.П. Толстовым и А.В. Збруевой (Толстов, 1941, с. 214; Толстов, 1948, с. 243; Збруева, 1946, с. 182), отмечавших близость кельтеминарских и среднеуральских неолитических памятников, В.Н. Чернецов намечает уже определенную урало-среднеазиатскую этнокультурную общность.

В свете концепции ученых С.П. Толстого, В.Н. Чернецова, А.В. Збруевой вопросы связи Урала и Средней Азии в неолите рассмотрены впоследствии О.Н. Бадером (Бадер, 1970, с. 158; Халиков, 1969, с. 252).

С иной точки зрения к вопросу культурной принадлежности степных и полупустынных памятников Казахстана подошел

А.А. Формозов (Формозов, 1950, с. 65). Уже в 1949 г. он выделяет для Приаралья западноказахстанский вариант кельтеминарской культуры и ограничивает его влиянием хорезмского неолита (Формозов, 1949, с. 50).

Через 10 лет им же опубликована работа, принципиально отличная от точки зрения работ сторонников урало-азиатской этнической близости (Формозов, 1959, с. 162). Формозовым А.А. совершенно справедливо, на наш взгляд, показано, что на огромных пространствах Евразии, в степных и пустынных зонах распространены памятники с очень близкой микролитической индустрией, основанной на специализированной пластинчатой технике расщепления нуклеусов и использования пластин в качестве вкладышей. Это результат конвергенции образования культурно-хозяйственных типов в сходных экологических условиях.

В начале 1960-х гг. К.В. Сальниковым на базе южно-уральских и частично кустанайских материалов выделена урало-казахстанская общность (Сальников, 1962, с. 17). В конце 1960-х гг. Л.Я. Крижевская уточняет, намечая юго-урало-казахстанскую этнокультурную область (Крижевская, 1968, с. 123).

Однако логичнее было бы назвать выделенную ею этнокультурную область собственным именем и строго очертить ее территорию, ибо Л.Я. Крижевская включает в нее районы Казахстана, которые еще не были изучены (Крижевская, 1975, с. 162).

Говоря о наличии больших этнокультурных областей, Л. Я. Крижевская совершенно справедливо допускает существование более мелких структур – археологических культур и вариантов, что находит подтверждение в процессе сегодняшних исследований на Южном Урале и в Северном Казахстане.

В начале 1950-х гг. А.А. Формозов выделяет в Казахстане три территориальные группы неолитических памятников – южноуральскую, приаральскую, семипалатинскую (Формозов, 1951, с. 117). Ему возразил В.Н. Чернецов, который отстаивал точку зрения о близости неолитических комплексов на широкой территории Зауралья и Казахстана (Чернецов, 1947,

с. 80). Черников С.С. также считал, что между материалами указанных территорий нет особенной разницы, но с открытием поселения Усть-Нарым он изменил свою точку зрения и поставил вопрос о выделении особой усть-нарымской культуры (Черников, 1957, с. 13).

В 1970 г. в докторской диссертации С.С. Черников выделяет на территории Казахстана шесть локальных групп неолитических памятников в рамках одной культурно-исторической общности, датирующихся им в пределах конца IV - начала II тыс. до н. э. (Черников, 1970, с. 54). Это Восточный Казахстан, Северо-Западный Казахстан, Приаралье и Юго-Западный, Северный Казахстан, Северное Прибалхашье и Бетпак-Дала, северная полоса Центрального Казахстана.

Выделенные группы отличаются, по его мнению, «набором орудий, особенностями техники изготовления, керамикой, характером хозяйственной деятельности». Он также предполагал существование семиреченской, южноказахстанской и устюрт-мангышлакской групп (Черников, 1972, с. 60).

На наш взгляд, выделение произведено достоверно лишь на основании одного критерия – географического, а этот признак не является диагностическим, поскольку практически вся территория была заселена неолитическим населением.

По пути выделения локальных групп в неолите Центрального и Северо-Восточного Казахстана пошла Л.А. Чалая. Отрицая существование семипалатинской, приаральской и южноуральской групп (по А.А. Формозову) и считая вопрос о культурно-исторической общности неолита Казахстана открытым (Чалая, 1970, с. 242), она намечает четыре ареала: железинский, усть-нарымский, каратургайско-прибалхашский и карагандинский. В целом можно согласиться с Л.А. Чалой в том, что выделенные ею ареалы достаточно своеобразны и имеют право на существование. Причины своеобразия ученый видит в широких контактах населения Казахстана, Урала, Западной Сибири, Прибайкалья, Средней Азии.

Одной из особенностей казахстанских материалов Л.А. Чалая считает наличие пережиточных мезолитических традиций, тяготеющих к югу нашей страны, а керамика, встречающаяся с таким кремнем, наоборот, близка южноуральской и западносибирской (Черников, 1959, с. 99). Этот факт исследователь склонна расценивать как закономерность.

Однако следует вывод из вышесказанного, что сопоставлять две территории только по кремню или керамике нельзя, ибо теряются внутренние причинно-следственные связи, существовавшие некогда у носителей тех или иных археологических культур.

Таким образом, к концу 1970-х гг. в литературе не получила общего признания точка зрения С.С. Черникова, Л.А. Чалой, Л.Я. Крижевской, К.В. Сальникова о культурной принадлежности неолитических памятников Казахстана. Причина одна – огромная территория и малая изученность.

Современные данные по неолиту Северного Казахстана подтверждают, что территория республики в неолите входила в микролитическую зону, и намечается ее более дробная иерархическая структура. Наши материалы позволяют расширить границы этой зоны, намеченной впервые А.А. Формозовым (Формозов, 1959, с. 48), включить в нее северные районы Казахстана и лесостепную часть Зауралья и Западной Сибири.

В азиатской микролитической культурной зоне в настоящее время достаточно четко выделяется североказахстанская этнокультурная область. Она занимает территорию Тоболо-Иртышского междуречья – от Тюменского Приишимья на севере до Карагандинского бассейна на юге. Наиболее изучены и соответственно более широко представлены на археологической карте районы Приишимья. Выделяемая нами этнокультурная область охватывает широкий хронологический диапазон – от мезолита до энеолита. Всесторонний анализ многочисленных коллекций из различных микрорайонов изучаемой территории позволил поставить вопрос о выделении культуры. Думается, ее можно назвать атбасарской, так

как яркие комплексы данной культуры получены в Тельманском микрорайоне близ города Атбасара. Она охватывает период финального мезолита и среднего неолита. Намечаются ее локальные варианты – тельманский (районы верхнего течения Ишима и нижнего течения р. Нуры) и явленский (р. Чаглинка и среднее течение Ишима).

В среднем неолите продолжает проследиваться генезис явленского варианта и нивелирование тельманского за счет их активного взаимодействия.

В позднем неолите-энеолите происходит сложение уже качественно новой культуры, распространяющейся в пределах этнокультурной области – ботайской.

В раннеэнеолитическое время памятники атбасарской культуры (оба варианта) были распространены в пределах намеченной североказахстанской этнокультурной области и в ряде случаев за ее пределами. Северо-восточным форпостом являются памятники Прииртышья: Пеньки и Омская стоянка (Матющенко, 1966, с. 79).

Северо-западной границей распространения атбасарской культуры является Притоболье, а западной и юго-западной – Тургайская ложбина.

Из раскопанных памятников этих районов наиболее близка Тельманскому стоянка Амангельды. Притоболье и Тургайская ложбина в неолите являлись контактной зоной между казахстанским, южно-уральским и южно-зауральским населением, что в полной мере отразилось в облике материальной культуры. Эта близость наблюдается, по нашим данным, лишь в контактной зоне Притоболья и Тургайской ложбине. Южная граница распространения атбасарской культуры проводится предварительно до Карагандинского бассейна, где раскопаны две стоянки Караганда XV (Клапчук, 1970, с. 153), Зеленая Балка 4.

На юге Акмолинской области В.Н. Волошиным исследована родниковая стоянка Жанбобек 4 (Волошин, 1978, с. 511–512). В культурном слое мощностью до 50 см найдены керамика и кремь, аналогичные поселению Тельмана X.

Западнее, восточнее и южнее карагандинских памятников известны лишь материалы, полученные в результате сборов (Маргулан, 1948, с. 129). Типологически коллекции неоднородны, поэтому трудно говорить что-либо определенное. Однако не исключено, что с изучением Центрального и Юго-Западного Казахстана здесь будут выявлены ранне-неолитические комплексы. На более отдаленной от Северного Казахстана территории Средней Азии в последние 10 лет выявлены неолитические комплексы, причем датированные по радиоуглероду, которые хронологически можно сопоставлять с памятниками атбасарской культуры. Это стоянка Учашы 13, которая дала серию «рогатых трапеций», и аналогичная стоянка Бешбулак 15. В остальном эти комплексы довольно своеобразны.

И, наконец, на территории Средней Азии известен памятник Оюклы, расположенный в юго-восточном Прикаспии (Марков, 1961, с. 68).

В 1970-е гг. на Устьурте Е. Бижановым выявлены стоянки, давшие серии трапеций с выемкой, резцов и другие типы (Бижанов, 1973, с. 210–211; Бижанов, 1978, с. 18).

На Южном Урале, который достаточно хорошо изучен, пока также неизвестны памятники, которые давали бы материал, близкий по набору к ранне-неолитическим памятникам атбасарской культуры.

На позднем этапе атбасарской культуры в среднем неолите культурное окружение уже несколько иное. Изменяется и облик выделяемой нами культуры, где доминирует явленский вариант.

Изменения, прослеженные в облике кремневого инвентаря на данном этапе, однозначно объяснить трудно. Но очевидно, что доминантой в этом процессе явились внутренние причины – развитие производительных сил общества.

Особенностью позднего этапа атбасарской культуры является наличие среди кремневого инвентаря некоторых памятников (пос. Виноградовка X) архаических типов – пластинок с притупленной спинкой и ретуширо-

ванным торцом, наиболее характерных для позднего мезолита Северного Казахстана. В коллекциях среднего неолита существенно возрастает процент остеологического материала и изделий из костей животных.

Керамика, представленная в описанных нами комплексах, по-прежнему малочисленна и невыразительна, она тонкостенная, с примесью дресвы, растительных остатков, песка. Форма – круглодонная или яйцевидная, орнамент беден – «шагающая» гребенка, гребенчатый зигзаг или накольчатые линии, или ямочные вдавления.

Памятники этого времени, локализуясь в пределах североказахстанской этнокультурной области, являются, как и ранне-неолитические, достаточно своеобразными на фоне окружающих территорий. Правда, для этого периода наблюдаются некоторые близкие параллели в сырье, типологии инвентаря, керамике между районами Северного Казахстана и Западной Сибири. Наиболее интересным памятником, который раскопан в Тюменском Приишимье, является стоянка Кокуй I. Авторы раскопок связывают её керамику с керамикой Екатеринбургской и Омской стоянок. Эта керамика идет в комплексе с кремневыми орудиями; истоки этой керамики, а также кремня авторы видели на юге от Тюменского Приишимья. Наши материалы подтверждают предположения В.Ф. Геринга, Л.Я. Крижевской, Р.Д. Голдиной, определивших время существования памятников типа Кокуй I – конец V–IV тыс. до н. э.

Близость инвентаря стоянки Кокуй I с материалами памятников Явленка IV, V, Виноградовка X, Жабай-Покровка III и др. прослеживается по всем основным показателям – сырью, технике расщепления, типологии и морфологии.

Черты сходства в инвентаре и территориальная близость объектов позволяют поставить вопрос о культурном единстве памятников раннего этапа среднеиртышской и позднего этапа атбасарской культур. Эту близость можно объяснить двояко: I) активная взаимосвязь (культурная и этническая) населения двух регионов, расположенных в одной долине реки, которая

облегчала эти связи в течение круглого года; 2) результат меридиональной миграции населения Северного Казахстана вдоль водных транспортных магистралей степных и лесостепных районов Казахстана до северной кромки лесостепи Западной Сибири. В первом случае памятники следует считать разнокультурными с археологической точки зрения, во втором – однокультурными. Нам больше импонирует второе, поскольку связи населения, оставившего кокуйские памятники, с аборигенами Тоболо-Исетского бассейна археологически менее выражены, нежели Ишимского.

На западе североказахстанской этнокультурной области материалы памятников явленского варианта уже не находят таких близких комплексных аналогий, как с районом Тюменского Приишимья.

На Южном Урале, примыкающем к Притоболью с востока, в настоящее время известно большое количество памятников, изученных раскопками. Это стоянки Чебаркуль 1-й, Учалинская I, Сабакты 6, Суртанды 6 и др. (Крижевская, 1968, с. 69 ; Матюшин, 1962, с. 95).

Сопоставление произведено нами по исходным формам заготовок, размерам и набору памятников явленского типа атбасарской культуры и южноуральских стоянок, исследованных Л.Я. Крижевской и опубликованных в ее монографии «Неолит Южного Урала».

Южноуральские средненеолитические памятники составляют своеобразную культурную группу с выраженной пластинчатой индустрией, имеющей ряд сходных черт общего порядка с казахстанским неолитом. Сходство соответствует, вероятно, не уровню южноуральско-казахстанской общности, а понятию единой культурной зоны.

Центральноказахстанские, восточноказахстанские параллели в настоящее время выражены слабо, сравнение комплексов затруднено из-за отсутствия хорошо раскопанных однослойных памятников.

Таким образом, суммируя результаты сопоставления средненеолитических памятников атбасарской культуры с сопредельной территорией республики, следует подчеркнуть, что

пока сопоставления носят условный характер.

При сравнении же с районами Западной Сибири и Урала наблюдается значительное своеобразие казахстанских и уральских памятников, соответствующее уровню археологических культур. Наиболее сложным и неразработанным является вопрос о взаимоотношении неолита Казахстана и Средней Азии. В настоящее время имеются данные, которые трудно объяснить с какой-либо определенной позиции (автохтонной или миграционной).

В позднем неолите-энеолите в пределах североказахстанской этнокультурной области происходит дальнейшее развитие средств производства на базе явленского варианта. В это время повсеместно наблюдается процесс активного внедрения в практику древнего мастерства техники двусторонней обработки камня и шлифования. Характерно, что изменяется и сырье – на смену достаточно качественным яшмовидным породам приходит крупнозернистый кварцит. Пластинчатая техника, хотя и остается, но уже не играет той ведущей роли, которая была отведена ей в предыдущие эпохи. Археологический материал, имеющийся в нашем распоряжении, показывает его однообразие на изучаемой территории республики. Если в раннем неолите наблюдалось два четких варианта атбасарской культуры, то в позднем происходит нивелирование этих вариантов и однообразие технологии и набора на широкой территории, выходящей за пределы Тоболо-Иртышского междуречья.

Судя по археологической литературе, данная тенденция в изменении облика орудий труда и керамики наблюдается на широкой лесостепной и полупустынной части Азии, куда входит и североказахстанская этнокультурная область. Если в пределах большой микролитической культурной зоны евразийской лесостепи в позднем мезолите и раннем неолите она являлась лишь фоном для образования локальных этнических группировок, то в позднем неолите и особенно энеолите мы можем говорить о сложении на этой территории крупных культурно-исторических общностей, объединенных, вероятно, не только сходной экономии-

ческой платформой (развитие производящего хозяйства), но этническими и социальными узлами.

Постановка вопроса о происхождении неолита Северного Казахстана стала возможна лишь после открытия и исследования мезолитических памятников в данном регионе и сопредельных территориях Зауралья и Западной Сибири (Петров, 1974, с. 11).

Основные отличия и преемственность в индустриях мезолитической и неолитической эпох. В раннем неолите по сравнению с мезолитом стабилизируется характер сырья. Если в мезолитических памятниках наблюдается разнообразная порода – от кремня до молочного кварцита, то в неолите в основном серая или красноватая яшмовидная порода. Однако техника расщепления существенно не меняется. Нуклеусы призматические, конические, карандашевидные, правда, почти нет в неолите клиновидных, которые широко распространены в мезолите. Преемственность наблюдается и в характере использования исходных заготовок. Набор орудий неолитических коллекций также отражает связь с предшествующей мезолитической эпохой и появление новых форм, вызванных экономическими требованиями на новом историческом этапе. В неолите с новой силой расцветает техника резцового скола, краевое ретуширование пластин. Облик ранне-неолитических орудий составляли боковые, угловые резцы, восходящие своими корнями в верхний палеолит, пластины с торцевой выемкой, наконечники стрел на пластинах, трапеции, развертки, скобели и прочие изделия.

Новой является техника двусторонней отжимной ретуши, которая базируется на бифасной технике оббивки эпохи палеолита и мезолита. Основой для построения данной линии развития кремневой индустрии от мезолита до энеолита явились полевые стратиграфические наблюдения авторов. Наши наблюдения и заключения специалистов-почвоведов вполне укладываются в разработанную палеоклиматическую шкалу для Евразии (Нейштадт, 1969, с. 5–12).

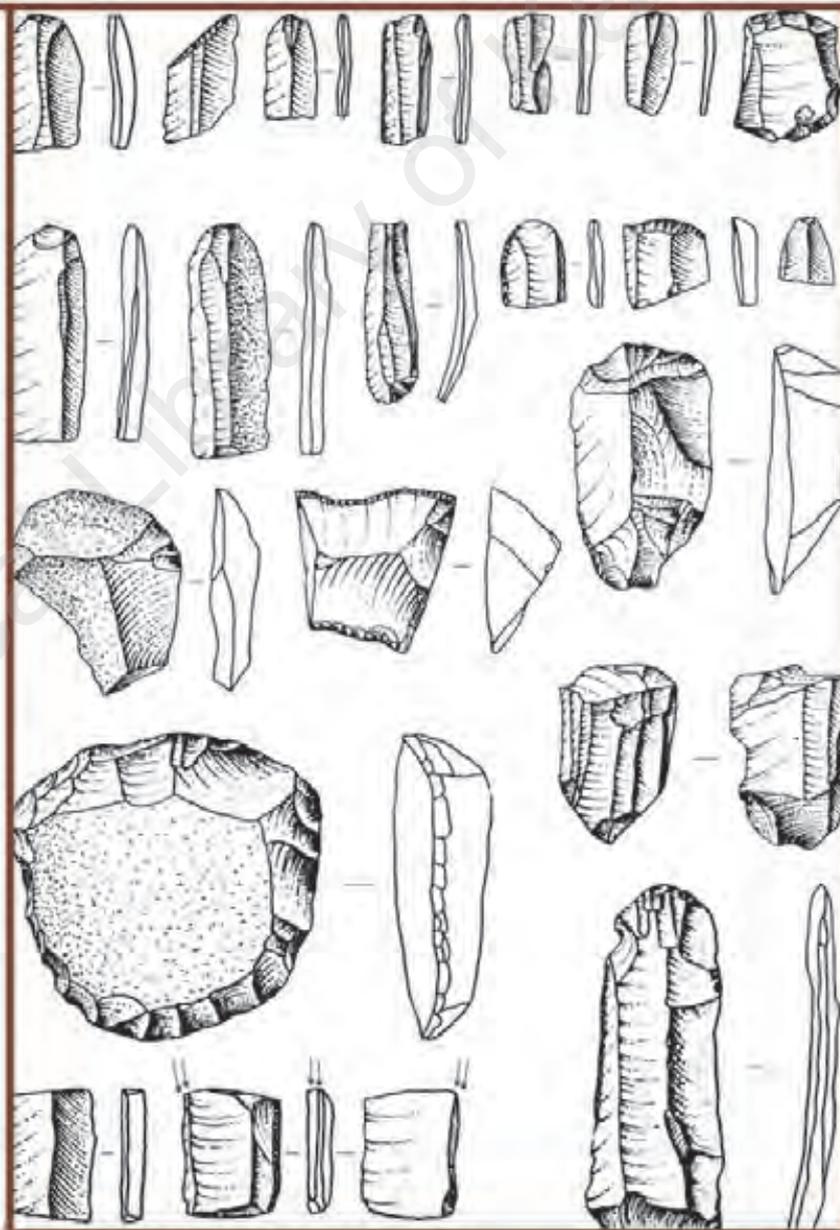
Таким образом, можно говорить о сложении атбасарской неолитической культуры Северного Казахстана на местной мезолитической основе. Здесь следует оговориться, что под термином «местная» понимается в данном случае не только Северный Казахстан, но и близлежащие районы Зауралья, Западной Сибири, Казахстана, близких по ландшафтным и климатическим условиям.

V

**Реконструкция орудийного комплекса
и элементов хозяйства
на основе трасологического анализа артефактов**

Данная глава посвящена решению ряда вопросов реконструкции хозяйства древних племен Северного Казахстана периода мезолита и неолита. Объектом исследования послужили материалы раскопок памятников атбасарской культуры, предметом исследования являлись становление и генезис производств и экономических отношений в эпоху неолита.

Артефакты из памятников атбасарской культуры представляют собой коллекции из орудий труда и отходов производства. В качестве сырья атбасарцы использовали в основном яшмокварцитовые породы серого и светло-коричневых тонов, а также кремневые породы и широко распространенные образцы сланца, песчаников и гранита. Основная часть коллекции (несколько тысяч единиц), включая отходы производства орудий труда, была на основе авторской выборки подвергнута трасологическому анализу с целью выяснения функций орудий и реконструкции отдельных производств и хозяйства древнего населения в целом. Процедура анализа включала сопоставление типологического и функционального анализов, что существенно расширяло наши представления об информативности источников.

В результате трасологических исследований артефактов удалось установить функциональное назначение орудий труда. Эти данные служат для определения хозяйственных комплексов и отдельных производств на стоянках. Получило свое подтверждение мнение В.Ф. Зайберта, сложившееся у него на основе ландшафтного, планиграфического и типологического изучения археологических объектов, о том, что в рамках зон обитания атбасарцев, годичного календарного цикла существовали долговременные базовые поселения, временные сезонные стоянки, мастерские для подготовки сырья и изготовления орудий труда и временные охотничьи лагеря (Зайберт, 1992, с. 108–131).

С помощью функционального анализа удалось установить, что в рамках присваивающего способа производства (охотничье-рыболовное хозяйство) в ряде стоянок было преобладание предметов охоты или рыболовства,

свидетельствующее о возможной тенденции специализации в присваивающей сфере экономики. Результаты функционального анализа орудий труда проверялись в условиях археологической экспедиции экспериментальным методом моделирования отдельных операций и производств. Для этого были использованы местные яшмокварцитовые породы. За основу образцов технологических реплик послужили образцы коллекций памятников, относящихся к различным культурно-хронологическим этапам атбасарской культуры.

Просмотр коллекций под микроскопом позволил сделать определения об использовании в трудовых операциях не только предметов, являющихся в формально-типологическом смысле орудиями труда, но и пластин без ретуши, считающихся заготовками орудий, и даже отщепов без ретуши, которые вполне пригодны, имея острый режущий край, для многочисленных трудовых операций, но типологически относятся к отходам производства.

При трасологическом анализе было важным осуществить процедуру сопоставления трасологических определений с типологическими, выполненную В.Ф. Зайбертом по специальным типолитам (Зайберт, 1992, с. 21–24). Обращает на себя внимание тот факт, что для конкретных типов изделий не характерны устойчивые типы следов, за исключением скребков на отщепах, где в основном зафиксированы следы от скорняжных работ (работы по шкурам). В целом пластинчатая индустрия ориентирована на универсальность заготовок для вкладышевых орудий различного функционального назначения. Преднамеренное ретуширование края пластин осуществлялось для оформления рабочего края или рукоятки орудия. О функциональном назначении орудий труда можно судить по характеру ретуши, полученной в результате утилизации орудий (Плешаков, 2003, с. 182–185).

Для изготовления орудий в основном применялся яшмокварцит с Казахского мелкосопочника. Качество материала различное, но древние мастера выбирали весьма приемлемый для снятия правильных пластин. Края вполне острые, материал довольно прочный.

Микроследы хорошо видны на изделиях, в которых меньше содержания кварцита и структура камня более мелкая.

Результаты трасологических определений сведены в таблицы для удобства обобщения. На всех памятниках изделия применялись, как правило, для различных функций, поэтому присутствует большое количество комбинированных орудий. К примеру, если пластина из вкладышевого ножа изъята по каким-то причинам или выпала сама, то она использовалась в другой операции. Углы скребков в рукоятях могли использоваться как резчики, не изменяя конструкции орудий, и т.д.

Орудийный набор в коллекциях исследуемых памятников довольно разнообразен. В результате просмотра под микроскопом орудий обнаружены микроследы в виде микроцарапин и заполированности, появившихся вследствие обработки ими разных материалов.

Для вкладышей ножей характерна заполированность рабочего края, заходящего глубоко на обе стороны пластины; заполированность, как правило, мягкая. Чаще всего применялись сечения пластин правильной огранки длиной более 1 см и шириной более 0,5 см. Рабочий край мог быть с ретушью и без ретуши. Пластины с торцевой обработкой и геометрические микролиты (трапеции, сегменты и пр.) применялись для удобства совмещения пластин при выравнивании рабочего режущего края орудия в оправе.

На вкладышах составных охотничьих орудий заполированность слабее, располагается по самому краю пластины. На определенных вкладышах эта заполированность находится под углом к оси пластин, что свидетельствует о том, что они вставлялись под углом к основе орудия. В качестве вкладышей составного охотничьего орудия применялись небольшие правильные пластины длиной до 1 см и шириной до 0,5 см. Режущий край чаще всего не ретушировался, а тыльная сторона могла быть ретуширована для лучшего закрепления в основе (микропластинки с притупленным краем). Скошенные острия, применяемые в качестве заготовки для этой функции, вставлялись в основу под углом.

Резцы и резчики по дереву имеют заполированность рабочего угла пластины или отщепы, и нитевидные линейные следы располагаются, как правило, под углом к оси изделия.

Для резцов и резчиков по кости, рогу характерны такие же по кинематике следы, но микроследы более глубокие, рабочий угол с заломом и частично стерт в результате выполняемой функции.

Для скобелей по дереву характерны выкрошенность рабочего края, выступающие части стерты. Линейные следы располагаются перпендикулярно кромке лезвия и заходят на спинку или брюшко пластины. Применялись заготовки с ретушью или без подправки рабочего края, в результате использования образовывалась перпендикулярная ретушь.

У скобелей для кости, рога в результате утилизации образовывалась крутая многоступенчатая ретушь, линейные следы четко выражены, кромка орудия стерта, с заломом. По кинематике следы аналогичны скобелям для дерева.

На строгальных ножах линейные следы располагаются перпендикулярно или под небольшим углом к кромке орудия. Образованная в результате утилизации ретушь пологая, нерегулярная, порой струйчатая. На строгальных ножах для кости, рога линейные следы резче, более четко выражены. На строгальных ножах для дерева кроме линейных следов образуется заполировка одной боковой поверхности орудия дальше, чем у другой.

Следы на скребках для шкур в виде заполированности рабочего края, заходящего глубоко на поверхность изделия. Фасетки ретуши сглажены. Многие орудия имеют большую сработанность. На стамесках для шкур характер заполированности идентичен скребкам, но отличается по кинематике. Заполированность распространяется больше на внутреннюю часть изделия, и рабочий край стерт в зависимости от угла наклона орудия.

На проколках обнаружены следы в виде заполированности, заходящей на орудие от жала на глубину прокалывания.

На сверлах следы в виде царапин располагаются по окружности от кончика изделия.

Четкость следов зависит от интенсивности осуществляемой работы и материала, по которому выполнялась функция сверления. На разветках идентичные следы располагаются, как правило, на «плечиках» изделия.

Ретушеры на рабочих плоскостях имеют звездчатую структуру следов, замятость поверхности и сбитость граней.

На основании выявления тех или иных следов на изделиях, кинематики выполняемой функции сделаны заключения о функциональном назначении орудий труда в памятниках атбасарской культуры (Плешаков, 2003, с. 153–185).

Трасологическое изучение материалов памятников Северного Казахстана

Стоянка Виноградовка II. Орудия на пластинах

На мезолитической стоянке Виноградовка II было обнаружено 36 изделий на пластинах, из них со следами использования в различных трудовых операциях 34 орудия. Наибольшую серию составляют однолезвийные и двулезвийные вкладыши ножей

Однолезвийных вкладышей ножей в коллекции 13 единиц. Для этого вида орудий в качестве исходной заготовки применялись пластины правильной огранки: без ретуши (11), ребристая пластина без ретуши (1), пластина с резцовым сколом (1). Однолезвийные вкладыши ножей как единственная функция обнаружены на девяти изделиях. Остальные – в составе комбинированных орудий.

Двулезвийных вкладышей ножей среди орудий 10 экземпляров. Исходной заготовкой для них служили пластины правильной огранки: без ретуши (8), ребристые пластины (2). Никаких других функций на этих орудиях не обнаружено.

Вкладышей составных охотничьих орудий с одним лезвием в коллекции три единицы. Исходными заготовками для них являлись пластина без ретуши правильной огранки (1) и пластины с притупленным краем (2). Все они – многофункциональные орудия.

Вкладыш составного охотничьего орудия с двумя лезвиями (1). В качестве исходной заготовки для данного орудия использована пластина правильной огранки без ретуши. На этом же изделии обнаружены следы использования, оставленные однолезвийным скобелем для кости, рога.

Однолезвийные резцы для дерева (2). Для данной функции применили пластины с резцовым сколом. Один резец для дерева был многофункциональным орудием, другой – в комбинированном орудии.

Однолезвийный скобель для кости, рога в коллекции (1). Исходной заготовкой для него являлась пластина правильной огранки без ретуши. Это же изделие имело следы вкладыша составного охотничьего орудия с двумя лезвиями.

Двулезвийный скобель для кости, рога (1). Заготовкой для него служила пластина с ретушью.

Скобели для дерева с одним лезвием (2). Исходная заготовка для них – пластины правильной огранки без ретуши. Данные изделия являлись многофункциональными.

Двулезвийный скобель для дерева (1). Его основа – пластина с ретушью правильной огранки. Никаких других функций на данном изделии не обнаружено.

Однолезвийный боковой скребок на пластине (1). В качестве исходной заготовки для него служила пластина правильной огранки без вторичной обработки. Второе боковое лезвие пластины использовалось в качестве однолезвийного вкладыша ножа.

Двулезвийный боковой скребок на пластине (1). Заготовка для данного инструмента – пластина правильной огранки без ретуши. Следы от других функций на данном изделии не обнаружены.

Пилка для дерева с одним лезвием (1). Для нее использована пластина без ретуши. Второй рабочий край служил лезвием вкладыша ножа с одним лезвием.

Резчик для дерева с одним лезвием (1). В данном случае применили пластину без ретуши. Один боковой край этого изделия имел следы однолезвийного вкладыша ножа.

Орудия на отщепях

Всего в коллекции 59 отщепов и орудий из них, из которых не имеют следов утилизации 32 единицы.

Строгальных ножей для дерева с одним лезвием среди инструментов четыре экземпляра. Исходными заготовками для них служили отщепы без ретуши. Все орудия многофункциональные.

Скребок концевого-бокового типа с тремя лезвиями в коллекции в единственном числе. Заготовкой для данного орудия являлось изделие, типологически относящееся к скребкам на отщепях, орудие многофункциональное.

Скребок концевого-бокового типа с двумя лезвиями четыре. Заготовками для трех из них были скребки на отщепях и для одного – отщеп без ретуши, со следами однолезвийного резчика для дерева.

Скрепки концевого типа с одним лезвием (3). Исходной заготовкой для двух из них служили изделия, относящиеся типологически к скребкам на отщепях, и для одного – отщеп без дополнительной обработки. Все эти орудия были многофункциональными.

Кожевенный нож (1). Для этого вида работ использовалась пластина без ретуши.

Однолезвийные резцы для дерева (3). В качестве исходной заготовки использованы пластины с резовым сколом.

Стамеска для шкур (1). Для данного орудия использовался крупный отщеп удлиненных пропорций (длина 7,5 см), без вторичной обработки. Орудие многофункциональное.

Однолезвийные вкладышевые ножи на отщепях (2). Исходная заготовка – отщепы без ретуши. Следов использования в других трудовых операциях не обнаружено.

Однолезвийных скобелей для дерева на отщепях две единицы. Для этих орудий использовались отщепы без ретуши. Орудия многофункциональные.

Резчиков для дерева на отщепях два экземпляра. Исходными заготовками для них служили отщепы без ретуши. Одно из орудий являлось многофункциональным, другое обнаружено в комбинированном изделии.

Ретушер на отщепе (1). Для данного орудия использован отщеп без ретуши. Орудие многофункциональное.

Однолезвийные скобели для кости, рога на отщепях (2). Заготовка для них – отщепы без ретуши. Следов использования в других трудовых операциях на данных изделиях не обнаружено.

Пилкой для дерева служил отщеп с ретушью. Следов других функций на этом изделии не обнаружено.

Скрепки концевого типа на отщепях (3). Исходными заготовками для данных орудий служили отщеп без ретуши (1), изделия, типологически относящиеся к скребкам на отщепях (2). Орудия многофункциональные (Плешаков, 2003, с. 55–62).

Стоянка Явленка II.

Орудия на нуклеусах

Трасологический анализ материалов стоянки Явленка II показал, что сработанные и сломанные нуклеусы применялись в различных трудовых операциях. Из восьми нуклеусов и их обломков следы дополнительного использования обнаружены на четырех экземплярах. Один из них являлся строгальным ножом для дерева, с одним лезвием; острый угол другого обломка выполнял функцию однолезвийного резчика для дерева, два – служили сверлами для дерева.

Орудия на пластинах

Из 40 пластин в трудовых операциях использовались 34 единицы. Основное количество среди орудий труда на пластинах составляют вкладыши ножей. Вкладыши ножей с двумя лезвиями без следов, оставленных другими функциями, в коллекции 13 штук. С дополнительной функцией двулезвийного резчика для дерева – два экземпляра, двулезвийный вкладыш ножей с дополнительной функцией однолезвийного резчика для дерева – один. Однолезвийных вкладышей ножей в коллекции 10 единиц, среди многофункциональных орудий – семь. Однолезвийные вкладыши ножей на полифункциональных орудиях встречаются в сочетании с однолезвийными скобелями для

дерева (1), с однолезвийными резчиками для дерева (2). Всего использовалось 37 лезвий на пластинах.

Вкладыши ножей с двумя лезвиями обнаружены на одной ребристой пластине, остальные 13 единиц – на правильных пластинах средних размеров, треугольных и трапециевидных в сечении форм. В качестве однолезвийных вкладышей ножей в трех случаях использовались ребристые пластины, в одном случае – пластина с резцовым сколом, для остальных шести использованы пластины без ретуши. Рабочий край у вкладышей ножей в некоторых случаях в результате утилизации покрыт нерегулярной ретушью.

В коллекции три двулезвийных вкладыша метательных охотничьих орудий, всего для этой функции использовалось шесть лезвий, все они на пластинах без ретуши. Данные орудия изготовлены из небольших по размерам пластин без дополнительной обработки.

В качестве резчиков по дереву использовались углы пластин. В коллекции шесть однолезвийных резчиков по дереву на пластинах и три двулезвийных. Всего на пластинах использовалось 12 лезвий в качестве резчиков по дереву. Из шести однолезвийных резчиков по дереву три являлись многофункциональными орудиями и три найдены в сочетании с другими функциями.

Резчик по кости, рогу с одним лезвием на пластине (1). В качестве однолезвийного резчика по кости, рогу использован угол ребристой пластины.

Среди инвентаря на пластинах один строгальный нож для дерева с одним лезвием и один строгальный нож для дерева с двумя лезвиями. Однолезвийный строгальный нож для дерева являлся многофункциональным орудием, а двулезвийный строгальный нож по дереву обнаружен с однолезвийным сверлом по дереву.

В коллекции одна пластина использована в качестве однолезвийного скобеля для дерева. Данное орудие выявлено в сочетании с однолезвийным вкладышем ножа.

Проколка на пластине (1). В качестве проколки использован верхний угол треугольной в сечении дистальной части пластины со

слегка подправленным верхним краем со стороны брюшка (возможно, это следы утилизации).

Сверло на пластине (1). Для сверла применили дистальную часть пластины без ретуши длиной 3,5 см, шириной до 1,5 см. Пластина трапециевидной формы, с изогнутым профилем.

Орудия на отщепях

Среди орудий на отщепях пять однолезвийных вкладышей ножей. Три из них являлись многофункциональными орудиями, два обнаружены в сочетании с однолезвийными резчиками для дерева.

Резчики по дереву на отщепях (3). Один из них является многофункциональным орудием, два других найдены в сочетании с однолезвийными вкладышами ножей.

Резцы по дереву на отщепях (6). Все они однолезвийные и являются многофункциональными орудиями. В качестве резцов по дереву использованы отщепы, оформленные резцовым сколом.

Скобели для дерева на отщепях (3). Однолезвийные, обнаружены на отщепях как многофункциональные орудия.

Строгальные ножи для дерева на отщепях (5). Они однолезвийные, многофункциональные.

Скребок на отщепе (1). Изготовлен из подтреугольного в плане отщепа. Лезвие высокое, подправленное несколькими сколами.

В коллекции имеется плитка сланца, служившая в качестве абразива (Плешаков, 2003, с. 63–68).

Стоянка Тельмана XIV.

Орудия на пластинах

Из 1148 изделий на пластинах 1129 имели следы использования во всевозможных трудовых операциях. За счет полифункциональности на 1129 пластинах под микроскопом было обнаружено 2534 лезвия орудий, использованных в различных функциях.

Основное количество из орудий на пластинах составляют вкладыши ножей. Они изготовлены из треугольных и трапециевидных пластин и их сечений.

Однолезвийных ножей в коллекции 182 единицы. Для этого вида орудий применялись пластины с ретушью (20) и без ретуши (136); боковые ребра пластин с резцовым сколом в 16 случаях использовались в этой операции. В качестве однолезвийного ножа применялись одна пластина с притупленным краем, три концевых скребка, три ребристые пластины без ретуши и три трапеции. Однолезвийные вкладыши ножей с единственной функцией обнаружены на 73 изделиях, остальные – на полифункциональных орудиях.

Двулезвийных вкладышей ножей на пластинах в коллекции 341 экземпляр. Для этого вида орудий применялись 296 пластин без ретуши и 17 с ретушью, микропластина с торцевой обработкой (1), пластины с резцовым сколом (21), концевой скребок (1) и пять трапеций. Двулезвийный нож с единственной функцией обнаружен на 220 изделиях, все остальные – в составе полифункциональных орудий.

Вкладыши составных охотничьих орудий изготавливались из небольших по размерам пластин, треугольных и трапециевидных в сечении. Для них применялись пластины без ретуши (6), пластины с ретушью (2), микропластины без ретуши (9), пластины с резцовым сколом (3), пластины с притупленным краем (6) и микропластины с ретушью (4).

Однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий в коллекции 46 единиц. Из них 36 – с одной функцией, 10 – в сочетании с другими функциями.

Двулезвийных вкладышей составных охотничьих орудий в коллекции 102 экземпляра. В качестве заготовки применялись пластины без ретуши (52), с ретушью (2), микропластины без обработки (41), микропластины с торцевой обработкой (1), пластины с резцовым сколом (4), микропластины с ретушью (2). Двулезвийные вкладыши составных охотничьих орудий как многофункциональные орудия обнаружены на 89 изделиях, остальные – в комбинированных орудиях.

В качестве резчиков для дерева использовались углы различных пластин без дополнительной обработки. Однолезвийных резчиков для дерева обнаружено 197, из них 140

– на пластинах без ретуши. Есть на пластинах с ретушью (35), на микропластинах без обработки (4), на пластинах с резцовым сколом (6), на пластине с притупленным краем (1), на концевых скребках (8), на ребристой пластине без ретуши (1), на ребристой пластине с ретушью (1) и один экземпляр – на микропластине с ретушью. В качестве одной функции резчик для дерева найден на девяти предметах, все остальное – в составе комбинированных орудий.

Двулезвийных резчиков для дерева на пластинах обнаружено 32 единиц. Из них 20 – на пластинах без ретуши и 12 – на пластинах с ретушью. Для двух двулезвийных резчиков эта функция была единственной, для остальных на одном изделии сочетались различные комбинации с другими орудиями.

Резчики по дереву с тремя лезвиями – 12 экземпляров. Из них семь на пластинах без ретуши и пять – на пластинах с ретушью. Все они являются составными полифункциональных орудий.

Четырехлезвийных резчиков для дерева два; один – на пластине без ретуши, другой – на пластине с ретушью. Один – четырехлезвийный резчик для дерева на двулезвийном вкладыше ножа – на пластине без ретуши, другой – на двулезвийном скобеле для кости, рога, на пластине с ретушью. Оба они найдены в сочетании с другими видами функций.

Резчиками для кости, рога служили углы пластин. В коллекции 69 лезвий выполняли эту функцию.

Однолезвийных резчиков для кости, рога на пластинах обнаружено 36. Из них 13 единиц – на пластинах без ретуши, 14 – на пластинах с ретушью, два – на пластинах с резцовым сколом, один – на пластине с притупленным краем и шесть – на концевых скребках. Резчики для кости, рога с одним лезвием как многофункциональное орудие обнаружены на четырех предметах. Все остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Двулезвийных резчиков для кости, рога в коллекции 13 экземпляров. Используются пластины без ретуши (4), пластины с ретушью (6), концевые скребки (2), ребристая пластина без ретуши (1). Резчиков для кости, рога с двумя

лезвиями без других функций три. Остальные изделия имели полифункциональное значение.

Трехлезвийный резчик для кости, рога один, на пластине без ретуши в составе полифункционального орудия, где трехлезвийный резчик для кости, рога на однолезвийном скобеле для дерева и однолезвийном скобеле для дерева и однолезвийном боковом скребке.

Четырехлезвийный резчик для кости, рога (1) он на пластине без ретуши.

Большую серию среди орудий труда представляют различные скребки на пластинах. Для этого вида инструментов использованы подправленные ретушью торцевые части пластин и боковые ребра пластин, как с ретушью, так и без таковой.

Концевых скребков с одним лезвием в коллекции 15 единиц. В основном они на орудиях, типологически относящихся к концевым скребкам (12), на пластине без обработки (1), на микропластине с торцевой обработкой (1) и на пластине с резцовым сколом (1). На пяти орудиях концевой скребок являлся единственной функцией, остальные – в комбинированных орудиях.

Однолезвийных боковых скребков 64 экземпляра. Из них имеются на пластинах без ретуши (48), на пластинах с ретушью (12), на пластинах с резцовым сколом (3) и на микропластине с ретушью (1). Боковых скребков с одним лезвием в качестве многофункционального орудия обнаружено 20. Все остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Двулезвийных боковых скребков в коллекции 76 единиц. В качестве исходной заготовки для них служили пластины без ретуши (50), пластины с ретушью (23), пластины с резцовым сколом (2) и ребристая пластина без обработки (1). Изделий, на которых обнаружены только двулезвийные боковые скребки, 53 экземпляра. Все остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Скребков концевого-бокового типа с двумя лезвиями 11. Из них есть на пластине без ретуши (1), на пластинах с ретушью (2), на пластине с резцовым сколом (1) и на изделиях, ти-

пологически относящихся к концевым скребкам (7). Орудий, на которых обнаружена только эта функция, два. Остальные орудия с данной функцией есть в комбинированных изделиях.

Скребков концевого-бокового типа с тремя лезвиями в коллекции 141 единица. Из них имеются на пластине без ретуши (1), на пластине с ретушью (1) и на изделиях, типологически относящихся к концевым скребкам (139). Орудий, на которых обнаружены только скребки концевого-бокового типа с тремя лезвиями среди инвентаря – 132. В составе комбинированных орудий с однолезвийным резчиком для дерева – шесть и с однолезвийным резчиком для кости, рога – три единицы.

Скребок концевого-бокового типа с четырьмя лезвиями (1). Он на изделии, типологически относящемся к концевым скребкам. Никаких других функций на данном орудии не обнаружено.

В качестве резцов для дерева применялись углы пластин, оформленные резцовым сколом. В коллекции 82 лезвия использовались для этой трудовой операции.

Однолезвийных резцов для дерева 47 единиц, все они на пластинах с резцовыми сколами. Монофункциональных орудий четыре, все остальные однолезвийные резцы для дерева встречаются в комбинированных орудиях.

Двулезвийных резцов для дерева 13. Изделий, на которых обнаружены только двулезвийные резцы для дерева, пять. Остальные в составе полифункциональных орудий.

Резцов для дерева с тремя лезвиями три. Изделие, на котором обнаружен только трехлезвийный резец, одно. Один резец для дерева с тремя лезвиями – на однолезвийном вкладыше ножа и один – в сочетании с двулезвийным вкладышем ножа и однолезвийным резчиком для дерева.

В коллекции 16 резцов для кости, рога с одним лезвием и один резец с двумя лезвиями. Для 14 однолезвийных резцов для кости, рога использованы в качестве исходной заготовки пластины с резцовым сколом на углах пластин и два концевых скребка с резцовыми сколами. Три резца для кости, рога представляют собой монофункциональные орудия, остальные 13

единиц являются составными в полифункциональных изделиях.

В качестве скобелей для дерева использовались боковые ребра пластин, различных по типам. Однолезвийных скобелей для дерева 28 единиц. Из них 13 – на пластинах без ретуши, 13 – на пластинах с ретушью и два – на ребристых пластинах с ретушью. Однолезвийные скобели для дерева как монофункциональные орудия – шесть экземпляров. Остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Двулезвийных скобелей для дерева в коллекции 23. Исходной заготовкой для 12 предметов служили пластины без ретуши, для 10 – пластины с ретушью и для одного – трапеция. Двулезвийных скобелей для дерева без других следов использования среди орудий 17 единиц. Остальные шесть – в составе полифункциональных орудий.

Скобель для дерева с тремя лезвиями (1), в качестве заготовки для этого орудия использован концевой скребок. На данном изделии других функций не обнаружено.

В качестве скобелей для кости, рога использовались боковые ребра пластин с ретушью и без таковой.

Однолезвийных скобелей для кости, рога, в коллекции 37. Из них шесть – на пластинах без ретуши, 15 – на пластинах с ретушью, два – на микропластинах без обработки, шесть – на пластинах с резцовым сколом, два – на пластинах с притупленным краем, два – на трапециях, три – на микропластинах с ретушью. Однолезвийных скобелей для кости, рога как монофункциональных орудий два. Остальные являются составными в полифункциональных изделиях.

Двулезвийных скобелей для кости, рога 39 экземпляров. Исходной заготовкой для этого вида орудий служили пластины без ретуши (2), пластины с ретушью (27), пластины с резцовым сколом (1), концевые скребки (7), микропластины с ретушью (2). Двулезвийных скобелей для кости, рога без других следов использования среди орудий 22 единицы. Остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Строгальные ножи изготавливались из пластин, рабочим лезвием которых служили боковые края.

Строгальных ножей для дерева с одним лезвием в коллекции восемь. Из них четыре – на пластинах без ретуши, три – на пластинах с ретушью и один – на ребристой пластине без обработки. Однолезвийных строгальных ножей для дерева, как монофункциональных орудий два. Остальные являются составными в полифункциональных орудиях.

Двулезвийных ножей для дерева девять. Исходной заготовкой для этого вида орудий служили пластины без ретуши (3), пластины с ретушью (3), пластины с резцовым сколом (1), на трапеции (1) и на параллелограмме (1). Двулезвийных строгальных ножей для дерева без других следов использования среди орудий семь единиц; один двулезвийный строгальный нож для дерева обнаружен в сочетании с однолезвийным резчиком для кости, рога, и найден двулезвийный строгальный нож для дерева, с двулезвийным резцом для дерева в одном экземпляре.

Однолезвийный строгальный нож для кости, рога (1). Для него исходной заготовкой служила пластина с резцовым сколом. Это орудие обнаружено на одном изделии в составе полифункционального орудия: однолезвийный строгальный нож для кости, рога и однолезвийный резец для кости, рога с одним лезвием.

Двулезвийный строгальный нож для кости, рога в коллекции один. Для него исходной заготовкой служила пластина с ретушью. Это орудие обнаружено на изделии в составе полифункционального орудия.

Для сверла использованы пластины с ретушью с одним лезвием для кости, рога (2), острия (3), концевой скребок (1) и наконечник стрелы (1). Однолезвийных сверл для кости, рога как монофункциональных орудий четыре. Остальные являются составными в полифункциональных орудиях.

Развертки для кости, рога (2). Исходной заготовкой для них служили пластины с ретушью. Один из этих инструментов являлся монофункциональным орудием, для второй развертки использован вкладыш двулезвийного ножа.

Сверло для дерева с одним лезвием (1). Для него исходной заготовкой служила пластина с ретушью. Данное сверло являлось монофункциональным орудием.

Сверло для дерева с двумя лезвиями (1). Для него исходной заготовкой служила пластина с ретушью. Сверло для дерева с двумя лезвиями обнаружено в составе комбинированного орудия.

Микросверло для дерева с одним лезвием (1). Для данной функции использован угол ребристой пластины с ретушью. Оно обнаружено на изделии, где боковая грань использовалась как скобель для дерева с одним лезвием.

Развертка для дерева с одним лезвием (1). Для нее использована микропластина без обработки, которая применялась еще как вкладыш составного охотничьего орудия.

Развертка для дерева с двумя лезвиями (1). Для нее исходной заготовкой служила пластина с ретушью. Данная функция обнаружена на двулезвийном вкладыше ножа.

Пилкой для дерева с одним лезвием служила пластина с ретушью. Для этой функции использовано изделие, на котором вторая продольная сторона носит следы однолезвийного строгального ножа для дерева.

В качестве пилки для дерева с двумя лезвиями использовалась пластина без ретуши. Никаких других функций на этом орудии не обнаружено.

Пилкой для кости, рога с одним лезвием служила пластина с ретушью. На этом же изделии второе лезвие использовалось как однолезвийный вкладыш ножа.

Пилок для кости, рога с двумя лезвиями в коллекции шесть, для них исходной заготовкой служили пластины с ретушью. Орудий, на которых обнаружена только эта функция, два. Все остальные являются составными в полифункциональных изделиях.

Проколк среди инвентаря 13 единиц. Исходными заготовками для них служили пластины без ретуши (9), пластины с ретушью (2), микропластины с притупленным краем (1). Десять орудий являлись монофункциональными изделиями. Остальные были в составе комбинированных орудий.

Микропроколкой служил угол пластины без ретуши, на которой обнаружены следы от однолезвийного вкладыша ножа.

Наконечник на пластине (1), его вторичное использование – сверло для кости, рога.

Орудия на отщепях

Следы использования в различных трудовых операциях обнаружены на 150 изделиях на отщепях. За счет полифункциональности на данном количестве орудий обнаружено 200 лезвий для всевозможных функций.

Основное количество среди орудий на отщепях составляют скребки различных типов. Скребок с одним лезвием, которое расположено на противоположной стороне от ударной площадки (концевых скребков), в коллекции 31 единица. Форма скребков подчинена форме отщепов. Лезвия прямые и округлые, ретушь крутая. В качестве исходной заготовки использованы отщепы с ретушью (24) и орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепях (8). Однолезвийных скребков на отщепях как монофункциональных орудий 28. Остальные орудия – в составе полифункциональных изделий.

Боковых скребков с двумя лезвиями в коллекции два. Они на заготовках, типологически относящихся к скребкам на отщепях. Следов других функций на этих изделиях не обнаружено.

Скребок концевого-бокового типа с двумя лезвиями на отщепях обнаружено 27. Из них 11 – на изделиях, типологически относящихся к отщепам с ретушью, и 16 – к скребкам на отщепях. Орудий, на которых обнаружена только эта функция, 25 единиц. На двух скребках концевого-бокового типа с двумя лезвиями найдены следы от однолезвийных резчиков для дерева.

Скребок концевого-бокового типа с тремя лезвиями на отщепях 27. Для них исходной заготовкой служили орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепях; 24 изделия имели следы только этой функции, три – на комбинированных орудиях.

Скребок концевого-бокового типа с четырьмя лезвиями (круговых скребков) в кол-

лекции семь. Для них исходной заготовкой служили орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепках. Все изделия имели только функцию скребков.

В качестве ножей в коллекции использовались острые режущие края отщепов. Однолезвийных ножей на отщепках три. Два из них – на отщепках без ретуши и один – на изделии, типологически относящемся к скребкам на отщепках. Однолезвийные ножи на отщепках без ретуши являлись многофункциональными.

Двулезвийных ножей на отщепках три. Все изделия выполняли только эту функцию. Для двух из них исходной заготовкой служили отщепы с ретушью, а для одного – отщеп без ретуши.

Резчиками служили острые углы изделий на отщепках. Однолезвийных резчиков для дерева на отщепках семь. Для трех из них заготовками служили отщепы с ретушью, для трех – скребки на отщепках и для одного – отщеп без ретуши. Все данные орудия обнаружены на полифункциональных изделиях.

Двулезвийный резчик для дерева на отщепе (1). Исходной заготовкой для данного орудия служил отщеп без ретуши. Другая функция этого изделия – стамеска по дереву.

Резцом для дерева служил острый угол, оформленный резцовым сколом, отщеп с ретушью, на котором обнаружены следы от однолезвийного скребка для дерева.

Скобелей для дерева среди инвентаря обнаружено 13. Все они однолезвийные, 12 – на отщепках с ретушью и один – на отщепе без обработки. Монофункциональных орудий в коллекции шесть, остальные – скобели для дерева с одним лезвием – найдены в составе полифункциональных орудий.

Скобелей для кости, рога с одним лезвием в коллекции семь. Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью. Монофункциональных орудий шесть единиц.

Двулезвийных скобелей для кости, рога три. Заготовкой для них служили отщепы с ретушью. На одном изделии других каких-либо функций не обнаружено. Два орудия были обнаружены в составе полифункциональных изделий.

Скобель для кости, рога с тремя лезвиями (1). Исходной заготовкой для этого орудия служил отщеп с ретушью. Никаких других функций на этом изделии не обнаружено.

Сверло для дерева на отщепе (1). Исходной заготовкой для данного орудия служил отщеп с ретушью. На этом же изделии обнаружены следы, оставленные разверткой для дерева.

Сверл для кости, рога на отщепках с одним лезвием пять. Все они на отщепках с ретушью. Четыре единицы являлись монофункциональными орудиями, одно обнаружено в составе комбинированного изделия.

Проколоток в коллекции две. Одна из них на отщепе с ретушью являлась монофункциональным орудием, для другой использовался острый угол на скребке концевого-бокового типа с тремя лезвиями.

Ретушером служил крупный отщеп с ретушью.

В качестве стамески использовался большой отщеп без обработки, на котором обнаружены следы двулезвийного резчика для дерева.

Орудия на нуклеусах и обломках представлены однолезвийным сверлом для дерева, на сколе оживления нуклеуса, четырьмя ретушерами на нуклеусах с одним скобелем для кости, рога с одним лезвием. Изделия из сланца имели следы лощила (1), а одно являлось абразивом (Плешаков, 2003, с. 68–90).

Стоянка Виноградовка XIV.

Орудия на пластинах

Основное количество среди орудий на пластинах стоянки Виноградовка XIV составляют вкладыши ножей. Они изготовлены из треугольных и трапециевидных пластин и их сечений.

Однолезвийных вкладышей ножей в коллекции 64. Для этого вида орудий применялись пластины без ретуши (40), пластины с ретушью (18), использовались боковые стороны пластин с резцовым сколом. В качестве однолезвийного ножа применялись две ребристые пластины и одна трапеция. Однолезвийные вкладыши ножей с единственной функцией обнаружены на 29 изделиях, остальные – на комбинированных орудиях.

Двулезвийных ножей в коллекции 348 единиц. Для них использованы в качестве заготовки пластины без ретуши (219), пластины с ретушью (112), пластины с резцовым сколом (7), концевые скребки (3), пластины с торцевой обработкой (2), пластины ребристые (3), пластины со скошенным краем (2). Двулезвийные вкладыши ножей с единственной функцией обнаружены на 232 изделиях. Остальные имели полифункциональное назначение.

Однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий 18. В качестве исходной заготовки служили пластины без обработки (7), пластины с ретушью (9), резцы угловые (1). Как монофункциональные орудия – 11 экземпляров. Остальные являлись составными в комбинированных изделиях.

Двулезвийные вкладыши составных охотничьих орудий (25). В качестве исходной заготовки служили пластины без обработки (20), пластины с ретушью (3), резцы угловые (1), пластины с торцевой обработкой (1); 23 орудия имели следы только функций двулезвийных вкладышей составных охотничьих орудий, два – в составе комбинированных орудий.

Однолезвийные резчики для дерева (124). Из них 62 – на пластинах без обработки, 48 – на пластинах с ретушью, девять – на пластинах с резцовым сколом, два – на концевых скребках, один – на пластине с выемками, два – на ребристых пластинах, один – на пластине со скошенным краем. Однолезвийных резчиков для дерева как монофункциональных орудий обнаружено три. Остальные орудия с данной функцией – в составе комбинированных орудий.

Двулезвийных резчиков для дерева на пластинах 40 экземпляров. Для них использовались пластины без обработки (14), пластины с ретушью (23), пластины с резцовым сколом (2), пластина с выемкой (1). Резчик для дерева с двумя лезвиями без других функций – один. Остальные изделия имели полифункциональное назначение.

Трехлезвиевых резчиков для дерева 13, из них три – на пластинах без обработки, семь – на пластинах с ретушью и три – на пластинах с резцовым сколом. Все эти орудия обнаруже-

ны в составе полифункциональных изделий.

Резчиков для дерева с четырьмя лезвиями четыре экземпляра. Для двух из них использованы пластины без обработки и для двух – пластины с ретушью. Одно из орудий использовалось только для этой функции. Остальные обнаружены в составе полифункциональных орудий.

Однолезвийные резчики для кости, рога на пластинах (11). Из них три – на пластинах без обработки, шесть – на пластинах с ретушью, один – на ребристой пластине, один – на пластине со скошенным краем. Однолезвийных резчиков для кости, рога как монофункциональных орудий два. Остальные являются составными полифункциональных орудий.

Двулезвийных резчиков для кости, рога четыре единицы. Из них два – на пластинах без обработки, один – на пластине с ретушью и один – на пластине с резцовым сколом. Только на одном орудии следов от других функций не обнаружено.

Четырехлезвийный резчик для кости, рога на пластине (1). Он найден на пластине с резцовым сколом. Никаких других функций на этом орудии не обнаружено.

Концевых скребков с одним лезвием 13 единиц. На орудии, типологически относящиеся к концевым скребкам, – шесть, четыре – на пластинах без обработки, три – на пластинах с ретушью. На семи орудиях концевой скребок является единственной функцией.

Однолезвийные боковые скребки (11). Для них использовались пластины без обработки (8) и пластины с ретушью (3). Боковых скребков с одним лезвием как монофункциональных орудий обнаружено четыре. Все остальные орудия с данной функцией встречаются в комбинированных изделиях.

Двулезвийные боковые скребки – 32 экземпляра. В качестве исходной заготовки для них служили пластины без обработки (17), пластины с ретушью (14), пластина ребристая (1). Изделий, на которых обнаружены только двулезвийные боковые скребки, 28 единиц.

Скребков концевого-бокового типа с двумя лезвиями пять. Из них один – на пластине с резцовым сколом, три – на изделиях, типологи-

чески относящихся к концевым скребкам, один – на пластине с торцевой обработкой.

Скребков концевого-бокового типа с тремя лезвиями 26. Из них три – на пластинах с ретушью, 21 единица – на изделиях, типологически относящихся к концевым скребкам, один – на пластине с торцевой обработкой. Орудий, на которых обнаружены только скребки концевого-бокового типа с тремя лезвиями, среди инвентаря 24 экземпляра. В составе комбинированных орудий с однолезвийным резчиком для дерева – два.

Однолезвийные скобели для дерева (22). Для них использовались пластины без обработки (5), пластины с ретушью (15), пластина с выемкой (1) и на ребристой пластине (1). Однолезвийных скобелей для дерева как монофункциональных орудий четыре единицы.

Двулезвийные скобели для дерева (63). Исходной заготовкой служили пластины без обработки (13), пластины с ретушью (40), изделия, типологически относящиеся к пластинам с резцовым сколом (3), пластина с выемкой (1) и ребристые пластины (6). Двулезвийных скобелей для дерева без других следов использования среди орудий 42. Остальные представлены в комбинированных изделиях.

Однолезвийных скобелей для кости, рога 14 экземпляров. Исходной заготовкой для них служили пластины без обработки (2), пластина с ретушью (1), изделие, типологически относящееся к концевым скребкам (1), пластина с выемкой (1). Однолезвийных скобелей для кости, рога как монофункциональных орудий три. Остальные являются составными в полифункциональных изделиях.

Двулезвийных скобелей для кости, рога 24 единицы. Исходной заготовкой для этого вида орудий служили пластины без ретуши (5), пластины с ретушью (13), пластины с резцовым сколом (3), ребристые пластины (1), пластины со скошенным краем (2). Двулезвийных скобелей для кости, рога без других следов использования девять.

Однолезвийных строгальных ножей для дерева 13 единиц. Исходной заготовкой для них служили пластины без обработки (4), пластины с ретушью (13), пластина с резцовым сколом

(1), пластина с выемкой (1). Однолезвийных строгальных ножей как монофункциональных орудий четыре единицы, остальные – в составе полифункциональных орудий.

Двулезвийные строгальные ножи для дерева (19). Исходной заготовкой для них служили пластины без обработки (4), пластины с ретушью (13), пластина с резцовым сколом (1) и пластина с выемкой (1). Двулезвийных строгальных ножей для дерева без других функций на одном изделии обнаружено среди инвентаря девять единиц.

Двулезвийные строгальные ножи для кости, рога (8). Исходной заготовкой для них служили пластины с ретушью (7), изделия, относящиеся к концевым скребкам (1). Орудий, имеющих функции только двулезвийных строгальных ножей, семь.

Проколки для шкур (6). Для них применялись пластины без ретуши (2), пластина с ретушью (1), пластина с выемкой (1), ребристая пластина (1) и пластина со скошенным краем (1). Все проколки, обнаруженные среди инвентаря, состояли в полифункциональных орудиях.

Развертка в коллекции одна. Она на пластине без обработки и является монофункциональным орудием.

Пилка для раковин с одним лезвием (1). В качестве исходной заготовки использована пластина с ретушью.

Сверло для дерева (1). В качестве заготовки использована пластина с ретушью. Данное орудие обнаружено в составе полифункционального орудия.

Сверла для кости, рога (2). Для одного сверла заготовкой служила пластина с ретушью, для другого – наконечник стрелы на пластине.

Стамеска для шкур в коллекции одна. Исходной заготовкой для нее служило изделие, типологически относящееся к концевым скребкам.

Наконечник стрелы в коллекции один.

Интересно орудие на пластине с ретушью. Это боковой скребок, который использовался для работы по дереву.

Однолезвийные резцы для дерева (8). Исходной заготовкой для них служили пла-

стина без ретуши (1), пластины с ретушью (4), пластины с резцовым сколом (2), ребристая пластина (1). Все резцы для дерева с одним лезвием обнаружены на орудиях, относящихся к полифункциональным.

Двулезвийный резец для дерева (1). В качестве исходной заготовки для него использована пластина с ретушью.

Однолезвийных резцов для кости, рога в коллекции шесть единиц. Для данного вида орудия использовались пластины без обработки (3) и пластины с резцовым сколом (3). Два орудия являлись монофункциональными, остальные обнаружены в составе комбинированных изделий.

Двулезвийный резец для кости, рога (1). В качестве исходной заготовки для него использована пластина с резцовым сколом.

Орудия на отщепах

Следы использования в различных трудовых операциях обнаружены на 172 изделиях на отщепах. За счет полифункциональности на данном количестве орудий обнаружено 322 лезвия для всевозможных функций.

Основное количество среди орудий на отщепах составляют различные скребки. Скребок концевой типа с одним лезвием в коллекции 17 единиц. В качестве исходной заготовки использованы отщеп с ретушью (1) и орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепах (16).

Боковых скребков с одним лезвием среди инвентаря на отщепах 13. В качестве заготовки использованы отщепы с ретушью (6) и орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепах (7).

Скребок концевой-боковой типа с двумя лезвиями на отщепах 24 экземпляра. Из них 23 – на изделиях, типологически относящихся к скребкам на отщепах, и один – на отщепе с ретушью.

Скребок концевой-боковой типа с тремя лезвиями на отщепах 43. Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью (5), скребки на отщепах (28); имело следы только функций скребков 41 изделия.

Однолезвийных ножей на отщепах четыре единицы. Все они – на отщепах с ретушью.

Двулезвийных ножей на отщепах в коллекции три. Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью.

Вкладышем составного охотничьего орудия с одним лезвием служил небольшой отщеп с ретушью, который являлся монофункциональным орудием.

Однолезвийные резчики для дерева (13). Исходными заготовками служили отщепы с ретушью (12) и изделие, типологически относящееся к скребкам на отщепах (1). В данной группе четыре монофункциональных орудия, остальные обнаружены в составе комбинированных орудий.

Двулезвийных резчиков для дерева на отщепах в коллекции четыре. Для двух из них исходной заготовкой служили отщепы с ретушью и для двух – орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепах. На одном двулезвийном резчике для дерева других функций не обнаружено. Остальные являлись полифункциональными орудиями.

Однолезвийный резчик для кости, рога на отщепах (1). Исходной заготовкой для данного орудия служил отщеп с ретушью.

Однолезвийные резцы для кости, рога на отщепах (3). Исходной заготовкой для них служили орудия, типологически относящиеся к скребкам на отщепах.

Двулезвийный резец для кости, рога (1). Исходной заготовкой для данного орудия служил отщеп с ретушью.

Однолезвийные скобели для дерева на отщепах (10). Исходной заготовкой служили отщепы с ретушью (8) и скребки на отщепах (2). Однолезвийных скобелей для дерева как монофункциональных орудий пять, остальные обнаружены в составе комбинированных изделий.

Двулезвийных скобелей для дерева на отщепах семь единиц. Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью. На четырех изделиях никаких других функций не обнаружено.

Однолезвийные скобели для кости, рога на отщепах (7). Для шести изделий исходной

заготовкой служили отщепы с ретушью и для одного – выемчатое орудие.

Двулезвийные скобели для кости, рога на отщепах (6). Исходной заготовкой для них служили отщепы с ретушью (3), выемчатое орудие (1), скребки на отщепах (2). На трех изделиях с функцией двулезвийного скобеля для кости, рога других следов использования не обнаружено. Остальные представляли собой полифункциональные изделия.

Трехлезвийных скобелей для кости, рога на отщепах два. Исходной заготовкой служили отщеп с ретушью (1) и скребок на отщепе (1). На данных изделиях других функций не обнаружено.

Однолезвийные строгальные ножи для дерева на отщепах (2). Исходной заготовкой для этих орудий были отщепы с ретушью.

Двулезвийных строгальных ножей для дерева на отщепах три. Исходные заготовки в данном случае – отщепы с ретушью.

Однолезвийные скребла на отщепах (2). Для одного из них отправной заготовкой служил отщеп с ретушью, для другого – скребок на отщепе. Оба орудия являются монофункциональными.

Скребел на отщепах с тремя лезвиями шесть единиц. Для трех из них исходными заготовками являлись отщепы с ретушью, для остальных трех – скребки на отщепах.

Скребел на отщепах с четырьмя лезвиями (круговые скребла) два. Исходной заготовкой для одного из них служил отщеп с ретушью, для другого – орудие, типологически относящееся к скребкам на отщепах.

Сверло для дерева на отщепе (1). Заготовка для него – отщеп с ретушью. Данное изделие наряду с функцией сверла имело следы функции стамески для работы по дереву.

Стамесок по дереву на изделиях на отщепах три экземпляра. Исходными заготовками для них были отщепы с ретушью. Все они составляли полифункциональные орудия.

Ретушеров на отщепах четыре. В данной функции применялись отщепы с ретушью (3) и бифас (1).

В качестве нуклеуса использовалось одно орудие, типологически относящееся к скребкам на отщепах.

Микросверло для раковин (1), типологически относится к скребкам на отщепах.

В качестве тесла для дерева применялся крупный отщеп с ретушью.

Наконечником дротика служил бифас, на котором обнаружены следы, оставленные ретушером.

Изделия из сланца, песчаника и галечные орудия

Среди изделий из сланца, песчаника и галечных орудий четыре не имели следов сработанности, на четырех предметах обнаружены следы ретушеров, два изделия представлены теслами. Есть топоры (3); три изделия имели следы пестов; на одном орудии обнаружены следы лощила для кожи; четыре плитки из песчаника являлись абразивами (Плешаков, 2003, с. 90–111).

Стоянка Жабай-Покровка I

Материалы стоянки Жабай-Покровка I представлены орудиями труда пластинчатой индустрии.

В коллекции имеется 10 нуклеусов. На трех из них обнаружены следы, свидетельствующие, что данные нуклеусы использовались в качестве ретушеров.

Среди пластин лишь 29 изделий не использовались в трудовых операциях.

В коллекции 125 однолезвийных вкладышей ножей. Для этого вида орудий использовались пластины без ретуши (84), пластины с ретушью (24), пластины со скошенным краем (7), пластина с торцевой обработкой (1), ребристые пластины без ретуши (2), пластины с резцовым сколом (7) (обнаружены в составе полифункциональных орудий).

Двулезвийных вкладышей ножей на пластинах 73 единицы. Для них использовались пластины без ретуши (62), пластины с ретушью (4), пластины со скошенным краем (3) и четыре пластины с резцовым сколом. Они найдены в составе полифункциональных орудий. Остальные изделия также были среди комбинированных орудий.

В коллекции 63 однолезвийных вкладыша составных охотничьих орудий на пласти-

нах. Для этого вида орудий использовались пластины без ретуши (36), микропластины (20), пластины со скошенным краем (3), пластины с резцовым сколом (4). На пластинах без ретуши 34 вкладыша составных охотничьих орудий являлись монофункциональными изделиями и два вкладыша использовались еще и как однолезвийные резчики для дерева. На микропластинах обнаружено 20 вкладышей составных охотничьих орудий с одним лезвием, причем четыре из них вставлялись под углом к основе вкладышевого охотничьего орудия, что представляло собой изделие гарпунного типа. Все изделия монофункциональные.

Однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий на пластинах со скошенным краем три экземпляра, все они монофункциональные, в основу вставлялись под углом. На пластинах с резцовым сколом однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий четыре. Все они обнаружены в составе полифункциональных орудий.

Двулезвийные вкладыши составных охотничьих орудий на пластинах (19). Для этой функции использовались пластины без ретуши (15), микропластины (3), пластины с резцовым сколом (1). На 14 изделиях на пластинах без ретуши никаких других функций не обнаружено, а на одном кроме функции двулезвийного вкладыша обнаружены следы однолезвийного резчика для дерева. Три микропластины имели следы лишь двулезвийного вкладыша составного охотничьего орудия.

Однолезвийных резчиков по дереву на пластинах в коллекции Жабай-Покровка I 87 единиц. Использовались однолезвийные резчики по дереву на пластинах без ретуши (60), пластины с ретушью (16), угол ребристой пластины без ретуши (1) и пластины с резцовым сколом (10). На пластинах без ретуши лишь шесть однолезвийных резчиков по дереву являются орудиями монофункциональными. Остальные 54 обнаружены в составе полифункциональных орудий.

Резчиков для дерева с двумя лезвиями на пластинах 23 экземпляра. Для 10 орудий исходными заготовками служили пластины без ретуши, для восьми – пластины с ретушью,

пять резчиков найдены на пластинах с резцовым сколом. На пластинах с резцовым сколом двулезвийные резчики для дерева также были в составе полифункциональных орудий.

Резчиков по дереву с тремя лезвиями в коллекции орудий на пластинах четыре. Из них два – на пластинах без ретуши, один – на пластине с ретушью и один – на пластине с резцовым сколом.

Резчиков по дереву с четырьмя лезвиями на пластинах нет.

Однолезвийные резчики по кости, рогу обнаружены только на пластинах с ретушью (3).

Двулезвийных резчиков по кости, рогу в коллекции на пластинах два. Эти изделия обнаружены в составе полифункциональных орудий.

Резцов по дереву с одним лезвием на пластинах 12. Из них три – на пластинах без ретуши. Для 10 однолезвийных резцов для дерева использовались пластины с резцовым сколом. Однолезвийные резцы для дерева на пластинах без ретуши обнаружены в составе полифункциональных орудий. Однолезвийные резцы для дерева на пластинах с резцовым сколом представлены монофункциональным орудием (1), остальные обнаружены в составе комбинированных орудий.

Двулезвийных резцов для дерева в коллекции на пластинах три экземпляра. Для них использовались пластины с резцовым сколом. Все они были в составе полифункциональных орудий.

Однолезвийных резцов для кости, рога на пластинах шесть. Для них использовались одна ребристая пластина без ретуши и пять пластин с резцовым сколом. Однолезвийный резец для кости, рога на ребристой пластине без ретуши являлся монофункциональным орудием. Однолезвийные резцы для кости, рога на пластинах с резцовым сколом представлены одним монофункциональным орудием, остальные находились в составе комбинированных орудий.

Однолезвийных скобелей для дерева на пластинах в коллекции 39. Из них 20 – на пластинах без ретуши, 14 – на пластинах с ретушью, два – на ребристых пластинах без ре-

туши, три – на пластинах с резцовым сколом. Среди однолезвийных скобелей для дерева на пластинах без ретуши 13 предметов являлись монофункциональными орудиями. Два однолезвийных скобеля для дерева на пластинах без ретуши обнаружены на однолезвийных вкладышах ножей. Один однолезвийный скобель для дерева был в сочетании с однолезвийным вкладышем ножа и однолезвийным резчиком для дерева. Скобели для дерева с одним лезвием на пластинах с ретушью представлены двумя изделиями, на которых никаких других следов не обнаружено. Остальные найдены в составе полифункциональных орудий. Скобели для дерева с одним лезвием на ребристых пластинах без ретуши (2) представлены монофункциональными орудиями, а на пластинах с резцовым сколом – в комбинациях полифункциональных орудий.

Двулезвийные скобели для дерева на пластинах (13). Два из них – на пластинах без ретуши, восемь – на пластинах с ретушью, один – на ребристой пластине без ретуши, два – на пластинах с резцовым сколом. На пластинах с ретушью на одном орудии были найдены только следы двулезвийного скобеля для дерева. На углу второго орудия со следами двулезвийного скобеля для дерева находился однолезвийный резец для дерева. Двулезвийный скобель для дерева на ребристой пластине без ретуши никаких других следов не имел. Три изделия на пластинах с ретушью имели только следы двулезвийного скобеля для дерева, остальные обнаружены в составе полифункциональных орудий.

Однолезвийные скобели для кости, рога на пластинах шесть единиц. В данном случае использовались пластина без ретуши (1), пластины с ретушью (4) и пластина с резцовым сколом (1). Однолезвийный скобель для кости, рога на пластине без ретуши обнаружен в сочетании с однолезвийным вкладышем ножа. Все однолезвийные скобели для кости и рога на пластинах с ретушью находились в составе полифункциональных орудий. Однолезвийный скобель для кости, рога на пластине с резцовым сколом обнаружен в сочетании с двулезвийным резцом для дерева.

Двулезвийных скобелей для кости, рога на пластинах шесть. Для них применили пластину без ретуши (1), пластины с ретушью (4) и пластину с резцовым сколом (1). На двулезвийном скобеле для кости, рога на пластине без ретуши следов от других функций не обнаружено. На двух пластинах с ретушью найдены только следы от двулезвийного скобеля для кости, рога, на одной – двулезвийный скобель для кости, рога, на второй – двулезвийный скобель для кости, рога и двулезвийный резчик для кости, рога. Один двулезвийный скобель для кости, рога на пластине с резцовым сколом обнаружен в сочетании с однолезвийным резцом для кости, рога.

Однолезвийных строгальных ножей для дерева на пластинах 23. На пластинах без ретуши – 14 единиц, на пластинах с ретушью – четыре, на пластине со скошенным краем – один, на ребристых пластинах без ретуши – два, на пластинах с резцовым сколом – два. На пластинах без ретуши девять однолезвийных строгальных ножей для дерева являлись монофункциональными орудиями, остальные – в составе полифункциональных орудий. Два однолезвийных строгальных ножа для дерева на ребристых пластинах без ретуши – монофункциональные орудия. На пластинах с ретушью лишь один однолезвийный строгальный нож для дерева был монофункциональным орудием, остальные находились в составе комбинированных орудий. На пластинах с резцовым сколом однолезвийные строгальные ножи для дерева найдены в комбинированных орудиях.

Двулезвийных строгальных ножей для дерева на пластинах обнаружено восемь экземпляров. Из них один – на пластине без ретуши, четыре – на пластинах с ретушью, три – на пластинах с резцовым сколом.

Скребок концевой типа с одним лезвием на пластинах обнаружено два. Из них один – на микропластине, второй – на пластине с резцовым сколом. Оба орудия являлись монофункциональными.

Скребок боковой типа с одним лезвием на пластинах 35. На пластинах без ретуши – девять единиц, на пластинах с ретушью – 25, на ребристой пластине – один.

Двулезвийных боковых скребков на пластинах 12. На пластинах с ретушью – девять, на пластинах со скошенным краем – два, на пластинах с резцовым сколом – один.

Скребок концевого-бокового типа с двумя лезвиями на пластинах (1). Исходной заготовкой для него служила пластина с ретушью, следов других функций не обнаружено.

Однолезвийных пилок для дерева среди инвентаря на пластинах обнаружено 16 единиц. Исходными заготовками для них служили пластины без ретуши (8), пластины с ретушью (6), пластины с резцовым сколом (2).

Двулезвийных пилок для дерева в коллекции пластин пять. Исходными заготовками для них служили пластины без ретуши (3), пластина с ретушью (1), пластина с резцовым сколом (1). На данных орудиях следов других функций не обнаружено.

Стамеска для шкур на пластинах (1). Исходная заготовка для нее – пластина без ретуши.

Сверла для дерева (10). Исходными заготовками для них служили пластины без ретуши (3), микропластина (1), пластина со скошенным краем (5).

Для микропроколки использована пластина без ретуши. Орудие монофункциональное.

Ножей для шкур на пластинах пять. Из них два – на пластинах с ретушью, один – на микропластине, один – на пластине со скошенным краем, один – на ребристой пластине без ретуши.

Стругов для дерева на пластинах пять. Для этих орудий применялись пластина с ретушью (1), пластина с резцовым сколом (1), ребристые пластины с ретушью (3).

Сверла для кости, рога (2) обнаружены на микропластине и пластине со скошенным краем. Эти орудия монофункциональные.

Из шести проколов четыре обнаружены на пластинах со скошенным краем, одна – на пластине с резцовым сколом, одна – на ребристой пластине без ретуши.

В качестве сверла для камня применялась ребристая пластина без ретуши.

Сверлом для раковин также служила ребристая пластина без ретуши.

Орудия на отщепах

В коллекции стоянки Жабай-Покровка I орудия на отщепах представлены 61 экземпляром, на которых обнаружено 77 лезвий; 334 отщепа следов использования не имели.

Однолезвийный вкладыш ножа среди орудий на отщепах один. Для него использовался отщеп без ретуши. Орудие монофункциональное.

Однолезвийных резчиков для дерева на отщепах четыре. Все они без ретуши. Следов других функций на данных орудиях не обнаружено.

Двулезвийный резчик для дерева (1). Орудие монофункциональное.

Однолезвийных скобелей для дерева 14 единиц. Для этого вида орудий использовались отщепы без ретуши (8), отщепы с ретушью (5), скребки на отщепах (1).

Двулезвийных скобелей для дерева четыре. Из них один – на отщепе без ретуши, два – на отщепах с ретушью, один – на скребке на отщепе.

Скобель для кости, рога с одним лезвием (1). Обнаружен на скребке на отщепе в сочетании со скребком концевого-бокового типа с двумя лезвиями.

Строгальный нож для дерева обнаружен на скребке на отщепе в сочетании со скребком концевого типа с одним лезвием.

Строгальный нож для кости, рога обнаружен на скребке на отщепе в сочетании со скребком концевого-бокового типа с двумя лезвиями.

Скребок концевого типа с одним лезвием на отщепах 10. Из них два – на отщепах с ретушью, восемь – на скребках на отщепах.

Однолезвийных скребков бокового типа обнаружено четыре. Из них три – на отщепах с ретушью, один – на скребке на отщепе.

Скребок концевого-бокового типа с двумя лезвиями семь. Шесть из них – на типологических скребках на отщепах, один – на отщепе с ретушью. Последний являлся монофункциональным орудием.

Скребок концевого-бокового типа с тремя лезвиями (1). Исходной заготовкой для него служил типологический скребок на отщепе,

следов других функций на этом орудии не обнаружено.

Скребок концевого-бокового типа с четырьмя лезвиями (1). Для этого орудия исходной заготовкой также служил скребок на отщепе.

Две микропроколки обнаружены на отщепе без ретуши. Следов других функций не найдено.

Ножом для раскройки шкур служил отщеп без ретуши. Орудие монофункциональное.

Единственной пилкой для дерева на отщепе служил отщеп без ретуши.

Сверлами для кости, рога служили два отщепе без ретуши и один отщеп – с ретушью.

Сверло для дерева (1), обнаружено на отщепе без ретуши.

Сверло для камня (1), обнаружено на отщепе с ретушью. Орудие монофункциональное.

Сверло для раковин (1), также обнаружено на отщепе с ретушью в сочетании со скребком бокового типа с одним лезвием.

Пилка для кости, рога обнаружена на скребке на отщепе в сочетании со скребком концевого-бокового типа с двумя лезвиями (Плешаков, 2003, с. 111–129).

Стоянка Тельмана XII.

Орудия на нуклеусах

Трасологический анализ показал, что сработанные и сломанные нуклеусы имели следы использования в различных трудовых функциях. Из семи обломков нуклеусов и нуклевидных предметов на пяти обнаружены следы использования. Поперечный слой нуклеуса с выпуклой ударной площадкой с мелкой ретушью по краю скола применялся как скребок для шкур. Нуклевидный предмет из серой яшмовидной породы служил в качестве рубящего орудия, а его плоская поверхность с желвачной коркой имеет следы, характерные для абразива. На одном из нуклевидных предметов с дополнительной обработкой края обнаружены следы скребка для шкур. Уплотненный предмет с несколькими сколами (остальная поверхность покрыта желвачной коркой) выполнял функ-

ции долота с муфтой. Большой обломок яшмовидной породы клиновидной формы использовался как ручное орудие для отески дерева.

Орудия на пластинах

Из 73 пластин в трудовых операциях было использовано 66 изделий. Основу орудий труда на пластинах составляют вкладыши ножей. Однолезвийных изделий семь экземпляров. Все они являются монофункциональными орудиями на пластинчатых заготовках треугольного и трапециевидного сечения.

Двулезвийных вкладышей ножей на пластинах найдено 29 единиц. На двадцати одном изделии дополнительных функций не обнаружено. На двух изделиях на пластинах с ретушью заметны следы, оставленные двулезвийным вкладышем ножа и однолезвийным скребком для дерева. Одно орудие имело функции вкладыша ножа с двумя лезвиями, и углы этой пластины использовались в качестве двулезвийного резчика для дерева. Две ребристые пластины с резцовым сколом имели функции двулезвийных вкладышей ножей и однолезвийных резцов для дерева.

Вкладыши составных охотничьих орудий изготавливались из небольших по размерам пластин. Однолезвийных вкладышей составных охотничьих орудий в коллекции не обнаружено.

Двулезвийных вкладышей составных охотничьих орудий среди инвентаря семь экземпляров. Исходной заготовкой для них служили пластины без ретуши.

Резчиками для дерева в коллекции служили углы пластин, зачастую уже использованные в других операциях. Однолезвийных резчиков для дерева на пластинах найдено семь, из них пять – на пластинах без ретуши, два – на ребристых пластинах.

Двулезвийных резчиков для дерева среди инвентаря два.

Резчиков для кости, рога на пластинах не обнаружено.

Резцы по дереву представлены тремя экземплярами. Исходными заготовками для них служили ребристые пластины, лезвия у них оформлены резцовым сколом, или использо-

вались пластины с боковым ребром, имеющим форму, подобную оформленной резцовым сколом. Все обнаруженные орудия – однолезвийные.

Резцов по кости, рогу на пластинах в коллекции два экземпляра.

Функцию однолезвийных скобелей для дерева выполняли две пластины с ретушью.

Скобели для кости, рога (2). Из них один – однолезвийный. Исходной заготовкой для него служила ребристая пластина. Второй скобель для кости, рога на пластине с ретушью двулезвийный.

Среди орудий в коллекции обнаружено три однолезвийных строгальных ножа для дерева, являвшихся монофункциональными орудиями, из которых два изготовлены из пластины без ретуши, для третьей использовали ребристую пластину.

Из двулезвийных строгальных ножей для дерева три имели только эту функцию. Один из них изготовлен на пластине без ретуши, исходной заготовкой для другого послужила пластина с ретушью, а для третьей – ребристая пластина. Для четвертого орудия исходной заготовкой была пластина без ретуши.

Однолезвийных строгальных ножей для кости, рога в коллекции нет.

Двулезвийный строгальный нож для кости, рога (1). В качестве исходной заготовки взяли пластину с ретушью.

Пять орудий на пластинах в коллекции служили скребками для обработки шкур. Три из них – концевые скребки – с одним лезвием. Для двух использованы изделия, типологически относящиеся к концевым скребкам, и для одного – пластина с ретушью.

Однолезвийных боковых скребков на пластинах не обнаружено.

Двулезвийных боковых скребков на пластинах среди инвентаря два экземпляра. Причем одно орудие на пластине без ретуши, а другое – на пластине с ретушью.

Прокол для шкур на пластинах обнаружено две, одна из которых – на пластине без ретуши.

Наконечник стрелы на пластине один, треугольной в сечении формы. Мелкой рету-

шью у него обработаны две стороны и основание со стороны брюшка, образуя небольшую выемку. Длина наконечника 19 мм, ширина 12 мм.

Ретушером для мелких работ служила ребристая пластина с ретушью длиной 37 мм, шириной до 11 мм, со следами сработанности с двух торцевых сторон.

Орудия на отщепях

В трудовых операциях применялось 56 изделий на отщепях.

Однолезвийный нож с обушком в коллекции один. Орудие исполнено на крупном уплощенном отщепе (7,0 см) с желвачной коркой. Форма отщепа подтреугольная. Длинная сторона обработана приостряющей ретушью, образуя рабочее лезвие.

Двулезвийный нож среди инвентаря обнаружен также один. В качестве заготовки использован крупный отщеп (6,3 см) овальной формы. Боковые ребра отщепа подправлены мелкой приостряющей ретушью, образуя рабочее лезвие двулезвийного ножа. Площадка со стороны ударного бугорка использовалась в качестве ретушера.

Вкладышей составных охотничьих орудий на отщепях не обнаружено.

Резчиков по дереву на отщепях восемь, шесть из них – однолезвийные и два – двулезвийные. Один – на изделии, которое типологически относится к скребкам на отщепях. Два резчика с двумя лезвиями – на изделиях, исходными заготовками для которых служили отщепы с ретушью.

Резчиков для кости, рога с одним лезвием два. В качестве этих орудий использовались отщепы с ретушью.

Резцов для работы по дереву на отщепях в коллекции шесть, из них пять являются однолезвийными, один – двулезвийный резец для работы по дереву. Данные изделия изготовлены путем нанесения резцового скола на краю отщепа.

Резцов по кости, рогу на отщепях не обнаружено.

Скобелей для дерева на отщепях в коллекции пять. Три из них – однолезвийные ору-

дия и два – двулезвийные. Три скобеля для дерева: один – на скребке на отщепе, два – на отщепях с ретушью – являются монофункциональными орудиями. Один из них – скобель для мелких работ по дереву.

Скобелей для кости, рога три. Для них исходной заготовкой явились отщепы с ретушью. Все они однолезвийные.

Строгальный нож для дерева на отщепе (1). Это однолезвийный скобель в составе полифункционального орудия.

Строгальных ножей для кости, рога на отщепях не обнаружено.

Скребок для обработки шкур на отщепях 23 экземпляра. Из них 18 являются однолезвийными скребками. Два скребка для шкур были скребками концевого-бокового типа с двумя лезвиями и три – скребками концевого-бокового типа с тремя лезвиями. Одно из однолезвийных орудий – микроскребок для выделки мелких деталей шкур.

В коллекции две стамески на отщепях. Для данного вида орудий исходной заготовкой служили отщепы с массивным профилем. Длина орудий 3,8 и 3,3 см, ширина лезвия у изделий 2,0 и 2,3 см. Лезвие прямое, обработано приостряющей ретушью.

Сверло для кости, рога на отщепе найдено в составе полифункционального орудия, следы обнаружены на приостренном конце отщепя.

Наконечники стрел и дротиков представлены шестью обломками и одной заготовкой наконечника. Из четырех обломков наконечников дротиков только один представляет собой перо длиной 4,2 см, шириной 2,5 см. Вероятно, наконечники дротиков имели листовидную форму. Два наконечника стрел представлены обломками, обработанными струйчатой ретушью.

Ретушеров на отщепях два. Один из них – на крупном отщепе в составе полифункционального орудия. Ребро отщепя со стороны ударного бугорка имело следы забитости, характерные для ретушера. Второй ретушер обнаружен в составе полифункционального орудия, причем этот ретушер применялся для тонких работ.

В коллекции имеются два предмета из сланца и один из песчаника. Одно изделие из сланца подпрямоугольной формы размерами 6,5x5,0x2,0 см, с приостренным краем, служило в качестве скребка для обработки шкур. Второе изделие из сланца применялось как абразив. Предмет из крупнозернистого песчаника с проточенными желобками использовался для шлифовки или чистки костяных шильев как абразив (Плешаков, 2003, с. 129–140).

Хозяйственные комплексы мезолита и неолита Северного Казахстана

Хозяйственные комплексы памятников атбасарской культуры в целом отображают деятельность населения эпохи мезолита-неолита с присваивающими формами хозяйства.

Зона лесостепи в Казахстане проходит по всей Северо-Казахстанской области, по северу Костанайской, Кокшетауской, Уральской областей, по правому берегу р. Иртыш в Павлодарской и Семипалатинской областях. Лесные массивы чередуются со степными участками с множеством озер, питающихся в основном за счет талых вод. Леса в данном секторе представлены березой и осиной, на некоторых участках встречается сосна.

На территории этой полосы в настоящее время водятся лось, косуля (завезены в XX в.), заяц-беляк, заяц-русак, тетерев, белая и серая куропатка, гусь, утки всех видов и другие животные и птицы.

Степная фауна представлена корсаком, сурком-байбаком, барсуком, сусликом, зайцем-русаком, дрофой и стрепетом. В тростниковых и тургайных зарослях по берегам водоемов встречается кабан. Из полупустынных районов в засушливые годы заходят табуны антилопы сайги. Повсеместно встречаются волки и лисицы.

Количественный состав фауны Северного Казахстана резко сократился в годы освоения целинных и залежных земель. Еще в XIX в. недостатка в промысловых животных этого региона люди не испытывали.

Обилие и разнообразие животного мира в каменном веке на территории лесостепи несомненно. Подвижка зон с изменением климата в разные этапы мезолита-неолита подразумева-

ет увеличение количества одних животных на данной территории за счет уменьшения поголовья других. В любом случае, копытные животные, которые давали мясную массу пищи и шкуры, а также пушные звери имели место в лесостепной и степной зонах (Зайберт, 1992, с. 5–24). Предметом охоты были и крупные копытные животные, обитавшие в этом районе в мезолите-неолите. (Среди остеологического материала стоянки Виноградовка XIV Л.А. Макаровой обнаружены кости тура, бизона, лошади.)

Орудия труда, составляющие основу охотничьего хозяйства, представлены в коллекциях памятников наконечниками стрел и копий, вкладышами ножей и кинжалов, вкладышами составных охотничьих орудий (Виноградовка XIV – 41,8%; Виноградовка II – 46,7%; Тельмана XIV – 39,7%; Жабай-Покровка I – 42,4%; Явленка II – 48%; Тельмана XII – 41,7%). Кроме того, известны многие способы охоты на животных с применением разнообразных загородок, ловушек лабиринтного типа, ловчих ям, силков и прочих орудий лова. В охоте на пушных зверей применялись тупые, но увесистые костяные и деревянные наконечники стрел. Животные, живущие в норах, до сих пор добываются с помощью петель и капканов различной системы.

Изобилие водоплавающей птицы позволило пополнять рацион питания в теплое время года. Орудиями охоты служил лук со стрелами, но основу составляли силки и ловушки разных конструкций (Алексашенко, Кернер, 1990, с. 63).

Немаловажную роль в хозяйстве мезолитических и неолитических племен играло рыболовство. Расположение стоянок и поселений в непосредственной близости от воды подразумевает использование в пищу рыбы. Кроме обнаруженных среди инвентаря вкладышей составных охотничьих орудий, применяемых для изготовления гарпунов, можно предположить наличие этих орудий по торфяниковым памятникам Урала и более поздним артефактам ботайского времени. С помощью этих орудий лучили крупную рыбу в ночное время, эти же средства применялись в весеннюю «поколю-

гу». На памятниках Северного Казахстана нет изобилия грузил для сетей, однако исключить сетевое рыболовство нельзя. В зимнее время добыча рыбы производилась в закрытых водоемах во время замора, для чего элементарно долбились проруби, и рыба буквально «черпалась» из воды. Все эти способы лова рыбы известны до сих пор, но применяются с каждым десятилетием все реже и реже.

В данной работе уже высказывалось мнение, что на стоянке Жабай-Покровка I в хозяйственной деятельности населения, судя по набору орудий, преобладало рыболовное направление. Такую же картину мы наблюдаем и на стоянке Явленка II, где с обработкой кости, рога связано лишь 2,1% орудий, а с обработкой шкур – 1%. В то же время вкладышей ножей и составных охотничьих орудий 46%. Можно допустить, что продукты охоты на стоянке Явленка II не перерабатывались на месте, но такая стоянка, как Жабай-Покровка I, с большим количеством находок предполагает довольно стационарное обитание на ней населения и не исключает подобный вариант специализации производства. В то же время на стоянках Тельмана XIV, Виноградовка XIX и других найден набор орудий, по которым можно судить о комплексном хозяйстве при-сваивающего типа.

Сырьевой базой для памятников атбасарской культуры служили отроги Казахского мелкосопочника. В зоне Тельманского микрорайона обнаружен Тимашевский комплекс по добыче камня. Яшмокарцитовые породы, обнаруженные здесь в валунах, давали сырье для изготовления орудий труда на протяжении всего каменного века. В окрестностях с. Новомихайловка Кокчетавской области, на берегу Ишима обнаружены выходы яшмокарцитовых пород, которыми обеспечивались стоянки каменного века Среднего Приишимья. Вероятно, кроме валунного сырья использовались яшмокарцитовые породы, добываемые из кремневых шахт.

Каменная индустрия атбасарской культуры развивалась на протяжении тысячелетий – от истоков мезолита до энеолита. На ранне-мезолитических памятниках Виноградовка II и

Куропаткино I преобладает отщеповая техника, но уже появляются пластины, полученные техникой скалывания. В развитом мезолите на памятниках Северного Казахстана уже обнаружены нуклеусы призматической, карандашевидной формы и другие предметы, которые свидетельствуют о развитой технике скалывания правильных пластин, практически невозможной без использования отжимников с роговыми или костяными наконечниками.

В развитом неолите появляются крупные пластины и нуклеусы. На стоянке Тельмана X нуклеусы достигают 10 и более сантиметров. Судя по экспериментальным данным, снятие пластин без применения отжимников с дополнительной конструкцией рычага, посредством которой достигалось давление большой силы, невозможно.

В связи с развитием и совершенствованием техники снятия пластин развивается вкладышевая техника. На смену орудиям мезолита, где использовались лишь несколько вкладышей, приходят неолитические изделия с одной-двумя пластинами. Наиболее пригодными для изготовления орудий труда являются медиальные части, но из-за нехватки сырья проксимальные и дистальные части тоже находят применение. Оправы и рукоятки для орудий изготавливаются из кости и дерева.

В коллекции практически нет определенных типов изделий, предназначенных для конкретных операций, за исключением скребков и наконечников стрел. Поэтому типы орудий скорее характеризуют технологические традиции обработки камня и изготовления орудий труда, а не свидетельствуют о разнообразии производственных операций.

Для удобства вставки пластин в оправу и прочности их закрепления тыльная часть пластин иногда ретушировалась. Так появлялись пластины с притупленной спинкой (краем). Трапедии и сегменты – наиболее совершенные вкладыши, т.к. подгонка лезвий составных орудий наиболее оптимально выполняется при использовании данных типов пластин, нежели пластин без ретуши. Для этих целей зачастую обрабатывался один из торцов пластин, особенно со стороны ударного бугор-

ка, и таким образом появлялись пластины с торцевой обработкой.

Немаловажное значение в жизни древнего населения играл процесс обработки продуктов охоты и рыболовства. Причем переработка продуктов охоты перерастает в самостоятельные домашние промыслы, занимающие довольно большое место в трудовой деятельности древнего населения.

Несколько сложнее обстоит дело с определением орудий для переработки рыбы. На яшмокарцитовых породах пока не удалось выделить характерные следы, получаемые при подобной процедуре. Несомненно, вкладышевые ножи использовались для чистки рыбы и ее потрошения, но экспериментальные работы пока желаемых результатов не дали.

С обработкой шкур связаны прежде всего различные скребки. Исходя из данных экспериментальных работ, можно заключить, что при выделке шкур форма фасада лезвия большой роли не играет; некоторое влияние имеет профиль, от которого зависит угол заострения орудия.

На протяжении тысячелетий, от мезолита до энеолита, принцип выделки шкур особых изменений не претерпел. Уже в раннем мезолите появляются боковые скребки на пластинах (стоянка Винградовка II), которые могли использоваться в двуручных орудиях для работы на колоде. В неолите эти орудия приобретают важное значение и получают широкое распространение. По характеру следов применение вкладышей в двуручных орудиях неоспоримо. Все чаще применяются колоды в процессе обработки шкур. Концевые скребки на пластинах и скребки на отщепах удлиненных пропорций используются с рукоятками, для чего идут дерево и, возможно, кость.

К концу неолита (стоянка Тельмана XII) утрачивает значение вкладышевая техника, и вместе с приходом отщеповой индустрии появляются крупные скребла и скребки округлых форм без рукоятей. Для выделки мелких шкур и лапок используются скребки малых размеров.

В ходе экспериментальных работ удалось установить, что шкуру косули можно выделывать одним-двумя скребками с рукоятками.

Сырьем служил яшмокварцит с Казахского мелкосопочника. Таким образом, для обработки шкуры крупного копытного животного необходимо использовать в среднем пять орудий. Выделка внутренней части шкуры доводилась до идеального замшевого состояния.

Кроме скребков для выделки шкур и кожи применялись стамески. Они служили для снятия особо толстой мездры и для волосогонки в кожевенном производстве. При выделке кожи были необходимы лощила для заглаживания внешней поверхности изделия.

В дальнейшем объемные шкуры, вероятно, использовались при строительстве жилищ и комнатного убранства, часть их применялась для шитья одежды и обуви. В этих трудовых операциях применялись проколки, микропроколки и кожевенные ножи для раскройки. Исходя из современного видового состава животных можно сделать вывод о широком использовании в быту мехов пушных зверей, из выделанных шкур которых можно изготовить более теплую и легкую одежду.

Еще в глубокой древности кость использовалась первобытным человеком для изготовления орудий труда и быта. В нижнем палеолите костяные изделия, как правило, обрабатывались ударной техникой. Можно сказать, что уже в верхнем палеолите были разнообразные технические приемы. В эту эпоху возникают комплексы функционально различных костяных орудий, предметы быта, орнаментированные украшения, произведения предметно-изобразительного искусства. В работу шли самые разнообразные кости крупных животных: бивни, рога, трубчатые кости, ребра, лопатки. Из этих костей изготавливали наконечники копий, проколки, иглы, кинжалы, гарпуны, лощила, выпрямители дротиков, фигурки животных и людей (Филиппов, 1977, с. 7–8).

На изучаемых стоянках эпохи мезолита-неолита остеологические материалы и тем более орудия труда практически не сохранились, но мы имеем целый набор орудий для обработки кости, с помощью которых можно изготовить почти любое изделие. С помощью скобелей и строгальных ножей изделию придавалась нужная форма и выравнивалась по-

верхность. Резцами и резчиками прорезывались пазы для членения кости по длине и для изготовления вкладышевых орудий, пилки для поперечного членения. В случае необходимости изготовления отверстий применялись сверла. Широко использовался метод шлифования кости на абразиве, особенно при изготовлении шильев и проколок. Особое развитие применения костяных изделий и обработки кости наблюдается в эпоху энеолита. Наборы инструментов и предметов быта с поселения Ботай позволяют судить о накопленном в каменном веке мастерстве косторезного дела.

От зари возникновения человеческого общества и до наших дней дерево используется человеком и продолжает играть в его жизни важнейшую роль. Но несмотря на огромные достижения науки и техники новейшего времени, расширившие сферу использования и усовершенствовавшие метод обработки древесины, дерево в жизни людей древности имело большое значение в силу того, что человек обладал менее разнообразным количеством материалов, чем располагает в наши дни. Наряду с камнем, первым орудием и оружием, строительным материалом и разносторонним вспомогательным средством, в жизни первобытного человека дерево играло большую роль (Сокольский, 1971, с. 178–182).

Среди исследованного материала стоянок мезолита и неолита обнаружен широкий набор орудий труда для обработки дерева. Имеющиеся инструменты позволяли обрабатывать дерево, начиная от первоначальных этапов рубки стволов с помощью топора до окончательной чистовой доводки поверхности изделий. В настоящее время сложно говорить о доминирующих производственных функциях в деревообрабатывающем деле первобытных эпох, т.к. вслед за рубкой даже одного дерева следует множество различных деревообделочных и других операций. Скобели и строгальные ножи использовали в ошкурировании бревен и чистовой доводке изделий, топоры и тесла применялись для отески и придания необходимой формы, стамесками и долотами долбили крупные пазы для конструктивных соединений и отверстия. С помощью резцов и резчиков

делали пазы при изготовлении вкладышевых орудий труда и орнаментацию предметов искусства и быта. Мелкие отверстия сверлились каменными сверлами и выравнивались развертками. Наличие у людей древности ручных стругов позволяло эффективно производить отеску заготовленных бревен.

В коллекциях памятников с деревообработкой связано от 18 до 38% инструмента. Это говорит о той большой роли, которую играли дерево и деревянные изделия в жизни человека в мезолите-неолите. Широкий набор инструментов (10 видов) показывает мастерство и уровень этой отрасли хозяйства. Таким образом, мы можем констатировать, что уже в мезолите-неолите деревообрабатывающее производство выделилось в отдельную отрасль, требующую определенных навыков и мастерства.

Немногочисленны находки на памятниках атбасарской культуры можно напрямую отнести к изготовлению украшений. Это сверла для камня и раковин, с их помощью сверлились мелкие отверстия, пилки для раковин. Известно много других инструментов, относящихся к различным видам производств, которые могли применяться для изготовления украшений и домашней утвари. Кроме того, на стоянке Виноградовка XIV в результате трасологических исследований выделены песты для растирания краски (охры), предназначенной для раскрашивания различных предметов.

Несмотря на единичность находки ложила для керамики на стоянке Тельмана XIV, факт существования керамического производства неоспорим, это доказывают пусть даже немногочисленные фрагменты, имеющиеся на каждом поселении и стоянке атбасарской культуры. Керамическое производство не может быть эпизодическим. Для него необходимо сохранение традиций и навыков у каждого поколения, поэтому даже относительная стабильность в этом деле необходима. Малочисленностью керамики, особенно на бывших поселениях, нельзя объяснить отсутствие или малое ее производство, скорее это можно отнести к плохой сохранности материалов памятников.

Наиболее сложными оказались вопросы, связанные с домостроительством на памятни-

ках атбасарской культуры. Разрозненные данные позволяют лишь говорить о существовании жилищных конструкций наземного типа площадью от 20 до 70 кв. м, с наличием столбовых конструкций (Зайберт, 1992, с. 220). Вероятно, это были шалашеобразные жилища, в строительстве которых использовались дерево и, возможно, шкуры крупных копытных животных. На основании полевых наблюдений можно заключить, что форма построек была подпрямоугольной. Относительно стоянки Виноградовка XIV предполагаем, что все жилища были двухкамерные, со столбовыми несущими конструкциями.

Стоянка Виноградовка II

К раннемезолитическому времени можно отнести 98 предметов: 58 единиц – из раскопа и 40 – из разрушенной части (на основании сырья). К ним относятся отщепы без ретуши (50), с ретушью (1), отщепы с резцовым сколом (4), скребки на отщепах (6). В коллекции три нуклеидных предмета и четыре ребристые пластины без ретуши, пластины с резцовым сколом (2), пластины без ретуши (27) и с ретушью (1), две пластины с притупленным краем. Сырьем служила сургучная яшма, кремнистая порода желто-коричневого и темно-серого цвета (Зайберт, 1992, с. 36–48; Плешаков, 2003, с. 161–163).

Для изготовления орудий труда использовались невыразительные нуклеусы (3) и ретушер (1). Всего четыре изделия.

К обработке дерева можно отнести 20 изделий (22,2%). Среди них орудия для прореза пазов в рукоятках вкладышевых орудий и других изделий: резчики (3), резцы (5).

Скобели (6) и строгальные ножи (4) использовались для придания нужной формы деревянным изделиям. Находили свое применение и пилки (2) – для поперечного членения деревянных заготовок.

С обработкой кости и рога связаны скобели (5) и резец (1).

В обработке шкур и кожи использовали 18 орудий (20%). Это скребки (16) для мездрения шкур с различной конфигурацией лезвия и одна стамеска для выделки кожи. Кроме того,

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

в коллекции имеется коженный нож (1) для разрезания.

Для охоты и рыболовства применяли вкладыши составных охотничьих орудий (5) и вкладыши составных ножей (37).

Производственное назначение каменных орудий стоянки Виноградовка II

Изготовление орудий труда

Нуклеусы	3 шт.	3,3%
Ретушер	1 шт.	1,1%
Итого	4 шт.	4,4%

Обработка дерева

Резчики	3 шт.	3,3 %
Резцы	5 шт.	5,6 %
Скобели	6 шт.	6,7 %
Строгальные ножи	4 шт.	4,4%
Пилки	2 шт.	2,2%
Итого	20 шт.	22,2%

Обработка кости

Резец	1 шт.	1,1%
Скобели	5 шт.	5,5%
Итого	6 шт.	6,7%

Обработка шкур и кож

Скребки	16 шт.	17,8%
Коженный нож	1 шт.	1,1%
Стамеска	1 шт.	1,1%
Итого	18 шт.	20,0%

Охота и рыболовств

Вкладыши ножей	37 шт.	41,1%
Вкладыши охотничьих орудий	5 шт.	5,6%
Итого	42 шт.	46,7%
Всего	90 шт.	100%

Стоянка Явленка II

Трасологическому анализу были подвергнуты только мезолитические материалы из раскопа. В коллекции стоянки Явленка II исследован под микроскопом 191 предмет: 190 – из яшмовидной породы коричневого цвета светлых тонов и одно изделие из сланца (Зайберт, 1992, с. 27–36; Плешаков, 2003, с. 163–165).

В результате анализа на 63 предметах были обнаружены следы утилизации. Учитывая полифункциональность и многолезвийность орудий, было обнаружено 96 лезвий для различных функций.

С изготовлением орудий труда связано девять изделий (9,4%); это восемь нуклеусов для снятия пластин и один мелкозернистый абразив.

К обработке дерева можно отнести 37 орудий (38,5%). Среди них резцы (7) и резчики (14), использовавшиеся для прорезывания узких пазов в деревянных изделиях; скобели (4) и строгальные ножи (9) для придания нужной формы при обработке заготовок; сверла (3) для сверления небольших отверстий.

С обработкой кости и рога связаны два резчика для пропилки пазов при изготовлении вкладышевых орудий.

В обработке шкур применялся скребок (1), а при сшивании шкур – проколка (1).

Наибольшую серию составляют орудия, связанные с охотой и рыболовством (48,0%). Это вкладыши ножей и кинжалов (40) и вкладыши составных охотничьих орудий (6).

Производственное назначение каменных орудий стоянки Явленка II

Изготовление орудий труда

Нуклеусы	8 шт.	8,3%
Абразив	1 шт.	1,0%
Итого	9 шт.	9,3%

Обработка дерева

Резчики	14 шт.	14,6%
Резцы	7 шт.	7,3%
Скобели	4 шт.	4,2%
Строгальные		

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

ножи	9 шт.	9,4%
Сверла	3 шт.	3,1%
Итого	37 шт.	38,6%

Обработка кости, рога

Резчики	2 шт.	2,1%
Итого	2 шт.	2,2%

Обработка шкур и кож

Скребок	1 шт.	1,0%
Итого	1 шт.	1,0%

Шитье одежды

Проколка	1 шт.	1,0%
Итого	1 шт.	1,0%

Охота и рыболовство

Вкладыши ножей	40 шт.	41,7%
Вкладыши охотничьих орудий	6 шт.	6,3%
Итого	46 шт.	48,0%
Всего	96 шт.	100%

Стоянка Тельмана XIV

Археологические находки насчитывают 8273 единицы. Это кремневый, каменный, керамический и остеологический материал. Кремневый инвентарь концентрируется преимущественно в западной части раскопа, керамический и остеологический – в восточной (Зайберт, 1992, с. 76–83). Кремневых предметов в коллекции 6600, они изготовлены из светло-коричневой яшмовидной породы. Среди кремневых предметов стоянки 65,8% составляют отщепы без ретуши, преобладающие размеры – от 1 до 3 см. В целом материалы характеризуются пластинчатой индустрией, использование в трудовых операциях отщепов незначительное.

С точки зрения формально-типологической классификации, пластины делятся на следующие группы: пластины без ретуши (639), пластины с ретушью (153), микропластины с торцевой обработкой (2), пластины с резцовым сколом (77), остря (3), пластины с притупленным краем (20), концевые скребки (167), ребристые пластины без ретуши и скребки на отщепах (62). Всего в трудовых операциях использовалось 150 предметов из отщепов, среди которых 5 единиц – без дополнительной подправки (Плешаков, 2003, с. 165–169).

Нуклеусы представлены клиновидными и конусовидными формами с подправленными ударными площадками. Из каменных орудий в коллекции имеются абразив и галечное лоцило. Функциональные определения сведены в таблицу производственных назначений орудий.

Трасологическому анализу были подвергнуты коллекции, относящиеся к раннему неолиту. Среди пластин лишь 19 экземпляров не имеют следов использования. Из них 18 пластин без ретуши и одна ребристая пластина. Из 1148 изделий на пластинах 1129 единиц имели следы функционального использования в различных трудовых операциях. За счет полифункциональности на них обнаружено под микроскопом 2528 лезвий с различными следами использования.

На нуклеусах найдены следы вторичного использования в качестве ретушеров (4), сверло для дерева (1), скобель для кости, рога (1).

На 150 изделиях из отщепов под микроскопом обнаружено 285 лезвий, оставленных в результате различных функций. Основное количество составляют скребки – 222 лезвия на 116 изделиях.

Трасологический анализ орудий труда стоянки Тельмана XIV позволяет уверенно говорить о наличии предметов производства орудий труда, домашних промыслов и охоты.

Семнадцать орудий труда функционально относятся к производству орудий. Это нуклеусы и их обломки (11), ретушеры (4) и абразив (1). О массовом производстве орудий труда можно судить не только по находкам са-

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

мих орудий, но и по большому количеству отходов производства (отщепы, чешуйки, обломки).

С обработкой дерева на стоянке связано 519 орудий (18,3%). Самую большую группу составляют резчики (308) и резцы (81), с помощью которых делались пазы в деревянных орудиях и предметах быта.

С помощью скобелей (90) и строгальных ножей (26) производилась чистовая обработка дерева и придание изделию нужной формы. Для сверления отверстий и калибровки их применялись сверла (6), одно из которых – микросверло для мелких поверхностей, и развертки (4).

Среди инвентаря обнаружены вкладыши пилкок (3), с помощью которых делалось распиливание небольших по диаметру древесины. Единична в коллекции стамеска для долбления всевозможных пазов и выборки древесины при объемной резьбе по дереву.

При обработке кости и рога использовали 253 орудия, что равно 8,9%. Наибольшее количество (132) составляют скобели для обработки поверхности кости, рога при изготовлении орудий труда, предметов домашнего обихода и украшений. Для этих целей служили и строгальные ножи (3).

С помощью резцов (18) и резчиков (73) прорезались пазы в костяных изделиях и членились заготовки на полосы. Пилки (13) служили для поперечного расчленения кости на части. С помощью сверл (12) и разверток (2) делались отверстия.

Для обработки шкур на стоянке использовалось 902 скребковых лезвия. Размеры и формы орудий позволяли производить первоначальное очищение шкур от жира, пушение бахтармы и мелкую выделку шкур пушных животных. С изготовлением одежды можно связать проколки (15) и микропроколку (1).

Наибольшую серию (39,7%) представляют орудия труда, отнесенные к охоте и рыболовству, – 1124 единицы. Это прежде всего вкладыши составных метательных охотничьих орудий (250), наконечник стрелы (1) и многочисленные вкладыши ножей и кинжалов (873). Для изготовления керамики было использовано ложило (1).

Производственное назначение каменных орудий стоянки Тельмана XIV

Изготовление орудий труда

Нуклеусы	11 шт.	0,4%
Ретушеры	5 шт.	0,2%
Абразив	1 шт.	0,04%
Итого	17 шт.	0,6%

Обработка дерева

Резчики	308 шт.	10,9%
Резцы	81 шт.	2,9%
Скобели	90 шт.	3,2%
Строгальные ножи	26 шт.	0,9%
Развертки	4 шт.	0,1%
Сверла	6 шт.	0,2%
Стамеска	1 шт.	0,04%
Пилки	3 шт.	0,1%
Итого	519 шт.	18,3%

Обработка кости, рога

Резчики	73 шт.	2,6%
Резцы	18 шт.	0,6%
Скобели	132 шт.	4,7%
Строгальные ножи	3 шт.	0,1%
Сверла	12 шт.	0,4%
Пилки	13 шт.	0,5%
Развертки	2 шт.	0,07%
Итого	253 шт.	8,9%

Обработка шкур и кож

Скребки	902 шт.	31,9%
Итого	902 шт.	31,9%

Изготовление одежды

Проколки	15 шт.	0,5%
Микропроколка	1 шт.	0,04%
Итого	16 шт.	0,6%

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

Охота и рыболовство

Вкладыши ножей	873 шт.	30,8%
Вкладыши охотничьих орудий	250 шт.	8,8%
Наконечник стрелы	1 шт.	0,04%
Итого	1124 шт.	39,7%

Изготовление керамики

Лоцило	1 шт.	0,04%
Итого	1 шт.	0,04%
Всего	2832 шт.	100%

Виноградовка XIV

В коллекции раннеолитической стоянки Виноградовка XIV – 1557 предметов. Среди них есть изделия из кремня (1473), керамики (62), макроформы из гранита, сланца и песчаника (20), костяное украшение (1), кусочек охры (1). Остеологический материал представлен костями тура, бизона и лошади (Зайберт, 1992, с. 77–48).

При просмотре материалов стоянки под бинокулярным микроскопом следы утилизации были обнаружены на 59,5% кремневого инвентаря, что составило 2010 лезвий орудий с учетом полифункциональности изделий. В коллекции почти все пластины (97,5%) применяли в трудовых операциях. Следы сработанности обнаружены на всех, кроме 18, пластинах. Гораздо меньше применялись в работе отщепы (22,1%). Нуклеусы и их обломки, как правило, использовались в качестве различных орудий. На них обнаружено 52 орудия со следами всевозможных функций.

В результате трасологических исследований были определены орудия, связанные с различными производствами и видами хозяйственной деятельности (Плешаков, 2003, с. 170–172). С изготовлением орудий труда связано 55 предметов. Среди них нуклеусы и

их обломки (41). С одного из клиновидных нуклеусов пластины снимались с применением наковальни. Отбойником также служил сработанный нуклеус.

Ретушеров в коллекции девять. Четыре из них – на отщепах, один – на нуклеусе, четыре изготовлены из сланцев и песчаников. На четырех плитках из песчаника обнаружены следы абразива.

К обработке дерева можно отнести 530 орудий, что составляет 26,4%. Для рубки деревьев и разделке бревен применялись топоры (3) и тесла (3). Для изготовления всевозможных пазов, отверстий применялись стамески (3) и долота (2). Для отески древесины и чистовой доработки использовались строгальные ножи (59) и скобели (175). Мелкие отверстия в деревянных изделиях делали с помощью сверл (2) и развертки (1). Наибольшую серию среди орудий для обработки дерева составляют резчики (268) для прорезывания узких пазов при изготовлении вкладышевых орудий и других нужд. Для этих же целей применялись и резцы (14).

С обработкой кости и рога связано на стоянке 145 орудий (7,2%). Это прежде всего скобели (87) для обработки исходного материала и придания ему нужной формы. С этой же целью применялись строгальные ножи (16) и абразивы (2). Для прорезывания в костяных изделиях пазов и продольного членения кости и рога использовались резчики (24) и резцы (14). При сверлении отверстий применялись сверла (2).

С обработкой шкур и выделкой кожи связано 431 орудие (21,4%). Наибольшую серию среди них составляют скребки для снятия мездры и пушения бахтармы (401). Для грубой обработки шкур использовались скребла (28). При выделке кожи в процессе волососгонки использовалась стамеска (1), для выглаживания кожи применялось лоцило (1).

Украшения из раковин делали с помощью пилки (1) и микросверла (1). Вероятно, для изготовления украшений использовались абразивы и всевозможные орудия для обработки кости, рога.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

Для шитья одежды применялись кремневые проколки (5) и костяные шилья, для изготовления которых использовались абразивы.

Самую большую коллекцию орудий труда на стоянке представляют орудия, связанные с охотой и рыболовством (839), что составляет 41,8%. Во время охоты применяли составные метательные орудия, вкладыши которых обнаружены среди инвентаря (69), вкладышевые кинжалы и ножи (768 лезвий вкладышей), наконечник дротика (1) и наконечник стрелы (1).

Для растирания органических красок использовались песты (3)

В целом, характеризуя орудия труда стоянки Виноградовка XIV, можно сказать о стабильности пластинчатой индустрии, характерной для раннего неолита Северного Казахстана.

Производственное назначение
каменных орудий стоянки Виноградовка XIV

Изготовление орудий

Нуклеусы и обломки	41 шт.	2,0%
Отбойник	1 шт.	0,05%
Ретушеры	9 шт.	0,4%
Абразивы	4 шт.	0,2%
Итого	55 шт.	2,7%

Обработка дерева

Резчики	268 шт.	2,0%
Резцы	14 шт.	0,7%
Скобели	175 шт.	2,9%
Строгальные ножи	16 шт.	0,8%
Развертка	1 шт.	0,05%
Сверла	2 шт.	0,1%

Стамески	3 шт.	0,1%
Тесла	3 шт.	0,1%
Топоры	2 шт.	0,1%
Долота	2 шт.	0,1%
Итого	530 шт.	26,4%

Обработка кости, рога

Резчики	24 шт.	1,2%
Резцы	14 шт.	0,4%
Скобели	87 шт.	4,3%
Строгальные ножи	16 шт.	0,8%
Сверла	2 шт.	0,1%
Абразивы	2 шт.	0,1%
Итого	145 шт.	7,2%

Обработка шкур и кож

Скребки	401 шт.	20,0%
Скребла	28 шт.	1,4%
Стамеска	1 шт.	0,05%
Лощило	1 шт.	0,05%
Итого	431 шт.	21,5%

Изготовление украшений

Пилка для раковин	1 шт.	0,05%
Микросверло для раковин	1 шт.	0,05%
Итого	2 шт.	0,1%

Изготовление одежды

Проколки	5 шт.	0,2%
Итого	5 шт.	0,2%

Охота

Ножи	768 шт.	38,2%
------	---------	-------

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

Вкладыши охотничьих орудий	69 шт.	3,4%
Наконечник дротика	1 шт.	0,05%
Наконечник стрелы	1 шт.	0,05%
Итого	839 шт.	41,8%

Растирание красок

Песты	3 шт.	0,1%
Итого	3 шт.	0,1%
Всего	2008 шт.	100%

Стоянка Жабай-Покровка I

В целом каменная индустрия стоянки Жабай-Покровка I носит пластинчатый характер. Всего в коллекции 1051 предмет из камня. В качестве сырья использовалась яшмовидная порода светлых тонов (Зайберт, 1992, с. 84–88).

Среди инвентаря выделено 656 пластин и 395 отщепов. Из всего количества пластин только 29 единиц не имели следов использования. На отщепах, напротив, лишь 61 предмет использовался в различных трудовых операциях. На 656 пластинах обнаружено 793 лезвия со следами утилизации. На 61 отщепе выделено 77 лезвий со следами функционального использования. Из 10 нуклеусов и обломков три применялись в качестве ретушеров, остальные предметы не имеют следов использования.

В коллекции стоянки Жабай-Покровка I на основе трасологического анализа выделены орудия, связанные с домашними промыслами, охотой и рыболовством, с изготовлением орудий труда (Плешаков, 2003, с. 174–178). Производство орудий отражают нуклеусы (10) и ретушеры на нуклеусах (3).

С обработкой дерева на стоянке связано 336 лезвий орудий. Это резчики (151), резцы (16), скобели для дерева (87), строгальные ножи (40), пилки по дереву (27), сверла (10) и струги (5).

Для обработки шкур использовались 98 лезвий скребков и одна стамеска.

Два сверла применялись для сверления каменных изделий, два – для сверления раковин, предназначенных для украшений.

Для шитья одежды и кожаной атрибутики использовались три микропроколки, шесть ножей для раскроя шкур и шесть проколов.

С охотой и рыболовством связано 372 лезвия. Это вкладыши ножей (272) и 101 лезвие вкладышей составных охотничьих орудий. Набор инструментов стоянки Жабай-Покровка I характеризует хозяйство присваивающего типа охотничье-рыболовной специализации. Об этом говорит расположение стоянки на берегу старицы р. Жабай, где удобно было ловить рыбу и охотиться на животных, приходящих на водопой. Не случайно в коллекции содержится небольшое количество орудий, применяемых для обработки кости, рога, шкур.

В кремневой индустрии стоянки Жабай-Покровка I отсутствуют крупные отщепы. Из 395 предметов 334 экземпляра не имели следов использования. Размеры основного количества отщепов колеблются от 1,0 до 2,0 см. Нет отходов производства, связанных с первичной обработкой кремня. Вероятно, на стоянку приносили готовые «пренуклеусы», с которых скалывались пластины, а отщепы, обнаруженные на стоянке, были сколоты при подработке нуклеусов в процессе снятия пластин.

Среди орудий практически отсутствуют предметы, типологически определяемые как концевые скребки, за исключением одного изделия с обработкой торцевой кости. Мало в коллекции стоянки и скребков на отщепах; они и 63 лезвия орудий на пластинах составляют 11,1% от числа всех орудий. Всего в обработке шкур использовалось 11,2% орудий, включая стамеску, что значительно меньше, чем на стоянке Виноградовка II (около 20%), Тельмана XIV (более 30%). Кроме того, с обработкой кости связано всего 4,5% орудий, хотя разнообразие, необходимое для изготовления орудий труда и домашней утвари, имеется. Следовательно, мы видим на стоянке минимальное количество орудий труда, связанных с переработкой продуктов охоты, хотя вкладышей ножей и вкладышей охотничьих орудий соответственно 30,9 и 11,5%. Среди вкладышей охотничьих

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

орудий встречаются изделия, которые закреплялись под углом в основе, образуя своеобразный вкладышевый гарпун для рыбной ловли. Вполне резонно предположить преобладание рыболовства над охотой в хозяйственной деятельности населения Жабай-Покровка I.

Широко практиковалась обработка материалов в ходе изготовления всевозможных орудий и домашней утвари, одежды и украшений. Разнообразный набор инструментов по обработке дерева и кости, рога позволял изготавливать практически любые изделия из этих материалов.

Отсутствие капитальных конструкций жилищ говорит о сезонном характере стоянки, однако определить рамки ее обитания сегодня невозможно. Вполне вероятно, что стоянка функционировала в сезоны, благоприятные для ловли рыбы.

Производственное назначение каменных орудий стоянки Жабай-Покровка I

Изготовление орудий труда

Нуклеусы	10 шт.	1,1%
Ретушеры	3 шт.	0,3%
Итого	13 шт.	1,5%

Обработка дерева

Резчики	151 шт.	17,2%
Резцы	16 шт.	1,8%
Скобели	87 шт.	9,9%
Строгальные ножи	40 шт.	4,5%
Пилки	27 шт.	3,1%
Сверла	10 шт.	1,1%
Струги	5 шт.	0,6%
Итого	336 шт.	38,2%

Обработка кости, рога

Резчики	7 шт.	0,8%
Резцы	6 шт.	0,7%
Скобели	19 шт.	2,2%
Строгальные ножи	3 шт.	0,3%
Сверла	4 шт.	0,5%

Пилка	1 шт.	0,1%
Итого	40 шт.	4,5%

Обработка шкур и кож

Скрепки	98 шт.	11,1%
Стамеска	1 шт.	0,1%
Итого	99 шт.	11,2%

Изготовление украшений

Сверла для камня	2 шт.	0,2%
Сверла для раковин	2 шт.	0,2%
Итого	4 шт.	0,4%

Изготовление одежды

Проколки	6 шт.	0,7%
Микропроколки	3 шт.	0,3%
Ножи для шкур	6 шт.	0,7%
Итого	15 шт.	1,7%

Охота и рыболовство

Вкладыши ножей	272 шт.	30,9%
Вкладыши охотничьих орудий	101 шт.	11,5%
Итого	373 шт.	42,2%
Всего	880 шт.	100%

Стоянка Тельмана XII

В целом индустрия стоянки Тельмана XII носит отщепный характер, хотя изделия на пластинах в коллекции присутствуют. Характерно и то, что на стоянке очень малый процент использования в трудовых операциях кремневого материала. Из 4703 предметов 4695 единиц представлены яшмовидной породой, из них 129 предметов использовались в качестве орудий (2,75%), не считая нуклеусов и изделий

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

из сланца и песчаника. Основная часть находок представлена отщепами и кусками породы (Зайберт, 1992, с. 71–73).

Трасологический анализ орудий труда стоянки Тельмана XII позволяет говорить о наличии различных предметов производства орудий труда, домашних промыслов и охоты (Плешаков, 2003, с. 178–181). Следы от различных функций зафиксированы на 139 изделиях, где обнаружено 216 орудий.

Из 73 пластин в трудовых операциях использовалось 66 единиц, на них обнаружено 78 различных орудий. С учетом полифункциональности и многолезвийности на данных изделиях найдено 124 лезвия со следами использования в различных трудовых операциях. Пятьдесят шесть отщепов использовались в многообразном домашнем производстве. На них обнаружено 76 лезвий орудий труда. На пяти нуклевидных предметах кроме основной функции обнаружено шесть орудий труда. Все орудия из сланца, песчаника использовались в качестве абразива.

С производством орудий труда связано 13 изделий (6,1%). Среди нуклевидных предметов (7) целых экземпляров не зафиксировано, все они представляют обломки с неровными негативами сколов.

Для обработки камня применялись ретушеры (3), два из них использовались для нанесения мелкой ретуши. Кроме того, для изготовления орудий труда применялись абразивы (3), один из них – для заточки костяных шильев.

К обработке дерева можно отнести 57 лезвий различных орудий (26,6%). Большую серию орудий среди них занимают резчики (21) и резцы, с помощью которых делались пазы при изготовлении орудий труда и домашней утвари. Форма деревянным изделиям придавалась с помощью строгальных ножей (12) и скобелей (9). С помощью стамесок (2) и долота (1) пробивались отверстия и выбивались широкие пазы для крепления деталей. Среди инвентаря обнаружено лезвие топора (1) и ручной струг для отески древесины (1).

С обработкой кости и рога связано 13 орудий (6,1%). Несмотря на малое количество

изделий, в коллекции представлен широкий набор инструментов: скобели (6), резцы (2) и резчики (2), строгальные ножи (2) и сверло для кости, рога (1).

В кожевном производстве при выделке шкур из коллекции стоянки применялись скребки (40) различных размеров и конфигураций, лезвия и скребло (1) для грубой обработки шкур.

Для изготовления одежды использовались проколки (2).

Небольшая серия (42,1%) орудий труда при трасологическом анализе была отнесена к охоте и рыболовству (90). Здесь находили применение составные вкладышевые метательные орудия (14), вкладышевые ножи (68), наконечники стрел и дротиков (8).

Производственное назначение каменных орудий стоянки Тельмана XII

Изготовление орудий труда

Нуклеусы	7 шт.	3,2%
Ретушеры	3 шт.	1,4%
Абразивы	3 шт.	1,4%
Итого	13 шт.	6,0%

Обработка дерева

Резчики	21 шт.	9,7%
Резцы	10 шт.	4,6%
Скобели	9 шт.	4,2%
Строгальные ножи	12 шт.	5,6%
Стамески	2 шт.	0,9%
Ручной струг	1 шт.	0,5%
Топор	1 шт.	0,5%
Долото	1 шт.	0,5%
Итого	57 шт.	26,4%

Обработка кости

Резчики	2 шт.	0,9%
Скобели	6 шт.	2,8%
Сверло	1 шт.	0,5%
Резцы	2 шт.	0,9%

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОРУДИЙНОГО КОМПЛЕКСА И ЭЛЕМЕНТОВ ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АРТЕФАКТОВ

Строгальные ножи	2 шт.	0,9%
Итого	13 шт.	6,0%

Обработка шкур и кож

Скребки	40 шт.	18,5%
Скребло	1 шт.	0,5%
Итого	41 шт.	19,0%

Изготовление одежды

Проколки	2 шт.	0,9%
Итого	2 шт.	0,9%

Охота и рыболовство

Вкладыши ножей	68 шт.	31,5%
Вкладыши охотничьих орудий	14 шт.	6,5%
Наконечники	8 шт.	3,7%
Итого	90 шт.	41,7%
Всего	216 шт.	100%

Рассматривая результаты трасологического анализа материалов памятников атбасарской культуры и предшествующих мезолитических памятников, несомненно, можно говорить о стабильности развития хозяйства племен Тоболо-Иртышского междуречья в мезолитическое и неолитическое время. Основу хозяйственного уклада составляла охота и рыболовство. Местом обитания коллективов служили площадки надпойменных террас, расположенных на высоте от 2-х до 4-х метров над уровнем воды современных степных рек (Тельманский, Виноградовский микрорайоны), реке – на останцах второй надпойменной террасы р. Ишим (Явленский микрорайон).

При функциональном определении комплексов стоянок выделились группы по изготовлению орудий труда, обработке дерева, обработке кости и рога, обработке шкур, изготовлению украшений, изготовлению одежды, орудий охоты и рыболовства и группа орудий по изготовлению керамической посуды.

Среди изделий, применяемых при изготовлении орудий труда, были нуклеусы, ретушеры, отбойники, абразивы. Причем процентное отношение и разнообразие возрастает к позднему неолиту (Тельмана XII – 61%), тогда как на позднемезолитической стоянке Тельмана XIV этих изделий всего 0,6%.

Широкое использование дерева в хозяйстве мезолитических и неолитических племен Северного Казахстана очевидно. От 20 до 40% от всех изделий представлены орудиями, связанными с обработкой дерева. Это резчики, резцы по дереву, скобели и строгальные ножи, струги для отески бревен, топоры и тесла, стамески и долота, сверла, развертки и пилки. Причем если в мезолитической коллекции стоянки Тельмана II основу составляют строгальные ножи, то во всех неолитических памятниках – резчики. Интересен и тот факт, что на стоянке Виноградовка XIV использование резцов в трудовых операциях по обработке дерева менее 10, тогда как на мезолитических и поздненеолитических памятниках заметно их широкое применение. С помощью такого набора орудий, как показывают экспериментальные работы, существовала возможность проводить полный цикл деревообработки, начиная с рубки деревьев и заканчивая получением готовых изделий.

Для обработки кости и рога использовалось около 10% изделий, что свидетельствует о широком применении костяных изделий и предметов быта в мезолите и неолите. Разнообразие инструментов по обработке кости и рога наблюдается уже с позднего мезолита. Применяются резцы и резчики, скобели и строгальные ножи, сверла, пилки и развертки. Такой набор инструментов позволил изготавливать самые различные изделия, вплоть до украшений.

Для обработки шкур использовались скребки и скребла, стамески, лощила для кожи. На всех памятниках эти орудия составляют от 20 до 30%, лишь на стоянке Явленка II в обработке шкур участвовало чуть более 1% орудий.

С изготовлением одежды связано менее 1% орудий. В коллекциях всех памятников единичны экземпляры орудий по обработке

керамической посуды. Вероятно, для этих операций чаще применялись костяные изделия, нежели каменные.

Самую большую группу составляют орудия охоты и рыболовства (до 50%). Среди них – вкладыши ножей и составных охотничьих орудий, наконечники стрел, дротиков и копий. Анализ трасологической обработки материалов памятников подтверждает охотничье-рыболовный характер хозяйства мезолитических и неолитических племен Северного Казахстана вкрупне с развитыми домашними промыслами. Вкладышевая техника пластинчатой индустрии позднего мезолита и неолита к концу неолита (Тельмана XII) трансформируется в отщеповую индустрию.

Интересен факт нахождения в коллекциях стоянок Явленка II и Жабай-Покровка I малого количества орудий по обработке кости и шкур, что может служить основанием для вывода о преобладании рыболовного направления в хозяйственном укладе некоторых племен атбасарской культуры.

При изучении мезолитических и неолитических материалов Северного Казахстана и определении хозяйственной деятельности можно уверенно говорить о единой хозяйственной структуре атбасарской культуры и мезолитического времени. Памятники, отнесенные В.Ф. Зайбертом к раннему мезолиту (Куропаткино I, Виноградовка II), резко отличаются от поздних мезолитических и неолитических по технической традиции и более тяготеют к палеолитической отщеповой индустрии (Зайберт, 1992, с. 108–128). Начиная с позднего этапа мезолита, каменная индустрия приобретает определенные черты (пластинчатая техника расщепления камня), развивающиеся на протяжении всего неолита. Хозяйственные комплексы позднего мезолита и неолита сходны. На основании вышеизложенного, на наш взгляд, нижние рамки атбасарской культуры можно отодвинуть и памятники позднего мезолита отнести к атбасарской культуре (Плешаков, 2003, с. 182–185).

К концу неолита пластинчатая индустрия исчерпывает свои возможности и трансформируется в отщеповую. Это происходит, вероятно, по многим причинам, прежде всего в связи

с намечающимися изменениями в хозяйственном укладе населения Северного Казахстана и зоны лесостепей в целом.

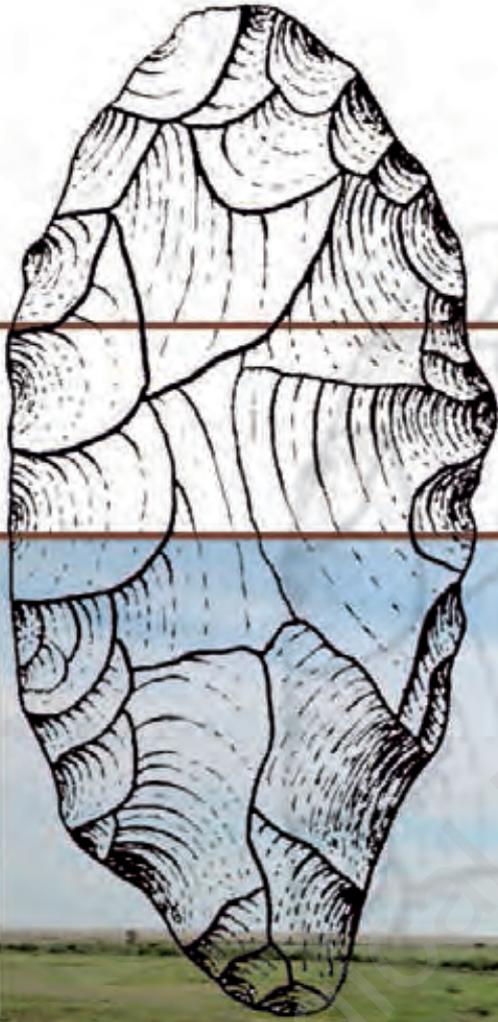
По характеру камнеобработки поздне-неолитические памятники (Тельмана XII, XIII) обнаруживают сходство с материалами атбасарской культуры, и, вероятно, уже в позднем неолите появляются черты производящих форм хозяйства. Но из-за недостаточности материала и плохой сохранности мы не можем выявить определенные признаки domesticated животных, составляющих основу хозяйственной деятельности населения ботайской культуры.

На изменяющуюся структуру хозяйственной деятельности в позднем неолите наряду с накоплением опыта повлияло и изменение климата. Население занимает уже более высокие площадки, что говорит о нестабильности водного режима в реках, а значит, и большем снежном покрове в зимнее время.

Есть основания считать, что специализация отдельных объектов (стоянки, поселения, мастерские) имела место уже в неолите (Зайберт, 1992, с. 19–21). Кроме того, специализация по хозяйственной деятельности с преобладанием охотничьей или рыболовной деятельности влияет на изменение общего хозяйственного уклада.

Рыболовческое хозяйство требует большей стабильности и оседлости для производства максимального количества продуктов питания. В свою очередь, охота является основой для приручения животных. Только такой конгломерат хозяйственных структур мог привести к domestication животных и переходу к производящим формам хозяйства на основе животноводства (коневодства – в ботайской культуре).

Дальнейшее экспериментально-трасологическое изучение накопленных материалов и новые исследования памятников атбасарской культуры могут привести к более детальным выводам о хозяйственной деятельности племен Северного Казахстана эпохи мезолита и неолита и позволят найти ту грань, которая разделяет производящие и присваивающие формы хозяйства, основные моменты которого определены в данной работе.

Атбасар мәдениеті

Кіріспе. Қазақстандағы ежелгі тас ғасырының тарихиграфиясында бірнеше негізгі ғасырлар бар, олардың біреуі – республикадағы археологиялық зерттеулердің болашағын көрсеткен, 1960 ж. шыққан «Қазақстанның археологиялық картасы» атты іргелі еңбектің жарық көруі. 1960-шы жж. тас ғасырының аса қарқынды және жүйелі зерттеулері басталды, ол 1970-1980 жж. ерекше ауқымын алды. Мезо-неолитикалық ескерткіштер соңғы он жылда белсенді зерттелуде. Қазбаның нәтижесінде Қазақстанның алуан аудандарынан елеулі материалдар жинақталды, алайда қазбаның өсу қарқынына карамастан олар әлдеқайда кешіктіріліп жарияланды.

Берілген жұмыстың авторлары басқарған Солтүстік Қазақстан және Көкшетау археологиялық экспедициясының мезо-неолитикалық зерттеулеріндегі аса бай материалдары айтылған кітапты шығаруда, кейбір дәрежеде берілген мәселені үйлестіреді.

Солтүстік Қазақстанның неолиті, В.М. Массонның айтуы бойынша «көп уақыт бойы өзінің микролитойдты мәдениетінің аймағы туралы глобалды түсінігі үшін жалпы археологиялық сипаттамаларда жоғалып жүрді, оның аумағы априорлы түрде біресе бірінші, біресе екінші мәдени-тарихи бірлікке қосылды, ол арқылы мәдени әсер мен ықпалдың батыл садақтары өткізілді» (В.В. Зайберттің кандидаттық диссертациясына В.М. Массонның пікірі). Ол ең алдымен солтүстік аймақтағы деректеметану қорының төмендігімен, кадрлардың аздығымен және басқа себептермен түсіндіріледі. Қазақстандық неолиттанудағы маңызды ілгерілеуі С.С. Черниковтың Қазақстандағы Солтүстік-Шығыстағы, Л.А. Чалойдың, В.К. Мерцтің Павлодардағы Ертіс маңындағы, В.С. Волошиннің Солтүстік және Орталық Қазақстандағы, В.Н. Логвиннің Қостанайдағы Тобол маңындағы жұмыстары болып табылды, олар осы күннің тәсілдерін сапалы қолданып, объектілерді зерттеп қана қоймай, сонымен қатар олармен зерттелген аймақтарға нақты мәдени кезеңділікке тарихи сипаттама берді. Авторлардың барлығы Қазақстандағы түрлі аймақтағы дала және орман зоналарындағы

көне тұрғындардың әлеуметтік жерсінудің сапасын және деңгейін пайдаланды. Археологиялық мәдениетті тасушылардың қоршаған ортамен қарым-қатынасының нақты мысалы бірқатар жағдайларға тәуелді болды: палеогеографиялық деректемелердің сапасы мен көлемі, жұмылдырылған кадрлардың кәсіпкерлігі, салыстырмалы және абсолюттік кезеңділік тәсілінің жағдайы. Жалпы еуразиялық кеңістіктегі тарихи аясындағы дербес материалдарды талдау кезінде зерттеушілер арасында мәденигенездің барысына өз көзқарастары пайда болды. Көп жылғы зерттеулер, пікір алмасулар, баспа беттеріндегі, конференциялардағы және кеңестердегі дискуссиялар мәдени-тарихи дамуындағы жалпы беталыстары және нақты аумақтағы мәдени көріністің жергілікті ерекшеліктерін салыстырды.

1960 ж. ортасында Қазақ археологиясына жаңа ғылыми кадрлар келді. Петропавлда Орал мемлекеттік университетінің түлектері Г.Б. және С.Я. Здановичтер, Қостанайда олардың курстастары В.В. Евдокимов жұмыс істейтін болды. Олар Орал археологиялық мектептің түлектері болатын, оны В.Ф. Генрих жемісті және белсенді басқарған еді. 1960-шы жылдары дара-фанат археологтардың археологиялық қызметі археологиялық ұжымдардың кешенді зерттеулермен алмастырылды. ОПАСК пайда болды (Орал-Поволж археологиялық студенттік конференция), онда тарихи факультеттерінің жас археолог-студенттері және Орал-Поволж аймағына жататын советтік кеңестің түрлі аймақтарынан мәдени мекемелерінің жас қызметкерлері белсенді қатысты. ОПАСК арқыла бүгінгі таңда белгілі Ресей, Қазақстан және ТМД-ғы басқа елдерінің археологтары өтті. Жас археологтарының белсенді қозғалысы, ақпарат алмасулар, бір-бірімен тәжірибе алмасу, жас және маститті ғылымдардың үнемі байланысы өз профессионалды жемістерін әкелді. Бүгінгі күні ОПАСК археологиялық университет болды деп айтуға болады, оның негізінде ақпаратқа қол жетімділік, ұжымдық және командалық зерттеу қызметі, тәжірибе алмасу және археологиялық ғылым мен басқа бағыттағы өкілдер арасындағы кәсіпқойлық

байланыс принциптері болды. 1967 ж. Г.Б. Зданович басшылық еткен Солтүстік-Қазақстан археологиялық экспедициясы өзінің қызметіне бірнеше мәселені алға қойып бастады: біріншісі- Петропавлдағы Ертіс маңының географиясын және тарихи топографиясын зерттеу, екінші - Ертіс акваториясының археологиялық картасын құру, үшіншісі - объектілердің шоғырлану жерлерінде кең аумақтармен ескерткіштерді кешенді зерттеу. Кезеңділікті, хронологияны құру және мәдени тиесілілікті анықтау. Солтүстік-Қазақстанның облыстық мұражайының директоры К.С. Ушков жастарды қабылдап және оларды жұмысқа алғанда: «Балалар, біз жаңа экспозицияны құрғалы отырмыз, және бізде археологиялық материалдар жоқ. Қола дәуірін ығыстыру үшін, андронов ыдысының тек біреуін ғана тапсаңдар болды» - деп айтты. Бірінші жылдан бастап экспедиция жұмыстары Яленка, Бескөл, Покровка ауылдары жанында кешенді зерттеулер басталған болатын және тас, қола және темір ғасырлардағы артефактардың ерекшеліктері туралы бірінші түсініктері алынған болатын. 1970-ші жылдардың басында В.Ф. Зайберт басқарған экспедиция отрядымен орта және кеш тас ғасыры тұрақтарының арнайы зерттеулері басталған болатын. Есіл маңындағы (Явленка, Виноградовка, Тельман, Аққан, Қорғалжын) түрлі аудандардағы мезо-неолитикалық ескерткіштердің онжылдық зерттеулері планификалық және топофикалық байқаулар түрінде кең ақпаратты, жақсы құжатталған артефактардың көптеген кешендерін (оң мындаған бірлік) жинауға және ССРО ғылым Академиясының археология Институтының аспирантурасы шегінде Орал-Қазақстандық археологиялық экспедициясының көптеген мамандары өткен бай археологиялық материалдарды теориялық жағынан түсіну процедурасына кірісуге көмектесті. О.Н. Бадер, Н.Я. Мерперт, А.А. Формозов, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев, С. Ошибкина, В.Ф. Старков, Г.Н. Матюшин, Титов және басқа маститті ғалымдар алдында неолит пен қола секторындағы дала материалдары көрсету және талқылау, сонымен қатар осы ғылымдармен жеке консульта-

яларда археологиялық деректемені бағалау, оның ақпараттық дұрыстық деңгейі жоғарғы кәсіпқойлық дайындықты және объективті экспорттық бағалауды талап ететіндігін түсіндік. Атбасар мәдениетінің ескерткіштер құрал-саймандары жүйелілігінен шыққан негізгі практикалық тұжырымдамалар, ертедегі археология, соның ішінде энеолит саласында үздік мамандардың ұжымды пікір негізінде негізделді. Осындай тұжырымдамаға атбасар мәдениеті ескерткіштерінің Еуразияның микролитикалық мәдени аймағына оның Орал-Ертіс нұсқауына кіруі жатады; екінші-атбасар мәдениетін оның үш деңгейінде және б.з.д. VI-III мың ж. шегіндегі екі нұсқауында бөліну заңдылығы; Солтүстік Қазақстан неолиті шегінде көпсалалы экономикада мал шаруашылығы элементі түрінде өндірістік шаруашылықты қалыптастыру. Орал-Ертіс өзенаралық аймақтарда кеш тас ғасырының қатарлас зерттеулері жалпы және жергілікті мәдени ерекшеліктерді анықтады. Осыған байланысты сапалы салыстырмалы, археологиялық және тарихи анализдерді иелену мәселесі туралы айтқымыз келді. Археологиялық объектілердің немесе мәдениетінің екі артефактарының салыстырмалы талдауы мамандардан археологиялық, тарихи, экологиялық, культурологиялық, дүниетанымдық, әлеуметтік контекстерін білуді талап етеді. Контекст жөнінде ақпарат қаншалықты көп болса, тұжырымдаманың верификациясы да соншалықты жоғары болады. Археологиялық материалды теоретизациялау кезінде зерттеу жүргізілген елдің тарихи мектеп шегіндегі кәсіпқойлық дайындықтың маңызы зор. Неолиттану тарихиграфиясында біз мезо-неолитикалық ескерткіштерін және мәдениетін зерттеумен қалыптасқан осы күнгі жағдайды көріп отырмыз – кеш тас ғасырын зерттеу қызығушылығы, Ботай және Терсек мәдениетінің энеолитикалық ескерткіштерін белсенді зерттелуіне байланысты Қазақстан энеолитінің пайда болу сұрағы туындады. Энеолиттің қалыптасуы жергілікті негізде болды, «жергілікті» сөзін біз табиғи-тарихи аймақ деп түсінеміз, ол Орал-Ертіс өзен аралық болып табылды. 1980-2000-шы ж.ж. атбасар

мәдениетін зерттеу бойынша барлау жұмыстары негізінен бұрын зерттелгендей ұқсас материалдарды анықтады. Ескерткіштердің қатарында мәдени қабаты бар және қазба үшін болашағы бар. Кейбір дәрежеде атбасар мәдениетінің нақты шекарасы жобалануда.

Әлбетте, кітап материалдарын қалыптастыру кезінде авторлар өзіне пайдалы сындық ескертулерді, сонымен қатар ғылыми әдістемесіндегі осы күннің тенденцияларын ескерді. Археологиялық зерттеулердің маңызды аспектілердің бірі мәдениеттің экономикалық негізін қайта құру болып табылады. Еуразиялық далалардың түрлі аудандарындағы өндірістік шаруашылықты тарату түрлі жолдармен жүрді және бұл жолдар нақты табиғи және әлеуметтік-экономикалық жағдаймен, сонымен қатар мәдени байланыстарының бағытымен негізделген болатын. 1970-1980 жж. Орал-Қазақстан дала аймақтарынан алынған материалдар, далалық Еуразия аймақтарының бірінде қолданылған өндіруші шаруашылықтың жалпы суретін толтыруға көмектесті. Орал-Қазақстан аймағының әлеуметтік-экономикалық даму жолдарының тұтастығында ботай, терсек, сұртанды (қысықкөл) мәдениеті ескерткіштерін зерттеуге нандырады. Бірыңғай мәдени массив болып кең танымал петров-синташтин айналымы бойынша орта қоланың бірінші кезеңдерінде де, Орал-Ертіс дала өзен аралығы қабылданады.

Өндіру экономикасының бастаулары неолиттің түрлі кезеңдеріне шығады. Культурогенез, бейімделу жүйесі сияқты көрсетілген және басқа нақты-тарихи жағдайларға байланысты күнтізбелік жылдық шаруашылық айналым шегінде өндірілді. Даланың бір қалыпты белдеуінің күрт-континенталды климаты жағдайында тұрақты күнтізбелік айналымды құру қиындау болды. Өндіру экономикасының элементтері иелену тұрпатының көп қырлы ортада пайда болды. Көлдердің ескі арналарымен және тармақтармен, көктем кезінде магистралды саланың суларымен толатын, ал жаз-күз уақытында кебумен сипатталатын Орал-Ертіс өзен аралығының өзен алаптары және Ертіс маңындағы аумағы көне адам үшін азық ресурстарымен толы болды. Бұл жағдай жартылай

отырықшылыққа және отырықшылыққа себеп болды. Өзен жүйесіндегі балық байлығы, аңшылық кәсібімен бірге кепілденген азық болып табылды және тіршілікті қамтамасыз етуді нығайтты және жеңілдетті. Өмірдің жаңа бейнесі қоршаған орта ресурстарын иелену, ал кейін оларды өзгертуге бағытталған еңбек қызметінің спектрін кеңейтті. Әрине, тұрғындардың елеулі отырықшылығы ғана жануарларды қолға үйрету үшін, ал кейін доместикациялауға жағдай болып табылды. Жылқы, бизон және басқа тұяқтыларға аңшылықтың тиімділігін көтеру үшін қозғалыс құралдары қажет екенін көнелер түсінді. Дала аймағында қолға үйретудің негізгі объектісі жылқы болып табылды. Тельман және Виноградовқа ықшам аудандарындағы неолитикалық тұрақтар қатарындағы остеологиялық материалдар ұсақ жануарлардың сүйегі ғана емес, жылқылардың да сүйегі бар. Ботай қонысында неолитикалық артефактардың шоғырлану орындарында сонымен қатар жылқының және басқа жабайы фауна өкілдерінің сүйектері табылды. Қазақстан даласындағы неолитикалық тұрғындары мал шаруашылығы қызметінің жаңа формаларын қабылдауға дайын болды. Қолға үйретудің инновациялық технологиясының пайда болуы негіз болды. Бұл технологиялармен тайларды піштіру ғана емес, сонымен қатар үйретудің толық айналымы, жылқы шаруашылығының асыл тұқымдыларды ұстау және күтіп баптау болып табылады. Саз балшықты пайдаланумен және саз балшық технологияларын мәдениет және күйіктас үй құрылысы саласында пайдалану, неолитикалық ортада құрылған сүйек тұсаулары мен піштіруге арналған тескіш-скальпельдер және басқа да ветеринарлық мақсаттағы құралдар жаңа технологиялардың инновациялық пайда болудың археологиялық куәсі болып отыр.

Шаруашылық қызметінің және үй кәсібінің қайта құрылуы, артефактарды трасологиялық зерттеу негізінде және оларды экспериментальды процессте пайдаланғанда жүзеге асырдық. ССРО-ның Азиаттық бөлігінен, соның ішінде Қазақстаннан алынған материалдарға көп жылдық зерттеулер жүргізген Г.Ф. Коробкова

еңбек құралдарының қызметін зерттеуге және эксперименталды тәжірибеге үлкен үлес қосты. Бізбен артефактардың салыстырмалы типолого-функционалдық зерттеулері жүргізілген болатын, оның нәтижелері жұмыстарда баяндалады.

Осылайша, балықшылар, аңшылар, жинаушылар ортасында шаруашылықтың жаңа формалары пайда болды, өзімен бірге ол шаруашылық бағдарда, қоғамдық қатынастарда және дүние көзқарастарына өзгеріс әкелді. Материалдық өндіріс саласында, әсіресе еңбек құралдарын өндіруде елеулі өзгерістер болған жоқ. Тек металл пайда болуымен, сүйектен жасалған еңбек құралдардың көбеюімен, өңдеу үшін мал шаруашылығы шикізатының үлкен көлемі түскеннен кейін ғана материалдық өндіріс саласында, жылқышылардың әлеуметтік және рухани өмірінде радикалды өзгерістер енгізілген болатын. Орта голоцен дәуіріндегі Қазақстанның дала аймағындағы экономика элементтерінің даму бағытына және формаларына, негізіне көзқарасымыз осындай. Берілген жұмыстың шығуы мамандардың кең топтарына және тарихты сүйетін қауымға өлкенің көне тарихы бойынша бірегей материалдармен танысуға, атбасар мәдениетінің ерекшелігі туралы түсініктеме алуға және Қазақстанның көне тарихының даулы және проблемалы мәселелері қатары бойынша өзінің пікірін бекітуге мүмкіндік береді.

Голоцен дәуіріндегі Есіл маңындағы табиғи орта мен палеогеографиялық деректер. Солтүстік Қазақстан негізінен Батыс-Сібір жазығының дала бөлігінде орналасқан. Солтүстік-Қазақстан облысының шегінде орманды далалар мен дала шекаралары өтеді, ал Целиноград облысының оңтүстігінде дала Орталық-Қазақстандағы қырлардың (Сары-Арқа) жартылай шөлді бөлігімен шектеседі. Белгіленген аумақта аудандар мен аймақшалар қатары көрінеді (Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан, 1969, 321 б.). Аумақтың басым бөлігі жазық немесе қырлы бедерімен сипатталады, ол қуаттылығы аз және жаңа континенталды құрулардың тұрақсыз жамылғымен, бедер формаларына тығыз тәуелділігін анықтаған кендердің тара-

лу және жағдайымен денудацилық жазық пен плато.

Қарастырылған аймақтың солтүстігінде Есілдің (солтүстік-қазақстандық) орманды дала жазықтығы орналасқан. Бұл олигоценді балшықпен құрылған көлді-жазықтық аумақ. Оларды литологиялы бірыңғай емес өзенді шөгінділер басады. Соңғылары төрттенген күштілігі бірнеше метрден 50-70 м дейінгі суглинкамен және көлді-аллювиальді шөгінділермен көмкерілген (Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан, 1969, 322 б.). Жазықтық солтүстік-шығысқа қарай бүгіледі, ол бұрынғыда үштенген тұщысулы бассейнің жағалауы болған. Провинцияның абсолютті белгілері 120-150-м тең.

Есіл маңының оңтүстік жағы Есіл өз. ағысының меридианалды және ендік кесіндімен пайда болған, бұрыш ішіндегі барлық кеңістікті алып отырған Көкшетау қыраты орналасқан. Өңірдің 30-60 м шамасында биіктікпен жайпаққыратты және жайпақты қия берістермен жазықтық сипаты бар. Аудан үшін эрозиялық торабының әлсіз дамуы сипатты. Тек ауданның солтүстік, батыс және оңтүстік-батыс бөлігінің шектеулі учаскелерінде бедер таулы көріністе болады (600-700 м дейін жететін бөлек шыңдармен Көкшетау таулары, Аққан төбесі - 730 м, Жыланды - 654 м, Имантау - 622 м, Балқаш төбелері - 150-200 м). Егер Көкшетау шыңының оңтүстік бөктері 300-340 м тең болса, онда солтүстігі су бөлу кеңістіктің абсолютті белгілерінің күрт төмендеуімен ерекшеленеді-Шалқар өз. жанында 340 метрден, биіктіктің шетінде 240 метрге дейін. Солтүстік-батыста биіктік белгілерінің 80 км қашықтықта 300-ден 200-ге дейін төмендеуі байқалады (Шанцер, Микулина, Малиновский, 1967, 11 б.).

Солтүстік Қазақстанның негізгі су артериясы Есіл өз. болып табылады, ол өзінің бастауын Орталық Қазақстандағы аласа шыңнан алып және үш облыс арқылы оңтүстіктен солтүстікке ағады. Есіл өз. ұзындығы шамамен 1900 км. Ағыс барысында ол құйылулардың қатарын қабылдайды: Иманбұрлық, Аққан-Бұрлық, Жабай, Кулутон, Терісаққан және т.б.

Қарастырылған аумақта ірі көлдердің қатары бар: Селеті-Тенгиз, Шағалы-Тенгиз, Бурабай, Шабашы, Щучинск, Шалқар және т.б. Ұсақ және орташа көлдердің негізгі массасы Солтүстік-Қазақстан облысында, онда олар 2000 астам есептеледі (Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель, 24 б.).

Есіл-Ертіс өзенаралықтың бір сарынды жазықтығы Камышлов сайдың шығыс-солтүстік-шығыс бағытында жатыр. Соңғы 15-20 км орташа ені-10-20 м (Волков, 1962, 34-48 б.; Волков, 1960, 294-298 б.). Камышловка өзені өзінің тіршілігін XVIII ғ. тоқтатты, көктемде өзара ағыстармен қосылатын ұзын көлдер қатарына айналды. Камышлов сай бойынша бірыңғай ағыстар «Мемлекеттік Империя атласында» белгіленді (1745 ж. басылым). 1768 жылы академик П. Паллас «Ресей мемлекетінің әр түрлі жерлері бойынша саяхат» еңбегінде: «Камышловка үлкен болмаса да осындағы (Мельничный пос. жанындағы) ағысы өте жылдам» деп жазған. Ол Көкшетау шындардан сорғалайтын кішкентай Камысақты өзенінен басталады және Тарангүл өзеніне құйылады, одан осы уақытта Камышлов сайы көлдердің қатарымен байқалады: Балықты, Жыланды, Ақсуат, Питное, Половинное және басқалары- Есіл өз. дейін. Солтүстік Қазақстан үшін өзендердің тереңдігі 30-40 м дейін жететін көптеген арқалықтар мен жыралар сипатты. Олардың көбінде өз атаулары бар: Чудасай (14 км), Боганата (15 км), Александровский (6,6 км), Мальцевский (5,9 км) және басқалары. Ыза сулар шығатын Мальцевский және Александровский сайларында ағын аса ұзақ уақыт бойы ағады (Гладышева, 1959, 36 б.).

Нұра мен Шағалы өзендері сияқты Солтүстік Қазақстанның осындай өзендерінде ішкі ағындары бар. Біріншісі Қазақ Сары-Арқа ұсақ шыңдарынан басталады және Орталық Қазақстан бойынша ағып, Қорғалжын өзеніне құйылады. Екіншісінде - бастауы Көкшетау қыратында. Көкшетау әкімшілік облысы шегінде солтүстік-шығыс бағытта ағып, Шағалы-Тенгиз өз. құйылады; Шағалы ағысы көктем уақытында ағатын ескі арналардың қатарын және уақытша суағарларды құрайды.

Солтүстік Қазақстанның барлық аумағы үшін күрт континенталды климат сипатты (Фельдман, 1960, 35 б.). Континенталдығы минималды (қаңтар) және максималды (шілде) температуралардың ауытқуына байланысты. Сонымен қатар аймақтың климаты үшін жылдан жылға дейінгі температуралық режимнің күрт өзгешелігі сипатты. Жауын-шашынның ортажылдық мөлшері жылына шамамен 300 мм және аумақ бойынша біркелкі таралған. Жауын шашынның айлар мен жыл мезгілдері бойынша бөлінуі бірдей емес: жылдың жылы уақытында (сәуір-қазан), максимуммен шілдеде (50-70 мм), жалпы мөлшердің 86% жауады. Суық уақытта (қараша-наурыз), минимуммен ақпан-наурызда (10 мм), жауын шашынның жылдық мөлшерінің тек 14-19% келеді. Жауын шашынның орташа жылдық сомасы күрт өзгереді. Қуаңшылық жылдар ылғалды жылдармен ауысады. Қуаңшылық жылдары жауын шашынның сомалары орташа көп жылдардан 65-70% құрауы мүмкін, ал ылғалды кезеңде одан бір жарым рет асады. Аумақтың жылу режимі келіп түсетін күн радиациясына ғана тәуелді емес, ол айналма процесіне де тәуелді, олар сонымен қатар атмосфералық жауын-шашынның мөлшерін және сипатын анықтайды. Жалпы айналымға тәртібі батыс құрамаларының желдеріне сипатты – оңтүстік-батыс, батыс, солтүстік-батыс.

Солтүстік Қазақстанда, суайырық кеңістігі әлсіз ағынмен, топырағы көп тұздылықпен ерекшеленеді, ал төмен температураның салдарынан және қар аздығынан жарықтар пайда болады. Жарықтар арқылы гумус пен өсімдік тамырлары тереңенеді, ол гумустың қосымша пайда болуының негізі болып табылады. Бұл қысқартылған гумустық қырынмен жоғарғы гумустың барын анықтады (ССРО Европалық бөлігінің қаратопырағымен салыстырғанда) (Дурасов, 1952, 31 б.).

Қазақстанның орталық бөлігінде топырақ сортаңмен ерекшеленеді, ол топырақтың тұздылығына және климаттың құрғақшылығына байланысты. Қыратты төбелер аудандарында ұсақ тасты, нашар дамыған топырақ басым. (Стороженко, 1952,

89 б.). Есілдің бойымен жайылым топырақ жатыр, ол әр түрлі аудандарда 1-2 дейін және 10-15 м дейін тар жолағын алып жатыр. Егер дала қара топырағы сызаттармен ерекшеленсе, құмды топырақта бұл құбылыс байқалмайды (Глазовская, 1952, 57 б.).

Солтүстік Қазақстанның өсімдік жамылғысы шамамен екі бөлікке бөлінуі мүмкін; оңтүстік далалы және солтүстік орманды далалы. Біріншісіне шамалы орман сипатты болса, екіншісіне ормандар мен дала алқаптарының үздіксіз алмасуы сипатты. Орманды және шілікті учаскелер аумақтың 23 % алып жатыр, ал дала бөлігінде олар 10 % да қамтымайды. Осылайша, қарастырылып отырған аумақ оңтүстікте дала аймағынан, солтүстікте орманды далаға алмасып отыратын алқап. Ағашты өсімдіктер «алқап» деп аталатын бөлек тоғай түрінде орналасқан және негізінен көктерек пен тал араласқан қайыңнан тұрады (Демидовская, 1961, 12 б.). Шөпті өсімдіктері дәнді шөптерге басым - жаппай шымды құрайтын селеу, көк шұнақ бетегемен және басқалармен. Шалғындар өзен алқаптарында жайылған. Әртүрлі шөпті жайылмалар далалы болып келеді. (Растительность степей Северного Казахстана, 1961, 135 б.).

Солтүстік Қазақстанның фаунасы орман алқаптар, көлдер, қамыс, батпақтар мозайкасының жайылуына байланысты ала, аралас болып келеді. Дала учаскелері көптеген жәндіктерге және ұсақ кеміргіштерге толы. Бұл жасыл өсімдікті көп пайдаланатын сібір байталша, ұсақ ала бүйе. Дала күзені мен түлкі, ал мамық жыртқыштардан –қарақұс, кәдімгі жамансары және басқалар аулайтын ұсақ кеміргіштердің арасында үлкен қосаяқты, сарышұнақты белгілеу тиіс. Қалған мамықтыларды бозторғай, дала коньки мен бақшалы овсянка, ақсуасқар, дуалдық, жек дуадақ, үлкен шалшықшы құс, сұр шалшықшылар, бөдене, сұр кекілік, қараторғай, торғай және басқалары құрайды. Рептильдерден тек кесірткені ғана атауға болады.

Тікенектілер бөлігінде ұсақ сүтқоректілерден қызыл полевка, орман тышқаны, кәдімгі кірпі және басқалары өте көп. Өндірістік сүтқоректілерге қоян, түлкі,

борсық және қасқырлар жатады. Тұяқтылардан кейбір жерлерде сібір елігі, марал және бұғылар кездеседі. Өзен алқаптарындағы орман өсімдіктерімен сонымен қатар XIX ғ. басында Солтүстік Қазақстаннан жойылып кеткен құндыздар байланысты болды (Костенко, Башанов, 1960, 76 б.). Ағашты-құстардан алқаптарда үлкен ала тоқылдақ, мысықторғай, иволга, синицалар мекендейді. Жыртқыштардан ұсақ ителгілерді, күйкентайды, ителгіні дербняктарды атау тиіс. Сонымен қатар бұлдырық, ақ кекілік және басқа құстар да кездеседі (Формозов, 1969, 258 б.).

Солтүстік Қазақстандағы көл мен шалшықтың жануарлар дүниесі ерекше. Су қоймаларда мекендейтін құстар мен жануарлардың сапалық және сандық құрамы көлдердің үлкендігіне, қорегіне, балық пен омыртқасыз жануарлардың көлеміне байланысты. Оларда көптеген түрлі үйректер мен жүздеген сұр қаздар, қасқалдақтар, поганкалар, шағалалар, куликтер батпақ шағалалары және т.б. ұялайды. Ағын көлдерде аса сирек кездесетін мамық жүнділер ұялайды: бұлдырлақ-аққу, сұр қаз және басқалары. Ұсақ сүтқоректілерден су егеуқұйрығы ақкіс, сирек колокон кездеседі. Қосмекенділерден үшкір тұмсықты бақалар, чесночница және жасыл құрбақалар кеңінен кездеседі (Формозов, 1969, 263- 264 б.).

Солтүстік Қазақстанның аталған табиғи жағдайлары өзінің ландшафтарымен, климатымен, жануарлар дүниесімен және флорасымен аймақ плейстоцен мен голоцен мәресінде тұрақтана бастады. Оған су жүйесінің бар болуы ғана емес, негізгі өзендер ағысының Есіл, Тобол, Ертіс меридианалды бағыты себепші болды (1 сурет). Есіл меридианалды бағытта Солтүстік Қазақстанның үш облысын кесіп өтеді, сонысымен дала мен орманды даланың түрлі орографиялық аудандарды біріктіріп, экологиялық буданын құрады. Ежелгі тұрғындар Есілдің қолайлы кең алабын тіршіліктеріне пайдаланды. Ол туралы Есіл маңындағы тас ғасыры ескерткіштерінің археологиялық картасы куәландырады (200-ден астам тармақтар). Тұрақтар, қоныстар, шеберханалар ежелгі адамның мекендеуіне ыңғайлы арнайы ықшамаудандарда шоғырланды.

Флорасы мен фаунасы бар осы күнгі ландшафты мұзсыз аймақтар геолог, географ мамандардың деректері бойынша плейстоценде қалыптасты (Природное районирование Северного Казахстана, 1970, 252 б.; Костенко, Башанов, 1960, 76 б.). Голоцен дәуірінің барысында климат тұрақты болмағаны белгілі. Ол өз кезегінде мұздық кезеңінен кейінгі уақытының физико-географиялық жағдайына әсер етті (Кассин, 1947, 198 б.; Волков, 1971, 73 б.). Сонымен қатар ортаның өзгеруіне антропогендік фактор әсер етті (Будыко, 1971, 237 б.). Тас ғасырдың соңында табиғат пен адамның арасында күрделі қарым-қатынас орнатылды, ол қоғамның өндірістік күштерінің қарқынды дамуында негізделген. Бұл уақыт адамның қоршаған ортаға бейімделудің дәстүрлі үрдісімен ғана сипатталмайды, сонымен қатар ертедегі ұжымның өмір сүру бейнесінде, олардың шаруашылық және өндірістік қызметінде көрінді. XIX ғ. аяғында Блитпен, кейін Сернандермен голоцен уақыты үшін палеоклиматикалық шәкілі дайындалған болатын. Кейбір шетелдік және кеңестік ғалымдар осы жүйеге қарсы шықса да, оны көпшілігі мақұлдаған (Нейштадт, 1969, 5-12 б.; Хотинский, 1977, 105 б.). Осы уақытта біздің еліміздің аумағы үшін палеоклиматикалық зерттемелер қатары ұсынылды. Археологиялық әдебиетінде М.И. Нейштадтың (Нейштадт, Гуделис, 1961, 5-44 б.), И.П. Герасимованың (Герасимов, 1961, 224-231 б.), А.В. Шнитникованың (Шнитников, 1949, 65-78 б.; Шнитников, 1957, 221 б.), Н.А. Хотинскийдің (Хотинский, 1968, 112 б.) жұмыстары аса танылды. Бүкіл авторлар климаттың басқа табиғи факторларының өзгеруіне ерекше әсерін көрсетеді. Климат ескерткіштердің топографиясына, ертедегі тұрғындардың шаруашылық қызметіне де әсер етті.

Ескерткіштердің топография мен палеогеографиялық жағдайының арасындағы байланысына О.Н. Бадер және басқа ғалымдар да көрсетті (Бадер, 1950, 140-150 б.).

Археологияның 20 жылдан кейін палеогеография деректерін және қоршаған ортаны қайта құру және белгілі бір археологиялық мәдениеттің тіршілігін анықтау үшін: О.Н.

Бадер (Бадер, 1974, 226 б.), Д.А. Крайнев (Крайнов, Хотинский, 1974, 42-68 б.), П.М. Долуханов (Долуханов, 1979, 54 б.), А.Х. Халиков (Халиков, 1969, 232 б.) және басқалары – РСФСР Еуропалық бөлігі үшін; Г.Н. Матюшин (Матюшин, 1976, 123 б.), В.М. Раушенбах (Раушенбах, 1966, 16-28 б.), Л.Я. Крижевская (Крижевская, 1968, 10 б.; Крижевская, 1978, 49 б.) – Орал үшін; В.Ф. Старков (Старков, 1970, 3-11 б.; Старков, 1980, 90-92 б.) – Заурал үшін; М.Ф. Косарев (Косарев, 1971, 39-51 б.; Косарев, 1973, 63-65 б.) – Батыс Сібір үшін; А.В. Виноградов (Виноградов, Мамедов, 1975, 123 б.) – Орта Азия және т.б. үшін өзінің дала зерттеулерін кеңінен қолданылады.

Еуразияның кең аумағымен көрсетілген түрлі аймақтардың палеогеографиялық деректерді салыстырған кезде жергілікті климаттық және ландшафттық ерекшеліктермен байланысты белгілі бір түрлілік анықталады. Содан басқа климаттың өзгеруінде жалпы беталысы байқалады. Бұл плейстоценнің соңында жалпыпланетарлық жылыну факторына байланысты. Атлантикалық кезеңінің басында ылғалдану, ал суббореалды дәуірде қайтадан қуаңшылық байқалады. Кейбір ылғалдану шамамен б.з. дейінгі I мыңжылдықтың басында басталған субатлантикалық кезеңде белгіленеді.

Климаттың, мүмкін ландшафтардың да өзгеруіне жалпы тенденциясымен ылғалдануды нивелирлей алатын, немесе керісінше оның әрекетін күшейте алатын микрожағдайларды ескеру қажет. Палеоклиматтық және палеогеографиялық жағдайдың өзгеруіне археологиялық негіздеме үшін сериялы материал мен ақпаратты мұқият іріктеу қажет. Алайда осы жағдайда да тек тенденция туралы ғана айту керек. Мысал үшін осы уақыттағы ауыл шаруашылықтағы микроклимат пен микроландшафтардың ерекшеліктерін пайдалану фактілерін келтіруге болады. Егу мерзімін, өнімдерді жинау, тыңайтудың мөлшерін анықтаған кезде бірнеше компоненттерен – бедердің мінезі (суайырық немесе алқапты), орманның бары, гидрожелінің жақындығы және басқалардан құралатын өңірдің ерекшелігі ескеріледі (Агроклиматиче-

ский справочник по Северо-Казахстанской области, 1958, 65 б.).

Тельман ықшам ауданындағы төрт жылдық жұмысы кезінде біз Есіл өз. алқабы өңінің өзгеруіне куә болдық. 1975-1977 жж. ескі арналардың айыр жүйесімен және жайылымдармен ені 10 км дейінгі алқапта шабындық пішені өте төмен болды. Көптеген ескі арналар мен ағыстар екі-үш аптада, әсіресе шілде айында кеуіп қалды. Жағада бұлақтар мен ұсақ су қоймалар ақпай қойды. Жайылмада киік іздерінің жолы болды - ыстық даланың өкілдері. Шөп өсімдігінің арқасында жағалаудың сызықтары анық көрінді, ол археологиялық ескерткіштерді бекітуді және іздестіруді жеңілдетті.

1978 ж. көктем мен жазда жағдай түпкілікті өзгерді. Алқаптың барлығы дерлік ылғалмен толды. Кезінде кеуіп қалған ескі арналар сумен толды. Шабындық пішеннің биіктігі, әсіресе ескі арна бойында, кісі бойымен болды. Екі-үш маусым жұмыс істеген, шөп басып қалған ескерткіштердің аймақтарын әзер дегенде тауып алдық. Қорықшылардың айтуы бойынша киіктер 150-200 км қонысын аударды. Климаттағы ерекше өзгерістерді байқамадық. Ықшам ауданының қоршаған даласын салыстыру бойынша ылғалдау дәрежесінде өзгерістер болды. Неолиттегі ұқсас экологиялық жағдай ескерткіштердің топографиялық мінезіне, сонымен қатар ертедегі адамның шаруашылық қызметіне әсер ете алды ма? Иә, деп ойлаймыз. Бұл факт терассадағы тұрақтардың түрлі гипсометриялық деңгейді климаттың ылғалдану немесе аридизация жағына жалпы өзгеудің призмасы арқылы ғана қарастырмай, жергілікті экологиялық маңыздың басқа себептерін, сонымен қатар ескерткіштердің өндірістік, қызметтік сипатын ұсынуға мәжбүрлейді.

Өкінішке қарай, Солтүстік Қазақстан аумағында голоцен бойынша палеогеографиялық жұмыстар аз, ал егер ондайлар болса, археологиялық деректерді қолданғанда сәтсіздеу болып көрінеді. Мысалы, В.А. Николаевпен «Батыс Сібір мен Қазақстандағы дала тарихындағы антропогендік кезең» мақаласы жарияланды.

Онда автор адамның қоршаған ортаға әсер етудің түрлі кезеңдерін көрсетеді (Николаев, 1977, 17-23 б.). Сонымен қатар мақалада голоценнің түрлі дәуірдегі климаттың өзгеруі беріледі. Б.з. дейінгі III мыңжылдықтың соңындағы аралдық трансгрессияның тіршілік дәлелдемесінің бірі В.А. Николаев Батыс Сібір орманды даладан Туран шөлдеріне дейінгі көне жаға сызығы бойымен таралған көптеген кельтеминарлық тұрақтарды санайды, және де оларды энеолит күнімен белгілейді. Дәлірек айтқанда, автор өзі күнін белгілемей, 50-ші жылдардың күндерін пайдаланды, бүгінгі күні олар қайта қарастырылды. Кельтеминар мәдениеті қазіргі кезде энеолитпен белгіленбей, неолитпен белгіленеді. Бүгінгі күні бұл мәдениеттің шекарасы да дәл белгіленді, ол хорезм оазисінің шегінен шықпайды. Кельтеминар мәдениетінің күндері көне жағына қарай қайта қарастырылды. Бұл мақаланың рационалды дәні болып, В.А. Николаев Арал трансгрессиясы мен Батыс, Орталық Қазақстан мен Орта Азия тұрақтарының тіршілігі едәуір ылғалдықпен байланысты. Тұрақтардың көбі түрлі уақытпен белгіленеді - бұл тұрақтардың тіршілік күнімен байланысты ылғалданудың кезеңі бойынша мезолиттен бастап неолитке дейін. Біріншісі – атлантикалық кезеңінің басында (б.з. дейінгі VI-V мыңжылдық) және екіншісі-оның соңында (б.з. дейінгі III мыңжылдық), ол палеогеографтың қазіргі деректеріне жатқызылады.

Топырақ зерттеушілер палеогеография сұрақтарын шешуге тікті. Осылай, И.В. Иванов және оның АН ССРО Топырақтану институтының тобы Солтүстік Қазақстан және Орал археологтарымен бірге (Г.Б. Зданович пен басқалары) ашық суайырық кеңістігінде орналасқан, қола мен темір дәуіріндегі қорған астындағы топырақты зерттеді. Әдіс осы күнгі топырақ пен жасанды құрылыстың үймесінен шыққан топырақты салыстырудан негізделген. Топырақ зерттеушілер үшін ең маңыздысы – археологтар жерлеу жиынтығы бойынша анықтайтын жерлеу топырағының уақытын анықтау болып табылады. Топырақтың пайда болуы және биохимикалық өзгеруі ең бірінші климатқа байланысты (Иванов, 1984, 15 б.).

Голоцендегі климат туралы белгілі мәліметтерді біз Солтүстік Қазақстанның көптеген көлдерін және аудандарын зерттейтін гидрологтардан табамыз. Өрдің кезеңділігі және су қоймасы деңгейінің құлауы, сонымен қатар олардың тұздылық деңгейі анықталады. Көптеген ғалымдар көрсетілген процесстерге әсер ететін, ғасыр ішіндегі климаттың құбылмалығын көрсетеді (Косарев, 1973, 63-65 б.).

Деректемелерді зерттеу методологиясы мен әдістемесі. Солтүстік Қазақстанның тас ғасыры ескерткіштерін жаппай жүйелі зерттеуге кіріскенде, біз аймақтың ландшафты ерекшелігін ескеріп дала жұмыстарының анықталған әдістемесін қолдандық. Бұл жердегі ерекшелік, Қазақстанның ашық даласының басым көпшілігі топырақтың эрозияға, денудация және дефляцияға ұшырау сипатына тән. Аккумулятивті үдерістер өте баяу. Бұған қоса, биік алқаптарда, сонымен бірге дала өзендерінің, бастауларының бойына орналасқан археологиялық ескерткіштер ашық сипат алуға, ескерткіштегі мәдени қабаттар жойылған немесе болмашы ғана (Медоев, 1965, 85-88 б.).

Планиграфия есебінсіз беткі қабаттан материалдар жинау практикасы соңғы уақытқа дейін жиі қолданылды. Кейде үлкен алаңнан жиналған тас ғасырының коллекцияларын зерттеушілер біртектес ретінде қарастырады (Чалая, 1970, 79-86 б.; Логвин, 1977, 270-275 б.). Соңына қарай келгенде жинақтамада әртүрлі хронологиялық дәуірлердің материалдары жиі ұсынылып отырған.

Қазақстандық Есіл бойындағы тас ғасыры толық зерттелмегендіктен СҚАЭ құрылған алғашқы жылдары-ақ жаппай барлау тексеру жұмыстарын өткізу міндетін қойды. Барлау отрядтары географиялық очерктегі тізбектелген барлық дерлік өзендердің жағалауын шолып шықты. Археологиялық объектілердің жинақталған аудандарында топтық барлауға ерекше көңіл бөлінді.

Бастапқыда табылған объектілер ескерткіштердің концентрация дәрежесі мен таралу аумағын анықтау мақсатында картаға тіркелді. Кейін көзбен өлшеу жоспары не-

месе жергілікті шағын аудандардың құралды топографиялық жоспары түсірілді. Жоспарға ескерткіштердің масштабтағы шамасында ауданы түсірілді. Қазуға келешегі бар ескерткіш аудандары 2x2 м квадраттарға бөлінді, тек осыдан кейін беткі қабаты жиналып, содан кейін қазу жұмыстары жүргізілді. Жоспардағы олжаларды тіркеу квадрат бойында (1x1 м) жаппай жинақталу кезінде немесе абсолюттік дәлдікте бірлі-жарым бұйымдардың немесе құралдардың сипатты жинақталуы кезінде іске асырылды.

Үлкен аймақты жаппай тексеру және мәдени қабаттың біршама алаңын аршу арқылы археологиялық объектілердің концентрация дәрежесі мен олардың функционалдік бағыты жөнінде танысып алуға мүмкіндік берді. Шағын аудандар ішіндегі ескерткіштердің бірқатарын толық зерттегеннен кейін объектілерді сипаттау кезінде дәстүрлі «тұрақ» терминін пайдаланып қана қоймай, сонымен бірге «қоныс», «шеберхана», «орналасқан жері» ұғымдарына сүйенуге негіз болды.

Қоныс деп алаңы 500 ш.м. ірі, жеткілікті мәдени қабаты бар ескерткішті атаймыз. Оған екі немесе одан да көп тұрғын баспаналар тіркеледі. Мәдени қабаттың заттай материалдары көп мөлшерде табылған олжалармен таныстырылды.

Шеберхана дегенде біз археологиялық объектілер, мәдени қабаттарды түсінеміз, олар жұмыс алаңқайы айналасында шоғырланған қалдықтар, дайындамалар, жыныс қалдық бөліктерінен тұрады. Серияда балғалар, өңдеуіштер, уатқыштар, қайрақ тақталар секілді құралдар ұсынылды. Біздің мәліметтер бойынша шеберханалар екі түрге бөлінеді: шикізатты бастапқыдай жару, нуклеустар мен макропішіндер дайындау бойынша шеберхана; жалпыға ортақ құралдар жасау бойынша шеберхана.

Тұрақтар – бұлардың ауданы 500 ш.м аспайтын уақытша қоныстар. Тұрғын баспаналардың іздері қалмаған немесе түсініксіз. Заттар саны 2000-нан аспайды.

Орналасқан орны – ескерткіш, мұнда мәдени қабат болмайды, оның материал саны аз және тек қана көтеріп жинақтаумен ұсынылды.

Қоныстар өзен алқаптарымен бірінші немесе екінші ұсталған терассаларға; шеберханалар – сулары бөлек төбелерге, сонымен қоса алқаптарға; тұрақтар – алқаптарға, сулары бөлінген көлдерге, бастауларға; орналасқан орны – барлық тізбектелген гипсометикалық деңгейлерге ұштасады.

Осылайша, ұзақ мерзімді қоныстар аса қолайлы берекелі алқаптарға және өзіндік өндірісті және тұрғын орталықтарына орналасқан. Ескерткіштердің қалған түрлерін, шаруашылық және өндірістік қызмет үдерісінде қалдырылған маусымдық, уақытша пунктер ретінде қараған дұрыс. Заманауи әдістемелік талаптарды ескеріп орындалған үлкен көлемдегі дала жұмыстары бірқабатты және көпқабатты ескерткіштерді стратиграфиялық ерекшелуге мүмкіндік берді. Әсіресе, (Тельман I, X, XII, XIII, VII) бірқабатты объектілерінің табылғаны өте маңызды. Бұл жерде анықталған неолит кезеңі үшін өзіндік техникті-типологиялық эталоны алынды, соның арқасында Қазақстанның музейлері мен зертханаларында сақтауда тұрған көптеген аралас коллекцияларға қайтадан түсіндірме беруге көмектесті.

Біздер археологиялық материалды бастапқы өңдеуіне көп көңіл бөлдік және бірінші кезекте тас ғасыры коллекциясындағы көп табылған шақпақтасты құрал-сайманға (мезолит-неолит). Негізі тілікше бұйымдарынан тұратын шақпақтасты құрал-сайманның үлкен кешеніне ие бола отырып, материалды сипаттау кезінде ауызша суреттеп қоюмен шектелу мүмкін емес. Оның ашық жарқын, жеке, әрі эмоционалді сипаты бар екені белгілі. Бұл ретте, суреттеу дереккөздің объективті жағдайына сәйкес келе бермейді. Дереккөзден ақпаратты анықтау үдерісінде белгілі бір тәжірибесі бар, ол ауқымы кең мамандар үшін тексерілуге және қолжетімді болуы тиіс (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, 130 б.; Клейн, 1977, 15-24 б.).

Тас ғасырының отандық археологиясында алғаш рет В.А. Городцов пен Г.А. Бонч-Осмоловски типология-статистика әдісін әзірледі және қолданды (Городцов, 1927, 6 б.; Городцов, 1930, 16 б.; Бонч-Осмоловский, 1969, 186 б.; Викторова, 1977, 5-14 б.). Типология-статистика әдісінің егжей-тегжейлі әзірлемесі

француздық зерттеуші Ф.Бордқа тиесілі. Оның типолісі шетелдік және біздің елдегі палеолит мамандары тарапынан мойындалды. Алайда аталған әдіс кемшіліксіз емес, өйткені бұндай «жабық» сыныптамалық әдісті көптеген зерттеушілер бірнеше рет атап көрсетті (Гвоздовер, 1974, 36 б.; Любин, 1965, 23 б.).

Соңғы уақытта типологиялық сыныптаманың басқа әдісі – «ашық жүйесі» белсенді әзірленуде (Медведев, 1975, 25 б.; Матюшин, 1975, 12 б.). «Ашық жүйенің негізгі басымдығы осы жүйеге сәйкес суреттелген кез келген әртүрлі құралдар жиынтығын салыстыруға, саны негізінде өзара жақындық дәрежесін анықтау мүмкіндігі болып табылады. Бұл ретте, түрлерін анықтау есептің қатты және бақыланатын негізіне, жеке белгілерінің түйісу жиілігіне қойылуы мүмкін» (Гвоздовер, 1974, 36 б.).

Археологиялық материалды бастапқы өңдеу үшін әдебиетте нақты сызба-кесте пайда болды (Матюшин, 1976, 224 б.). Г.Н. Матюшкиннің «Оңтүстік Орал мезолиті» кітабында жарияланған кестені негізге алып, біз Солтүстік Қазақстанның материалдарын эксперименттеу арқылы ашық жүйенің келешектігін мысалға алып тексердік. Бізге типологиялық бірдей критерилерді пайдаланып көрші екі аймақтың археологиялық материалдарына үңілу өте маңызды боп көрінді.

Г.Н. Матюшкин сыныптамасының кейбір ережелерін қарастырамыз, онымен осы жұмыстың авторы келіспейді. Мысалы, «өңделген тілікшелер» класы ішпекті ретінде аталған сыныптамада анықталған. Алайда өңделген тілікшелердің барлығы мұндай емес. Екінші жақтан, геометриялық микролиттердің классикалық ішпектері бар, бірақ кестеде оларды бұлай атамайды. Бұл жерде «ішпек» ұғымын типологиялықтан гөрі технологиялыққа жатқызамыз, және оны пайдаланбаған дұрыс болады. Біздің көзқарас бойынша, 1-6 және т.б. кластарды ауызша қорытындыламаған мақсатқа сай болады, оларды жай ғана «жиігі өңделген тілікшелер, геометриялық микролиттер, тілікшедегі қырғыштар, үштіктер» деп атаса болады. «Соңғы қырғыштар сыныптамасы» (49 б.) кестесінде тігінен «құралдар

мен оның параметрлер жұмыстық бұрышы» белгісі берілді, біз оны өзгертусіз қолдандық. Ал біздің көзқарасымызша, көлденеңі бойынша әртүрлі белгілер берілген, олар әртүрлі сыныптамалық деңгейлерде иерархиялық орналасуы тиіс. Егер 1-4 контурлары өңдеулердің конвергенция бұрышын көрсетсе, онда 5-8 контурлары жүзінің пішінін көрсетеді, яғни сайма-сай емес. Қырғыштарды есептеу кезінде 1-4 көрсеткіштері іске аспады. 5-8 көрсеткіштерінің кейбір атауларын біз өзгерттік. Әсіресе, «жүйелі еместі» біз «фигуралы» атаймыз, өйткені «жүйелі» және «жүйелі емес» терминдері өңделген тілікшелердің ұзын жиегі бойынша сипаттау кезінде кеңінен қолданылады. «Фигуралы» термині жүзінің контуры көпбейнелі вариациясын топшылайды. «Бұрышы өткір» орнына «үшкірленген» деп жазамыз, өйткені геометриялық дұрыс бұрышы өткір бірде бір экземпляр кездеспеді.

Қорытындысында сол бойынша материалы сыныпталған құрал-саймандарды бастапқы өңдеу үшін кестелері келесідей көрініс алды.

«Материалдың жалпы сипаттамасы» кестесі. Олар категориясы, тобы және класс деңгейлеріне жауап береді. Ерекшеленген бағандар: нуклеустар және олардың өндірімдері (қырлы тілікшелер), (нуклеус, тілікше сынықтары). Олар қайта өңделген және өңделмеген экземплярға бөлінеді. Біріншілері қырғыштар, өңделген тілікшелер, кескіштер және жаңқалар кластарына бөлінеді. Иерархия қағидаты сол күйінде – қайта өңделген және өңделмеген жаңқалардың бөлінуі.

«Басқалары» кестесі. Мұнда шақпақтасты емес жыныс, тас, сүйек, балшықтан жасалынған бұйымдар орналасқан. Аталған кесте алдағы уақытта материалдарды өңдеуде, толық сыныптама алу үшін, ұдайы бақылау кезінде қажет (1, 2 таблицалар).

«Тілікшелер» кестесі. Мұның негізінде тілікшелердің градациясы, анықталған бөлшектері немесе сегменттері жатады – бүтін, проксималді, медиалді, дисталді. Әрбір баған (құралдарды) қайта өңделген және өңделмеген экземплярға бөлінеді. Өз кезегінде, «өңделмеген» баған істен шыққан (трасиологиялық талдау кезінде) ізі бар және

оларсыз экземплярды ескереді. Істен шыққан іздері бар тілікшелер құралдар санатына жатады, бірақ функционалді талдау негізінде. Істен шыққан ізі жоқ тілікшелер дайындама немесе қалдық санатына жатқызылатын болады. Өйткені, трасологиялық талдауды біз әлі өндірген жоқпыз, қайта өңделмеген барлық тілікшелер «қорытынды» бағанында ескеріледі. Бұл кесте бізге дайындама ретіндегі тілікше жөнінде сонымен қоса құралдардың және әрбір әуелгі дайындамалардың дәрежесі жөнінде толық ақпарат береді (3 таблица).

«Тілікшелер мөлшері». Тілікшелердің мөлшерін анықтау кезінде біз Орал, Қазақстан, Сібір тас ғасыры бойынша әдебиетте көп кездесетін параметрлерді пайдаландық: 0,5 см дейін; 0,6–1 см; 1,1–1,5 см; 1,6–2 см; 2,1–2,5 см; 2,6–3 см; 3,1–5 см; 5,1–7 см; 7,1–9 см; 9 см асады. Кестеде тілікшелердің ені мен ұзындығы үшін олар бірдей. Тілікше мөлшерінің параметрлері көлденеңі бойынша орналасқан, ал дайындама мен құралдардың әуелгі пішіні тігінен ескеріледі.

«Тілікшедегі қырғыштар» кестесі. Жұмыстық бұрышын рәсімдеуде белгісі көлденеңі бойынша негізге алынды (перпендикуляр, тік, орташа, жайпак, өте жайпак). Бұл белгілердің әрбірі келесідей өңдеу сипаттағы иерархия баспалдағын ескереді – конвергентті, дивергентті, өлкелік. Тігінен жүзінің пішіні мен әуелгі дайындамалар негізге алынды.

«Кескіш» кестесі. Бұнда екі түрдің негізгі құрал белгілері ескерілді – бұрыштық және бүйірлік (орталығы қосылған жоқ, өйткені олар жоқ немесе аз мөлшерде ғана). Көлденеңі бойынша өз кезегінде бір немесе бірнеше (көпжүзді) жұмыстық жүзі бар кескіштер түрі орналасқан. Бұдан бөлек, ұзындық жиегі бойынша құралдарды қосымша өңдеу вариациясы ескеріледі. Тігінен дайындамалардың әуелгі пішіндері орналасқан. Көлденеңі бойынша бүйірдегі кескіштерді өңдеудің шеткі пішіні ескеріледі – майысқан, тік, шабылған, дөңгеленген (3 таблица).

«Трапеция» кестесі. Көлденеңі бойынша әуелгі белгілері үшін трапеция пішіні алынды – бүйір ойығымен, бүйір ойығынсыз. Олар өз кезегінде биік, төмен, анықталмағанға

(сынықтар) бөлінеді. Төменде негізді қосымша өңдеу дәрежесі ескеріледі – төменгі, жоғарғы, екеуі. Келесі сатыда арқадан немесе іштен салынған орны ескеріледі. Тігінен келесідей белгілер берілген: симметриялы, асимметриялы, анықталмаған (сынықтар). Қажет болса, кестеге басқа да одан да толық көрсеткіштерді қосуға болады (3 табица).

Материалды бастапқы сыныптау бойынша барлық атқарылған жұмыс ықшамды кестелер шеңберінде көптеген белгілерін ескеруге мүмкіндік береді, оны материал сипатына байланысты иерархияның жалпы құрылымын бұзбастан толықтыруға болады. Біздер барлық кестелерге енгізілген дайындамалардың әуелгі формаларын анықтауға көп көңіл бөлдік.

Өңдеудің келесі кезеңінде жоғарыда толтырылған кестелердің сандық көрсеткіштері негізінде салыстыруға және корреляция жасауға болады. Әртүрлі белгілерді салыстырып қарауға және теңестіруге, араларындағы байланысты анықтауға нақты мүмкіндік бар. Әсіресе, анықталған кешендердің өзіндік технологиясы мен типологиясын анықтау үшін белгілі бір хронологиялық, сонымен қоса, мәдени кешендерді ерекшелеген кезде типологиялық сыныптаманың деректері өте маңызды.

Тұтастай алғанда, ескерткіштердің, олардың кезеңділігі мен хронологиясын мәдениетке жататынын анықтау кезінде, сонымен қоса, археологиялық объектілердің функционалдік ерекшеліктері жөніндегі сұрақты шешу кезінде біз белгілердің тіркесім қосындысын пайдаландық: ескерткіштер топографиясы, географиялық және өндірістік планиграфия сипаты; шақпақтасты құралдар мен керамика жасау технологиясы; шақпақтасты және тас құралдарының типологиясы; құрал-жабдықтар түрін бөлуде морфологиялық ерекшеліктер; керамиканың формасы және өрнегі.

Атбасар мәдениетінің ескерткіштері.

А - Явленка; Соколов I; Лебяжье I; Золотая осень I; Мичуринская I; Бес көл II; Новокаменка I; Карлуга II; Карлуга III; Карлуга IV; Карлуга VI; Красногорка II; Боголюбово I; Бо-

голюбово III; Боголюбово IV; Боголюбово VI; Новоникольское II; Новоникольское V; Рассвет I; Явленка II; Явленка III; Явленка IV; Явленка V; Явленка VI; Явленка VII; Энбек I; Ильинка II; Жаргаин I (Жарқайың); Өрнек I; Бірлік II; Бірлік IV; Куприяновка I; Булаево I; Медвежка I; Бірлік I; Бірлік III; Бірлік V; Ивановка I; Солюновка I; Кучкова I.

Явленка ықшам ауданының ескерткіштері Петропавл Есіл маңының аумағын алып жатыр (сур. 2). Олардың негізгі массасы кең алқапта (10-15 км дейін) жинақталған. Объектілер екінші суарым террасада, біріншісінде сирек немесе су айырық көлдердің жағасында топталады.

Қазба процессінде немесе явленска ықшам ауданының объектілерін зерттегенде алынған барлық топография, планиграфия, стратиграфия және типология деректерін салыстырған кезде ескерткіштердің бірнеше топтары бөлінеді.

I топ (Явленка II, Мичуринская I, Боголюбово I). Индустриясы микролитикалық техникамен ерекшеленеді. Шикізат ретінде шақпақ, яшма, кварцит, тас түрлері пайдаланылды. Жонғыш техника (бұрышты, шеткі және ортанғы жонғыштар), тескіштер, түйреулер, бұрандалар, доғал ұшты тіліктер кең дамыған. Аз мөлшерде жаңқадан және тіліктен жасалған қырғыштар ұсынылды.

II топ (Явленка VI, VII, Карлуга III, Боголюбово III). Технологиясы ішпек құралдардың және тіліктердің құрама бөлшектерінің біртіндеп ірілеуімен сипатталады (63 кесте). Макроформалар пайда болды – екі жағы өңделген найзалардың ұштары, ірі пышақтар мен жаңқадан жасалған қырғыштар, ірі тіліктен және жаңқадан жасалған қапсырмалар, жеке дара ірі симметриялы трапециялар. Шикізат біртектілікпен ерекшеленеді – ақшылт-қоңыр және сұр яшмо текті. Фрагментарлы, жұқа қабатты, құм, дресва аралас, қырлы оттискпен әшекейленген күйіктас.

III топ (Явленка IV, V, Карлуга IV, Боголюбово II, Булаево I және басқалары). Технологияда ішпек салты біртіндеп жоғалды (сурет 35-29, 30). Құралдар үшін дайындама ретінде ұзындығы 5,7 см және ені 2,5-3 см дейін ба-

ратын тіліктер тұтас немесе проксималды бөлшектері жиі пайдалынады. Құралдардың арасында өңделген тіліктер, тіліктен және жаңқадан жасалған қырғыштар басым. Жонғыш формалар II топпен сәйкес (қосымша I). Екі жағы өңделген жапырақты және ирең формалы садақтардың ұштары кең таралады. Күйіктас сонымен қатар фрагменталы, «адымдау» элементі түрінде немесе горизонталды сызықтар түрінде қырлы мөртаңбаның оттискпен.

IV топ (Явленка III, Мичуринское I (кеш комплекс), Новоникольское V, Боголюбово I және басқ.). Жинақтаманың көрінісін жаңқадан жасалған құралдар (қырғыштар, қапсырмалар, садақтардың ұштары) құрайды. Тіліктен жасалған бұйымдар айшықтама нұсқамасымен, жеке дара қапсырмалармен, түйреулермен ұсынылды. Ұштардың түрлері - черешті, негізі ойықпен, түзу немесе доғал саптамалы.

Қазып алынған ескерткіштер мен зерттелген тармақтардың қатары бізбен тұрақтар мен олжа орындары деп анықталды. Шеберханалар мен қоныстар әзірше осында анықталмады. Алайда салыстырмалы күшті (80 см дейін) мәдени қабаты Боголюбово, Карлуга с. жанында тармақтардың қатарында голоценда экономикалық жағдайы Есілдің кең өлкесі ежелгі ұжымның қонысына жайлы болды, оны археологиялық объектілердің топталуы көрсетеді.

Б-Виноградовка:

Тындық IV; Берлиновка I; Берлиновка II; Берлиновка III; Берлиновка IV; Берлиновка V; Берлиновка VI; Берлиновка VII; Берлиновка VIII; Берлиновка XI; Виноградовка I; Виноградовка II; Виноградовка III; Виноградовка IV; Виноградовка V; Виноградовка VII; Виноградовка VIII; Виноградовка IX; Виноградовка XIV; Виноградовка X; Васильковка; Линеевское I; Алексеевка I; Садовая I; Кенеткөл I; Кенеткөл II; Кенеткөл III; Кенеткөл VI; Кенеткөл VIII; Кенеткөл IX; Троицкое; Виноградовка VI; Қызыл Жар; Линеевское II.

Қарастырылып отырған объектілер Көкшетау облысының Шағалы өз. орналасқан

(сур. 53). Ескерткіштің үлкен бөлігі Көкшетау қ. солтүстігіндегі Шағалының төменгі ағысына ұштастырылған.

Стратиграфияға және типологияға қарағанда, Виноградовка ықшам ауданында ескерткіштердің бірнеше хронологиялық топты бөліп айтуға болады.

I топ (Виноградовка II, төменгі қабат, Виноградовка XII). Мәдени қабаты сұр-қоңыр саздақты және кеш шөгінділермен жабылған (Виноградовка II) немесе жеңіл гумусты қабатша астында жатқан орташа сыздақ (Виноградовка XII). Техникалық және типологиялық қатынаста бұл тұрақтардың материалдары мезолитикалық уақытпен мерзімделеді.

II топ (Виноградовка II, жоғарғы қабат, Виноградовка XI). Технологияда мезолитикалық салттар сақталуда – құрама құралдар үшін ішпектерді дайындау. Дайындамаларға негізінен ені 1-1,5 см дейін, ұзындығы 2-ге дейін, сирек 3,5 см дейін баратын медиалды бөліктер қызмет атқарды. Жиынтықтар өңделген тіліктер, ұштары өткір емес тіліктермен, бұрышты жоңғышпен, біренсаран данада өтпейтін қабырғасымен, шеткі және домалақ қырғыштармен, қапсырмалармен, шөркелу ойығы бар тіліктермен және басқаларымен ұсынылды.

III топ (Виноградовка X, XII және басқ.). Құрал-саймандары түрлі микро және макроформалар жиынтығымен сипатталады. Тіліктер ішпек ретінде және дербес қару ретінде пайдаланылады – қырғыштар, пышақтар, қапсырмалар және т.б. жаңқадан жасалған бұйымдар аса шомбал – қырғыштар, пышақтар, қапсырмалар. Ұру құралдары көпбалғалы, балталы құралдар.

IV топ (Кенеткөл VIII, Виноградовка VIII, және басқ.) (Зайберг, Плешаков, 1978, 242-250 б.). Тілікті индустрия жойылып келеді, жаңқадан жасалған қырғыштар, қапсырмалар көп. Тіліктер өндеусіз немесе жүйесіз шеткі кеулеумен. Екі жағы өңделген садақ пен қысқа сапты найзалардың ұштары кең тараған. Олар «салбырап тұрған мұртымен», жапырақты формалы, негізінде ойығы бар. Күйіктас қырлы, ойықты техника көмегімен әшекейленген. Коллекцияда бірлі-жарым қола бұйымдары бар.

Аққанбұрлық ықшамауданындағы ескерткіштер Көкшетау облысының шегіндегі Аққанбұрлық және Есіл өз. бойында топталған. Бір тұрақ (Новомихайловка) палеолитке, қалғандары-неолитке жатады.

Үш тұрақ Есіл өз. оң жағасында, қалғандары (12 тармақ) Аққанбұрлық өз. екі жағасында орналасқан.

Осында стационарлық зерттеулер әлі өткізілген жоқ. Алайда, келешекті ескерткіштер қатары анықталды, олар стратиграфия мен көтерме жинақтамалардан жақсы комплекс берді. Бұл Тындық I, II, Аққанбұрлық I-IV және басқа тұрақтар.

Ескерткіштер Аққанбұрлық пен Есіл өз. жақын аудандарындағы ойларында топталғаны қызық.

В-Тельман:

Магдалиновка I; Магдалиновка II; Атбасар II; Тимошевка I; Тимошевка II; Тимошевка III; Тимошевка IV; Родионовка I; Родионовка II; Родионовка III; Калиновка I; Тельман I; Тельман V; Тельман IV; Тельман VII; Тельман VIII; Тельман IX; Тельман X; Тельман XI; Тельман XIII; Тельман XIV; Тельман XV; Тельман XVII; Тельман XVIII; Владимиро-Борисовка I; Владимиро-Борисовка II; Жабай-Покровка I; Жабай-Покровка III; Полтавка I; Спасовка I; Владимировка I; Новый городок; Чайка II; Новоселовка III; Добровольское I; Красносельское; Красносельское II; Красносельское III; Красносельское IV; Красносельское V; Красносельское VI; Красносельское VII; Каныр I; Каныр II; Каныр III; Каныр IV; Каныр V; Каныр VI; Каныр VIII; Карагүл; Острогорка; Острогорка II; Капитоновка I; Капитоновка II; Островка I; Островка III; Бақсүк III; Новодонецкое I; Новодонецкое II; Новодонецкое III; Новодонецкое IV; Журавлевка I; Ярославка III; Ярославка; Ярославка II; Октябрьское I; Покровка I; Петровка I; Петровка II; Новокавказка I; Новокубанка I; Жаңатұрмыс I; Жаңатұрмыс II; Жаңатұрмыс III; Садубек I; Петропавловка I; Үлкен Мойнақ I; Заимка I; Луговое II; Луговое I; Ақтөбе I; Алғабас I; Таволжанка I; Таволжанка II; Новочеркасское I; Новочеркасское II; Новоселовка II; Новодонецкое VIII; Новодонецкое

VI; Новодонецкое IX; Новодонецкое X; Новодонецкое VII; Поповка I; Полтавка II; Пригородное I; Сарғары IV; Сарғары V; Сарғары III; Тельмана III; Новый городок II.

Оның астарына Атбасар Есіл маңында орналасқан объектілердің елеулі санын ауызша біріктірдік. Есіл-Жабай, Аршалы, Жыланды, Ащылы өз. оң жағасында және Колутон өз. сол жағасындағы тармағында орналасқан ескерткіштерді қосқанда, негізінен ол Есілдің кең бөлігі.

Стационарлық зерттеулер негізінен Атбасар к. 30 км оңтүстік-шығыс бағытта орналасқан Тельман с. жанында және Атбасар к. 40 км. солтүстік-батыс бағытта Покровка с. жанындағы Жабай өз. жүргізілді.

Тельман ықшамауданы қалған ықшам аудандармен салыстырғанда стационарлық қазбалармен толық зерттелді. Ескерткіштер, топографиялық, планиграфия және типология сипатынан көрінгендей, өзінің функционалды мақсаты және хронологиясы бойынша өзгеше. Қазылған объектілердің типологиялық және статистикалық өңдеу негізінде сондай-ақ бірнеше ескерткіштердің топтары бөлінді.

I топ (Тельмана VII, VIIIa, IXa, XIVb). Олардың ішінде алып отырған аудан және Тельман VIIIa құрылысы бойынша соңғы классқа жатқызуға болады. Бұл тұрақтардың құралсаймандары теңбе-тең екенін көрсету керек. Әсіресе ол индустрия саласына қатысты- жаңқадан жасалған бұйымдармен үйлестірілген үшпекті тілікті техника (қырғыштары биік). Шикізаты алуан түрлі. Нуклеустардың формасы призматикалық, таппы, коникалық. Олардың биіктігі кейде 6 см асады. Бұйымдардың негізге түрлері өткір емес арқасымен тіліктер, бұрышты микрожонғыш, шеткі, ортанғы жонғыштар, параллелограммалар, ою, тіліктер және басқалары болып табылады.

II топ (Тельмана I, VIIIb, X, XIV, Жабай-Покровка I). Ол топ үшін келесі қасиеттер сипаты: біртекті шикізатты пайдалану – сұр немесе ақшылт-қоңыр түсті яшмо жынысты. Технология үшін ішпек сипатын сақтау, алайда бірінші топ ескерткіштерінен тіліктерді салыстырғанда дайындау пропорциялары өзгереді. Кестеден

көрінгендей ішпектер 1,5x1,5 немесе 1,5x2 см квадратурасына жақын. Сонымен қатар, ені 3 см дейін және ұзындығы 5 см астам ірі проксималды тіліктер бар. Жиынтық форма мен түрлерінің байлығымен ерекшеленеді: жанама, бұрышты жонғыш, кескіштер, қырғыштар, трапециялар, тілікті ұштар, ойықтармен тіліктер және басқалары. Әсіресе тіліктен және жаңқадан жасалған шеңберлі шеткі қырғыштар көп.

Күйіктас көріністі, алайда жеткілікті мәнерлі. Ол диаметрі 16-20 см, ашық ауызды жұмыртқа тәріздес формалы. Ыдыс жұқа қабырғалы (0,4-0,6 см), үстіңгі жағы нашар бір қалыпсыз күйдірілген, ірі құммен, ұсақтаспен, өсімдік қалдықтармен араласқан.

ІІІ топ (Тельман XV, Жабай-Покровка III, Заимка I, Магдалиновка I және басқалары). Технологияда біртіндеп ішпек салты жойылуда және екі жағы өңделген тіліктер мен жаңқалар таралды. Жиынтық үшін жаңқадан жасалған пышақтар, екі жағы өңделген тілікті және жаңқалы ұштыр, өңделген найзаның ұштары сипатты. Жұқа қабырғалы, қырлы «адымдау» белгісі бар, ирек сызықтармен күйіктас.

IV топ (Тельман IXб, XII, XIII және басқ.) тілікті техника жойылды. Екі жағы өңделген формалар мен жаңқалар кең ұсынылды – садақтың, қысқа сапты найзаның, найзалардың, пышақтардың, қырғыштардың ұштары. Қару жасалған шикізат сапасыз ірі түйіршікті кварциттен жасалған, кейде-яшмо тектіден. Тығыз черепокпен күйіктас қырлы оттискпен және шұңқырлы майысықтармен безендірілген.

Тельман IXб ескерткіші шеберхана болып табылады, қалғандары – балықшылар-аңшылардың маусымдық тұрақтар.

V топ (Тельман XIVб, XVII және басқалары). Шақпақ бұйымдар жапырақты, черешок формалы негізінде ойығы бар ұштармен ұсынылды. Екі жағы сығы сығылып өңделген. Жаңқадан жасалған қырғыштар мен макроформалар-балталар, қашау қарулары, мотыжкалар, пряслицалар, салдуарлар мен өзге құрал-саймандар кездеседі.

Күйіктас алдағы топтардың ыдыстарынан аса жоғары сапасымен ерекшеленеді. Черепок тығыз, қалыңдығы 0,6-0,9 см, ірі

құм, кейде қышқак, ұсақ тас араласқан. ою-өрнегі геометриялық фигура, көлбеулі қырлы сызықтар мен шұңқырлар түрінде. Қырлыдан басқа шегіну мен наколды техника кездеседі.

Қорғалжын ықшамауданының ескерткіштері Ақмола облысының Қорғалжын ауданындағы Нура өз. сағасында орналасқан. Тұрақтар мен орналасқан жері Нура жағасына ұштастырылған, олардың биіктігі 3-5 м жетеді, яғни 1-ші суарым терассасы деңгейінде. Тұрақтардың қатары ежелде аққан бұлақтардың жанындағы суайырық жазығында анықталды. Олар негізінен топырақ қабатынан айырылған және табылған заттар жердің үстінде шоғырланды. Орналасқан жерлер, ауданы бойынша әдеттегідей бірнеше ондық текше метрмен шектеледі. Тұрақтардың аумағы 50 текше м шамасында. Ескерткіштің басым бөлігі неолит-энеолит күндерімен белгіленеді. Аса ерте (мезолит-палеолит) кезеңдегі бірнеше тармақтар бар.

Сипатталған ықшамаудандардан бақа, ескерткіштердің жиынтығы байқалады, Солтүстік Қазақстанда дара тұрақтардың және тас ғасырының орналасқан жерлер қатары тіркелді. Орналасқан жерлерінің төртеуі Целиноград ауданының Селеті өз оң жағасында табылды. Тармақтар биіктігі 40-50 м жететін Селеті өз. сұлама жағасымен ұштасады (Бестөбе I, Тасқура I және басқ.). Тұрақтың біреуі материал бойынша палеолит-мезолит күндерімен белгіленуі мүмкін (Тасқура II), қалғандары- неолитикалық тұрақтар.

Атбасар мәдениеті ескерткіштерінің хронологиясы, мәдени-тарихқа жату мәселелері, олардың Қазақстан неолитіндегі орны. Археологтар үшін кезеңділік пен хронология сұрақтарын шешу өзінше бір белес болып табылады, ол дереккөздерді өңдеудің эмпирикалық сатысын аяқтайды және сапалы жаңадан түсіндірілген тарихи деңгейін әйгілейді. (Захарук 1969, 11-20 б.; Захарук, 1977, 35 б.; Клейн, 1978, 98 б.).

Қазақстанның кейінгі тас ғасырын зерттеудің өз тарихы бар, аса бай болмай-ақ қойсын, бірақ республикада тас ғасырын зерттеудің келешегін көрсету үшін жеткілікті

Археологическая карта Казахстана, 1960, 35 б.; Акишев, 1978, 5-14 б.; Алпысбаев, 1970, 227-240 б.). Бұл жерде кезінде Қазақстанның неолит тақырыбымен тікелей айналысқан Л.А.Чалаяның (Чалая, 1970, 79-86 б.; Чалая, 1970, 241-250 б.; Чалая, 1970, 309-327 б.; Чалая, 1971, 24 б.), С.С. Черниковтың (Черников, 1950, 63-70 б.; Черников, 1970, 60 б.; Черников, 1972, 59-62 б.), А. А. Формозовтың (Формозов, 1951, 115-121 б.) мәліметтері бар. Авторлардың барлығы қола және темір дәуірлерімен салыстырғанда кейінгі тас ғасырының зерделенуі қанағатсыз жағдайда екенін атап өтті.

60 жылдары Қазақстанның археологиялық картасына голоцен уақытындағы тас ғасырының 500 тұрағы салынғанына қарамастан оларды қазу жұмыстары жүргізілмеген деуге болады. Егер әдебиетте Қазақстанның неолиті жөнінде сөз болса, онда бұрынғы ескерткіштер - Усть-Нарым, Пеньки I, II, Қарағанды XV, Зеленая Балка, Ағыспа, Сексеуілдік алға тартылды және оның аумағы 4 мың шаршы метрді құрайды.

С.С. Черников Усть-Нарым, сонымен қоса, Мало-Красноярка кентінің қонысын және бірнеше пунктерін (Черников, 1956, 43-60 б.; Черников, 1957, 12-21 б.; Черников, 1956, 99-10 б.) көтеріп жинаған көп жылғы қазу негізінде бір кезеңді ерекшелейді – кейінгі неолитті, және б.з.дейінгі II мыңжылдықтың III басынан хронологияны шектейді. Шынында, осы үзік шамасында оларға тек шамамен одан да ерте (Мало-Красноярлық) және кейінгі (Усть-Нарымдық) фазалар бөлініп берілді (Черников, 1970, 41 б.).

Кезеңділік пен хронологияны құруға Оралдың (Раушенбах, 1956, 56 б.; Збруева, 1946, 182-190 б.; Бадер, 1950, 143 б.; Чернецов, 1947, 79-91 б.; Чернецов, 1953, 7-71 б.; Сальников, 1962, 16-58 б.; Крижевская 1968, 132 б.), Сібірдің (Окладников, 1950, 343 б.), Орта Азияның (Виноградов, 1968, 64-75 б.; Толстов, 1948, 240 б.) аймағымен шектесетін неолиттік объектілердің құрал-саймандары мен құрал түрлерін стратиграфиялық бақылау және синхрондау негіз болып табылады.

Усть-Нарымның археологиялық материалы типологиялық біртекті емес және

Қазақстанмен шектесетін аймақтардың мезолиттен энеолитке дейінгі кешендерінде көптеген аналогтары табылуда (Чалая, 1971, 13 б.).

Л.А.Чалаяның Солтүстік-Шығыс және Орталық Қазақстанның кезеңділік мәселесі шамамен осылай шешімін тапқан болатын. Оның диссертациясының негізгі ережелері бірнеше рет жарияланған материалдарында мазмұндалған (Чалая, 1973, 188-203 б.). Автор екі қазылған ескерткіш (қалғандары жинақтар) мысалында техникалық және топологиялыққа қатысты ажырататын локалды топтардың бірқатарын ерекшеледі. Өкінішке орай, Қараторғай ст. 5 кенорнынан басқа барлық дерлік пункттерді Л.А. Чалая б.з.дейінгі III мыңжылдыққа және кей сөзінде IV мыңжылдыққа жатқызды (Чалая, 1973, 188-203 б.).

1960 жылдардың басында М.Н.Клапчук Қарағанды бассейнінде тас ғасырының шамамен 60 тұрағын ашты және оның екеуі қазылды. Бұлар Қарағанды XV және Зеленая Балка 4 тұрақтары. Қазбалардың нәтижелері үш мақала болып жарияланды, оны басқа зерттеушілер археологиялық құрылымдар үшін кеңінен қолданды (Клапчук, 1965, 212-216 б.; Клапчук, 1969, 108-118 б.; Клапчук, 1970, 153-160 б.). Әсіресе, Қарағанды XV тұрағы қызықты. Бұл стратиграфиясы бар көпқабатты ескерткіш, оның негізінде М.Н. Клапчук Орталық Қазақстанның неолит ескерткіштерін кезеңдеуді ұсынды. М.Н. Клапчук неолиттің үш белесін ерекшелейді, олар б.з.дейінгі III мыңжылдық шеңберінен шықпады (Клапчук, 1969, 108 б.).

Тас ғасырының голоценді ескерткіштерін зерделеуде Оңтүстік және Батыс Қазақстанда белгілі бір табыстарға қол жеткізілді. 70 жылдардың басында Х.А. Алпысбаев палеолит уақытынан кейінгі археологиялық материалдары бар Қаратаудың бірқатар үңгірлерін зерттеді (Алпысбаев, 1977, 93 б.).

Арал маңы және Каспий маңында көп коллекция берген көптеген пунктер барын білеміз, бірақ, өкінішке орай, үстіртін ғана (Мелентьев, 1975, 113 б.; Мелентьев, 1977, 101 б.; Виноградов, 1968, 64-75 б.; Формозов,

1972, 17-26 б.; Формозов, 1959, 47-59 б.; Формозов, 1950, 141-147 б.). Ал кезеңділік пен мәдениетке жататын сұрақтарды шешу кезінде тек көтерілген материалдарды пайдалану зерттеушінің субъективті рөлін күшейтеді.

Қазақстанның Батысы және Оңтүстік-Батыс аумағындағы материалдар әдебиетте кеңінен танымал, оларды зерттеу 20-шы жылдары басталған болатын (Синицын, 1951, 98 б.).

Кезінде осы ауданға көп көңіл бөлген А.А. Формозов бірқатар жұмыстарын жариялады, оларға кейінгі неолит және энеолит уақытын берді (Формозов, 1959, 47-59 б.; Формозов, 1949, 49-58 б.; Формозов, 1950, 65-75 б.; Формозов, 1950, 141-147 б.).

Осы аумақтан қазып алынған ескерткіштердегі жаңа материалдар соңғы 10-15 жылда тас дәуіріне жататын голоцен объектілерінің кезеңділігі мен хронологиясын түсіндіруде белгілі бір түзетулер енгізуде.

В.П. Логвин Қостанай және Торғай облыстарында шақпақтасты құрал-саймандар мен керамикасы бар өзіндік тұрақтардың бірқатарын ашып, бір бөлігін зерттеді. Бұл тұрақтар Қайыңды, Евгеньевка, Амангелді, Матросово өзендері және басқа жерлерінде орналасқан (Логвин, 1976, 491 б.; Логвин, 1977, 273 б.).

Қазақстан бойынша бізді қызықтырған сұрақтарға шолу жасай отыра, неолит ескерткіштерін стационарлық зерттеуге шектеудің қойылғанына қарамастан, зерттеушілер ақпараттың сол деңгейінде типологиялық және классификациялық сұрақтарды тұтастай объективті шешті. Солтүстік Қазақстанның жекелеген шағын аудандарын негізінен стационарлы зерттеуде алынған жаңа материалдар, кейде Қазақстанның солтүстік бөлігіндегі неолиттің жекелеген кезеңдері мен уақытын нақтылауға, ал тұтастай алғанда ерекшелеуге және көнелеуге мүмкіндік береді.

Осы ауданның неолит кезеңділігіне тоқтамастан бұрын, қазылған тұрақтар мысалында алғаш рет мезолит қабатын ерекшелеуге мүмкіндік туғанын тағы бір атап өткен жөн. Екінші тарауда көрсетілгендей, әрбір

шағын ауданда мезолит кешендері қатысуда. Мезолит кезеңділігінің мәселелеріне жете тоқтамастан бұрын, мезолитте типологиялық және техникалық екі кезеңі күтілуде – ерте (б.з.дейінгі X мыңжылдықтан кеш емес) және кейінгі (б.з.дейінгі VII мыңжылдыққа дейін). Осы мезолит «іргетасында» неолит кезеңділігі құрылды, оны энеолит кезеңі мен ерте қола аяқтайды. Осылайша, тас ғасырының орта және кейінгі кезеңділігі алынды және тастан темірге өтудің ауыспалы кезеңі қадағаланды.

Солтүстік Қазақстанның кейінгі тас ғасыры үшін үш кезең ерекшеленді – ерте, орта, кеш неолит.

Ерте неолиттің ерекшеленуі абсолютті уақыты бар шектесетін аумағымен типологиялық салыстыру сипатында, сериалы таза кешен алу және стратиграфия негізінде мүмкін болды.

Оған шағын аудандар бойынша хронологиялық негізде ерекшеленген ескерткіштердің келесі тобы жатады: Явленка шағын ауданы тұрағының II тобы (Явленка VI, VII, Карлуга III, Боголюбово III); Виноградов шағын ауданы ескерткіштерінің II тобы (Виноградовка II (жоғарғы қабат), Виноградовка XIV және басқалары); Тельман шағын ауданының II тобы (Тельман I, X, XIV, VIIIб, Жабай-Покровка I).

Бұл ескерткіштер үшін стратиграфиялық аталып өткендей белгілі бір заңдылық тән. Нақты, біріншіден, мәдени қабаттар аздап саздақтың астына немесе құмайтқа ұштастырылған. Оларды алқаптық сипаттағы топырақтар жауып тастауда (Виноградов және Тельман шағын аудандары ескерткіштерінің стратиграфиясын қараңыз), яғни атлантикалық кезеңнің басына сәйкес келеді.

Шақпақтасты құрал-саймандардың келесідей түрлері айқынырақ: кескіштер (бүйірлік, бұрыштық); трапециялары симметриялы, үстіңгі негіз бойынша ойықтары бар; сырты шығыңқы тілікшелер; ұңғылар, қауырсыны өңделген тілікшелерде жебенің ұштықтары; тілікшедегі қырғыштар – жүздері айқасқан, түзу, фигуралы, доғал. Дөңгеленіп ұзартылған жоңқадағы пышақтардың өзіндік ерекшеліктері бар. Екі жағы өңделген

оқтардың ұштары сынық күйінде кесіндісі жапырақ пішінінде ұсынылды, ұштардың қалыңдығы 1,5 см дейін. Макроформалар да бар (қырғыш, пышақтар, балғалар және т.б.). Аталған коллекциялардың барлық жерінде керамика бар. Бірақ аз. Түбі үшкір, қабырғасы жұқа, болмашы күйдірілген, қоспада ағаш, ірі құм немесе өсімдік қалдықтары қосылған. «Қадам басқан» тарақшамен, жеңіл ойықтар басылған, толқынды сызықтармен және тесікті сызықтармен әшекейленген.

Ерте неолитті кешендер кейінгі неолиттерден зерттеу әдістемесінде көрсетілген белгілер бойынша ғана өзгешеленбейді, сонымен бірге, технологиясы мен типологиясында біршама сабақтастықты сақтайды.

Егер мезолитте шикізатқа әртүрлі шақпақтас, яшма, кварцит, хрустал жиынтықтары қызмет етсе, ал ерте неолитте негізінен яшма түріндегі сұр немесе ашық-қоңыр түсті сапалы кварцитті пайдаланады.

Неолитте платина индустриясының ары қарай дамуы байқалады. Жоңқа индустриясы болмашы өзгерген, сондықтан біріншінің сипаттамасына тоқталамыз.

Ерте неолитте мезолитпен салыстырғанда құралдар түрінің жиынтығы бай болып келеді, қайта өңделгені әртүрлі (58 кесте). Екі жақты пішіндер, бөліктері тегістелген шабу құралдары пайда болады, және, ақыры, неолитте керамика пайда болады.

Орта неолитке жататындар: Явленка тұрағының III тобы (Явленка IV, V, Карлуга IV, Боголюбове II, Булаево I және басқалары); Виноградовтың II тобы (Виноградовка X, XI), Тельмандық III тобы (Тельман XV, XVII, Заимка I, Жабай-Покровка III және басқалары) шағын аудандары. Ескерткіштерде табылған олжалар қара топырақ қабаты мен сазды құмайттың табанына ұштасады. Шақпақтас индустриясының бұл кезеңінде мезолит дәстүрлері біртіндеп жойылады. Құрал-саймандар жиынтығы тілікшелер мен жоңқадағы құралдардың екі жағы өңделген пішіндермен үйлесіп сипатталады. Соңғыларының арасында жебе ұштықтарының жапырақ түріндегі дұрыс формалары кеңінен таралған. Өңделуі ерекшеленген немесе ұстайтыны бар немесе жоқ кескіш

пышақтар ерекше. Тілікшелердегі ұштықтар, биік трапециялар және басқа түрлері жиі кездеседі. Бүйірлерінен кескіштер, жаны немесе арқасы мұқалған, сырттары шығыңқы тілікшелер және басқа да ерте (мезолиттік және ертенелиттік) түрлері мүлдем жойылып кеткен. Коллекция арасында макропішіндер бар – қырғыштар, пышақтар, ұрғыштар, балғалар және басқа да бұйымдар.

Керамика бұрынғысынша мәнерлі және фрагментарлы емес. Формасы жұмыртқа түрінде, қабырғасы жұқа, орташа күйдірілген арасында, ағаш, құм, өсімдік қалдықтары қосылған.

Кейінгі неолит. Оған Явленканың IV тобы (Явленка III, Бескөл I, Карлуга, Красногорка, Еңбек және басқалары), Тельман (Тельман XI, XII, XIII, 1X6 және басқалары) және (Берлиновка I, Кучковка I, Кенеткөл III және басқалары) барлауларында зерделенген Виноградовка шағын аудандарының бірқатар тұрақтары жатады.

Мәдени қалдықтар горизонттың беткі топырағында (балшықты майлы қабатында) көп кездеседі, кейде бетіне шығады. Алқаптар мен дала өзендеріндегі беткі қабаттың жасы б.з. дейінгі III мыңжылдықпен анықталған.

Тас құрал-саймандар кешені барлық белгілер бойынша алдыңғы кезеңдер материалдарынан ерекшеленеді. Шикізат (тұрпайы кварцит) тұрпайылығымен және сапасыздығымен сипатталады, ол әуелі жоңқадағы және екіжақты формадағы құралдар жасау үшін пайдаланылды. Тілікше техникасы қолданылмаған, бірақ коллекция арасында сол кездегі платиналар бар, алайда қайта өңделмеген.

Керамиканың қабырғалары жұқа, түбі дөңгелек немесе үшкір, сынық сызық, таяқшамен тесілген, толқынды сызықтар түріндегі тарақ тісті қалыпта әшекейленген.

Энеолит дәуірінде біршама өзгерістер болған, әуелі еңбек құралдарын жасау үшін шикізатты пайдаланған. Тас пен сүйек орнына темір – мыс, кейін қола алмастыра бастаған. Оның ежелгі тарихи қоғамда қандай рөл атқарғанын бәрі біледі.

Ұсынылған кезең түпкілікті нұсқаны бере алмайды, бірақ Солтүстік Қазақстандағы

дереккөздерді жүргізу базасының заманауи деңгейін толық көрсетеді. Ерекшеленген кезеңдердің әрбірінің абсолютті уақытын мерзімдеу күрделі болып тұр. Қазіргі уақытта аймақтың археологиялық материалдары бойынша неолит дәуірі уақытының төменгі және жоғары екені жөнінде сенімді түрде айтуға болады.

Біздің еншімізде 14-нен (біздің күннен 10540 + 200) алынған уақыт бар, ол Тельман XIVa мезолит тұрағы аумағындағы шұңқырдан шығарылған көмірден алынған. Ол кейінгі мезолиттің бастапқы кезеңін көрсетеді, оның мәресі б.з.дейінгі VII-VI мыңжылдықтар уақытымен белгіленіп, радиокөмірқышқылды уақыт сериясы бойынша Орал, Орта Азияға жетеді (Старков, 1980, 90-92 б.; Виноградов, Мамедов, Сулержицкий, 1977, 267 б.). Өйткені кейінгі мезолиттік және ергенеолиттік кешендер технологиялық және типологиялық жақын, генетикалық байланысты, ал арасындағы алшақтық үлкен болуы мүмкін емес. Осы уақытты ескергенде, мезолиттің мәресі б.з.дейінгі VII мыңжылдықпен белгіленеді. Ал тиісінше, ерте неолитті б.з.дейінгі VII-VI мыңжылдық соңымен белгілеу керек. Тас ғасырының соңындағы хронологиялық шеңберлер (энеолитті қосқанда) б.з.дейінгі II мыңжылдық – XVIII ғасырлар басымен дәл анықталады. Мысалы, Вишневка I қонысының еденіндегі ошақта петров-алакөл түріндегі (Зайберт, 1973, 108 б.), бірнеше «импортты» ыдыс табылды, ол андронов мәдени-тарихи қауымдастығы рәсіміндегі уақытпен сәйкес келеді (Зданович, 1973, 443 б.).

Осы шеңбер аясында қорытындылайтын болса, тексерілген аумақтағы кейінгі тас ғасырының басы мен аяғын анықтаған орта, кейінгі неолит және энеолит хронологиясы б.з.дейінгі II мыңжылдықтың басы V шеңберіне тоқтайды. Кейде бұл шектесетін аумақта ерекшеленген хронологиялық кезеңдерге жақын келеді (Коробкова, 1969, 178 б.).

Солтүстік Қазақстанның ескерткіштерін кезеңдеу көзқарастары бойынша Шығыс Қазақстанның жақсы сақталған Усть-Нарым қонысымен салыстыруға келеді. Г.Ф.Коробкова оған тыңғылықты типологиялық және

трассологиялық талдау жасады және зерттеуші ғалым өз монографиясында мазмұндап берген. Автордың Усть-Нарым кешеніндегі ерекшелік жөніндегі сұрақтары бойынша көзқарасымен келісуге болады, онда Қазақстан мен Орта Азия ескерткіштерінен ерекшелігі айтылады.

Г.Ф. Коробкова нуклеустің өзіндік формаларын атап өтеді – неолитте кеңінен қолданылатын сына (кокорев) түрінен конус түріне дейін (Коробкова, 1969, 125 б.).

Солтүстік-қазақстандық объектілердің талдауы көрсеткендей, сына және қарындаш түріндегі нуклеустер мезолит ескерткіштерінде кездеседі. Г.Ф. Коробкова монографиясының 166 бетінде негізінен мезолит пішінінде болып келетін арқасы мұқыл микротілік ішпектерінің барын, 158 бетінде тегістелген құралдардың жоқ екенін (кей бөліктері тегістелген) атап өтеді. Ғалым мұны техникалық себептермен, мүмкін мәдени тәртіппен түсіндіреді және Г.Ф.Коробкова түйіндемесі келесідей қорытындыланады: «...Усть-Нарым кіші мәдениет, Сібір мен Орта Азия неолитінің жарқын элементтерін біріктіре алды, осылайша аралас мәдениет сипатын алды...» (171 бет). Қорытындылуы өте әділетті, егер кешендердің хронологиялық әртүрлі уақыттың мүмкіндігін ескермесек, немесе Солтүстік Қазақстанның неолит ескерткіштерінен алынған бұйымдардың барлық түрлерін (трапециядан бөлек) біз Усть-Нарымнан табамыз. Ескерткіштің уақытын белгілеуде С. С. Черников, Г. Ф. Коробкова және А. П. Окладников кейінгі неолиттік (энеолиттік кешендердің) түрлерді пайдаланды (Окладников, 1950, 315 б.).

Біздің материалдарды Қарағанды XV, Зелёная Балка 24 тұрақтарымен салыстырғанда технология мен типологияда ұқсастықтың жоғары дәрежесі байқалады. Сондай ішпекті қағидат, трапецияның, кескіштердің көп түрі. Тельман I, X, Мичуринская I экземплярна ұқсас тілікшелерде жебенің ұштықтары бар.

Қарағанды XV коллекциясының бөлігі Солтүстік Қазақстанның кейінгі неолиттік және энеолиттік кешендерінен ұқсастық табады. Мысалы, ойығы бар екіжақты жебе ұштықтары және басқа түрлері (М.Н. Клапчук бойынша II қабат) (Клапчук, 1965, 212 б.).

Л.А.Чалая зерттеген Қазақстанның Солтүстік-Шығысындағы тұрақтар да көптеген мезолиттік, ертенеолиттік және энеолиттік ескерткіштерге жақын келеді. Петка I тұрағы Тельман I, X ұқсас (мезолит пішінінен басқа) (Чалая, 1971, 14 б.). Қараторғайлық пунктер де мезолиттен энеолитке дейін жалғасып үйлеседі.

Арал маңында ерте неолит ескерткіштеріне Ағыспа тұрағы мен Сексеуіл I тұрағының құралдары жақын. Олардың ерте жасын (неолит шамасында) А.П. Окладников (Окладников, 1956, 313 б.), А.В. Виноградов (Виноградов, 1968, 156 б.), А.А. Формозов атап өтті, жарияланған материалдар олардың III мыңжылдығын межелеген (Формозов, 1949, 49-58 б; Формозов, 1950, 141-147 б.).

Тобылдағы Қостанай ескерткіштерін есілдікпен салыстырғанда біршама жақындық байқалады. К.В. Сальников (Сальников, 1962, 16 б.), А.А. Формозов (Формозов, 1951, 3-18 б.), В.Н. Логвиндер жарияланған тұрақтар аралас сипатқа ие. Хронологиялық біртектес бірнеше пунктер қызықты.

Бірінші ескерткіш - В.Н. Логвин қазған Амангелді I тұрағы. Қазған автор және Л. Я. Крижевская (Крижевская, 1975, 161 б.) оны б.з.дейінгі IV-III мыңжылдық межесіне жатқызды. Біздің көзқарасымызша, ол ерте неолитке, немесе Тельман X түрінің материалдарына жақын коллекция – шикізат, ыдырау техникасы, жиынтығына жатуы тиіс.

Басқа ескерткіш, Евгеньевка I, жиынтықпен зерттелді. Аралас коллекция. В. Н. Логвин осы тұрақты Va Джебел қабатымен ұштастырды және б.з.дейінгі IV мыңжылдық шамасымен белгілейді. Коллекцияны қарау кезінде ұқсас мезолит пішіндері кездесті.

Осылайша, Есіл бойындағы материалдарда белгіленген кезеңділік пен хронология Қазақстанның үлкен бөлігінде неолит тұрғындарының материалдық мәдениетінің даму заңдылығын жалпылама көрсетеді. Әрине, бұл мезолит-неолит аралығында республиканың жекелей аймақтарында өзіндік мәдениеттің хронологиялық алға жылжуын жоққа шығармайды.

Кейбірін қорытындылайтын болсақ: Қазақстанның неолитін кезеңдеу 70 жылдарға дейін шектеулі материалдармен толықты және Орта Азия, Батыс Сібір, Оралмен шектесетін аумақтарындағы осы сұрақтың өңделуіне байланысты болды.

СҚАЭ жұмыс істеуіне байланысты, неолитте материалдық мәдениеттің даму заңдылығын бақылауға мүмкіндік туды, оның бастапқы кезеңі б.з.дейінгі VI мыңжылдықтан кешіктірілмей мерзімделеді, ал III мыңжылдықта алғаш темір пайда болады.

Қазақстанның әр аудандарындағы жаңа материал базасында кезеңділік пен хронологияны ары қарай нақтылай түсу міндеті тұр.

Қазақстанның неолиттік ескерткіштерінің мәдениетке жататыны туралы сұрақ әдебиетте 60 жылдарға дейін қойылмады, немесе орал және ортаазия неолиті байланысы жөнінде полемика үдерісінде қозғалды (Чернецов, 1947, б. 56). Сонымен бірге, Қазақстандағы неолиттік материалдар белгілі болды, олар жинақталған болатын, бірақ осы аумақтың индустриясын сипаттау жөнінде жалпы танысу үшін жеткілікті көп еді (Археологическая карта Казахстана, 1960, 223 б.).

Қазақстандық материалдардың оралдыққа жақындығына қарамастан, А.П. Окладников 1941 жылы шығыс-орал мәдениетін ерекшелеу кезінде оны Төменгі Оба маңының шығыс шекараларын бөліп тастады. А.П. Окладниковтың пікірінше, Қазақстан мен Орал маңының орманды далаларындағы неолитте дала мәдениеті тарайды (Окладников, 1941, 7 б., 1 сурет), оны автор зерттеулері мен бірқатар басқа мамандар растады.

Басқа авторлар орал және қазақстандық неолит анализіне басқаша көзқарас білдірді. Кельтимар және орта-орал неолит ескерткіштерінің жақындығын айтқан С. П. Толстов және А.В. Збруеваның (Толстов, 1941, 214 б.; Толстов, 1948, 243 б.; Збруева, 1946, 182 б.), артынан В.Н. Чернецов анықталған орал-ортаазия этномәдени тұтастығын атап өтеді.

Толстой С.П., Чернецов В.Н., Збруева А.В. ғалымдарының концепциясында неолиттегі Орал және Орта Азия байланысы сұрақтарын кейін О.Н. Бадер қарастырды (Бадер, 1970, 158 б.; Халиков, 1969, 252 б.).

Қазақстанның далалық және жартылай далалық ескерткіштерінің мәдениетке жататыны жөнінде сұраққа А.А. Формозов басқаша көзқарас білдірді (Формозов, 1950, 65 б.). 1949 жылы ол Арал маңы үшін келтеминар мәдениетінің батыс-қазақстандық нұсқасын ерекшелейді және оны хорезм неолитінің әсерінен шектейді (Формозов, 1949, 50 б.).

Оң жылдан кейін орал-азиаттық жақындығын жақтаушылар көзқарасынан бөлек табанды жұмысы жарияланды (Формозов, 1959, 162 б.). Біздің көзқарасша, А.А. Формозов Евразияның далалы және шөлейтті үлкен кеңістігінде нуклеустерді ыдыратудың мамандандырылған тілікше техникасына негізделген және тілікшелерді ішпек ретінде пайдаланған микролиттік индустриясы өте жақын ескерткіштер таралған дегені дұрыс. Бұл экологиялық жағдайда ұқсас мәдени-шаруашылық түрлердің түзілудегі конвергенция нәтижесі.

1960 жылдардың басында К.В. Сальников оңтүстік-орал және қостанайдың материалдың бір бөлігі базасында орал-қазақстандық қауымдастығы ерекшеленді (Сальников, 1962, 17 б.). 60 жылдардың аяғында Л.Я. Крижевская оңтүстік-орал-қазақстандық этномәдени саласы болатынын нақтылайды (Крижевская, 1968, 123 б.).

Алайда ол белгілеген этномәдени саланы өз атымен атаса және оның аумағын сызып қойса дұрыс болар еді, немесе Л.Я. Крижевская Қазақстанның әлі зерттелмеген аудандарын оған қосады (Крижевская, 1975, 162 б.).

Крижевская Л.Я. үлкен этномәдени облыстардың барын айтқанда ұсақ құрылымдарды – археологиялық мәдениеттер мен нұсқалардың бар екеніне рұқсат беруі өте дұрыс, ол Оңтүстік Орал мен Солтүстік Қазақстанның бүгінгі зерттеудегі үдерістерінен расталады.

1950 жылдардың басында А.А. Формозов Қазақстандағы неолит ескерткіштерінің аумақтық үш тобын ерекшелейді: оңтүстік-орал, арал маңы, семей (Формозов, 1951, 117 б.). Оған В.Н. Чернецов қарсы болды, ол Қазақстан мен Зауралдың кең аумағында неолиттік кешендердің жақындығы туралы көзқарасында

қалды (Чернецов, 1947, 80 б.). С.С. Черников көрсетілген аумақтағы материалдар арасында соншалықты айырмашылық жоқ деп есептеген болатын, бірақ Уст-Нарым қонысы ашылғаннан кейін ол өз көзқарасын өзгертті және айырықша уст-нарым мәдениетін бөлу жөнінде сұрақ қойды (Черников, 1957, 13 б.).

1970 жылы С.С. Черников докторлық диссертациясында Қазақстан аумағында бір мәдени-тарихи тұтастық шеңберінде неолиттік ескерткіштердің алты локалды тобын бөледі, оларды б.з.дейінгі II мыңжылдықтың басы - IV аяғы шамасында мерзімдейді (Черников, 1970, 54 б.). Бұл Шығыс Қазақстан, Солтүстік-Батыс Қазақстан, Арал маңы және Оңтүстік Қазақстан, Солтүстік Қазақстан, Солтүстік Балқаш маңы және Бетпақ дала, Орталық Қазақстанның солтүстік жолағы.

Оның көзқарасы бойынша бөлінген топтар «құралдар жиынтығымен, жасау техникасының ерекшелігімен, керамикамен, шаруашылық қызметі сипатымен» ерекшеленеді. Сонымен бірге, ол жетісу, оңтүстік-қазақстан, үстірт-маңғыстау топтарының барын топшылайды (Черников, 1972, 60 б.).

Біздің көзқарасымыз бойынша, бөлу тек бір ғана критерий негізінде жүргізілген – географиялық, ал бұл белгі диагностикалық емес, өйткені барлық аумақтар неолиттік қоныстармен орналасқан.

Чалая Л.А. «Қазақстанның Орталығы және Солтүстік-Шығыс неолитінде локалды топтарды бөлу жолдары» бойынша кетті. Семейлік, арал маңы, оңтүстік орал топтарының барын жоққа шығарып және Қазақстан неолитінің мәдени-тарихи қауымдастығы туралы сұрақты ашық деп есептеді (Чалая, 1970, 242 б.), ол төрт ареалды белгілейді: железиндік, усть-нарымдық, қараторғай-балқаш маңы және қарағанды. Тұтастай алғанда Л.А. Чалаямен келісуге болады, оның белгілеген ареалдары өзінше және олардың болуы заңды. Оның ерекшелігін ғалым Қазақстанның, Оралдың, Батыс Сібірдің, Байқал маңы, Орта Азия тұрғындарының жан-жақты байланысу себебімен түсіндіреді.

Чалая Л.А. қазақстандық материалдардың бір ерекшелігін еліміздің оңтүстігінде көнерген мезолит дәстүрінің болуынан деп есептейді, ал осындай шақпақтасты кездесетін керамика, керісінше оңтүстік-орал және батыс-сібірге жақын (Черников, 1959, 99 б.). Зерттеуші бұл фактіні заңдылық ретінде бағалауға дайын.

Алайда, жоғарыда мазмұндалғаннан қорытынды шығару қажет, екі аумақты шақпақтасы немесе керамикасы бойынша салыстыруға болмайды, өйткені бұрынғы археологиялық немесе басқа тасымалдаушыларда болған ішкі себеп-салдар байланысы жоғалады.

Осылайша, 1970 жылдардың соңында Қазақстанның неолит ескерткіштерінің мәдениетке жатуы жөнінде С.С. Черников, Л.А. Чалая, Л.Я. Крижевская, К.В. Сальниковтың көзқарастары әдебиетте жалпы танылмады. Себеп біреу – аумақ үлкен және аз зерттелген.

Солтүстік Қазақстанның неолиті бойынша заманауи деректер, яғни, республика аумағы неолитте микролиттік зонаға кіргенін, және оның ұсақ иерархиялық құрылымы болатынын растайды. Біздің материалдар алғаш рет А.А.Формозов белгілеген аймақтың шекарасын кеңейтуге (Формозов, 1959, 48 б.), Қазақстанның солтүстік аудандары мен Заурал мен Батыс Сібірдің орманды дала бөлігін қосуға мүмкіндік береді (21 сурет).

Қазіргі уақытта азиаттық микролиттік мәдени зонада солтүстік-қазақстандық этномәдени облысы жеткілікті нақты ерекшеленеді. Ол Тобыл-Ертіс өзендері арасындағы аумақты, солтүстіктегі Тюменнің Есіл маңынан оңтүстіктегі Қарағанды бассейніне дейін. Есіл маңы ауданының археологиялық картасында кеңінен таныстырылған және толық зерделенген. Біз ерекшеленген этномәдени облыс мезолиттен энеолитке дейінгі хронологиялық диапозонды камтиды. Зерделенуші аумақтардың әртүрлі аудандарынан жиналған көптеген коллекциялардың жан-жақты талдауы мәдениеттерді бөлу жөнінде сұрақты қоюға мүмкіндік берді. Оны атбасарлық деп атауға болады, өйткені аталған мәдениеттің жарқын кешендері Атбасар қаласына жақын Тель-

ман шағын ауданынан алынды (22 сурет). Ол соңғы мезолит пен орта неолит кезеңін камтиды. Оның локалді нұсқалары жоспарлануда – тельмандық (Есілдің жоғарғы ағысы мен Нұраның төменгі ағысы аудандары) және явленкалық (Чаглинка өзені және Есілдің орташа ағысы).

Неолитте белсенді өзара байланыс есебінен Явленка нұсқасы мен Телманның нивелированиесін бақылау жалғасуда.

Кейінгі неолит-энеолитте Ботай – этномәдени облысы шамасында таралатын сапалы жаңа мәдениетінің қалыптасуы жүріп жатыр.

Ерте неолит уақытында атбасар мәдениеті ескерткіштері солтүстік қазақстан этномәдени саласында белгілеген шамада және кейде тысқары жерлерде таратылды. Солтүстік-шығыс форпосты Ертіс бойы ескерткіштері жатады: Пеньки және Омск тұрағы (Матюшенко, 1966, 79 б.).

Атбасар мәдениетінің солтүстік-батыс шекарасына Тобыл маңы, ал батыс және оңтүстік-батысқа – Торғай жырасы.

Осы аудандарда қазылған ескерткіштердің ішінен Тельманға жақыны Амангелді тұрағы. Тобыл маңы мен Торғай жырасы неолитте қазақстандық, оңтүстік-оралдық, оңтүстік зауралдық тұрғындар арасында байланыс белдеуі болып табылады, ол материалдық мәдениет келбетінде толық көрініс берді. Бұл жақындық біздің деректер бойынша Тобыл маңы мен Торғай жырасының байланыс белдеуінде ғана жақындығы байқалады. Атбасар мәдениеті таралуының оңтүстік шекарасы Қарағанды бассейніне дейін созылады, ол жерде екі тұрақ қазылды, Қарағанды XV (Клапчук, 1970, 153 б.), Зеленая Балка 4.

Целиноград облысының оңтүстігінде В.Н. Волошин Жанбөбек 4 бұлақ тұрағын зерттеді (Волошин, Мазниченко, 1978, 511-512 б.). Қалыңдығы 50 см болатын мәдени қабаттан Тельман X қонысына ұқсас керамика мен шақпақтас табылды.

Қарағанды ескерткіштерінің батысы, шығысы және оңтүстігінде тек жинау арқылы алынған материалдар ғана белгілі (Маргулан, Агеева, 1948, 129 б.). Типологиялық кол-

лекциялар біртекті емес, сондықтан нақты бір нәрсе айту қиын. Алайда, Қазақстанның Орталығын және Оңтүстік-Батысын зерттеу кезінде ерте неолиттік кешендер табылып қалуы мүмкін. Солтүстік Қазақстаннан алыс жатқан Орта Азия аумағында соңғы 10 жылда неолиттік кешендер табылды, радикарбон бойынша мерзімделген, оларды хронологиялық жағынан атбасар мәдениеті ескерткіштерімен салыстыруға болады. Бұл Үшашы 131 тұрағы, ол «мүйізді трапеция» сериясын берді және Бесбұлақ 15 тұрағына ұқсас (Черников, 1956, 43-60 б.). Ал кешендердің қалған жері өзінше ерекше болып келеді.

Орта Азия аумағында Оюкты ескерткіші белгілі, ол Каспий маңының оңтүстік-шығысында орналасқан. (Марков, 1961, 68 б.).

1970 жылдары Е. Бижанов Үстірттен тұрақтар тапты, ол жер ойығы бар трапециялар, кескіш және басқа түрлерін берді (Бижанов, 1973, 210-211 б; Бижанов, 1978, 18 б.).

Жақсы зерттелген Оңтүстік Оралда атбасар мәдениетінің ертенеолиттік ескерткіштері жиынтығы бойынша жақындығы бар материал беретін ескерткіштер белгісіз.

Орта неолитте атбасар мәдениетінің кейінгі кезеңінде мәдени қоршауы өзгеше. Біз ерекшеленген мәдениеттің келбеті де өзгереді, онда явленка нұсқасы басым.

Аталған кезеңде шақпақтасты құрал-жабдықтардың келбетіндегі өзгерістерді біржақты түсіндіру қиын. Бірақ, бұл үдерістегі басымдық ішкі себептер – қоғамның өндірістік күшінің дамуы екені анық.

Атбасар мәдениеті соңғы кезеңінің ерекшелігі шақпақтасты құрал-саймандар арасында (Виноградовка X) көне типтегі кейбір ескерткіштердің болуы – арқасы мұқалған тілікшелер және сырты өңделген, бұлар Солтүстік Қазақстанның кейінгі неолитіне тән. Орта неолит коллекциясында остеологиялық материал мен жануардың сүйегінен жасалған бұйымдардың проценті көбейе түседі.

Біздің суреттеп ұсынған кешендерде керамика бұрынғысынша аз және мәнерлі емес, қабырғалары жұқа, ағаш, өсімдік қалдықтары және құм қосылған. Формасы – түбі дөңгелек немесе жұмыртқа тәрізді, өрнегі беден –

«адымды тарак», адымы айқұш-ұйқыш немесе тесікті сызықтар немесе ойықтар.

Солтүстік-қазақстандық этномәдени облысының шамасында бөлінген осы заманның ескерткіштері ерте неолиттік болып табылады, қоршаған аумақ фонында өзінше ерекше. Әрине, осы уақыт үшін Солтүстік Қазақстан мен Батыс Сібір аудандары арасында шикізатта, құрал-саймандар типологиясында, керамикада жақын қосқатар байқалатыны рас. Тюмень Есіл маңында қазылған Кокуй I тұрағынан алынған ескерткіш өте қызықты. Қазба авторлары табылған керамиканы Екатерин және Омск тұрағынан алынған керамикамен байланыстырады. Бұл керамика шақпақтасты құрал кешенінде келеді; авторлар осы керамиканың, сонымен бірге, шақпақтастың бастауын Тюмень Есіл маңының оңтүстігінде көрген. Біздің материалдар б.з.дейінгі V-IV мыңжылдықтар аяғы – Кокуй I түріндегі ескерткіштердің болған уақытын анықтаған В.Ф. Герингтің, Л.Я. Крижевскаяның, Р.Д. Голдинаның болжамдарын растады.

Кокуй I тұрағы құрал-саймандарының Явленка IV, V, Виноградовка X, Жабай-Покровка III және басқа ескерткіштермен жақындығы барлық көрсеткіштер бойынша бақыланады – шикізатына, ыдырату техникасына, типология және морфологиясына.

Объектілердің аумақтық жақындығы және құрал-саймандағы ұқсастық белгілері атбасар мәдениетінің кейінгі кезеңі мен ортаертис ерте кезеңі ескерткіштерінің мәдени бірыңғай екені жөнінде сұрақ тудырады. Бұл жақындықты екі түрлі түсіндіруге болады: 1) бір өзеннің бойына орналасқан екі аймақ тұрғындарының белсенді қарым-қатынасы (мәдени және этникалық), олардың жыл бойы өзара байланысын жеңілдетті; 2) Солтүстік Қазақстан тұрғындарының Қазақстанның далалы және орманды дала аудандарындағы сулы көлік магистрал бойымен Батыс Сібір орманды даланың солтүстік шетіне меридианалық көшудің нәтижесі. Бірінші жағдайды археологиялық көзқараспен әртүрлі мәдениетті деп, ал екіншіде – бір мәдениетті деп есептеген дұрыс болады. Бізге жақыны екінші, өйткені кокуй ескерткіштерінде қалған тұрғындардың

байланысы Есілдікіне қарағанда, Тобыл-Есет бассейні аборигенімен археологиялық жағынан мәнерлі.

Солтүстік-қазақстандық этномәдени облысының батысында явленка нұсқасы ескерткіштерінің материалдары Тюмен Есіл маңы ауданы секілді кешенді жақын ұқсастық табылмайды.

Шығыстан Тобыл маңына қосылатын Оңтүстік Оралда қазіргі уақытта қазба арқылы зерттелген көптеген ескерткіштер белгілі. Бұлар Шұбаркөл 1, Үшәлі I, Сабақты 6, Сорланды 6 және басқа тұрақтары (Крижевская, 1968, 69 б.; Матюшин, 1962, 95 б.).

Біздер оларды Л.Я.Крижевский және оның жарияланған «Оңтүстік Орал неолиті» монографиясында зерттелген дайындамалардың әуелгі формасы, яғни, явленка түріндегі атбасар мәдениеті мен оңтүстік-орал тұрақтары ескерткіштері жиынтығы мен мөлшері бойынша салыстыру жүргіздік.

Оңтүстік-Орал орта неолиттік ескерткіштерінде мәнерлі тілікшелі индустриясы бар, қазақстандық неолитпен бірқатар ортақ ұқсастық сипаты бар өзіндік мәдени топ құрайды. Бұл жерде ұқсастық оңтүстік-орал-қазақстандық тұтастық деңгейіне емес, әрине, бірыңғай мәдени зона ұғымына сәйкес келеді.

Қазіргі уақытта орталық-қазақстандық, шығыс-қазақстандық қосқатар нашар көрсетілген, кешендерді салыстыру жақсы қазылған бірқабатты ескерткіштердің болмауынан қиындық туғызуда.

Осылайша, атбасар мәдениетінің орта-неолиттік ескерткіштерін республика аумағымен шектесетіндермен салыстыру нәтижелері әзірге шартты сипат алатынын атап өткен жөн.

Батыс Сібір мен Орал аудандарын салыстыру кезінде археологиялық мәдениет деңгейіне сәйкес келетін қазақстандық және оралдық ескерткіштердің өзіндік ерекшеліктері байқалады. Ең күрделісі және талдаудан өтпегені Қазақстан мен Орта Азия неолитінің өзара қатынасы туралы сұрақ тұрады. Қазіргі уақытта Деректер бар, оларды қандай да бір анықталған Позиция (автохтонды немесе миграциялық) тұрғысынан түсіндіру қиын.

Солтүстік-қазақстандық этномәдени облысы шамасында кейінгі неолит-энеолитте явленка нұсқасы базасында өндірістің ары қарай дамуы жүріп жатыр. Осы уақытта тасты екі жағынан өңдеу және тегістеудің ежелгі шеберлік техникасын белсенді түрде енгізу үдерісі байқалады. Осыған орай шикізатта өзгеруде – сапалы яшма түріндегі жынысты ірі дәнді кварцит ауыстыруда. Тілікше техникасы бұрынғысынша қалса да, өткен дәуірлерде оған берілген жетекші рөл ойнамайды. Біздің қолымызда бар археологиялық материалдар оның республика аумағында зерделенген біртектілігін көрсетеді. Егер ерте неолитте атбасар мәдениетінің нақты екі нұсқасы байқалса, ал кейінгі неолитте Тобыл-Ертіс екі өзенінен тысқары шығатын үлкен аумақта осы нұсқаның нивелированиесі және технологиялар мен жиынтықтың біртектілігі болған.

Археологиялық әдебиет бойынша төрелік ететін болсақ, еңбек құралы мен керамиканың келбетіндегі өзгерістің беталысы Азияның далалы орманы мен шөлейтті бөлігінде байқалады, оған солтүстік-қазақстандық этномәдени облысы кіреді. Егер кейінгі мезолитте Евразия орманды даласының үлкен микролиттік мәдени аумағы шамасында және ерте неолитте локалды этникалық топтар құру үшін фон болса, онда кейінгі неолитте, әсіресе энеолитте сол аумақта ірі мәдени-тарихи тұтастықтың болғанын, және олардың экономикалық платформа ұқсастығы (өндіруші шаруашылықтың дамуы) ғана емес, сонымен бірге этникалық және әлеуметтік дәнекердің біріккені жөнінде айта аламыз.

Солтүстік Қазақстан неолитінің қалыптасуы жөніндегі сұрақ аталған аймақ пен оған шектесетін Заурал мен Батыс Сібірдегі мезолиттік ескерткіштердің ашылып және зерттелгенінен кейін мүмкін болды (Петров, 1974, 11 б.).

Мезолиттік және неолиттік дәуірлер индустриясының негізгі басымдығы және ерекшелігі. Мезолитпен салыстырғанда ерте неолитте шикізаттың сипаты тұрақталады. Егер мезолит ескерткіштерінде шақпақтастан сүтті кварцитке дейін жыныстардың әр түрлісі байқалса, ал неолитте негізінен сұр немесе

қызғылт яшма жынысы байқалады. Алайда, ыдырату техникасы өзгермейді. Нуклеустер призматикалық, конусты, қарындаш түрінде, бірақ мезолитте көп таралған сына түрлері неолитте жоқ деуге болады. Басымдық әуелгі дайындамаларды пайдалану сипатында байқалады. Неолиттік коллекциялардың құралдар жиынтығында алдыңғы мезолит дәуірі мен жаңа тарихи кезеңде экономикалық талаптардан туындаған жаңа пішіндердің пайда болуымен байланысын көрсетеді. Неолитте жарықшақты кесу, тілікшелердің шеттерін өңдеу техникасы жаңаша гүлдене бастады. Ерте неолиттік құралдардың келбетін бүйірінен, бұрыштан кескіш, тамырын жоғары палеолитке жаюы, сыртқы ойығы бар тілікшелер, тілікшелердегі жебенің ұштықтары, трапециялар, ұңғылар, қырғыштар және басқа да бұйымдар құрайды.

Жаңасына екі жағы қосылып өңделген техника жатады, ол палеолит және мезолит дәуірінің бифасты соғу техникасына орналасады. Мезолиттен энеолитке дейінгі шақпақтасты индустрияны дамытудың аталған желісін құру үшін негіз автордың далалық стратиграфиялық бақылауы болып табылады.

Біздің бақылаулар мен топырақ зерттеуші – мамандар қорытындылары Евразия үшін әзірленген палеоклиматты шкалаға толығымен жатады (Нейштадт, 1969, 5-12 б.).

Осылайша, жергілікті мезолиттік негізде Солтүстік Қазақстанның атбасарлық неолит мәдениетінің бірігуі жөнінде айтуға болады. Бұл жердегі «жергілікті» терминінің астарында тек қана Солтүстік Қазақстан емес, сонымен бірге, ландшафты және климаттық жағдайы бойынша жақын Заурал, Батыс Сібір, Қазақстанның жақын аудандары жатқанын ұғынып айтқан жөн болады.

Артефактардың трасологиялық талдау тәжірибесі. Өткен мыңжылдықтың соңғы тоқсаны археологиялық ғылымында заттық материалдардың және ғылыми білімнің зор жинағымен атауланды. Соңғы онжылдықта Қазақстан аумағында ғана көне тарихтың әр түрлі кезеңдеріне жататын археологиялық объектілердің мыңдағаны анықталды және жүздегені зерттелді.

Солтүстік Қазақстандағы археологиялық жұмыстар зерттеулердің болашағын және көне өлкедегі қазбалардың үлкен ғылыми маңыздылығын көрсетті. Солтүстік Қазақстандағы тас ғасырының сәтті зерттелуі В.Ф. Зайбертке Тобол-Ертіс өзенаралықтағы мезолит пен неолит ескерткіштерінің кезеңділігін және хронологиясын әзірлеуге көмектесті, ал Ботай қонысындағы және басқа энеолитикалық объектілеріндегі стационарлық жұмыстар орманды дала аймағында жылқы шаруашылығы негізінде комплексті өндірістік шаруашылықтың пайда болу туралы сұрағын қойды.

Тас ғасыры материалдарының хронологиялық және типологиялық-статистикалық сипаттағы мәселелерін шешумен күн тәртібіне шаруашылық түріндегі сұрақтар қойылды. Ерте дәуірдегі жалпы тарихи мәселенің берілген аспектісін табиғи-тарихи тәртіпті, соның ішінде артефактарды зерттеудің экспериментті-трасологиялық әдісін жұмылдырмай шешу мүмкін емес.

Берілген жұмыстың авторымен мезолит пен неолит кезеңіндегі Солтүстік Қазақстандағы ежелгі тайпаларының шаруашылық сұрақтарын шешу мәселесі қойылған болатын. Атбасар мәдениеті ескерткіштерінің қазба материалдары зерттеудің мәні болды. Археологиялық жұмыстар және қазба материалдарды өңдеу барлық объектілерде басшылықтың немесе автордың қатысуымен жүргізілді.

Зерттелген ықшамауданының аумағы орманды даланы алып жатыр, ол иеленуші шаруашылық кезеңінде де, өндірістік формадағы шаруашылықтың қалыптасу және даму уақытында да жайлы болды. Жануарлар дүниесі, негізінен ірі тұяқтылар, жабайы формада, кейін домистикация жағдайында жануарларды өсімдік биомассасымен жыл сайын қамтамасыз ететін Қазақстандағы қыратты төбелерді және қайың мен көктеректі алқаптан құралған орманды дала ландшафт жағдайының тік аймағын сәтті пайдаланды.

Балық қорымен бай Есіл алабының өзен желісі және ескі арна мен суайырым көлдері ертедегі тұрғындардың астарын толықтыруға мүмкіндік берді. Адамға және

жануарларға қажетті тұщы су, Солтүстік Қазақстан аумағында кез келген тұрмыстық және шаруашылық қажеттілікті толығымен қамтамасыз етті.

Солтүстік Қазақстандағы тас ғасырының ескерткіштерінен жиналған материал еңбек құралдардың және өндірістік қалдықтардың жиынтығын көрсетеді, негізінен, қазақстандық яшмокарциттік жынысынан, тақта тастан, құмтастан және гранитті жынысынан жасалған. Еңбек құралдардың өндірістік қалдықтарын қосып, барлық жинақтар (бірнеше мың бірлік), ертедегі халықтың бөлек құралдардың қызметін анықтау және бөлек өндірістерді және шаруашылықты қайта құру мақсатында трасологиялық талдауға алынған болатын.

Артефактардың трасологиялық зерттеулер нәтижесінде еңбек құралдардың нақты функционалдық қажеттілігін анықтауға мүмкін болды. Бұл деректер тұрақтардағы шаруашылық комплекстерді және бөлек өндірістерді анықтау үшін көмектесті. Объектілерді ұзақ мерзімді, негізгі қоныстануы, уақытша, маусымдық тұрақтарға және материалдарды өңдеу мен еңбек құралдарын дайындау үшін тұрақтар-шеберханаларға бөлінуі өзінің растауын алды.

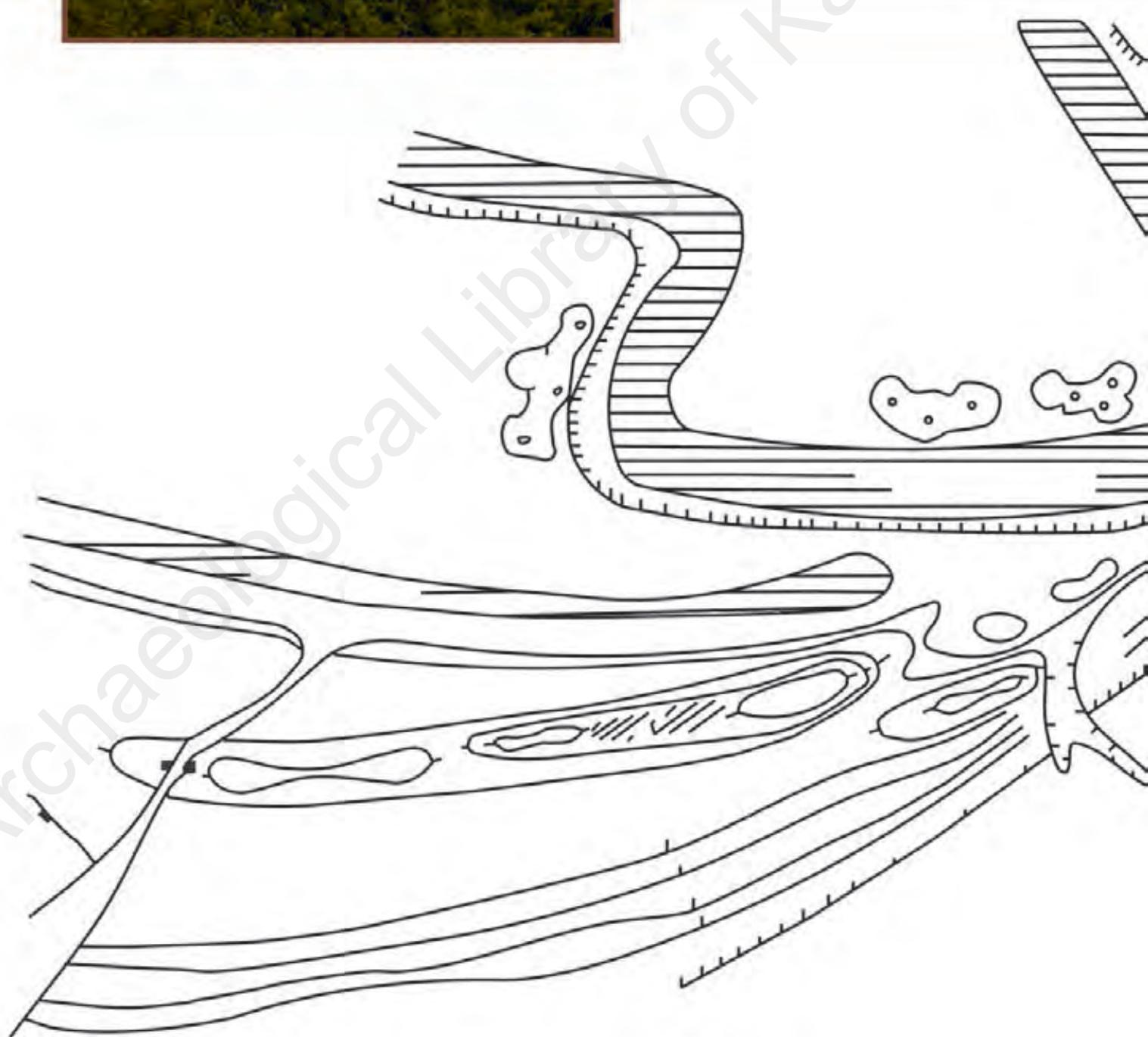
Функционалды талдау көмегімен мезолиттегі және неолиттегі ежелгі халықтың жалпы шаруашылық бағытын анықтай алдық. Бөлек тұрақтардағы өндірістің (аңшылық-балықшылық шаруашылығы) иелену тәсілі шегінде аңшылық пен балықшылық шаруашылығы басым келетіні анықталды. Осылайша, ерте голоценде тұрақтарды мекендеген бөлек адамзат ұжымының шаруашылық қызметтерінің мамандануы белгіленеді.

Еңбек құралдарының функционалды талдау нәтижелері архологиялық экспедиция жағдайында бөлек операцияларды және өндірістерді үлгілеу тәсілімен тексерілді, ол үшін ұқсас яшмокарцитті жыныс пайдаланылған. Негізіне неолиттің түрлі кезеңге және мезолитикалық комплекстерге жататын ескерткіштердің материалдары алынды (Виноградовка II, Тельман XII, XIV, Явленка II, Жабай-Покровка I). Материалдарды жинақтау кезінде Г.Ф. Коробковамен өткізілген, Бо-

тай қонысы коллекциялардың трасологиялық анықтама нәтижесі пайдаланылған болатын.

Зерттеу нәтижесінде ғылыми айналымға мезолитикалық және неолитикалық уақытындағы Солтүстік Қазақстан тайпасының шаруашылығы бойынша жаңа деректер енгізіледі. Берілген жұмыстың негізгі бағыттары мен қорытындысы Санкт-Петербург Институтының РАН материалдық-мәдени тарихының тәжірибелік-трасологиялық зертхана отырысында, РАН Археология институтының Орал бөлімінің есептік кеңестерінде, Орынбордағы, Петропавлдағы, Челябинсктегі халықаралық және аймақтық конференцияларда, ҚР АН Археология институтының есептік отырыстарындағы сөз сөйлеулерінде айтылған болатын, автордың жарияланған мақалаларында және қысқа жазбаларында көрсетілді.

Atbasar Culture

INTRODUCTION The historiography of the Late Stone Age of Kazakhstan is characterized by several background milestones, one of them is issuing of a fundamental work «Archeological Map of Kazakhstan» in 1960 that showed the prospect of archeological studies in the republic. In the 1960s, a rather intensive and systematic study of the Stone Age that was especially active in the 1970-80s, was started. Intensive studies of Mesoneolithic monuments have been conducted for the last ten years. As a result of excavations in different regions of Kazakhstan significant materials have been collected, but along with that the publication of them is considerably lagging behind the growing pace of excavations.

The publication of this book that comprises the richest materials on Mesoneolithic studies of North-Kazakhstan and Kokshetau archeological expeditions led by the authors of the work has solved the problem to some extent.

The Neolith of North Kazakhstan, on a well-aimed expression of V. M. Masson «was lost in general archeological characteristics for a long time due to a sort of global notion on the zone microlithoid cultures, its area was a priori included in one and then in another cultural and historical generality, strong arrows of cultural impacts were directed through it» (the review of V.M. Masson on V.F. Zaibert's candidate's thesis). That occurred first of all, certainly, due to a poor source base of north regions, a small number of specialists and others reason. An important shift in Kazakhstan Neolith study was the works of S.S. Chernikov in Northeast of Kazakhstan, L.A. Chalaya in Pavlodar Priirtyshye, V.K. Merts and V.S. Voloshin in North and Central Kazakhstan, V.N. Logvin in Kostanay Pritobolye, who not only studied the objects qualitatively with application of modern methods, but also provided concrete cultural and chronological characteristic of the regions studied by them. All authors used archeological and ecological methods that allowed them defining the level and the quality of social and cultural adaptation of ancient population in different areas of the steppe and partially wooded steppe area of Kazakhstan. Concrete examples on the interaction of archeological cultures' carriers with the environment depended on a number

of circumstances: the quantity and the quality of Paleographic sources, professionalism of involved specialists and the state of methods on relative and absolute chronology. When analyzing personal materials on historical background of common Eurasian space, researchers' personal points of view concerning the process of cultural genesis were formulated. The perennial studies, exchange of opinions, discussions in mass media, conferences and meetings allowed defining general trends in cultural-historical development and local particularities of cultural evidences in concrete regions.

In the middle of the 1960s new scientific specialists came to archeology of Kazakhstan. The graduates of Uralsk State University G.B. Zdanovich and S.Y. Zdanovich began working in Petropavlovsk, their classmate V.V. Yevdokimov worked in Kostanay. They were graduates of Uralisk archeological school under active and successful management of V.F. Gening. We may say that in the 1960s archeological activity of archeologists, the fans working alone changed for integrated studies conducted by archeological groups. UPASC (Ural-Povolzhskaya Archeological Students' Conference) was established. Young archeologists-students of historical faculties and young employees of cultural institutions from different regions of the Soviet Union, surrounding Ural-Povolzhskiy region took an active part in it. Many archeologists from Russia, Kazakhstan and others C.I.S countries, who are well-known now, were involved in UPASC. Intensive activity of young archeologists, mutual delivery of information, experience sharing, regular contacts between young and experienced scientists resulted in professional achievements. At present, UPASC may be considered to be an archeological university based on the principles of information accessibility, collective and team exploratory activity, experience sharing and professional contacts between the representatives of the archeological science and other areas. The North-Kazakhstan Archeological Expedition headed by G.B. Zdanovich started its activity in 1967 through defining a number of tasks: the first one - the study of geography and historical topography of Petropavlovsk Priishimye; the second task

– designing an archeological map of the Ishim water area; the third task - integrated studies of monuments covering vast areas at the sites of object concentration. Defining of periodization, chronology and cultural relation. The director of the North-Kazakhstan Regional Museum K.S. Ushkov having met the young couple with hospitality and having employed them proposed: «My dear, we are designing a new exposition, but we have no archeological materials. Could you find, at least, one Andronov pot to represent the Bronze Age». Field integrated studies beside Yavlenka, Bishkul and Pokrovka villages were started in the first year of the expedition work already and the first understanding and information on the particularities of artifacts of the Stone, the Bronze and the Iron Ages was received. In the beginning of the 1970s the specific studies of stops of the Middle and the Late Stone Age were started by the expedition group headed by V.F. Zaibert. The studies of Mesoneolithic monuments in different areas of Priishimiye (Yavlen, Vinogradov, Teliman, Akkan, Kurgalizhin) for many decades have allowed collecting much information in the form of planigraphical and topographical observations and well documented numerous complexes of artifacts (a group of ten of thousands units) and proceeding with the procedure of the theoretical comprehension of rich archeological material within the framework of the graduate school of the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the USSR, attended by many specialists of the Ural-Kazakhstan Archeological Expedition. The demonstration and discussion of field materials on the Neolith and the Bronze sector before outstanding scientists O.N. Bader, N.Y. Merpert, A.A. Formozov, D.A. Kraynov, M.F. Kosarev, S. Oshibkina, V.F. Starkov, G.N. Matyushin, Titov and others, as well as individual consultation with these scientists resulted in understanding of the fact that assessment of an archeological source and the level of its information validity require profound professional training and objective expert evaluation. The main practical findings as a result of systematization of Atbassar culture monuments' tool stock were based on collective opinion of well-known specialists in the field of primitive archeology, Eneolith, in particular. Such

findings include the relation of Atbassar culture monuments to microlithic cultural zone of Eurasia in its Uralo-Irtysh variant; secondly – there are sufficient evidences for division of Atbassar culture in its three stages and in two variants within the framework of VI-III millennium BC; formation of producing economy sources in the form of live-stock breeding elements in a multisector economy within the framework of the Neolith of North Kazakhstan. Parallel studies of the Late Stone Age in the regions of Uralo-Irtysh interfluvial area allowed defining general and local cultural particularities. In this connection I would like to stress the problem related to the ability of conducting qualitative benchmark, archeological and historical analysis. The benchmark analysis of two artifacts from archeological objects or cultures requires from specialists the knowledge of archeological, historical, ecological, cultural, world outlook and social context. The more information on contexts is available, the higher the level of verification of one or another conclusion is. Also professional training within the framework of a historical school of the country, where the studies are conducted, is of great importance at theoretical processing of archeological material. We consider that the historiography of Neolith study is characterized by a more or less established modern situation with the studies of Mesoneolithic monuments and cultures – the growing interest to study of the Late Stone Age, since active study of Eneolithic monuments of Botay and Tersek cultures allowed raising actual issues on the origin of Eneolith of Kazakhstan. At all possible migration pulses and cultural innovations the Eneolith was formed, much more likely, on the local basis, the word «local» mean here a natural-historical region, which was the Ural-Irtysh interfluvial area. To certain extent, the studied material of Atbassar culture monuments is the basis for such statement. As a whole, the works on the study of Atbassar culture continued in the 1980s-2000s, which were mainly of exploratory nature, have revealed similar material that was previously studied. A number of monuments have cultural layers and are perspective for excavations. To some extent, the borders of Atbassar culture are outlined clearer.

Really, when developing the materials of the book, the authors took into account useful critical remarks provided by the colleagues, as well as modern trends in the methodology of the science. One of the important aspects of archeological study is the reconstruction of an economic background of the culture, as a condition - a form and result of adaptation of the community group to the environment. It should be considered that a producing economy in different areas of Eurasian steppes was formed and extended in different ways, which were preconditioned by concrete natural and social-economic conditions, as well as the nature of cultural relationships. The materials from the territory of Ural-Kazakhstan steppes, received in the 1970s-80s have allowed defining a real content of a general picture of producing economy formation in relation to one of the land-locked areas of steppe Eurasia. The study of Botay, Tersek and Surtandin (Kysykul) culture monuments is particularly indicative of the common ways of social-economic development of Ural-Kazakhstan region. The Ural-Irtysh steppe interfluvial area is considered to be a whole cultural area in the first stages of the Middle Bronze Age already due to well-known monuments of Petrovsk-Sintashtin range. The sources of a producing economy area are related to different stages of Neolith. The cultural genesis like a global adaptation system, was formed within the framework of a calendar annual economic cycle depending on specified and other concrete historical conditions. In the conditions of a sharply-continental climate of the steppe temperate zone the defining of stable calendar cycles was problematic. The elements of a producing economy appeared in varied conditions of an appropriation type. In the river valleys of the Ural-Irtysh interfluvial area and, in particular, in the Priishimiye area, characterized by a lot of former lakes and streams flooded in the springtime by waters of main riverbeds, and dry in summer and autumn with plenty of food resources for ancient people. This situation allowed beginning an active process of transition from a partly settled to settled way of life. Rich fish resources in the river systems ensured having a product along with products of hunting and strengthened and relieved the establishment of life-support systems. The new

way of life allowed extending the range of labor activity aimed at natural resources use, and later at change of them. Really, only a settled way of life of the population was a precondition for taming, and later for animal domestication. Ancient people understood that to hunt such animal as the horse, the bison and others ungulate animals efficiently the means of transportation comparable with the objects of hunting were required. The main object for taming in steppe zone was the horse. Osteological materials at a number of Neolithic stops of Telman and Vinogradov microregions include not only bones of small ungulate animals, but also of the horse. It is interesting that at Botay settlement in the areas of Neolithic artifacts concentration the bones of the horse and other representatives of the wild fauna were also found. The Neolithic population of the Kazakhstan steppes was ready to adopt new forms of activity such as live-stock breeding. Obviously, innovative technologies of domestication were a reason for transition to it. The technology was not only castration of stallions, but also a full cycle of taming, maintenance and breed focus at horse breeding. Archeological evidences of new innovation technology are bone clasps of fetters, pierce items - scalpels for castration and other veterinary purposes, fixing of roundup for horses on the territory of Botay settlement, architecture of Botay people established in Neolithic conditions with use of clay and perfect clay technologies in the field of house building, pottery making and art.

The economic activity and domestic crafts were reconstructed by us on the basis of trassological studies of artifacts and checking of them in the process of experimental use. Great contribution to the study of labour tools' functions and experimental exercises was made by G.F. Korobkova, who studied the materials from the Asian part of the USSR including from Kazakhstan. Also comparative typological-functional studies of artifacts have been conducted by us. The results of the activity have been provided in the work.

So, new forms of economy that had led to changes in economic activity areas, public relations and world outlook appeared rather dynamically among fishermen, huntsmen, gatherers. Along with that no considerable changes occurred in

the field of material production, particularly, in production of labour tools, since traditional systems of life-support were sufficient. Only when metal appeared and the share of bone labour tools increased along with the growing volume of stock-breeding raw material, radical changes in the field of material production, social and spiritual life of early horse breeders had occurred. In our opinion, these are the main sources, the forms and the development area of producing economy elements in Kazakhstan steppe area in the Middle Holocene. The publication of this work will allow a broad range of specialists and history amateurs learning about the unique materials on ancient history of native land, familiarizing with specifics of Atbassar culture and having their own point of view on a number of problematic and disputable issues of ancient history of Kazakhstan.

Natural environment and paleographic data on Priishmye in the Holocene. North Kazakhstan is located mainly in the steppe part of the West-Siberian plain. The border of partially wooded steppe and the steppe stretches within North-Kazakhstan region and in the south of Tselinograd region the steppe borders on a semi-desert part of Central-Kazakhstan upland (Sary-Arka). A number of provinces and sub-zones stand out on the outlined area (Природные условия и естественные ресурсы СССР, 1969, p. 321). The major part of the territory is characterized by plain or hilly relief representing denudation plains and plateaus with a very thin and changeable cover of the latest continental formations, the distribution and the conditions of location of which greatly depend on the forms of the relief (Шанцер, Микулина, Малиновский, 1967, p. 7).

In the north of the considered region the Ishim (North-Kazakhstan) plain partially wooded steppe is located. This is a lake-and-plain area formed by Oligocene clays. They are overlaid by lithologically lumpy river sediments. The last ones are covered under loess loams and lake-alluvial sediments of several meters to 50-70 m thick (Природные условия и естественные ресурсы СССР, 1969, p. 322). The plain is slightly sloping northeast that corresponds to the sloping underlying tertiary rocks that in the past were the coast of the tertiary freshwater basin. The absolute points of the province are 120-150 m.

Southwards of Petropavlovsk Priishmye the is Kokchetav elevated area, occupying nearly all space inside the corner formed by a latitude and meridian length of the Ishim River flow. The area is flat and represents a sloping hilly plateau with relative excess about 30-60 m and very sloping gradients. The area is characterized by extremely weak development of erosion network. Only in limited areas of the north, west and south-west parts of the region the relief becomes mountainous (Kokshetau mountains, with some tops up to 600-700 m, Akkana hill - 730 m, Zhilandy - 654 m, Imantau -622 m, Balkash range of hills - 150-200 m). The absolute points of the south slope of Kokchetau elevated area are 300-340 m, the north slope is characterized by relatively rapid fall of absolute points of watershed areas - from 340 m beside Chelkar Lake to 240 m on the fringe of the upland. In the northwest, high-altitude points are slowly falling from 300 to 200 within 80 km (Шанцер, Микулина, Малиновский, 1967, p. 11).

The main waterway of North Kazakhstan is the Ishim River beginning in Central-Kazakhstan upland and running from the south to the north crossing three regions. It flows into the Irtysh River outside the boundaries of the republics. The length of the Ishim is about 1900 km. Some tributaries flow into it: Iman-Burluk, Akkan-Burluk, Zhabay, Koluton, Tersakkan and others. There is a number of large lakes in the considered area: Selety-Tengiz, Shagly-Tengiz, Borovoye, Chebachye, Schuchinskoye, Chelkar and others. The main number of small and average lakes is concentrated in North-Kazakhstan area including more than 2000 of them (Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель, 1960, p. 24).

The monotonous plain of Ishim-Irtysh interfluvial area is separated by Kamyshlov ravine in east-north-east direction. The average width of the last one is 15-20 km, the depth is 10-20 m (Волков, 1962, p. 34-48; Волков, 1960, p.294-298). The Kamyshlov River disappeared in XVIII century having turned to a chain of long lakes connecting to one another by channels in springtime. The utter current in Kamyshlov ravine is mentioned in the «Atlas of State Empire» (published in 1745) - In

1768 academician Peter S. Pallas wrote in his work «Travelling in Various Areas of Russian State»: «The Kamyshlovka is small, but it is running here (near Melinichniy village) very rapidly». It begins at a small Kamysakty stream, flowing down from the Kokchetau upland to Tarangul lake, from which at present the Kamyshlovskiy ravine is represented by a chain of lakes: Balykty, Zhilandy, Aksuat, Pitnoye, Polovinnoye and others – to the Irtysh River. North Kazakhstan is characterized by a great number of ravines, cutting slopes of river valleys down up to 30-40 m. Many of them have their own names: Chudasay (14 km), Boganata (15 km), Aleksandrovskiy (6.6 km), Malitsevskii (5.9 km) and others. In Malitsevskiy and Aleksandrovskiy ravines, where ground waters come to the surface, water flows for a long time.

Such rivers of North Kazakhstan, as the Nura and the Chaglinka have an internal flow. The first one begins in Kazakh upland - Sary-Arka and running across Central Kazakhstan flows into Kurgalidzhino Lake. The headwaters of the second lake are located in Kokchetau upland. Running northeastward within the Kokchetav administrative area, it flows into Shagly-Tengiz Lake; in the midstream of the Chaglinka there is a number of former riverbeds and temporary water flows in springtime.

The whole territory of North Kazakhstan is characterized by sharp continental climate. It is preconditioned by prevalence of moderate (arctic) air. The continental nature depends on relatively high fluctuation of lowest (January) and highest (July) temperatures. The climate of the region is also peculiar for rather sharp differences of temperature regime from year to year. The average precipitation amount is approximately 300 mm per annum and it is distributed throughout the territory more or less evenly. The distribution of precipitations per months and seasons is different: up to 86% of the total amount falls in a warm period (April-October), with the highest level of them in July (50-70 mm). Only 14-19% of annual precipitation amount falls in a cold period (November-March), with the least amount in February-March (10 mm) (Фельдман, 1960, 35 p.). The total amount of precipitations is sharply fluctuating. The years with dry weather

are alternating with years with humid weather. In dry years the total precipitation amount may reach 65-70% of the average amount for several years, and in humid periods they exceed them by one and a half times. The warm temperature in the area depends not only on the amount of solar radiation received, but also on circulation processes, which also predetermine the amount and the nature of atmospheric precipitations. As a whole the circulation regime is characterized by prevalence of winds with a west component - south-west, west and northwest winds (Галахов, 1959, 213 p.).

In North Kazakhstan, where the watershed areas are characterized by poor flow, the soils are very saline and rifts are created due to low temperatures and little snow. Humus and vegetation roots penetrate deep into the soil that is an additional way of humus formation. That predetermined high humus content (compared to black soils in the European part of the USSR) at a shortcut humus profile (Дурасов, 1958, 31 p.).

In the central part of Kazakhstan there are dark alkaline soils due to saline soil-forming rocks and a dry climate. In the upland areas macadam, underdeveloped and thin soils on thick rocks prevail (Стороженко, 1952, 89 p.). Along the Ishim River there are typical floodplain soils occupying a relatively narrow band of 1-2 to 10-15 km in different areas. The steppe black soils are characterized by rifts but there are no rifts in the soils of the valleys (Глазовская, 1952, p.57).

In relation to the nature of the vegetable cover North Kazakhstan may be divided approximately in two parts: the south steppe and the north partially wooded steppe. The first one is peculiar for its inconsiderable wood areas, and the second part is characterized by alternation of wooded and open steppe areas. The areas are covered by woods and shrubberies and occupy up to 23% of the area; in the steppe part they occupy nearly 10% only. So, the area under consideration is an area connecting the steppe zone in the south and partially wooded steppe in the north. The wood vegetation is represented by separate groves called «clumps of woods» consisting mainly of birch trees with some aspens and (Демидовская, 1961, 12 p.). Grasses were recently represented mainly by cereals – the feather grass, the fescue and others

forming thick vegetation. Water meadows are distributed in river valleys. In floodplain alluvial areas mixed grass meadows are of a steppe nature (Растительность степей Северного Казахстана 1961, p. 135).

The fauna of North Kazakhstan is of motley, mixed nature due to the distribution of the mosaic of clumps of woods, lakes, reed areas and sedge swamps. The steppe areas are inhabited by many insect and small rodent species. These are the Siberian locust, the Moroccan locust consuming much vegetation. Of small rodents the great jerboa, the gopher should be mentioned, which in turn are hunted by such predators as the steppe polecat and the fox, and of feathered predators - the kite, the common buzzard and others. Other feathered species are Eurasian skylarks, tawny pipits and the Ortolan bunting, gyrfalcon, bustard, little bustard, Eurasian curlew, quail, grey partridge, starling, sparrow and many others. Of reptiles only the sand lizard should be mentioned.

The clumps of woods provide habitat for small mammals – a plenty of the red-backed vole, the field mouse, the common hedgehog and others. Commercial mammals are represented by the white hare, the fox, the badger and the wolf. Of ungulate animals there are some habitat areas of the Siberian roe deer, the maral and the moose. The forest vegetation of river valleys was also inhabited by the beaver, which disappeared in North Kazakhstan in the beginning of XIX century. (Костенко, Башанов, 1960, 76 p.). Of dendrophile birds the clumps of woods provide habitat for the great spotted woodpecker, the Eurasian wryneck, the oriole, the tomtit. The groves are inhabited by the cuckoo, rooks, magpies and ravens. Of predatory birds small falcons, the red-footed falcon, the kestrel, the merlin should be mentioned. There are also other birds such as the black grouse, the willow ptarmigan and others (Формозов, 1969, p. 258).

The fauna of lakes and wetlands of North Kazakhstan is rather specific. The size of the lakes, the feeding grounds, the fish stock and the number of invertebrate animals predetermine the qualitative and quantitative composition of the bird and animal species inhabiting the water bodies. There are nesting grounds for hundreds

of graylag geese and many duck species, such as the coot, the grebes, sea gulls, snipes, marsh sea gulls and etc. The lakes with floating vegetation are favorable for nesting of rather rare feathered representatives: the mute swan, the graylag goose and others. Of small mammals there are usually the European water vole, the ermine and rarely ко-лонок. Of amphibians the moor frog, the common spadefoot and the European green toad are broadly distributed (Формозов, 1969, p.263-264).

The mentioned natural conditions of North Kazakhstan with its landscape, climate, fauna and flora allowed people settling in the area on the turn of Pleistocene and Holocene already. A hydronetwork, but as well as a meridian direction of the main rivers flow – the Ishim, the Tobol, the Irtysh was favorable for that (pic. 1). In particular, the Ishim, crossing three regions of North Kazakhstan in meridian direction, as if connects different orthographic areas of the partially wooded steppe and the steppe creating a specific ecological hybrid. The primitive population actively used the broad valley of the Ishim favorable for living. The evidence of that is the archeological map of the Stone Age monuments of Priishimye (over 200 points). The stop, the settlements and the shops are concentrated as a rule in certain microregions, which are the most suitable for living of primitive people, for their production and economic activity.

Modern landscape non-glacier zones with their flora and fauna, according to the data of specialists – geologists and geographers were formed as far back as Pleistocene (Природное районирование Северного Казахстана, 1970, p. 252; Костенко, 1963, p. 76). It is also well-known that the climate during the Holocene period was not stable. In turn that made impact on physical-and-geographical conditions of the post-glacier period (Кассин, 1947, p. 198; Волков, 1971, p. 73). Also anthropogenic factor made certain impact on the changing of the environment (Будыко, 1971, p. 237). At the end of the Stone Age complicated relations between the nature and the people based on actively developing production forces of the society were established. That time was characterized not only by traditional processes of adaption of people to the environment, but also by certain independence reached by them,

which was demonstrated by significant variability of lifestyle of primitive people groups, their economic and production activity. Along with that the reconstruction of Paleo-landscape and Paleo-climatic situation in the epoch of Holocene is of great importance for the solution of the many archeological issues related to Mesolith-Neolith (Герасимов, Величко, 1974, p. 231-234).

The Paleo-climatic scale for the Holocene period was developed by Blittom, and then by Sernander at the end of XIX century already. Though some foreign and Soviet scientists were against this scheme, it may be considered generally recognized (Нейштадт, 1969, p. 5-12, Хотинский, 1977, p. 105). At present, a number of Paleo-climatic developments are proposed for the territory of the country. The most recognized of them in the archeological literature are the works of M. I. Neyshtadt (Нейштадт, Гуделис, 1961, p. 5-44), I. P. Gerasimov (Герасимов, 1961, p. 224-231), A. V. Shnitnikov (Шнитников, 1949, p. 65-78; Шнитников, 1957, p.221), N. A. Hotinskiy (Хотинский, 1968, 112 p.). All authors emphasize the specific impact of the climate on changing of other natural factors. Also, certain impact was made by the climate on the topography of the monuments and the economic activity of the primitive population.

O. N. Bader and others scientists underlined the relationship between the topography of the monuments and Paleo-geographical situation (Бадер, 1950, p.140-150)

For the last 20 years archeologists have been broadly using the data of Paleogeography and their own field observations for reconstruction of the environment and clarification of the time of existence of certain archeological cultures: O. N. Bader (Бадер, 1974, p. 225-230), D. A. Krainev (Крайнов, Хотинский, 1974, p. 42-68), P. M. Dolukhanov (Долуханов, 1979, p. 54), A. X. Halikov (Халиков, 1969, p. 232) and others - for European part of the USSR; N. Matyushin (Матюшин, 1976, p. 123), V. M. Raushenbah (Раушенбах, 1966, p. 16-28), L. Y. Krizhevskaya (Крижевская, 1968, p. 10; Крижевская, 1975, p. 161-179; Крижевская, 1978, p. 49-52) - for Ural; V. F. Starkov (Старков, 1970, p. 3-11, Старков, 1980, p. 90-92) - for Zauralye; M. F. Kosarev (Ко-

сарев, 1971, p. 39-51; Косарев, 1973, p.63-65) - for the Western Siberia; A. V. Vinogradov (Виноградов, Мамедов, 1975, p. 123) - for Central Asia and etc.

The collation of the data on paleogeography of various regions of the specified vast Eurasian area gives rise to certain different understanding, probably, due to local climatic and landscape particularities. Besides, there are certain general trends related to climate change. In particular, this concerns the fact of the warming on the Earth at the end of Pleistocene that led to considerable aridity in mid-latitude areas of the country in the boreal period. The beginning of the Atlantic period is characterized by moistening conditions around the world and in the sub-boreal epoch the climate becomes dry again. Certain moistening is noted in the Sub-Atlantic period approximately in the beginning of I millennium BC.

At a general trend related to climate change and, probably, to landscape, the microsituations, which could, for instance, decrease moistening or, on the contrary, increase its impact, should be taken into account. To justify archeologically the changes of Paleo-climatic and Paleo-geographical situation serial material as well as thorough selection of information is required. But even in this case we are speaking about the trends only. For instance, a fact on use of particularities of microlandscapes and accordingly the microclimate in modern agriculture may be provided. When defining the dates of sowing, harvesting and the amount of fertilizers to be applied, the particularity of one or another area including several components – the type of the relief (a watershed or a valley), presence of woods, distance from a hydronetwork and others should be taken into account (Агроклиматический справочник по Северо-Казахстанской области, 1958, p. 65).

In the period of works for four years in Teliman microregion we witnessed the changing of the Ishim River valley scenery. In 1975-1977 the grasses in the valley of up to 10 km wide with a furcated network of former riverbeds and water meadows were very low. Many former riverbeds and streams dried out very quickly during two-three weeks, particularly, in July. Springs and small water bodies on the former coast disappeared.

In the flood plain there were paths of saiga - a typical representative of the hot steppe. Since the grass vegetation was low, the coast lines were well observed that made it easier to search for and define archeological monument.

The situation changed completely in springtime and summer 1978. Literally, the whole valley had become moistened. The former riverbeds, which dried previously, had become filled with water and formed a lace of blue bands. The grasses, particularly, growing along the former riverbeds, reached human heights. It became difficult for us to find the monument sites, where we had worked for two-three seasons. It was interesting that saiga, according to the words of rangers, had left for the steppe at a distance of 150-200 km. At the same time we didn't notice any changes in the climate. Probably, changes in the degree of moistening of small micreregion in contrast with the surrounding steppe occurred as a result of combination of certain factors. Could a similar ecological situation in Neolith make impact on topography nature of monuments, as well as on the economic activity of ancient people? Obviously, it could. This fact urges us to consider different hypsometric levels of stops on the terraces not only through a prism of general climate change to moistening or aridity, but also to think of other possible reasons of local ecological significance, as well as to take into account the factors of production, functional nature of monuments.

Unfortunately, the number of Paleogeographical works on Holocene on the territory of North Kazakhstan is very small, and those ones that have been done, are not quite suitable in relation to application of archeological data. For instance, V. A. Nikolayev published the article «Antropogenic Stage in the History of the Steppe Western Siberia and Kazakhstan». In it, the author highlights various stages of human impact on the environment (Николаев, 1977, p. 17-23). Along with that the climate of various Holocene epochs is reconstructed. V. A. Nikolaev considers numerous Kelteminar stops distributed along ancient coast lines from the partially wooded steppe of the Western Siberia to Turan deserts to be one of the evidences of the existence of Aral transgression in the end of III millennium BC, moreover he relates

them to Eneolith period. To be exact, the author does not define the periods by himself, but uses the data of the 50s, which currently has been revised. At present, the Kelteminar culture is not related to Eneolith, it is related to Neolith. Also, the boundary of this culture, which is not beyond the Horesm oasis, currently has been defined rather exactly. Finally, the dating of Kelteminar culture have been revised and shifted to earlier times. The value of this article is that V. A. Nikolaev relates the transgression of Arala and the dating of stops in the Western, Central Kazakhstan and Central Asia to considerable moistening. Since the majority of stops are dated by different periods - from Mesolith to Eneolith, it would be more logical to suppose, at least, two periods of moistening related to the dating of these stops. The first one is - in the beginning of the Atlantic period (VI-V millenniums BC) and the second period is - at the end of it (III millennium BC) that corresponds to modern data of paleographers.

Soil scientists had a specific approach to the solution of paleography issues. So, I. V. Ivanov and his group from the Institute of Soil Science of the AS USSR jointly with archeologists from North Kazakhstan and Ural (G. B. Zdanovich and others) studied soils buried under burial mound of the Bbronze Age and the Iron Age, located in open watershed areas (Иванов, 1984, p.15) The method is based on comparison of modern soils and the soils, as if conserved under artificial soil constructions. The most important thing for soil scientists is identification of dating of buried soil, which archeologists identify through studying of burial complexes. The origin and biochemical changes of soil depend, first of all, on the climate.

Certain information on the climate in Holocene one may receive from hydrologists studying numerous lakes in North Kazakhstan and its surrounding areas. The cyclic nature of water bodies' level rise and fall, as well as the degree of their salinity becomes known. Many scientists define the cycles of climate variability within the century that makes impact on specified processes (Кочаев, 1979, p. 63-65).

Methodology and methods of monument study. To begin dealing with mass systematic studies of the Stone Age monuments in North

Kazakhstan, we applied certain methods of field works taking into account landscape particularities of the region. These particularities are connected with the fact that the most steppe and semi-desert areas of Kazakhstan are characterized by erosion and soil denudation and deflation. But accumulation processes are very low. Due to this, archeological monuments often located in high valleys as well as at the banks of steppe rivers and spring carry are of so-called «open nature», when a there is no a cultural layer on the monument or it is thin (Медоев, 1965, p. 85-88).

Till last time there was a broad practice of collecting materials from the surface disregarding planigraphy. The materials of the Stone Age sometimes collected on in an enormous area were considered by researchers as uniform ones (Чалая, 1970, p. 79-86; Логвин, 1977, p.270-275). Finally, quite often it turned out that those collections were presented by the materials of different chronological epochs.

Since the Stone Age of Kazakhstan Priishimye had not been fully studied, from the first years of NKAЕ existence were had to undertake mass exploratory examinations. The banks of practically all rivers mentioned in the geographical essay were examined by exploratory groups. The focus was on shrub exploring in the area of archeological objects concentration.

In the beginning the discovered objects were fixed in a map to define the area of distribution and the degree of concentration of monuments. Then a detailed eye measured scheme or an instrumental topographical plan of the micrioregion of the area was designed. An approximate area of monuments was marked in the scheme observing a scale. The monument sites perspective for excavations were divided into squares of 2x2 m, and only after that the items were collected from the surface and the sites were excavated. When there were mass assemblages the finds were fixed in the scheme per quarter (1x1 m), or with absolute accuracy in case there were single finds or typical tools assemblages.

The utter examination of the vast region and opening of significant areas of a cultural layer made it possible to understand the degree of archeological objects concentration and their

functionality. Comprehensive study of a number of monuments within the microregions had allowed us using not only a traditional term such as «a stop», when characterizing the objects, but also apply such notions as «a settlement», «a workshop», «a site» on a rather justified basis.

A settlement is a monument including a rather thick cultural layer on the area of 500 sq. m. Two and more dwelling constructions are fixed in it. Item material within the cultural layer is represented by mass finds.

A workshop is an archeological object with a cultural layer consisting of mass wastes, stockpile items, rock pieces that are concentrated around working grounds. There are series of such tools as hammers, retouching items, hammerstones, abrasive bars. The workshops, according to our data, are divided into two types: a workshop on primary cutting of raw material, stockpiling of nucleuses and macroforms; a workshop on making tools of mass use.

A stop is a short-term settlement not exceeding the area of 500 sq. m. There are no traces of dwelling constrictions or they are vague. The number of items does not exceed 2000.

A site is a monument that does not contain a cultural layer, the number of finds is small and represented solely by the items collected from the surface.

The settlements are connected to river valleys, the first or the second upper flood plain terraces; the workshops - to watershed hills as well as valleys; the stops - to valleys, watershed lakes, springs; the sites - to all enumerated hypsometric levels.

So, permanent settlements located in most favorable valleys were peculiar production and dwelling centers. Other types of monuments should be considered as seasonal, temporary points that were left in the process of economic and production activity. Great volume of field works conducting taking into account modern methodical requirements allowed stratigraphically defining one-layered and many-layered monuments. The discovery of one-layered objects (Telman I, X, XII, XIII, VII) was most important. Particular technical-typological standards for a certain period of Neolith were received there that allowed

reinterpreting many mixed collections stored in the museums and laboratories of Kazakhstan.

Great attention was paid by us to primary processing of archeological material and, first of all, to flint tools that were the most numerous in the collections of the Stone Age (Mesolith-Neolith). Having big complexes of flint tools represented by mainly plate items, it is impossible to be limited by description only, when characterizing the materials. It, as it is well known, is of particular individual and emotional nature. Along with that, the description is not always corresponds to objective condition of the source. The process of receiving the information from a source requires certain experience, which should be checked and available to a broad range of specialists (Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, p.30).

The typological-statistical method was designed and applied in domestic archeology of the Stone Age for the first time by V. A. Gorodtsov and A. Bonch-Osmolovskiy (Городцов, 1927, p. 6; Городцов, 1930, p. 16). The typological-statistical method was developed in details by French researcher F. Bordu. His typolist was broadly recognized by the specialists in Paleolith both abroad and in this country. However, this method has some drawbacks, since this is a «closed» taxonomic method that was repeatedly emphasized by many researchers (Гвоздовер и др, 1974, p. 36; Любин, 1965, p. 23).

Currently one more method on typological categorizations - «an open system» is being actively developed (Медведев, 1975, p. 25; Матюшин, 1975, p. 12). The «main advantage of opened systems is an opportunity for comparing various sets of tools to one another, described according to this systems, and defining the degree of similarity on a quantitative basis. The types may be defined on stable and verifiable basis and the frequency of coincidence of separate properties...» (Гвоздовер и др., 1974, p. 36).

Also, concrete schemes-tables for primary processing of archeological material appeared in literature (Матюшин, 1976, p. 224). Having used the tables, which were published in the book of N. Matyushin «Mezolith of South Ural», as a basis, we checked the prospect of the open system experimentally on the example of the materials of

North Kazakhstan. It seemed to us very important to consider the archeological material of two neighboring regions applying similar typological criterions.

Let's consider some provisions on categorization by N. Matyushin, with which the author of the present work doesn't agree. For instance, «plates with retouching» class is determined within this categorization as inserts. However, not all plates with retouching relate to such ones. On the other hand, geometric microliths are classical inserts, but in they are not so defined in the table. The «sheath» notion is rather technological notion, than a typological one, and it is more logically not to use it. It is reasonable, in our opinion, not to generalize classes 1-6 and etc. verbally, but simply name them «plates with retouching on an edge, geometric microliths, scrapers on plates, edges» and others. In the table «Categorization of edge scrapers, «a working angle of tool and its parameters», which has been applied by us without changes, is provided in a vertical column. In a horizontal column, in our opinion, various properties, which hierarchically should be situated in different classification levels, are provided. Key lines 1-4 reflect the corner of retouching convergence, key lines 5-8 - a form of blades that, really, is not adequate. When scrapers were considered, indicators 1-4 «hadn't worked». We have changed some names of indicators 5-8. In particular, we name «irregular» - «figured», since we consider that «regular» and «irregular» terms are broadly used, when characterizing the plates retouched on a longitudinal edge. The term «figured» implies the variety of blade key line variants. Instead of «sharp-angled» we write «made a little sharp», since no one item with an ideal geometric sharp angle has been found.

Finally, the tables for primary processing of tools, on which the material was classified, have become the following:

Table «General characteristic of material». It corresponds to the levels of categories, groups and classes. The columns: nucleuses and their derived items splinters for processing, ribbed plates), (fragments of nucleuses, plates) have been put in place. They are subdivided into items with secondary processing and without it. The first

ones are subdivided into classes - scrapers, plates with retouching, chisels and others, splinters. The hierarchy principle is the same – subdivision into secondary processed splinters and not secondary processed splinters.

Table «Miscellaneous» includes the items made of non-flint stone rocks, bones, clays. The table is required for further processing of the material, for more detailed categorization and continuous checking (annex 1-2).

Table «Plates». It is based on gradation of plates, certain parts or segments - whole, proximal, medial and distal ones. Each column is subdivided into items with secondary processing and without processing. In turn, the column «without processing» includes the items with traces of worn-out at work (at traceological analysis) and without them. The plates with traces of worn-out at work relate to the category of tools, but this time on the basis of functional analysis. If there are no traces of worn-out at work on plates, they will relate to the category of stockpiling or wastes. Since traceological analysis hasn't been made, all plates without secondary processing are noted in the column «Totally». This table allows us having comparatively full information on plates as stocking-up material, as well as on the degree of tool availability and every source stocking-up item (annex 3-4).

Table «Sizes of plates». When defining the sizes of plates (the width and the length) we used the parameters, which are most broadly used in the literature on the Stone Age of the Ural, Kazakhstan and Siberia: to 0.5 cm; 0.6-1 cm; 1.1 – 1.5 cm; 1.6 - 2 cm; 2.1 – 2.5 cm; 2.6 - 3 cm; 3.1 - 5 cm; 5.1 - 7 cm; 7.1 - 9 cm; over 9 cm. In the table they are alike for the width and the length of plates. The parameters for plate sizes are provided in a horizontal column, and the source form of stocking-up items and tools availability is shown vertically.

Table «Scrapers on plates». The horizontal column includes characteristics of a working angle (perpendicular, steep, average, sloping, very sloping). All characteristics include the nature of retouching - convergent, divergent, marginal on the following hierarchical step. Vertically, a form of blades and source stocking-up items are provided.

Table «Chisels». It reflects the main properties of tools of Two types - angular and lateral (middle type is not enclosed only because such tools are not contained in the collection or their number is too small). The types of chisels, in turn including items with one working blade (one-bladed) and several blades (many-bladed) are indicated horizontally. Besides, variants of additional tool processing on longitudinal edges are taken into account. Source forms of stocking-up items are indicated vertically. Moreover, a retouched end form - concave, straight, cocked, round is taken into account in lateral chisels (annex 3-4).

Table «Trapezoids». The forms of trapezoids - with a lateral notch, without a lateral notch indicated in horizontal columns are considered to be the source properties. In turn they are subdivided into high, low, vague (fragments) trapezoids. Below, the degree of additional processing of bases – a lower, upper or both is taken into account. At next stage the place of fixing – on a front or back side is taken into account. The following properties: symmetric, asymmetric, vague (fragments) are provided in vertical columns. As required, other, more detailed indicators may be included in the table (annex 3-4).

The whole work done on primary categorization of the material has allowed taking into account numerous properties within the framework of compact tables, which may be complemented without breaking the general structure of hierarchy depending on the nature of the material. Great attention was paid by us to defining the source forms of stockpile items, which were included in all tables.

The next stage of processing was collation and correlation of properties on the basis of quantitative indicators of the above-mentioned tables. There is a real opportunity for matching and comparing various properties and identifying that or other dependency between them. The data on typological categorization is of primary importance at defining chronological as well as cultural complexes, for identification of the particularity of the technology and typology of certain complexes.

As a whole when defining the cultural relation of the monuments, their periodization and chronology, as well as when solving the issues on functional particularity of archeological objects, the combination of some properties: the topography of monuments, the nature of geographical and production planigraphy; the technology of making flint tools and pottery items; the typology of flint and stone tools; the morphological particularities for defining tool types; the form and ornamentation of pottery items was used by us.

Monuments. A - Yavlenskiy: Sokolovka I; Lebyazhye I; Zolotaya Osen I; Michurinskaya I; Bishkul II; Novokamenka I; Karluga II; Karluga III; Karluga IV; Karluga VI; Krasnogorka II; Bogolyubovo I; Bogolyubovo III; Bogolyubovo IV; Bogolyubovo VI; Novonikoliskoye II; Novonikoliskoye V; Rassvet I; Yavlenka II; Yavlenka III; Yavlenka IV; Yavlenka V; Yavlenka VI; Yavlenka VII; Enbek I; Iliinka II; Zhargain I; Urnek I; Berlik II; Berlik IV; Kupriyanovka I; Bulayevo I; Medvezhka I; Berlik I; Berlik III; Berlik V; Ivanovka I; Solonovka I; Kuchkova I.

The monuments of Yavlenskiy microregion occupy the territory of Petropavlovsk Priishimye (pic. 1). The major number of them is concentrate in a broad (before 10-15 km) valley. As a rule, the objects are grouped on the second upper floodplain terrace, rarely on the first terrace or ashore watershed lakes.

At collation of all topography, planigraphy, stratigraphy and typology data received in the process of excavations or examination of objects of Yavlenskiy microregion, several groups of monuments are defined.

Group I (Yavlenka II, Michurinskaya I, Bogolyubovo). The industry is characterized by developed microlithic technology. Flint, jasper, quartzite, stone rocks were used as raw material. Chisel technology (angular, lateral and average chisels), drills, items for piercing and carving, plates with a blunt edge was broadly developed. Scraper on splinters and plates are presented in a small number.

Group II (Yavlenka VI, VII, Karluga III, Bogolyubovo III). The technology is characterized by gradual increase of the size of component parts of insert tools and plates. Macroforms appear –

spearheads processed on both sides, large knives and scrapers on splinters, edge planes on large plates and splinters and single large symmetrical trapezoids. The raw material is characterized by homogeneity - tawny and gray jasper-like rock. The pottery items are fragmentary, thin-sided, with admixture of sand, gravel, ornamented with comb prints.

Group III (Yavlenka IV, V, Karluga IV, Bogolyubovo II, Bulayevo I and others.). Insert tradition is gradually disappearing from technology. (pic. 35-29, 30), Whole or proximal parts of plates of 5.7 cm long and to 2.5-3 cm wide become oftener used as raw material items for tools. Tools are dominated by plates with retouching, scrapers on plates and splinters. The number of chisel forms, compared to group II, is relatively small. Arrowheads of a leaf-like and willow-leaved form processed on both sides are broadly distributed. The pottery items are also fragmentary with comb prints in the form of «a striding» element or horizontal lines.

Group IV (Yavlenka III, Michurinskoye I (a complex of a later period), Novonikoliskoye V, Bogolyubovo I and others.). The collections include mainly tools on splinters (scrapers, edge planes, and arrowheads). Products on plates are represented by tools with retouching, single edge planes, piercers. Arrowhead types are of a stem-like form, with a notch at the bottom, with a straight or round pin.

The excavated monuments and a number of examined points functionally are defined by us like stops and sites. Workshops and settlements haven't been discovered here yet. However, a relatively thick (toe 80 cm) cultural layer at a number of points beside Bogolyubovo and Karluga villages is indicative of appearance of such monuments, since the ecological situation in the Holocene in a broad valley of the Ishim River was favorable for inhabitation of primitive people» groups and the concentration of archeological objects there is the evidence of that.

B - Vinogradovskiy: Tyndyk IV; Berlinovka I; Berlinovka II; Berlinovka III; Berlinovka IV; Berlinovka V; Berlinovka VI; Berlinovka VII; Berlinovka VIII; Berlinovka XI; Vinogradovka I; Vinogradovka II; Vinogradovka III;

Vinogradovka IV; Vinogradovka V; Vinogradovka VII; Vinogradovka VIII; Vinogradovka IX; Vinogradovka XIV; Vinogradovka X; Vasilkovka; Lineyevskoye I; Alekseyevka I; Sadovaya I; Kenetkul I; Kenetkul II; Kenetkul III; Kenetkul VI; Kenetkul VIII; Kenetkul IX; Troitskoye; Vinogradovka VI; Krasniy Yar; Lineyevskoye II.

The considered objects are located at the Chaglinka River in Kokchetav region. (pic. 1). The major number of monuments is located in the lower stream of the Chaglinka River northward of Kokshetau city.

Coming from the stratigraphy and typology, several chronological groups of monuments may be defined in Vinogradovskiy microregion.

Group I (Vinogradovka II, the lower layer, Vinogradovka XII). The cultural layer is located in gray-brown loam and overlapped by sediments of a later period (Vinogradovka II) or in the middle loam under a thin humus layer (Vinogradovka XII). Technically and typologically the materials of these stop are dated the Mesolith period.

Group II (Vinogradovka II, the upper layer, Vinogradovka XI). Mesolithic traditions remained in the technology – making of inserts for component tools. Mainly medial segments to 1-1.5 cm wide, to 2 cm, rarely 3-5 cm were used as raw material. The sets are represented by plates with retouching, plates with a blunted end, angular chisels, cocked edges, and single items with a blunted back side, end and round scrapers, edge planes, plates with a butt end notch and others.

Group III (Vinogradovka X, XII and others.). The tools are characterized by varied set of micro- and macroforms. Plates are used as inserts (table 60, I-II) and as separate tools - scrapers, knives, edge planes and others. Products on splinters are rather massive - edge planes, knives, scrapers. There are many hard tools – hammer and ax-like tools.

Group IV (Kenetkul VIII, Vinogradovka VIII and others.) (Зайберг, Плешаков, 1978, p. 242-250). Plate industry is disappearing; there are many scrapers and edge planes on splinters. The plates are without retouching or with irregular processed edges. Javelin arrowheads processed on both sides are broadly distributed. These are stem-like, «with drooping moustache», leaf-like with

an expressed stem or выемкой at the base. The pottery items are ornamented using comb, point and prick technique. The collection includes single copper items.

The monuments of Akkan-Burluk microregion are concentrated along the Akkan-Burluk River and at the Ishim River in Kokchetav region. One stop (Novomikhaylovskaya) is related to the Paleolith, the rest ones - to Neolith.

Three stops are located on the right bank of the Ishim, the rest (12 points) on both banks of the Akkan-Burluk River.

Stationary studies haven't been conducted there yet. However, a number of perspective monuments with stratigraphy and a good set of items collected from the surface have been discovered. These are the stops - Tendyk I, II, Akkan-Burluk I-IV-and others (pic. 50-52).

It is interesting that the monuments are grouped in the lower Akkan-Burluk stream and the nearest areas of the Ishim River flowing in a narrow but divided valley.

C - Telmanskiy: Magdalinovka I; Magdalinovka II; Atbassar II; Timoshevka I; Timoshevka II; Timoshevka III; Timoshevka IV; Rodionovka I; Rodionovka II; Rodionovka III; Kalinovka I; Telmana I; Telmana V; Telmana IV; Telmana VII; Telmana VIII; Telmana IX; Telmana X; Telmana XI; Telmana XIII; Telmana XIV; Telmana XV; Telmana XVII; Telmana XVIII; Vladimirovo-Borisovka I; Vladimirovo-Borisovka II; Zhabay-Pokrovka I; Zhabay-Pokrovka III; Poltavka I; Spasovka I; Vladimirovka I; Novit Gorodok; Chaika; Novoselovka III; Dobrovolskoye I; Krasnoselskoye; Krasnoselskoye II; Krasnoselskoye III; Krasnoselskoye IV; Krasnoselskoye V; Krasnoselskoye VI; Krasnoselskoye VII; Kanyr I; Kanyr II; Kanyr III; Kanyr IV; Kanyr V; Kanyr VI; Kanyr VIII; Karagul; Ostrogorka; Ostrogorka II; Kapitonovka I; Kapitonovka II; Ostrovka I; Ostrovka III; Baksuk III; Novodonetskoye I; Novodonetskoye II; Novodonetskoye III; Novodonetskoye IV; Zhuravlevka I; Yaroslavka III; Yaroslavka; Yaroslavka II; Ortyabr I; Pokrovka I; Petrovka I; Petrovka II; Novokavkazka I; Novokubanka I; Zhanaturmys I; Zhanaturmys II; Zhanaturmys III; Sadubek I; Petropavlovka I; Bolshoy Maynak

I; Zaimka I; Lugovoye II; Lugovoye I; Aktyube I; Algas I; Tavolzhanka I; Tavolzhanka II; Novochoerkasskoye I; Novochoerkasskoye II; Novoselovka II; Novodonetskoye VIII; Novodonetskoye VI; Novodonetskoye IX; Novodonetskoye X; Novodonetskoye VII; Popovka I; Poltavka II; Prigorodnoye I; Sargary IV; Sargary V; Sargary III; Telmana III; Noviy Gorordok II.

Here, we have conditionally united a rather great number of objects located in Atbassar Priishimye. Mainly this is a latitude length of the Ishim including the monuments located at tributaries at the right bank of the Ishim - Zhabay, Arshaly, Zhilandy, Aschily and left Koluton.

Stationary studies were produced mainly near Telman village situated at 30 km southeastward of Atbassar and beside Pokrovka village at the Zhabay River at 40 km northeastward of Atbassar.

Telmanskiy mictoregion in contrast with other microregions have been studied through stationary excavations to fuller extent. The monuments, as it is clear from topography, planigraphy and typology characteristic, are of different functionality and, accordingly, chronology. Based on typological and statistical processing of excavated objects, several groups of monuments were also defined.

Group I (Telmana VII, VIIIa, IXa, XIVb). Of which Telmana VIIIa according to its occupied area and available constructions may be related to the class of settlements. The rest monuments were defined as stops. It should be noted that the tools found at the stop are nearly similar. Particularly, this concerns the nature of industry - insert plate technology with combination of items of splinters (high scrapers). The raw material is varied. The form of nucleuses is prismatic, wedge-shaped and cone-shaped. Their height rarely exceeds 6 cm. The main types of products are plates with a blunted back side, micro chisels - angular, lateral, average chisels, parallelograms, items for carving, plates with a cocked edge and others.

Group II (Telmana I, VIIIb, X, XIV, Zhabay-Pokrovka I). It is characterized by the following: use of homogeneous raw material – jasper-like rock of grey or tawny color. The technology is characterized by remained insert nature, but in

contrast with the plates from the monument of the first group, the proportion of items used as raw material is changing. As one can see from the graphs, the inserts are close to square 1.5 x 1.5 or 1.5 x 2 cm. Along with that, there are large proximal plates of 3 cm wide and more than 5 cm long. The set is characterized by the variety of forms and types: lateral, angular chisels, items for carving, edge planes, trapezoids, arrowheads on plates, plates with notches and others. The most numerous items are end scrapers on plates and round scrapers on splinters.

The pottery items are fragmentary, but rather expressive. They are of ovate form with an open neck, the diameter is 16-20 cm. The pottery is thin-sided (0.4-0.6 cm), a fragment is slightly burnt» with admixture of large sand, gravel and vegetation remainders.

Group III (Telmana XV, Zhabay-Pokrovka III, Zaimka I, Magdalinovka I and others.). Insert traditions in the technology are gradually disappearing and the technology of double-sided processing of plates and splinters is distributed. The set includes knives on splinters, knives on plates with an expressed hand, the points on plates and splinters are processed on both sides, spearheads processed with flow retouching. The pottery items are thin-sided, ornamented with a comb «striding» print, wave lines and prick points.

Group IV (Telmana IXb, XII, XIII and others.). Plate technology has been practically not used. Items of forms and splinters processed on both sides - arrowheads, javelin heads, spearheads, knives, scrapers and edge planes are broadly distributed. The raw material, of which the tools are made, is represented by large-granular quartzite of poor quality, rarely – by a jasper-like rock. The pottery items with thick sides are ornamented with comb prints and point pressing.

Telmana IXb monument is a workshop, the rest ones are seasonal stops of fishermen-huntmen.

Group V (Telmana XIVb, XVII and others.). Flint products are presented by arrowheads of a leaf-like, stem form with notch at the base. They are processed on both sides by press retouching. There are scrapers on splinters and macroforms - axes, chisel-like tools, small hoes, small spin items, sinkers and other stock.

The pottery items differ from the pottery of preceding groups by its higher quality. A pottery fragment is hard, of 0.6-0.9 cm thick, with admixture of large sand, sometimes grog and gravel. The ornament is in the form of geometric figures, horizontal bands of comb lines and pressed dimples. Along with comb technique, striding point pressing and pricking is used.

The monuments of Kurgalidzhin microregion are located in the lower stream of the Nura River in Kurgalidzhin district of Akmolinsk region. The stops and sites are located at the banks of the Nura, the height of which reaches 3-5 m, i.e. at the level of the 1st upper floodplain terrace. A number of stops were discovered in watershed plateaus beside springs flowing in ancient times. A cultural layer at some monuments does not exceed 30-50 cm. There is no soil layer at them and the finds are concentrated on the surface. The area of the sites, as a rule, does not exceed several groups of ten of square meters. The area occupied by stops is about 50 square m. The major number of monuments is dated Neolith-Eneolith. There are several points of an earlier period (Mesolith - Paleolith). Along with described microregions, with a great number of monuments, in North Kazakhstan a number of single stops and sites of the Stone Age has been discovered. Four sites have been found on the right bank of the Selety River of Tselinograd region. The objects are located at a high steep bank of the Selety, the height of which reaches 40-50 m (Bestyube I, Taskura I and others.). One stop, according to the materials may be dated Paleolith - Mesolith (Taskura II), the rest ones are typical Neolithic stops.

Chronology, the issues of cultural and historical relation of themonuments of Atbassar culture, their position in the Neolith of Kazakhstan. The solution of issues on periodization and chronology is a specific stage for archeologists, at which the empirical stage of a source processing is completed and along with that it signifies a qualitatively new level of historical interpretation (Захарук, 1969, p. 11-20; Захарук, 1977, p. 35).

The study of the Late Stone Age in Kazakhstan has its history, though it's not rich yet, but rather significant that demonstrates the

prospect for the study of the Stone Age in the republic (Акишев, 1978, p. 5-14; Алпысбаев, 1970, p. 227-240). In this respect the information was provided by L. A. Chalaya (Чалая, 1970, p.309-327; Чалая, 1970, p. 241-250; Чалая, 1970, 79-86; Чалая, 1971, 24 p.), S. S. Chernikov (Черников, 1950, с. 63-70; Черников, 1970, 60 p.; Черников, 1972, p. 59-62), A. A. Formozov (Формозов, 1951, p.115-121), who dealt directly with the subject on Neolith of Kazakhstan in due course. All authors noted unsatisfactory condition of the study of the Late Stone Age in contrast with the Bronze Age and the Iron Age.

In spite of the fact that by the 60s over 500 stops of the Stone Age of the Holocene period were put in archeological map of Kazakhstan, practically they were not excavated. When Neolith of Kazakhstan was mentioned in the literature, they spoke about one and the same monuments - Ust-Narym, Penky I, II, Karaganda XV, Zelenaya Balka, Agispe, Saksaulskaya that was too little for the vast area occupying over 4 thousand sq. km.

S. S. Chernikov on basis of the excavations of Ust-Narym settlement, as well as Malo-Krasnoyarsk settlement for many years and collecting of finds from the surface at several points (Черников, 1956, p. 43-60; Черников, 1957, p. 12-21) defines one period – the Late Neolith, and its chronological boundaries: III - beginning of II millenniums BC. Though, he supposedly defines an earlier stage (Malo-Krasnoyarsk) and a later (Ust-Narym) stage within this period (Черников, 1970, p. 41).

The reason for periodization and chronology were stratigraphic observations and synchronizing of tool types with the stock of Neolithic objects of surrounding regions – the Ural (Раушенбах, 1956, p. 56; Збруева, 1946, p. 182-190; Чернецов, 1947, p. 79-91; Чернецов, 1953, p. 7-71; Сальников, 1962, p.16-58; Крижевская, 1968, p. 132), Siberia (Окладников, 1950, p. 343), Central Asia (Виноградов, 1968, p.64-75; Толстов, 1948, p. 240).

The archeological material of Ust-Narym typologically is not homogenous and there are broad analogies in complexes of Kazakhstan and the surrounding areas from Mesolith to Eneolith (Чалая, 1971, p. 13).

The problem of periodization of Northeast and Central Kazakhstan is considered by L. A. Chalaya approximately in the same way. The main provisions of her thesis are specified in a number of publications (Чалая, 1973, p. 188-203). The author defined a number of local groups differing technically and typologically on the example of the collections of two excavated monuments (the rest finds were collected from the surface). Unfortunately, practically all points, except Karaturgay 5 sites, were related by L. A. Chalaya to III millennium and with some notes to IV millennium BC (Чалая, 1973, p. 188-203).

In the beginning of the 60s about 60 stops of the Stone Age were discovered by M. N. Klapchuk in Karaganda basin and two of them were partly excavated. Those were Karaganda XV and Zelenaya Balka 4 stop. The results of the excavations were published in three articles, which were broadly used for archeological findings by other researchers (Клапчук, 1965, p. 212-216; Клапчук, 1969, p. 108-118; Клапчук, 1970, p. 153-160). Karaganda XV stop is the most interesting. This is a many-layered monument with the stratigraphy on the basis of which the periodization of Neolithic monuments of Central Kazakhstan was proposed by M. N. Klapchuk. M. N. Klapchuk defined three stages of the Neolith, which were not beyond the boundaries of III millennium BC. (Клапчук, 1969, p. 108-118).

Certain progress in the study of Holocene monuments of the Stone Age was achieved in South and West Kazakhstan. In the beginning of the 70s a number of caves containing archeological materials of the Post-Paleolithic period were examined in Karatau by H. A. Alpysbayev (Алпысбаев, 1977, p. 93).

In Priaralye and Pricaspian region there are also well-known numerous points from which large collections were received, but unfortunately they were gathered from the surface (Мелентьев, 1975, p. 113; Мелентьев, 1977, p. 101; Виноградов, 1968, p.64-75; Формозов, 1972, p. 17-26; Формозов, 1959, p. 47-59; Формозов, 1950, p. 141-147). The use of the material collected from the surface only to solve the issue on periodization and cultural relation strengthens the subjective role of a researcher.

The materials from the territory of South-West and West Kazakhstan, the study of which began in the 20s already are broadly known in literature (Синицын, 1951, p. 98).

In due course great attention to the region was paid by A. A. Formozov, who published a number of works dating them the Late Neolith and Eneolith (Формозов, 1959, p. 47-59; Формозов, 1949, с. 49-58; Формозов, 1950, p. 65-75; Формозов, 1950, p. 141-147).

The new materials received from the excavated monument in the area for the last 10-15 years allow making certain corrections to the interpretation of the periodization and chronology of Holocene objects of the Stone Age.

So, a number of stops with very peculiar flint tools and pottery items were discovered and partly explored by V. P. Logvin in Kostanay and Turgay regions. These are Evgenievka, Amangeldy, Matrosovo and others stops at the Kaindy River (Логвин, 1977, p. 273; Логвин, 1976, p. 491-492).

Concluding the review of the state of the issues on Kazakhstan, which is of interest for us, it should be noted that in spite of insufficiency of stationary studies of Neolithic monuments, the researchers on that level of information objectively solved typological and taxonomic issues as a whole. The new material received mostly in the process of stationary studies of separate microregions of North Kazakhstan sometimes allow detailing, and as a whole shifting the periods back and defining separate stages in the periodization of the Neolith of the north part of Kazakhstan.

Before considering the periodization of the Neolith the region, it should be stressed once again that it has become possible to define the Mesolithic layer for the first time on the example of the excavated stops й. In the second chapter it was mentioned that the Mesolithic complexes are represented in every microregion. Not considering the problems of Mesolithic periodization in details, it should be noted that typologically and technically two stages may be defined in Mesolith – the early (to X millennium BC) and the late (to VII millennium BC). This is the Mesolithic «foundation» on which the periodization of the Neolith followed by the Eneolith and the Early Bronze Age has been built. So, the periodization

of the Middle and the Late Stone Age has been defined and the transition stages from the stone epoch to metal have been observed.

Three periods – the Early, Middle and Late Neolith were defined for the Late Stone Age of North Kazakhstan.

It became possible to define the Early Neolith on the basis of stratigraphy, discovery of serial homogenous complexes, typological comparative characteristic with surrounding areas, where there absolute data is available.

It includes the following groups of monuments defined on a chronological basis for microregions: group II of Yavlenskiy microregion stops (Yavlenka VI, VII, Karluga III, Bogolyubovo III); group II of the monuments of Vinogradovskiy microregion (Vinogradovka II (the upper layer), Vinogradovka XIV and others); group II of Telimanskiy microregion (Telmana I, X, XIV, VIIIb, Zhabay-Pokrovka I).

Stratigraphically, as was it has been noted already, these monuments are characterized by certain regularity. Particularly, firstly, the cultural layers are located at the foot of light humus loam or loam. They are overlaid by soils of a floodplain nature (refer to stratigraphy of the monuments of Vinogradovskiy and Telmanskiy microregions) that relates to the beginning of the Atlantic period.

The following types of flint items are the most expressive: chisels (lateral, angular); symmetrical trapezoids, sometimes with notches on the upper base; plates with butt end notch; sweeps; arrowheads on plates with a retouched and straight part; scrapers on plates - with a cocked, straight, figured or round blade. The knives on round lengthened splinters are peculiar. Javelin heads processed on both sides are represented by fragments, in section they are of a leaf-shaped form, the heads are up to 1.5 cm thick. There are also macroforms (edge planes, knives, hammers and etc.). All collections include pottery items. As a rule, the number of them is small. The bottom of the pottery items is thin, they are slightly burnt, the material contains admixture of gravel, large-granular sand or vegetable remainders and decorated with a «striding» comb pattern, slight pressed points, wavy drawing and prick lines.

The Early Paleolith complexes not only differ from the Late Mesolith in all properties

specified in the section of the methods of study, but also continue having significant receivership related to technology and typology.

In Mesolith various sorts of flint, jasper, quartzite and crystal served the raw material, in the Early Neolith the raw material becomes stabilized - mainly jasper-like qualitative quartzite of grey or tawny color is used.

The plate industry in Neolith was further developing. The splinter industry was changing a little, so let's consider the first one.

In the Early Neolith compared to Mesolith a set of tool types becomes much more rich, as well as secondary processing becomes varied. Double-sided forms, hacking tools partially polished, and, finally, pottery items appear in the Neolith.

The stops related to the Neolith are: group III of stops of Yavlenskiy (Yavlenka IV, V, Karluga IV, Bogolyubovo II, Bulayevo I and others); group II of Vinogradovskiy (Vinogradovka X, XI), group III of Telimanskiy (Telmana XV, XVII, Zaimka I, Zhabay-Pokrovka III and others) microregions. The finds on the monument are connected to the foot of humus loam and a black soil layer. Mesolithic traditions are gradually disappearing from the flint industry at this stage. The set of tools is characterized by a combination of tools on plates and splinters with the forms processed on both sides. Arrowheads of a correct leaf-shaped form are broadly distributed amongst the last once. The knives with a hand made by retouching or chisel splintering or without it are peculiar. Sporadically there are arrowheads on plates, small high trapezoids and other types. Lateral chisels, plates with a blunted back side and a butt end, and with a butt end notch and other early (Mesolithic and Early Paleolithic) types have practically disappeared completely. The collections include macroforms – edge planes, knives, jack hammers, hammers and other products.

The pottery is unexpressive and fragmentary as before. It is an ovate form, thin-sided, burnt to average extent, with admixture of gravel, sand and sometimes vegetable remainders.

The Late Neolith. The stops related to it are: group IV stops of Yavlenskiy (Yavlenka III, Bishkul I, Karluga, Krasnogorka, Enbek and others), Telmanskiy (Telmana XI, XII,

XIII, 1Xb and others) and a number of stops of Vinogradovskiy microregion studied only through exploring (Berlinovka I, Kuchkovka I, Kenetkul III and others.).

Cultural remainders are broadly distributed in the upper soil (humus fat layer) horizon; sometimes go out to the surface. The age of the upper sediments in the valleys and at steppe streams is dated about III millennium BC everywhere.

The complexes of the stone tools differ from the materials of the preceding stages in all properties. The raw material (rough quartzite) is characterized by roughness and poor quality; it was used first of all for making tools on splinters and double-sided forms. Plate technology is not used; though the collections include the plates of that time, but nearly all of them are not secondary processed.

Concerning the pottery, the items with a round of sharp bottom, decorated with a comb prints in the form of polylines, pricks by a stick, drawn wavy lines prevail.

Considerable changes first of all in the use of raw material for production of labor tools occur in the Eneolith epoch. The stone and bone is substituted by metal – by copper, and then by bronze. The significance of that in ancient history of the society is well known.

The proposed periodization, certainly, may not be considered a final variant, but it reflects the modern level of an origin basis in North Kazakhstan rather completely. But the situation with dating of every defined period is more difficult. At present, based on archeological material of the region, only the lower and the upper date of the Neolithic epoch have been defined rather correctly.

The data till C14 (10540 + 200 from A.D.), received from coal, extracted from a pit in the area of Telmana XIVa Mesolithic stop is at our disposal. It reflects, probably, an initial stage of the Late Mesolith, the final stage if which in Zauralye, Central Asia on a variety of series of radiocarbon dating is dated VII-VI millennium B.C. (Старков, 1980, p. 90-92; Виноградов, Мамедов, Сулержицкий, 1977, p. 267). Since technologically and typologically the Late Mesolithic and Early Paleolithic complexes are close, genetically connected, the time difference between them

cannot be great. Considering available data the final Mesolith is dated VII Millennium B.C. Consequently, the Early Neolith should be dated the end VII-VI millennium B.C. Chronological frameworks of the end of the Stone Age (including Eneolith) are defined rather exactly - beginning II millennium - XVIII centuries B.C. For instance, in Vishnevka I settlement several «import» vessels of Petrov-Alakaul type were found on the floor of a dwelling beside a hearth (Зайберт, 1973, p. 108) that coincides with time of the development of the Andronov cultural-historical society group.

Coming from these frameworks that determined the beginning and the end of the Late Stone Age in the considered area, the chronology of the Middle, the Late Neolith and Eneolith is within V - beginning II millennium B.C. To some extent this is similar to the chronological stages defined for surrounding areas (Коробкова, 1969, p. 178).

Let's compare the monuments of the North Kazakhstan in respect of periodization with the most expressed Ust-Narym settlement in East Kazakhstan. The detailed typological and traceological analysis was made by F. Korobkov and provided in the specified monograph of the scientist. We would like to express some disagreement with the author concerning the issues on particularities of the Ust-Narym complex ostensibly differing it from the monuments of Kazakhstan and Central Asia.

G. F. Korobkov notes the particularity of nucleuses' forms - from wedge-shaped (the Kokorev) type to cone-shaped that were broadly distributed in the Neolith (Коробкова, 1969, p. 125).

According to the analysis of North Kazakhstan objects, wedge-shaped and pencil-shaped nucleuses are represented in Mesolithic monuments. On p. 166 of the monograph F. Korobkov notes the presence of insert microplates with a blunted by back side, which are also Mesolithic forms, on p. 158 he speaks of absence of polished tools (only partially polished ones were found). She explains that the reason of that were of technical, and probably, of cultural nature. And, finally, the summary of F. Korobkov says: «... The Ust-Natym culture united the most

expressed elements of the Neolith of Siberia and Central Asia, so, becoming mixed culture nature...» The conclusions are absolutely correct, unless the possibility of chronological difference of the complex is taken into account, since nearly all types of items from Neolithic monuments of North Kazakhstan (except trapezoids) were found in Ust-Narym. When dating the monument the really Late Mesolithic (of Eneolithic complexes) types were used by S. S. Chernikov, F. Korobkova and A. P. Okladnikov (Окладников, 1950, p. 315).

When our materials were collated with Karaganda XV, Zelenaya Balka 24 stop it turned out that they were too similar technologically and typologically. The same principle of insert use, a great number of trapezoids and chisels occurred. Arrowheads on plates similar to items from Telmana I, X, Michurinskaya I were found.

A part of Karaganda XV collection is similar to Late Neolithic and Eneolithic complexes of North Kazakhstan. These are, for instance, double-sided arrowheads with notch in the base and other types (layer II according to M. N. Klapchuk (Клапчук, 1965, p. 212).

The stops of North-East Kazakhstan explored by L. A. Chaika are also similar to many Mesolithic, Early Neolithic and Eneolithic monuments. Petky I stop is similar to Telmana I, X (except Mesolithic forms) (Чалай, 1971, p. 14). Karaturgay points are also synchronized from Mesolith to Eneolith.

In Priaralye Agispe stop and a number of tools of Saksaulsk I stop are most similar to Early Neolithic monuments. Their early age (within Neolith) was noted by A. P. Okladnikov, A. V. Vinogradov (Виноградов, 1968, p. 135), A. A. Formozov, who published these materials dated them III millennium (Формозов, 1949, p. 49-58; Формозов, 1950, p. 141-147).

Certain similarity occurs at comparing Kostanay monuments located at the Tobol River with the Ishim ones. The stops published by K. V. Salnikov (Сальников, 1962, p. 16), A. A. Formozov (Формозов, 1951, p. 3-18), V. N. Logvin are of mixed nature. Several points, which are rather uniform chronologically, are the most interesting.

The first monument is Amangeldy I stop excavated by V. N. Logvin (Логвин, 1977, p. 270-275). The author of the excavations, and then L. Y. Krizhevskaya (Крижевская, 1975, p. 161) dated it IV-III millennium B.C. In our point of view it should be dated the Early Neolith, since all characteristics – raw material, technology of cutting and a set of items - the collection is similar to materials of Telmana X type.

Another monument, Evgenievka I was studied through collecting finds from the surface. The collection is mixed. V. N. Logvin synchronized the stop with Dzhebela Va layer and dates it within IV millennium B.C. When viewing the collection typically Mesolithic forms were observed.

So, the defined periodization and chronology on the materials of Priishimye reflects the regularities in the development of the material culture of Neolithic population in general in the major area of Kazakhstan. This, certainly, doesn't exclude certain chronological shifts, cultural particularity of separate regions of the republic in the Mesolith – Neolith period.

Let's make some conclusions: till the 70s the periodization of the Neolith of Kazakhstan (including North Kazakhstan) was based on little material and depended on the state of development of this issue in surrounded areas of Central Asia, West Siberia and the Ural.

Due to NKAЕ's activity it became possible to observe the regularity of the development of the material culture in the Neolith, the initial stages of which are dated no later than VI millennium B.C., and in III millennium the first metal appears.

The periodization and chronology will be further detailed on the basis of new materials of different regions of Kazakhstan.

Objectively, the issue on cultural relation of Neolithic monuments of Kazakhstan was not raised in literature till the 60s and not touched upon indirectly in the process of the polemics concerning the relation of the Ural and Central Asian Neolith (Чернецов, 1947, p. 56). Meantime, Neolithic materials, though received from the collections, but rather numerous for general understanding of the nature of industry in the region were known in Kazakhstan (Археологическая карта Казахстана, 1960, p. 223).

In spite of certain similarity of Kazakhstan materials to Ural finds, A. P. Okladnikov limited its east borders by Lower Priobye, when defining the East-Ural culture in 1941. In the opinion of A. P. Okladnikov, steppe cultures were distributed in the Neolith in the partially wooded steppe of Zauralye and Kazakhstan (Окладников, 1941, p. 7), that was confirmed by studies of the author and some other specialists.

Other authors had another point of view, when analyzing the Ural and Kazakhstan Neolith. Following S. P. Tolstov and A. V. Zbruev (Толстов, 1941, p. 214; Толстов, 1948, p. 243; Збруева, 1946, p. 182), who noted the similarity of Kelteminar and Middle-Ural Neolithic monuments, V. N. Chernetsov defined a certain Ural-Central Asia ethnic and cultural group.

In the light of the concept of scientists S. P. Tolstov, V. N. Chernetsov, A. V. Zbrueva, later the issues of the relation of the Ural and Central Asia in the Neolith were considered by O. N. Bader (Бадер, 1970, p. 158; Халиков, 1969, p. 252).

A. A. Formozov (Формозов, 1950, p. 65) had a different point of view concerning the issue of cultural relation of the steppe and semi-desert monuments of Kazakhstan. In 1949 already he defines the West-Kazakhstan variant of Keltemir culture for Priaralye and limits it by the influence of the Horesm Neolith (Формозов, 1949, p. 50).

In 10 years he published a work that, in principal, was different from the works of the supporters of Ural-Asia ethnic similarity (Формозов, 1959, p. 162). In our opinion A. A. Formozov was absolutely right, when showing that the monuments with very similar microlithic industry, based on specialized plate technology of cutting nucleuses and use of plates as inserts were distributed in vast areas of Eurasia in the steppe and semi-desert zones. This is the result of convergence of cultural-economic types in similar ecological conditions.

In the beginning of the 60s the Ural-Kazakhstan group was defined on the basis of South-Ural and partly Kostanay materials by K. V. Salinikov (Сальников, 1962, p. 17). At the end of the 60s L. Y. Krizhevskaya detailed it through defining the South-Ural-Kazakhstan ethnic and cultural area (Крижевская, 1968, p. 123).

However, it would be more logical to name the ethnic and cultural area defined by her by its proper name and strictly outline its territory, since L. Y. Krizhevskaya includes in it the areas of Kazakhstan, which have not been studied yet (Крижевская, 1975, p. 162).

Speaking about vast ethnic and cultural areas, L. Y. Krizhevskaya is absolutely right, when admitting that more fractional structures - archeological cultures and variants existed there that was confirmed in the process of current studies in South Ural and in North Kazakhstan».

In the beginning of the 50s three territorial groups of Neolithic monuments: South-Ural, Priaral and Semipalatinsk in Kazakhstan were defined by A. A. Formozov (Формозов, 1951, p. 117). He has objected by V. N. Chernetsov, who defended his point of view on the similarity of Neolithic complexes in the vast area of Zauralye and Kazakhstan (Чернецов, 1947, p. 80). S. S. Chernikov also considered that there was no great difference between the materials of the specified area, but when Ust-Narym settlement was discovered, he changed his point of view and raised an issue on defining a specific Ust-Narym culture (Черников, 1957, p. 13).

In 1970, in his doctoral thesis S. S. Charnikov defined six local groups of Neolithic monuments on the territory of Kazakhstan within the framework of one cultural-historical group dated by him the end IV - beginning II millennium B.C. (Черников, 1970, p. 54). Those were East Kazakhstan, North-West Kazakhstan, Priaralye and South-West and North Kazakhstan, North Pribalhashye and Betpak-Dala and the north band of Central Kazakhstan.

In his opinion the specified groups differ in a «set of tools, particularity of fabrication technology, pottery and the nature of economic activity». He also expected the existence of Semirechensk, South-Kazakhstan and Ustyurt-Mangyshlak groups (Черников, 1972, p. 60).

In our point of view, they were defined realistically only on the basis of one criterion – geographical criterion, but this property is not diagnostic since practically the whole area was settled by Neolithic population.

L. A. Chalaya followed «the way of defining local groups in the Neolith of Central and North-East Kazakhstan». Denying the existence of Semipalatinsk, Priaralye and South-Ural groups (according to A. A. Formozov) and considering the issue of cultural-historical group of the Neolith of Kazakhstan to be unsolved (Чалая, 1970, p. 79-86), she defines four populated areas: Zhelezinskiy, Ust-Narym, Karaturgay-Pribalhash and Karaganda (Чалая, 1969, p. 192-195). One may agree with L. A. Chalaya considering that the areas defined by are rather specific and may really exist. The scientist considers broad contacts of the population of Kazakhstan, the Ural, the Western Siberia, Pribaykalye and Central Asia to be the reasons of particularity.

L. A. Chalaya considers the survival of Mesolithic traditions tending southward of the country, and the pottery occurring with such flint that, on the contrary, is similar to South-Ural and West Siberian finds, to be one of the particularities of Kazakhstan material (Черников, 1959, p. 99). The researcher considers this fact to be a regularity.

However, follows the conclusion from aforesaid that to match two territory on flint only or pottery it is impossible, ибо get lost the internal causal relationship, existed no time beside carriers that or other archeological cultures.

So, by the end of the 70s the points of view of S. S. Chernikov, L. A. Chalaya, L. Y. Krizhevskaya and K. V. Salinikov concerning cultural relation of Neolithic monuments of Kazakhstan had not been acknowledged in literature. There was only one reason for that- a vast territory and little study.

The modern data on the Neolith of North Kazakhstan confirms that the territory of the republic in the Neolith was within a microlithic zone, and its more fractional hierarchical structure is being defined. Our materials allow extending the borders of this zone defined by A. A. Formozov for the first time (Формозов, 1959, p. 48), including north areas of Kazakhstan and a part of partially wooded steppe of Zauralye and the West Siberia into it.

At present, the North Kazakhstan ethnic and cultural area is being rather clearly defined in the Asian microlithic cultural zone. It occupies the territory of the Tobolo-Irtysh interfluvial area from

Tyumen Priishimye in the north to Karaganda basin in the south. The Priishimye areas have been studied most of all and rather broadly represented in the archeological map. The ethnic and cultural area defined by us covers a broad chronological range from the Mesolith to the Neolith. The integrated analysis of numerous collections from different microregions of the studied area has allowed raising an issue on definition of the culture. It may be called the Atbassar culture, since expressive complexes of the culture have been received in Telimanskiy microregion near Atbassar city. It covers the period of the End Mesolith and the Middle Neolith. Its local variants - Telmanskiy (the area of the upper stream of the Ishim River and the lower stream of the Nura River) and Yavlenskiy (the Chaglinka River and the middle stream of the Ishim) may be defined.

Genesis of Yavlenskiy variant and disappearing of Telmansliy variant occurs in the Muddle Neolith due to their active interaction.

In the Late Neolith-Eneolith a qualitatively new culture within the Botay ethnic and cultural area was developing.

In the Early Neolithic period the monuments of Atbassar culture (both variants) were distributed within the defined North Kazakhstan ethnic and cultural area and in a number of cases beyond its boundaries. The northeast stronghold is the monuments of Priirtyshye: Penky (Черников, 1959, p. 99) and Omsk stop (Чалая, 1972, p. 163-171; Матющенко, 1966, p. 79).

The northwest border of the distribution of Atbassar culture is Pritobolye, and the west and southwest borders are the Turgay hollow.

Of monuments excavated in the areas Amangeldy stop is the most similar to Telimanskiy variant. In the Neolith Pritobolye and the Turgay hollow was a contact zone between Kazakhstan, South-Ural and South-Zautalye population that was fully reflected in the material culture. Such similarity occurs, according to our data, only in the contact zone of Pritobolye and Turgay hollow. The south border of the distribution of Atbassar culture is preliminary extending to Karaganda basin, where two stops Karaganda XV (Клапчук, 1970, p. 153) and Zelenaya Balka 4 were excavated (Клапчук, 1965, p. 212-216).

Zhanbobek 4 spring stop in the south of Tselinograd region was studied by V. N. Voloshin (Волошин, Мазниченко, 1978, p. 511-512). Pottery and flint items similar to Telmana X settlement were found in a cultural layer of up to 50 cm thick.

The materials received as a result of collecting finds from the surface only are known westward, eastward and southward of Karaganda monuments (Маргулан, Агеева, 1948, p. 129). Typologically the collections are heterogeneous, so, it is difficult to speak about certain things. However, in the process of study of Central and South-West Kazakhstan the Early Neolithic complexes may be discovered. Moreover, Neolithic complexes dated on radiocarbon, which chronologically may be compared with the monuments of Atbassar culture have been discovered on the territory of Central Asia that is more remote from North Kazakhstan. This is Uchaschy 131 stop, which provided a series of «horned trapezoids» and Beshbulak 15 similar stop (Черников, 1956, p. 43-60). In relation to other aspects these complexes are rather peculiar.

Finally, Oyukly monument located in the southeast Pricaspian region is known on the territory of Central Asia (Марков, 1961, p. 68).

In the 70s the stops that provided a series of trapezoids with notch, chisels and other types were discovered by E. Bizhanov in Ustyurt (Бижанов, 1973, p. 210-211; Бижанов, 1978, p. 18).

In South Ural, which is rather well studied, also no monuments, which could allow having the material similar to the sets of items of the Early Neolithic Atbassar culture, have been known so far.

At the late stage of Atbassar culture and in the Middle Neolith the cultural environment was somewhat different. The culture defined by us had changed, Yavlenskiy variant prevailed.

It's difficult to explain the changes observed in the flint stock at the point by one reason only. But, obviously, the internal reasons - development of production forces of the society dominated the process.

The particularity of the late stage of Atbassar culture is occurrence of archaic types of flint items in some monuments (Vinogradovka X village) - plates with a blunted back side and a retouched

butt end most typical of the Late Mesolith of North Kazakhstan. The proportion of osteological material and products of animal bones in the collections of the Middle Neolith had considerably increased.

The number of pottery items represented in the described complexes, is small and they are unexpressive as before, thin-sided with admixture of gravel, vegetable remainders and sand. They are of a round bottom or ovate form, the ornament is poor - «a striding comb pattern», a comb zigzag, pressed lines or pressed points.

The monuments of that time located within North Kazakhstan ethnic and cultural area are rather peculiar, like Early Paleolithic monuments, on the background of surrounding areas. Though, some similarity in raw material, typology of tools and pottery between the areas of North Kazakhstan and the West Siberia is observed. The most interesting monument, which was excavated in Tyumen Priishimye is Kokuy I stop. The authors of the excavations connect it to Yekaterinin and Omsk stops' pottery. The pottery occurs in a complex with flint tool; the authors supposed that the origin of the pottery as well as the flint items was southwards of Tyumen Priishimye. Our materials confirm the suggestions of V. F. Gering, L. Y. Krizhevskaya, R. D. Goldina, who dated the monuments of Kokuy I type the end of V-IV millennium B.C.

The tools of Kokuy I stop are similar to the materials of Yavlenka IV, V, Vinogradovka X, Zhabay-Pokrovka III and other monuments in all main characteristics – the raw material, technology of cutting, typology and morphology.

The similarity of tool items and close location of the areas, where the objects were discovered, allow raising an issue on cultural unity of monuments at the early stage of Middle -Irtysh culture and the late stage of Atbassar culture. Such similarity may be explained by two reasons: 1) active interaction (cultural and ethnic) of the population of two regions located in a common river valley, which made it easier to have relations all round year; 2) the result of meridian migration of the population of North Kazakhstan along main watercourses of steppe and partially wooded steppe areas of Kazakhstan to the north

edge of the partially wooded steppe of the West Siberia. In the first case the monuments should be considered to be multicultural monuments from the archeological point of view, in the second case – monoculture monuments. We would like to consider the second reason, since the relationship of the population that left Kokuy monuments, with aboriginal Tobol-Isset basin archeologically is less expressed than that of the Ishim basin.

In the west of North Kazakhstan ethnic and cultural area the materials of the monuments of Yavlensk variant are not similar to complexes, compared to Tyumen Priishimye area.

At present, a great number of monuments studied through excavations are known in South Ural verging on Pritobolye in the east. These are Chebarkul 1-y, Uchalinskaya I, Sabakty 6, Surtandy 6 and other stops (Крижевская, 1968, p. 69); Матюшин, 1962, p. 95).

We collated them on the source forms of stockpile items, the size and a set of monuments of Yavlenskiy type of Atbassar culture and South-Ural stops explored by L. Y. Krizhevskaya and published in her monographs «Neolith of South Ural».

The South-Ural Middle Neolithic monuments represent a specific cultural group with expressed plate industry having a number of general properties similar to Kazakhstan Neolith. Probably, the similarity concerns not the level of south-Ural-Kazakhstan group, but the notion of the common cultural zone.

At present, the similarity between the monuments of Central-Kazakhstan and East-Kazakhstan is poorly expressed; it's difficult to compare the complexes, since there are no well excavated one-layered monuments.

So, summarizing the results of the collation of the Middle-Neolithic monuments of Atbassar culture with the surrounding areas of the republic, it should be noted that the collations is of conditional nature.

When comparing with the areas of the West Siberia and Ural significant particularity of Kazakhstan and Ural monuments corresponding to the level of archeological culture occurs. The issue on the relation of the Neolith of Kazakhstan and Central Asia is the most complicated and

undeveloped. At present, there is some Data, which is difficult to explain from any certain point of view (autochthonic or migrational).

In the Late Neolith-Eneolith area production means were further developing on the basis of Yavlenskiy variant within the North Kazakhstan ethnic and cultural. The process of active introduction the technology of double-sided processing of stone and polishing occurred at that time. Also, it is characterized by changing of raw material - qualitative jasper-like rocks were substituted by large-granular quartzite. The plate technology remained, but it didn't play that the key role as in previous epochs. The available archeological material shows its homogeneity on the country territory under study. Two clear variants of Atbassar culture are observed in the Early Neolith, the Late Neolith is characterized by lack of these variants and homogeneity of technology and the set in the vast area beyond the boundaries of the Tobol-Irtysh interfluvial area.

Judging by archeological literature, such a trend in changing of labor tools and pottery occurred in the vast partially wooded steppe and semi-desert areas of Asia including the North Kazakhstan ethnic and cultural area. Within the boundaries of the vast microlithic cultural zone of the Eurasian partially wooded steppe in the Late Mesolith and the Early Neolith it was only a background for forming of local ethnic groups, in the Late Neolith and particularly in Eneolith we may speak about large cultural-historical groups, formed in the area, that, probably, were united not only by similar economic platform (development of production economy), but also by ethnic and social relations.

It became possible to raise an issue on the origin of the Neolith of North Kazakhstan only after Mesolithic monuments had been discovered and studied in the region and surrounding areas of Zauralye and the West Siberia (Петров, 1973, p. 11).

Main differences and receivership in the industry of Mesolithic and Neolithic epochs. In the Early Neolith in contrast with the Mesolith the nature of raw material becomes stable. In Mesolith monuments varied raw material - from flint to milk-colored quartzite occurred, in the

in the Neolith mainly grey or reddish jasper-like rock was used. However, no significant changes occurred in the technology of cutting. In the Neolith nucleuses were prismatic, cone-shaped and pencil-shaped, except wedge-shaped ones, which were broadly distributed in the Mesolith. Receivership also occurred in the nature of the use of stockpile items. A set of tools of Neolithic collections also reflects the relationship with the preceding Mesolithic epoch and appearance of new forms due to economic requirements in a new historical stage. In Neolith the technology of chisel splintering and marginal retouching of plates became anew developed. The Early Neolithic tools were represented by lateral, angular chisels originated from the Upper Paleolith, plates with notch at a butt end, arrowheads on plates, trapezoids, sweeps, edge planes and other items.

The technology of double-sided press retouching based on bifacial technology of beating over used in the Paleolith and Mesolith was new. The Central to building This line of the development of flint industry from the Mesolith to the Eneolith was designed based on field stratigraphic observations by the author.

Our observations and conclusions of soil-science specialists are fully in line with the Scale designed for Eurasia (Нейштадт, 1969, p. 5-12).

So, we may speak about the formed Atbassar Neolithic culture of North Kazakhstan on local Mesolithic basis. It should be noted that in this case the term «local» means not only North Kazakhstan, but also the nearest areas of Zauralye, the West Siberia and Kazakhstan with similar landscape and climatic conditions.

Experience in traceological analysis of artifacts. In the last quarter of the past millennium the archeological science was signified by enormous accumulation of material finds and scientific knowledge. Thousands of archeological objects related to various periods of ancient history have been discovered on the territory of Kazakhstan and hundreds of them have been studied for the last decades.

Archeological works in North Kazakhstan have shown the prospect of studies and great scientific value of excavations of ancient finds in the area. The successful study of the Stone Age

of North Kazakhstan has allowed V.F.Zaibert developing the periodization and chronology of Mesolith and Neolith monuments of the Tobol-Irtys interfluvial area, and stationary works on Botay Settlement and other Eneolithic objects have raised an issue on the appearance of integrated production economy based on horse-breeding in the partially wooded steppe zone.

When solving the issues of chronological and typological-statistical nature of the Stone Age, the issues of economic nature appeared on the agenda. It is impossible to solve this aspect of the general historical problem of the primitive epoch without attraction the data of natural science subjects including the experimental-traceological method of artifact study.

The author of the work put the task on solution the issues on economy of ancient tribes of North Kazakhstan in the Mesolith and the Neolith. The subject of study was the materials of excavation of Atbassar culture monuments. The archeological works were conducted and the excavation materials were processed under the direction or participation of the author practically on all objects.

The territory of the microregion under study occupies a partially wooded steppe area, which was favorable both during appropriation economy and during formation and development of production economy forms. The animals, particularly, large ungulate, in wild nature and later in domestication conditions successfully used vertical zone conditions of Kazakhstan upland and partially wooded landscape with birch and aspen clumps of woods that secured vegetable biomass for animals all the year round.

The river network of the Ishim basin and numerous former riverbed and watershed lakes with rich fish stock allowed replenishing the food ration of ancient population. On the territory of North Kazakhstan there was sufficient fresh water stock for people and animals as well as to meet any domestic and economic needs.

The material accumulated from the monuments of the Stone Age of North Kazakhstan represents a set of labor tools and production wastes, mainly of Kazakhstan jasper-quartzite rock, schist, sandstone and granite. All collections

(several thousand units), including labor tool production wastes, were traceologically analyzed to clarify the functions of separate tools and reconstruct separate production and economy of ancient population as a whole.

As a result of traceological studies of artifacts the original functionality of labor tools was identified. This data was used to define economic complexes and separate production activities on the stops. The subdivision of objects into long-term, base settlement, temporary and seasonal stops as well as workshop stops to process material and make labor tools was confirmed.

General characteristic of economic activity of the ancient population of Mesolith and Neolith was defined by means of functional analysis. It was interesting to observe that within the framework of hunting and fishing activity pattern of production prevalence of hunting or fishing was identified at separate stops. So, specialization of economic functions of separate human groups inhabiting that or other stops began developing in the Early Holocene already.

The results of functional analysis of labor tools were checked in the conditions of archeological expedition through the method of modeling of separate operations and production activities; similar jasper-quartzite rock was used for that. The materials of monuments related to complexes of different Neolith and Mesolith stages (Vinogradovka II, Telmana XII, XIV, Yavlenka II, Zhabay-Pokrovka I) were taken as a basis. The results of traceological study of the collection of Botay Settlement, conducted by G.F.Korobkova were used for summarizing the material.

As a result of studies the new data on economic activity of the tribes of North Kazakhstan of the Mesolith and the Neolith period is introduced into scientific use. The main activity areas and findings of the work were presented at the meetings at experimental-traceological laboratory of Saint Petersburg Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, at reporting meetings at the Ural branch of the Institute Archeology of the Russian Academy of Sciences, at regional and international conferences in Orenburg, Petropavlovsk, Chelyabinsk, at reporting meetings at the Institute of Archeology

of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan and reflected in published articles and notes of the author.

Conclusion. More than 300 objects of the Stone Age, the major number of which relates to the Neolith have been discovered by the employees of North-Kazakhstan and Kokshetau archeological expedition under the leadership of V.F. Zaibert within North-Kazakhstan and Akmolinsk regions in the period of 1967-2011. A practically unexplored region of North Kazakhstan has become one of the most studied in Eurasia owing to archeologists-specialists from Petropavlovsk and Kokshetau. Multifunction of objects (settlements, workshops, stops and sites) has been defined based on broad stationary excavations of monuments. The collation of stratigraphy, planigraphy and typology data in the studied microregions has allowed developing periodization and determining the chronology of the Neolith of North Kazakhstan within the framework of Atbassar culture. Three periods – the Early, the Middle and the Late Neolith have been defined. The beginning pertains to VI millennium, the end - to III millennium BC.

The studied area of North Kazakhstan may be virtually included into a conditional microlithic cultural zone of Eurasia (according to A. A. Formozov) as North-Kazakhstan ethnic and cultural area. The Atbassar culture and its two variants - Telman and Yavlen have been defined within it. The Botay culture, which is in our point of view one of the horse breeding cultures of that time and the basis of preandronov substrata on the territory of Eurasia, was formed on the basis on this culture in the Late Neolith –Eneolith.

The authors consider that North-Kazakhstan's Neolith was formed on local Mesolithic basis that, really, does not exclude certain mutual contacts of the population and innovations coming from the surrounding areas during the Late Mesolith and Early Neolith.

It should be emphasized that the issues raised during the work and solved to certain extent have been actual and of interest for many years.

The problems directly connected with reconstruction of cultural genesis, social structure and world outlook of ancient population of the steppe area of Kazakhstan are on the agenda.

At the present stage the study of North Kazakhstan, considering the nature of studied monuments (their compact location within narrow microregions, functional significance of objects and a variety of stone tools) allows defining a high role of technologies in activation of life support system production and changing of personal and social-public psychology of archeological culture carriers.

So, for instance, judging by the topography of the monuments, the Neolithic population of North Kazakhstan located in the Ishim River basin characterized by certain microclimate in contrast with the surrounding steppe. A settled way of life was typical of settlement areas in river valleys. Depending on the season of the year and production needs, the population moved from one region to another. They moved mainly in the meridian direction owing to extensive natural resources use economy. The nature of material remainders and studied objects are indicative of production integration within primitive groups (according to the results of trassological studies). Particularly, it is demonstrated on the example of the workshops. The last ones were seasonal, visited by ancient craftsmen. Serial occurrence of various tool stocks (scrapers, knives, edge planes and arrow heads) are indicative not only of fabrication of tools, but also of intensive labor activity related to primary processing of hunting and fishing products.

A varied set of tools and instruments occurs at the settlements. This is a great number of scrapers, knives, cutters, sweeps, edge planes and insert details of tools. For instance, more than 700 scrapers on plates, moreover of different blade configuration - from round to figured forms, have been found at Telman X settlement. Serial occurrence of certain tool types is indicative of a variety of production operations. Supposedly, that was preconditioned also by the need in tanning of a great number of animal hides, moreover comparatively regularly supplied. It has been also confirmed by trassological analysis of tools. In this connection the facts of animal bone finds in the cultural layer of Neolithic monuments are of interest. Their bad condition and fragmentary nature of them does not allow providing more detailed morphological characteristic.

The specified facts, obviously, reflect an initial stage of animal domestication in the form of taming that turned to classical domestication and organization of the activity on selection of certain animal breeds, whether the horse, cattle or sheep. We consider that this issue has been raised in due time, since serial occurrence of tool stocks for processing of stock-breeding products and an extended area of the settlements indicative of a settled way of life may be explained in the light of this hypothesis. Stratigraphic and planigraphic observations at Botay settlement allow speaking about interconnection of Botay settlers in the Neolith and the Eneolith. Genetically, such connection or cultural relationship will be defined in future studies.

So, we may consider that during several millenniums the Neolithic population of partially wooded steppe Eurasia was not only adapting to the environment (we may see that on the example of extensive fishing and hunting development due to regional-meridian migration), but also active interaction of the society and the nature is observed. As a result of that a producing economy was formed and ethnic and social structure of the society had changed.

В пределах Северо-Казахстанской, Акмолинской областей в 1967–2011 гг. сотрудниками Северо-Казахстанской и Кокшетауской археологических экспедиций под руководством В.Ф. Зайберта в разные годы открыто и исследовано более 300 объектов каменного века, большая часть которых относится к неолиту. Благодаря археологам-специалистам Петропавловска и Кокшетау практически неизученный регион Северного Казахстана превратился в один из самых исследованных в Евразии. На базе широких стационарных раскопок памятников выявлена полифункциональность объектов (поселения, мастерские, стоянки, местонахождения). Сопоставление данных стратиграфии, планиграфии и типологии в изученных микрорайонах позволило разработать периодизацию и наметить хронологию неолита Северного Казахстана в рамках атбасарской культуры. Выделено три периода – ранний, средний, поздний неолит. Начало относится к VI тыс., финал – к III тыс. до н.э.

Исследованная территория Северного Казахстана может быть виртуально включена в условную микролитическую культурную зону Евразии (по А.А. Формозову) как Северо-Казахстанская этнокультурная область. Внутри нее выделена атбасарская культура и ее два варианта – тельманский и явленский. На основе этой культуры в позднем неолите – энеолите происходит сложение ботайской культуры, представляющей, на наш взгляд, одну из коневодческих культур этого времени на территории Евразии и явившейся основой предандроновского субстрата.

Авторы считают, что североказахстанский неолит складывается на местной мезолитической основе, что, естественно, не исключает определенных взаимных контактов населения и инноваций с сопредельных территорий на протяжении позднего мезолита и раннего неолита.

Следует подчеркнуть, что поставленные в работе и в определенной степени решенные вопросы на протяжении многих лет исследований были актуальными и востребованными. На повестку дня ставятся проблемы, непо-

средственно связанные с реконструкцией культурогенеза, социальной структурой и мировоззрением древнего населения степной зоны Казахстана.

На настоящем этапе исследования Северного Казахстана, учитывая характер изученных памятников (их компактное расположение в пределах узких микрорайонов, функциональная направленность объектов, разнообразие каменного инвентаря), можно говорить о важной роли технологий в активизации производства систем жизнеобеспечения и изменении личностной и социально-общественной психологии носителей археологических культур. Так, судя по топографии памятников, неолитическое население Северного Казахстана обитало в основном в бассейне Ишима, где создавался определенный микроклимат, более благоприятный по сравнению с окружающей степью. В неолите наблюдалась значительная оседлость в пределах конкретных зон обитаний, которыми являлись долины рек. В зависимости от времени года и производственной необходимости население переходило из одного района в другой. Подвижка происходила преимущественно в меридиональном направлении, что объясняется экстенсивностью присваивающего хозяйства. Характер материальных остатков и самих исследованных объектов свидетельствует о производственной интеграции внутри первобытных коллективов (результаты трасологических исследований). Особенно наглядно это видно на примерах мастерских, которые были сезонными, в них работали древние мастера. Серийность различного инвентаря (скребки, ножи, скобели, наконечники стрел) свидетельствует не только об изготовлении орудий, но и об активной трудовой деятельности, связанной с первичной обработкой продуктов охоты и рыболовства.

На поселениях обнаружен разнообразный набор орудий и инструментов. Это большое количество скребков, ножей, резцов, разверток, скобелей, деталей вкладышевых инструментов. Например, на поселении Тельмана X найдено более 700 скребков на пластинах, причем с различной конфигурацией лезвий –

от округлого до фигурного. Серийность определенных типов орудий косвенно указывает на разнообразие производственных операций. И можно предполагать, что это обусловлено также необходимостью обработки больших партий шкур животных, причем поступающих довольно стабильно. Это подтверждается и трасологическим анализом орудий. В этой связи интересны находки в культурном слое неолитических памятников костей животных. Их плохая сохранность и фрагментарность затрудняют более подробную морфологическую характеристику.

Указанные факты отражают, видимо, начальный этап одомашнивания животных в форме приручения, переросшего в классическую domestикацию и организацию деятельности по формированию определенных пород животных, будь то лошадь, крупно- или мелкогоратый скот. Думается, что постановка этой проблемы вполне своевременна, ибо в разрезе данной гипотезы находит объяснение серийность инвентаря для обработки продуктов животноводства, внушительная площадь самих поселений, свидетельствующих об оседлости. Имеются стратиграфические и планиграфические наблюдения на поселении Ботай, доказывающие взаимосвязь ботайского населения в эпоху неолита и энеолита. Генетическая ли это связь или культурная – будет определяться в будущих исследованиях.

Таким образом, можно утверждать, что на протяжении нескольких тысячелетий у неолитического населения лесостепной Евразии происходила не только адаптация к окружающей среде (это мы видим на примере экстенсивного развития рыболовства и охоты за счет регионально-меридиональных миграций), но и активное взаимодействие человеческой среды и природы, в результате которого появляется производящая экономика и изменяется этносоциальная структура самого общества.

1. А – Явленский; Б – Виноградовский; В – Тельманский; Г – Акканский; Д – Кургалъджинский микрорайоны. I – раскопанные; II – обследованные памятники

А – Явленка; Б – Виноградовка; В – Тельман; Г – Аққан; Д – Қорғалжын ауданы. I – қазылған; II – зерттелген ескерткіштер

А – Yavlenka; Б – Vinogradovka; В – Telman; Г – Akkan; Д – Kurgalzhin micro-regions. I – excavated; II – examined monuments

2, 3. Общий вид долины р. Ишим у с. Явленка
Есіл өзенінің Явленка а. жанындағы жалпы көрінісі
General view of the Ishim Rivervalley

4. Северо-восточная окраина с. Явленка. Вид на памятники
Солтүстік шығыстағы Явленка а. шет аймағы.
Ескерткіштерге көрініс
Northeast outskirts of Yavlenka village. View of the monuments

5. Долина р. Ишим
Есіл өзенінің алқабы
The Ishim River valley

6–15. Общий вид долины р. Ишим у с. Явленка
Явленка а. Есіл өзені алқабының жалпы көрінісі
The General view of the Ishim River valley at Yavlenkavil

16–19. Памятники в окрестности с. Бишкуль
Бишкуль а. аймағының ескерткіштері
Monuments in outskirts of Bishkulvil

20–24. Долина р. Ишим у с. Подгорное
Подгорное а. маныңдағы Есіл өзені алқабы
The Ishim River valley at Podgornoyevil

25, 26. Долина р. Ишим у с. Боголюбово
Боголюбово а. маныңдағы Есіл өзені алқабы
The Ishim River valley at Bogolyubovovil

27. Долина р. Ишим у с. Красногорка
Красногорка а. маныңдағы Есіл өзені алқабы
The Ishim River valley at Krasnogorka vil

28, 29. Долина р. Ишим у с. Семипалатное
Семипалатное а. маныңдағы Есіл өзені алқабы
The Ishim River valley at Semipalatnoyevil

30. Общий план стоянок у с. Явленка: I – обрыв; 2 – раскопы; 3 – лесопосадки; 4 – район распространения находок; 5 – дорога; 6 – шоссе. I – пос. Явленка I; II – пос. Явленка II; III – Явленка III; IV – Явленка IV; V – Явленка V; VI – Явленка VI; VII – Явленка VII
Явленка а. маныңдағы тұрақтардың жалпы жоспары: I – жармас; 2 – жер қазу жұмыстары; 3 – егпе ағаштар;

4 – ескерткіштердің таралу аймағы; 5 – жол; 6 – тас жол.
I – Явленка; II – Явленка II, III – Явленка III; IV – Явленка IV; V – Явленка V; VI – Явленка VI; VII – Явленка VII
General plan of sites near Yavlenka vil. 1 – cliff; 2 – excavations; 3 – forest plantations; 4 – district of findings location; 5 – road; 6 – highway; I – Yavlenka vil.; II – Yavlenka II vil., III – Yavlenka III vil., IV – Yavlenka IV vil., V – Yavlenka V, VI – Yavlenka VI vil.; VII – Yavlenka VII vil

31. Момент раскопок стоянки Явленка VI
Явленка VI тұрағында қазба жұмыстары
The moment of site excavation Yavlenka VI

32. Стратиграфия памятников у с. Явленка: I – Явленка III; 2 – Явленка IV; 3 – Явленка V: а – гумус; б – серый гумусированный суглинок; в – темный гумусированный суглинок; г – материк; д – супесь; 4 – Явленка VII
Явленка а. маныңдағы ескерткіштердің стратиграфиясы: 1 – Явленка III; 2 – Явленка IV; 3 – Явленка V; а – гумус; б – сұр түсті балиықты жер; в – қараширікті сазды топырақ; г – құрлық; д – құмды қыртыс; 4 – Явленка VII
Stratigraphy of monuments near Yavlenka vil.: 1 – Yavlenka III; 2 – Yavlenka IV; 3 – Yavlenka V; а – humus; б – grey humus loam; в – dark humus loam; г – subsoil; д – sandy loam; 4 – Yavlenka VII

33. Кремневые изделия: 1–5 – Явленка III; 6, 7 – Рассвет I; 8, 9 – Бирлик II; 10–12 – Карлуга III
Шақпақ тастан жасалған бұйымдар: 1–5 – Явленка III; 6, 7 – Рассвет I; 8, 9 – Бірлік II; 10–12 – Карлуга III
Pottery: 1–5 – Yavlenka III; 6, 7 – Rassvet I; 8, 9 – Birluk II; 10–12 – Karluga III

34. Стоянка Явленка IV
Явленка IV тұрағы
Yavlenka IV site

35. Кремневые изделия памятников: 1, 3, 4 – Карлуга III; 2 – Боголюбово VI; 5–12 – Ильинка II; 13–16 – Куприяновка I; 17, 18 – Боголюбово II; 19, 20 – Еңбек I; 21–30 – Явленка V
Шақпақ тастан жасалған бұйымдар; 1, 3, 4 – Карлуга III; 2 – Боголюбово VI; 5–12 – Ильинка II; 13–16 – Куприяновка; 17, 18 – Боголюбово II; 19, 20 – Еңбек I; 21–30 – Явленка V
Flint items at the monuments: 1, 3, 4 – Karluga III; 2 – Bogolyubovo VI; 5–12 – Ilinka II; 13–16 – Kupriyanovka; 17, 18 – Bogolyubovo II; 19, 20 – Enbek I; 21–30 – Yavlenka V

36. Стоянка Явленка VI. План раскопа: I – гумусированный суглинок; 2 – гумус
Явленка VI тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары: I – қараширікті сазды топырақ; 2 – гумус
Yavlenka site VI. Plan of excavation: I – humused loam soil; 2 – humus

37. Стоянка Явленка VI. Кремневые изделия Явленка VI тұрағы. Шақпақ тастан жасалған бұйымдар
Yavlenka site VI. Flint items
38. Нож
Пышақ
A chopper
39. Стоянка Явленка VII
Явленка VII тұрағы
Yavlenka VII site
- 40–49. Виноградовский микрорайон. Общий вид Виноградовский ықшамауданының. Жалпы көрінісі
Vinogradovskiy micro-region. General view
50. Стоянка Тендык I
Теңдік I тұрағы
Tendyk I site
51. Стоянка Троицкое I
Троицкое I тұрағы
Troitskoye I site
52. Стоянка Тендык IV
Теңдік IV тұрағы
Tendyk IV site
53. Стоянка Виноградовка II
Виноградовка II тұрағы
Vinogradovka II site
54. Вскрытие культурного слоя стоянки Виноградовка II Виноградовка II тұрағының мәдени қабатының ашылуы
Opening of cultural stratum of Vinogradovka II site
55. Стратиграфия стоянки Виноградовка II Виноградовка II тұрағының стратиграфиясы
Stratigraphy of Vinogradovka II site
56. Стратиграфия стоянки Виноградовка II Виноградовка II тұрағының стратиграфиясы
Stratigraphy of Vinogradovka II site
57. Стоянка Виноградовка II. План раскопа Виноградовка II. Қазба жұмысының жоспары
Vinogradovka II site. An excavation plan
58. Стоянка Виноградовка II. Раскоп I. Профили восточных бровок Виноградовка II тұрағы. I-қазба. Шығыс кесіндінің көрінісі
Vinogradovka II site. Excavation I. Profiles of eastern edges
59. Стоянка Виноградовка II. Профили южных бровок Виноградовка II тұрағы. Оңтүстік кесіндінің көрінісі
Vinogradovka II site. Profiles of southern edges
60. Нуклеусы
Нуклеустер
Nucleuses
61. Стоянка Виноградовка II. Раскоп I Виноградовка II тұрағы. Қазба I
Vinogradovka II site. Excavation I
62. Стоянка Виноградовка II. Пластины Виноградовка II тұрағы. Пластиналар
Vinogradovka II site. Plates
63. Пластины без вторичной обработки Өңделмеген пластиналар
Unprocessed plates
64. Стоянка Виноградовка II. Раскоп I (верхний слой): 1–27, 29, 30 – пластины с ретушью; 28, 55 – с притупленной спинкой; 31–42 – угловые резцы; 43–49, 51, 52, 54 – с торцевой ретушью; 50 – с торцевой выемкой; 53 – параллелограмм; 56 – скобель; 57–59 – скребки; 60–64 – отщепы с ретушью
Виноградовка II тұрағы. I-қазба (беткі қабаты) 1–27, 29, 30 – ретушті пластиналар; 28, 55 – үсті мұқалған; 31–42 – бұрыштық фреза; 43–49, 51, 52, 54 – ретушь қыры; 50 – қыры ойынқы; 53 – параллелограмм; 56 – қырғыш; 57–59 – қырғыштар; 60–64 – ретуштелген жаңқалар
Vinogradovka II site. Excavation I (the upper stratum) 1 – 27, 29, 30 – retouching plates; 28, 55 – with a bluntback side; 31–42 – angular cutter; 43–49, 51, 52, 54 – butt-ended retouch; 50 – butt-ended notch; 53 – parallelogram; 56 – scraper; 57–59 – scratchers; 60–64 – retouched slivers
65. Стоянка Виноградовка II: 1–43, 47 – пластины; 44–46 – отщепы
Виноградовка II тұрағы: 1–43, 47 – пластиналар, 44–46 – жаңқалар
Vinogradovka II site: 1–43, 47 – plates, 44–46 – slivers
66. Пластины с ретушью
Өңделген пластиналар
Retouched plates
67. Скребки
Қырғыштар
Cutters
68. Резцы угловые
Бұрышты кескіштер
Edged cutter

69. Пластины с торцевой обработкой
Қыры өңделген пластиналар
Butt-end processed plates

70. Отщепы
Жаңқалар
Slivers

71. Пластины без вторичной обработки
Өңделмеген пластиналар
Unprocessed plates

72. Поселение Виноградовка X
Виноградовка X қонысы
Vinogradovka X settlement

73. Поселение Виноградовка X. Вскрытие культурного
слоя
Виноградовка X қонысы. Мәдени қабаттың ашылуы
Vinogradovka X settlement. Opening of cultural stratum

74. Поселение Виноградовка X. Профили северных бровок
Виноградовка X қонысы. Солтүстік кесіндінің көрінісі
Vinogradovka X settlement. Profiles of northern edges

75. Поселение Виноградовка X. Раскоп после зачистки
Виноградовка X қонысы. Тазалаудан кейінгі қазбалар
Vinogradovka X settlement. Excavation after cleaning

76. Поселение Виноградовка X. План раскопа
Виноградовка қонысы X. Қазба жұмыстарының жоспа-
ры
Vinogradovka X settlement. An excavation plan

77. Поселение Виноградовка X. План раскопа
Виноградовка X қонысы. Қазба жұмыстарының жоспа-
ры
Vinogradovka X settlement. Plan of excavation

78. Поселение Виноградовка X. Нуклеусы
Виноградовка X қонысы. Нуклеустер
Vinogradovka X settlement. Nucleuses

79. Поселение Виноградовка X. Нуклеусы
Виноградовка X қонысы. Нуклеустер
Vinogradovka X settlement. Nucleuses

80. Поселение Виноградовка X. Пластины с ретушью
Виноградовка X қонысы. Өңделген пластиналар
Vinogradovka settlement X. Retouched plates

81. Поселение Виноградовка X: 1, 2, 4 – отщепы с рету-
шью; 3, 5 – скобели; 6, 7, 10 – скребки; 8, 9 – пластины с
ретушью
Виноградовка X қонысы. 1, 2, 4 – өңделген жаңқалар;

3, 5 – қырғылар; 6, 7, 10 – қырғыштар; 8, 9 – өңделген
жаңқалар
The Vinogradovka X settlement: 1, 2, 4 – retouched slivers; 3,
5 – drawing knife; 6, 7, 10 – scrapers; 8, 9 – retouched plates

82. Кремневый материал
Шақпақты материал
Flint items

83. Поселение Виноградовка X. Пластины с ретушью
Виноградовка X қонысы. Өңделген жаңқалар
Vinogradovka X settlement. Retouched plates

84. Поселение Виноградовка X: 1–26 – скребки; 27–30 –
пластины со скошенным краем
Виноградовка X қонысы: 1–26 – қырғыштар; 27–30 –
шабылған шеті бар жаңқалар
Vinogradovka X settlement: 1–26 – scrapers; 27–30 – plates

85. Поселение Виноградовка X: 1, 2 – пластины с торце-
вой выемкой; 3–5 – пластины с торцевой ретушью; 6–13
– угловые резцы; 14, 15, 17, 19 – резчики; 16, 18 – скобели;
20 – наконечники; 21–23 – трапеции
Виноградовка X қонысы: 1, 2 – қыры бар пластиналар;
3–5 – қыры бар пластиналар бұрышты кескіш; 6–13 –
бұрышты кескіштер; 14, 15, 17, 19 – оюшылар; 16, 18 –
қырғылар; 20 – ұштықтар; 21–23 – трапециялар
Vinogradovka X settlement: 1, 2 – plates with end notch, 6–13
– angular cutters, 14, 15, 17, 19 – cutters. 16–18 – drawing
knives. 20 – heads, 21–23 – trapezoids

86. Пластины
Пластиналар
Plates

87. Пластины
Пластиналар
Plates

88. Поселение Виноградовка X. Кремневый инвентарь
Виноградовка X қонысы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka X settlement. Flint tools

89. Поселение Виноградовка X. Кремневый инвентарь
Виноградовка X қонысы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka X settlement. Flint tools

90. Поселение Виноградовка X. Кремневый инвентарь
Виноградовка X қонысы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka X settlement. Flint tools

91. Поселение Виноградовка X: 1 – скребок; 2 – скобель;
3 – нож
Виноградовка X қонысы: 1 – қырғыш; 2 – қырғы; 3 –
пышақ

Vinogradovka X settlement: 1 – a scraper; 2 – a drawing knife; 3 – a knife

92. *Поселение Виноградовка X: 1 – топор; 2 – скобель Виноградовка X қонысы : 1 – балта; 2 – қырғы Vinogradovka X settlement: 1 – an ax; 2 – a drawing knife*

93. *Поселение Виноградовка X. Молот Виноградовка X қонысы. Балга The Vinogradovka settlement X. A hammer*

94. *Поселение Виноградовка X. Молот Виноградовка X қонысы. Балга Vinogradovka X settlement. A hammer*

95. *Поселение Виноградовка X. Костяные изделия Виноградовка X қонысы. Сүйектен жасалған бұйымдар Vinogradovka X settlement. Bone items*

96. *Стоянка Виноградовка XII Виноградовка XII тұрағы Vinogradovka XII site*

97. *Стоянки каменного века у с. Виноградовка Виноградовка а. маныңдағы тас жасыры тұрақтары Stops of the Stone Age near Vinogradovka vil*

98. *Стоянка Виноградовка XIII Виноградовка XIII тұрағы Vinogradovka site XIII*

99. *Момент зачистки Тазалау сәті The moment of scraping*

100. *Стоянка Виноградовка XIII. Профили северных бровок Виноградовка XIII тұрағы. Солтүстік кесіндінің көрінісі Vinogradovka XII site. Profiles of north edges*

101. *Стоянка Виноградовка XIII. Профили северных бровок Виноградовка XIII тұрағы. Солтүстік кесіндінің көрінісі Vinogradovka XII site. The north borders profiles*

102. *Стоянка Виноградовка XIII. План раскопа Виноградовка XIII тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XII site. An excavation plan*

103. *Стоянка Виноградовка XIII. План раскопа Виноградовка XIII тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XII site. An excavation plan*

104. *Стоянка Виноградовка XIII. План раскопа Виноградовка XIII тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XII site. An excavation plan*

105. *Стоянка Виноградовка XIII. План раскопа Виноградовка XIII тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XII site. An excavation plan*

106. *Разрезы ям Шұңқыр қиықтары Pit cuts*

107. *Поселение Виноградовка XIII. Кремневый инвентарь Виноградовка XIII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдықтары Vinogradovka XIII settlement. Flint tools*

108. *Поселение Виноградовка XIII. Кремневый инвентарь Виноградовка XIII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдықтары Vinogradovka XIII settlement. Flint tools*

109. *Стоянка Виноградовка XIV. Общій вид Виноградовка XIV тұрағы. Жалпы көрінісі Vinogradovka XIV site. General view*

110. *Вид раскопа стоянки Виноградовка XIV Виноградовка XIV тұрағы қазу жұмыстарының келбеті View of Vinogradovka XIV site excavation*

111. *Стоянка Виноградовка XIV. Общій план раскопа Виноградовка XIV тұрағы. Жалпы қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XIV site. A general excavation plan*

112. *Стоянка Виноградовка XIV. Профили северных бровок Виноградовка XIV тұрағы. Солтүстік кесіндінің көрінісі Vinogradovka XIV site. Profiles of north edges*

113. *Стоянка Виноградовка XIV. Профили северных бровок Виноградовка XIV тұрағы. Солтүстік кесіндінің көрінісі Vinogradovka XIV site. Profiles of north edges*

114. *Стратиграфия раскопа Қазу жұмысының стратиграфиясы Stratigraphy of an excavation site*

115. *Стоянка Виноградовка XIV. План раскопа Виноградовка XIV тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары Vinogradovka XIV site. An excavation plan*

116. Стоянка Виноградовка XIV. План раскопа
Виноградовка XIV тұрағы. Қазба жұмыстарының жоспары
Vinogradovka XIV site. An excavation plan

117. Стоянка Виноградовка XIV
Виноградовка XIV тұрағы
Vinogradovka XIV site

118. Стоянка Виноградовка XIV. План раскопа
Виноградовка XIV тұрағы. Қазба жоспарының кестесі
Vinogradovka XIV site. An excavation plan

119. Стоянка Виноградовка XIV
Виноградовка XIV тұрағы
Vinogradovka XIV site

120. Профиль ямы
Шұңқыр пішіні
A pit profile

121. План ямы
Шұңқыр жоспарының кестесі
A pit plan

122. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

123. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. The flint stock.

124. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

125. Нуклеусы
Нуклеустер
Nucleuses

126. Конические нуклеусы
Конусты нуклеустер
Conic nucleuses

127. Нуклеус
Нуклеус
Nucleus

128. Пластины
Пластиналар
Plates

129. Пластины
Пластиналар
Plates

130. Пластины
Пластиналар
Plates

131. Пластина с торцевой ретушью
Қыры өңделген пластиналар
The plate with end retouch

132. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

133. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

134. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка тұрағы XIV. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

135. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

136. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

137. Скрепки на пластине
Пластинадағы қырғыштар
Scrapers on plates

138. Концевой скребок на пластине
Пластинадағы ұштық қырғышы
An end scraper on a plate

139. Концевые скребки на пластине
Пластинадағы ұштық қырғыштар
End scrapers on plates

140. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flint tools

141. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV site. Flake implement

142. Стоянка Виноградовка XIV. Кремневый инвентарь
Виноградовка XIV тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Vinogradovka XIV Site. Flint tools

143. Резец
Кескіш
A cutter

144. Трапеция
Трапеция
A trapezoid
145. Наконечник
Ұштық
An arrow head
146. Пластины без ретуши
Өңделмеген пластиналар
Plates without retouch
147. Пластины без ретуши
Өңделмеген пластиналар
Plates without retouch
148. Отцепы
Жоңқалар
Slivers
149. Скобели
Қырғылар
Scrapers
150. Скрепки на отцепях
Жоңқадағы қырғыштар
Staples in slivers
151. Скрепки на отцепях
Жоңқадағы қырғыштар
Scrapers on slivers
152. Стоянка Виноградовка XIV. Керамика
Виноградовка XIV тұрағы. Қыш ыдыстар
Vinogradovka XIV site. Pottery
153. Керамика
Қыш ыдыстар
Pottery
154. Стоянка Виноградовка XV. Общій план
Виноградовка XV тұрағы. Жалпы жоспар
Vinogradovka XIV site. A general plan
155. Стоянка Виноградовка XV. План раскопа
Виноградовка XV тұрағы. Қазба жұмыстарының жо-
спары
Vinogradovka XV site. An excavation plan
156. Стоянка Виноградовка XV. Кремневый материал и
керамика
Виноградовка XV тұрағы. Шақпақты материал мен қыш
ыдыс
Vinogradovka XV site. Flint items and pottery
157. Общій вид территории мастерской Тельмана I
Тельман I шеберханасы аумағының жалпы көрінісі
The general view of Telman I workshop area
158. Мастерская Тельмана I. Нуклеусы
Тельман I шеберханасы. Нуклеустер
Telman I workshop. Nucleuses
159. Мастерская Тельмана I: 1–5 – сверла; 6–12, 14, 15 –
скребки; 13 – нуклеус; 16 – нож
Тельман I шеберханасы: 1–5 – бұрғылар; 6–12, 14, 15 –
қырғыштар; 13 – нуклеус; 16 – пышақ
Telman I workshop: 1–5 – drilling tools; 6–12, 14, 15 –
scrapers; 13 – nucleuses; 16 – a knife
160. Мастерская Тельмана I. Резцы: 1, 3, 4, 8, 11–14, 16–
19 – угловые; 5–7, 9, 10, 15 – боковые
Тельман I шеберханасы. Кескіштер: 1, 3, 4, 8, 11–14, 16–
19 – бұрыштық; 5–7, 9, 10, 15 – бүйірлік
Telman I workshop. Cutters: 1, 3, 4, 8, 11–14, 16–19 –
angular; 5–7, 9, 10, 15 – side
161. Мастерская Тельмана I: 1–20 – угловые резцы; 21 –
развертка
Тельман I шеберханасы: 1–20 – бұрыштық кескіштер;
21 – қашау
Telman I workshop: 1–20 – angular cutters; 21 – areamer
162. Мастерская Тельмана I. Скрепки на пластинах
Тельман I шеберханасы. Пластинадағы қырғыштар
Telman I workshop. Scrapers on plates
163. Мастерская Тельмана I: 2 – пластины со скошенным
краем; 3, 13, 14, 17, 18 – пластины с торцевой выемкой;
4, 5, 8, 19 – резчики; 6, 7, 12 – пластины с торцевой рету-
шью; 1–11, 15, 16 – скобели; 20 – нож
Тельман I шеберханасы: 2 – шеттері шабылған тілімше;
3, 13, 14, 17, 18 – кескіштер; 6, 7, 12 – өңделген пластина-
лар; 1–11, 15, 16 – қырғылар; 20 – пышақ
Telman I workshop: 2 – plates with a bevel edge; 3, 13, 14, 17,
18 – plates with an edge notch; 4, 5, 8, 19 – cutters; 6, 7, 12 –
plate with edge retouch; 1–11, 15, 16 – scrapers; 20 – a knife
164. Мастерская Тельмана I. Трапеции
Тельман I шеберханасы. Трапециялар
Telman I workshop. Trapezoids
165. Мастерская Тельмана I: 1–28 – наконечники; 29–37
– развертки
Тельман I шеберханасы: 1–28 – ұштықтар; 29–37 –
қашаулар
Telman I workshop: 1–28 – heads; 29–37 – reamers
166. Мастерская Тельмана I. Характер распределения
отцепов по размерам и горизонтам: А – чешуйки до I

см; Б – мелкие, 1–3 см; В – средние, 3–5 см; Г – крупные, 5–7 см. 1 – 0–10 см; 2 – 10–20 см; 3 – 20–30 см; 4 – 30–40 см
Тельман I шеберханасы. Қырғыштардың өлшемі мен мүмкіншілігі бойынша үлестіру сипаты: А – қабыршақ 1 см; Б – ұсақ, 1–3 см; В – орташа, 3–5 см; Г – үлкен, 5–7 см. 1 – 0–10 см; 2 – 10–20 см; 3 – 20–30 см; 4 – 30–40 см
Telman I workshop. The nature of sliver distribution in relation to size and horizons: A – scales to 1 cm, B – small, 1–3 cm; B – medium, 3–5 cm; Г – large, 5–7 cm. 1 – 0–10 cm; 2 – 10–20 cm; 3 – 20–30 cm; 4 – 30–40 cm

167. Мастерская Тельмана I: 1–3 – отбойники; 4 – топор
Тельман I шеберханасы. 1–3 – соққыштар; 4 – балта
Telman I workshop: 1–3 – a hammer-stone; 4 – an ax

168. Мастерская Тельмана I. Отбойники
Тельман шеберханасы I. Соққыштар
Telman I workshop. Hammer-stones

169. Мастерская Тельмана I. Плитка из песчаника
Тельман I шеберханасы. Құмдақтан жасалған плитка
Telman I workshop. A plate of sandstone

170. Мастерская Тельмана I. Керамика
Тельман шеберханасы I. Қыш ыдыстар
Telman I workshop. Pottery

171. Мастерская Тельмана I. Керамика
Тельман I шеберханасы. Қыш ыдыстар
Telman I workshop. Pottery

172. Общій план памятников у с. Тельмана: 1 – грунтовая дорога; 2 – территория распространения находок; 3 – жилищные впадины эпохи бронзы; 4 – раскопанные памятники; 5 – остатки казахских зимовий; 6 – старицы
Тельман ауылы маныңдағы ескерткіштердің жалпы жоспары: 1 – қара жол; 2 – табылған заттар аумағының өрісі; 3 – қола дәуірі кезеңінің тұрмыстық ойпаты; 4 – қазылған ескерткіштер; 5 – қазақтың қыстау қалдықтары; 6 – ескі арналар
A general view of monuments at Telman village: 1 – an earth road; 2 – the area of findings location; 3 – dwelling troughs of the Bronze Age; 4 – excavated monuments; 5 – remainders of Kazakh winter dwellings; 6 – former river beds

173. Стоянка Тельмана VII. Общій вид
Тельман VII қонысы. Жалпы көрінісі
Telman VII site. A general view

174. Стоянка Тельмана VII. Раскоп 2
Тельман VII қонысы. 2-қазба жұмыстары
Telman VII site. Excavation 2

175. Стоянка Тельмана VII. Нуклеусы
Тельман қонысы VII. Нуклеустер
Telman VII site. Nucleuses

176. Стоянка Тельмана VII. Кремневый материал
Тельман VII қонысы. Шақпақты материал
Telman VII site. Flint items

177. Нуклеусы
Нуклеустер
Nucleuses

178. Пластины с ретушью
Өңделген пластиналар
Plates with retouch

179. Отицепы
Жаңқалар
Slivers

180. Стоянка Тельмана VII. Отицепы со вторичной обработкой
Тельман VII қонысы. Екінші рет өңделген жаңқалар
Telman VII site. Secondary processed slivers

181. Стоянка Тельмана VIII. План и разрез ямы № 1
Тельман VIII қонысы. № 1 шұңқырдың жоспары мен қиығы
Telman VIII site. A plan and cut of pit № 1

182. Стоянка Тельмана VIII. Нуклеусы
Тельман VIII қонысы. Нуклеустер
Telman VIII site. Nucleuses

183. Стоянка Тельмана VIII. Пластины
Тельман VIII қонысы. Пластиналар
Telman VIII site. Plates

184. Стоянка Тельмана VIII. Керамика
Тельман VIII қонысы. Қыш ыдыстар
Telman site VIII. Pottery

185. Стоянка Тельмана VIII. Профили западных бровок
Тельман VIII қонысы. Батыс кесіндінің көрінісі
Telman VIII site. Profiles of west edges

186. Стоянка Тельмана VIII. Профили юго-западных бровок
Тельман VIII қонысы. Шығыс-батыс кесінділерінің көрінісі
Telman VIII site. Profiles of southwest edges

187. Стоянка Тельмана VIII. Профили юго-западных бровок
Тельман VIII қонысы. Шығыс-батыс кесінділерінің көрінісі
Telman VIII site. Profiles of south-west edges

188. Стоянка Тельмана VIII. Кремневый материал и керамика
Тельман VIII қонысы. Шақпақты материалдар мен қыш ыдысы
Telman VIII site. Flint items and pottery
189. Стоянка Тельмана VIII. Кремневый материал и керамика
Тельман VIII қонысы. Шақпақты материалдар мен қыш ыдысы
Telman VIII site. Flint items and pottery
190. Стоянка Тельмана IXa. Нуклеусы
Тельман IXa қонысы. Нуклеустер
Telman IXa site. Nucleuses
191. Пластины с ретушью
Өңделген пластиналар
Plates with retouch
192. Стоянка Тельмана IXa. Концевые скребки
Тельман IXa тұрағы. Ұштағы қырғыш
Telman IXa site. End scrapers
193. Скребки на пластинах
Пластинадағы қырғыштар
Scrapers on plates
194. Угловые резцы
Бұрыштық кескіштер
Angular cutters
195. Стоянка Тельмана IXб: 1-3 – пластины с ретушью; 4 – скребок; 5-9 – резцы на отщепенях
Тельман IXб қонысы: 1-3 – өңделген пластиналар; 4 – қырғыш; 5-9 – жаңқадағы кескіштер
Telman site IXб: 1-3 – plates with retouch; 4 – scrapers; 5-9 – cutters on slivers
196. Стоянка Тельмана IXб: 1-5 – скребки; 6 – нож; 7 – наконечник
Тельман IXб қонысы: 1-5 – қырғыштар; 6 – пышақ; 7 – ұштық
Telman IXб site: 1-5 – scrapers; 6 – a knife; 7 – a head
197. Поселение Тельмана X. Общій вид
Тельман X қонысы. Жалпы көрінісі
Telman X setting. General view
198. Поселение Тельмана X. Концентрация находок
Тельман X қонысы. Табылған заттарды топтау
Telman X settlement. Concentration of findings
199. Стратиграфия
Стратиграфия
Stratigraphy
200. Стратиграфия
Стратиграфия
Stratigraphy
201. Поселение Тельмана X: 1-5 – скребки; 6-13 – нуклеусы
Тельман X қонысы: 1-5 – қырғыштар; 6-13 – нуклеустер
Telman settlement X: 1-5 – scrapers; 6-13 – nucleuses
202. Поселение Тельмана X: 1 – нуклеус; 2 – молот
Тельман X қонысы: 1 – нуклеус; 2 – балға
Telman X settlement: 1 – a nucleus; 2 – a hammer
203. Поселение Тельмана X: 1 – нуклеус; 2, 3 – скребла
Тельман X қонысы: 1 – нуклеус; 2, 3 – қырғылар
Telman X settlement: 1 – a nucleus; 2, 3 – scrapers
204. Поселение Тельмана X. Нуклеус
Тельман X қонысы. Нуклеустер
Telman X settlement. A nucleus
205. Поселение Тельмана X: 1-15 – трапеции; 17-19, 21, 23, 27 – угловые резцы; 16, 20, 24-26, 28 – боковые резцы; 22 – пластина с торцевой ретушью; 29 – скребок; 30-32 – развертки; 33 – сверло; 34 – резчик; 35-40 – пластины с ретушью
Тельман X қонысы: 1-15 – трапециялар; 17-19, 21, 23, 27 – бұрыштық кескіштер; 16, 20, 24-26, 28 – бүйіріндегі кескіштер; 22 – қырлары өңделген пластиналар; 29 – қырғыш; 30-32 – қашаулар; 33 – бұрғы; 34 – кескіш; 35-40 – өңделген пластиналар
Telman settlement X: 1-15 – trapezoids; 17-19, 21, 23, 27 – angular cutters; 16, 20, 24-26, 28 – side cutters; 22 – a plate with end retouch; 29 – ascrafer; 30-32 – reamers; 33 – a drill; 34 – a cutter; 35-40 – plates with retouch
206. Пластины с ретушью
Өңделген пластиналар
Plates with retouch
207. Пластины с ретушью.
Өңделген пластиналар
Plates with retouch
208. Поселение Тельмана X. Скребки
Тельман X қонысы. Қырғыштар
Telman X settlement. Scrapers
209. Поселение Тельмана X. Скребки концевые
Тельман X қонысы. Ұшындағы қырғыштар
Telman X settlement. End scrapers
210. Скребки на пластинах
Пластинадағы қырғыштар
Scrapers on plates

211. Скребки на пластинах
Пластинадагы қырғыштар
Scrapers on plates

212. Поселение Тельмана X: 1–3, 6, 8, 9 – пластины со скошенным краем; 4, 5 – острья; 7, 11, 12 – сверла; 10, 13 – развертки; 14 – угловой резец; 16 – резчик; 15, 17, 18 – пластины с ретушью; 19, 22, 24 – боковые резцы; 20, 21, 23 – скобели

Тельман X қонысы: 1–3, 6, 8, 9 – шеті бүгілген пластиналар; 4, 5 – жүзі; 7, 11, 12 – бұрғылар; 10, 13 – қашаулар; 14 – бұрыштық кескіш; 16 – кескіш; 15, 17, 18 – өңделген пластиналар; 19, 22, 24 – бүйірлік кескіш; 20, 21, 23 – тұтқалар

The Telman X settlement: 1–3, 6, 8, 9 – plates with bevel edge; 4, 5 – point; 7, 11, 12 – drills; 10, 13 – reamers; 14 – an angular cutter; 16 – a cutter; 15, 17, 18 – plates with retouch; 19, 22, 24 – side cutters; 20, 21, 23 – scrapers

213. Поселение Тельмана X: 1–17 – трапеции; 18, 19, 22–31 – боковые резцы; 20, 32 – угловой резец; 21 – резчик
Тельман X қонысы: 1–17 – трапециялар; 18, 19, 22–31 – бүйірлік кескіштер; 20, 32 – бұрыштық кескіштер; 21 – кескіш

Telman X settlement: 1–17 – trapezoids; 18, 19, 22–31 – side cutters; 20, 32 – angular cutter; 21 – a cutter

214. Резцы угловые
Бұрыштық кескіштер
Side cutters

215. Резцы угловые
Бұрыштық кескіштер
Side cutters

216. Поселение Тельмана X: 1–10, 13 – скребки; 11 – ножи; 12, 14 – скобели
Тельман X қонысы: 1–10, 13 – қырғыштар; 11 – пышақ; 12, 14 – қырғыштың бастапқы түрі
Telman settlement X; 1–10, 13 – scrapers; 11 – knives; 12, 14 – drawing knives

217. Поселение Тельмана X: 1, 2, 4 – скребки; 3, 5, 6 – ножи
Тельман X қонысы: 1, 2, 4 – қырғыштар; 3, 5, 6 – пышақтар
Telman X settlement: 1, 2, 4 – scrapers; 3, 5, 6 – knives

218. Скребки
Қырғыштар
Scrapers

219. Скребки
Қырғыштар
Scrapers

220. Поселение Тельмана X: 1, 7–10 – наконечники; 2–6 – ножи; 11 – развертка; 12–14 – скребки
Тельман X қонысы: 1, 7–10 – ұштықтар; 2–6 – пышақ; 11 – қашау; 12–14 – қырғыштар
Telman X settlement; 1, 7–10 – heads; 2–6 – knives; 11 – reamer; 12–14 – scrapers

221. Поселение Тельмана XII. Кремневые орудия
Тельман XII қонысы. Шақпақты құрал-жабдық
Telman XII settlement. Flint tools

222. Керамика
Қыш ыдыстар
Pottery

223. Стоянка Тельмана XII
Тельман XII тұрағы
Telman XII site

224. Поселение Тельмана XII. Кремневые орудия
Тельман XII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Telman XII settlement. Flint tools

225. Поселение Тельмана XII. Кремневые орудия
Тельман XII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Telman XII settlement. Flint tools

226. Поселение Тельмана XII. Кремневые орудия
Тельман XII тұрағы. Шақпақты құрал-жабдық
Telman XII settlement. Flint tools

227. Стоянка Тельмана XII: 1–4 – поделки из кости; 5, 6 – керамика
Тельман XII тұрағы: 1–4 – сүйектен жасалған көшірме; 5, 6 – қыш ыдыстар
Telman XII site: 1–4 – Items of bone; 5, 6 – pottery

228. Стоянка Тельмана XIII
Тельман XIII тұрағы
Telman XIII site

229. Стоянка Тельмана XIII. Скопление находок
Тельман XIII тұрағы. Табылған заттар жиынтығы
Telman XIII site. Assemblage of finds

230. Стоянка Тельмана XII: 1–9, 16 – пластины с ретушью; 10 – резец; 11–15 – скребки; 17 – нуклеус; 18–21 – керамика
Тельман XII тұрағы. 1–9, 16 – өңделген пластиналар; 10 – кескіш; 11–15 – қырғыштар; 17 – нуклеус; 18–21 – қыш ыдыстар
Telman site XII: 1–9, 16 – plates with retouch; 10 – a cutter; 11–15 – scrapers; 17 – nucleus; 18–21 – pottery

231. Стоянка Тельмана XIII. Скребки
Тельман XIII тұрағы. Қырғыштар
Telman XIII site. Scrapes

232. Стоянка Тельмана XIII: 1, 2 – бифасы; 3, 4 – ножи; 5 – скребло-нож
Тельман XIII тұрағы: 1, 2 – бифастар; 3, 4 – пышақтар; 5 – қырғыш-пышақ
Telman site XIII: 1, 2 – bifaces, 3, 4 – knives, 5 – a scraping knife
233. Стоянка Тельмана XIII: 1, 4 – скобели; 2, 3, 5–9 – ножи; 10, 11 – бифасы
Тельман XIII тұрағы: 1, 4 – қырғыштың бастапқы түрі; 2, 3, 5–9 – пышақтар; 10, 11 – бифастар
Telman XIII site: 1, 4 – a drawing knife; 2, 3, 5–9 – knives; 10, 11 – bifaces
234. Стоянка Тельмана XIII: 3, 9, 10 – скребки; 1, 2, 4–8, 11–16 – ножи
Тельман XIII тұрағы: 3, 9, 10 – қырғыштар; 1, 2, 4–8, 11–16 – пышақтар
Telman XIII site: 3, 9, 10 – scrapers; 1, 2, 4–8, 11–16 – knives
235. Стоянка Тельмана XIII. Ножи
Тельман XIII тұрағы. Пышақтар
Telman XIII site. Knives
236. Стоянка Тельмана XIII: 1, 2 – ножи; 3 – бифас
Тельман XIII тұрағы: 1, 2 – пышақтар; 3 – бифас
Telman XIII site: 1, 2 – knives; 3 – biface
237. Стоянка Тельмана XIII: 1–6, 10 – скобели; 7–9, 11 – резцы
Тельман XIII тұрағы: 1–6, 10 – қырғыштың бастапқы түрі; 7–9, 11 – кескіштер
Telman XIII site 1–6, 10 – drawing knives; 7–9, 11 – cutters
238. Стоянка Тельмана XIII. Наконечник копья
Тельман XIII тұрағы. Найзаның ұшы
Telman XIII site. Spear heads
239. Стоянка Тельмана XIII. Наконечники стрел, дроти-ков, копий
Тельман XIII тұрағы. Жебе, дротик және найза ұштары
Telman XIII site. Arrowheads, javelins and spearheads
240. Стоянка Тельмана XIV. Концентрация находок.
Тельман XIV тұрағы. Тас құралдардың шоғыры
Telman XIV site. Concentration of finds
241. Стоянка Тельмана XIV. Общій вид
Тельман XIV тұрағы. Жалпы көрініс
Telman XIV site. The General view
242. Стоянка Тельмана XIV. Раскоп
Тельман XIV тұрағы. Қазба жұмыстары
Telman XIV site. A pit
243. Профиль ямы 1
1-шұңқыр пішіні
Pit 1 profile
244. Яма 1
1-шұңқыр
Pit 1
245. Яма 1. Уголь
1-шұңқыр. Көмір
Pit 1. Coal
246. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site Б
247. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Site А
248. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Site А
249. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Territory А.
250. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Site А
251. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Site А
252. Стоянка Тельмана XIV. Территория А
Тельман XIV тұрағы. А аумағы
Telman XIV site. Site А
253. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site Б
254. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б: 1, 3, 4, 8, 9 – пластины с ретушью; 2 – скобель; 5 – наконечник; 6, 7, 10–27 – скребки
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы: 1, 3, 4, 8, 9 – өңделген пластина; 2 – қырғының бастапқы түрі; 5 – ұштар; 6, 7, 10–27 – қырғыштар
Telman XIV site. Site Б: 1, 3, 4, 8, 9 – plates with retouch, 2 – a drawing knife, 5 – a head; 6, 7, 10–27 – scrapers
255. Стоянка Тельмана XIV. Скребки на отщепенях
Тельман XIV тұрағы. Жоңқалы қырғыштар
Telman XIV site. Scrapers on slivers

256. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. B Site

257. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site B

258. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site B

259. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site B

260. Стоянка Тельмана XIV. Территория Б
Тельман XIV тұрағы. Б аумағы
Telman XIV site. Site B

261. Стоянка Жабай-Покровка I. Керамика
Жабай-Покровка I тұрағы. Қыш ыдыстар
Zhabay-Pokrovka I site. Pottery

262. Стоянка Жабай-Покровка I: 1–6 – нуклеусы; 7–11 –
пластины с ретушью
Жабай-Покровка I тұрағы: 1–6 – нуклеустер; 7–11 –
өңделген пластиналар
Zhabay-Pokrovka I site: 1–6 – nucleuses; 7–11 – plates with
retouch

263. Стоянка Жабай-Покровка I: 1–10, 14, 15 – пластины
со скошенным краем; 11–13 – сверла, 16, 17, 21, 22, 24,
27 – пластины с торцевой выемкой; 19, 18, 34, 35 – рез-
чики; 18а, 26 – пластины с торцевой обработкой; 23, 25
– боковые резцы; 30, 32, 33, 36 – скобели; 20, 28, 29, 31 –
пластины с ретушью
Жабай-Покровка I тұрағы: 1–10, 14, 15 – шеті бүгілген
пластиналар; 11–13 – бұрғылар; 16, 17, 21, 22, 24, 27
– қырларынан ойылған пластиналар; 19, 18, 34, 35 –
кескіштер; 18а, 26 – қырларынан өңделген пластиналар;
23, 25 – бүйірлі кескіштер; 30, 32, 33, 36 –қырғылар; 20,
28, 29, 31 – өңделген пластиналар
Zhabay-Pokrovka I site: 1–10, 14, 15 – plates with bevel
edge; 11–13 – drills; 16, 17, 21, 22, 24, 27 – plates with end
notch; 19, 18, 34, 35 – cutters; 18а, 26 – butt end processed
plates; 23, 25 – side cutters; 30, 32, 33, 36 – drawing knives;
20, 28, 29, 31 – retouched plates

264. Стоянка Жабай-Покровка I: 1, 2, 5 – ножи; 3, 4 –
резцы; 6 – скобель
Жабай-Покровка I тұрағы: 2, 5 – пышақтар; 3, 4 –
кескіштер; 6 – қырғының бастапқы түрі
Zhabay-Pokrovka I site: 1, 2, 5 – knives; 3, 4 – cutters; 6 – a
drawing knife

265. Стоянка Жабай-Покровка I: 1–10, 12, 13 – скребки;
11 – скобель; 14 – нож
Жабай-Покровка I тұрағы: 1–10, 12, 13 – қырғыштар;
11 – қырғының бастапқы түрі; 14 – пышақ
Zhabay-Pokrovka I site: 1–10, 12, 13 – scrapers; 11 – a
drawing knife; 14 – a knife

266. Стоянка Жабай-Покровка III: 1, 8, 9, 11, 12 – нукле-
усы; 2 – нож; 3, 4 – скребки; 5, 10 – ретушеры; 6, 7 –
пластины
Жабай-Покровка III тұрағы: 1, 8, 9, 11, 12 – нуклеустер;
2 – пышақ; 3, 4 –қырғыштар; 5, 10 – айшықтар ; 6, 7 –
пластиналар
Zhabay-Pokrovka III site: 1, 8, 9, 11, 12 – nucleuses; 2 – a
knife; 3, 4 – scrapers; 5, 10 – retouching items; 6, 7 – plates

267. Стоянка Жабай-Покровка III: 1–6 – скребки; 7–9 –
ножи; 10 – скобель
Жабай-Покровка III тұрағы: 1–6 – қырғыштар; 7–9 –
пышақтар; 10 – қырғының бастапқы түрі
Zhabay-Pokrovka III site: 1–6 – scrapers; 7–9 – knives; 10 –
a drawing knife

268. Стоянка Жабай-Покровка III: 1–3 – законечники; 4
– нож
Жабай-Покровка III тұрағы: 1–3 – ұштар; 4 – пышақ
Zhabay-Pokrovka III site: 1–3 – heads; 4 – a knife

269. Стоянка Коскуль VI. Общій вид
Қоскөл VI тұрағы. Жалпы көрінісі
Koskul VI site. General view

270. Мастерская Ярославка
Ярославка шеберханасы
Yaroslavka workshop

271. Стоянка Ярославка I
Ярославка I тұрағы
Yaroslavka I site

272. Стоянка Ярославка II. Общій вид
Ярославка II тұрағы. Жалпы көрінісі
Yaroslavka II site. General view

273. Стоянка Ярославка III. Общій вид
Ярославка III тұрағы. Жалпы көрінісі
Yaroslavka II site. General view

274. Стоянка Ярославка IV. Общій вид
Ярославка IV тұрағы. Жалпы көрінісі
Yaroslavka IV site. General view

275. Стоянка Купчановка I. Общій вид
Купчановка I тұрағы. Жалпы көрінісі
Kupchanovka I site. General view

276. Стоянка Еркендык II. Обиций вид
Еркіндік II тұрағы. Жалпы көрінісі
Yerkendyk II site. General view

277. Материалы со стоянки Жаман-Кайрақты I
Жаман-Қайрақ I тұрағының материалдары
The materials from Zhaman-Kairakty I site

278. Материалы со стоянки Жаман-Кайрақты IV
Жаман-Қайрақ IV тұрағының материалдары
The materials from Zhaman-Kairakty IV site

279. Местонахождение Кожгаельды-Алга IV
Қожгаелді-Алга IV орналасқан жері
Kozhageldy-Alga IV site

280. Материалы с местонахождения Кожгаельды-Алга IV
Қожгаелді-Алга IV орналасқан жерінің материалдары
The materials from Kozhageldy-Alga IV site

281. Материалы с мастерской Айсары II
Айсары II шеберханасының материалдары
The materials from Aisary II workshop

282. Стоянка Новый Городок I
Новый Городок I тұрағы
Noviy Gorodok I site

283. Стоянка Новодонецк
Новодонецк тұрағы
Novodonetsk site

284. Стоянка Садовое
Садовое тұрағы
Sadovoye site

285. Стоянка Острогорка I
Острогорка I тұрағы
Ostrogorka I site

286. Поселение Быстримовка I
Быстримовка I қонысы
Bystrimovka I settlement

287. Стоянка Атыжөк V. Обиций вид
Атыжөк V тұрағы. Жалпы көрінісі
Atyzhok site V. General view

288. Стоянка Атыжөк VII. Обиций вид
Атыжөк VII тұрағы. Жалпы көрінісі
Atyzhok VII site. General view

289. Стоянка Атыжөк VIII. Обиций вид
Атыжөк VIII тұрағы Жалпы көрінісі
Atyzhok VIII site. General view

290. Стоянка Кеноткель V. Обиций вид
Кеңөткел V тұрағы. Жалпы көрінісі
Kenotkel V site. General view

291. Стоянка Кеноткель XXI. Обиций вид
Кеңөткел XXI тұрағы. Жалпы көрінісі
Kenotkel XXI site. General view

292. Стоянка Кожгаельды-Алга II
Қожгаелді-Алга II тұрағы
Kozhageldy-Alga II site

293. Стоянка Кожгаельды-Алга II. Шурф
Қожгаелді-Алга II тұрағы. Шурф
Kozhageldy-Alga II site. A prospect hole

294. Местонахождение Сага I
Сага I орналасқан жері
Saga I location

295. Стоянка Сага I. Обиций вид
Сага I тұрағы. Жалпы көрінісі
Saga I site. General view

296. Стоянка Сага II
Сага II тұрағы
Saga II site

297. Стоянка Сага III
Сага III тұрағы
Saga III site

298. Стоянка Таттымбет I
Тәттімбет I тұрағы
Tattymbet I site

299. Стоянка Таттымбет I. Шурф I
Тәттімбет I тұрағы. I-шурф
Tattymbet I site. A prospect hole I

300. Стоянка Таттымбет II
Тәттімбет II тұрағы
Tattymbet II site

301. Стоянка Таттымбет III
Тәттімбет III тұрағы
Tattymbet III site

302. Стоянка Таттымбет III. Шурф
Тәттімбет III тұрағы. Шурф
Tattymbet III site. A prospect hole

303. Стоянка Кожгаельды-Алга III
Қожгаелді-Алга III тұрағы
Kozhageldy-Alga III site

304. Стоянка Кожгаельды-Алга III. Шурф
Қожагелді- Алга III тұрағы. Шурф
Kozhageldy-Alga III site. A prospect hole

305. Стоянка Атан I
Атан I тұрағы
Atan I site

306. Стоянка Атан I. Шурф
Атан I тұрағы. Шурф
Atan I site. A prospect hole

307. Стоянка Атан III
Атан III тұрағы
Atan III site

308. Стоянка Атан III. Шурф 1
Атан III тұрағы. 1-шурф
Atan III site. Prospect hole 1

309. Стоянка Атан III. Шурф 2
Атан III тұрағы. 2-шурф
Atan III site. Prospect hole 2

310. Стоянка Тасмола I
Тасмола I тұрағы
Tasmola I site

311. Стоянка Тасмола II
Тасмола II тұрағы
Tasmola II site

312. Стоянка Тасмола IV
Тасмола IV тұрағы
Tasmola IV site

313. Стоянка Талқара VIII
Талқара VIII тұрағы
Talkara VIII site

314. Поселение Ерофеевка
Ерофеевка қонысы
Yerofeevka settlement

315. Стоянка Косқұл VI
Косқұл VI тұрағы
Koskul VI site

316. Поселение Еркендык III
Еркіндік III қонысы
Yerkendyk III settlement

317. Стоянка Пушкино I
Пушкино I тұрағы
Pushkino I site

318. Поселение Кенацы III
Кенацы III қонысы
Kenashi III settlement

319. Стоянка Шоқай IV
Шоқай IV тұрағы
Shokay IV site

320. Стоянка Алексеевка I. Общій вид
Алексеевка I тұрағы. Жалпы көрінісі
The Alekseyevka I site. The general view

321. Поселение Еликты. Общій вид
Елікті қонысы. Жалпы көрінісі
Elekty settlement. General view

322. Стоянка Бирлестік I. Общій вид
Бірлестік I тұрағы. Жалпы көрінісі
Birlestyk I site. General view

323. Стоянка Бирлестік II
Бірлестік II тұрағы
323. Birlestyk II site

324. Стоянка Бирлестік III. Общій вид
Бірлестік III тұрағы. Жалпы көрінісі
Birlestyk III site. General view

325. Стоянка Бирлестік IV. Общій вид
Бірлестік IV тұрағы. Жалпы көрінісі
Birlestyk IV site. General view

326. Стоянка Бирлестік VI
Бірлестік VI тұрағы
Birlestyk VI site

327. Стоянка Васильковка II. Общій вид
Васильковка II тұрағы. Жалпы көрінісі
Vasilkovka II site. General view

328. Стоянка Васильковка III. Общій вид
Васильковка III тұрағы. Жалпы көрінісі
Vasilkovka III site. The general view

329. Поселение Васильковка V. Общій вид
Васильковка V қонысы. Жалпы көрінісі
Vasilkovka V settlement. General view

330. Поселение Кеноткель II. Общій вид
Кеңөткел II қонысы. Жалпы көрінісі
Kenotkel II settlement. General view

331. Поселение Кеноткель VII. Общій вид
Кеңөткел VII қонысы. Жалпы көрінісі
Kenotkel VII settlement. General view

332. Поселение Кеноткель IX. Общій вид
Кеңөткел IX қонысы. Жалпы көрінісі
Kenotkel IX settlement. General view

333. Поселение Кеноткель XVI. Общій вид
Кеңөткел XVI қонысы. Жалпы көрінісі
Kenotkel XVI settlement. General view

334. Поселение Скиф V. Общій вид
Скиф V қонысы. Жалпы көрінісі
Skif V settlement. General view

335. Стоянка Кеноткель III. Общій вид
Кеңөткел III тұрағы. Жалпы көрінісі
Kenotkel III site. General view

336. Стоянка Кеноткель III. Шурф
Кеңөткел III тұрағы. Шурф
Kenotkel III site. A prospect hole

337. Стоянка Кеноткель IV. Общій вид
Кеңөткел IV тұрағы. Жалпы көрінісі
Kenotkel IV site. General view

338. Стоянка Кеноткель IV. Шурф
Кеңөткел IV тұрағы. Шурф
Kenotkel IV site. A prospect hole

Рис. 339. Стоянка Кеноткель VI. Общій вид
Кеңөткел VI тұрағы. Жалпы көрінісі
The Kenotkel VI site. The general view

340. Стоянка Скиф II. Общій вид
Скиф II тұрағы. Жалпы көрінісі
Skif II site. General view

341. Стоянка Скиф IV. Общій вид
Скиф IV тұрағы. Жалпы көрінісі
Skif IV site. General view

342. Стоянка Куропаткино V
Куропаткино V тұрағы
Kuropatkinno V site

343. Стоянка Линеевка. Общій вид
Линеевка тұрағы. Жалпы көрінісі
Lineyevka site. General view

344. Стоянка Линеевка. Шурф
Линеевка тұрағы. Шурф
Lineyevka site. A prospect hole

345. Стоянка Троицкое IV. Общій вид
Троицкое IV тұрағы. Жалпы көрінісі
Troitskoye IV site. General view

346. Стоянка Троицкое V. Общій вид
Троицкое V тұрағы. Жалпы көрінісі
Troitskoye V site. General view

347. Стоянка Троицкое V. Шурф
Троицкое V тұрағы. Шурф
Troitskoye V site. A prospect hole

348. Поселение Граниковка
Граниковка қонысы
Granikovka settlement

349. Стоянка Ключевка II. Общій вид
Ключевка II тұрағы. Жалпы көрінісі
Klyuchevka II site. General view

350. Стоянка Красная Поляна II
Красная Поляна II тұрағы
Krasnaya Polyana II site

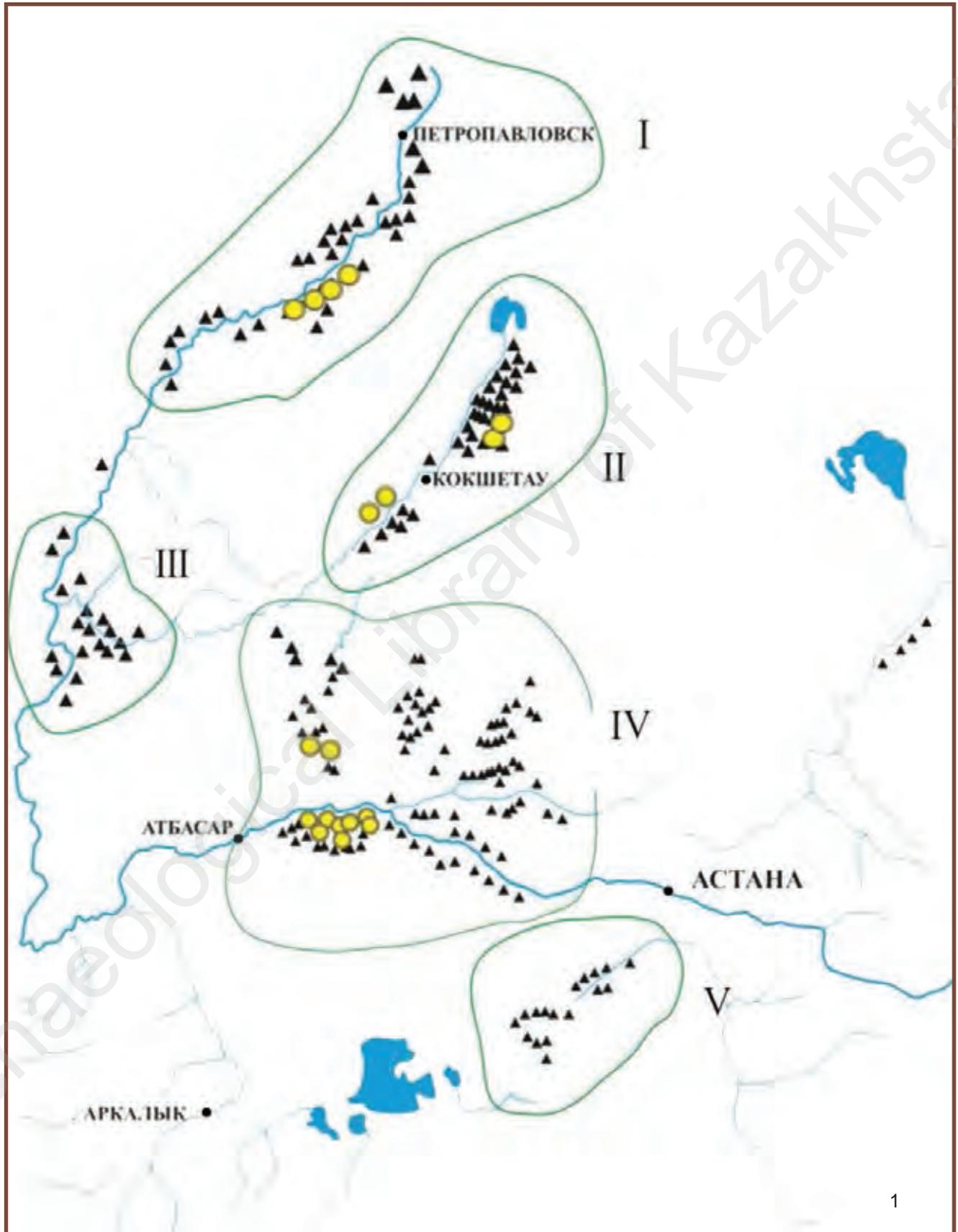
351. Стоянка Дамсы
Дамсы тұрағы
Damsy site

352. Местонахождение Новокавказска I
Новокавказска I тұрағының орналасқан жері
Novokavkazska I location

353. Поселение Голубой Залив
Голубой Залив қонысы
Goluboy Zaliv settlement

354. Поселение Голубой Залив II
Голубой Залив II қонысы
Goluboy Zaliv II settlement

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ И АРТЕФАКТЫ

2

5

3

6

4

7

8

10

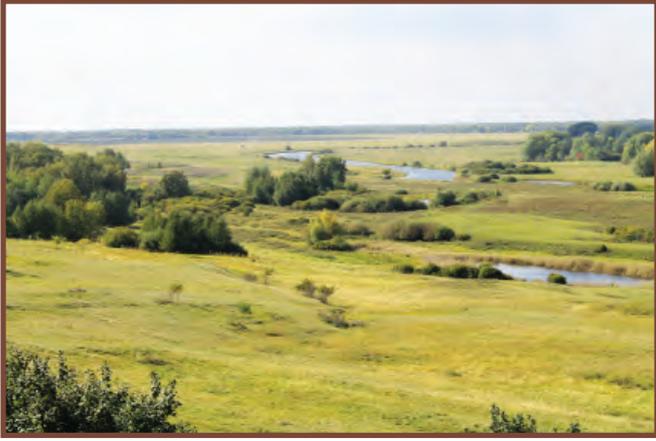
9

11

12

13

16

14

17

15

18

19

22

20

23

21

24

25

28

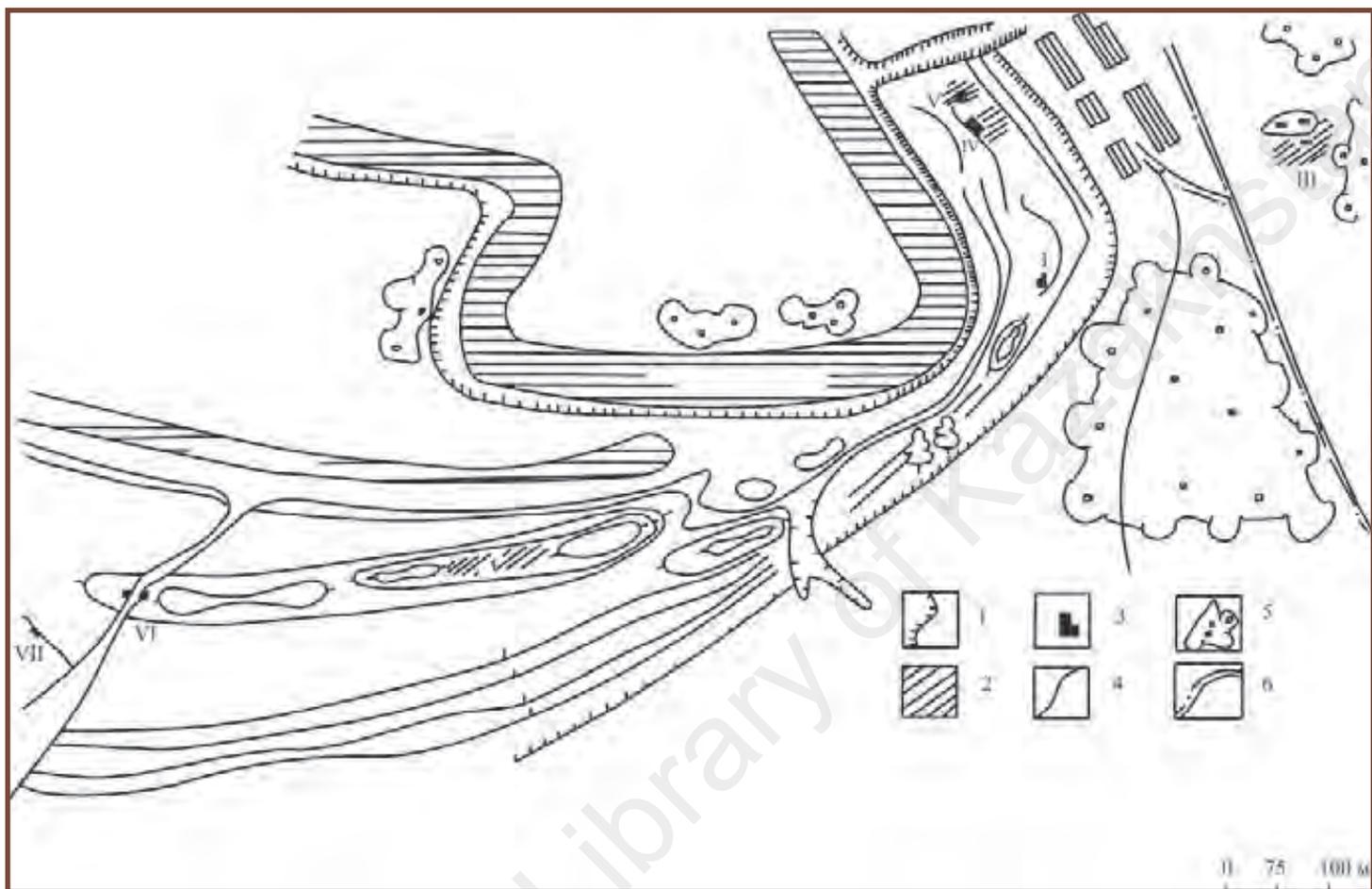
26

29

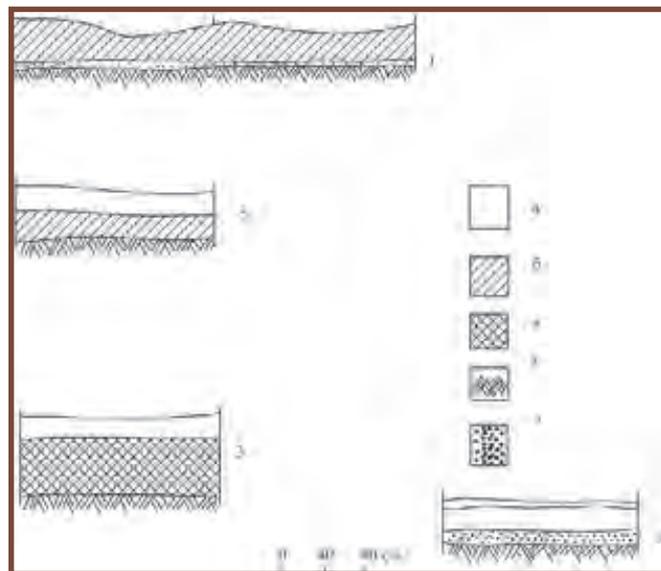
27

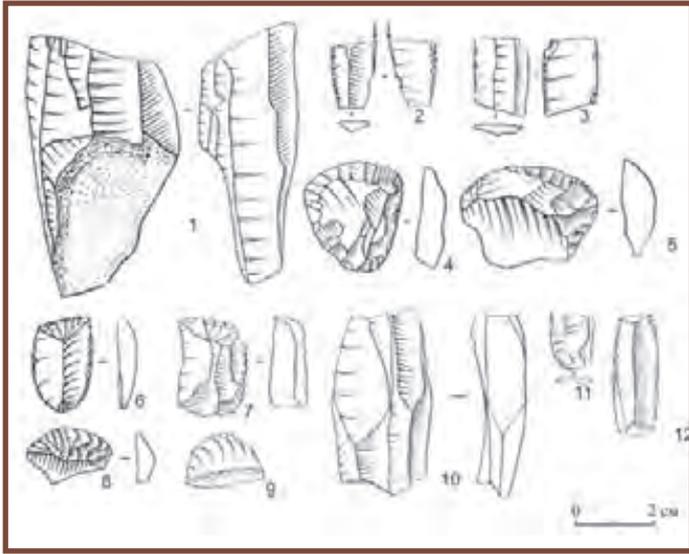
30

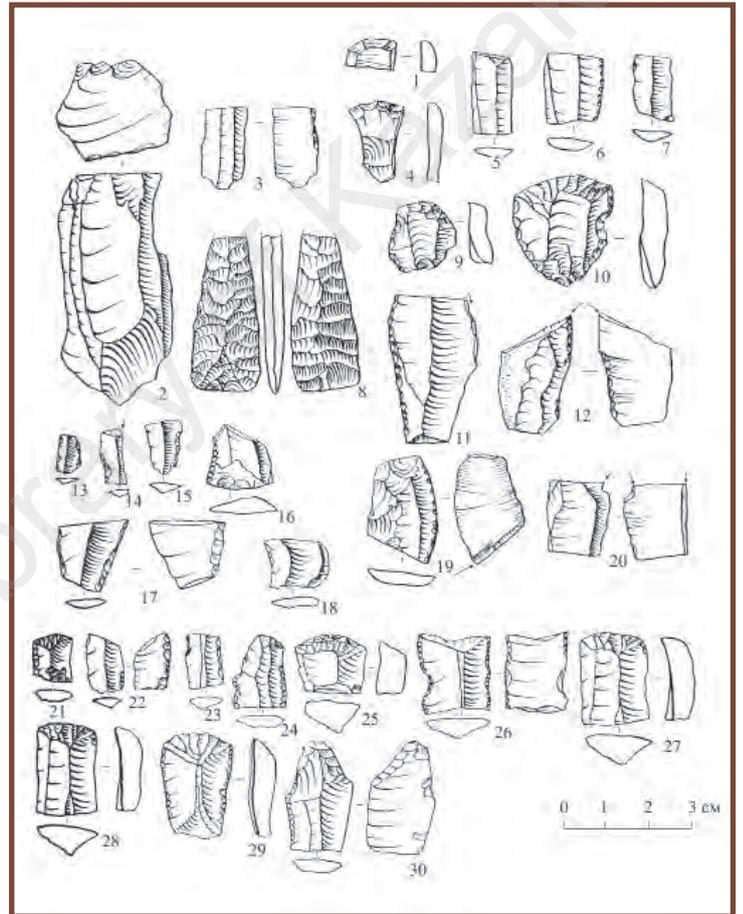
31

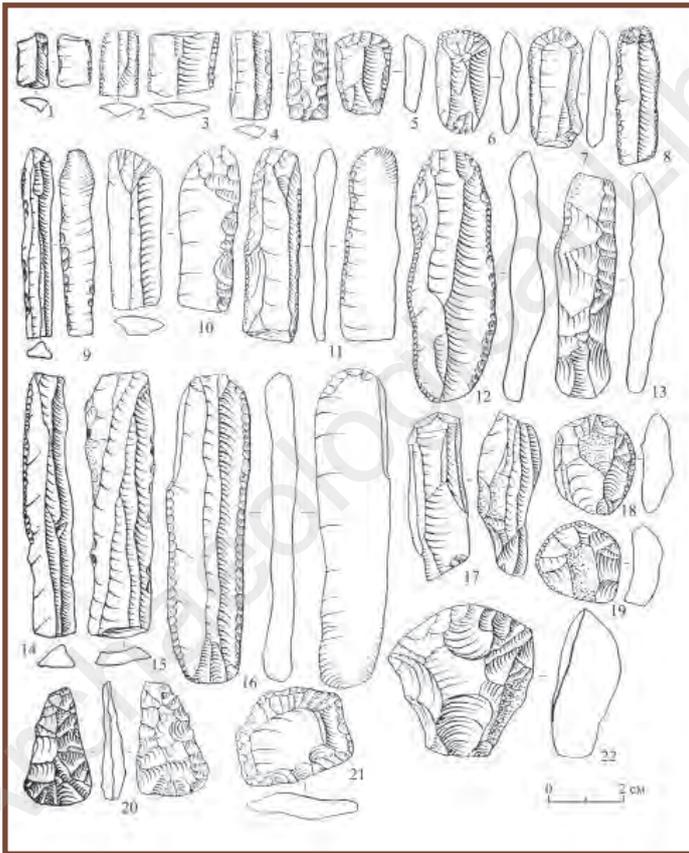
32

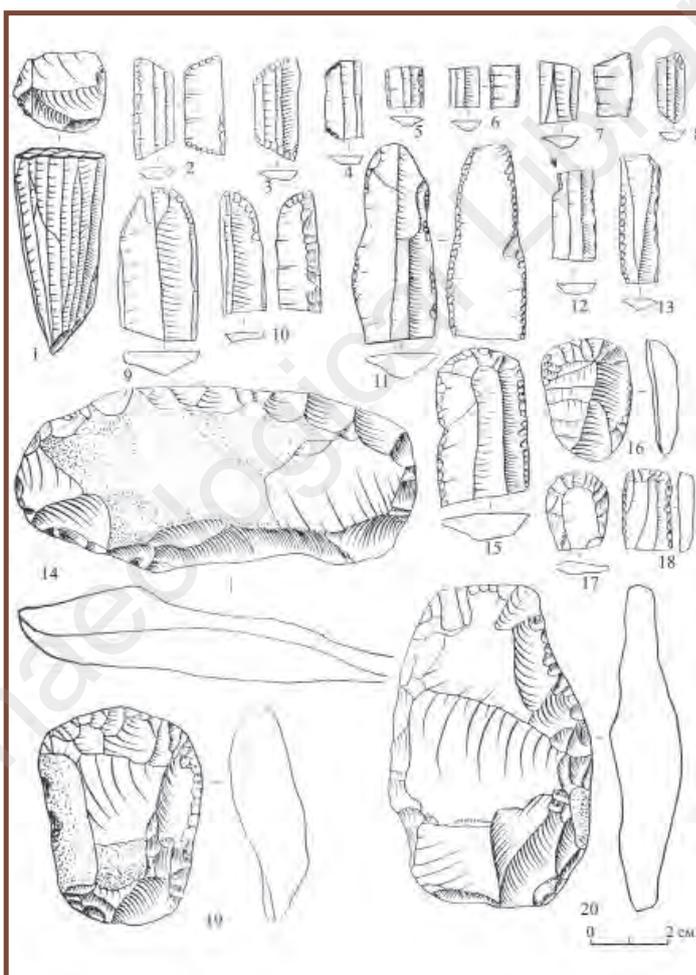
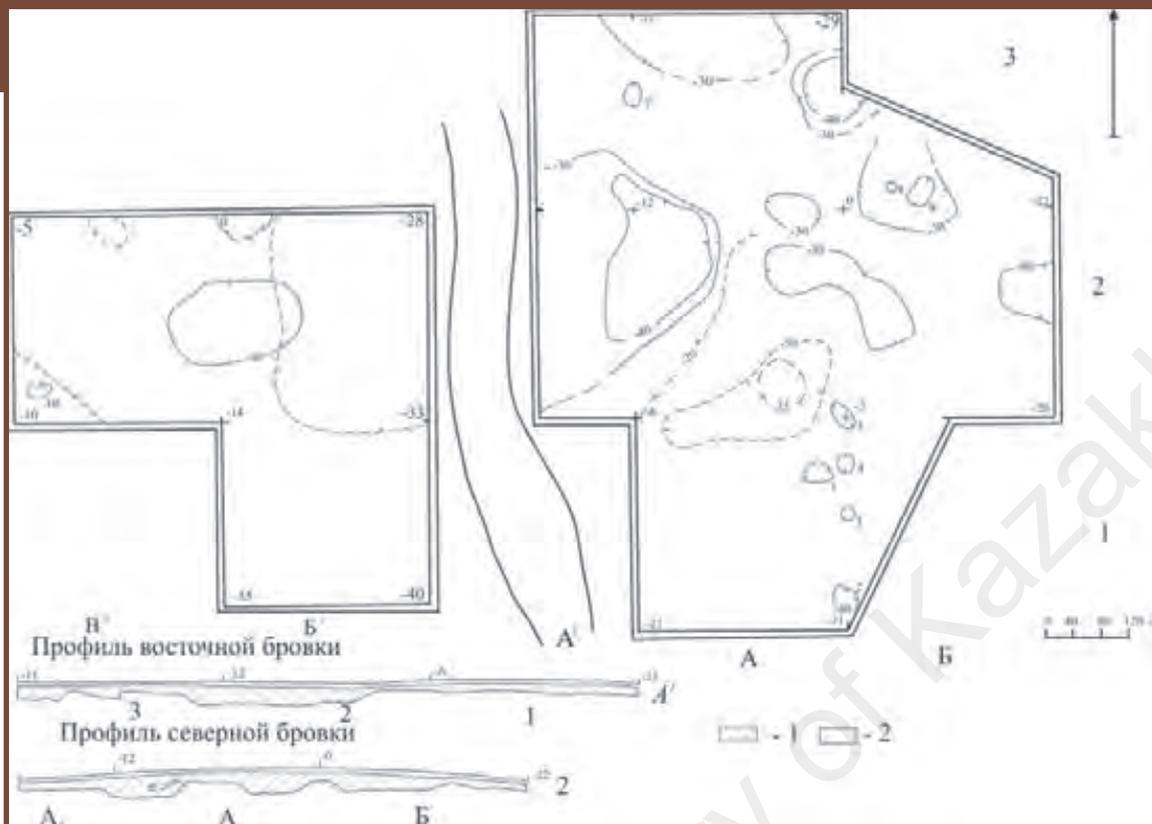
33

35

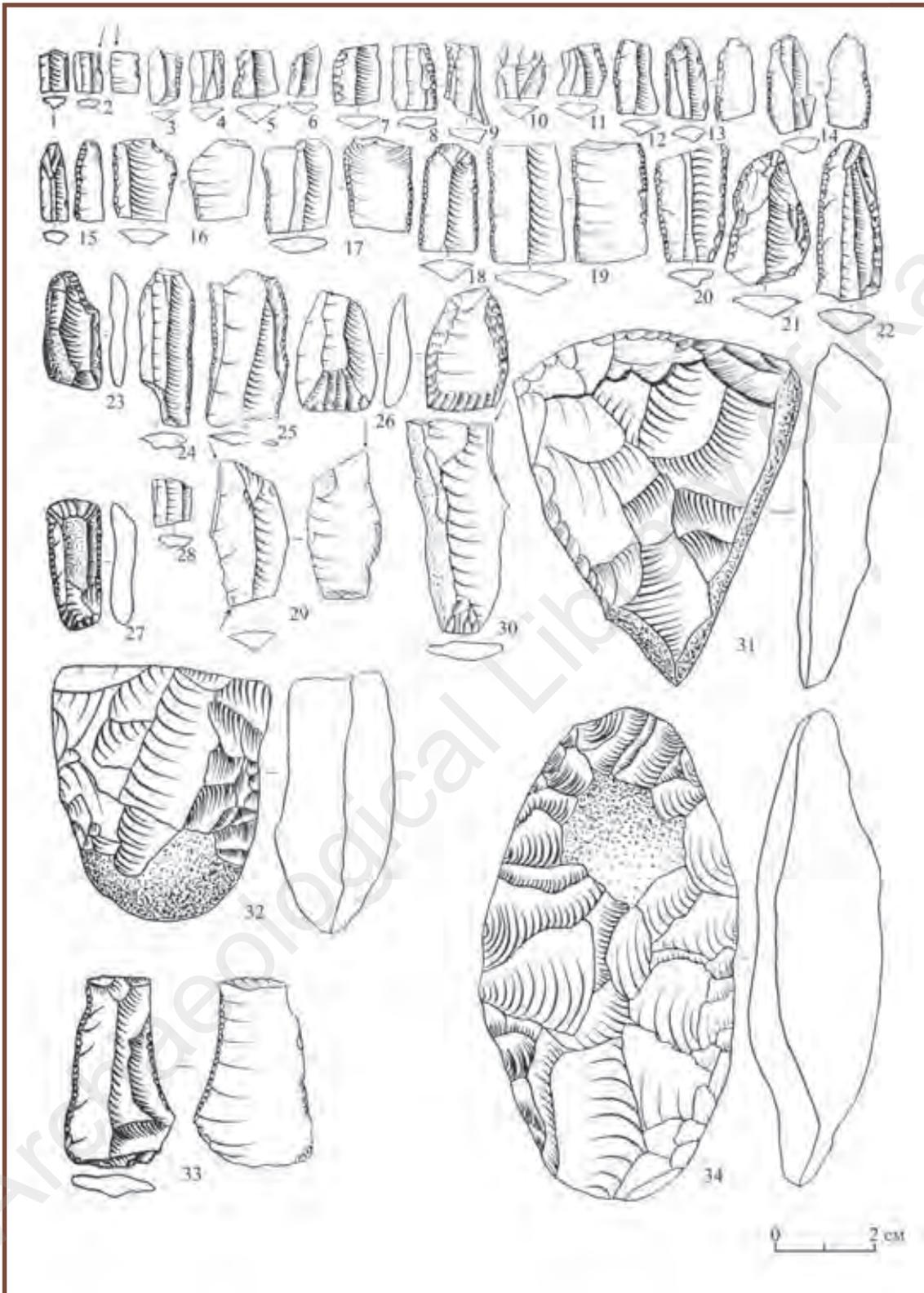

34

36

37

38

39

40

43

41

44

42

45

46

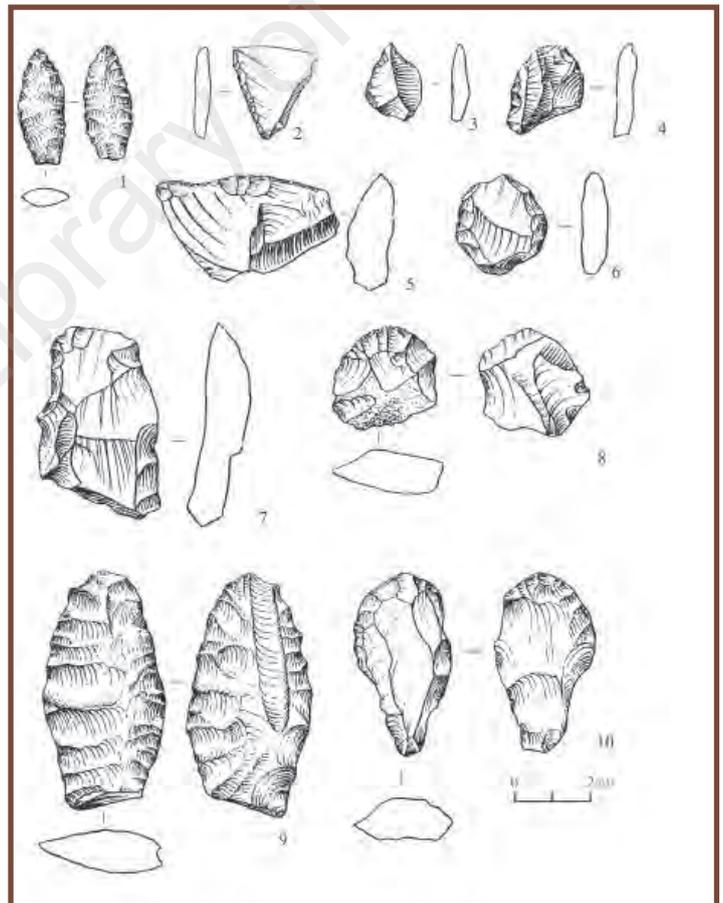
49

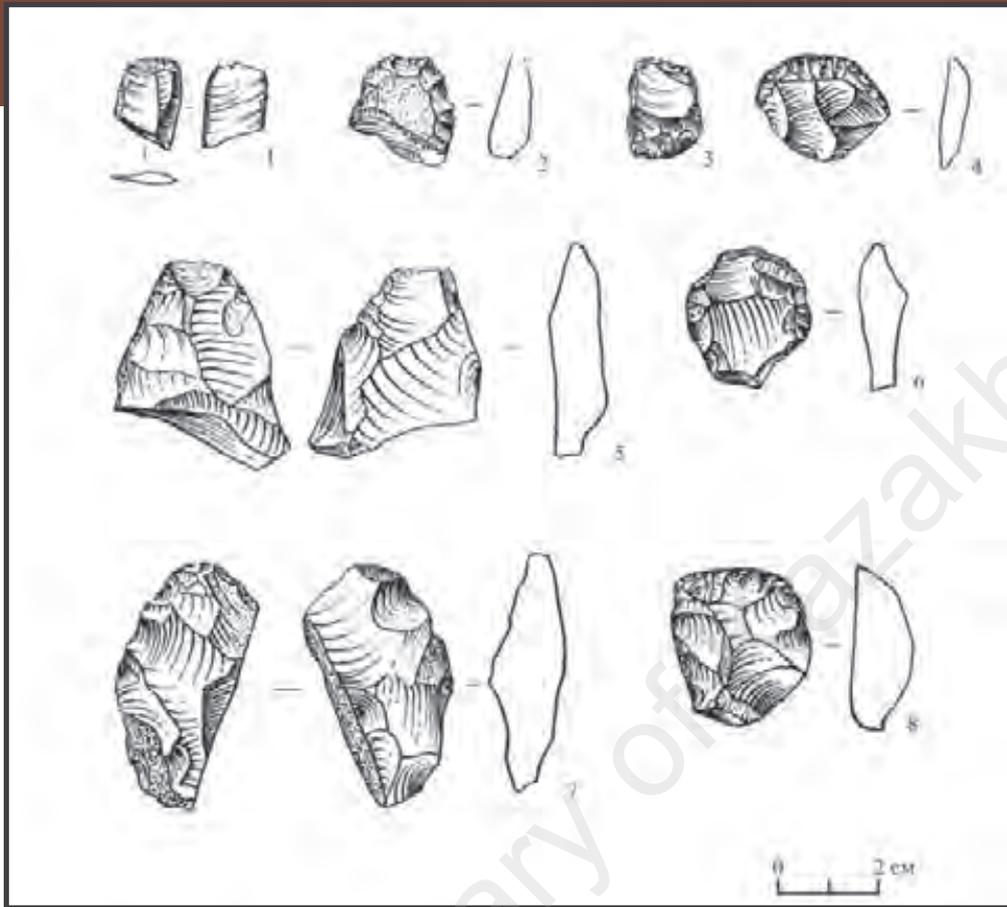
47

48

50

51

52

53

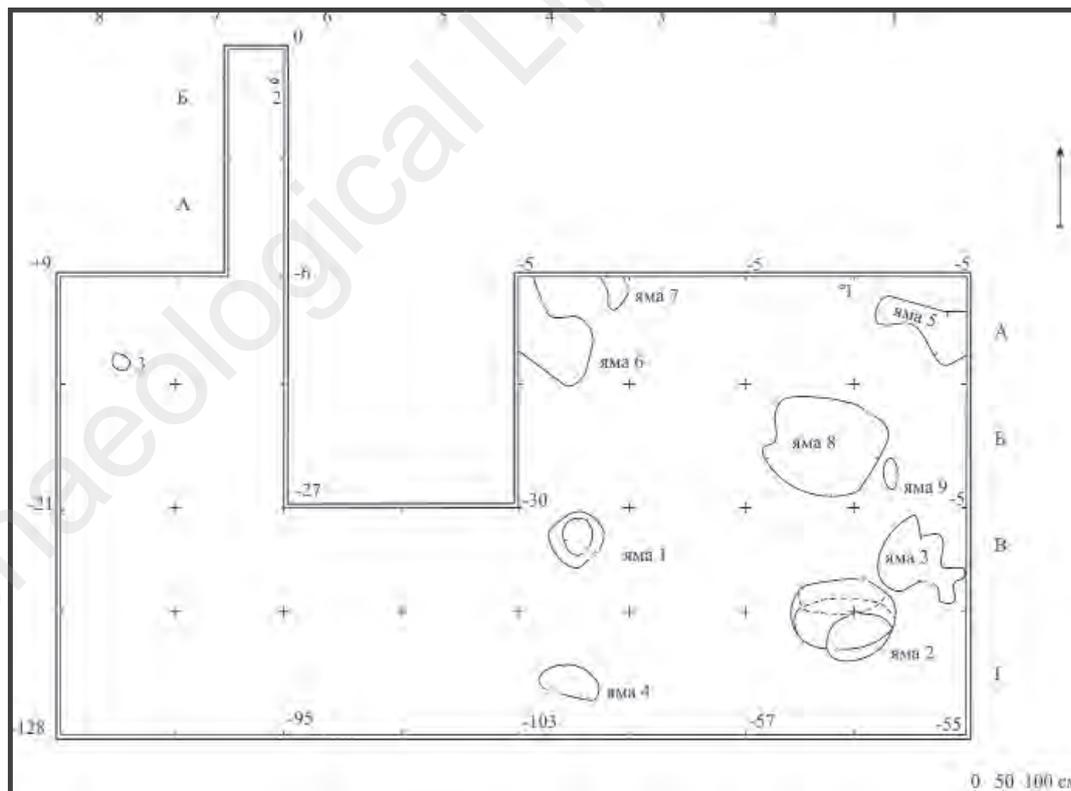
55

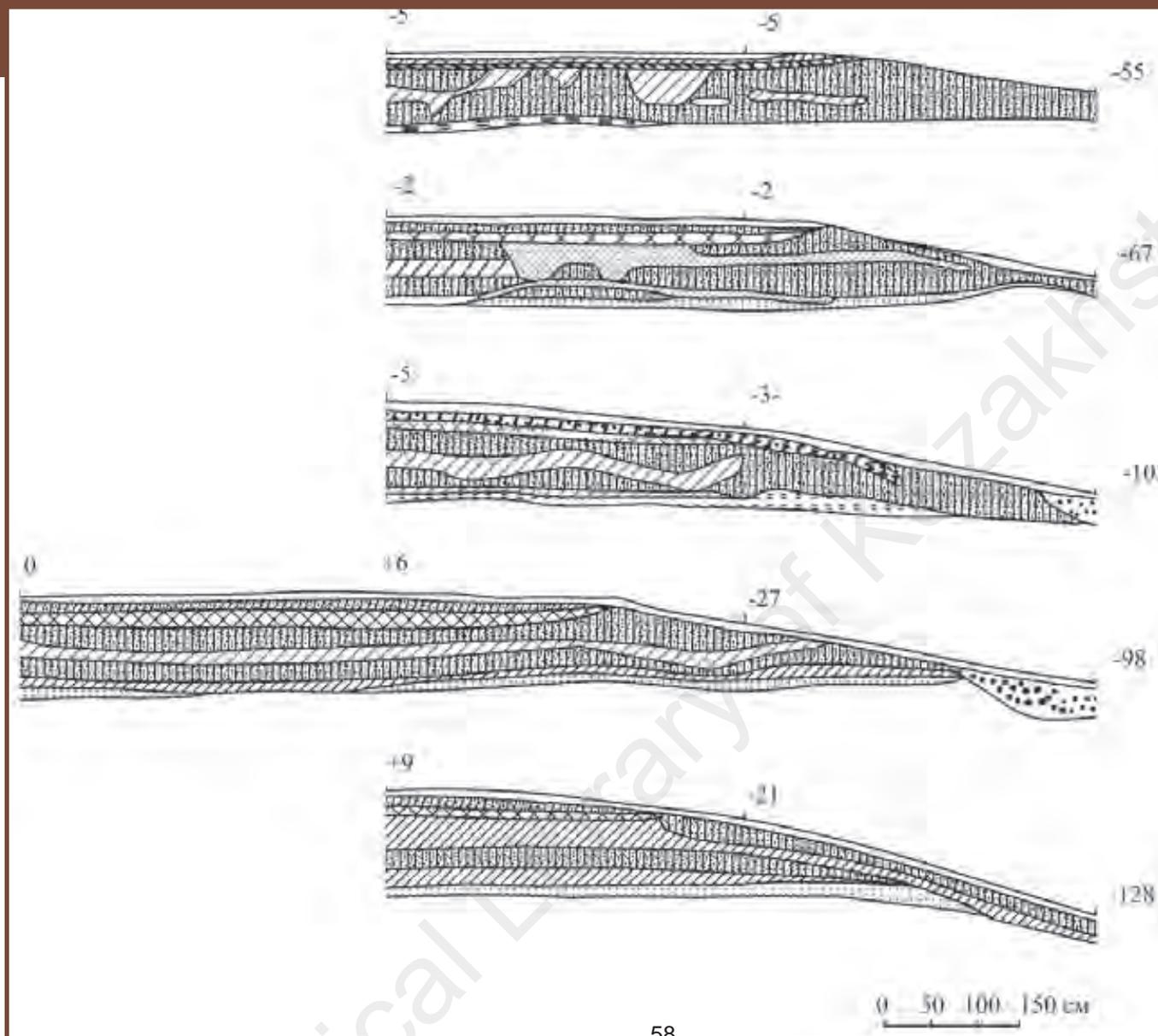
54

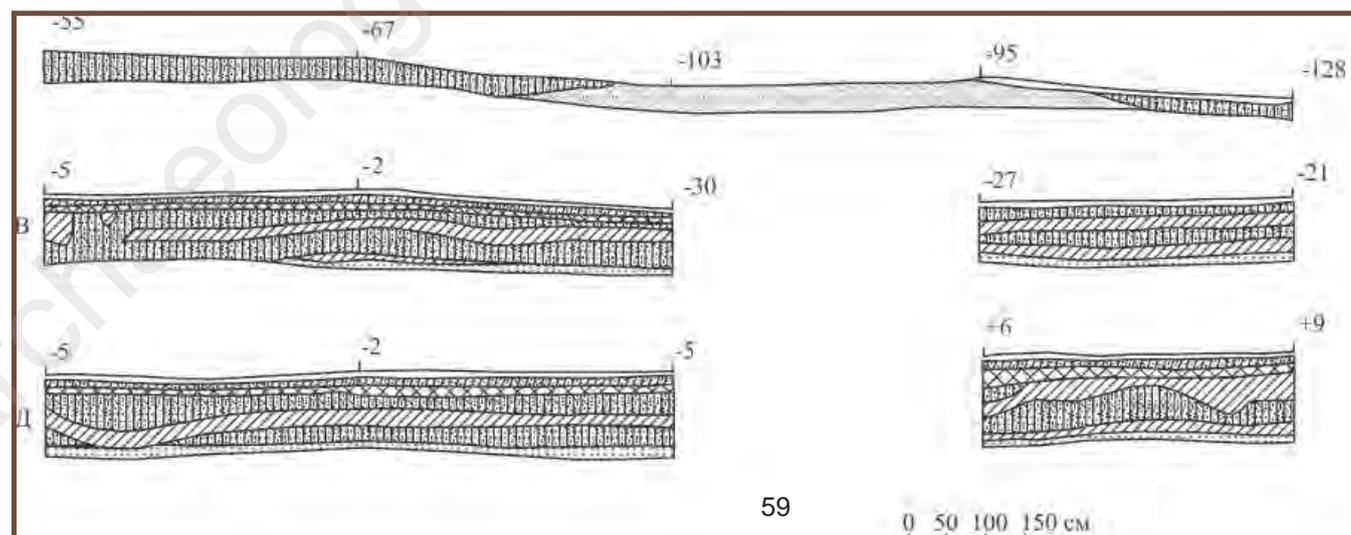
56

57

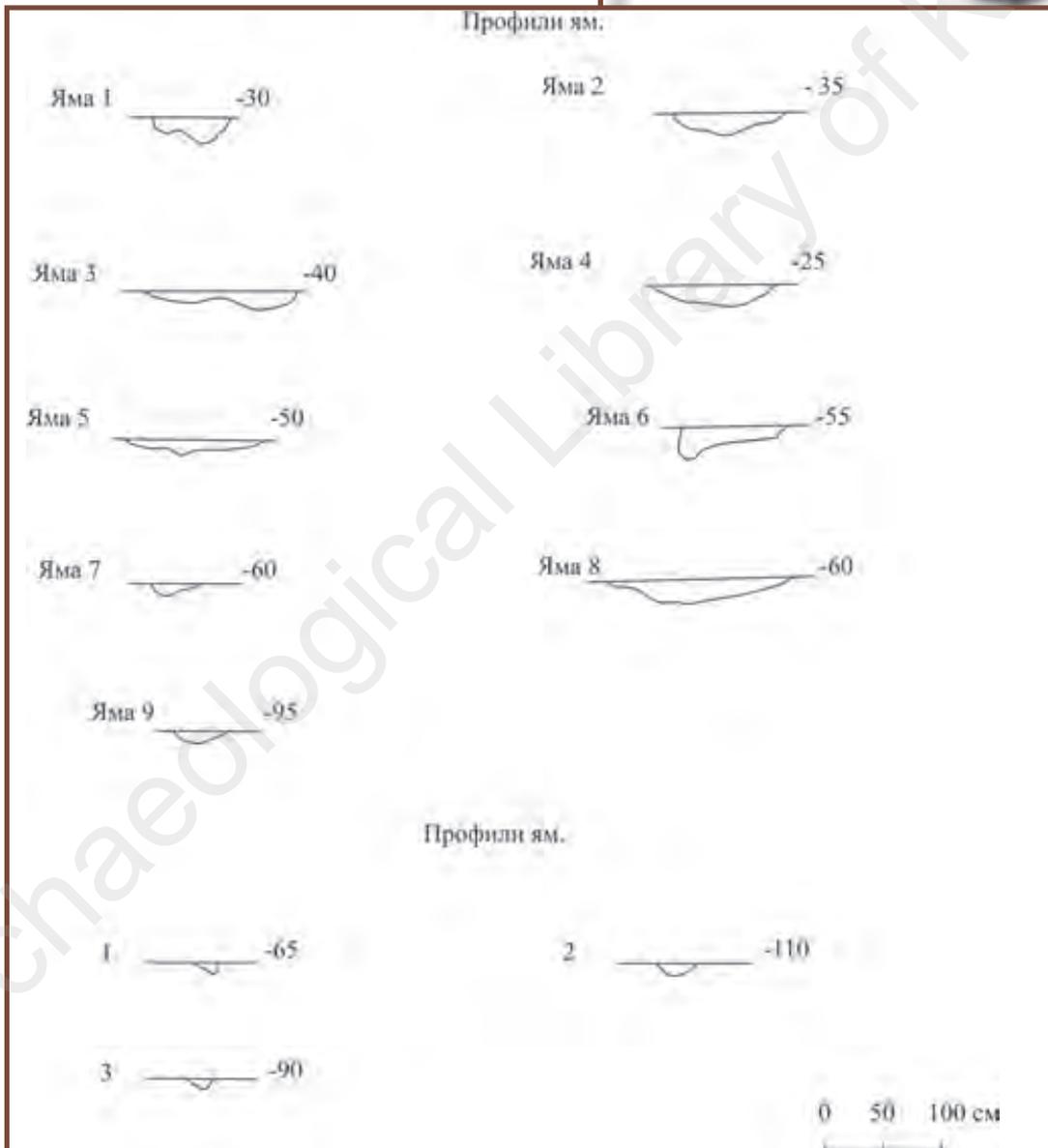
58

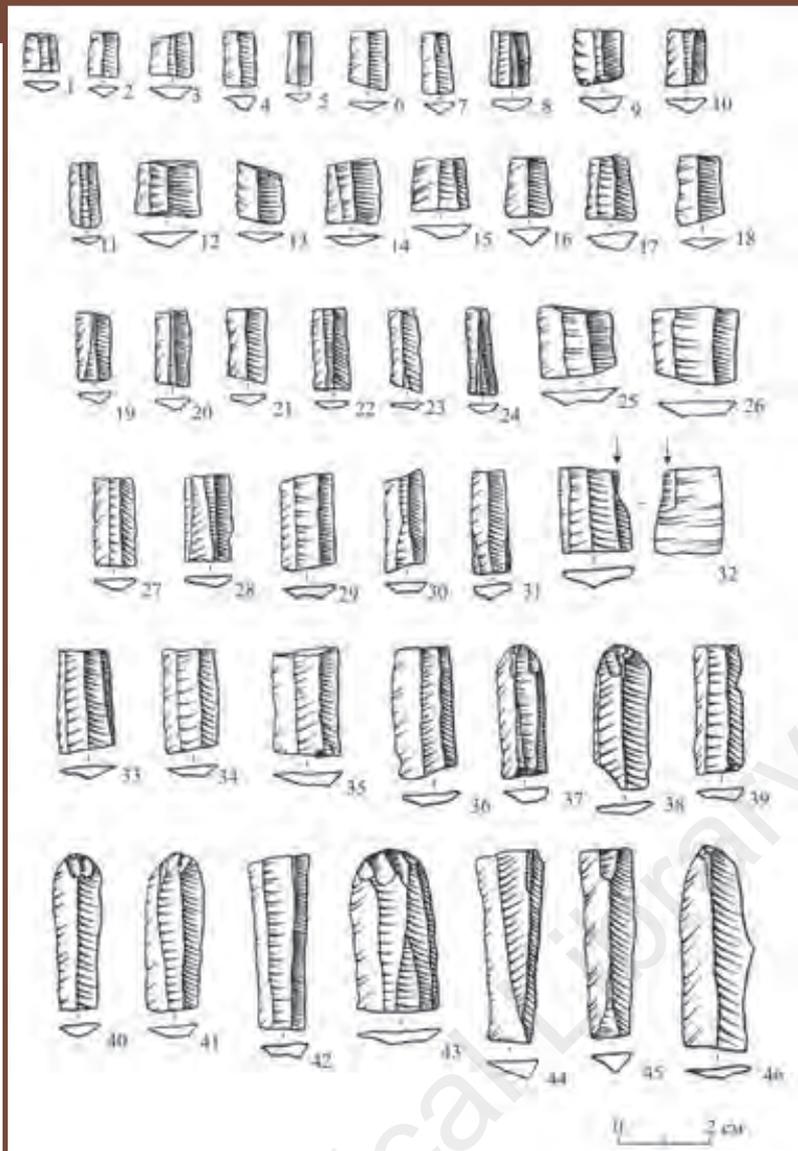
59

60

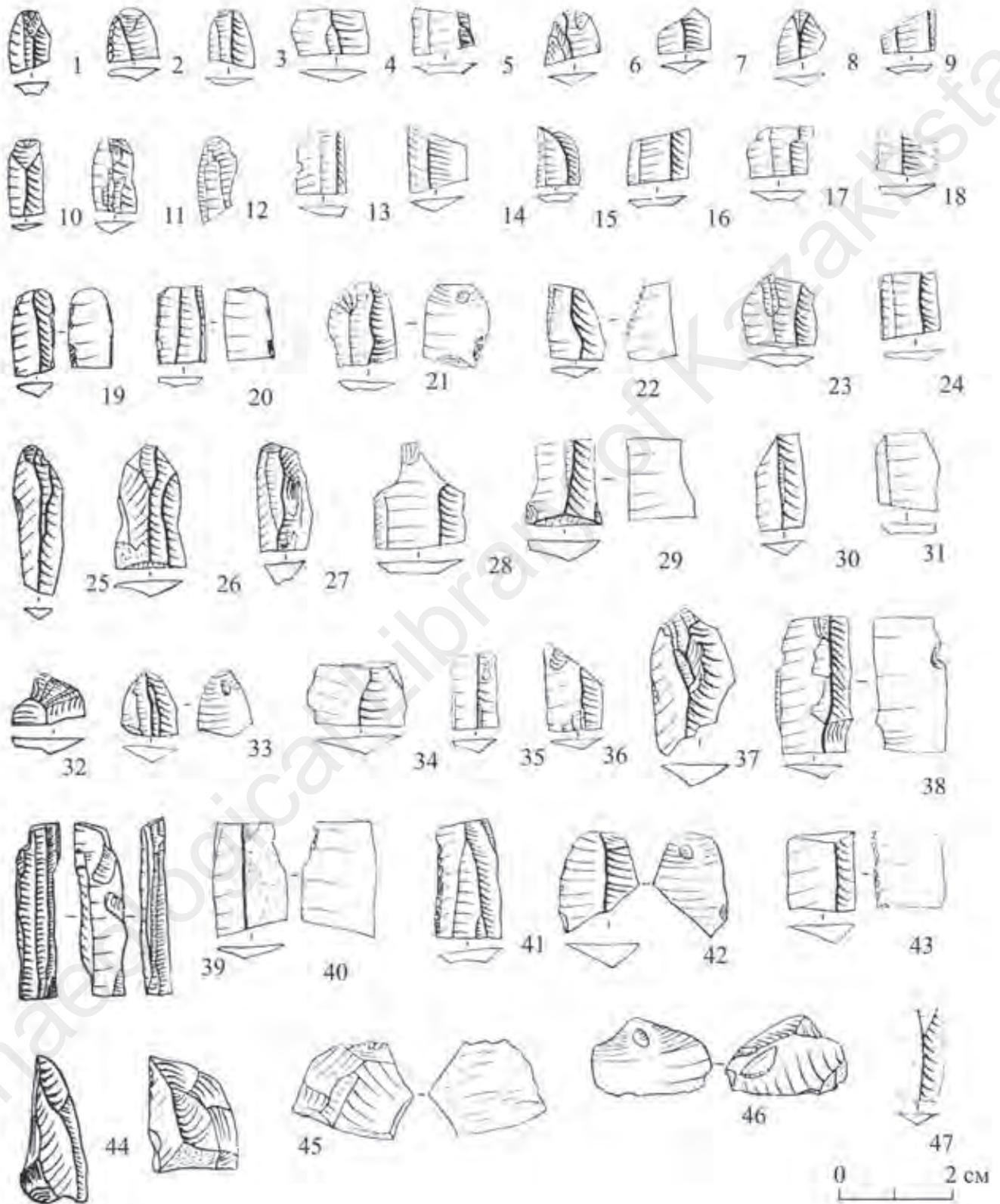
61

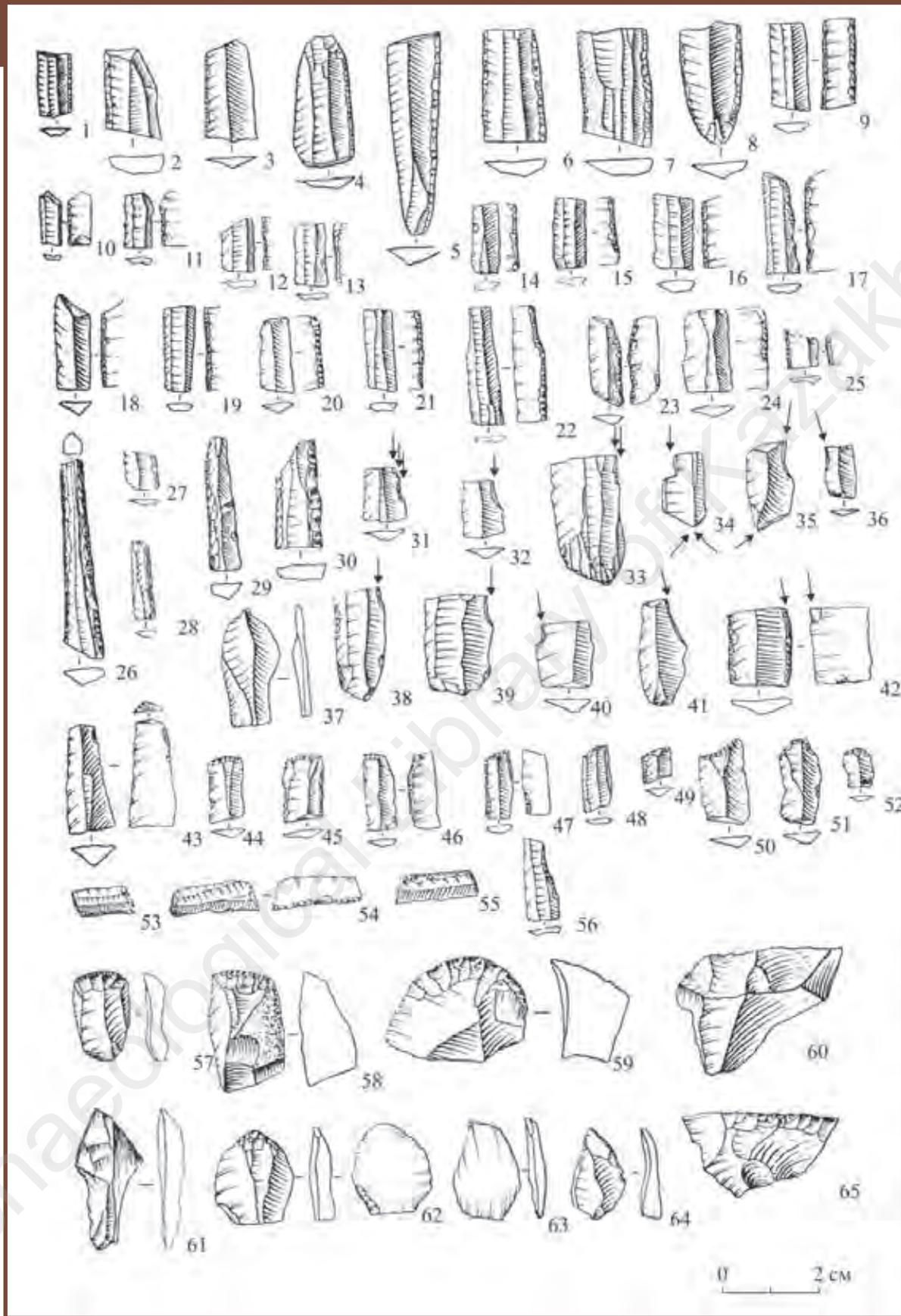

62

63

66

69

70

67

68

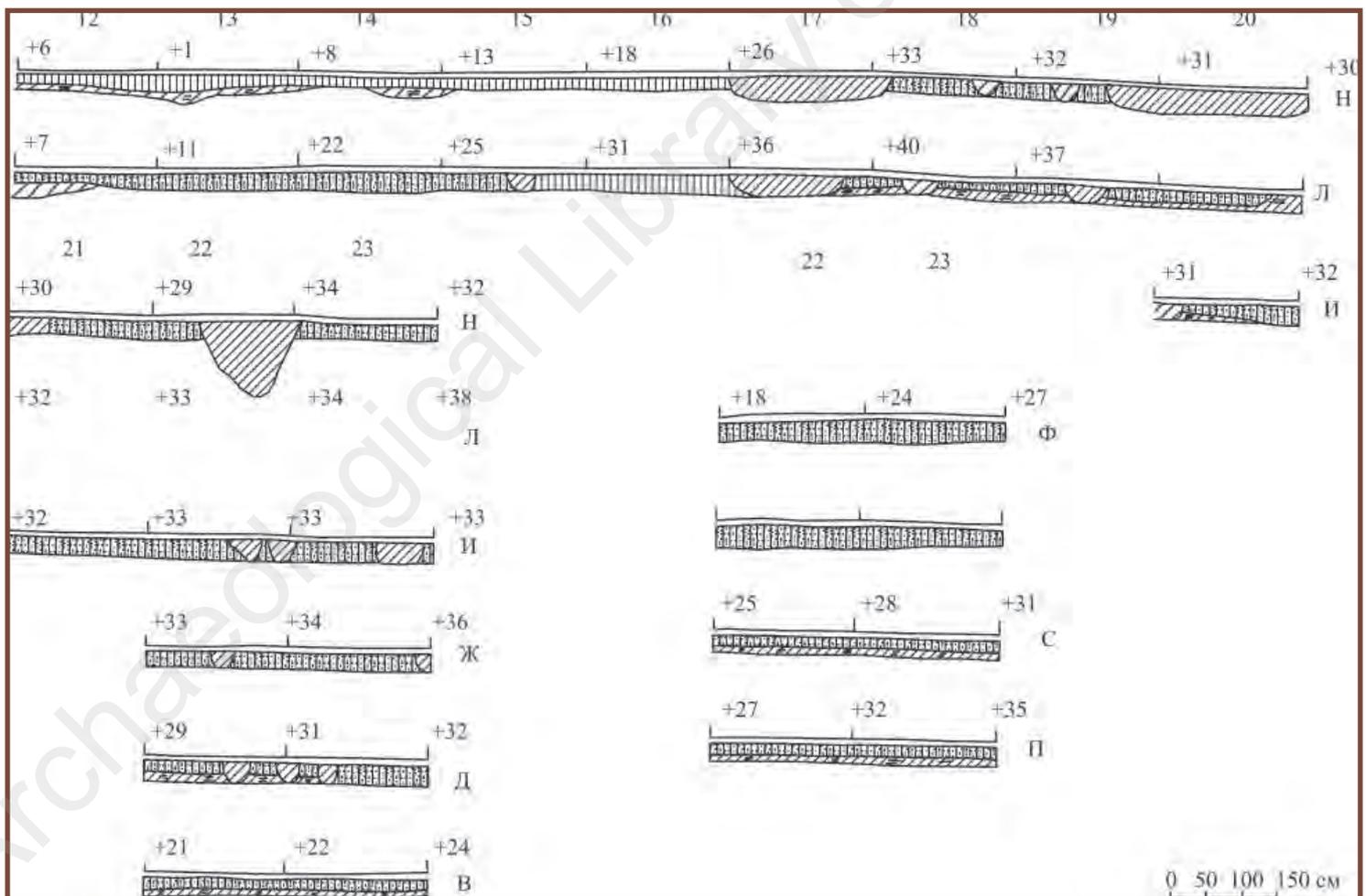
71

72

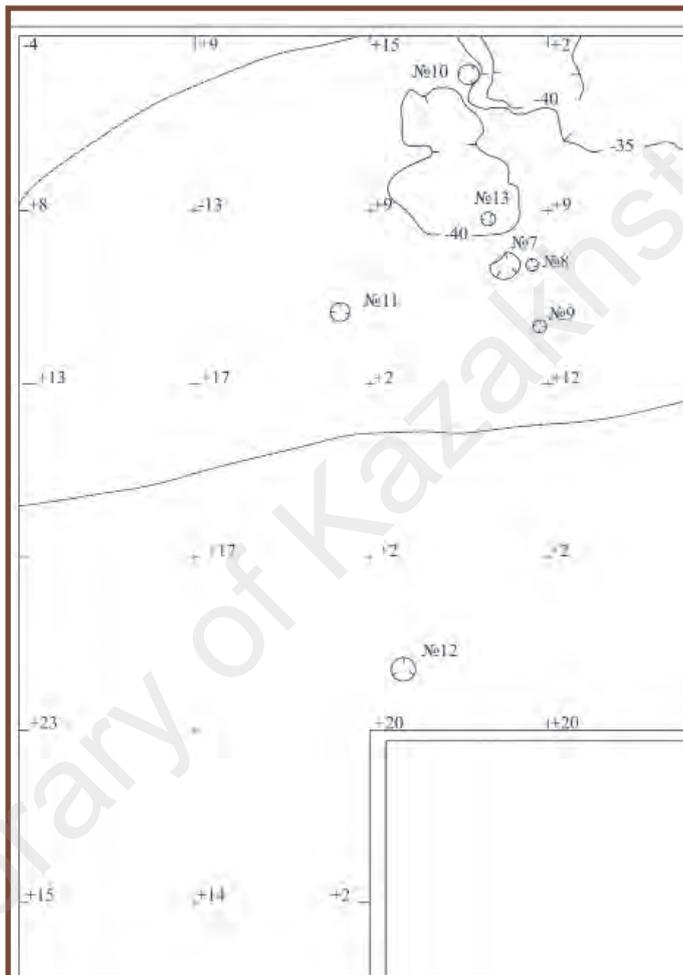
73

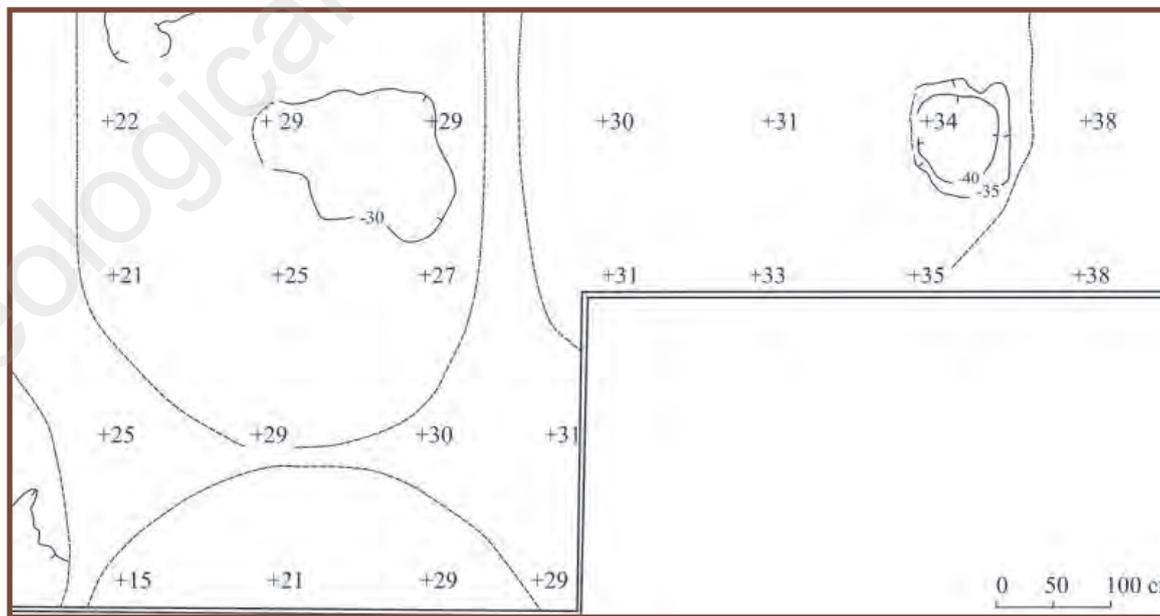
74

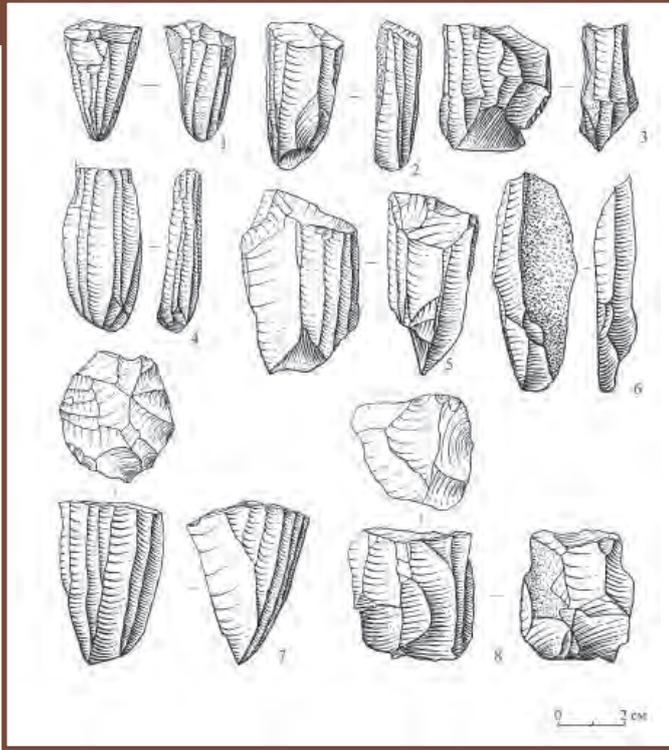
75

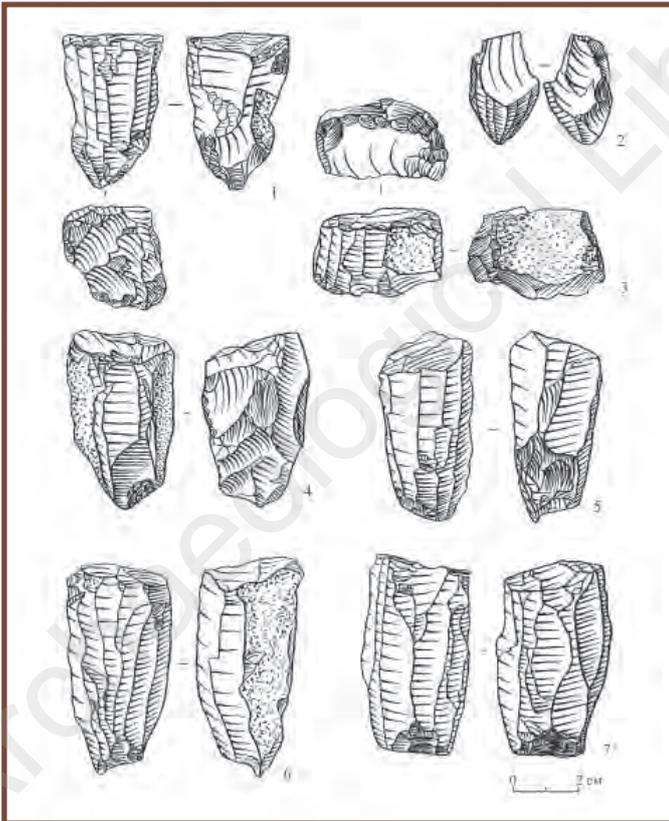
76

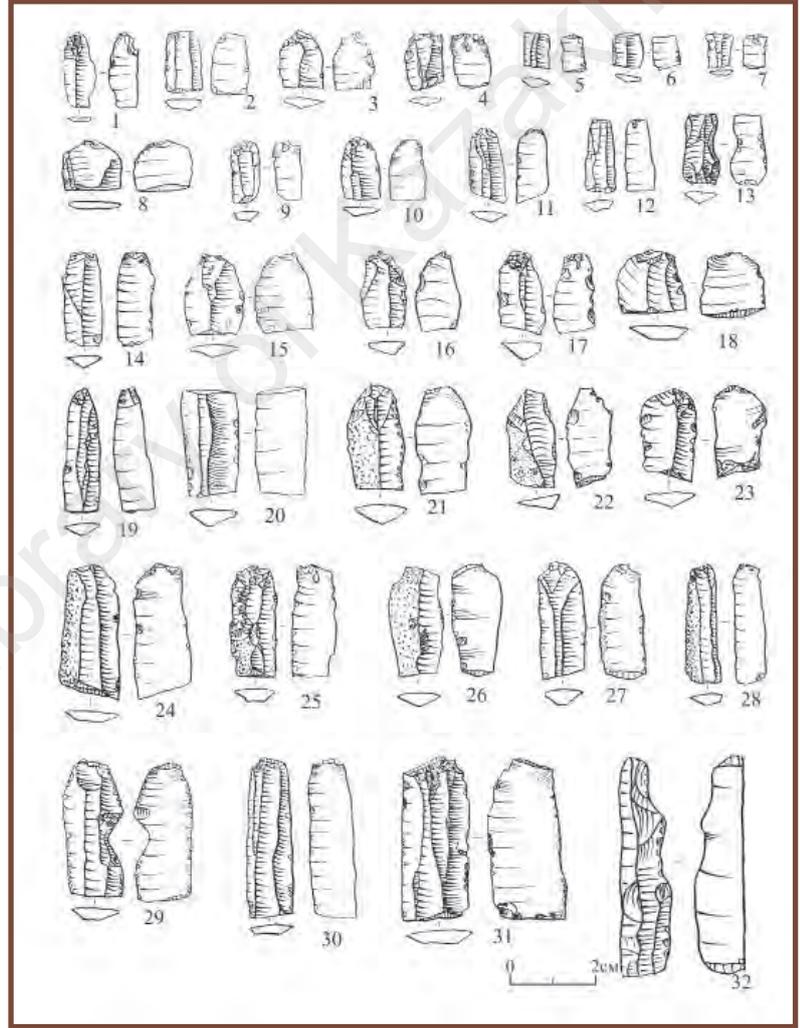
77

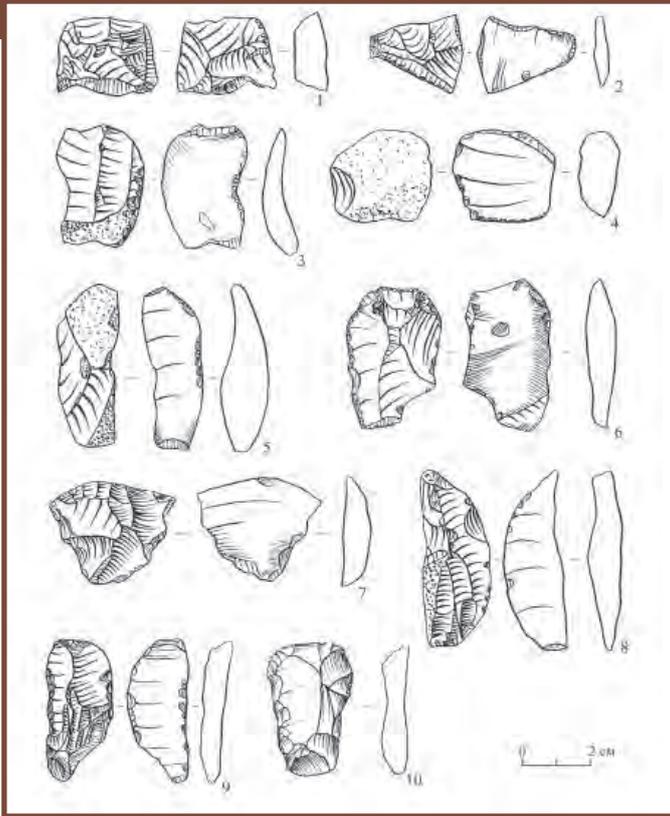
78

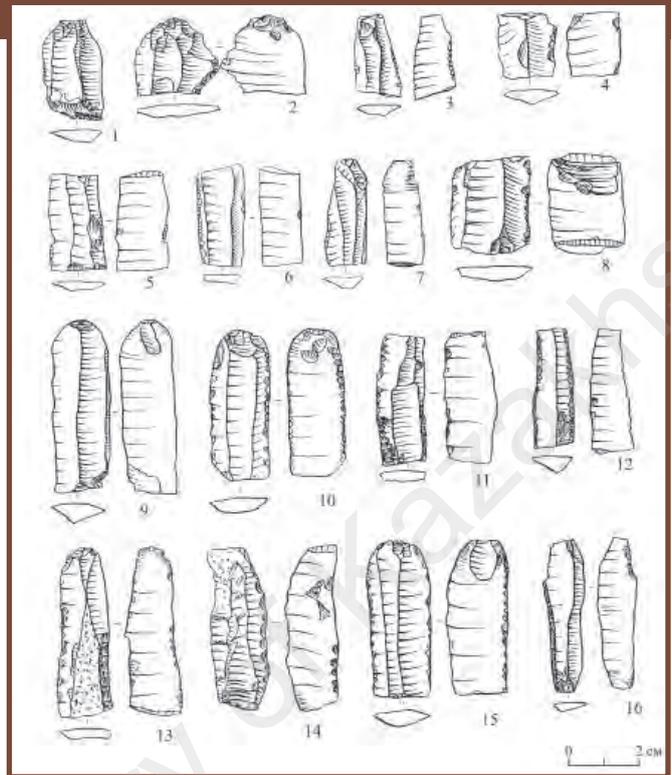
79

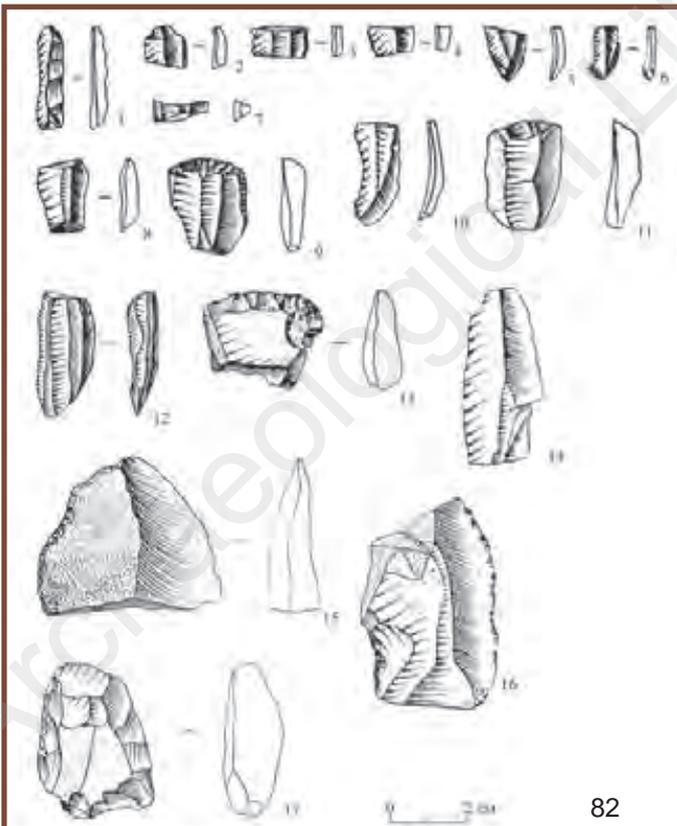
80

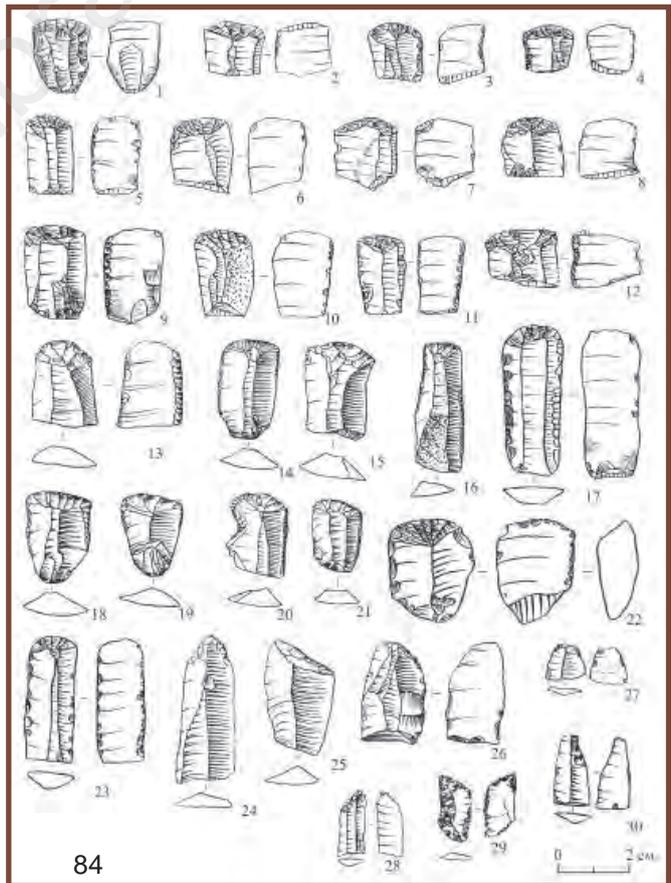
81

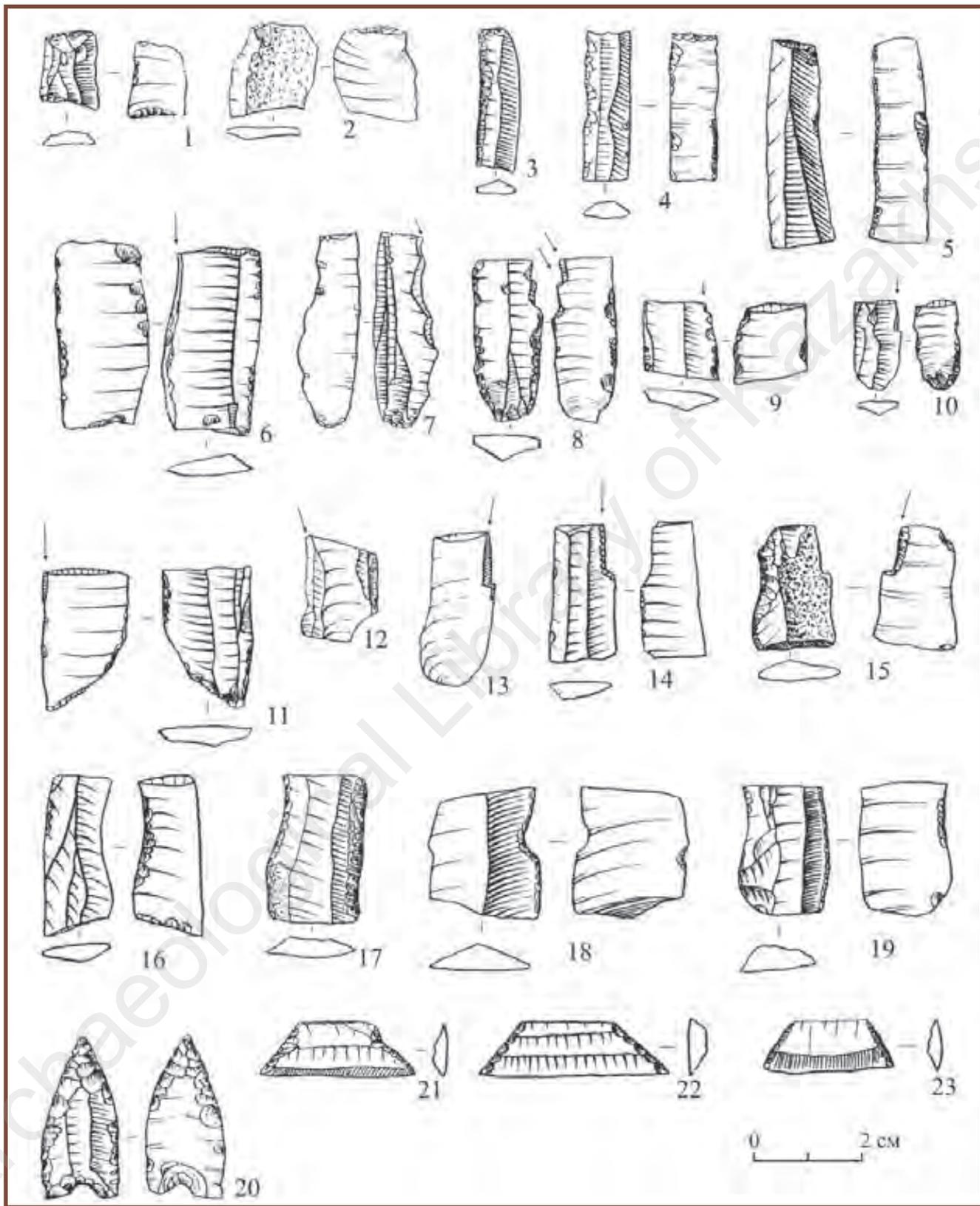
83

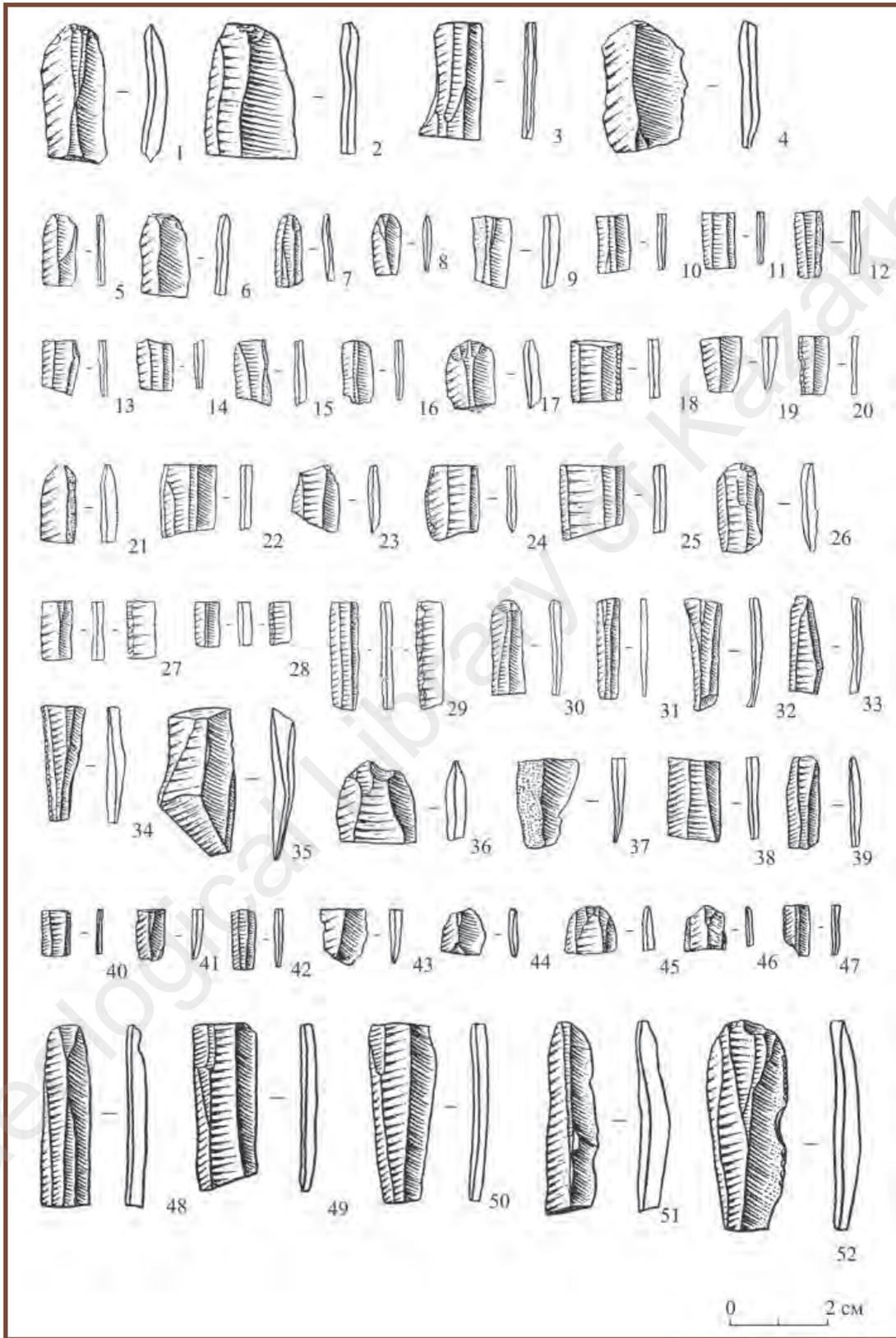

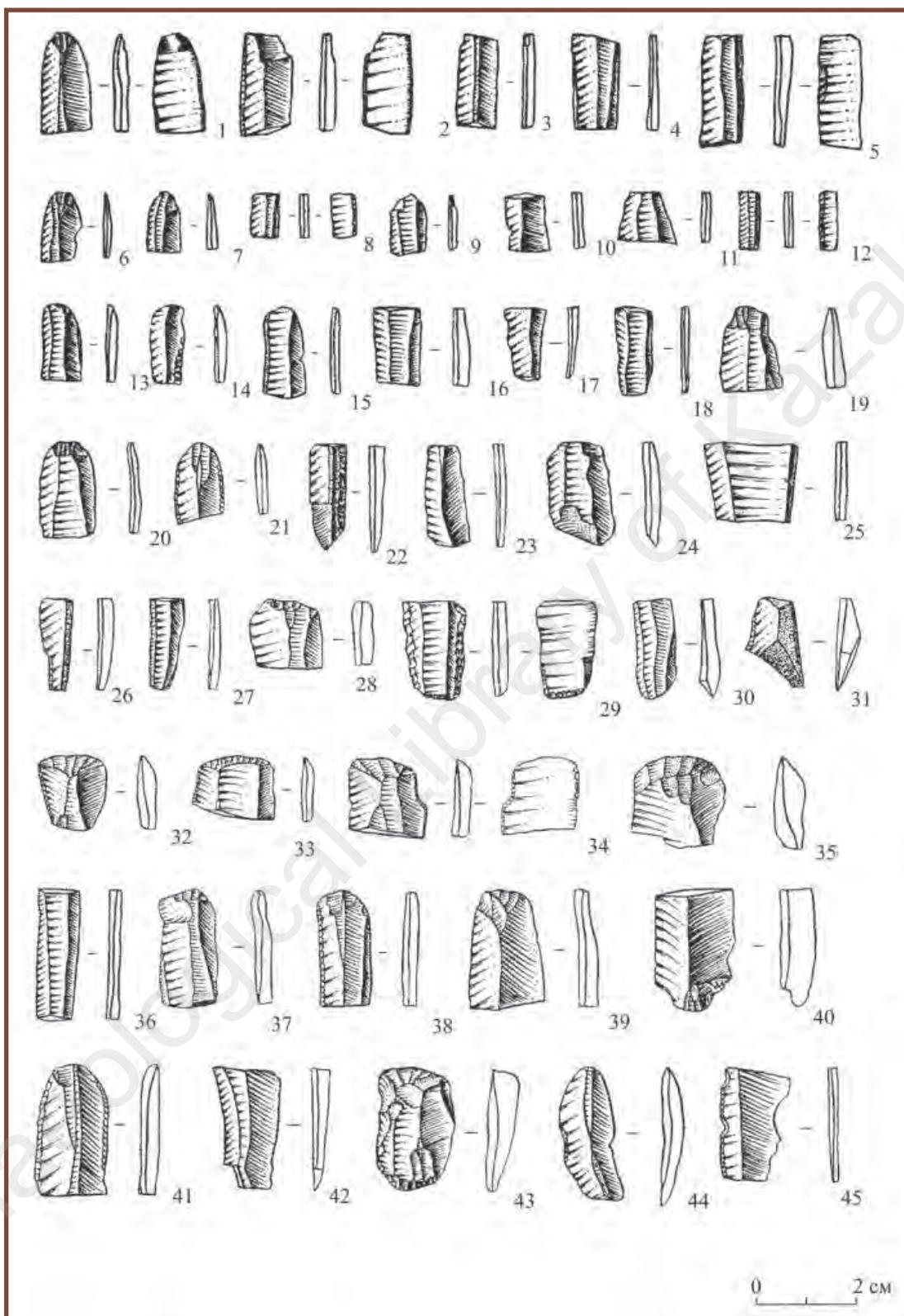
82

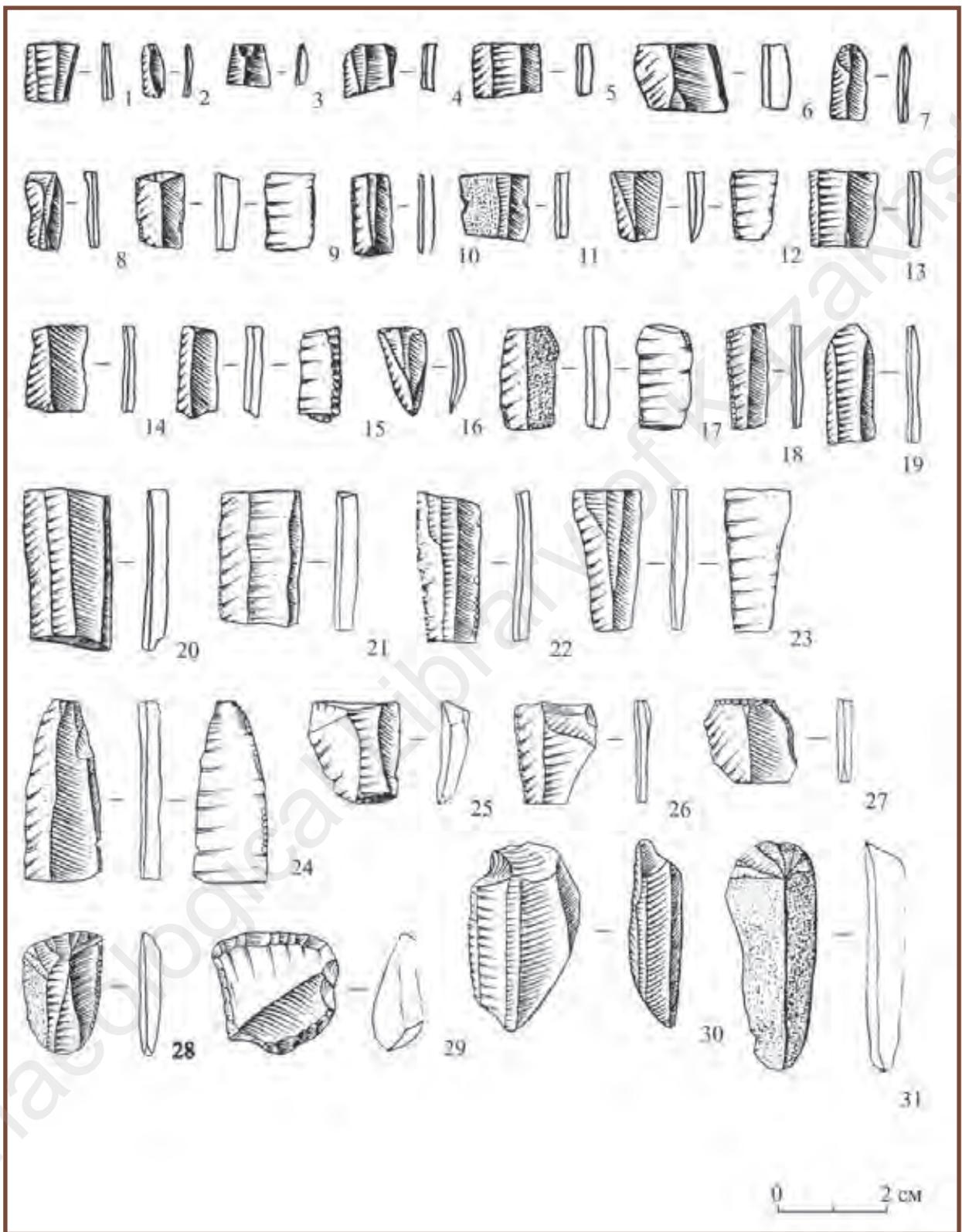

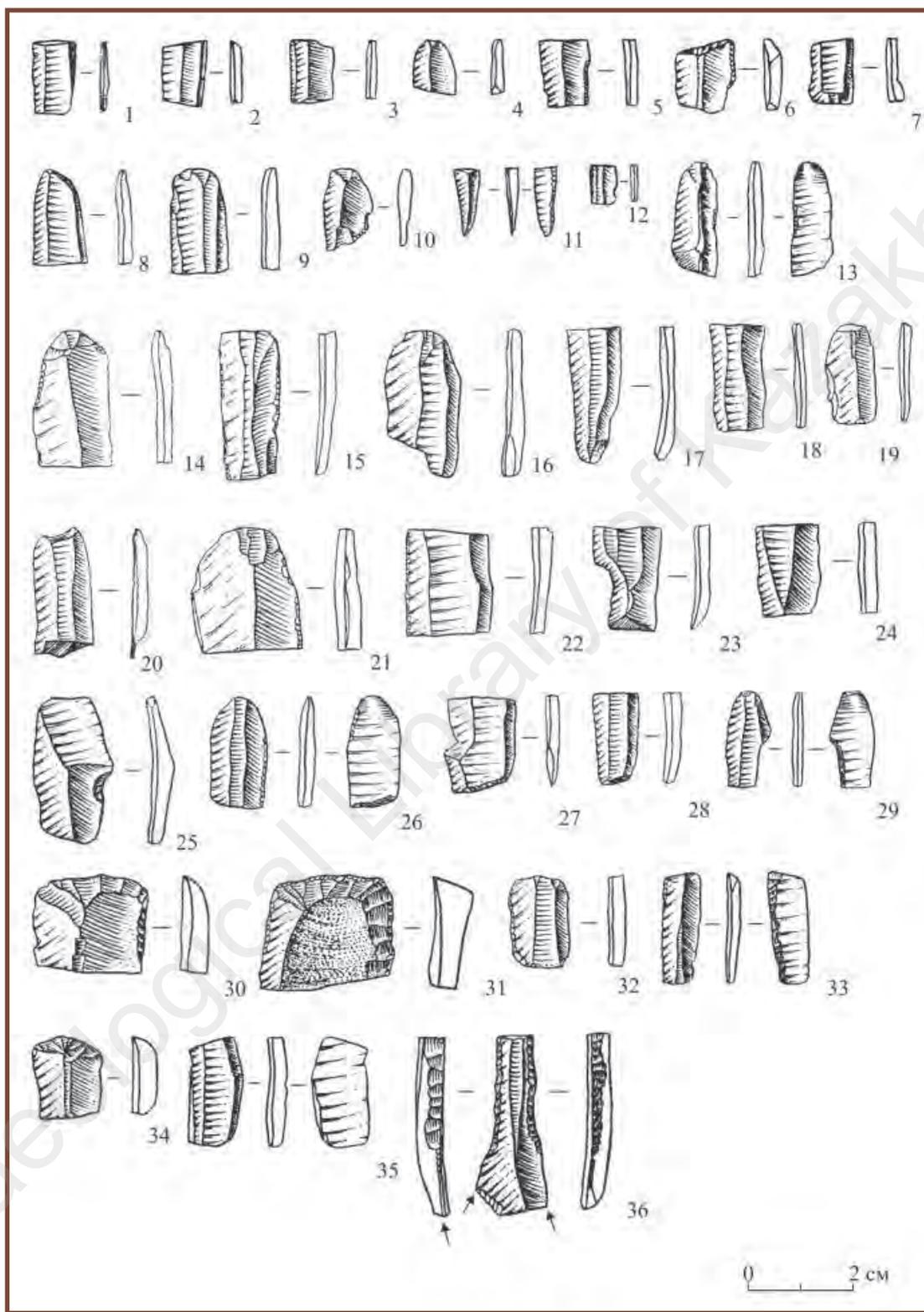
84

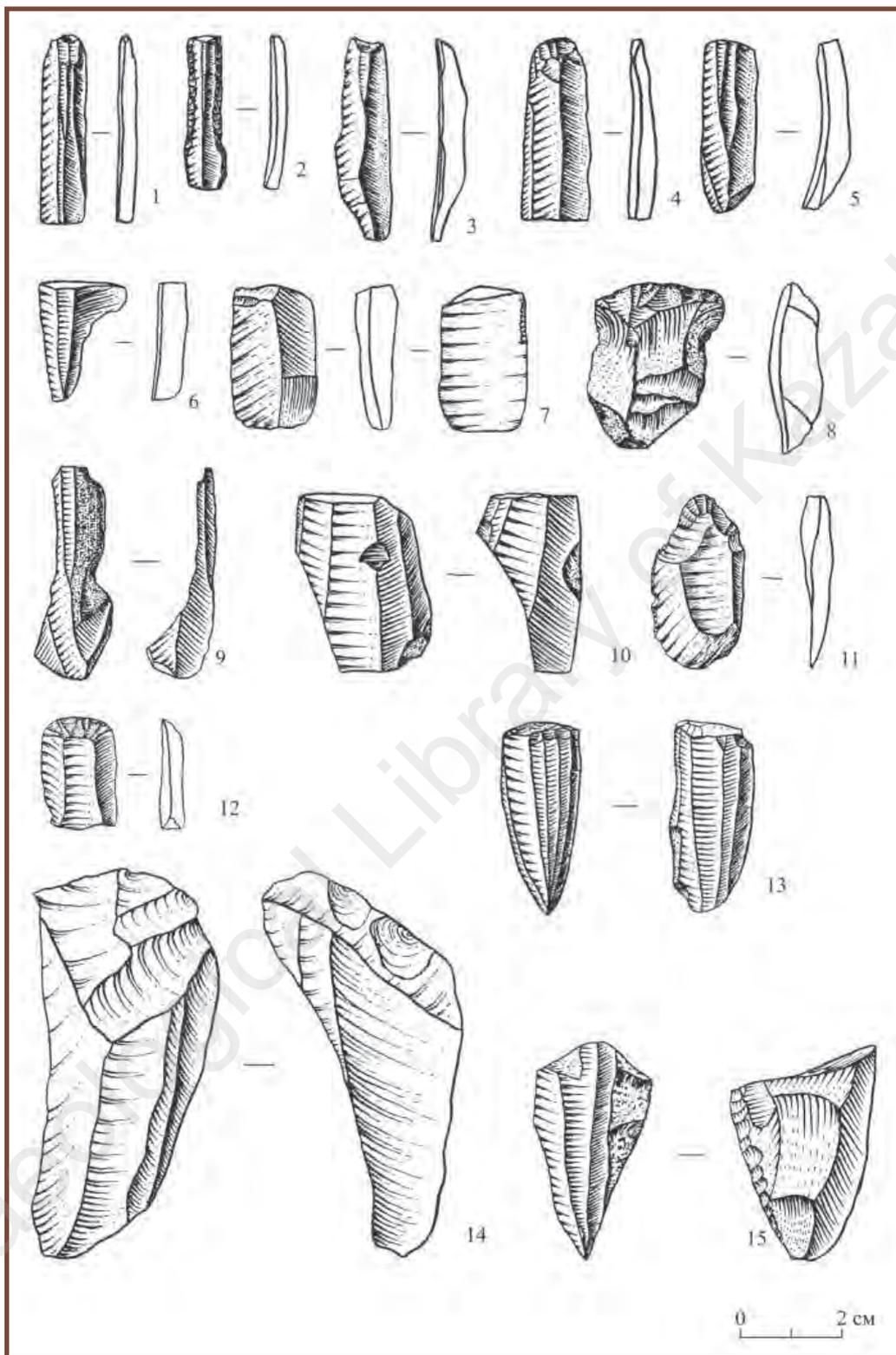

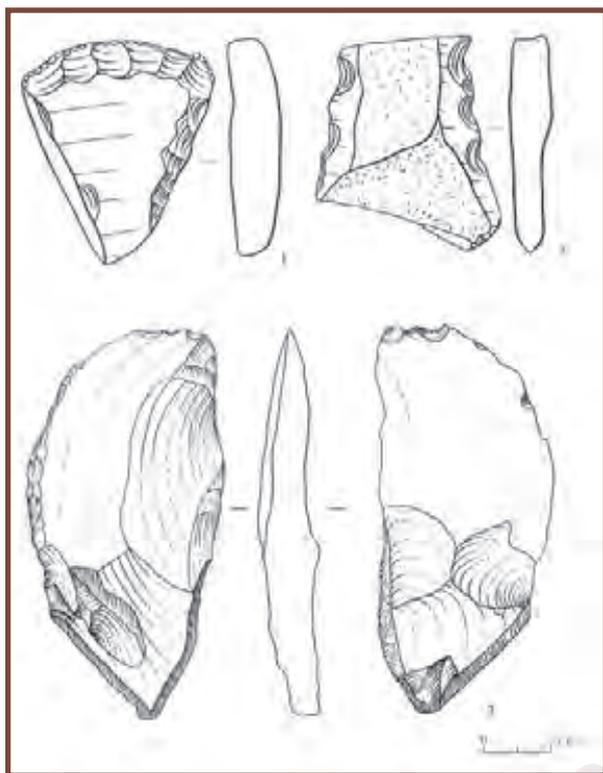

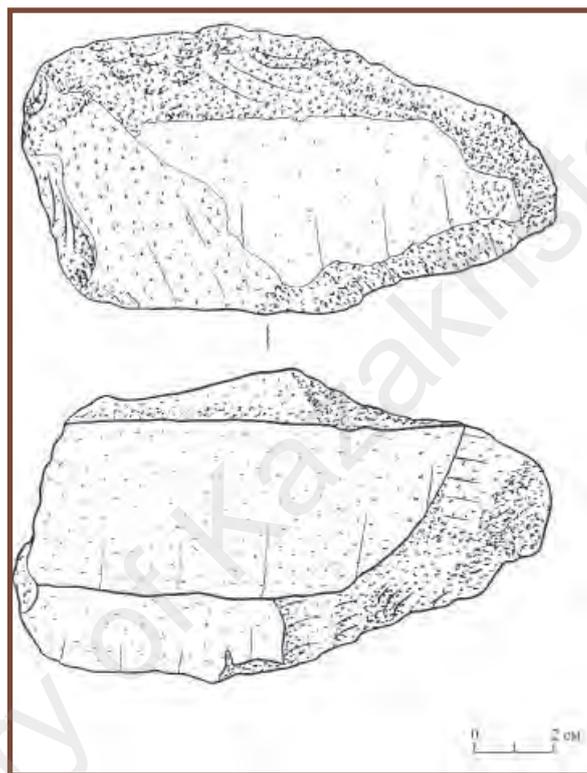

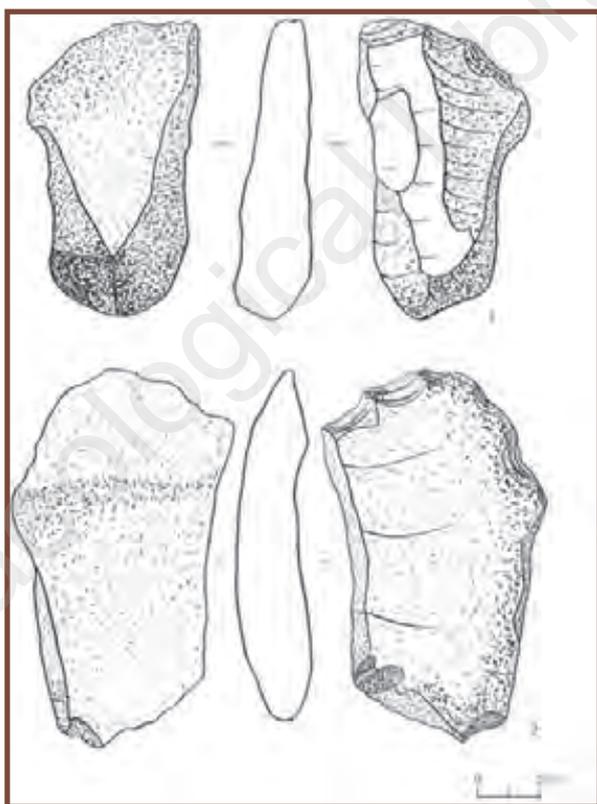

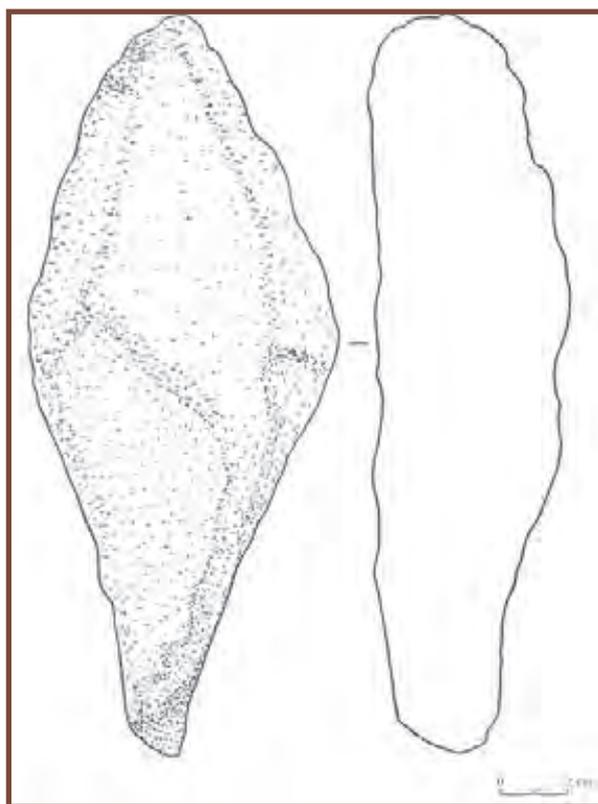
91

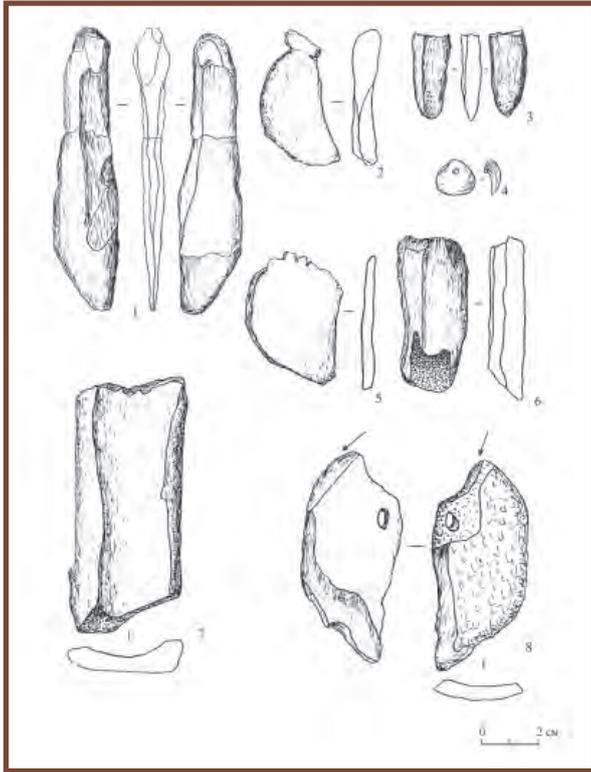
93

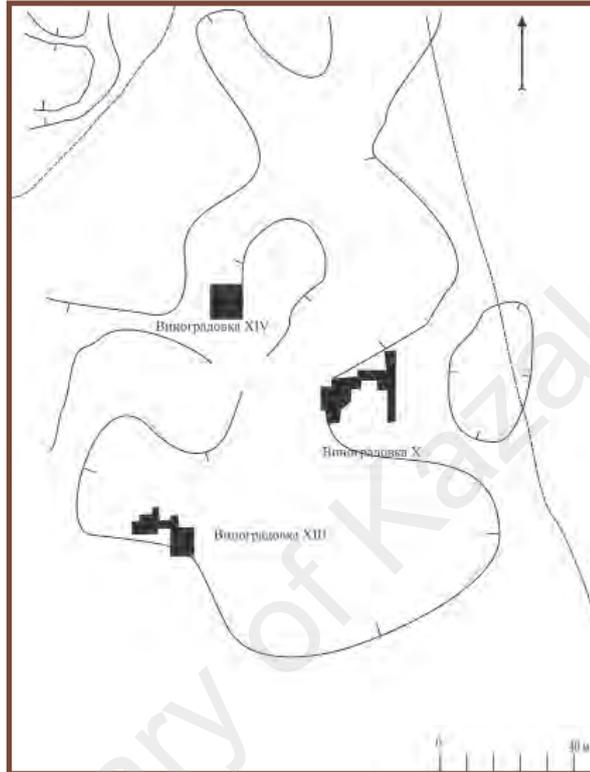
92

94

95

97

96

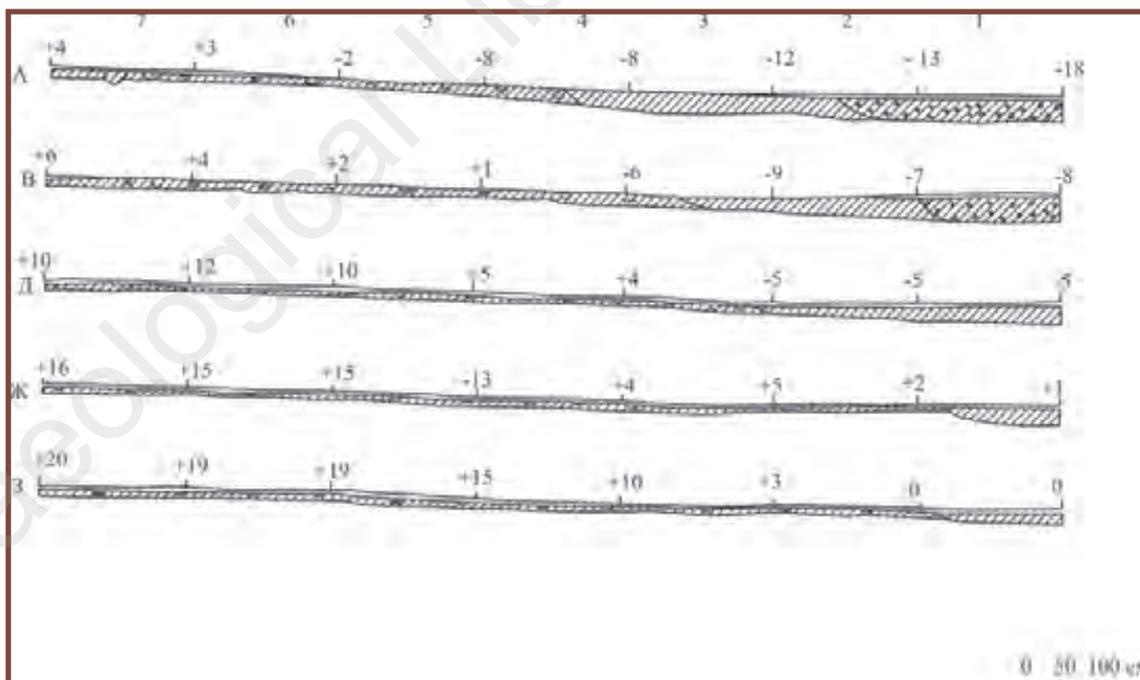
98

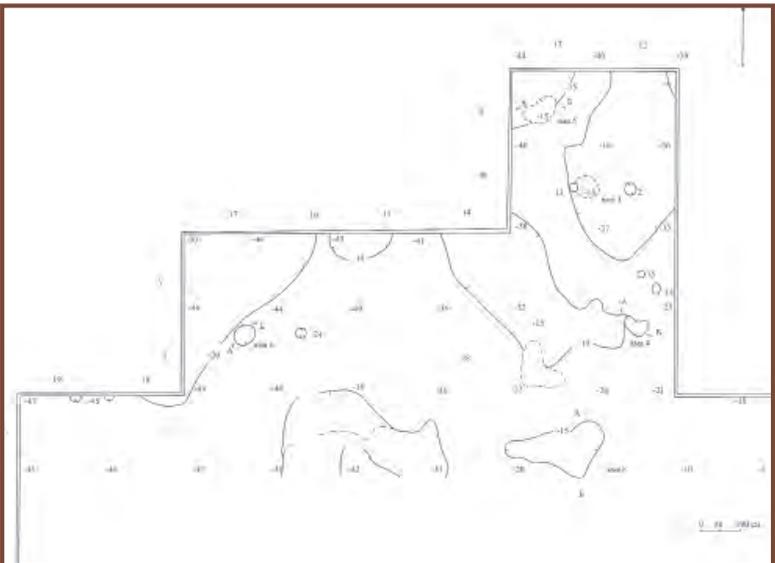
99

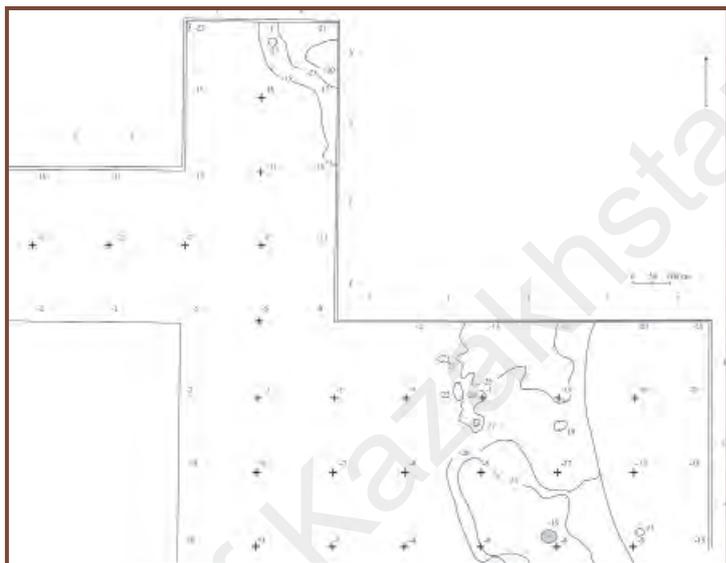
100

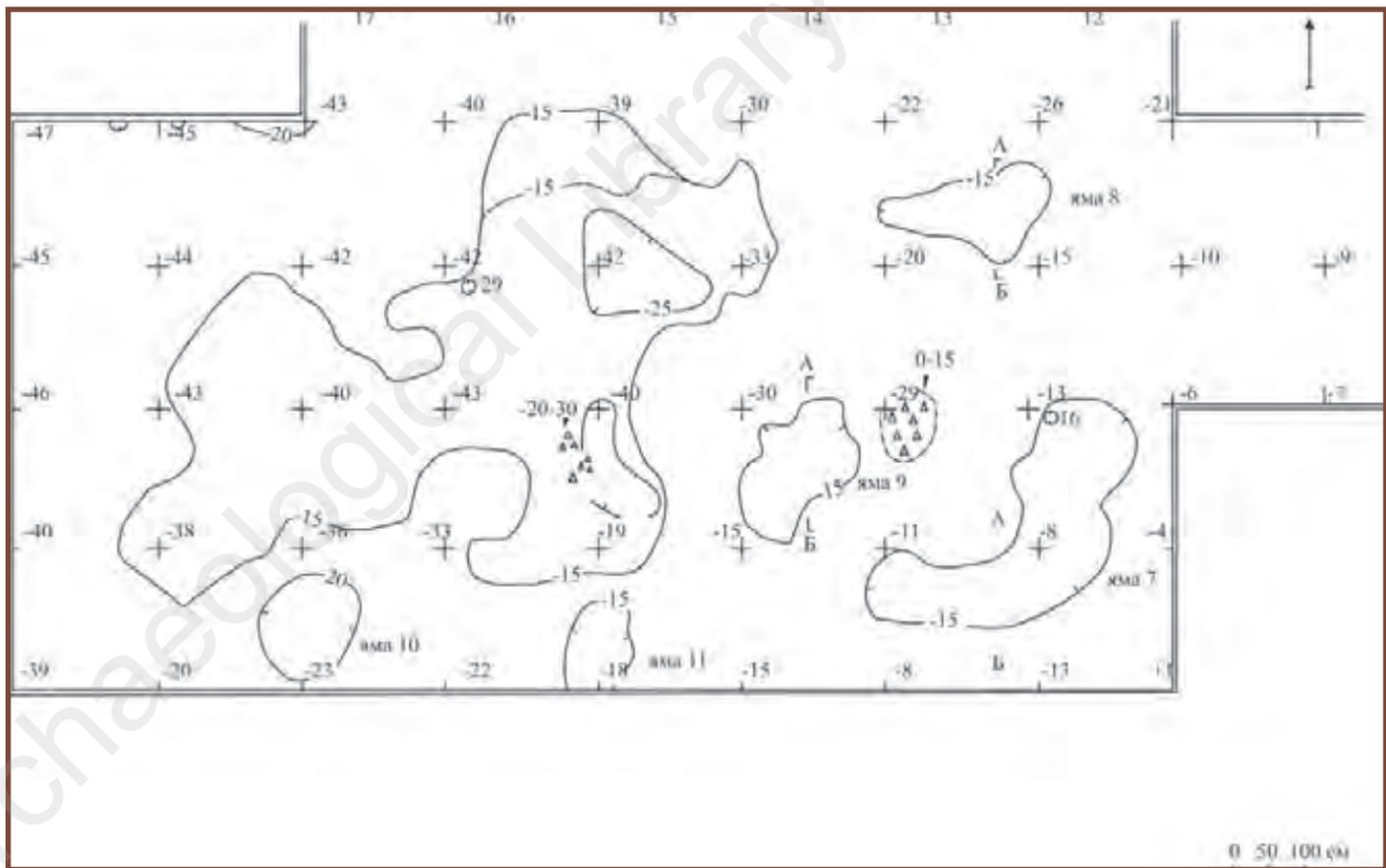
101

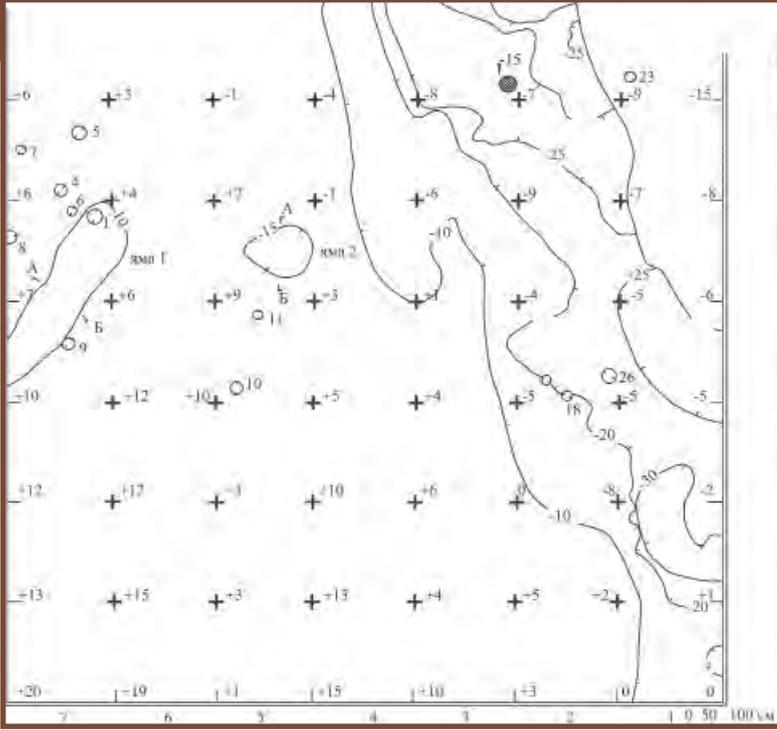
102

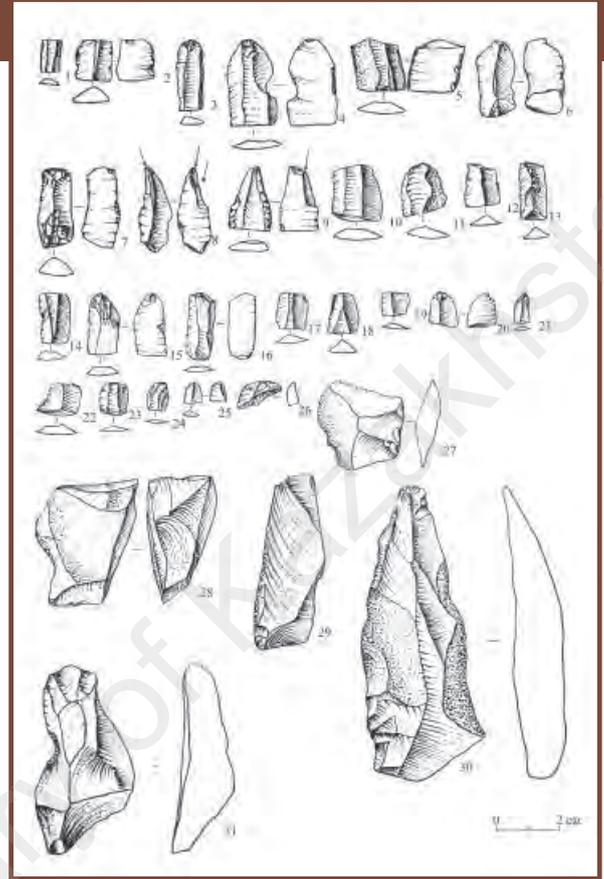
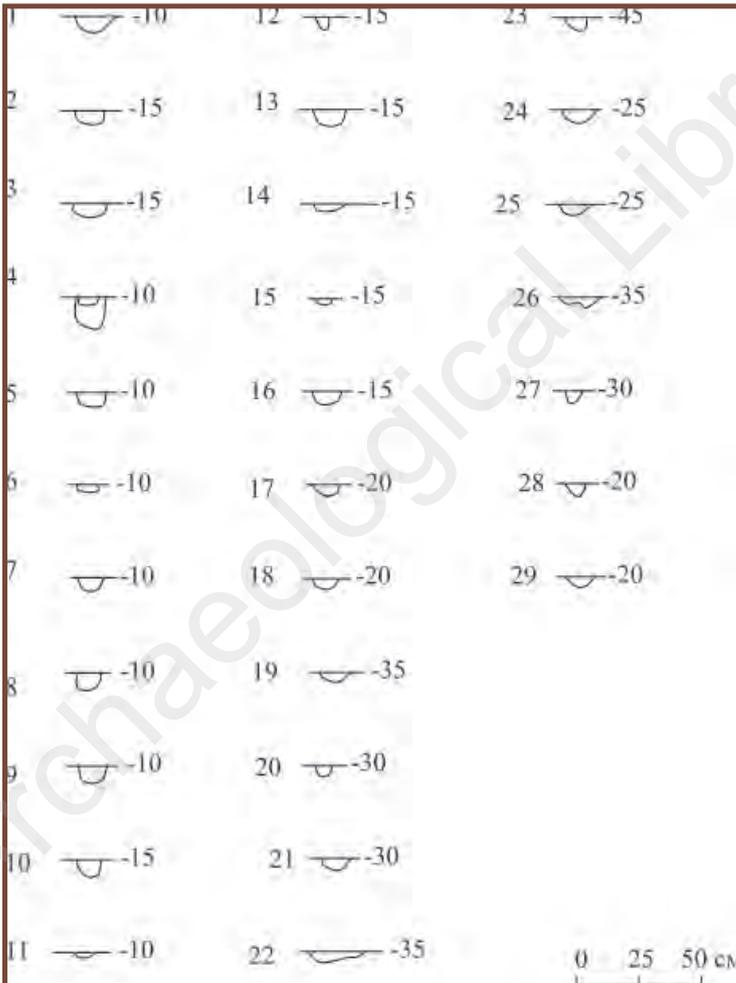
103

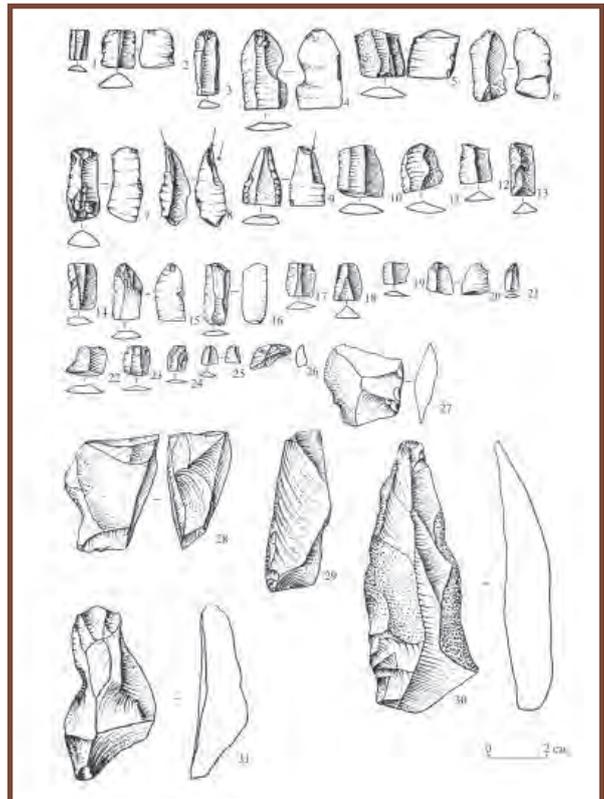
104

105

107

106

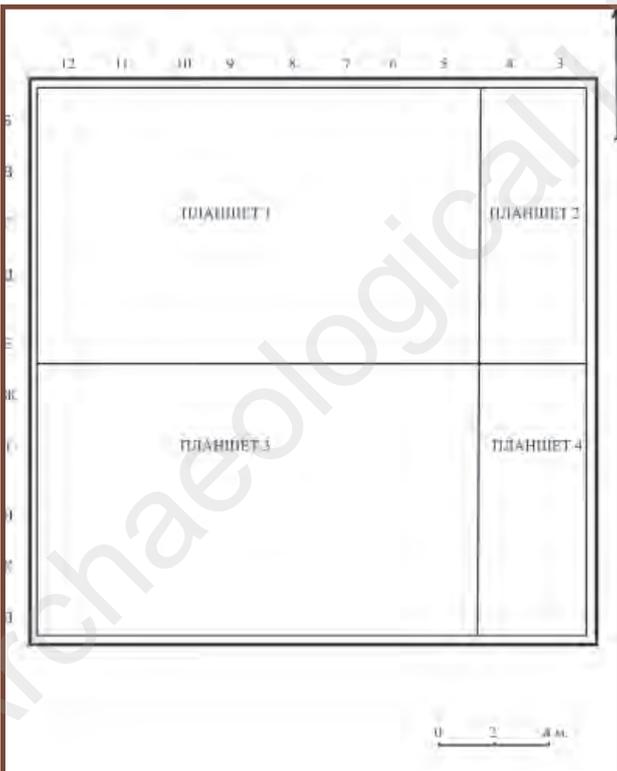
108

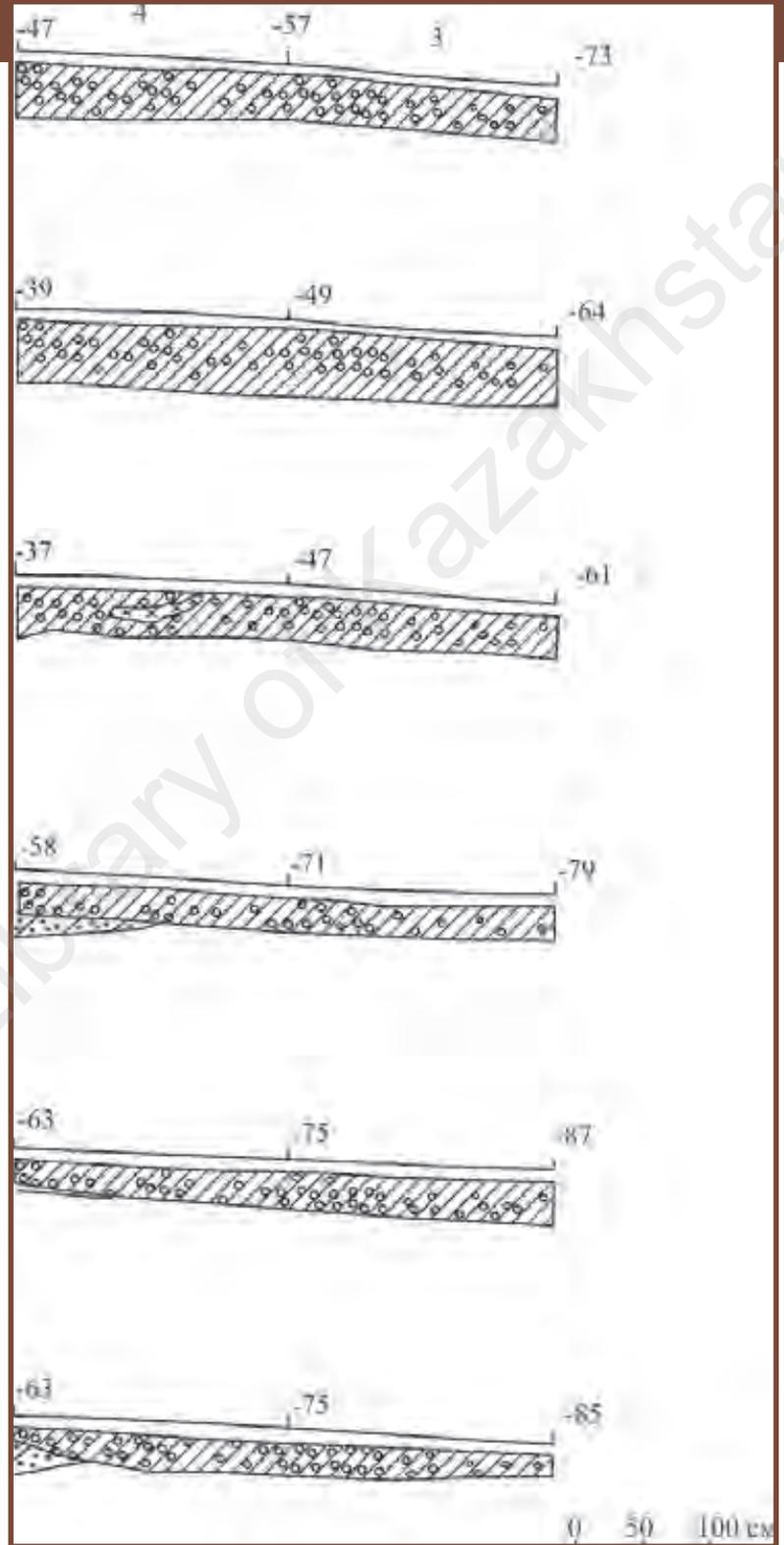
109

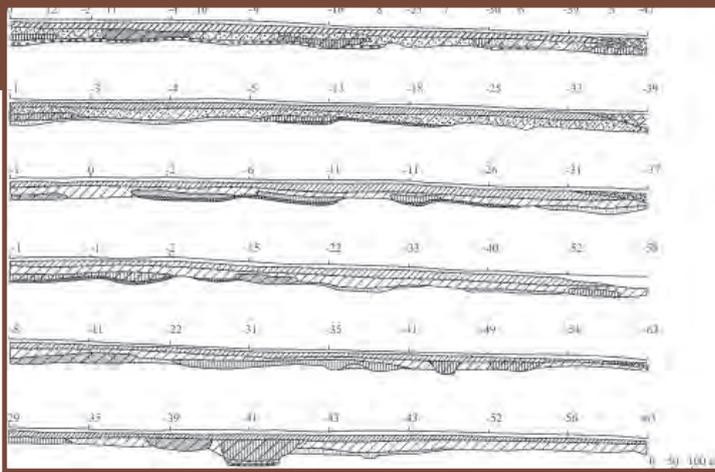
110

111

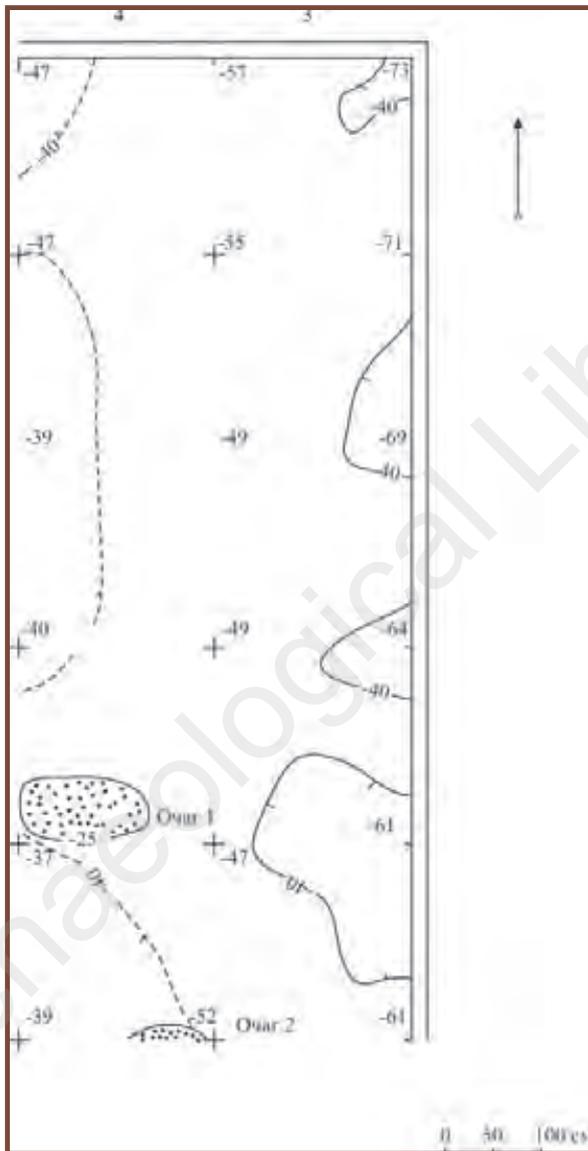
112

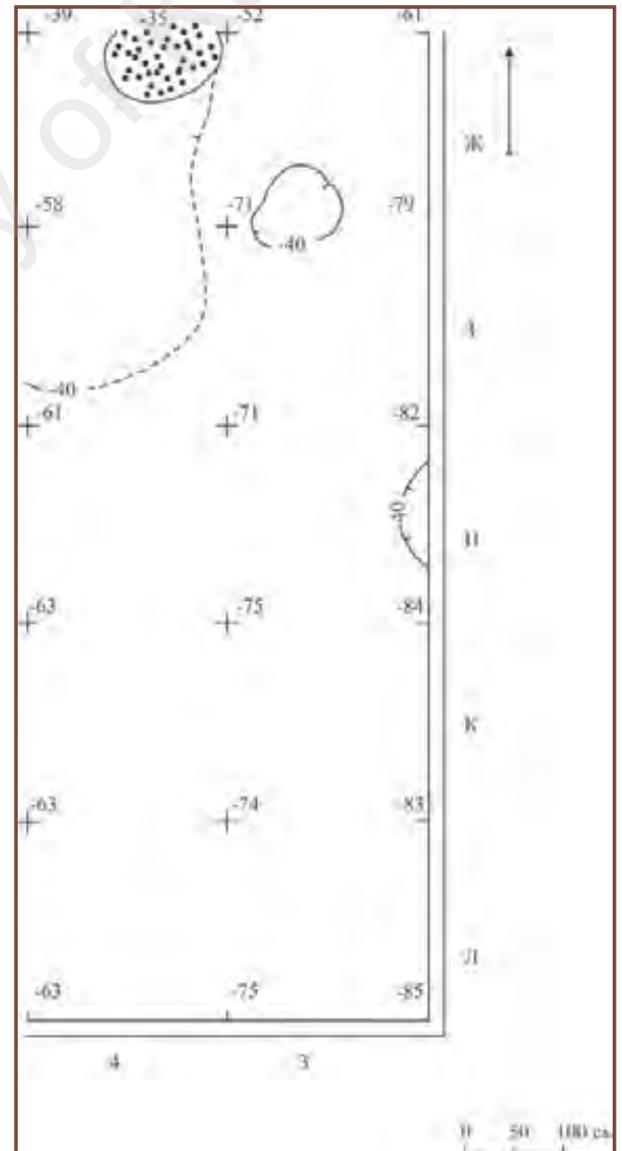
113

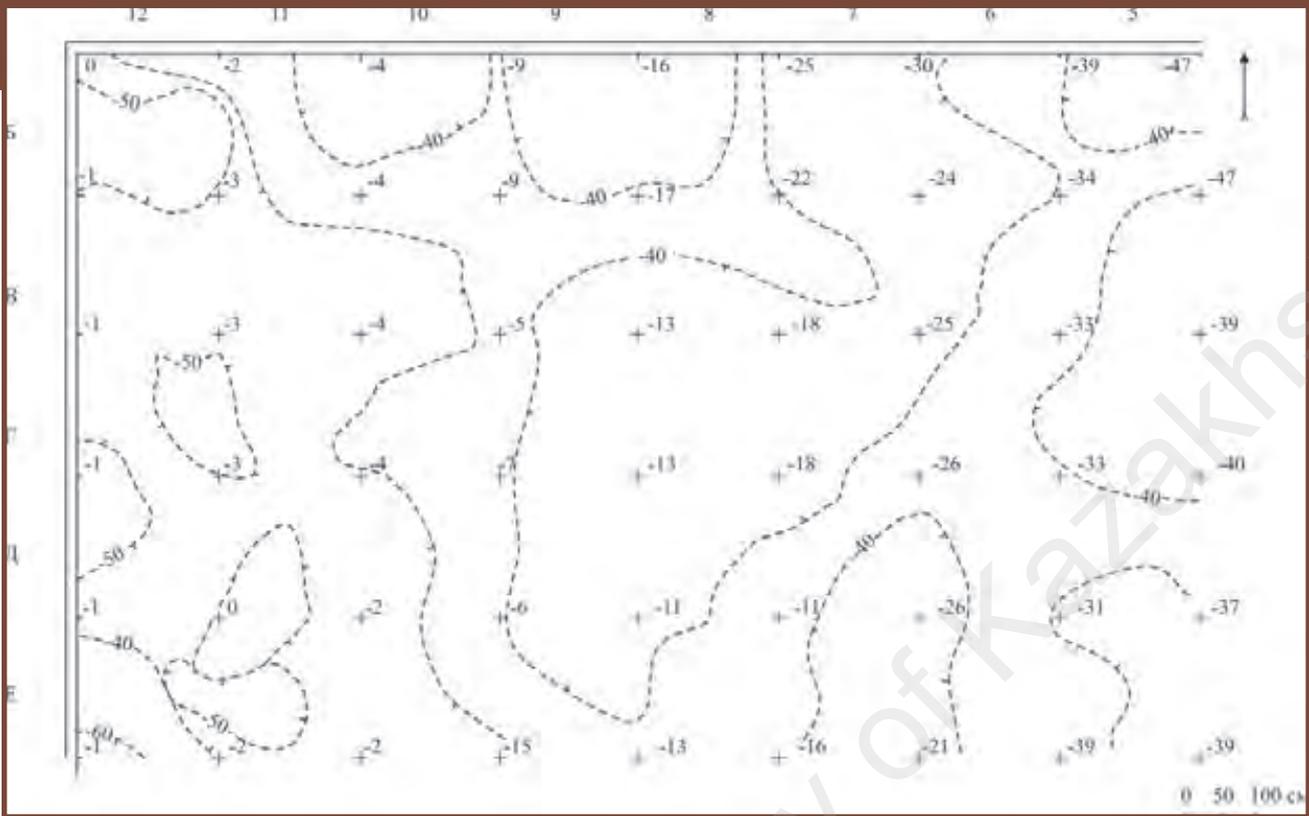
114

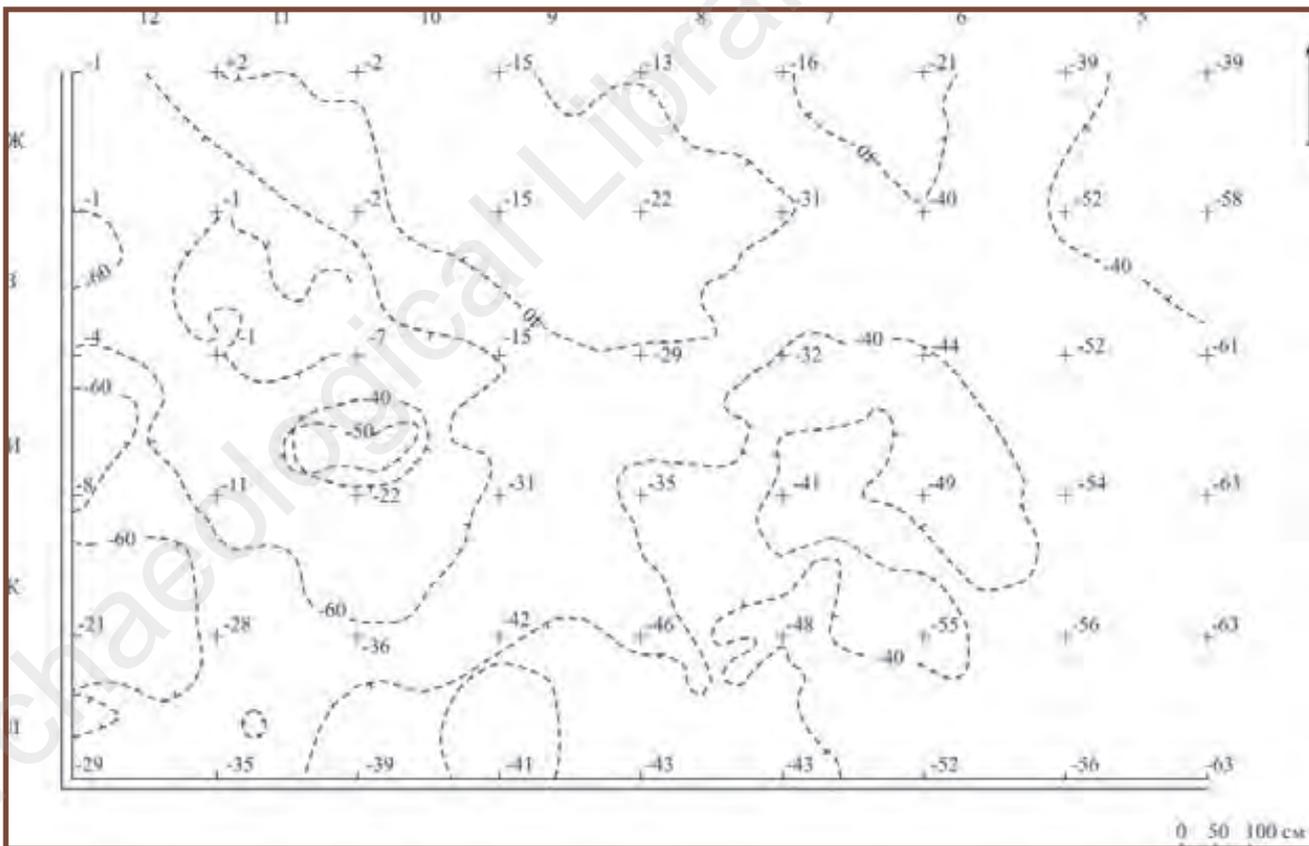
115

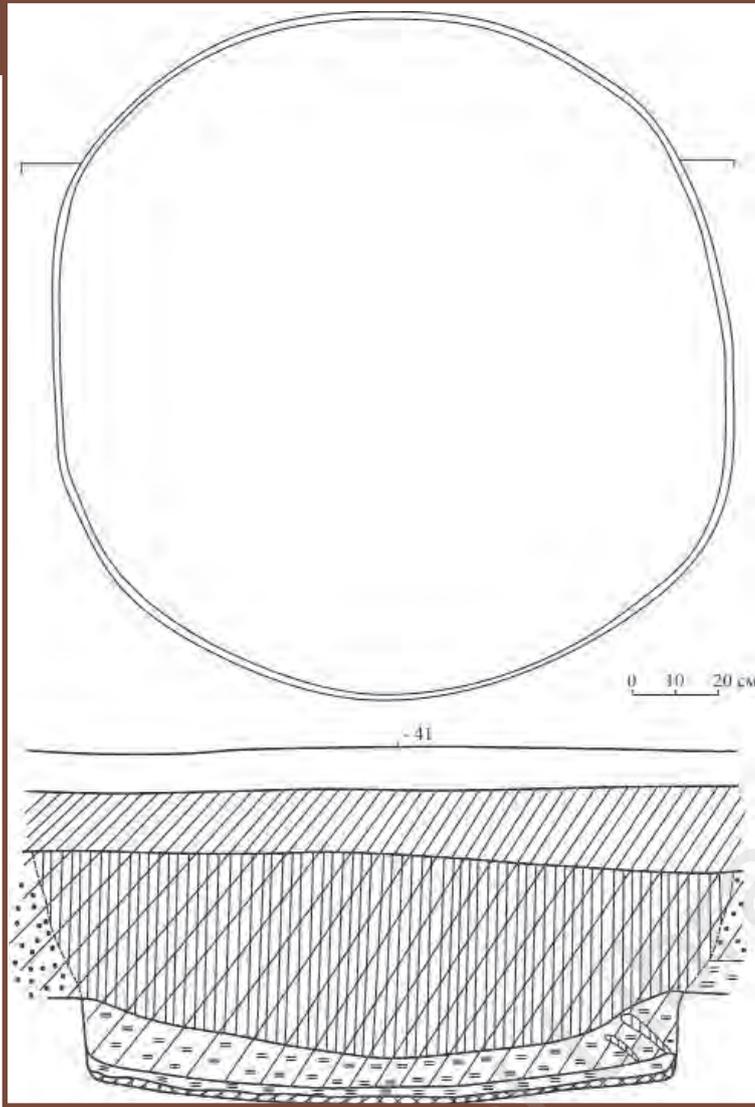
116

117

118

119

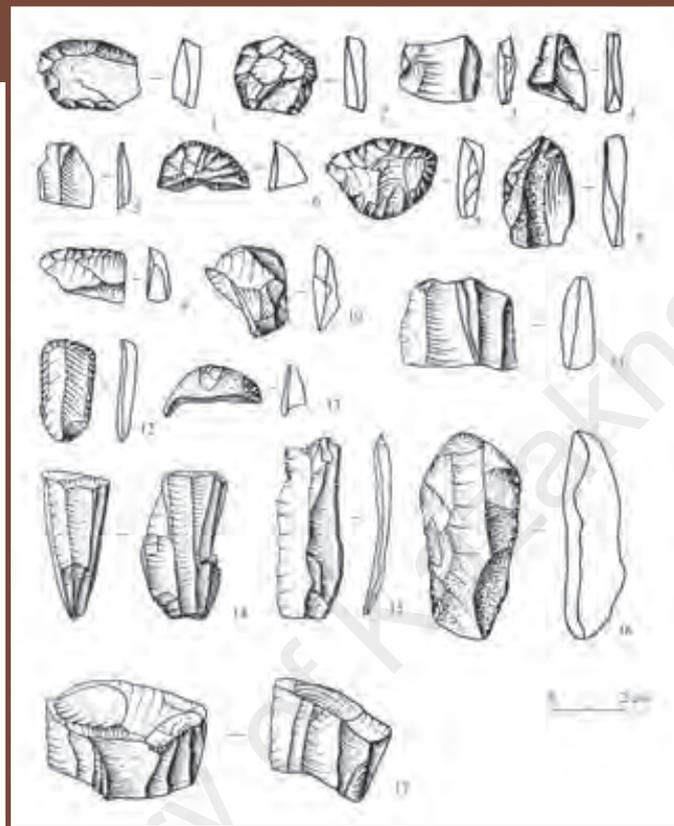
120

121

122

124

123

125

126

127

128

129

130

131

136

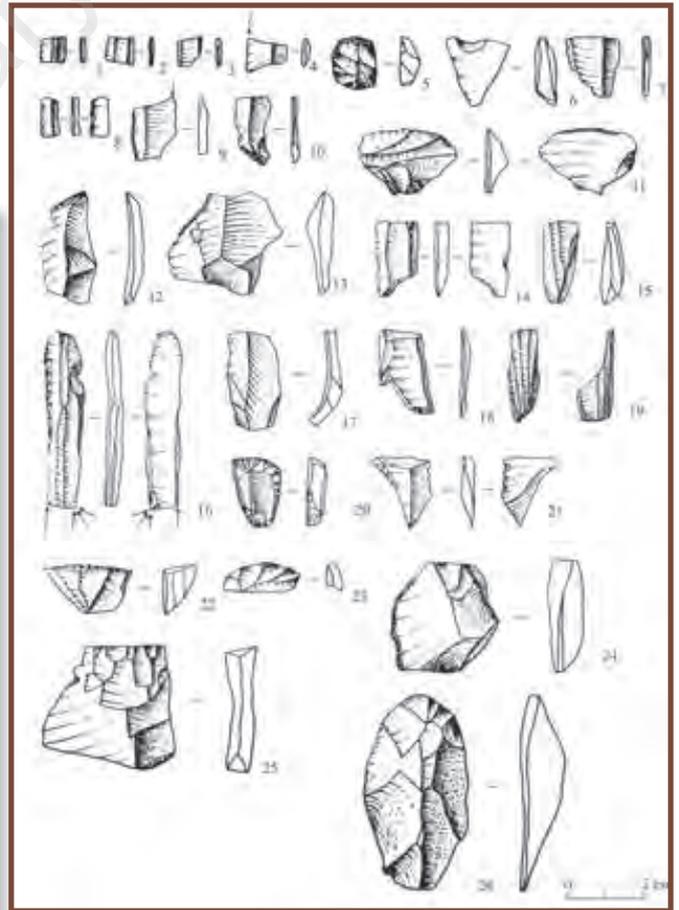
138

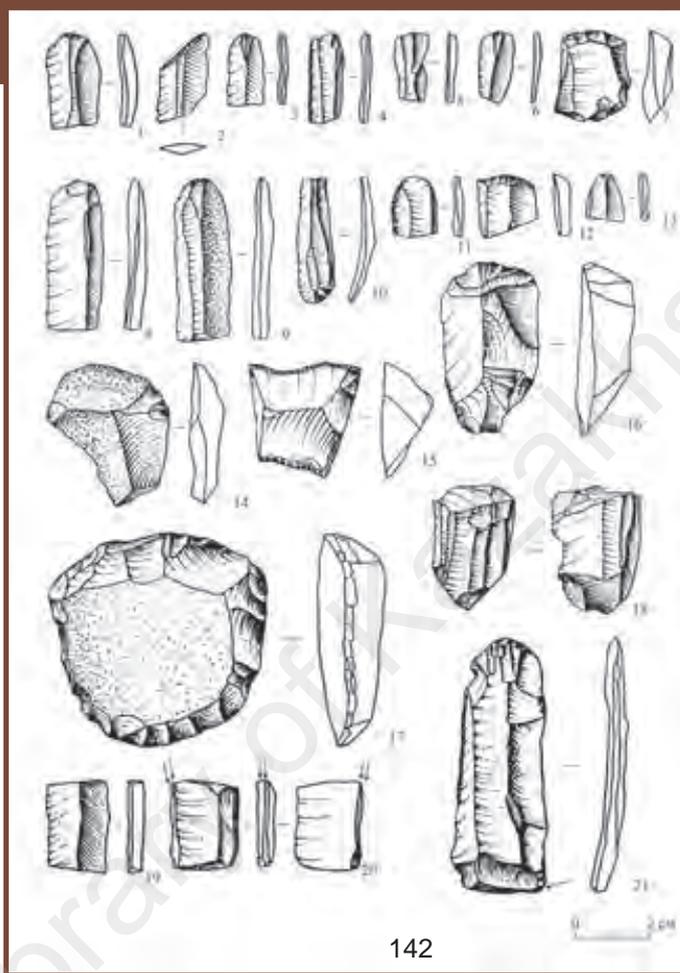
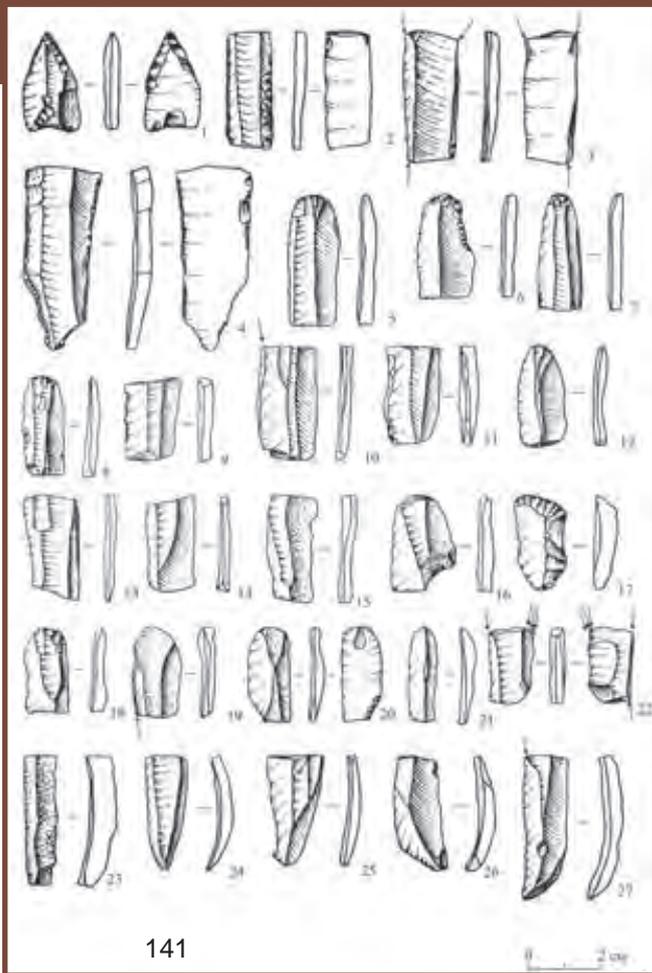
139

137

140

147

149

150

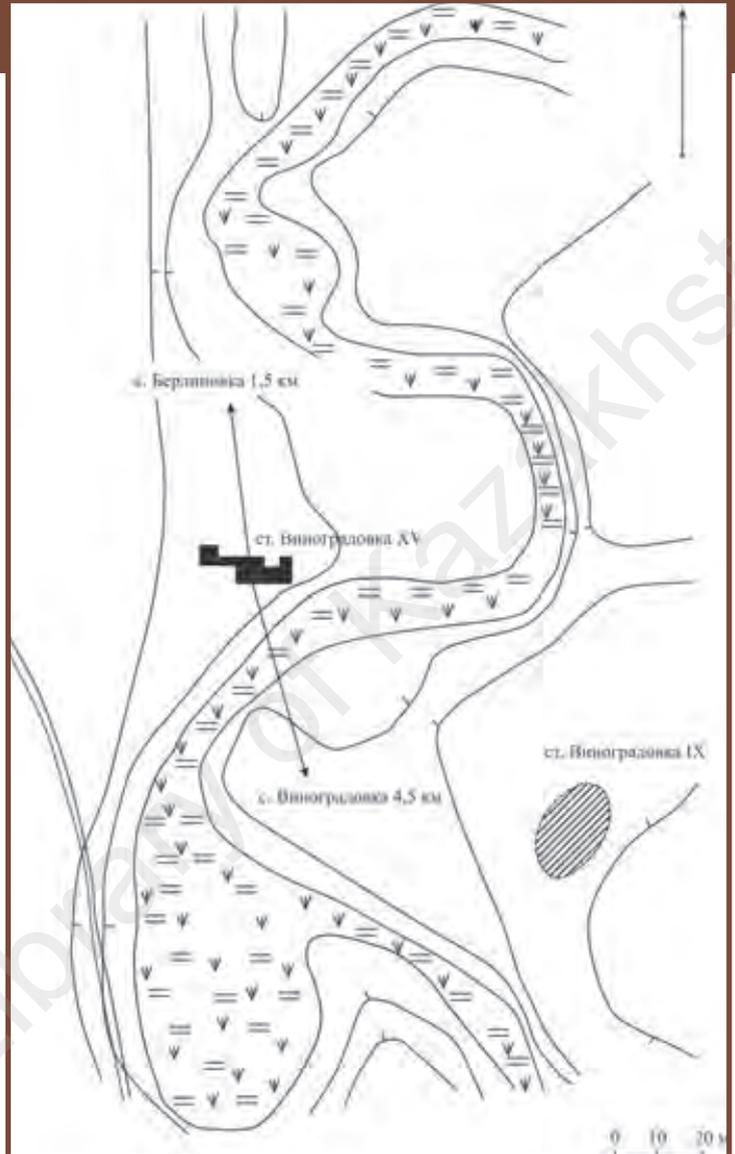
148

151

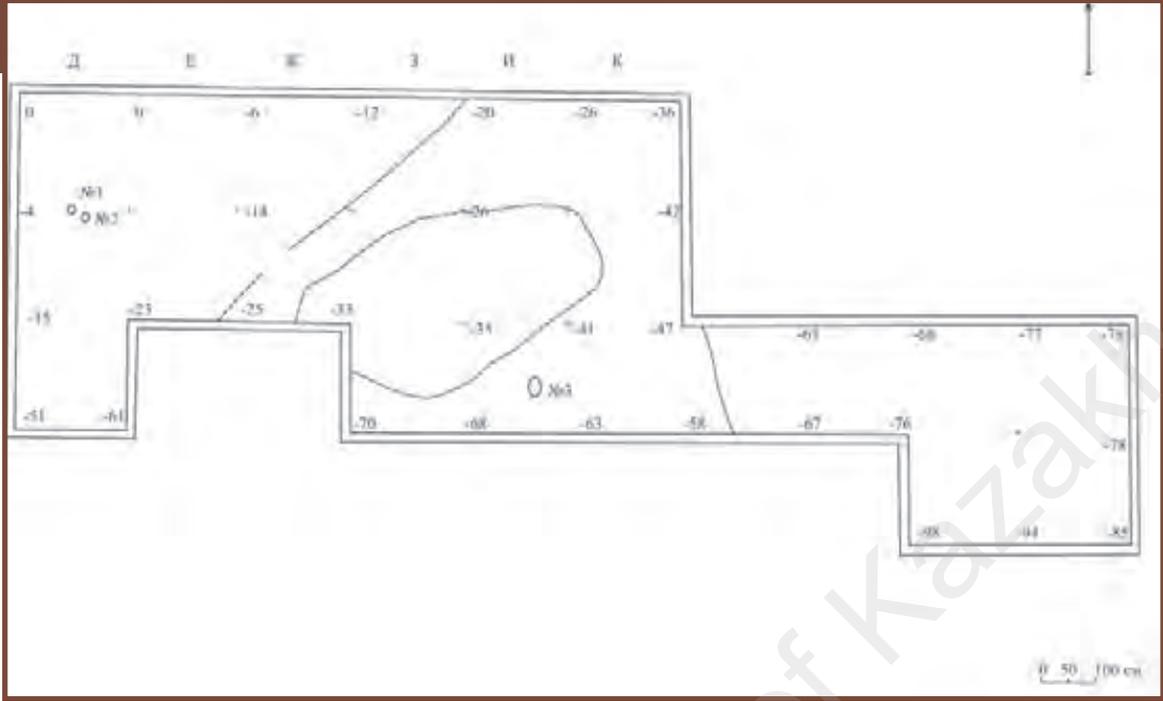
152

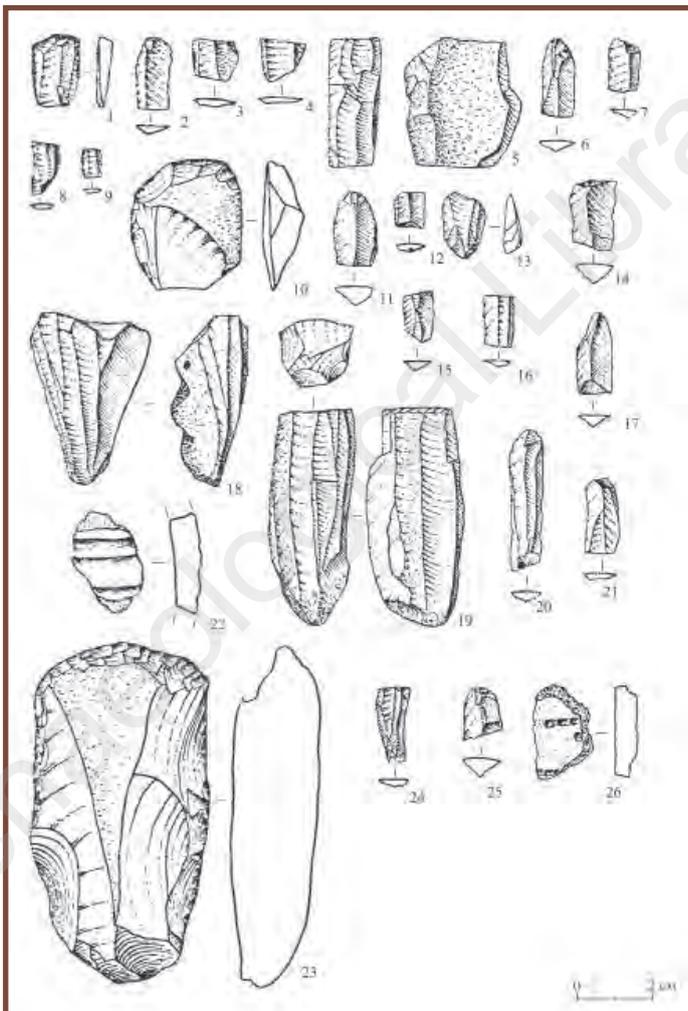
154

153

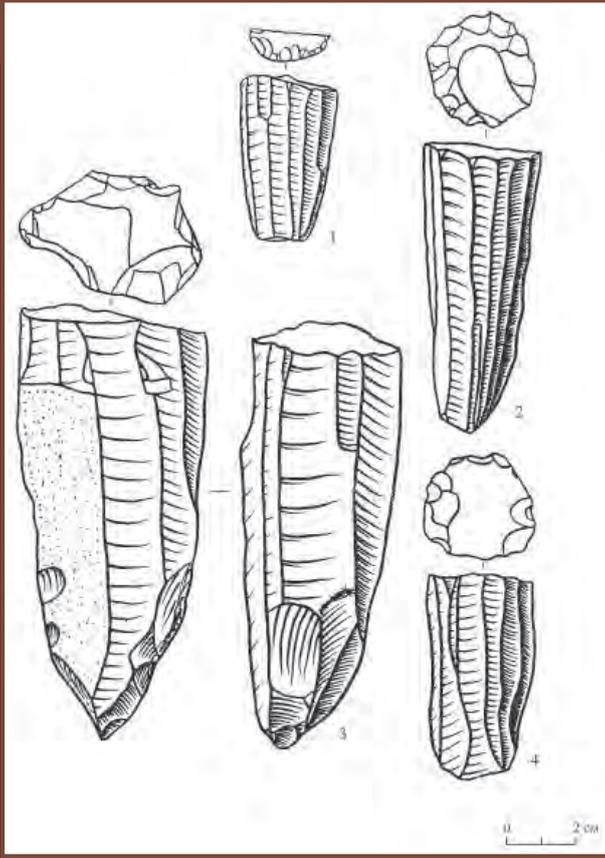
155

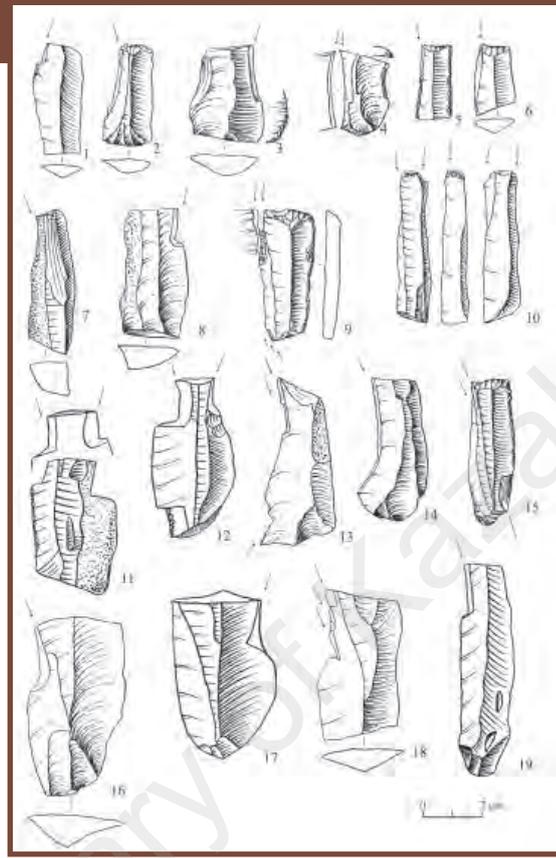
156

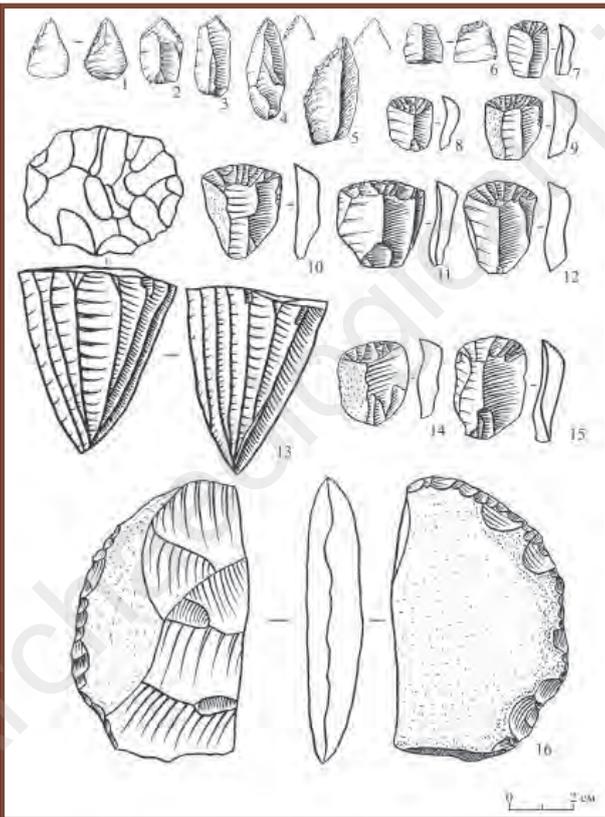
157

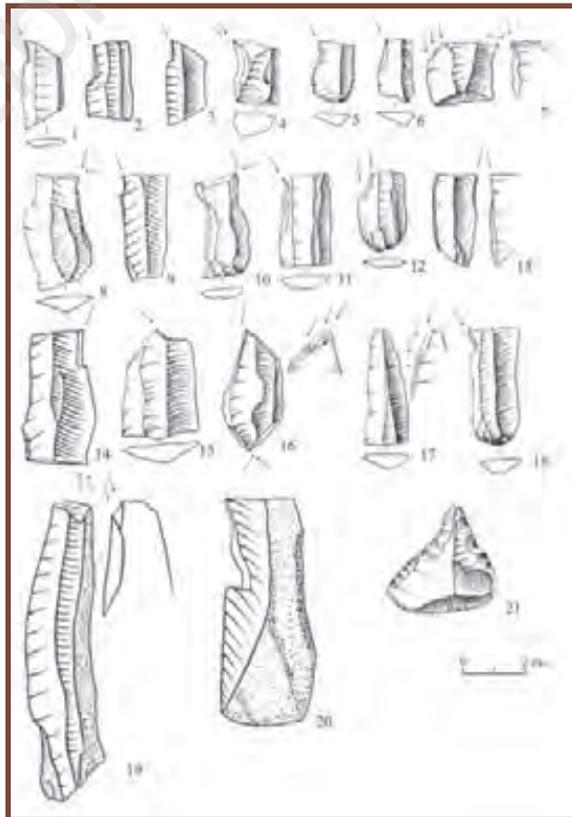
158

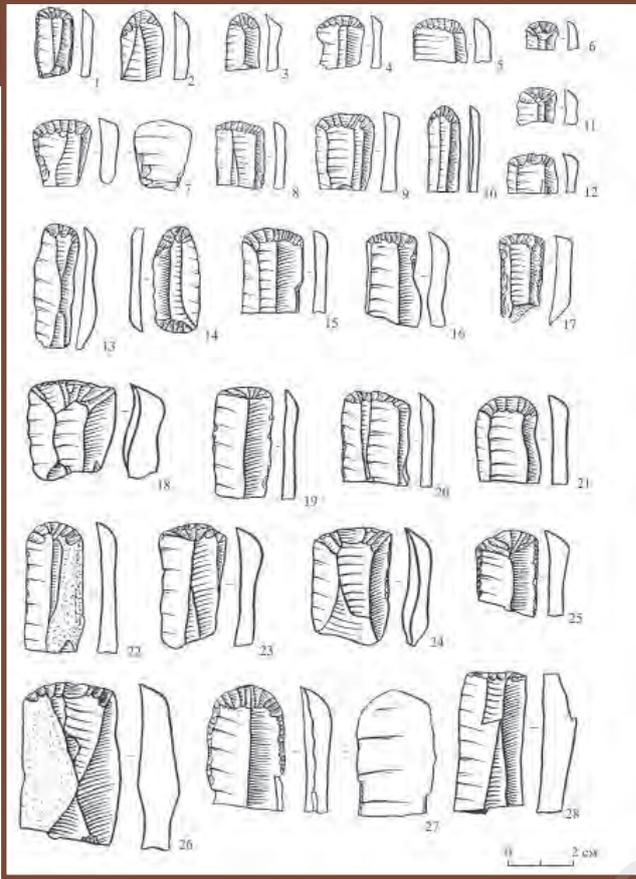
159

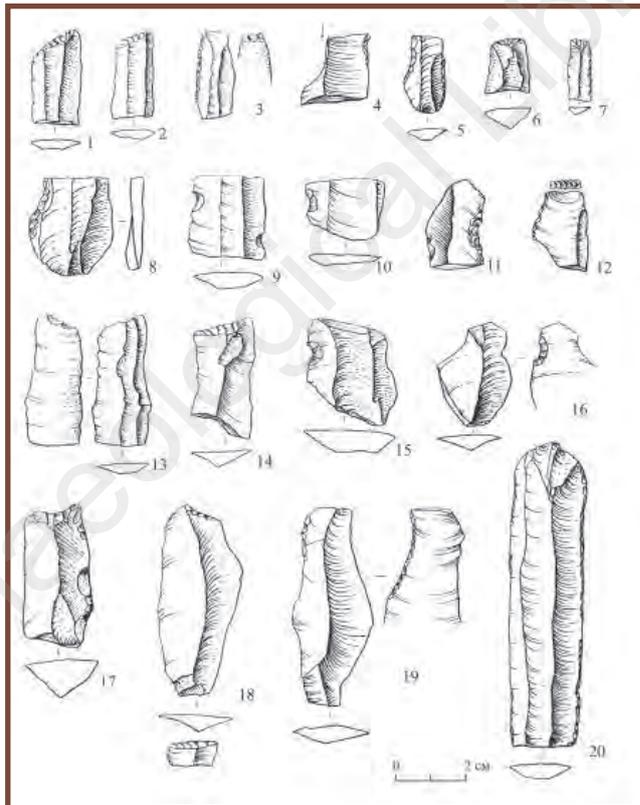
160

161

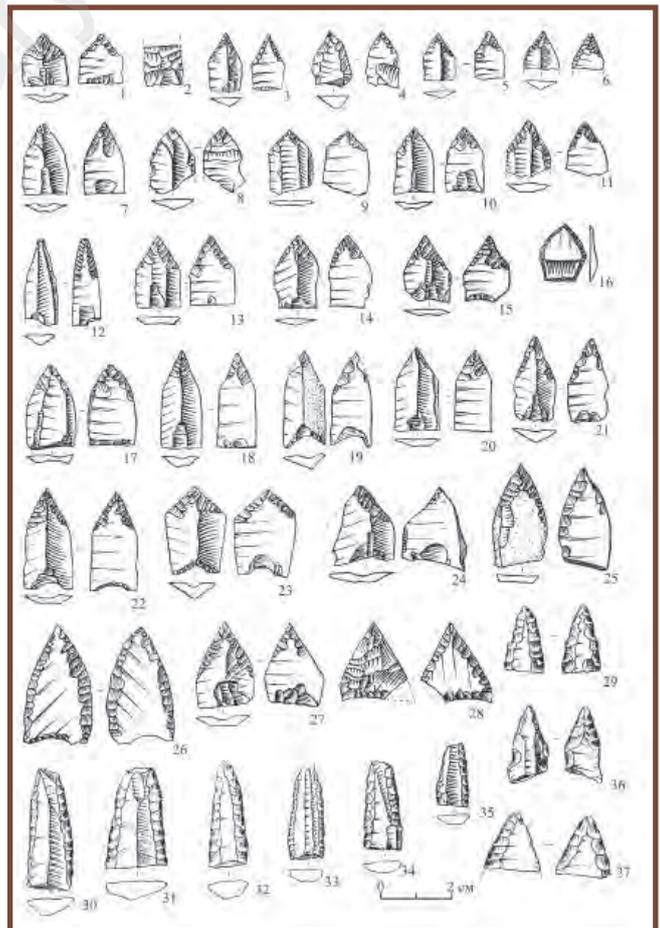
162

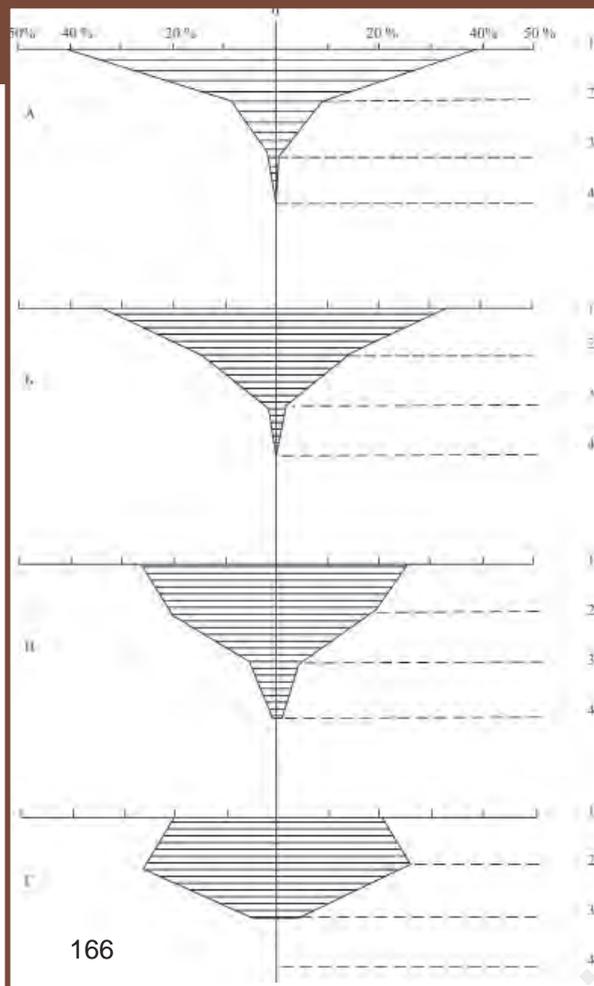
163

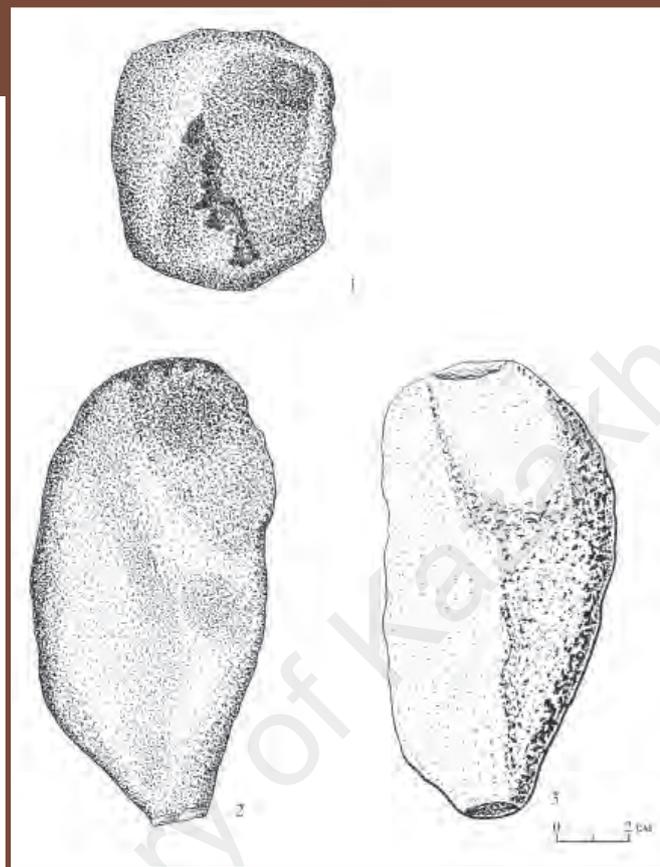
164

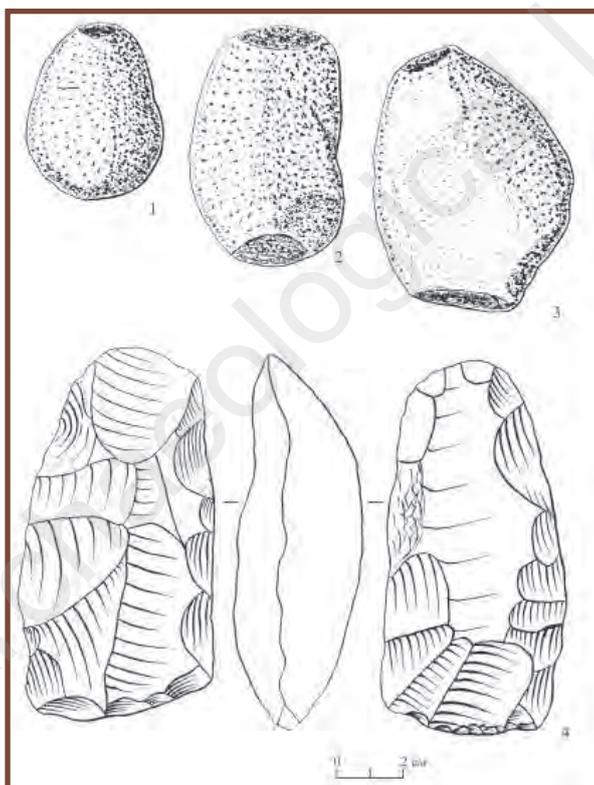
165

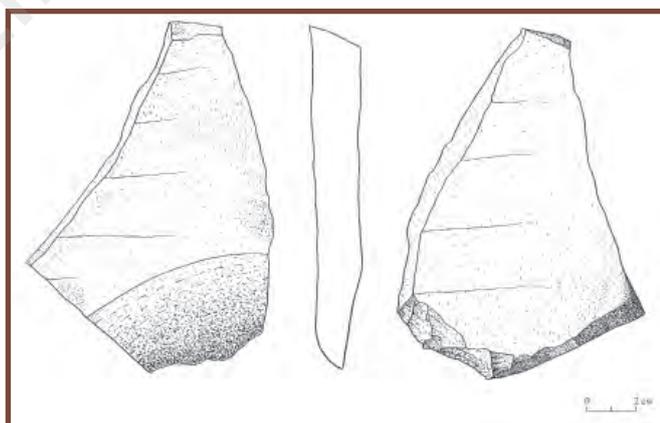
166

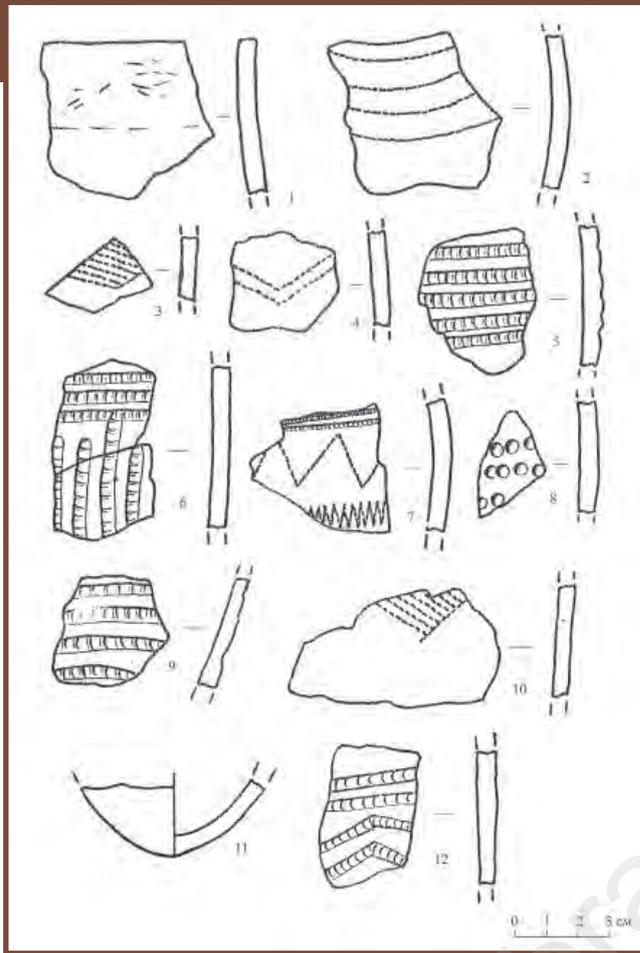
168

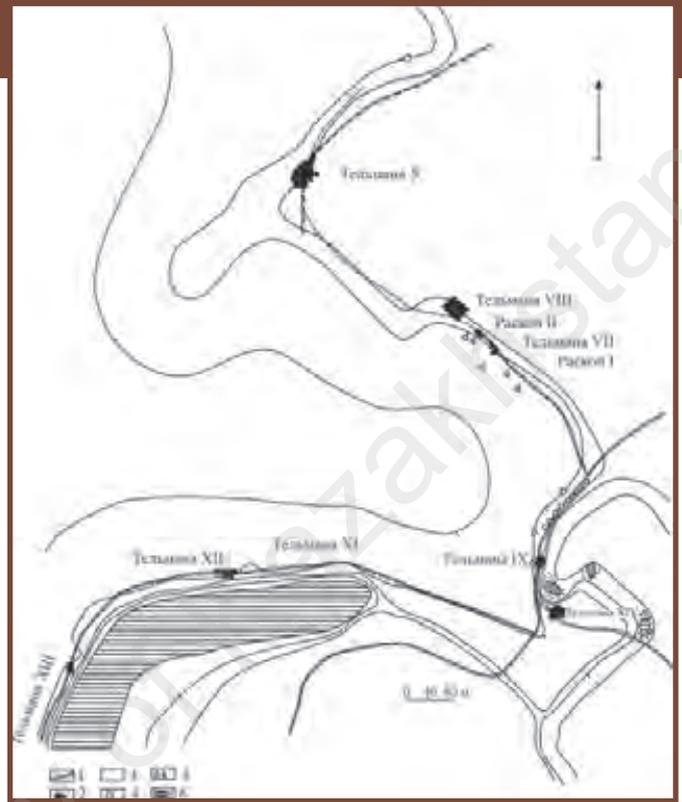
167

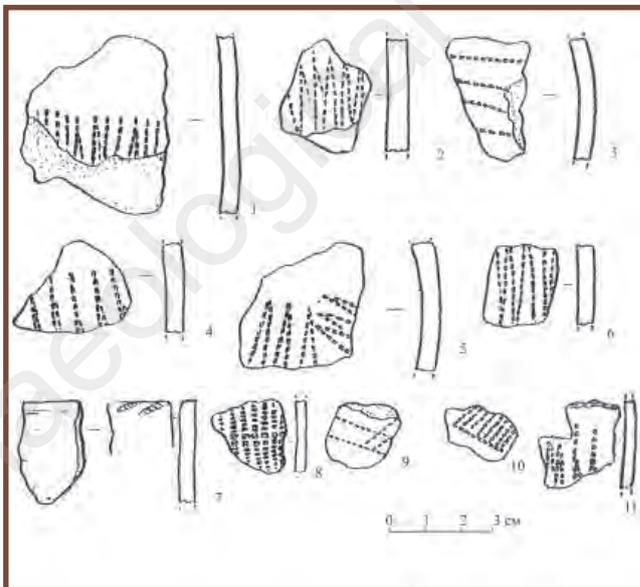
169

170

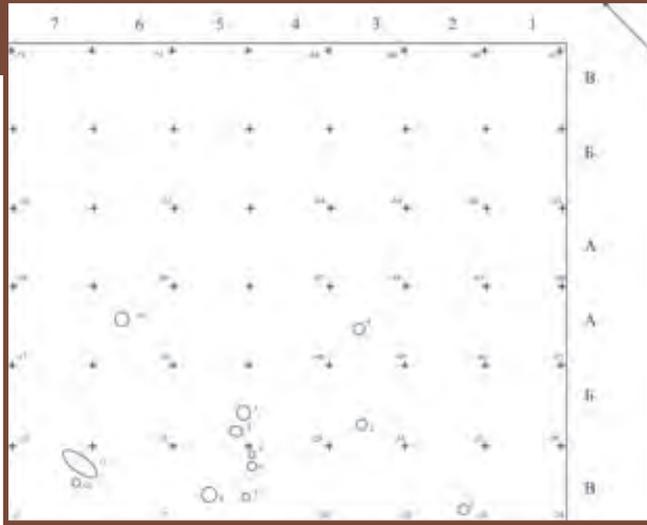
172

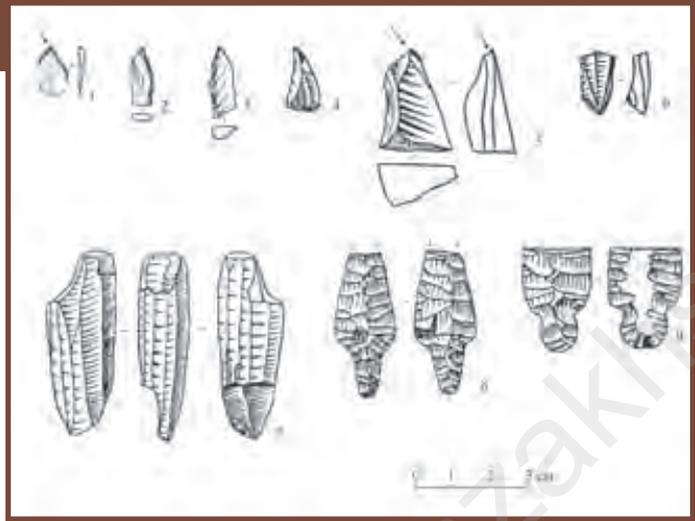
171

173

174

176

175

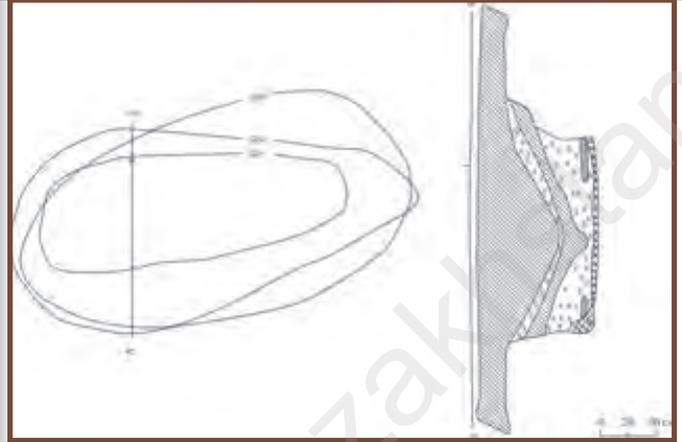
177

178

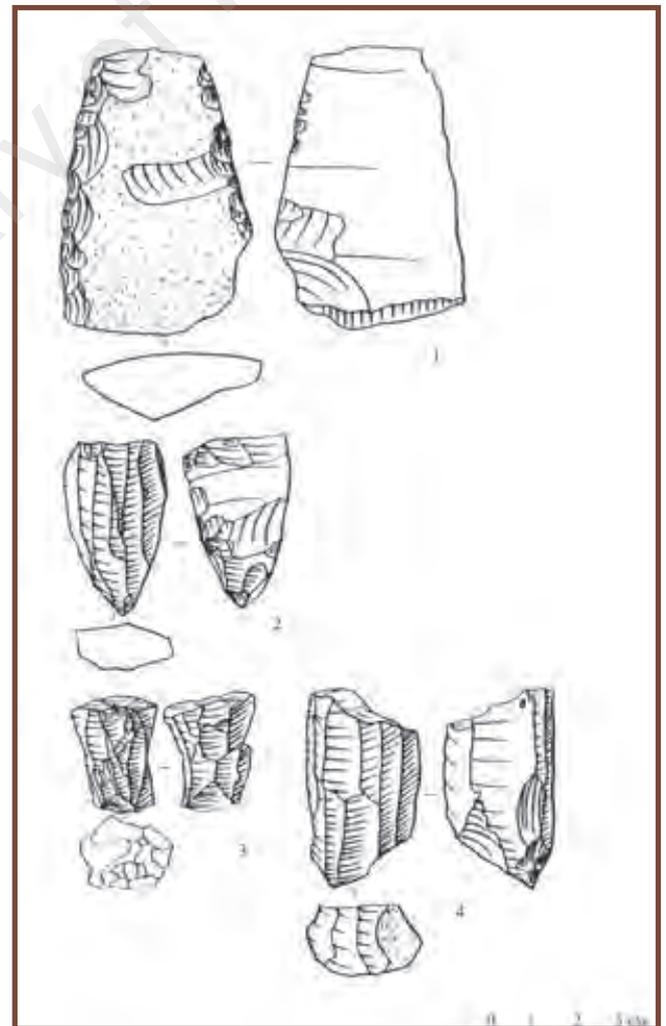
179

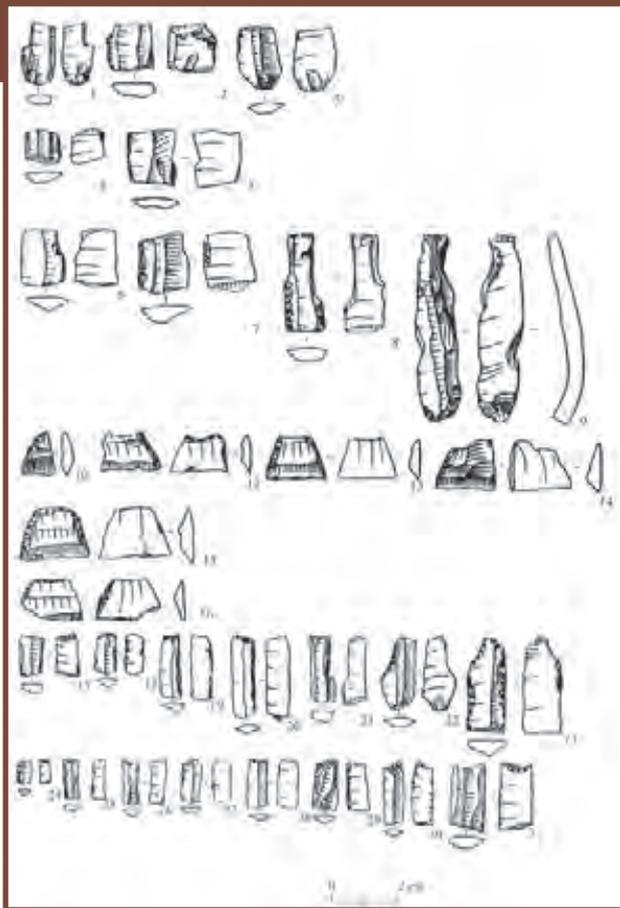
181

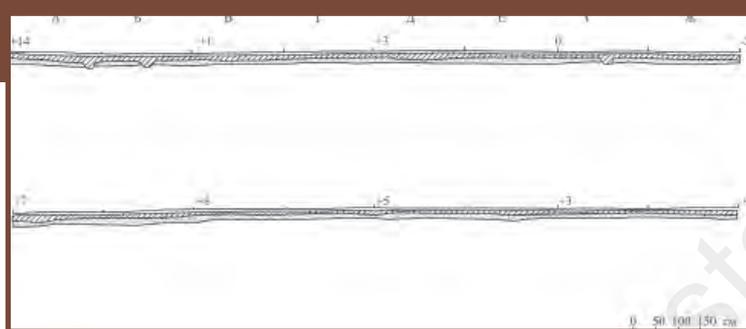
180

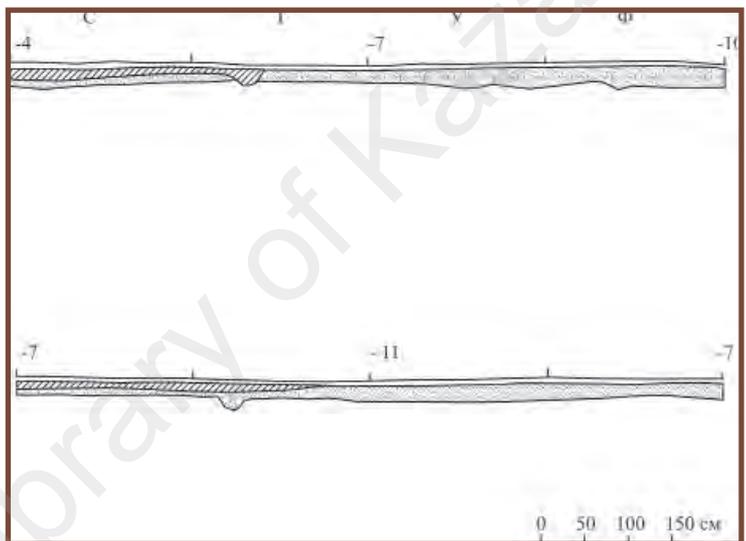
182

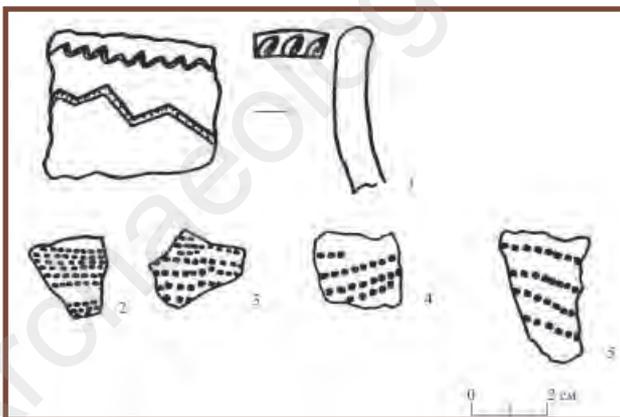
183

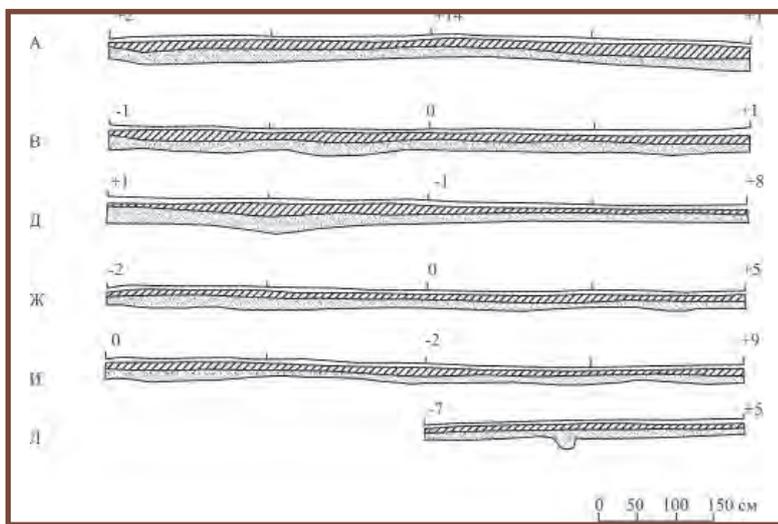
185

186

184

187

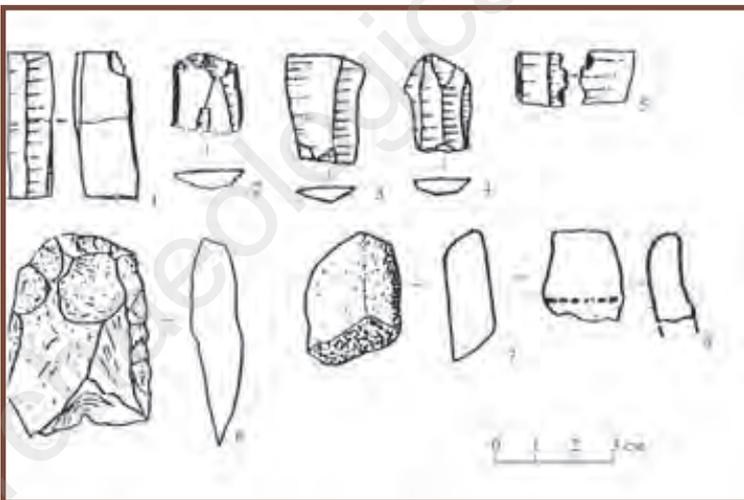
188

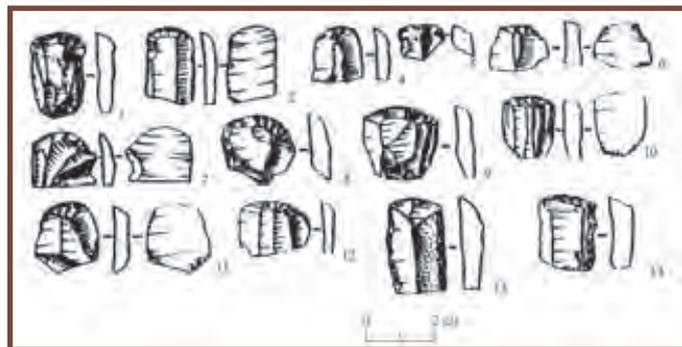
190

191

189

192

193

195

194

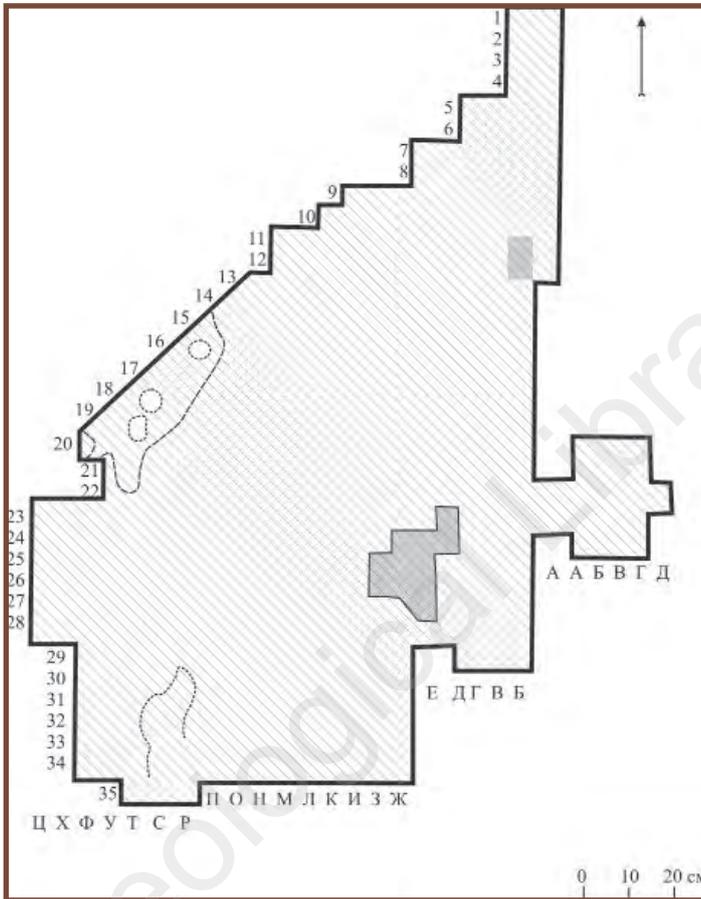
196

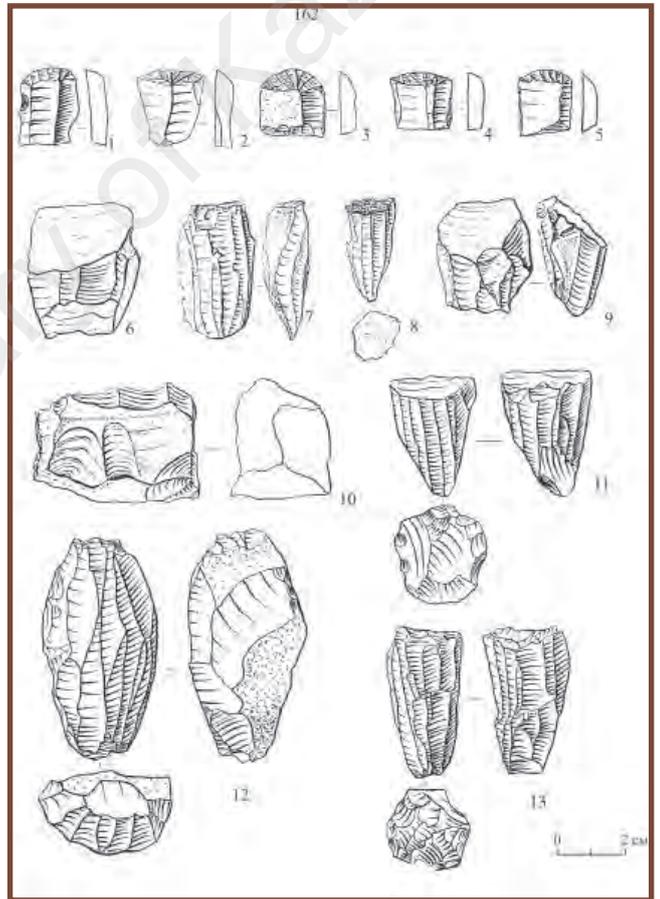
197

200

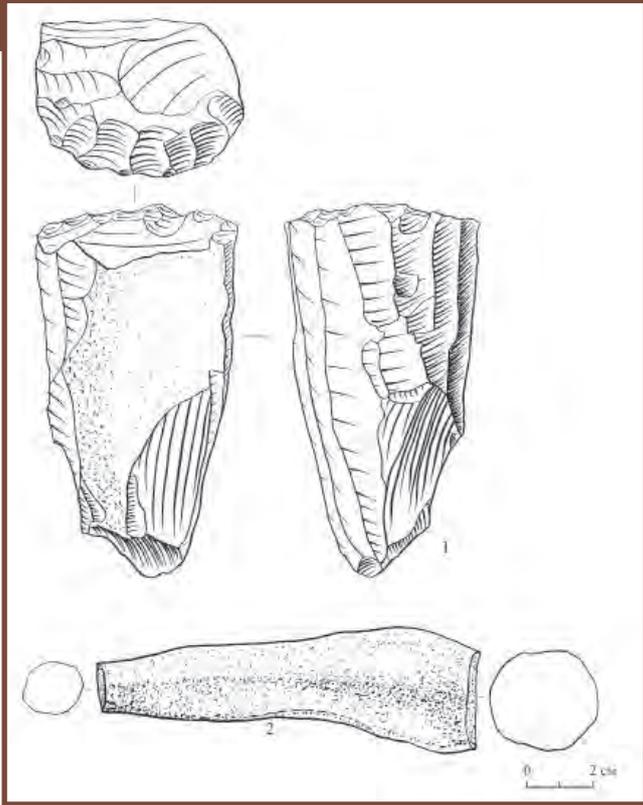
198

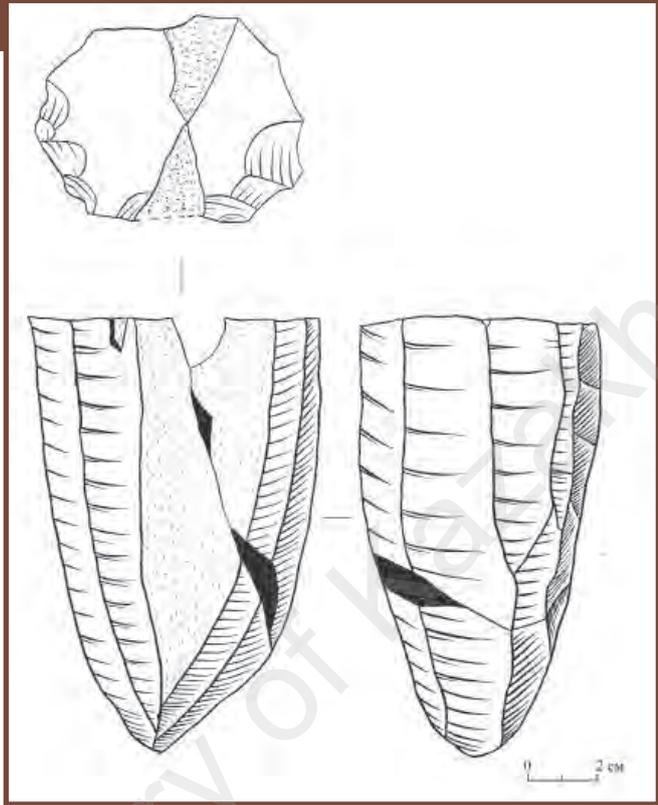
201

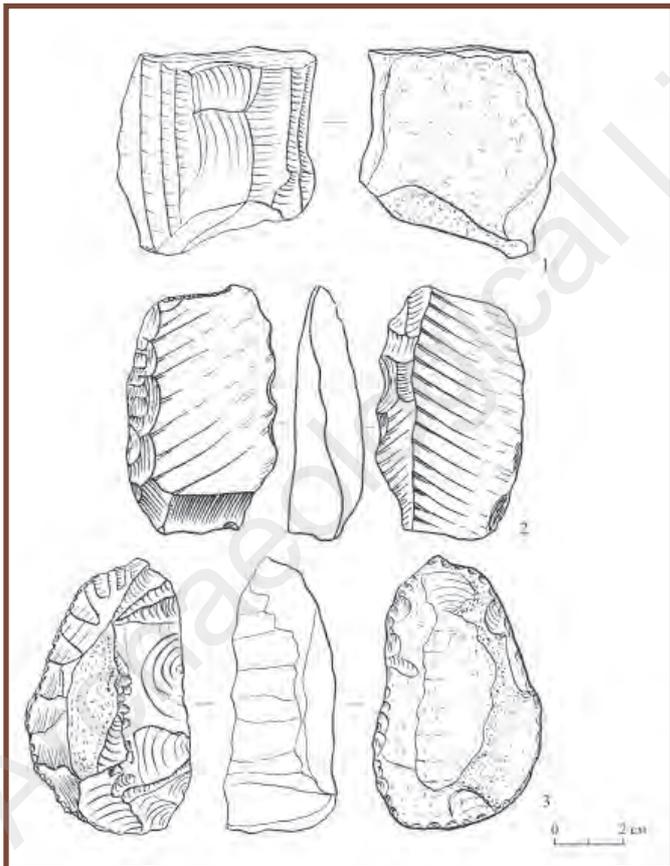
199

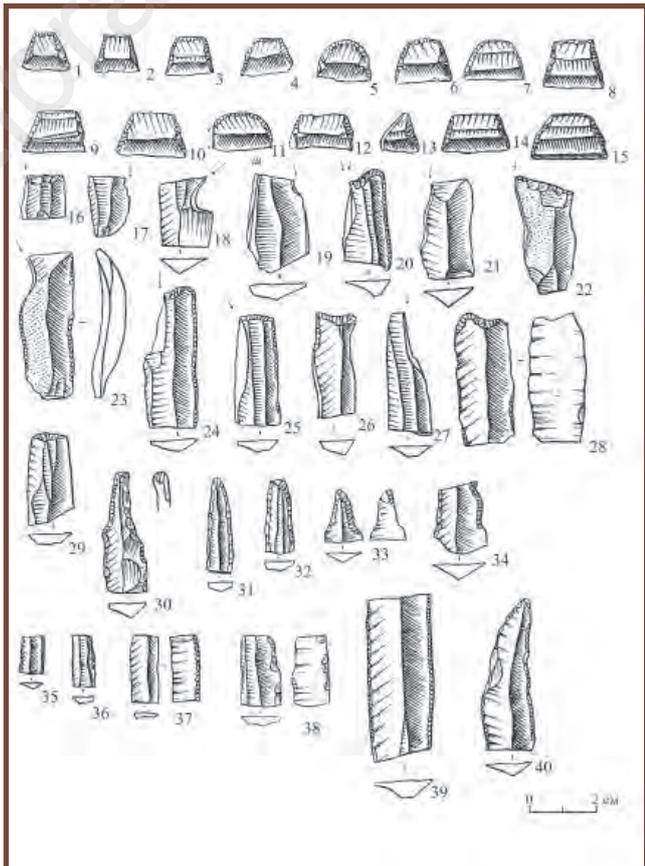
202

204

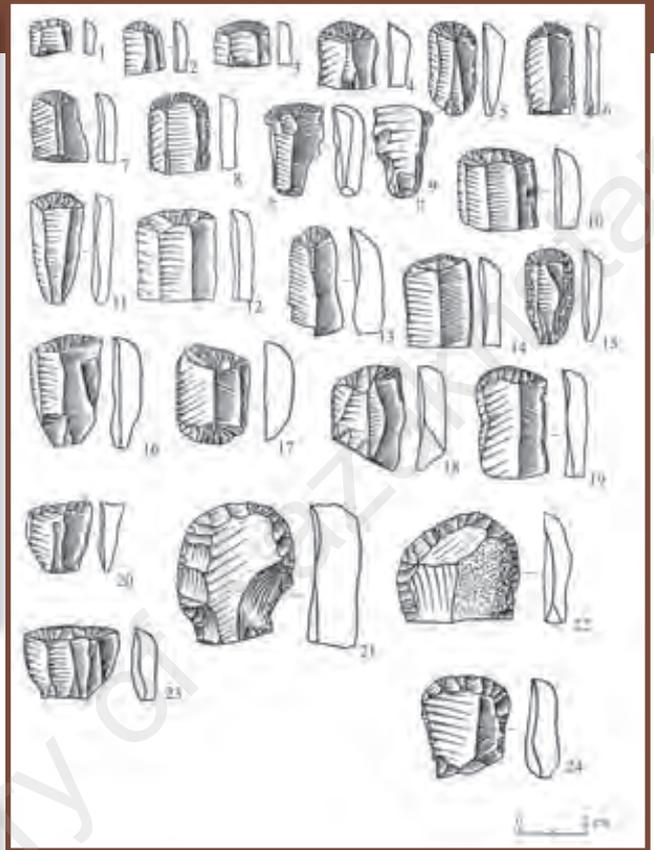
203

205

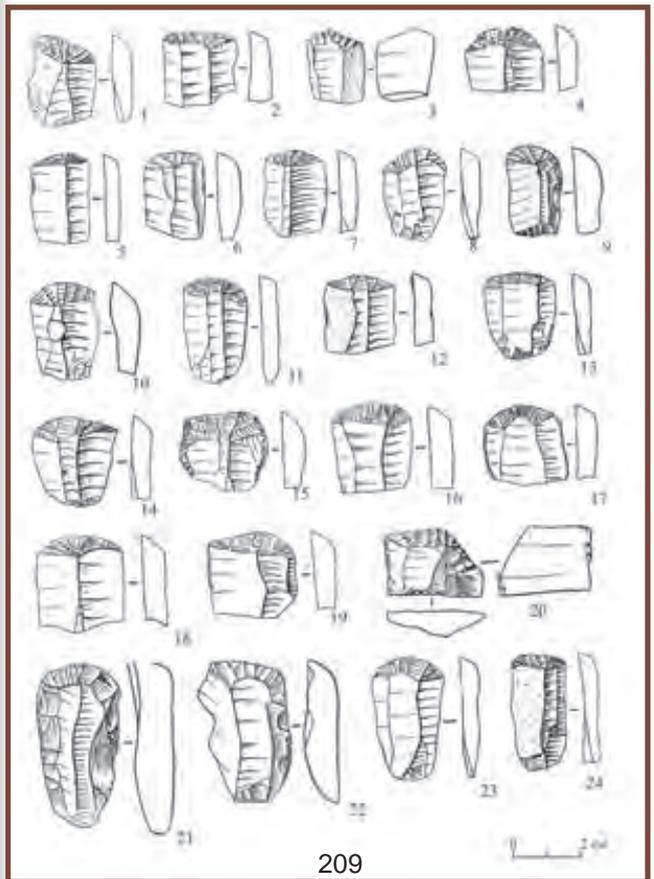
206

208

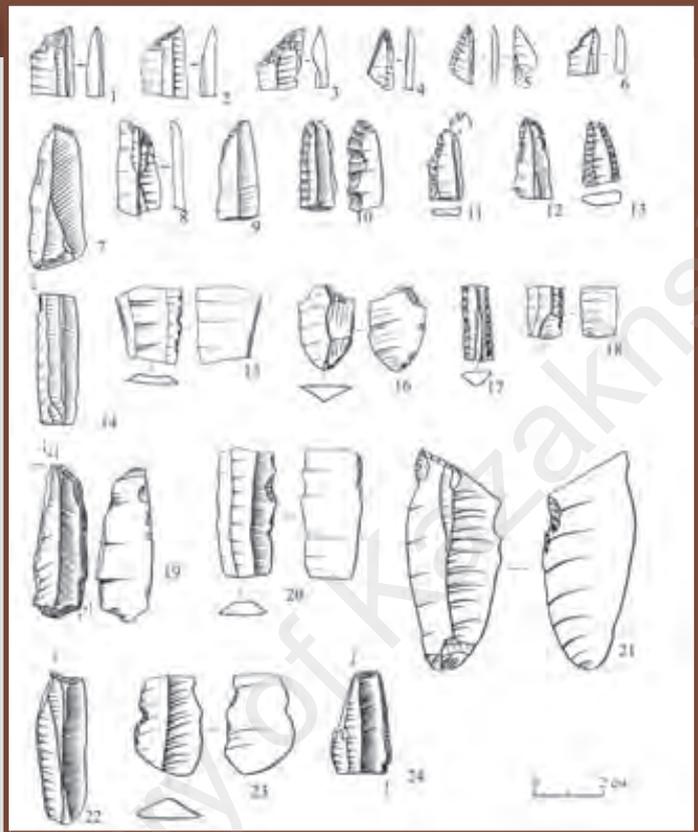
207

209

210

212

211

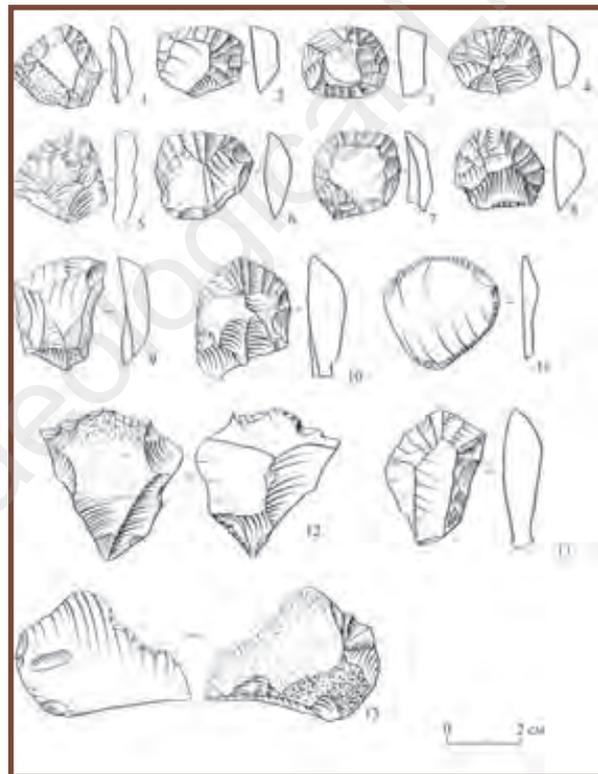
213

214

215

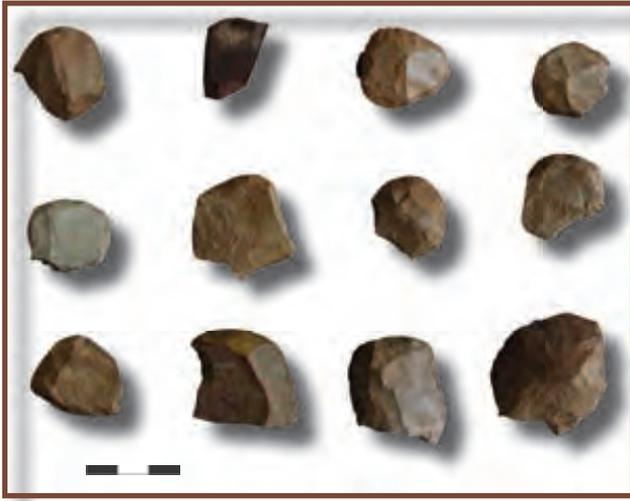

217

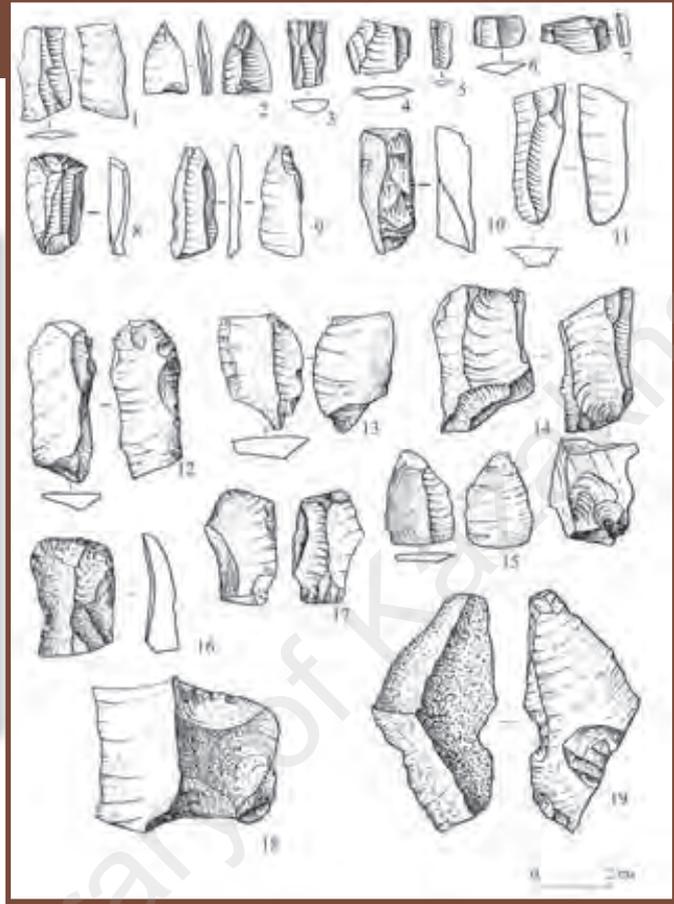

216

218

219

221

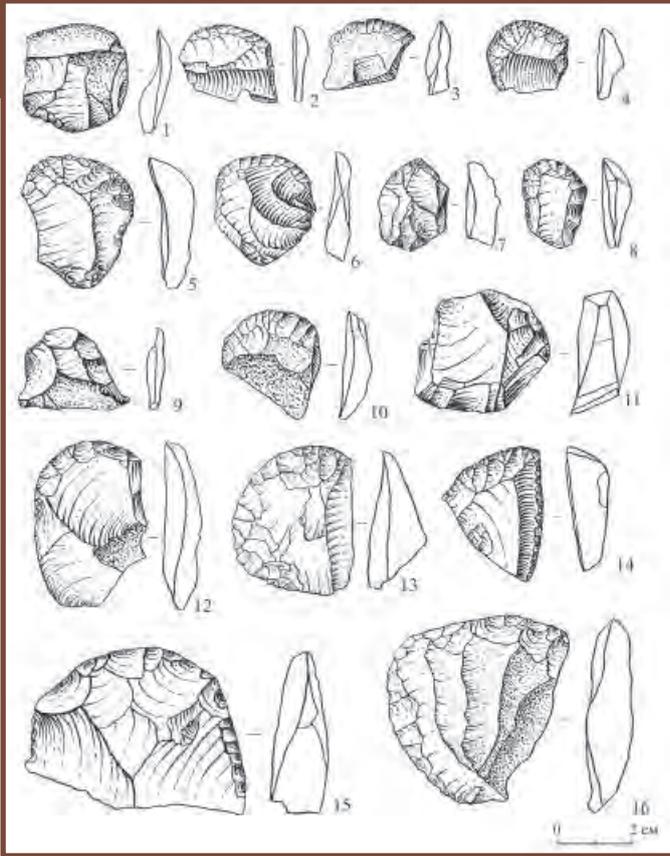
220

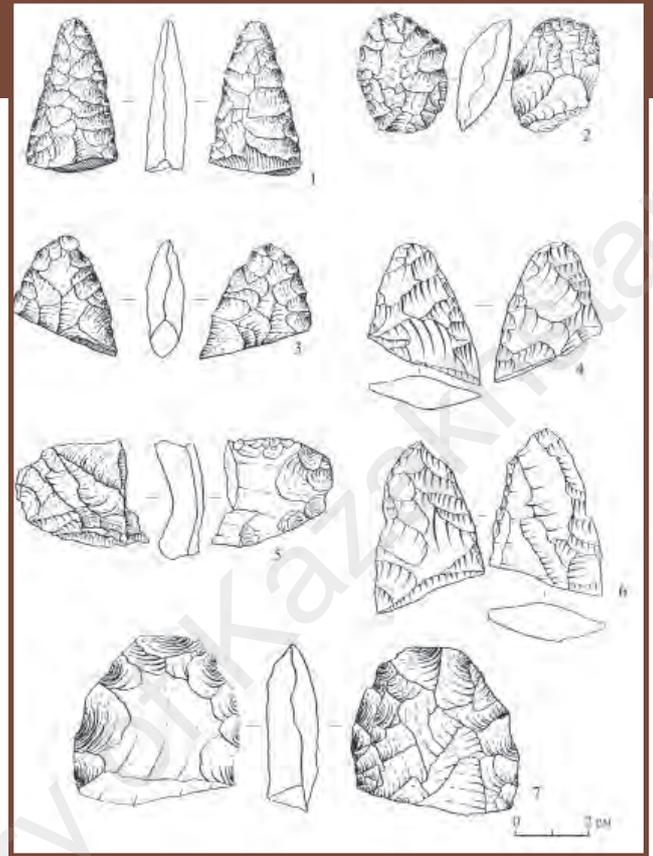
222

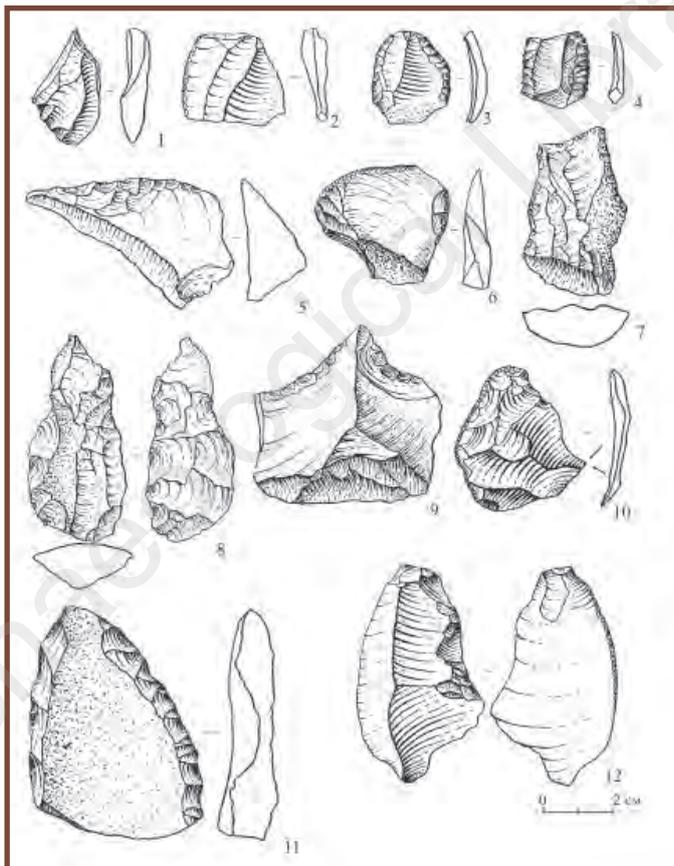
223

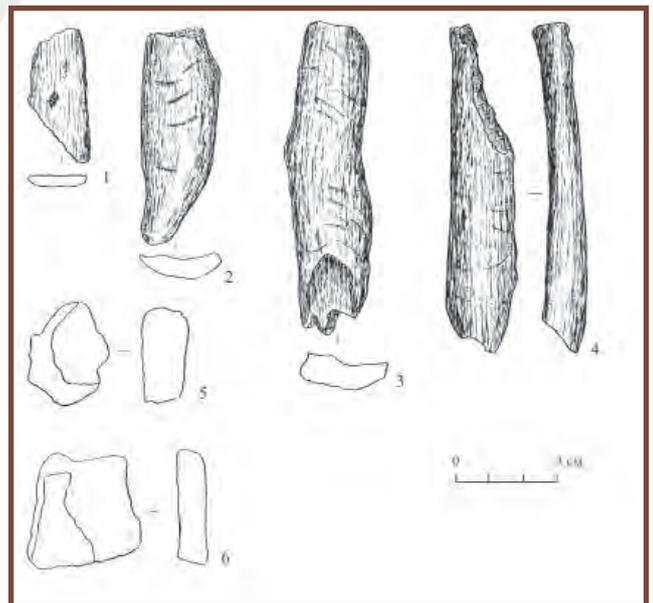
224

226

225

227

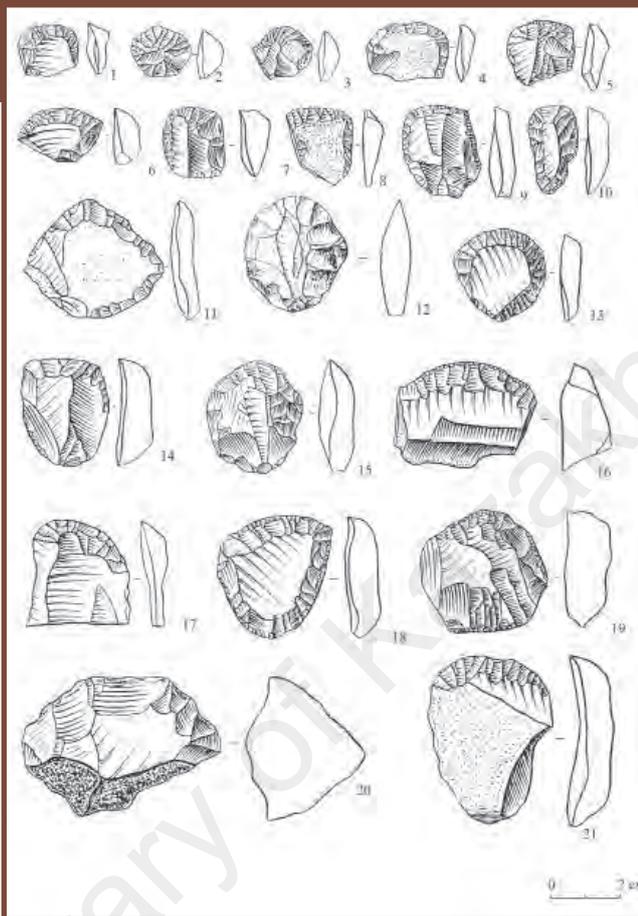
228

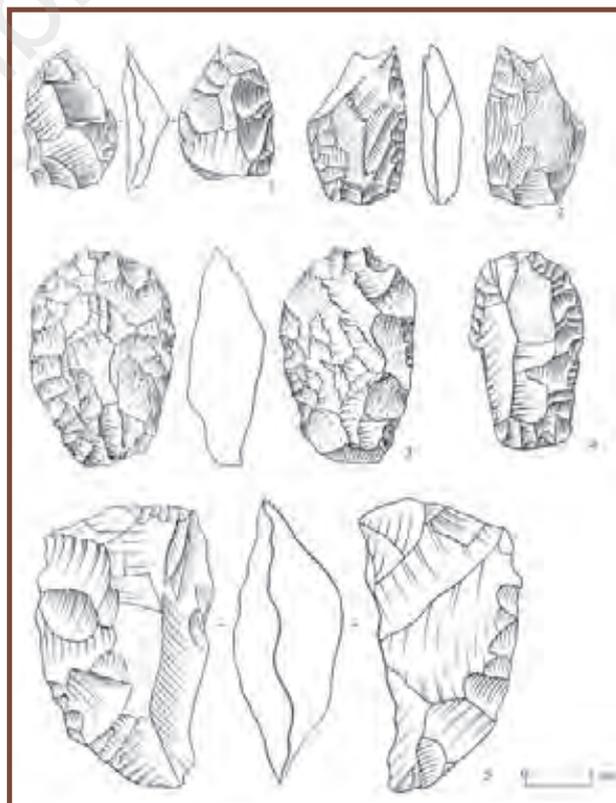
229

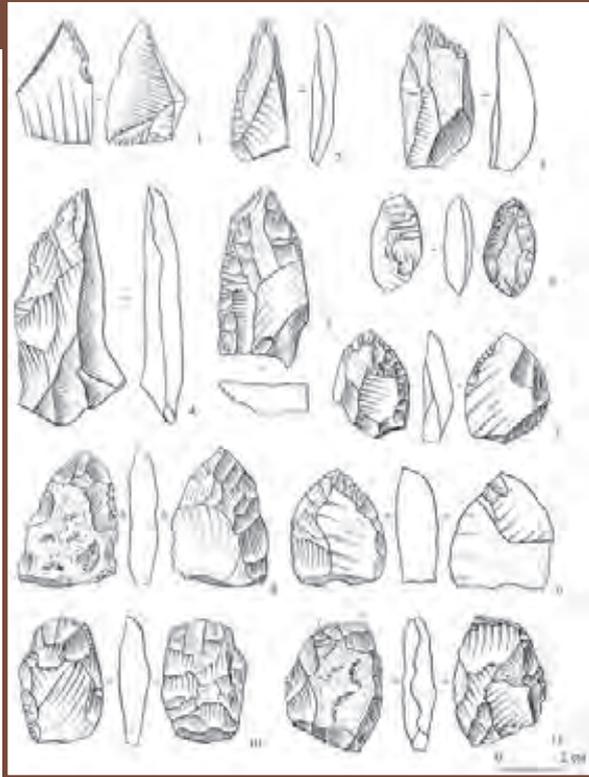
230

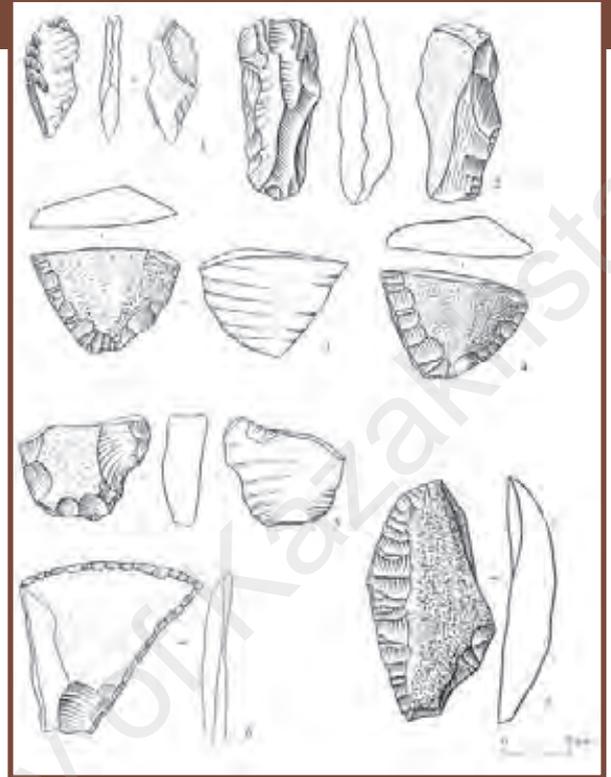
231

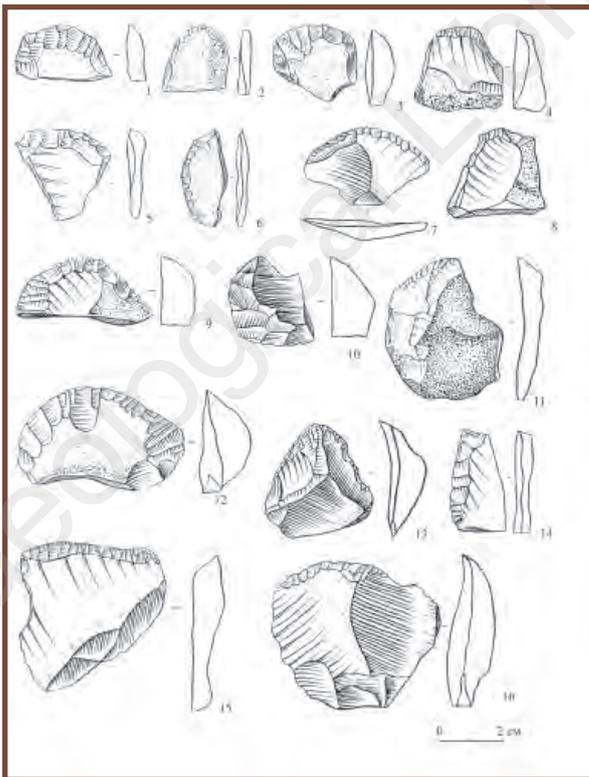
232

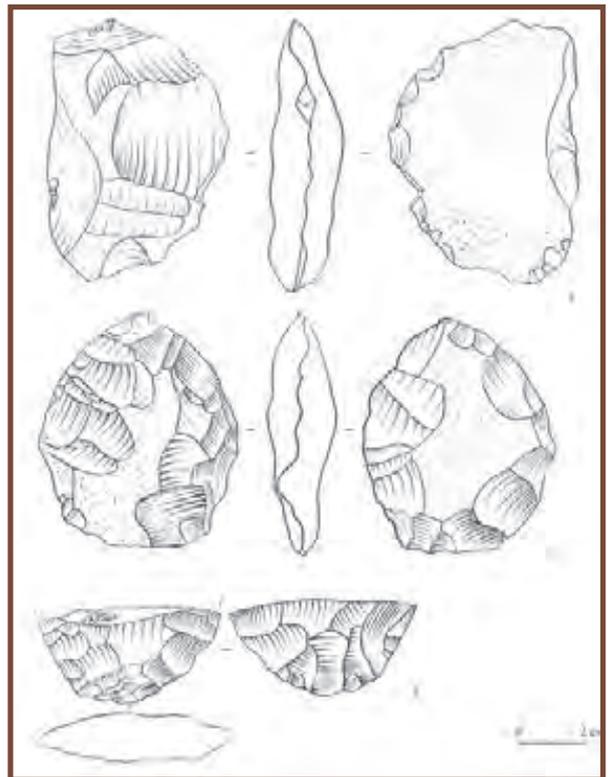
233

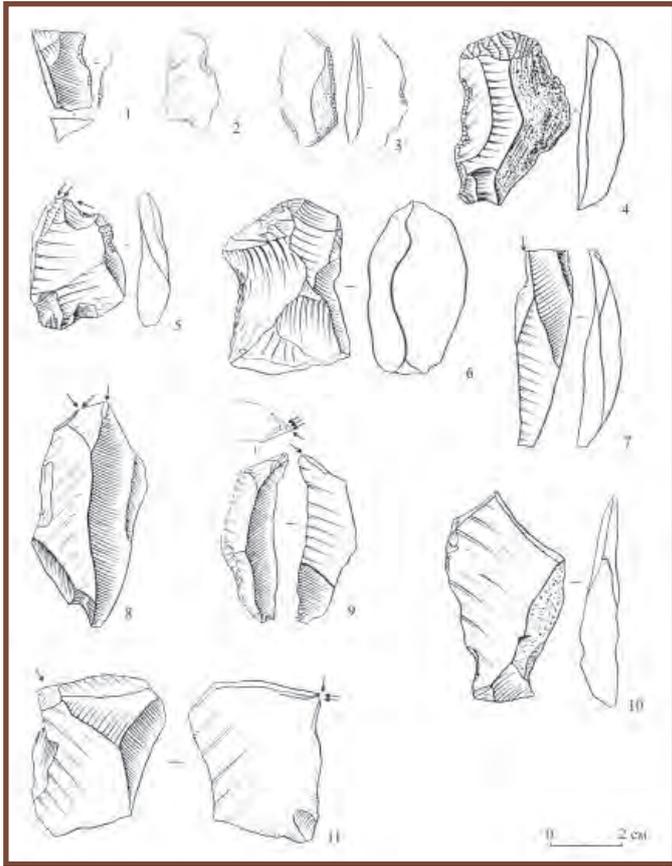
235

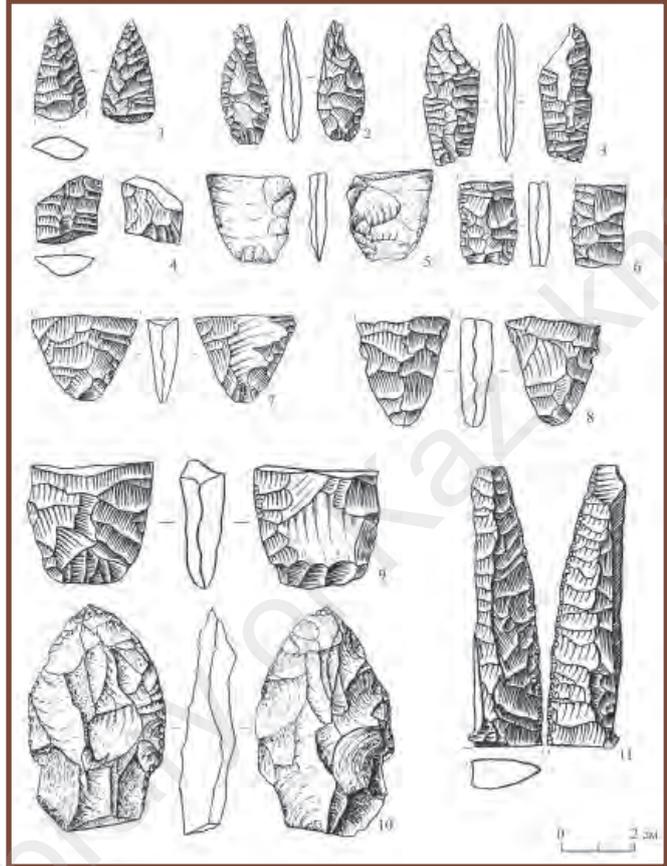
234

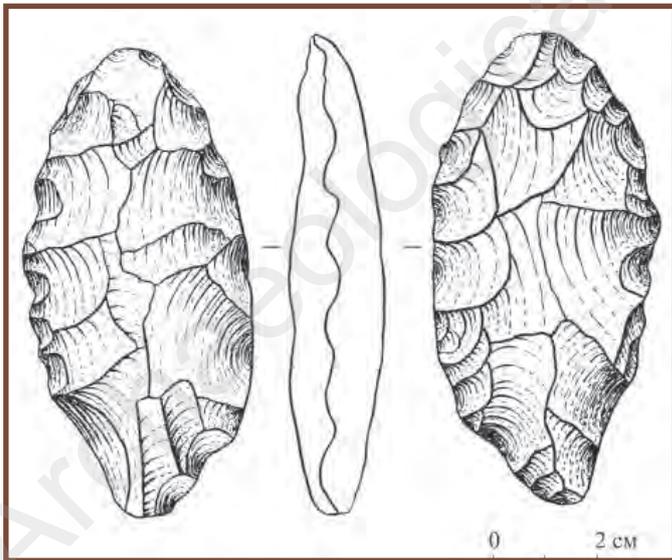
236

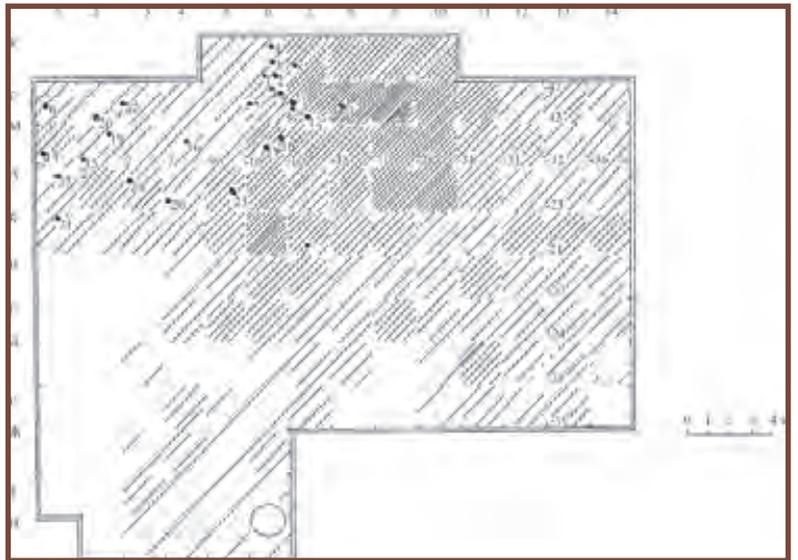
237

239

238

240

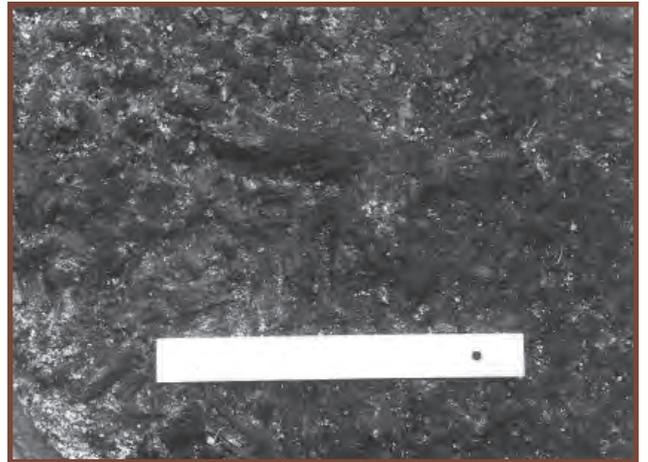
241

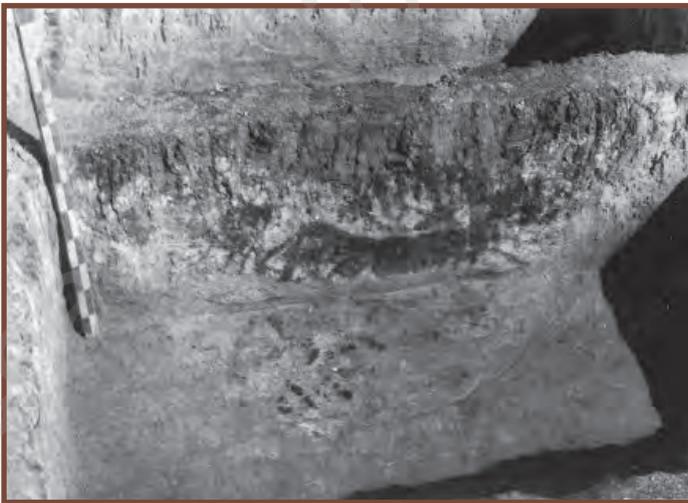
244

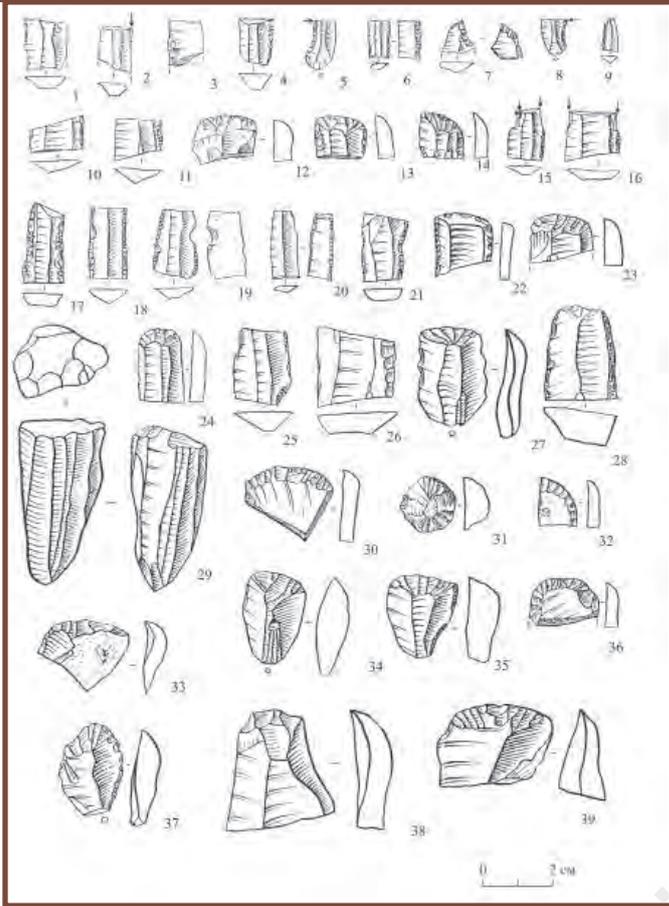
242

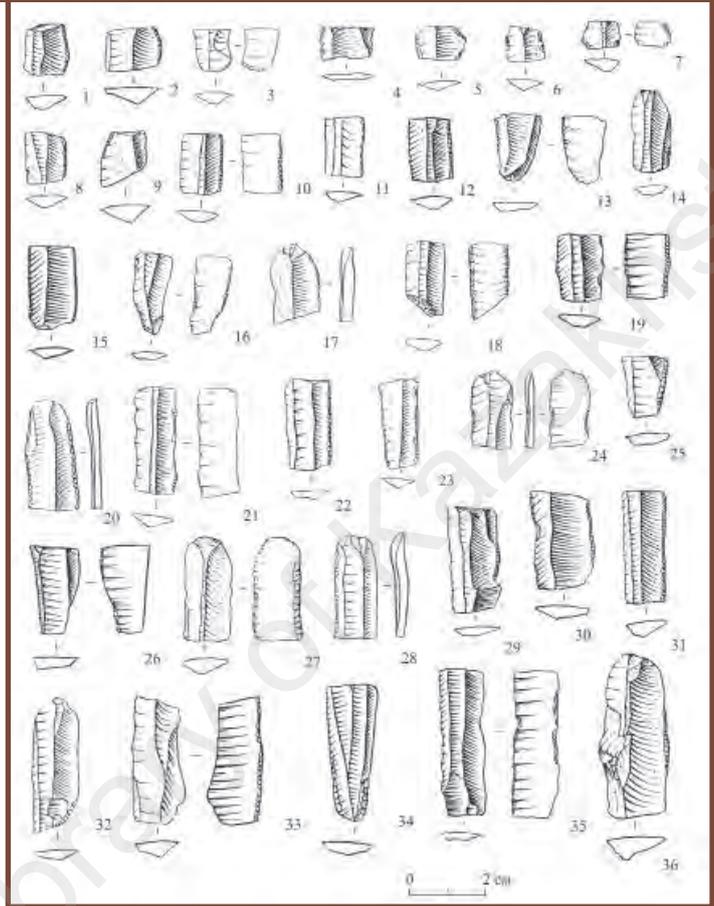
245

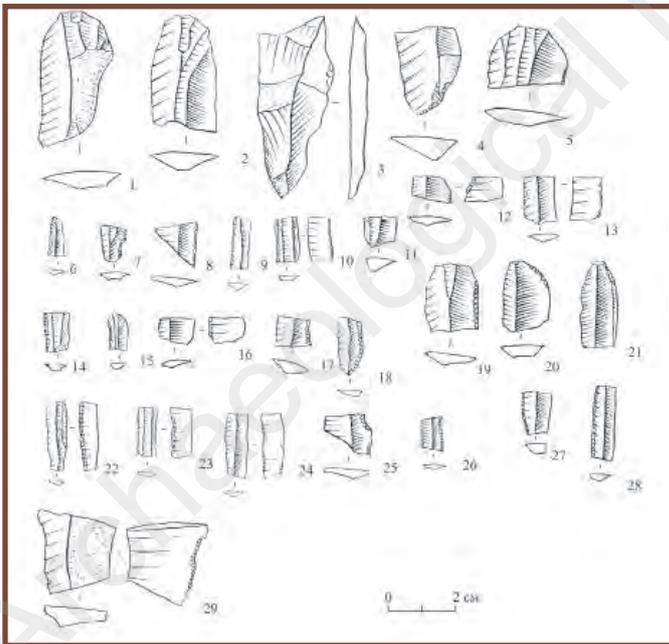
243

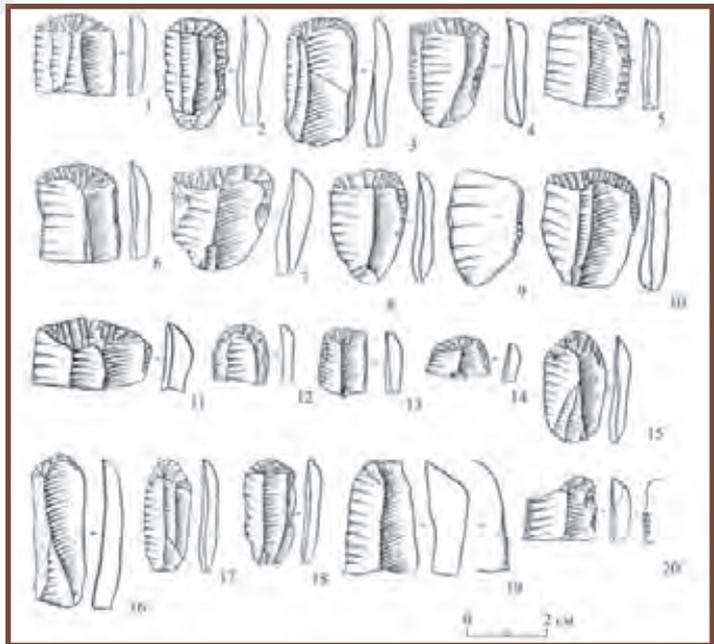
246

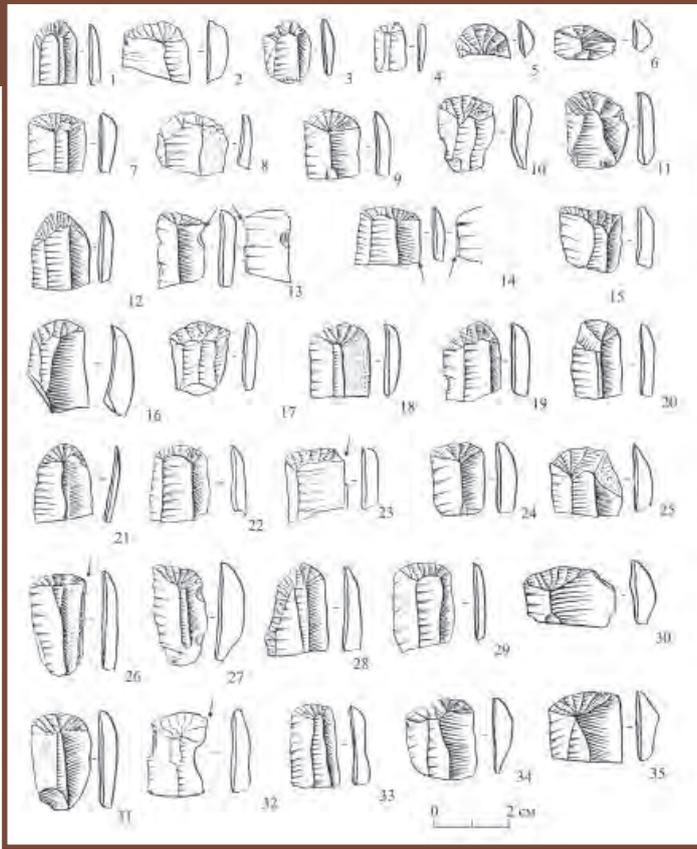
248

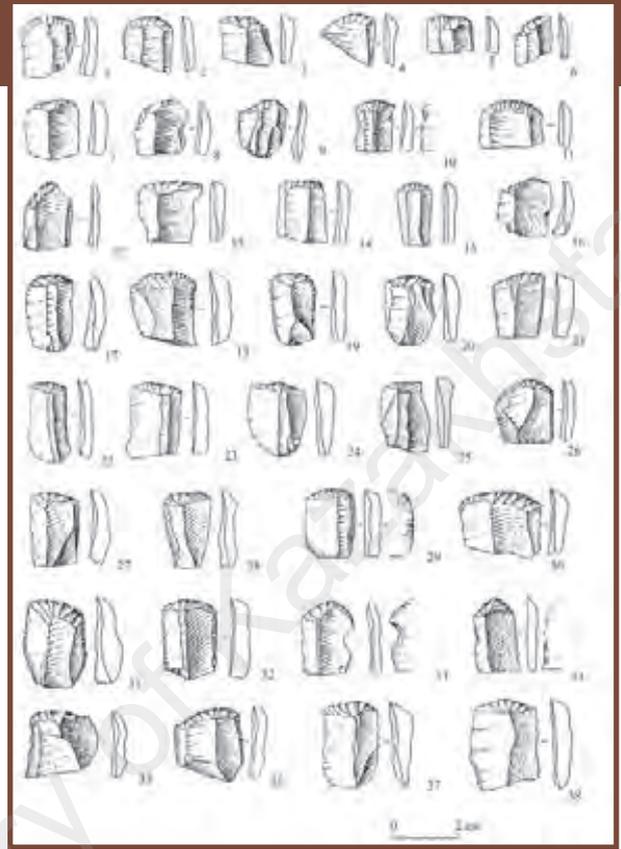
247

249

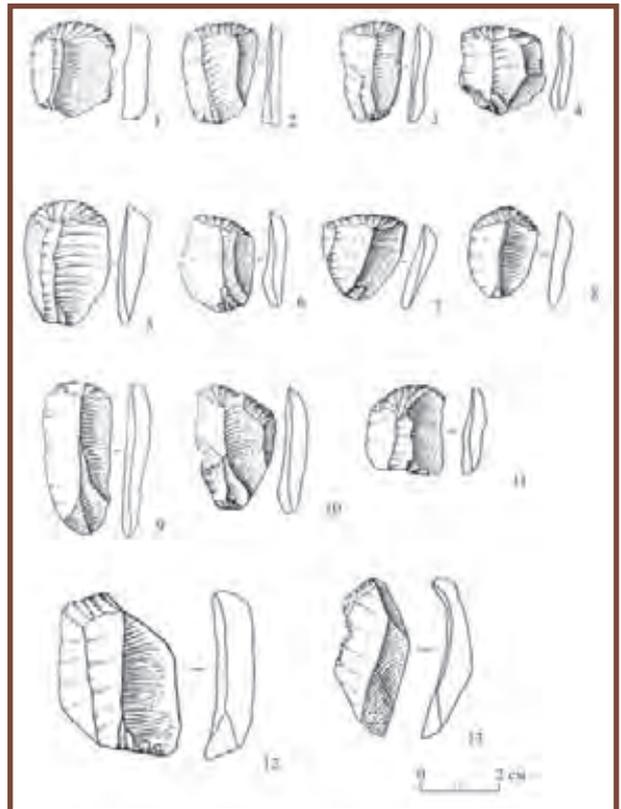
250

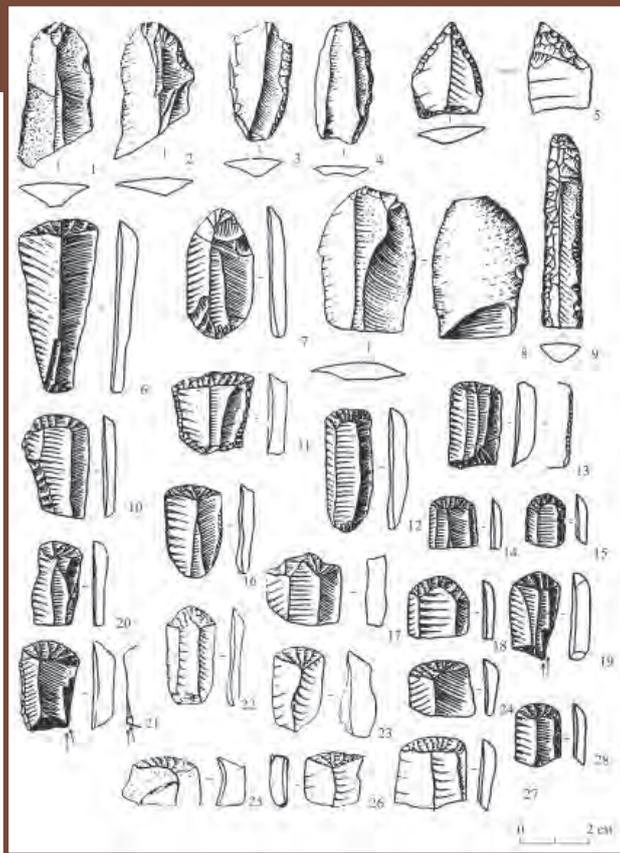
252

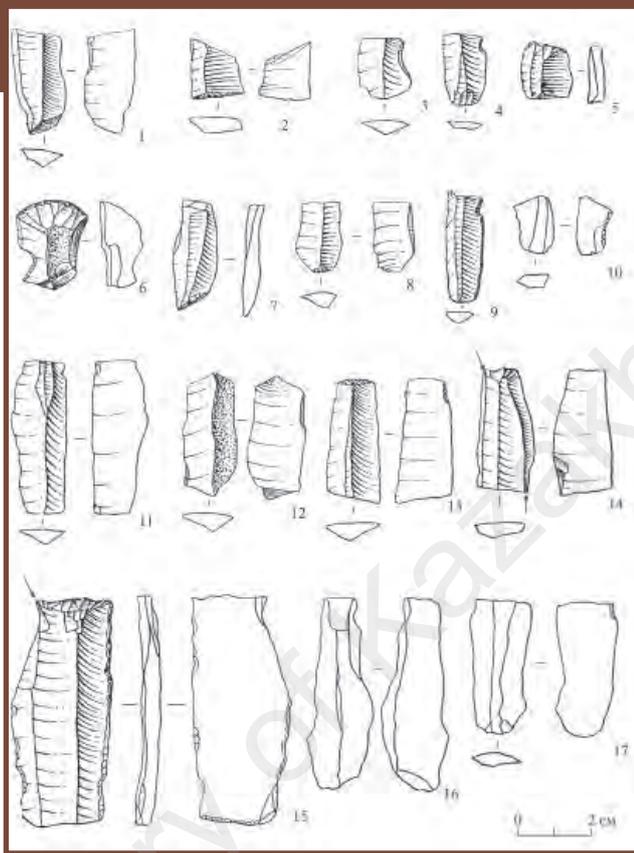
251

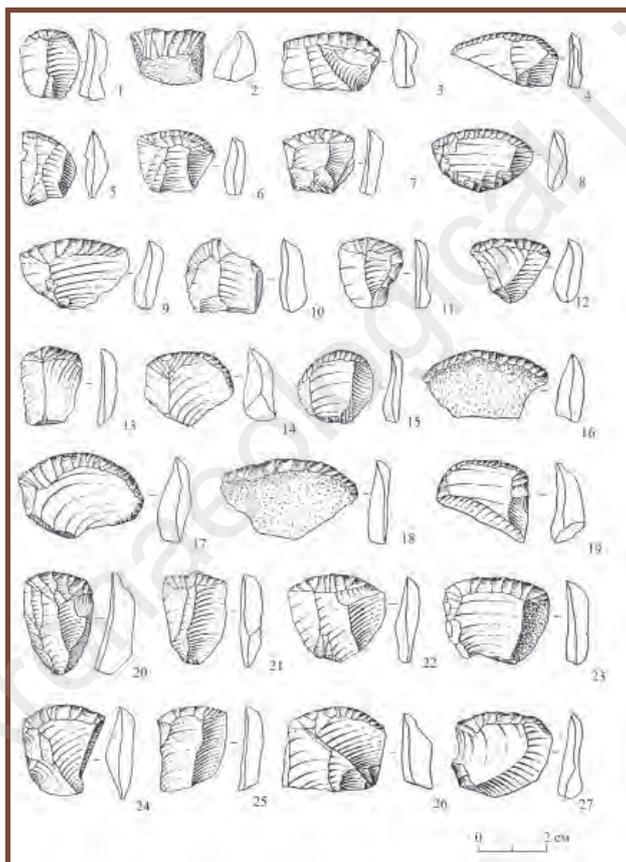
253

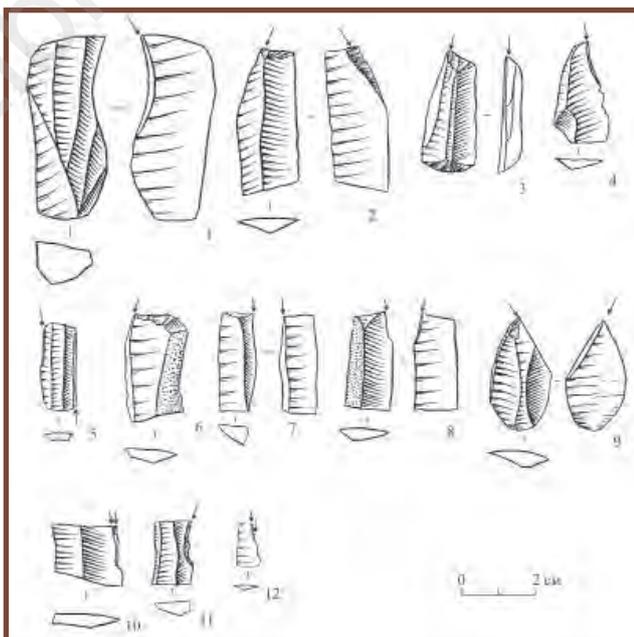
254

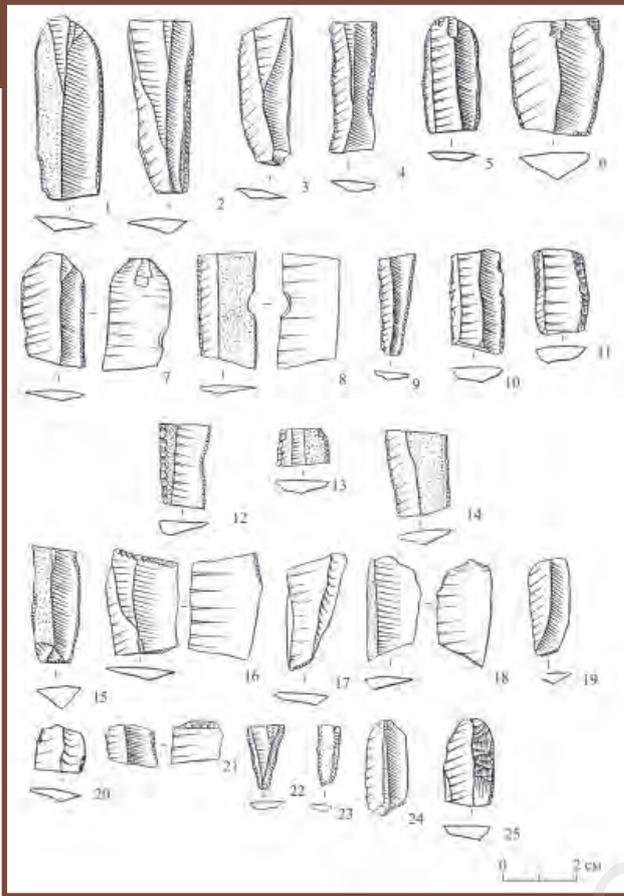
256

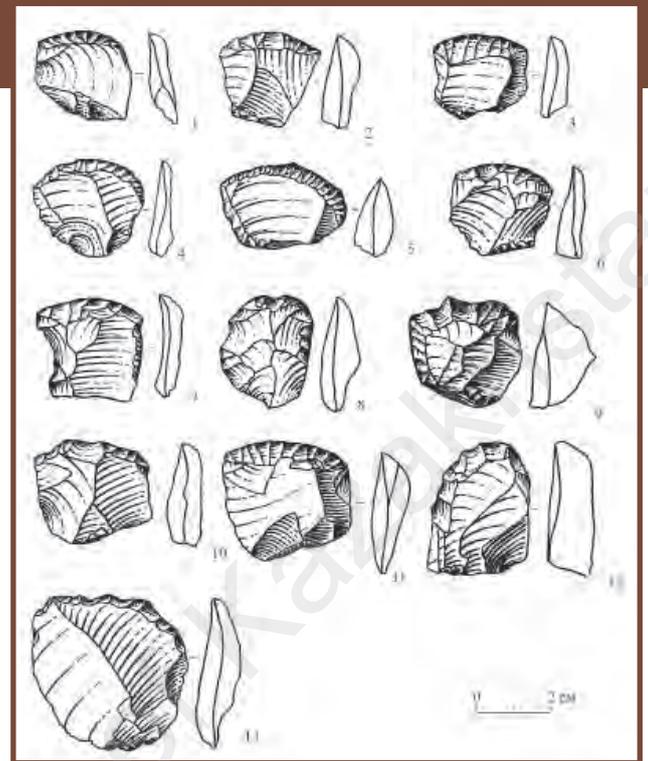
255

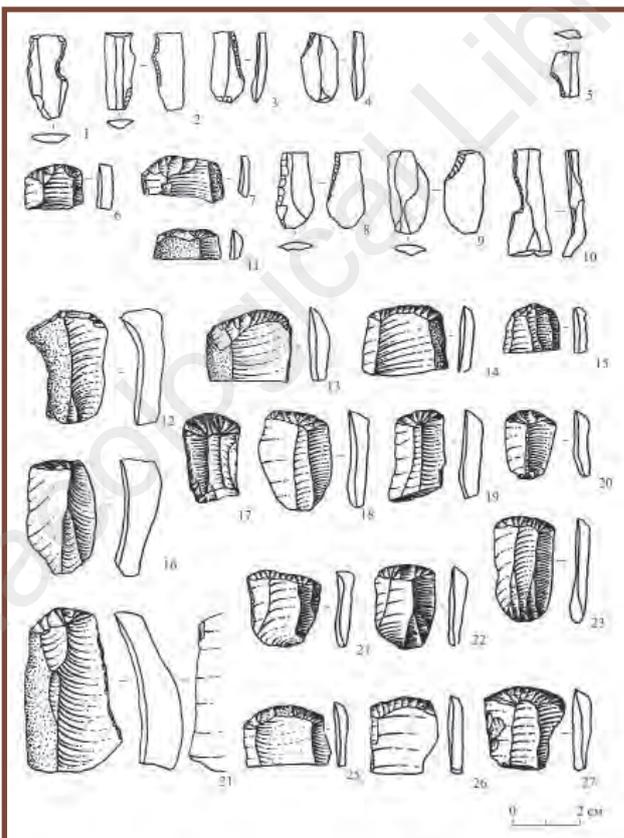
257

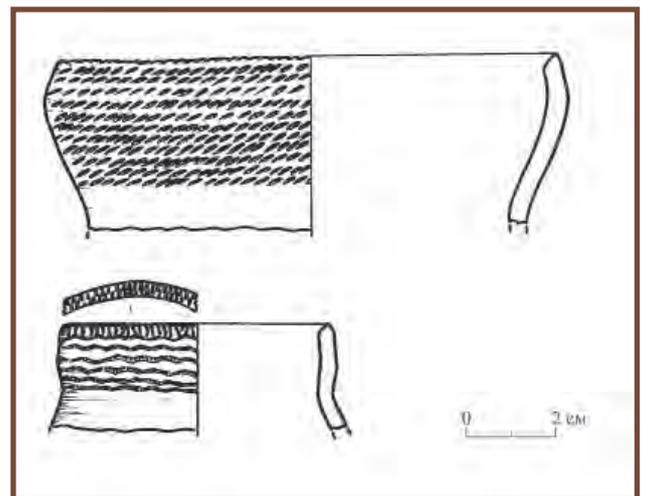
258

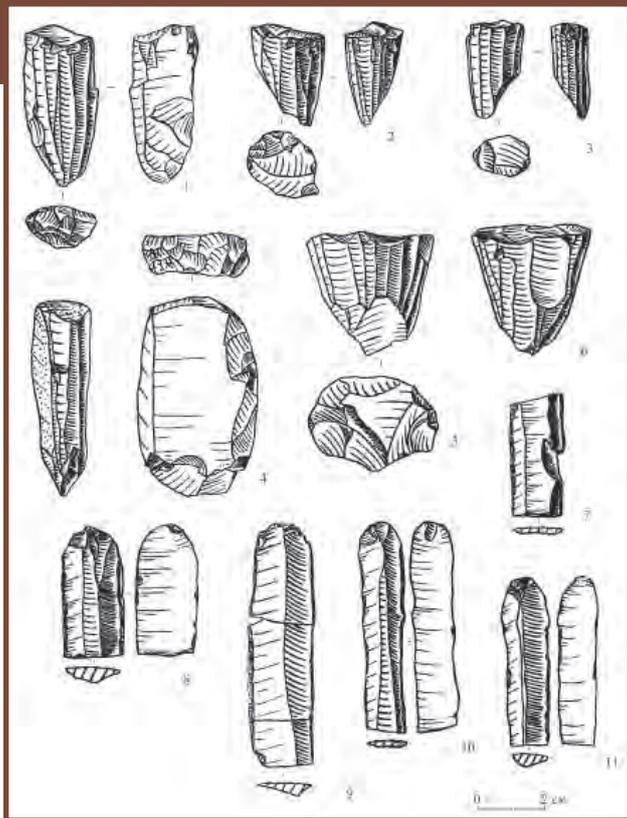
260

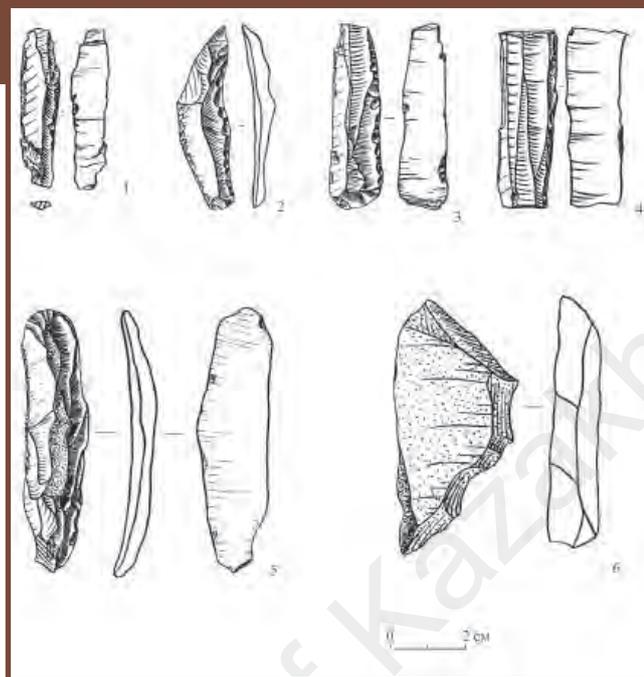
259

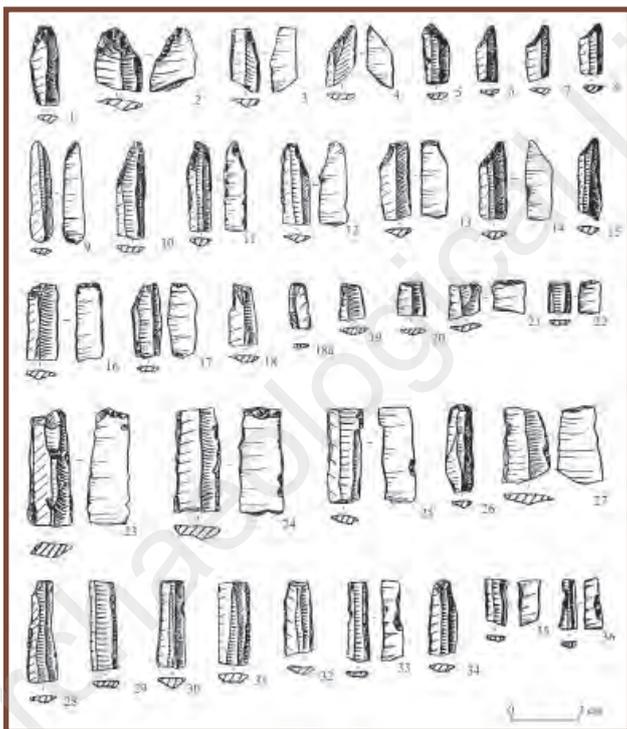
261

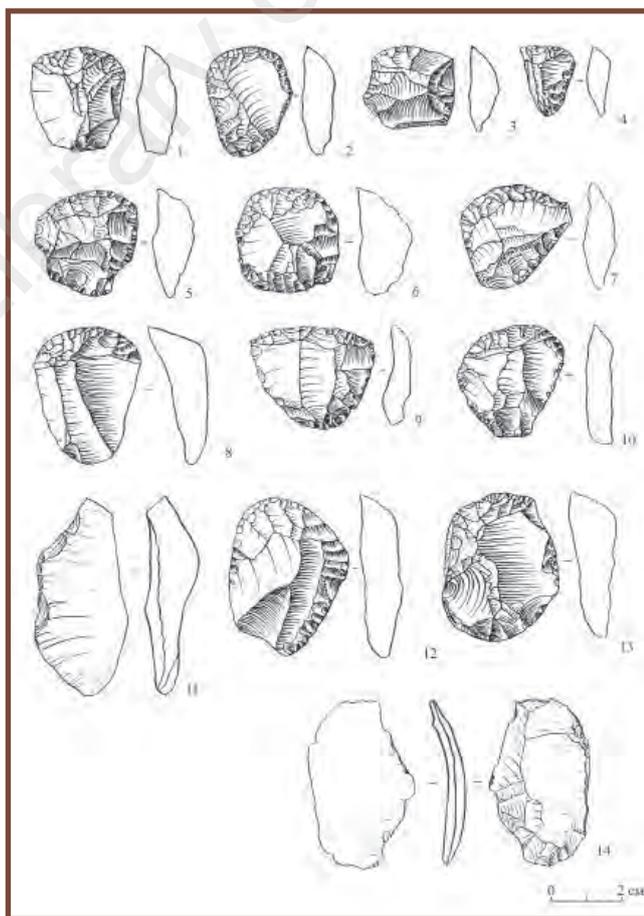
262

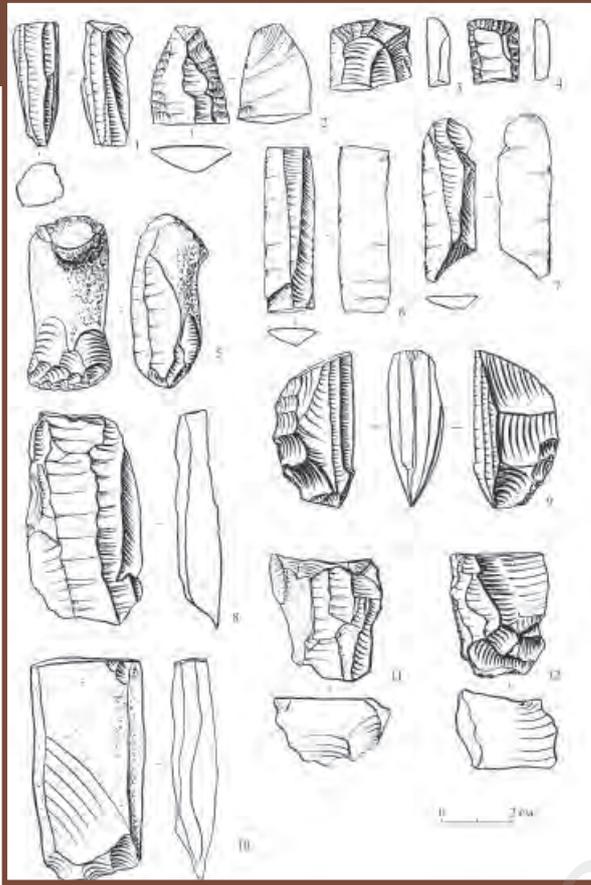
264

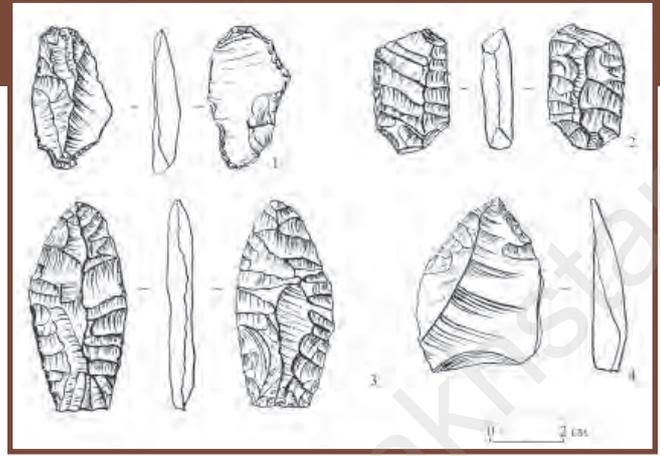
263

265

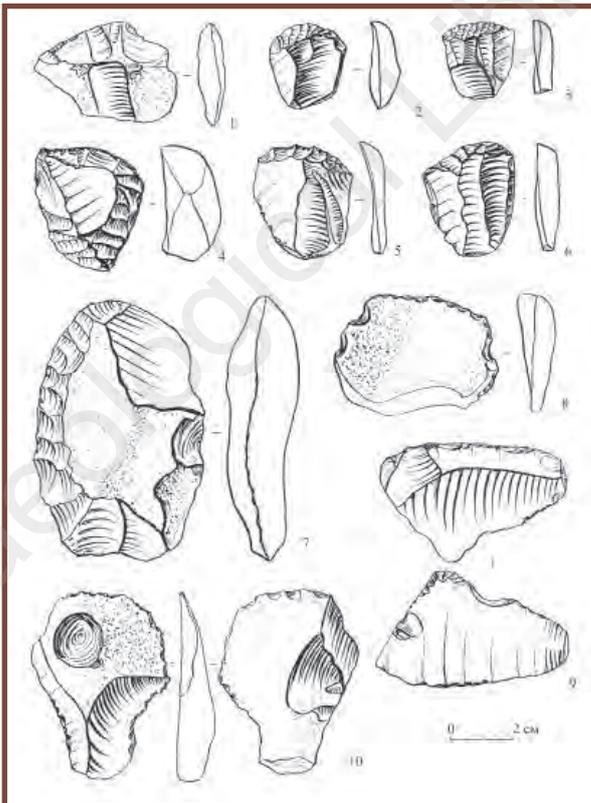
266

268

269

267

270

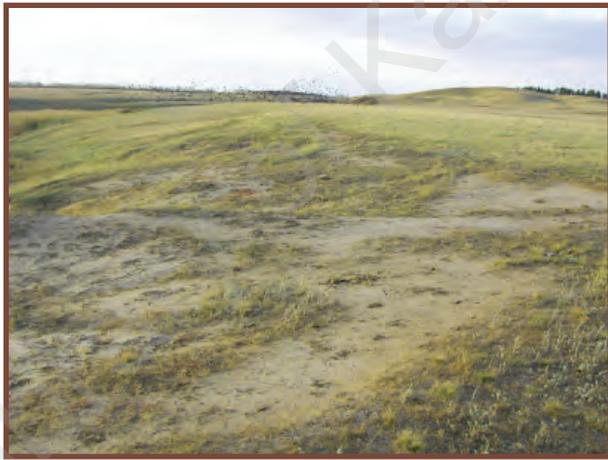
271

274

272

275

273

276

277

280

278

281

279

282

283

286

284

287

285

288

289

292

290

293

291

294

295

298

296

299

297

300

301

304

302

305

303

306

307

310

308

311

309

312

313

316

314

317

315

318

319

322

320

323

321

324

325

328

326

329

327

330

331

334

332

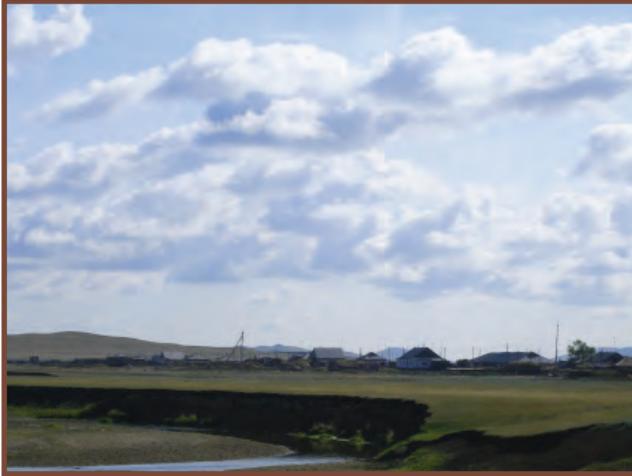
335

333

336

337

340

338

341

339

342

343

346

344

347

345

348

349

352

350

353

351

354

ГРАФИК 1

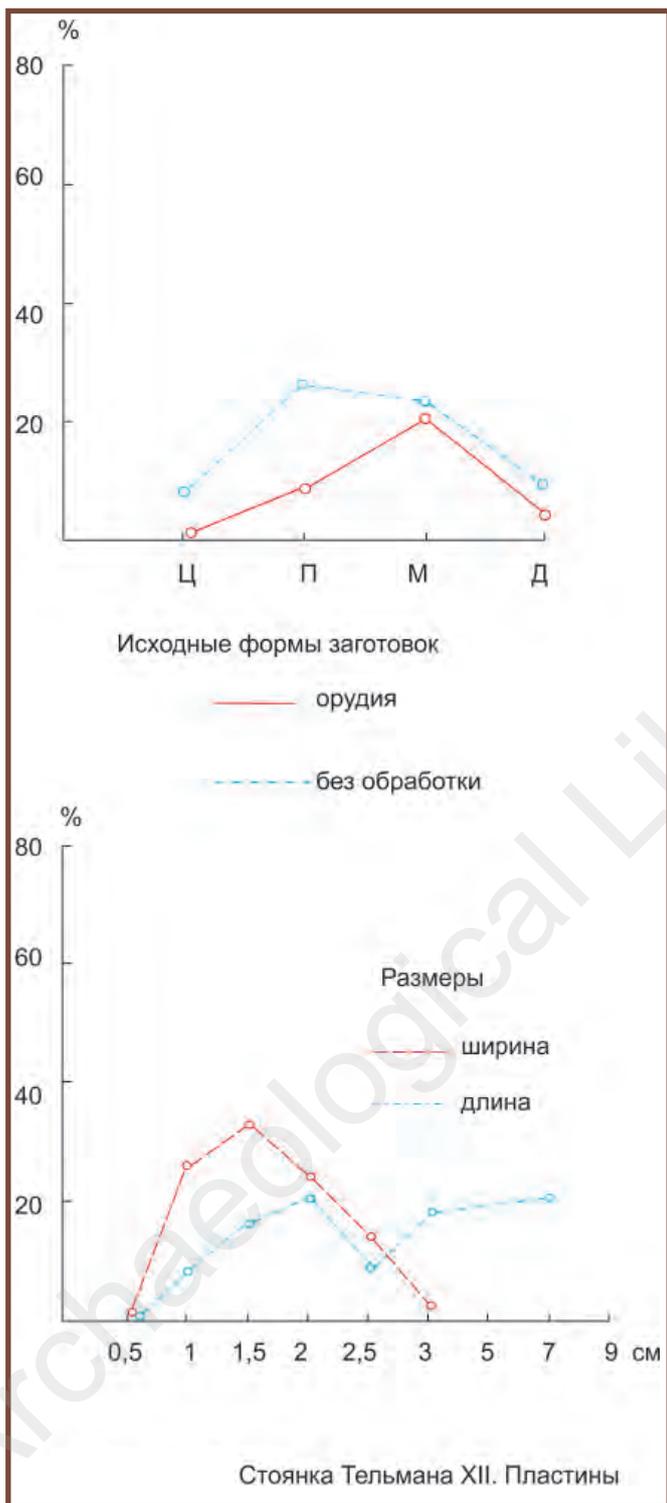
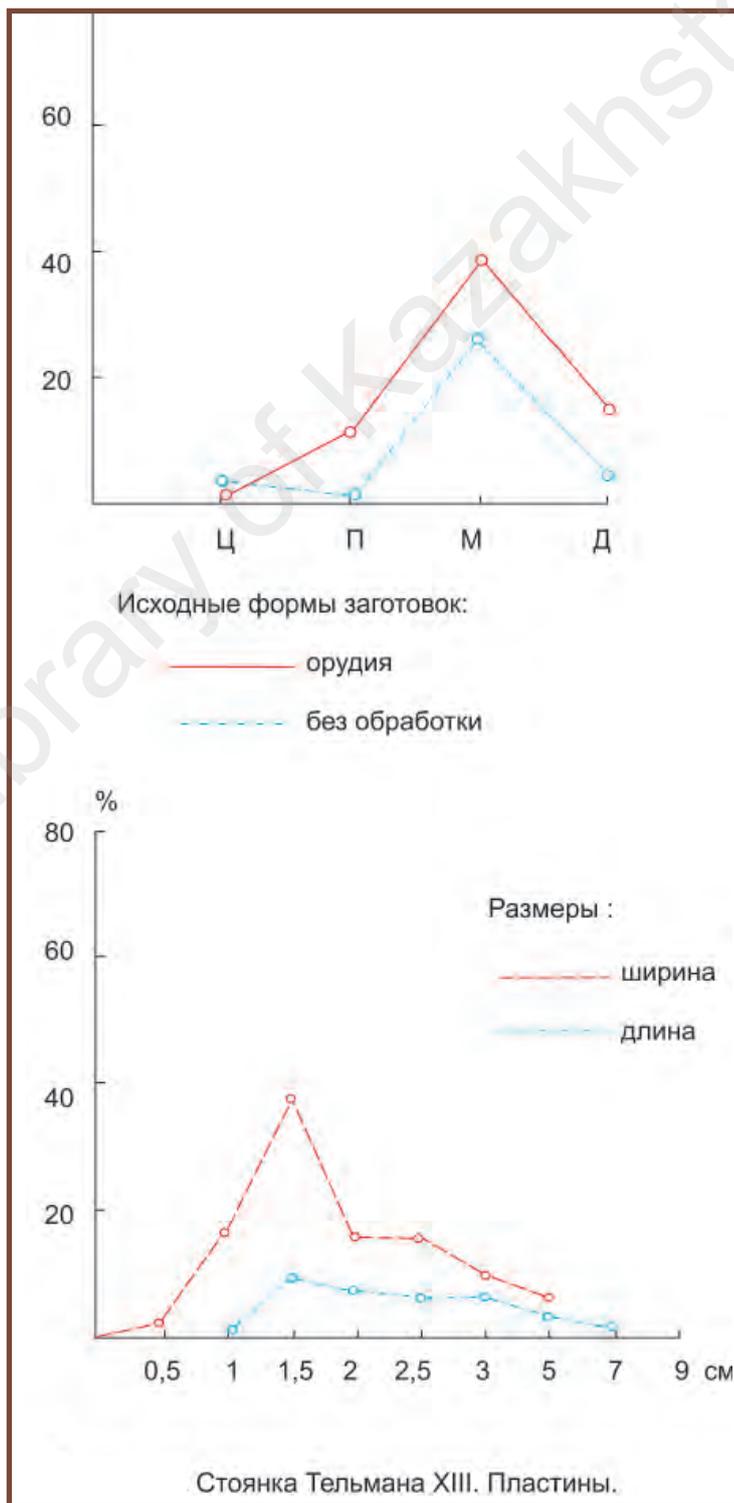
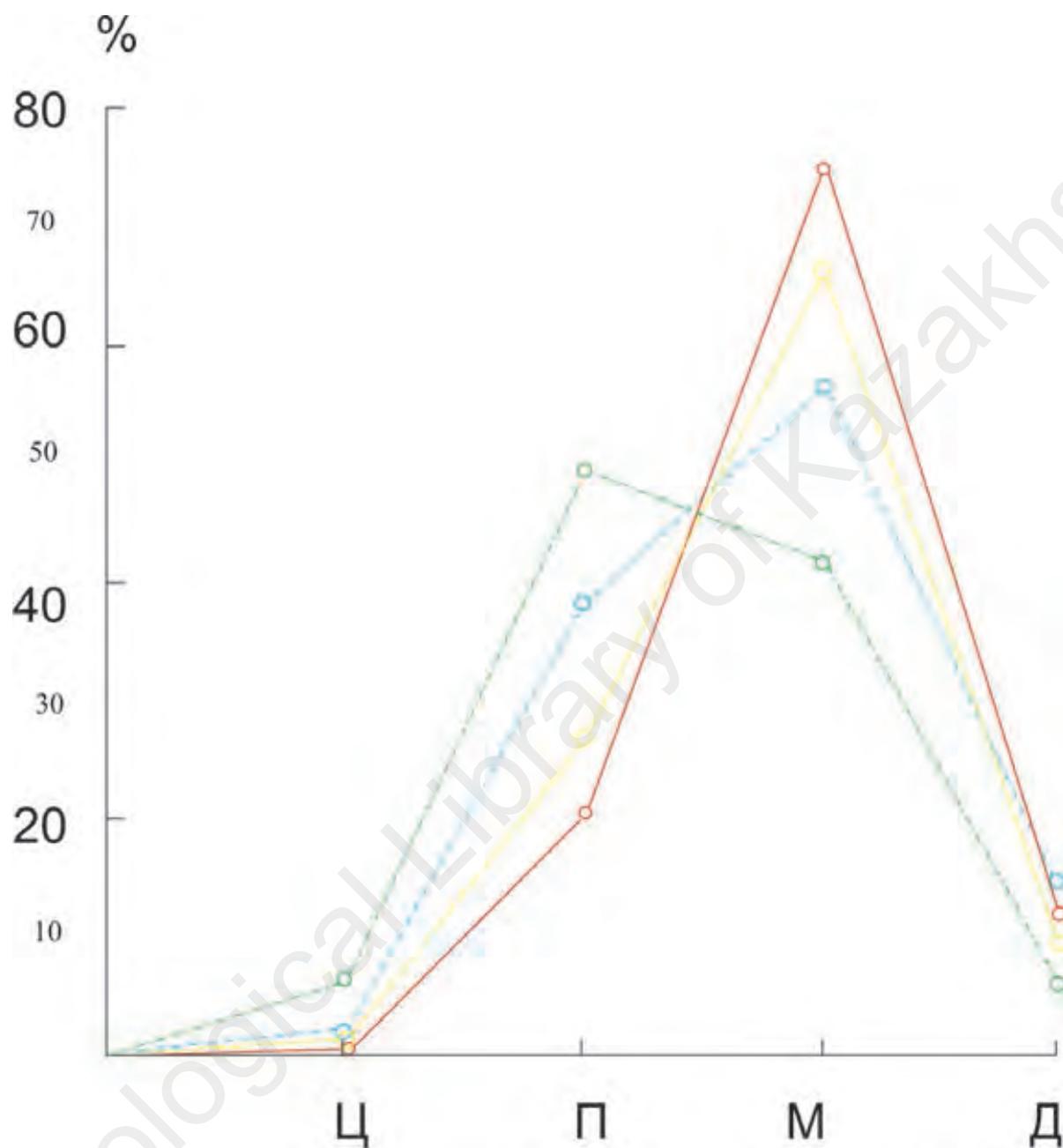

ГРАФИК 2

Пластины. Соотношение исходных форм заготовок в процентах.

- Тельмана VII, мезолит.
- Тельмана X, ранний неолит.
- Виноградовка X, средний неолит.
- Явленка III, поздний неолит.

ГРАФИК 4

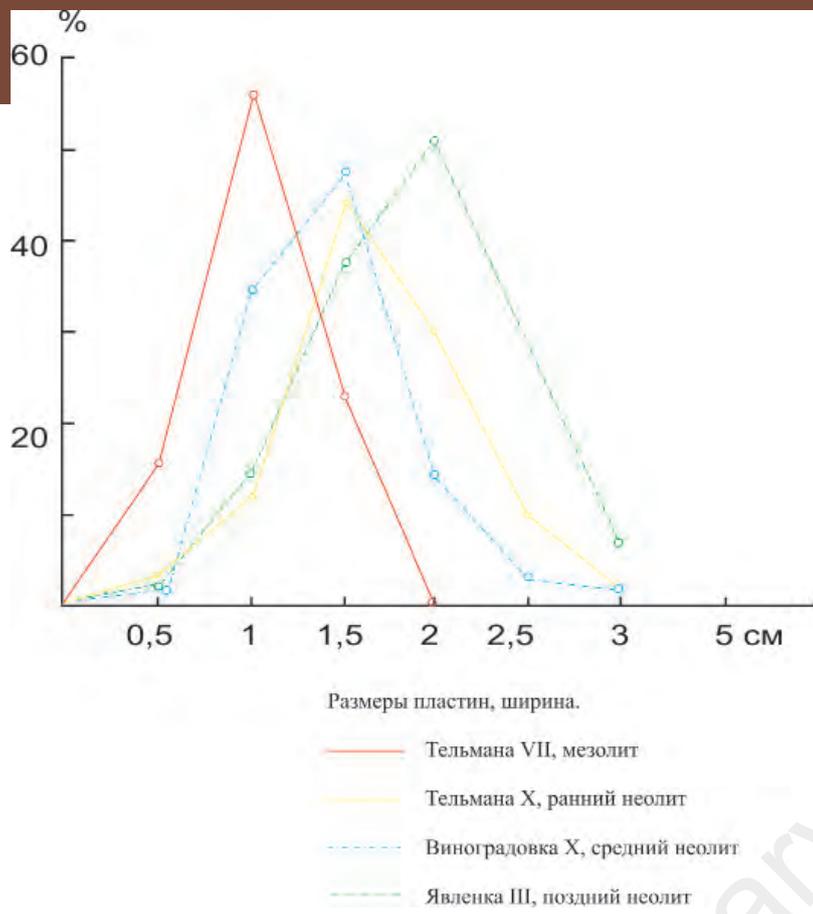
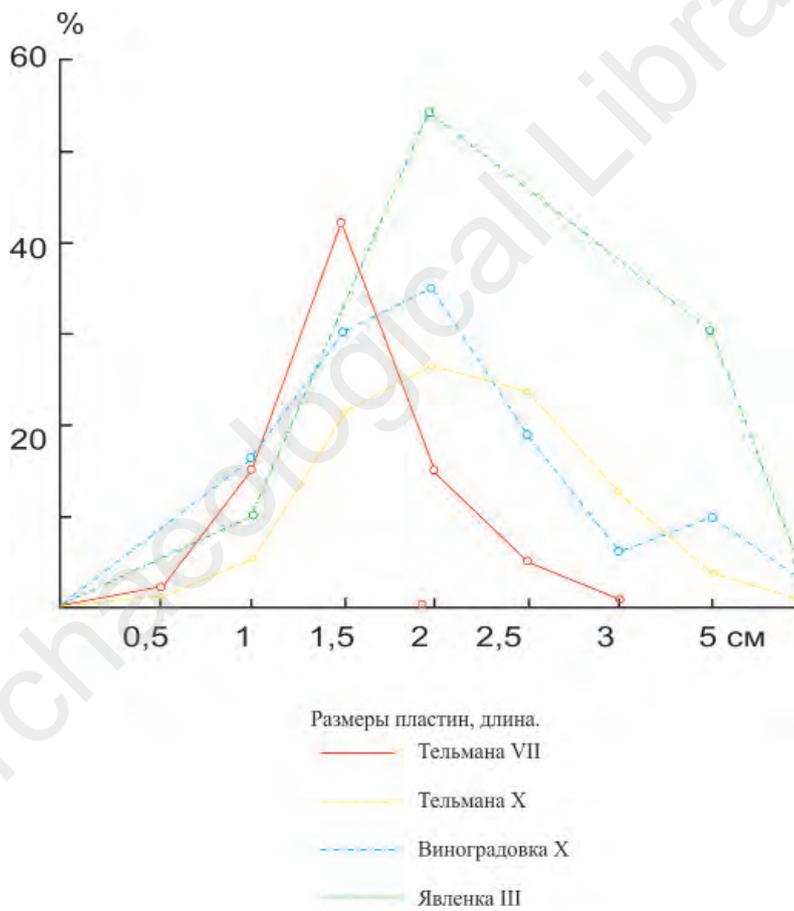

ГРАФИК 5

Гайтники		тельмана I				тельмана X		тельмана XIV				тельмана XII		тельмана XIII		набай-покрывка I		набай-покрывка III			
		с коркой		без корки		к-во	%	территория А		территория Б		к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%		
		к-во	%	к-во	%			к-во	%	к-во	%										
цельные	с обработкой	всего пластика	870	13,9	5409	86,14	4791	100	1231	54,85	1013	45,14	64	100	51	100	467	100	81	100	
		без обработки	19	0,3	134	2,13	42	0,88	27	1,2	2	0,09	5	7,8	2	3,7	5	1,07			
		краевая ретушь	1	0,02	14	0,22	5	0,1			1	0,04			1	1,85	2	0,42			
		скребки			3	0,05															
		угловые резы			2	0,04															
		резчики			2	0,04															
		скобелки			1	0,2			1	0,4											
		с торцовой ретушью																1	0,2	0,21	
		сверла					1	0,02			1	0,04									
		ножи			2	0,04															
	итого	1	0,02	24	0,38	6	0,12	1	0,04	2	0,09			1	1,85	8	0,63				
	всего	20	0,32	158	2,52	48	1,06	28	1,25	4	0,18	5	7,8	3	5,56	8	1,71				
профильные	с обработкой	без обработки	192	3,06	996	15,86	986	20,58	281	12,52	245	10,92	17	26,56			96	20,7	25	30,8	
		краевая ретушь	15	0,24	116	1,85	167	3,49	57	2,54	49	2,18	3	4,69	6	11,1	21	4,49	8	9,8	
		скребки	7	0,11	83	1,32	181	3,78	57	2,54	33	1,47	2	3,13							
		угловые резы	5	0,08	22	0,35	18	0,38	5	0,22	9	0,22					2	0,42	2	2,46	
		резчики			3	0,05	2	0,04	6	0,27	1	0,04									
		скобелки	4	0,06	4	0,06	7	0,14	1	0,04	1	0,04					2	0,42	1	1,23	
		с торцовой выемкой			3	0,05	8	0,16									1	0,21			
		с торцовой обработкой	1	0,02	1	0,02											2	0,42			
		со скошенным краем	1	0,02	1	0,02	1	0,2									13	2,78	1	1,23	
		сверла			2	0,04															
		проколки	1	0,02			2	0,4													
		острия			3	0,05															
		развертки			1	0,02	3	0,6													
		ножи			2	0,04															
		с притупленной спинкой							1	0,04											
	итого	34	0,54	241	3,84	389	8,12	129	5,75	89	3,97	5	7,8	6	11,11	41	9,8	12	14,8		
	всего	226	3,6	1237	19,7	1375	28,7	410	18,27	334	14,88	22	34,38	6	11,1	137	29,3	87	45,7		
медельные	с обработкой	без обработки	483	7,69	2787	44,39	2184	45,59	879	16,89	378	16,84	15	23,44	14	23,93	130	28,9	24	29,6	
		краевая ретушь	28	0,45	272	4,33	360	7,51	143	6,37	97	4,32	8	12,5	20	37,04	90	19,7	6	7,41	
		скребки	10	0,16	185	2,95	309	6,45	88	4,37	74	3,3	2	3,13	1	1,85			2	2,46	
		угловые резы	8	0,13	62	0,99	37	0,77	18	0,8	13	0,58					20	4,3	1	1,23	
		боковые резы	2	0,04	12	0,19	46	0,96	4	0,18	5	0,22					4	0,84			
		средние резы			2	0,04															
		резчики			8	0,13	1	0,02	3	0,13							6	1,28			
		трапеции			39	0,62	98	2,02	9	0,4	1	0,04									
		скобелки	6	0,1	17	0,27	14	0,29	6	0,27	2	0,09	2	3,13			3	0,63			
		с торцовой выемкой			7	0,11	15	0,33													
		с торцовой обработкой	7	0,11	16	0,33	2	0,09	4	0,18											
		со скошенным краем	4	0,06	1	0,02	1	0,04	2	0,09							13	2,78	1	1,23	
		сверла	1	0,02	3	0,06															
		острия	5	0,08	3	0,06	1	0,04	1	0,04											
		развертки			7	0,11	7	0,14													
		наконечники			42	0,67	1	0,02	1	0,04					1	1,56					
		ножи			3	0,05															
		с притупленной спинкой					1	0,02	13	0,58	5	0,23									
параллелограмм							1	0,04													
	итого	54	0,86	673	10,71	896	18,7	390	13,37	204	9,09	13	20,3	21	38,88	147	31,3	10	12,3		
	всего	537	8,55	3460	55,1	3080	64,2	679	30,26	582	25,94	28	43,75	35	64,81	277	59,3	34	41,9		
дистальные	с обработкой	без обработки	70	1,11	367	5,84	225	4,7	81	3,61	63	2,8	6	9,38	2	3,7	39	8,35	10	12,3	
		краевая ретушь	1	0,02	68	1,09	8	0,16	32	1,43	22	0,98	2	3,13	8	14,8	6	1,28			
		скребки	9	0,14	80	1,28	25	0,52			3	0,13	1	1,56							
		угловые резы	6	0,1	19	0,3	6	0,12													
		боковые резы			2	0,04					1	0,04	3	0,13							
		резчики			1	0,02	3	0,06					1	0,04							
		скобелки			4	0,06	12	0,25													
		с торцовой выемкой			1	0,02															
		с торцовой обработкой	1	0,02	4	0,06	2	0,04													
		сверла			1	0,02															
		проколки			1	0,02	2	0,04													
		развертки			6	0,12	5	0,1													
	итого	17	0,27	187	2,99	63	1,31	33	1,47	30	1,34	3	4,68	8	14,8	6	1,28	10	12,3		
	всего	87	1,38	554	8,86	288	6,01	114	5,06	93	4,04	9	14	10	18,52	45	9,68	10	12,3		

планировки		гельмана I		гельмана VIII		гельмана IX		гельмана X		гельмана XII		гельмана XIII		гельмана XIV		набай-пирозова I		набай-пирозова II		
характер исследования		раскопы																		
всего в коллекции		47146	100	112	100	8424	100	21761	100	4703	100	1309	100	6620	100	955	100	290	100	
инструменты	кильнообразные	6	0,01					2	0,01					4	0,06	2	0,23	2	0,69	
	каменные	12	0,03					8	0,4							3	0,35			
	карандашевидные																			
	призматические	1-площадочные	12	0,03					16	0,07			1	0,08	4	0,06	1	0,12	3	1,03
		2-площадочные	2	0,004					6	0,03										
	распределимые обломки	66	0,14					78	0,36	3	0,06			24	0,36	4	0,47	2	0,69	
	нулевидные предметы							17	0,06	10	0,21			9	0,14					
	сколы эмпилены	23	0,05					21	0,1					14	0,21			4	1,38	
	ребристые пластины	250	0,53					60	0,28	2	0,04	2	0,15	53	0,8			4	1,38	
	итого		373	0,79					206	0,95	15	0,32	3	0,23	108	1,63	10	1,2	15	1,72
пластины	без обработки	5048	10,71	62	62,63	6	0,07	3434	15,78	43	0,91	18	1,38	1456	2199	267	81,4	59	80,8	
	пластины с ретушо	515	1,09	19	19,19	3	0,04	540	2,78	13	0,38	35	2,67	401	6,06	121	14,7	14	4,83	
	с обработкой	сережки	977	0,8	8	8,08			515	2,37	6	0,12	1	0,06	268	4			2	0,69
		угловые резцы	124	0,26	1	1,01			61	0,28					42	0,63	22	2,59	8	1,03
		боковые резцы	16	0,03	1	1,01			52	0,24					13	0,2	4	0,47		
		срединные резцы	2	0,004																
		микрорезцы																2	0,2	
		резчики	14	0,03					6	0,03					11	0,17	6	0,7		
		трапеции	39	0,08	7	7,07			98	0,46					10	0,15				
		скобели	36	0,08	1	1,01			33	0,15	1	0,02			11	0,17	5	0,59	1	0,34
		с горизонтальной выемкой	11	0,02					8	0,04							14	1,65		
		с горизонтальной обработкой	14	0,03					20	0,09					6	0,09				
		со скошенным краем	6	0,01					3	0,01					3	0,05	26	3,06	2	0,69
		сверла	4	0,008					3	0,01					1	0,02				
		проколки	2	0,004					5	0,02										
		острия	8	0,02											2	0,03				
		разортки	14	0,03					17	0,08										
		наконечники	42	0,09					4	0,02	1	0,02			1	0,02				
		ножи	7	0,01											1	0,02				
		с притупленной спинкой							1	0,01					20	0,3				
выделелограммы													1	0,02						
итого		1231	2,61	37	37,37	3	0,04	1357	6,24	21	0,45	36	2,75	788	11,9	200	23,5	22	7,59	
оплочки	всего	6279	13,32	99	99,8	9	0,11	4791	22,02	64	1,36	54	4,13	2244	33,9	467	54,9	81	27,9	
	без обработки	39935	84,7			8342	99,02	13986	73,46	4555	96,85	1069	91,66	3864	5837	352	41,4	140	48,3	
	с обработкой	сережки	55	0,12			13	0,13	147	0,68	14	0,29	61	4,66	162	2,45	12	1,41	22	7,59
		серебра	12	0,03	2	2,01			3	0,01	2	0,04			4	0,06				
		скобели	24	0,05			7	0,08	32	0,15	1	0,02	8	0,61	33	0,5			3	1,03
		наконечники	6	0,012			8	0,09	37	0,17	11	0,23	27	2,06	15	0,23			4	1,38
		проколки							6	0,03										
		ножи	3	0,01					48	0,22	10	0,21	14	1,07						
		сверла							1	0,01										
		резцы	17	0,04			7	0,08	8	0,04	6	0,13	1	0,08	1	0,02			2	0,69
отщипы с ретушо	95	0,2			40	0,48	249	1,14	19	0,4	59	4,5	160	2,42	6	0,7	17	5,86		
итого		214	0,45			73	0,87	531	2,44	63	1,34	170	12,99	375	5,66	18	2,1	48	16,6	
прочие	всего	40149	85,16			8415	99,8	16527	75,9	4618	98,19	1239	94,65	4239	64,03	370	43,5	188	64,8	
	количество кремневых предметов	46798	99,26	101	100	8424	100	21516	98,87	4697	99,87	1296	99,01	6591	99,56	8511	89	284	97,9	
	ретушеры, отбойники	25	0,05					4	0,02			8	0,61	1	0,02			2	0,69	
	топоры	2	0,004					2	0,01											
	аплоты, наковальни	1	0,002					1	0,01											
	образные плитки	90	0,19					17	0,08			4	0,31	3	0,05	4	0,4	4	1,38	
	гесла	1	0,002																	
	долота																			
	присла							1	0,01											
	изделия из кости																			
нерезинка	228	0,48	11				220	1,01	6	0,13			25	0,38	104	10,9				
итого		347	0,74	11				245	1,13	6	0,13	13	0,99	29	0,44	108	11,3	6	2,06	

ТАБЛИЦА 3

памятники		Явленка III		Явленка IV		Явленка V		Явленка VI		Явленка VII		Виноградовка II		Виноградовка X			
целые	с обработкой	всего пластин	41	100	82	100	39	100	108	100	102	100	175		939	100	
		без обработки	1	2,44			1	2,56	7	6,48	9	8,82			11	1,17	
		краевая ретушь			2	2,44	1	2,56	2	1,85			2				
		скребки			2	2,44			1	0,93							
		угловые резцы															
		резчики															
		скобели															
		с торцовой ретушью														2	0,21
		сверла															
		ножи															
	итого			4	4,48	1	2,56	3	2,78			2	0,35	2	0,21		
проксимальные	с обработкой	всего	1	2,44	4	4,88	2	5,13	10	9,26	9	8,82	2	0,35	13	1,38	
		без обработки	19	46,34	13	15,85	7	17,95	36	33,33	25	24,51	142	24,7	238	25,35	
		краевая ретушь	1	2,44	16	19,51				3	2,77	13	12,75	15	2,61	45	4,79
		скребки	1	2,44	2	2,44	1	2,56	4	3,7	4	3,92	1	0,17	22	2,34	
		угловые резцы					1	2,56			2	1,96	1	0,17	6	0,64	
		резчики													2	0,21	
		скобели													6	0,64	
		с торцовой выемкой															
		с торцовой обработкой														2	0,21
		со скошенным краем														2	0,21
сверла																	
проколки					2	5,13											
острия																	
развертки																	
ножи																	
	итого	2	4,88	18	21,95	4	10,26	7	6,48	19	18,63	17	2,96	85	9,05		
медиальные	с обработкой	всего	21	51,22	31	37,8	11	28,21	43	39,81	44	43,14	159	27,65	323	34,4	
		без обработки	15	36,58	23	28,05	12	30,77	27	20,37	22	21,57	318	55,3	314	33,44	
		краевая ретушь	1	2,44	11	13,41	5	12,82	9	8,33	15	14,71	45	7,83	108	11,5	
		скребки			2	2,44	4	10,26	5	4,63			1	0,17	38	4,05	
		угловые резцы	1	2,44	2	2,44	1	2,56	3	2,77					17	1,81	
		боковые резцы													2	0,21	
		срединные резцы															
		резчики											2	0,35	5	0,53	
		трапеции							2	1,85					3	0,32	
		скобели													5	0,53	
с торцовой выемкой											1	0,17	1	0,1			
с торцовой обработкой							1	0,93			7	1,22	12	1,28			
со скошенным краем											1	0,17	6	0,64			
сверла																	
острия, проколки														1	0,1		
развертки											2	0,35					
наконечники									1	0,98			1	0,1			
ножи																	
с притупленной спинкой												1	0,17				
параллелограммы												1	0,17				
	итого	2	4,88	15	18,29	10	25,64	20	18,52	16	15,69	61	10,61	209	22,26		
дистальные	с обработкой	всего	17	41,46	38	46,34	22	56,41	42	38,89	38	37,25	379	65,91	523	55,7	
		без обработки	2	4,88	6	7,32	4	10,26	9	8,33	10	9,8	31	5,39	67	7,14	
		краевая ретушь			2	2,44			4	3,7	1	0,98	3	0,52	7	0,75	
		скребки															
		угловые резцы													1	0,1	
		боковые резцы															
		резчики															
		скобели															
		с торцовой выемкой															
		с торцовой обработкой														4	0,43
сверла																	
проколки			1	1,22										1	0,1		
с притупленной спинкой																	
	итого			3	3,66			4	3,7	1	0,98	4	0,7	13	1,38		
	всего	2	4,88	9	10,98	4	10,26	13	12,04	11	10,78	35	6,09	80	8,52		

Агроклиматический справочник по Северо-Казахстанской области. – Л.: Гидрометеиздат, 1958. – 128 с.

Акишев К.А. Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1959. – Т. 7. – С. 3–31.

Акишев К.А. Археология Казахстана: основные направления и итоги // СА. – М., 1978. – № 1. – С. 5–14.

Алпысбаев Х.А. Неолитическая стоянка в пещере Караунгур (Южный Казахстан) // Известия АН КазССР. Сер. общ.с 1969. – № 2. – С. 85–87.

Алпысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. – С. 227–240.

Алпысбаев Х.А. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977. – С. 93–103.

Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН СССР, 1960. – 487 с.

Бадер О.Н. Некоторые вопросы палеогеографии Урала и Северо-Восточной Европы в свете археологических данных // Материалы по четвертичному периоду СССР. – М.–Л., 1950. – Вып. 2. – С. 140–150.

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР (Материалы и исследования по археологии СССР / АН СССР, № 166. – М., 1970. – С. 157–171.

Бадер О.Н. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1974. – С. 225–230.

Бибикова В.И. К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы, // Бюл-

летень МОИП, отделение биологическое. – Т. 22 (3). – 1967. – С. 106–118.

Бижанов Е.Б. Неолитические памятники песков Картпайкум на Устюрте // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. – Ташкент: ФАН, 1973. – С. 210–211.

Бижанов Е.Б. Неолитические памятники юго-восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. – Ташкент: ФАН, 1978. – С. 18–78.

Бойко Т.А., Плешаков А.А. Разведочные работы в Атбасарском районе Целиноградской области. Отчет об исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1973 г. – Петропавловск, 1974. – Т. 2. – 47 с.

Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 1. – 226 с.

Будыко М.И. Климат и жизнь. – Л.: Гидрометеиздат, 1971. – 470 с.

Варанкин Н.В. Отчет об археологических раскопках поселения Ташково I / Архив ИА АН СССР. № 6996. – Свердловск, 1979.

Васильев И.Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1979. – 19 с.

Викторова В.Д. Археологическая теория в трудах В.А. Городцова // ВАУ. – Свердловск, 1977. – С. 5–14.

Виноградов А.В. Неолит Устюрта // История, археология и этнография Средней Азии. II. – М., 1968. – С. 64–75.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 180 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. – М.: Наука, 1975. – 288 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызыл-кумов // СА. – 1977. – №4. – С. 267–269.

Волков И.А. О происхождении Камышловского лога // Труды лаборатории аэрометодов АН СССР. – 1960. – Т. 9. – С. 294–298.

Волков И.А. К истории речных долин юга Западно-Сибирской низменности // Четвертичная геология и геоморфология Сибири. Труды Института геологии и геофизики АН СССР. Новая серия. – Новосибирск, 1962. – Вып. 27. – С. 34–48.

Волков И.А. О колебаниях климата позднеледниковья и раннего голоцена на юге Западно-Сибирской равнины // Геология и геофизика, 1971. – № 8. – С. 72–83.

Волошин В.С. Работы в Центральном Казахстане // АО-1975. – М.: Наука, 1976. – С. 516.

Волошин В.С., Мазниченко А.В. Работы в Целиноградской области // АО-1977. – М., 1978. – С. 511–512.

Габяшев Р.С. Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Казань, 1978. – 16 с.

Галахов Н.И. Изучение структуры климатических сезонов года. – М., 1959. – 213 с.

Гвоздовер М.Д. и др. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1. – С. 7–59.

Геннинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Кокуй I // ВАУ. – Свердловск, 1969. – Вып.8. – С. 30–47.

Геннинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.

Периодизация поселения эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 12–51.

Герасимов И.П. Эрозия и дефляция почв на территории Казахстана // Изв. АН КазССР. Серия почв. № 3. – Алма-Ата, 1946.

Герасимов И.П. Погребенные почвы и их палеогеографическое значение // Материалы совещания по изучению четвертичного периода. – М., 1961. – Т. 1. – С. 224–231.

Герасимов И.П., Величко А.А. Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М., 1974. – С. 231–234.

Глазовская М.А. Почвы Казахстана. // Очерки по физической географии Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 56–64.

Геблер И.В. Гидрогеологические очерки целинных земель (Актюбинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей). – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – С. 210.

Городецкая М.Е. Многолетние колебания уровней озер и их отражение в рельефе юго-запада Западной Сибири. Географические сообщения. АН СССР, Институт географии. – Вып. 2. – М., 1961.

Городцов В.А. Типологический метод в археологии. – Рязань, 1927. – С. 6.

Городцов В.А. Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоиевской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 годов // Техника обработки камня и металла. – М.: РАНИОН, 1930. – С. 15–43.

Дебец Г.Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (палеоэ-

нологический этюд) // Изв. Ассоциации НИИ при физ.-мат. фак. МГУ. 1930. – Т. 3. – № 2-А. – С. 151–169.

Демидовская Л.Ф. Колочные леса Северного Казахстана, их типы и особенности возобновления: Автореф. дис. ... канд.с.-х. наук. – Алма-Ата: Ин-т ботаники, 1961. – 23 с.

Долуханов П.М. География каменного века. – М.: Наука, 1979. – 152 с.

Дурасов А.М. Почвы Северного Казахстана. – Алма-Ата, 1958. – 68 с.

Зайберг В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. – 1973. – Вып.134. – С. 106–113.

Зайберг В.Ф. Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области // АО-1976. – М., 1977.

Зайберг В.Ф., Плешаков А., Зайтов В., Кисленко А., Даниленко Т. Разведочные работы в Северном Казахстане. – В кн.: Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977, – С. 512–513.

Зайберг В.Ф., Плешаков А.А. Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинка // СА. – 1978. – № 1. – С. 242–250.

Зайберг В.Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО-1980. – М., 1981, – С. 435–436.

Зайберг В.Ф., Зайтов В.И. Отчет о полевых археологических исследованиях в Северном Казахстане в 1979 г. – Т. 1. Раскопки стоянки Виноградовка II (1979 г.) – 30 с.

Зайберг В.Ф., Зайтов В.И. Археологические исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1976 г. – Т. 1. Челябинск-Петропавловск, 1977. Зайберг В.Ф., Зайтов В.И., 1976 г. Неолитическая мастерская Тельмана I. – 24 с.

Зайберг В.Ф., Даниленко Т.С. Археологические исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1976 г. Т. 1. Челябинск-Петропавловск, 1977. Зайберг В.Ф., Даниленко Т.С. Поселение Тельмана VIII, 1976 г. – 74 с.

Зайберг В.Ф. Разведочные работы в Макинском районе Акмолинской области. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1992 г. – Петропавловск, 1993. – С. 96–100.

Зайберг В.Ф., Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Северного Казахстана в 2005 г. – Петропавловск, 2006. – С. 1–18.

Зайберг В.Ф., Миллер С.О. Разведочные обследования в Кокчетавской области. Отчет о научно-исследовательской работе «Исследования Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1989 г.». – Т. I. – Петропавловск, 1990. – 70 с.

Зайберг В.Ф. Природно-экологические и общественные факторы в развитии производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Тез. симп. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 63–64.

Збруева А.В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // ВДИ. – 1946. – №3. – С. 182–190.

Зданович Г.Б., Зайберг В.Ф. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1971 г. – Т. 1. Раскопки стоянок каменного века на р. Чаглинка. – Петропавловск, 1972. – 30 с.

Зданович Г.Б., Зайберг В.Ф. Раскопки стоянки у с. Куропаткино. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1974 г. – Петропавловск, 1975. – 57 с.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Археологические работы в Северном Казахстане // АО-1967. – М.: Наука, 1968, – С. 320–321.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я., Зайберт В.Ф. Работы в Северном Казахстане // АО-1971. – М.: Наука, 1972. – С. 496–497.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я., Зайберт В.Ф., Бойко Т.А., Хабдулина М.К. Работы в Северном Казахстане. // АО-1972. – М.: Наука, 1973. – С. 447–449.

Зданович Г.Б. Полевые исследования СКАЭ // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15. – С. 59–61.

Зданович Г.Б., Зданович С.Я., Зайберт В.Ф., Хабдулина М.К. Исследования в Северном Казахстане. – В кн.: Археологические открытия 1973 года. – М.: Наука, 1974. – С. 469–470.

Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1975. – 60 с.

Зданович С.Я., Зданович Г.Б., Малютин Т.О., Хабдулина М.К. Работы в Целиноградской области. – В кн.: Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 520–521.

Зданович Г.Б., Хабдулина М.К., Бойко Т.А. Разведочные обследования рек Ишим, Чаглинка, Жабай. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской экспедиции в 1970 г. – Т. 2. – Петропавловск, 1971. – 47 с.

Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. – 1984. – № 4. – С. 35–48.

Захарук Ю.Н. О методологии археологической науки и ее проблемах // СА. – 1969. – №3. – С. 11–20.

Захарук Ю.Н. О понятии «факт» в археологической науке // СА. – 1977. – № 4. – С. 30–40.

Иванов И.В. Изменение почв и природных условий степной зоны СССР в голоцене. – Пушкино: Изд-во НЦБИ, 1984. – 28 с.

История Казахской ССР. – Алма-Ата, 1977. – Т. 1.

Калинин Л.А и др. Абсолютный возраст позднеплейстоценовых отложений Каспийского моря по данным радиоуглеродного метода // Проблемы периодизации плейстоцена. – Л., 1971.

Каменецкий И.С, Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников. – М., 1975. – 174 с.

Кассин Н.Г. Материалы по палеографии Казахстана. – Алма-Ата.: Наука, 1947. – 258 с.

Кисленко А.М. Разведочные работы в Кокчетавской области. Отчет о научно-исследовательской работе Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. – Петропавловск, 1991.– С. 34–87.

Кисленко А.М., Миллер С.О., Плешаков А.А. Разведочные работы в Балкашинском районе. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в Северном Казахстане в 1991 г.». – Петропавловск, 1992. – 116 с.

Клапчук, М.Н. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 году // СА. – 1965. – № 2. – С. 212–216.

Клапчук М.Н. Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // БКИЧП. – 1969. – №36. – С. 108–118.

Клапчук, М.Н. Стоянка Караганда 15 // СА, 1970 № 4. – С. 153–160.

Клейн Л.С. Три процедуры археологического исследования // ВАУ. 1977. – Вып. 14. – С. 15–24.

Клейн Л.С. Археологические источники. – Л. Изд. ЛГУ, 1978., – 118 с.

Кожамкулова Б.С. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. – Алма-Ата, 1969. – 149 с.

Кольцов С.В. Ишимская стоянка // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1956. – Т. 1. – С. 266–267.

Косарев М.Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тыс. до н.э.) // СА. – 1971. – №2. – С. 39–51.

Косарев М.Ф. Колебания климата и человек в Западной Сибири // Природа. – 1973. – №12. – С. 63–65.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

Косменко М.Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. 1972. № 3. – С. 3–16.

Костенко Н.Н., Башанов В.С. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – 109 с.

Костенко Н.Н. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. – Алма-Ата, 1963. – 75 с.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. № 158. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – 216 с.

Коробкова Г.Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии // КСИА. – 1970. – Вып. 122. – С. 21–26.

Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. 1978. Вып. 153. – С.103–108.

Крайнов Д.А, Хотинский Н.А Хронология и палеографический фон древнейших неолитических поселений Центра Русской равнины // Первобытный человек и природная среда. – М., 1974. – С. 42–68.

Крижевская Л.Я. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии // МИА. – М.-Л., 1960. № 79. – С. 239–280.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – 183 с.

Крижевская Л.Я. Южные связи уральских культур в эпохах позднего каменного века. – Л.; Будапешт, 1975. – С.161–179.

Крижевская Л.Я. К вопросу о нижней границе неолита степей Северо-Восточного Причерноморья // КСИА. 1978. Вып. 153. – С. 49–52.

Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен // Тезисы «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». – М., 1974.

Логвин В.Н. Работы Тургайского музея // АО - 1975. – М.:Наука. 1976. – С. 491–492.

Логвин В.Н. Новый памятник каменного века Кустанайской области // СА. 1977. №4. – С. 270–275.

Логвин В.Н., Калиева С.С. Терсекские памятники Тургайского прогиба // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1986. – С. 57–80.

Любин В.П. К вопросу о методике изучения нижне-палеолитических каменных орудий // МИА. – 1965. – № 131. – С. 7–75.

Маргулан А.Х., Агеева Е.И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР // Изв. АН КазССР. Сер. археолог. – Вып. 1. – Алма-Ата, 1948. – С. 129–135.

Маргулан А.Х. Третий сезон археологических исследований в Центральном Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. археолог. – Вып. 3. – Алма-Ата, 1951. – С. 3–52.

Марков Г.Е. Раскопки первобытной стоянки Оюклы // Вестник МГУ. Серия IX, история. № 3. – М., 1961. – С. 67–82.

Матюшин Г.Н. Новые неолитические памятники Башкирии // КСИА. – 1962. – Вып. 92. – С. 91–96.

Матюшин Г.Н. Следы мезолитических следов на неолитических стоянках Южного Урала и Зауралья // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. – М., 1964.

Матюшин Г.Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. – М., 1970. – 196 с.

Матюшин Г.Н. Пути проникновения производящего хозяйства в Европу // Тезисы «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». – М., 1974.

Матюшин Г.Н. К вопросу о раннем неолите Урала // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 25–32.

Матюшин Г.Н. О методах классификации кремневого инвентаря // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. – Иркутск, 1975. – С. 11–14.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. – М., 1976, – 386 с.

Матющенко В.И. Омская стоянка // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск, 1966. – С. 79–93.

Логвин В.Н. Поздненеолитическое поселение Амангельды I: Тезисы докладов УСАК. – Курган, 1973.

Медведев Г.И. К проблеме формально-типологического анализа каменных изделий палеолитических и мезолитических индустрий (номенклатура деталей наглядных изделий) // Проблемы терминологии и анализа археологических источников. – Иркутск, 1975. – С. 21–42.

Медоев А.Г. Каменный век. Сары-Арка в свете новейших исследований // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. – 1964. – Вып. 6. – С. 89–98.

Медоев А.Г. Топография стоянок каменного века в Северном Балхашье // Вестник АН КазССР. – 1965. – № 5. – С. 85–88.

Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. – 1975. – Вып. 141. – С. 113.

Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. – 1977. – Вып. 149. – С. 100–108.

Мелентьев А. Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // КСИА. – 1978. – Вып. 153. – С. 99–102.

Мерц В.К. Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Сер. историч. – 2006. – №2 (41). – С. 147–153.

Миллер С.О. Разведочные работы в Балкашинском районе. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в Северном Казахстане в 1991 г.». – Петропавловск, 1992. – С. 14–31.

Миллер С.О. Разведочные работы в Кокчетавском и Красноармейском районах. Отчет

о научно-исследовательской работе. – Т. 2. Исследования в Кокчетавской области в 1988 г. – Петропавловск, 1989. – 70 с.

Миллер С.О. Разведочные работы в Кокчетавской области. Отчет о научно-исследовательской работе Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1990 г. – Петропавловск, 1991. – С. 29, 58.

Нейштадт М.И., Гуделис В.К. Проблема голоцена // Вопросы голоцена. – Вильнюс, 1961. – С. 5–44.

Нейштадт М.И. Введение // Голоцен. К VIII конгрессу INKWA. – М, 1969. – С. 5–12.

Николаев В.А. Антропогенный этап в истории степной Западной Сибири и Казахстана // Вестник МГУ. Сер. география. – 1977. – №3. – С. 17–23.

Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. – 1941. IX. – С. 5–14.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. – 1950. – №18. – 412 с.

Петров А.И. Разведки в Омской области // АО-1973. – М., 1974. – С. 11–19.

Плешаков А.А. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 г. Раскопки стоянок в Виноградовском микрорайоне. – Петропавловск, 1981.

Плешаков А.А. Разведочные работы в Атбасарском районе Акмолинской области. Отчет об исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1992 г. – Петропавловск, 1993. – 102 с.

Плешаков А.А. Обследования археологических памятников на реке Баксук. Отчет о

полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1974 г. – Петропавловск, 1975. – 57 с.

Плешаков А.А. Разведочные работы по реке Жабай. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования в Северном Казахстане в 1972 г.». – Петропавловск, 1972. – С. 29, 82–83.

Плешаков А.А., Кисленко А.М. Раскопки стоянки Виноградовка XIV. Отчет о полевых археологических исследованиях в Северном Казахстане в 1979 г. – Т. 1. – Петропавловск, 1981. – 30 с.

Плешаков А.А. Раскопки стоянок в Виноградовском микрорайоне. Отчет о полевых исследованиях Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1980 г. – Петропавловск, 1981. – 137 с.

Потемкина Т.М. Отчет Курганского пединститута об археологических исследованиях на территории Курганской области в 1972 г. // Архив ИА Р-И. № 4698.

Потемкина Т.М. Работы Тоболо-Иртышского отряда // АО-1977. – М., 1978. – С. 272–274.

Почвы и растительность Западной Сибири // ОЕКУ. – Казань, 1900. – Т. 35. – Вып. 2.

Предтеченский П.П. Очерк позднеледниковой и послеледниковой истории климата // Труды лаборатории озероведения. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 5. – С. 86–115.

Природное районирование Северного Казахстана. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1970. – 468 с.

Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан. – Л.: Наука, 1969. – 503 с.

Растительность степей Северного Казахстана. Геоботаника // Труды Бот. ин-та им. В.Л.

Комарова. Серия III. Геоботаника. – М.–Л., 1961. – Вып. 13. – С. 133–397.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Труды ГИМ, – М: Гос. изд-во культурно-просвет. лит., 1956. XXIX. – 152 с.

Раушенбах В.М. Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Труды ГИМ. – 1966. – Вып. 40. – С. 16–28.

Ресурсы поверхностных вод районов освоения целинных и залежных земель. – Вып. 5. Северо-Казахстанская область. КазССР. – Л., 1960.

Рычагов Г.И. Голоценовая трансгрессия Каспийского моря // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене (тезисы докладов). – М., 1977.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // АЭБ. – Уфа, 1962. – Т. 1. – С. 16–58.

Самашев З., Ермолаева А.С., Тепловодская Т.М. Исследования поселения эпохи палеометалла Токсанбай в Арало-Каспийском междуречье // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей // Матер. междунар. конф. (25 авг. – 2 сент. 1999 г., Челябинск – Аркаим). – Челябинск, 1999. – С. 178–185.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы: Аруна, 2007. – 496 с.

Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область. – Алматы: Аруна, 2009, – 568 с.

Синицын И.В. Археологические исследования в нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. – 1951. XXXVII. – С. 97–105.

Старков В.Ф. К вопросу о периодизации Зауральского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 3–11.

Старков В.Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА. – 1980. – Вып. 153. – С. 90–92.

Стороженко Д.М. Почвы мелкосопочника Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1952. – 124 с.

Татаринцева Н.С., Зайберт В.Ф. Раскопки стоянки Виноградовка XIII. Отчет о полевых археологических исследованиях в Северном Казахстане в 1979 г. – Т. 1. – Петропавловск, 1980. – 30 с.

Толстов С.П. Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. – 1941. – № 1. – С. 204–215.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М., 1948. – 352 с.

Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 12–51.

Фельдман Я.И. Климат Северного Казахстана. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 42 с.

Фиалков Я.И. Применение геодезических методов при изучении движений земной коры в Западной Сибири. Материалы по геологии, гидрометеорологии, геофизике и полезным ископаемым Западной Сибири // Труды СНИИГТИМС. Сер. нефтяная геология. – 1961. Вып. 7. – С. 14–100.

Филкин В.А. Современное тектоническое движение и геоморфологические особенности района трассы повторного нивелирования Челябинск-Курган. Современные тектонические движения земной коры и методы их изучения. – М., 1961. – С. 114–118.

Николаев В.А. Географические формации и пути рационального освоения и охраны земельных ресурсов южных окраин Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 8–40.

Белецкая Н.П. О геоморфологии Северо-Казахстанской области // Вопросы региональной географии Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во КазПИ, 1983. – С. 59–63.

Мартынов В.А. Верхнеплиоценовые и четвертичные отложения южной части Западно-Сибирской низменности. Четвертичный период Сибири. – М., 1966. – 278 с.

Форд Д. Количественный метод установления археологической хронологии // СЭ. – 1962. – № 1. – С. 32–43.

Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. – 1949. – Вып. 25. – С. 49–58.

Формозов А.А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связь с ландшафтом // ВКИЧП. – 1950. – № 15. – С. 65–75.

Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем // КСИИМК. – 1950. – Вып. 31. – С. 141–147.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 115–121.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. – Вып. 39. – 1951. – С. 3–18.

Формозов А.А. Доандроновское погребение в Казахстане // КСИИМК. – 1956. – Вып. 63. – С. 153–155.

Формозов А.А. Использование подъемного материала с дюнных стоянок в археологических исследованиях // КСИИМК. – 1959. – Вып. 75. – С. 161–163.

Формозов А.А. Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. – 1959. – №2. – С. 47–59.

Формозов А.А. О роли Закаспийского и Приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. – 1972. – № 1. – С. 17–26.

Формозов А.А. Животный мир // Природные условия и естественные ресурсы СССР. Казахстан. – М.: Наука, 1969. – С. 256–286.

Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. – 1952. – № 29. – 280 с.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 395 с.

Хотинский Н.А. Некоторые вопросы хронологии и палеографии голоцена Среднего Урала // ВКИЧП. – 1968. – № 35. – 198 с.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. – М., 1977. – 200 с.

Хотинский Н.А. Результаты пыльцевого анализа отложений в районе стоянки Виноградовка II // Приложение к статье В.Ф. Зайберга и Т.М. Потемкиной. К вопросу о мезолите... – С. 107–130.

Худяков В.В. Разведочные работы в Атбасарском и Астраханском районах Акмолинской области. Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции за 1993 г. – Петропавловск, 1993.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Наука, 1970. – 280 с.

Чалая Л.А. О типах неолитических стоянок // Вестник МГУ. Сер. история. – 1970. – №6. – С. 309–327.

Чалая Л.А. Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахстана // По следам

древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 241–250.

Чалая Л.А. Новые материалы по неолиту Казахстана // Вестник МГУ. – 1970. – № 6. – С. 79–86.

Чалая Л.А. Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 1971. – 24 с.

Чалая Л.А. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука 1973. – С. 188–203.

Чалая Л.А. Локальные группы и хозяйство неолитических племен Северо-Восточного и Центрального Казахстана // Вестник МГУ. – 1973. – № 4. – С. 70–85.

Чалая Л.А. К вопросу о культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С. 192–195.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиск и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 163–171.

Чернецов В.Н. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК. XVII. – М.–Л., 1947. – С. 79–91.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – № 35. – М.: Академия наук СССР, 1953. – С. 7–71.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41–53.

Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. – 1952. XI, VIII. – С. 88.

Черников С.С. Основные проблемы археологического изучения Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. истор. – 1950. – Вып. 5. – С. 63–70.

Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИА. – 1956. – Вып. 64. – С. 43–60.

Черников С.С. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК. – 1957. – Вып. 69. – С. 12–21.

Черников С.С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г. // КСИИМК. – 1959. – Вып. 73. – С. 99–106.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. – М., 1970. – 60 с.

Черников С.С. Локальные и хронологические группы в неолите Казахстана // Каменный век Средней Азии и Казахстана: Тезисы докладов. – Ташкент: ФАН, 1972. – С. 59–62.

Шалагин А.Г. Разведочные обследования в Кокчетавской районе. Отчет о научно-исследовательской работе. Т. 3. Археологические исследования в Кокчетавской области в 1987 г. – Петропавловск, 1988. – С. 6, 15, 16, 26, 27, 28–29.

Шалагин А.Г. Разведочные обследования археологических памятников и охранные работы в Зерендинском районе Кокчетавской области. Отчет о научно-исследовательской работе Северо-Казахстанской археологической экспедиции в 1988 г. – Т. 4. Археологические исследования в Кокчетавской области. – Петропавловск, 1989. – С. 6–10, 12, 15–16, 30–31.

Шанцер Е.В., Микулина Т.М., Малиновский В.Ю. Кайнозой центральной части Казахского щита. – М., 1967. – 369 с.

Шнитников А.В. Общие черты циклических колебаний уровня озер и увлажненности

Евразии в связи с солнечной активностью // Бюлл. комиссии по исследованию Солнца. – М., 1949. – № 3, 4. – С. 65–78.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического общества СССР. Новая серия. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 16. – 339 с.

Шнитников А.В. Общие черты циклических колебаний уровня озер и увлажненности Евразии в связи с солнечной активностью // Бюлл. комиссии по исследованию Солнца. – М., 1949. – № 3, 4. – С. 24–29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН ТССР – Академия наук Туркменской ССР
АО – Археологические открытия
БГУ – Башкирский государственный университет
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВНК – Всесоюзная научная конференция
ГУГК – Главное управление геодезии и картографии
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук
ИА – Институт археологии
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИМКУз – Институт материальной культуры Узбекистана
КД – Каракумские древности. Ашхабад
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА – Ленинградское отделение института археологии
ЛЭП – линия электропередач
МАГК – Тбилиси
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКТ – Материалы конференции Таджикистана
МЭ – Материалы экспедиции
ОНУз – Общественные науки в Узбекистане
ПТ – Памятники Туркменистана
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКАЭ – Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СНГ – Содружество Независимых Государств
СЭ – Советская этнография
ТД – Тезисы докладов
ТДК – Тезисы докладов конференции
ТДСПИПАИ – Тезисы докладов. Сообщения о полевых исследованиях по проблемам археологических исследований
ТомГУ – Томский государственный университет
ТС – Тезисы сообщений
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции Ашхабад
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской Академии наук

«Қазақстан археологиясы. Деректер мен зерттеулер» сериялық басылымының I томына алғысөз.....	14
Предисловие к I тому серийного издания «Материалы и исследования по археологии Казахстана».....	15
Введение	16
I. Природная среда и палеогеографические данные Приишимья в эпоху голоцена	21
II. Методология и методы исследования источников	35
III. Памятники атбасарской культуры	41
3.1. Археологические объекты Явленского микрорайона.....	42
3.2. Археологические объекты Виноградовского микрорайона.....	46
3.3. Археологические объекты Тельманского микрорайона.....	70
3.4. Археологические объекты Акканского микрорайона.....	96
3.5. Археологические объекты Кургальджинского микрорайона	99
3.6. Археологические объекты, открытые в 1980-е и 2000-е годы СКАЭ и КАЭ	100
IV. Хронология, вопросы культурно-исторической принадлежности памятников атбасарской культуры, их место в неолите Казахстана	127
V. Реконструкция орудийного комплекса и элементов хозяйства на основе трасологического анализа артефактов	139
Атбасар мәдениеті	175
Atbassar Culture	203
Заклучение	230
Подрисуночные подписи Суреттерге түсініктеме Image related texts	232
Приложение 1. Археологические объекты и артефакты	246
Приложение 2. Типолого-статистические данные по памятникам и артефактам (графики, таблицы)	333
Литература Әдебиет Literature	339
Список сокращений	350

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА
Том I

ВИКТОР ЗАЙБЕРТ
АНАТОЛИЙ ПЛЕШАКОВ
АСКЕРБЕК ТЮЛЕБАЕВ

АТБАСАРСКАЯ КУЛЬТУРА

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РЕДАКТОР А. АЙДАРБЕКОВА
КОРРЕКТОР А. ИРГЕБАЕВА
ДИЗАЙН И ВЕРСТКА: Е. САМСОНОВА

Рекомендовано к печати филиалом Института археологии
КН МОН РК в г. Астана

Рецензент Ж. Курманкулов

Подписано в печать
Формат 86x108/16
Бумага мелованная
Тираж 300 экз.
Заказ № 3855

Отпечатано с файлов заказчика в ПК «Экожан»
г. Караганда, ул. Садоводов, 14
Тел./факс: 8 (7212) 44-23-60, 44-23-68, 43-31-78